КРД-С
Б-1444439

А.Л.МОНГАЙТ

РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ

5477
Ct

Аб.
Не выдавать

п. N 303-88

ISBN 5-1444438

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

902.6
М77
Ков-ч
63.4(2Рос-4Ряз)
М77

А. Л. Монгайт

РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ

24425-20

Львівська державна
обласна бібліотека
ім. Я. Галана
ЧИТАЛЬНИЙ ЗАЛ

Б-1444439

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА им. ГОРЬКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА
1961

Ответственный редактор
Н. Н. ВОРОНИН

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

I

Источники изучения истории Рязанской земли и историография

I

Введение. Общие замечания. Хронологические границы исследования

Почти сто лет назад, когда русская археология делала еще свои первые шаги, историки уже возлагали на нее надежды и предвидели возможность решения в будущем некоторых неразрешимых в их время проблем на основании археологических данных. Автор изданной в 1858 г. «Истории Рязанского княжества». Д. И. Иловайский в предисловии к своей книге писал: «Главным источником для моего труда послужили русские летописи, преимущественно северные». Отмечая, что в ряде вопросов «историк встречает сильные затруднения по крайней скудости источников и отсутствию предварительных исследований», он высказывал предположение, что эти вопросы останутся нерешенными, «пока русская археология и филология не приведет в известность и не объяснит хотя наиболее замечательных памятников рязанской письменности, а равно и памятников искусства, принадлежащих рязанскому краю». Понимая, что археологические исследования внесут нечто новое в изучение истории Рязани, Д. И. Иловайский, однако, отводил археологии весьма скромную роль, полагая, что она может помочь лишь «отчетливому изображению древнерязанского быта». Успехи русской первобытной и средневековой археологии позволили археологам на основании большого количества отдельных фактов, тщательно и терпеливо накопленных в течение десятков лет, взяться за решение более сложных задач, чем только изучение быта, прийти к более широким выводам и общим заключениям.

Настоящая книга представляет собой опыт создания «областной» истории, основанной на комплексе исторических источников, в котором археологические данные играют немаловажную роль. Многие археологические материалы, долго хранившиеся в музеях и архивах, в данной книге публикуются впервые; часть из них добыта экспедицией, руководимой автором, работавшей в Рязанской области в течение последних 15 лет.

Эти материалы позволили не только по-новому рассмотреть некоторые ранее известные факты рязанской истории, но и значительно хронологически углубить ее. Для того чтобы очертить хронологические рамки нашего исследования, остановимся на самом термине «Рязанская земля».

Термины «земля» или «волость», «область» употреблялись в древней Руси для обозначения территории, объединенной одной верховной властью.

Поэтому для современного историка древней Руси термины «земля» и «княжество» являются взаимозаменяемыми. Применяя термин «Рязанская земля», я имею в виду именно территорию, землю в тесном смысле слова. Это дает право говорить о Рязанской земле еще в тот период, когда Рязанского княжества не существовало, как о территории, которая позже была этим княжеством занята. Основное ядро Рязанского княжества находилось в пределах среднего течения р. Оки. История населения этого района, жившего здесь до появления славян, тесно связана с последующей эпохой — славянской колонизации и возникновения Рязанского княжества. Еще задолго до образования Рязанского княжества судьбы племен, населявших его будущую территорию, и славян были тесно связаны. Через земли этих племен шел важнейший для всей Восточной Европы торговый путь, по которому двигались славянские купцы. Колонизационный поток славян, несколько потеснивший местное население, вместе с тем внес коренные изменения в политическую и экономическую жизнь северо-востока Восточной Европы.

В силу изложенного я начинаю свой очерк с истории населения бассейна среднего течения р. Оки в I тысячелетии до н. э., с эпохи возникновения здесь культуры городецких городищ, созданной предками мордовских племен. Вся предшествующая история данной территории, так же как и вопрос о происхождении культуры городецких городищ, остаются за пределами нашего исследования. Письменные источники, касающиеся населения бассейна среднего течения р. Оки, восходят к IX—X вв. н. э. Таким образом, археологические данные позволяют углубить историю Рязанской земли почти на полторы тысячи лет.

Понятие «Рязанская земля» не исчезает даже в период, когда Рязанское княжество уже не существовало, когда оно вошло в состав Московского государства, так как долго еще сохранялись следы прежней автономии.

История Рязанской земли XIV—XVII вв. не входит в наше исследование. Я заканчиваю его XIII веком, эпохой монгольского завоевания, послужившего важным рубежом в развитии русской культуры. Эта хронологическая граница принята также и потому, что именно для домонгольской эпохи большое значение имеют археологические данные. Дальнейшие судьбы Рязанской земли должны быть предметом исследования историка, опирающегося главным образом на письменные источники.

Однако, когда речь идет о кратком изложении данных археологических раскопок того или иного памятника, я выхожу за первоначально намеченные хронологические рамки, чтобы дать читателю представление о результатах раскопок в целом, поскольку в большинстве случаев они публикуются впервые. Так, по ряду памятников я публикую здесь и материалы, не имеющие, на первый взгляд, прямого отношения к теме, например, относящиеся к XIV—XVI вв. Но они важны в смысле оценки роли монгольского завоевания для судеб древнерусской культуры.

Археологические данные не только позволяют осветить историю Рязанской земли на несколько столетий глубже, чем это допускали письменные источники, но и пересмотреть некоторые вопросы, освещенные этими источниками. Таков, например, вопрос о русской колонизации Волго-Окского междуречья и среднего течения р. Оки, бывший неоднократно предметом внимания крупнейших исследователей русской истории, приходивших к выводу, что этот процесс протекал в довольно позднее время, в XII в. М. П. Погодин выдвинул гипотезу о переселении населения Киевской Руси в Волго-Окское междуречье во времена Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского. Эта мысль была развита С. М. Соловьевым. В. О. Ключевский также придерживался взгляда о колонизации северо-восточных областей населением Киевщины в XII в. Эту теорию поддерживал и М. Н. Покров-

ский. С. Ф. Платонов, М. К. Любавский, Ю. В. Готье видели в процессе расселения славян стремление к захвату новых земель и считали, что оно протекало мирно, так как эти земли были слабо заселены. М. В. Довнар-Запольский усматривал причины колонизации в стремлении к захвату торговых путей. Мы не касаемся в настоящей работе этой проблемы в целом. Речь идет лишь о Рязанской земле. Но приведенные ниже материалы показывают ошибочность указанных взглядов на время и формы колонизационного движения. Можно утверждать, что было два этапа колонизации: ранний — IX—X вв., наиболее важный, и второй, относящийся к XII в., и что колонизация шла не в пустынные районы, а в густо заселенный край.

Окраинные русские земли, лежащие в стороне от важнейших магистралей русской истории, таких как Киев — Новгород, Владимир — Москва, редко привлекали внимание в старой историографии, т. к. считалось, что их роль была второстепенной. Вместе с тем предполагалось, что историческая жизнь окраинных земель коренным образом отличалась от жизни крупных центров. Однако исторический процесс в Восточной Европе состоял из ряда взаимосвязанных явлений и даже в период сильнейшей феодальной раздробленности ни одна из русских земель не была замкнутым миром, живущим в изоляции от остальной Руси. В данной книге, наряду с другими задачами, поставлена задача показать роль Рязанской земли в Общерусской истории и то что исторический процесс на окраинных землях протекал по тем же законам и в близких формах к явлениям в важнейших центрах древней Руси.

Было бы, однако, преувеличением утверждать, что археологические данные позволяют теперь разрешить все вопросы истории Рязанской земли. Эти данные пока в значительной части отрывочны, целого ряда объектов археологические исследования коснулись лишь в незначительной степени. Археология по самому характеру своих источников не может дать ответа на некоторые вопросы, на первый взгляд, относящиеся к области ее исследования. Так, внешние экономические и культурные связи хорошо выявляются по привозным вещам, но мы пока ничего не можем сказать о внутрирусской торговле, об обмене, скажем, между Киевом и Рязанью, так как материальная культура обеих областей почти одинакова и отличить киевские вещи в Рязани или рязанские в Киеве, за редкими исключениями, нельзя.

В отличие от археологических источников, количество которых по существу неисчерпаемо и по мере развития исследований непрерывно возрастает, письменные источники, касающиеся ранней русской истории, почти все опубликованы, и новые открытия здесь сравнительно редки. И все же имеется группа источников, научное издание которых в последние годы представляется открытием. Я имею в виду известия о Руси восточных авторов, новые публикации и критические исследования которых значительно расширили круг этих источников и позволили по-иному взглянуть на некоторые из них. (Следует особо отметить публикацию в Мадриде в 1953 г. труда путешественника XII в. Абу Хамида ал-Гарнати, по-видимому, побывавшего в Рязанской земле.)

Для решения некоторых вопросов рязанской истории нами привлечены и подвергнуты подробному анализу данные восточных источников, мало использованные нашими предшественниками. В частности, на основании этих источников и археологических данных я попытался показать значение волго-окского торгового пути, шедшего и через Рязанскую землю.

Я стремился использовать в своем исследовании все виды источников, в том числе данные антропологии, этнографии, лингвистики,— в той мере, в какой это может сделать неспециалист.

Перехожу к характеристике отдельных видов источников по истории Рязанской земли.

II

Письменные источники. Вопросы реконструкции рязанской летописи. Рязанские известия в Никоновской летописи. Характеристика рязанского летописания. Повесть о разорении Рязани Батыем. Муромские легенды. Известия иностранцев.

Основными историческими источниками для эпохи феодализма являются письменные. Археологические источники для поздних эпох могут играть лишь вспомогательную роль, но для истории Рязанской земли они приобретают несколько большее значение вследствие скудости письменных источников, в особенности ввиду утраты рязанских летописей.

Рязанские летописи до нас не дошли. Вопрос о том, существовали ли они когда-либо, решается положительно на основании местных рязанских записей, попавших в общерусские своды и, очевидно, заимствованных из каких-то утраченных рязанских летописей. Эти записи не оставляют никакого сомнения в существовании рязанского летописания [1].

Сложнее вопрос о том, каким было это летописание. Было ли это непрерывное повествование, подобное киевскому, или отдельные случайные записи? Когда началось рязанское летописание, какая часть известий о Рязани, проникших в общерусские своды, записана в самой Рязани и какая записана в тех городах, где своды составлялись?

Немногочисленные летописные сведения о Рязани могут быть разделены на 3 группы: к первой следует отнести те, которые записаны не в Рязани; ко второй — те, которые могли быть записаны и в самой Рязани, и вне ее; к третьей группе — те, которые по своему характеру, по своей определенности ясно указывают на местное их происхождение.

Большая часть первых содержится во владимирских летописях [2]. Это сведения о ближайших и очень беспокойных соседях Владимиро-Суздальской Руси, записанные летописцем как факты, непосредственно касающиеся его княжества. Он не щадит красок для описания злонравия рязанских князей, он сочувствует победам владимиро-суздальской рати, он так неприкрыто тенденциозен и так подробно знает все, что относится к этим событиям, что не приходится сомневаться в том, что эти сведения не заимствованы из рязанского первоисточника, а были хорошо известны владимирскому летописцу и записаны им. Таково описание многочисленных походов Всеволода Большое Гнездо на рязанских князей, его вмешательства в их внутренние споры, участия рязанцев в походах владимиро-суздальских князей и т. п. Эти сведения, крайне важные для истории Рязани вообще, ничего не дают для решения вопроса о рязанском летописании.

Вторая группа — сообщения о фактах, значительных для Рязани и для других русских княжеств; эти сообщения обычно не выдают своего автора, кроме двух-трех случаев, когда в рязанском эпизоде событий слышится

[1] См. К. Н. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868, стр. 58, 139, 156; И. Тихомиров. О Лаврентьевской летописи. ЖМНП, 1884, № 10, стр. 265; А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов. М., 1938, стр. 19, и др.; В. С. Иконников. Опыт русской историографии. Киев, 1908, т. II, кн. 1, отдел II, стр. 1049—1055; Д. И. Иловайский. История Рязанского княжества. М., 1858, стр. 302.

[2] Летописание Владимира-на-Клязме отразилось в Лаврентьевской летописи и сходных с ней летописных списках — Радзивилловском, «Летописце Переяславля Суздальского» и Московском академическом списке. (А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. Л., 1938, главы I, III, IV и XIX).

голос непосредственного наблюдателя. Для решения вопроса о рязанском летописании наибольшее значение имеет третья группа сведений. Они немногочисленны и крайне отрывочны [3]. Это обычно краткие записи, без отступлений, без нравоучений, свойственных другим летописцам.

Почти все сообщения о Рязани, свидетельствующие о местных записях, содержатся в Никоновской летописи. Некоторые сообщения, имеющиеся и в других летописях, в Никоновской более подробны. Так, например, список плененных Всеволодом в 1177 г. рязанцев, содержащийся в Лаврентьевской, Новгородской I, Воскресенской и других летописях, только в Никоновской пополнен именем воеводы Якова Деденкова [4]. Характерно, что выписки делались составителем Никоновского свода в определенном порядке: в конце погодной записи, после сведений о Киеве, Суздале, Чернигове, большей частью до сведений о Новгороде — помещены выписки о Рязани [5]. Эти дополнительные сведения, почерпнутые из рязанского источника, часто оторваны от более важных и пространных сообщений о рязанских событиях, переписанных из свода, легшего в основу Никоновской летописи [6]. Например, под 6695 г. идет рассказ о попытке черниговского епископа Порфирия примирить Всеволода с рязанскими князьями. И совершенно отдельно от этой записи — другое сообщение, относящееся к Рязани: «Того же лета множество половець приходиша на Рязань и много зла сотвориша» [7]. Под 6717 г. рассказывается о борьбе рязанцев с Всеволодом, о войне и разорении Рязанской земли и отдельно от этой записи, после сообщения о браке Всеволода и об изгнании из Галича

---

[3] Так, под 6622 г. сообщается о смерти в Рязани Романа Всеволодовича и Мстислава, внука Игорева (ПСРЛ, т. IX, стр. 143.— Все ссылки в дальнейшем даны по 1-му изданию ПСРЛ, кроме Ипатьевской летописи, которая цитируется по 2-му изданию — СПб., 1908); в 6637 г.— смерть Ярослава Святославича в Муроме и Михалко Всеславича в Рязани (ПСРЛ, т. IX, стр. 156); 6639 г.— поход рязанских, муромских и пронских князей на половцев (ПСРЛ, т. IX, стр. 157); в 6640 г. крестился в Рязани половецкий князь Амурат (ПСРЛ, т. IX, стр. 158); в 6643 г. убит в Рязани тысяцкий Иван Андреевич Долгий (ПСРЛ), т. IX, стр. 159); в 6644 г. убит «в загоне» печенежский богатырь Темирхозя (ПСРЛ, т. IX, стр. 160); к 6655 г. относится сообщение о свидании пришедшего «с рязани с Ельца» князя Андрея Ростиславича с черниговским князем (ПСРЛ, т. IX, стр. 173); под тем же годом — сообщение о чудесах, произведенных в Рязани, «во граде Казари» иконой св. Пятницы (ПСРЛ, т. IX, стр. 176); в 6656 г. «тысяцкий Константин многих половец поби в загоне» (ПСРЛ, т. IX, стр. 178); 6657 г.— приезд в Киев Игоря Давыдовича из Рязани (ПСРЛ, т. IX, стр. 182); в 6658 г. разбиты половцы на Великой Вороне (ПСРЛ, т. IX, стр. 184); в 6661 г. «Ростислав Ярославич Рязанский созда в имя свое град Ростиславль у Оки реки» (ПСРЛ, т. IX, стр. 197); к 6662 г. относится рассказ об изгнании Юрием Ростислава из Рязани; Ростислав с помощью половцев возвращается и изгоняет посаженного Юрием Андрея (сына Юрия Долгорукого, будущего князя Боголюбского): «Ондрей же едва утече об одном сапоге» (ПСРЛ, т. XX, стр. 117); в 6663 г. убит тысяцкий Андрей Глебов в Белгороде-Рязанском ночью своими родственниками (ПСРЛ, т. IX, стр. 205); в 6664 г.— столкновение с половцами на Быстрой Сосне (ПСРЛ, т. IX, стр. 207); в 6669 (68) г. умер в Рязани Владимид Святославич (ПСРЛ, т. VII, стр. 75, 242; т. IX, стр. 229, Ипат., стр. 518); в 6694 г. «Глебовичи поделишися, Роман, Игорь да Володимер сели на Рязани, а Всеволод да Святослав на Проне» (ПСРЛ, т. VII, стр. 242); 6695 — приход половцев на Рязань (ПСРЛ, т. X, стр. 18); в 6702 (03) г. умер Игорь Глебович и «положен бысть во граде в Рязани в церкви камене св. мученик Бориса и Глеба» (ПСРЛ, т. X, стр. 22; т. I, стр. 173; т. VII, стр. 102); в 6703 г.— набег половцев (ПСРЛ, т. X, стр. 23) и т. д. Очевидно, рязанского происхождения содержащийся почти во всех летописях рассказ об убийстве Глебом Рязанским в 1217 г. своих братьев. Это преступление настолько поразило современное общество, что переписано в разных концах России, но рассказ изобилует такими подробностями, что, вероятно, он был первоначально записан в Рязани.

[4] ПСРЛ, т. X, стр. 5.

[5] ПСРЛ, т. IX, стр. 143, 156—160, 172, 176—178, 182, 184, 197, 205, 207, 229; т. X, стр. 18, 22, 23, 60.

[6] По мнению М. Д. Приселкова, это была тверская обработка Троицкой летописи (М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. М.— Л., 1940).

[7] ПСРЛ, т. X, стр. 18.

Владимира Игоревича, помещено сообщение об убийстве рязанского тысяцкого Матфея Андреевича, переписанное из рязанского источника [8].

Вообще по своему составу основная часть Никоновской летописи представляет собой грандиозную компиляцию, в которую включены источники, характер и происхождение которых еще до сих пор не совсем изучены [9]. Если даже справедливо высказанное М. Д. Приселковым мнение о том, что в состав Никоновской положена Троицкая летопись, то, во всяком случае, сводчик 1409 г. пользовался рязанским летописцем [10]. Его известия дают представление о значительной хронологической непрерывности рязанского летописания. Кроме того, в руках у составителя Никоновской летописи был, по-видимому, какой-то другой рязанский письменный источник, из которого он черпал дополнительные сведения, пополняя ими основной текст.

Сложность состава Никоновской летописи и неизученность ее заставляют с большой осторожностью относиться к содержащимся в ней сведениям. В ней часто вымысел переплетается с истиной, причем, пока исследователи не определили ее источники, мы не можем даже решить, чей этот предполагаемый вымысел — составителя Никоновского свода или автора той рязанской летописи, которая вошла в его состав. Так, под 1146 г. в Никоновской летописи в известии о бегстве от преследующих Давыдовичей Святослава Ольговича указан его путь через рязанские города, в числе которых названы Тула, Елец, Мценск и Тешилов. В соответствующем рассказе Ипатьевской и Воскресенской летописей об этих городах не упоминается. Сомнение вызывает сама возможность для Святослава путешествовать по Рязанской земле, поскольку рязанский князь был союзником врагов Святослава. Кроме того, целью Святослава было приблизиться к границам Ростово-Суздальской земли, а, по Никоновской летописи, он двигается в противоположном направлении. А. Н. Насонов считает, что автор рязанского известия Никоновской летописи прибег в данном случае к сочинительству и что возможной целью его было доказать в период, когда Литва занимала Черниговщину и подошла к границам Рязанского княжества, что некоторые пограничные города издревле были рязанскими, а не черниговскими [11]. Подобно приведенному сомнительны и некоторые другие известия Никоновской летописи (например, о том, что князь Андрей Ростиславич пришел в 1147 г. на свидание с черниговским князем «с Рязани с Ельца», и др.). Все это заставляет с осторожностью относиться к известиям Никоновской летописи XII в.— начала XIII в.

Кроме Никоновской летописи, элементы рязанского летописания включены в Воскресенскую летопись. Я имею в виду «роспись» рязанских князей, помещенную под заглавием «Начало о великих князех Рязанских» [12]. В. С. Иконников обращает внимание на то, что «рядом с этой росписью помещены перечни князей тверских и смоленских, но эти последние ограничиваются одними именами и родословными указаниями и не имеют хронологических дат, между тем как роспись князей рязанских представляет погодный перечень князей с указанием времени их вступления на

«Вспомогательным источником в руках сводчика 1305 г. был рязанский летописец.

[8] Там же, стр. 60.

[9] Д. С. Лихачев. Русские летописи. М.— Л., 1948, стр. 478.

[10] М. Д. Приселков считал, что рязанская летопись была в руках у составителя Тверского великокняжеского свода 1305 г., легшего в основу Троицкой летописи. К нему относим: под 1293 г. известие о смерти рязанского князя Федора, под 1295 г.— о смерти пронского князя Ярослава, под 1301 г.— о походе на Рязань московского князя Данилы» (М. Д. Приселков. Ук. соч., стр. 107).

[11] А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 209, 210.

[12] ПСРЛ, т. VII, стр. 241—248.

престол и кончины (а также рода смерти), места погребения, путешествий в Орду, столкновений с князьями черниговскими, суздальскими, московскими и последствий их борьбы» [13]. Возможно, что эта «роспись» заимствована из рязанской летописи или, что более вероятно, из отдельно составленной княжеской родословной, так как церковных дел «роспись» совершенно не касается. Только из местного источника могли быть заимствованы сообщаемые «росписью» подробности.

Таким образом, с начала XII в. в Рязани, подобно другим центрам Руси, велись записи важнейших событий, частично включенные позже в общерусские летописные своды. Если бо́льшая часть рязанских рукописей погибла при Батыевом погроме, то какие-то все же дошли до московского сводчика 1409 г., до составителей Никоновской (1556 г.) и Воскресенской летописей (1530—1540 гг.).

Какая-то летопись, содержащая местные рязанские сведения и, очевидно, позднее утраченная, была в руках у В. Н. Татищева. В его «Истории» повествуется о фактах, не встречающихся ни в одной из известных летописей. Таков, например, подробный рассказ о начале рязанской епископии и другие. Может быть, такой летописью была какая-то «муромская летопись», которую брал у В. Н. Татищева Петр, отправляясь в Персию [14]. Впрочем, «муромской» эта летопись могла называться лишь по местонахождению, а не по месту составления.

Прерванное татарским нашествием рязанское летописание вскоре возобновилось. Между 1237 и 1252 гг. мы не находим в летописях сведений, почерпнутых из рязанских источников. Но уже под 1252 г. встречается носящая местный характер запись об отпуске рати князи Олега Ингваревича в свою отчину, под 1258 г.— о кончине Олега и погребени его в церкви Спаса (с точной датой) и т. д.

Рязанское летописание существовало, начиная с XII в. до конца независимости Рязани. Оно прерывалось на короткое время, когда грозные события нарушали порядок жизни княжества, и вновь возобновлялось теми князьями, которые восстанавливали Рязань после потрясений. Но было ли это летописание, действительно, таким сухим, каковы цитированные записи из Никоновской летописи? М. Д. Приселков писал: «Рязанское летописание никогда не знало пространного и последовательного повествования, ограничиваясь краткими и сухими записями, поскольку мы можем судить по отражениям этих рязанских летописцев в наших летописных сводах» [15].

М. Д. Приселков не прав в своей характеристике рязанского летописания. Такое впечатление сухости, действительно, создается при чтении несомненных местных рязанских записей. Однако летописные сведения о Рязани, отнесенные мной ко второй группе, т. е. сообщения о фактах рязанской истории, имеющих общерусское значение, дают другую картину рязанского летописания. Очевидно, значительность факта повлекла пространное цитирование рязанской записи о нем в общерусском или областном своде. Поэтому возможно, что такие записи дошли до нас в том виде, в каком они были в рязанском летописце. Эти записи оказались яркими рассказами о событиях, пересыпанными страстными обвиняющими тирадами и лирическими отступлениями. Это не сухие погодные записи, а одни из самых интересных в древнерусской литературе сочинений. Таков рассказ о нашествии батыевой рати на Рязань. Он повторен во всех сводах Северо-Восточной Руси, в Новгородской I и Ипатьевской летописях.

---

[13] В. С. Иконников. Ук. соч., стр. 1053.
[14] В. Н. Татищев. История российская..., т. I, стр. XI—XII.
[15] М. Д. Приселков. Ук. соч., стр. 107.

Интересные поиски рязанской летописи произвел покойный В. Л. Комарович. Он пришел к выводу, что между 1239 и 1246 гг. два летописца — новгородец (Новгородская I летопись) и ростовец (Лаврентьевская летопись) — уже располагали одним и тем же, самым ранним, летописным повествованием о Батые, входившим в состав рязанского летописного памятника, содержавшего, кроме того, рассказы об усобице 1218 (1217) г. и о Калкской битве. «Этот свод в целом имел одну разительную черту: он был сплошной обвинительной речью патриота-народолюбца против прямых, как казалось ему, виновников бедствий, против русских князей. Прямой и резкой речью к обвиняемым отмечен каждый из сохранившихся эпизодов свода. «Что прия Каин от бога, убив Авеля брата своего... или ваш сродник, окаянный Святополк, губив братью свою!» — восклицает летописец в связи с событиями 1218 г. Сказать о Святополке Окаянном всем русским князьям в лицо «ваш сродник» в XIII в. мог только человек в сильном гневе» [16].

В. Л. Комарович считал, что реконструируемый им летописный свод мог возникнуть по инициативе рязанского князя Ингваря Игоревича, который был для рязанской летописи тем же, чем Святополк Изяславич для Нестеровой или Владимир Мономах для Сильвестровской. Выдающаяся роль, которую приписывает Ингварю Игоревичу в восстановлении Рязани после Батыева погрома «Повесть о приходе Батыя на Рязань», позволяет думать, что он возродил и местную летопись.

Летописный свод Ингваря Игоревича был не единственным в истории рязанского летописания. При другом крупном деятеле рязанской истории — князе Олеге был составлен новый свод, вероятно, вошедший в Никоновскую летопись и как особый раздел содержавший известия, относящиеся к княжению Олега вплоть до сообщения о его смерти (5 июля 1402 г.) [17].

Возможно, что систематические поиски следов рязанского летописания в других областных и общерусских сводах позволят в будущем полнее реконструировать значительные части рязанской летописи. Но, как ни полезны такие реконструкции для истории рязанского летописания, ими нельзя компенсировать бедность летописных известий о Рязани. Мы очень мало знаем о политической жизни Рязани, а то, что знаем, дошло до нас большей частью в тенденциозном и одностороннем освещении ростовского или владимирского летописца. Мы видели, что в Рязани существовали не только краткие погодные записи, но и пространные летописи, в которые были внесены политически острые, целеустремленные литературные произведения. Но большинство рязанских летописей, та их часть, в которой освещались события домонгольского нашествия, очевидно, погибла в 1237 г. Что же касается XI в. и начала XII в., то в это время в Рязани, так же как и в Чернигове, летописного дела еще не существовало.

Для XIV в. летописные известия о Рязани более подробны и, во всяком случае, хронологически непрерывны. Недостаточность же их частично компенсируется актами. Но они относятся к периоду, выходящему за хронологические рамки настоящей работы. Из актов этой поры будут частично использованы в дальнейшем изложении: Грамота митрополита Феогноста на Червленный яр (1334—1353 гг.), устанавливающая пределы епархий рязанской и сарайской, Грамота митрополита Алексея на Червленный яр (около 1360 г.) [18] и жалованная грамота рязанского

---

[16] В. Л. Комарович. Рязанский летописный свод XIII в. «История русской литературы», т. II, ч. I, гл. V, стр. 74—77. Изд. Академии наук СССР. М.— Л., 1945.

[17] В. Л. Комарович. Ук. соч., стр. 76.

[18] См. грамоты Феогноста и Алексея в т. VI «Русской исторической библиотеки» (памятники канонического права), № 18 и 19, и в Актах исторических, т. I.

великого князя Олега Ивановича Ольгову монастырю на село Арестовское 1356—1387) [19].

Интересным собранием документов являются так называемые «Рязанские достопамятности» [20]. Это сборник, составленный архимандритом Иеронимом (И. С. Алякринским) в 1792—1793 гг. Поводом для его составления послужило распоряжение о присылке летописей и старинных документов в Синод. Источниками для составления сборника архимандриту Иерониму служили летописи, история В. Н. Татищева, Родословная книга князей и дворян российских, изданная в 1787 г., а также грамоты и разного рода акты, хранившиеся в монастырских библиотеках и архиве рязанской консистории. Иногда материал дается цитатами, иногда — в пересказе составителя. Очевидно, в руках у составителя не было никакой собственно рязанской летописи, так как почти все сообщенные им сведения содержатся в Никоновской летописи и у В. Н. Татищева. Только 2—3 факта (о которых речь впереди) почерпнуты им из не известных нам источников. Что касается приведенных в «Достопамятностях» актов, то среди них много интересных, подлинники которых в настоящее время утрачены, но все они относятся ко времени, более позднему, чем интересующее нас в данном исследовании.

Ценнейшим памятником рязанской литературы является «Повесть о разорении Рязани Батыем». Она дошла до нас в многочисленных списках в составе сборника, содержащего, кроме нее, «Повесть о приходе чудотворного образа Николы в пределы Рязанские» [21]. Сборник составлен при церкви Николы в рязанском городе Зарайске. Легендарное сказание о приходе чудотворного образа Николы Зарайского (Заразского) для нас интересно указанием на то, что в дотатарское время (согласно «Повести»,— в 1225 г.) южные пути в Рязань были прерваны половцами и герой сказания попадает из Корсуня в Рязань через Новгород.

«Повесть о разорении Рязани Батыем» интересна не только как выдающееся литературное произведение, но важна и содержащимися в ней историческими сведениями. В основе «Повести» лежат устные поэтические произведения. Так, несомненно, к какой-то былине восходит центральный эпизод «Повести» — рассказ о подвиге и гибели рязанского героя Евпатия Коловрата. Но в распоряжении автора «Повести» кроме того, была рязанская летопись, из которой он заимствовал описание основных событий. Эта летопись в сокращенном виде вошла в состав Новгородской I летописи, а оттуда — и в другие летописные своды. Поэтому очень сходна «Повесть о Батыевом приходе на русские земли», содержащаяся во всех древних летописных сводах, с рязанской повестью — у них был общий источник. Автор «Повести о разорении Рязани Батыем» не был современником описываемых им событий,— вероятнее всего, что «Повесть» составлена в первой половине XIV в. [22],— но он сохранил и донес до чита-

---

[19] Грамота издавалась много раз; лучшее издание — в «Сборнике Московского архива Министерства юстиции», т. I, ч. I. М., 1913.

[20] «Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеронимом» (с примечаниями И. В. Добролюбова). Рязань, 1889.

[21] Текст «Повести» впервые издан в кн. XV Временника Московского общества истории и древностей российских (М., 1852, отд. «Смесь», стр. 11, 12) по рукописи XVI в. Наиболее известное издание в «Сведениях и заметках о малоизвестных и неизвестных памятниках» И. И. Срезневского, вып. XXXIX, СПб., 1867. В. Л. Комарович описал 12 списков «Повести». См. его работу «К литературной истории Повести о Николе Зарайском». Труды Отдела древнерусской литературы Института литературы АН СССР, т. V, 1947, стр. 57—72. Тексты «Повести о Николе Заразском» изданы Д. С. Лихачевым.— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, т. VII, 1949, стр. 284 и сл.

[22] См. Д. С. Лихачев. Повесть о разорении Рязани Батыем. «Воинские повести древней Руси». М.— Л., 1949, стр. 119—143; С. К. Шамбинаго. Исторические

теля ряд точно очерченных исторических сведений, в значительной мере подтвержденных и летописями, и археологическими исследованиями. Патриотическая идея «Повести» — осуждение эгоистической политики князей, не сумевших объединиться для оказания отпора татарам,— прежде всего осуждение Юрия Всеволодовича Суздальского. По своим художественным достоинствам «Повесть» принадлежит к наиболе выдающимся памятникам русской литературы [23].

Некоторые исторические и этнографические сведения содержат сказания XV—XVI вв., иногда объединяемые под общим названием «муромских легенд». Одна из них — «Повесть о муромском князе Петре и супруге его Февронии» является замечательным созданием древнерусской письменности [24]. Это сочинение получило название «жития», но в нем мало собственно житийных эпизодов. Литературное оформление «Повести», по мнению М. О. Скрипиль, относится ко второй половине XV в., а по мнению В. Ф. Ржиги.— к XVI в. и, вероятно, принадлежит перу Ермолая Еразма [25], но основа ее древняя и дает материалы для суждения о народных верованиях и быте населения Мурома, Рязани и их ближайших соседей.

Ряд ученых связывал происхождение «Повести» с определенной исторической личностью — в их работах князь Петр отождествлялся с Давыдом Юрьевичем, княжившим в Муроме с 1203 г. по 1228 г. [26] Так как эту легенду удается приурочить к определенной исторической эпохе, для нас особое значение приобретают содержащиеся в ней драгоценные данные об истории внутреннего быта [27]. С этой точки зрения, интересны сведения о многих врачах, бывших в Рязанской земле, о добыче меда диких пчел и др. Любопытны подробности княжеского быта: князь и княгиня обедают за разными столами, они едут в различных судах, и каждый из них имеет своих бояр. Содержит повесть и некоторые данные о социальной жизни города — описана борьба князя с сильной боярской партией. Бояре недовольны браком Петра, взявшего в жены дочь простого

повести. Литература Рязанского княжества XIII—XIV вв. «История русской литературы», т. II, ч. 1, гл. V, § 2.

[23] Лучшим новейшим изданием «Повести» является названное выше — книга «Воинские повести древней Руси» в серии «Литературные памятники» (М.— Л., 1949). Кроме помещенной там статьи Д. С. Лихачева, наиболее интересным исследованием, посвященным «Повести» (к сожалению, не законченным), является указанная выше статья В. Л. Комаровича «К литературной истории Повести о Николе Зарайском», стр. 57—72.

[24] «Повесть о Петре и Февронии», изд. М. О. Скрипиль. Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, т. VII, 1949.

[25] В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая Еразма. Летопись занятий Археографической комиссии, вып. XXXIII, 1926, стр. 112—147.

[26] Макарий, митрополит. История русской церкви, 1870, т. VI, кн. 1, стр. 216; В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 287; Д. И. Иловайский. Ук. соч., стр. 108; Е. Голубинский. История русской церкви. М., 1881, т. I, полутом 2, стр. 557; Н. Барсуков. Источники русской агиографии. СПб., 1882, стр. 451; Н. П. Травчетов. Кого из муромских князей следует разуметь под именем «св. благоверного князя Петра, в иночестве Давида, муромского чудотворца». Труды III обл. ист.-археол. съезда, бывшего в г. Владимире. Владимир, 1909. Н. М. Карамзин под именем Петра предполагал сына Давыда («История государства Российского», т. III, прим. 369). Н. Д. Квашнин-Самарин («О князьях муромских, причтенных к лику святых». Труды II обл. тверск. археол. съезда, 1903 г., 10—20 августа. Тверь, 1906, отд. II) и М. О. Скрипиль («Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке». Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, т. VII, 1949, стр. 136—138) отождествляют Петра и Февронию «Повести» с Петром и Евфросинией, жившими в начале XIV в.

[27] Хотя в целом было бы неверно искать в «Повести» только исторические черты того времени, к которому относится действие рассказа, т. е. XIII в., несомненно, устная легенда, обработанная в XVI в., сохранила элементы древнего фольклора, отражающего исторические черты отдаленного времени.

бортника, сначала изгоняют княжескую семью, а потом напуганные возникшими междоусобиями, вновь возвращают Петра и Февронию. Впрочем, нельзя установить, отражает ли картина борьбы князя с боярской партией подлинные отношения в Северо-Восточной Руси в раннее время, или же лишь антибоярские тенденции современника Ивана Грозного [28].

Муромское «Житие св. кн. Константина и детей его Михаила и Федора» содержит сказания о древнейшем состоянии г. Мурома, о водворении в нем христианства Константином и т. д. Эта повесть, также составленная в в XVI в., основана на древнем местном предании, но уже утратила черты действительного исторического события и едва ли может быть приурочена к определенной исторической дате. Для нас она интересна известиями об остатках языческих обрядов на Руси, в частности описанием погребального обряда с насыпанием холма, тризной, закланием коня, «и по мертвыхременная плетения древолазная с ними в землю погребающии и битвы и кроения и лиц натрескания творящии» [29]. Во многих списках с житием св. Константина соединена легенда о св. Василии, епископе Муромском, любопытная для нас упоминанием о перенесении епископской кафедры из Мурома в Старую Рязань [30].

Кроме русских письменных источников, некоторое значение могут иметь для истории населения бассейна среднего течения р. Оки известия средневековых восточных и западных историков и географов. В большинстве случаев они не содержат прямого упоминания о р. Оке и населяющих ее берега народах, но некоторые сведения о мордве, буртасах, волжских булгарах, хозарах и других соседях населения в бассейне рязанского течения Оки могут помочь нам разобраться в вопросах, касающихся истории Рязанского края. Такая попытка использовать известия восточных авторов сделана мной в статье «К вопросу о трех центрах древней Руси» [31]. Хотя основное положение этой статьи — отождествление Артании с Рязанью — в настоящее время нельзя признать доказанным, некоторые соображения, высказанные в ней, как мы увидим дальше, могут быть подтверждены археологическими данными. Эта группа источников [32], ввиду неопределенности многих сведений, содержащихся в них, может быть использована лишь при условии весьма критического к ним отношения.

Как видно из сказанного, письменные источники по истории Рязани, в сравнении с другими русскими княжествами, крайне немногочисленны, а многие из них могут быть использованы лишь с большой осторожностью. Но чем меньше имеется письменных источников, тем большее значение приобретают источники археологические.

---

[28] А. С. Орлов. Областные повести конца XV—XVI вв. «История русской литературы», т. II, ч. 1, стр. 367.

[29] «Памятники старинной русской литературы» (изд. Г. Кушелевым-Безбородко под ред. К. Костомарова), вып. 1, СПб., 1860, стр. 229—237; Михаил, архимандрит. Святой блаженный князь Константин Муромский и Благовещенский монастырь, где почивают его мощи. Труды Владим. ученой архивной комиссии. т. VIII, 1906.

[30] И. Шляпкин. Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Грозного. Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911, стр. 545—568.

[31] КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 103—112.

[32] А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в.). СПб., 1870; Ибн-Даста. Известия о хозарах, буртасах, булгарах, мадьярах, славянах и руссах (перев. Д. А. Хвольсона). СПб., 1879; «Худуд ал-Алем». Рукопись Туманского (с введением В. Бартольда). Л., 1930; «Hudud Al Alam». The Region of the World. Translated and explained by V. Minorsky, London, 1937; П. К. Коковцев. Еврейско-хозарская переписка в X в. Л., 1932; «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу» (под ред. академика И. Ю. Крачковского). М.—Л., 1939; Tadeusz Lewicki. Świat słowiański w oczach pisarzy arabskich. «Slavia Antiqua», t. 11, № 2, Poznań, 1949—1950, стр. 321—385.

III

Археологические исследования Рязанской земли. Регистрация памятников и описание их в XIX в. Деятельность Рязанской ученой архивной комиссии. Городецкие городища. Рязанские могильники. Курганы. Раскопки Старой Рязани. Раскопки других городищ и селищ.

Археологические исследования Рязанской земли начались в первой четверти XIX в., после открытия клада, известного под названием «Рязанских барм» на Старо-Рязанском городище. Этот замечательный клад, найденный в 1822 г., привлек внимание к рязанским древностям. Он вызвал многочисленные отклики в печати. К. И. Калайдович составил записку о рязанских древностях и обследовал место находки, а в 1836 г. начались раскопки Старой Рязани [33]. В начале XIX в. археология в России еще не стала наукой, и ею занимались многочисленные «любители» историки, краеведы,— описывавшие археологические памятники, но не умевшие их классифицировать. Ряд таких работ появился и о Рязанской губернии [34].

Следует особо отметить деятельность И. С. Гагина (1767—1844 гг.), касимовского мещанина, посвятившего свою жизнь изучению истории и древностей [35]. Все его труды остались в рукописях, но ими пользовались М. П. Погодин, С. Д. Яхонтов и др. Важнейшие рукописи И. С. Гагина «Статистические и топографические сведения города Касимова», «Состояние Касимова в глубокой древности», «Описание Рязанской столицы» и др. были переданы М. П. Погодиным Московскому археологическому обществу. И. С. Гагин был хорошим архитектором и землемером и оставил довольно точные чертежи описанных им памятников.

В 1874—1875 гг. появилась погубернская сводка археологических памятников, имеющая большое научное значение,— исследование местного священника Н. В. Любомудрова «Местногеографические древности в Рязанской губернии», опубликованное в «Прибавлениях к Рязанским епархиальным ведомостям» [36]. Н. В. Любомудровым были описаны сотни городищ и курганов, он сообщил об отдельных находках, характерных для того

---

[33] Подробно о кладе 1822 г. и об истории археологических исследований Старой Рязани см. А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА № 49, 1955, стр. 9—22.

[34] Д. Воздвиженский. Исторические и археологические достопамятности по Рязанской губернии. Исторический, статистический и географический журнал, 1827, ч. II, кн. 2, стр. 206—223; ч. III, кн. 1, стр. 54—78; Ф. Ляликов. Курганы, древние могильные насыпи и укрепления в Рязанской губернии. ЖМВД, 1837, № 8; ЖМНП, 1846, № 10; М. Н. Макаров. Заметки о землях рязанских. ЧОИДР, 1846, № 1, «Смесь», стр. 1—29; № 3, стр. 91—97; А. Н. Пискарев. Обозрение древностей и достопримечательностей г. Рязани и ее уезда. «Рязанские ведомости», 1845, № 8—13; его же. О древних городах, городищах и урочищах в Рязанской губернии, «Рязанские ведомости», 1893 (?), № 24; «Материалы для географии и статистики России», том «Рязанская губерния», составленный М. Барановичем, СПб., 1860, гл. «Историческое исследование о древних могилах, курганах, городищах, развалинах и пр. и о связанных с ними народных преданиях и местных сказаниях», стр. 527—551.

[35] Русский биографический словарь, т. 4, М., 1914, стр. 100, 101.

[36] «Прибавления к Рязанским епархиальным ведомостям», 1874, № 1, стр. 1—5; № 2, стр. 31—39; № 3, стр. 59—67; № 4, стр. 89—97; № 5, стр. 118—123; № 6, стр. 153—158; № 7, стр. 174—181; № 9, стр. 155—165; № 10, стр. 185—193; № 13, стр. 277—287; № 15, стр. 313—322; № 16, стр. 346—354; № 17, стр. 379—390; № 19, стр. 427—439; № 20, стр. 446—452; № 21, стр. 479—486; № 23, стр. 523—532; 1875, № 9, стр. 240—246; № 10, стр. 282—290.

242520

Б-1444439

Львівська державна обласна бібліотека ім. Я. Галана
ЧИТАЛЬНИЙ ЗАЛ

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им. ГОРЬКОГО

или иного памятника, и т. д. Эта работа в некоторых частях не утратила и поныне своего значения для составления археологической карты Рязанской области. Некоторые добавления к работе Н. В. Любомудрова были опубликованы одновременно с его исследованием и в последующие годы [37]. В конце XIX в. напечатана сводка археологических открытий в Рязанской губернии, составленная А. А. Спицыным [38].

Регистрация археологических памятников, описание курганов и городищ первоначально велись только по внешним признакам. Ни раскопок (за исключением Старой Рязани), ни даже сборов подъемного материала не проводили. Однако те или иные памятники по чисто географическим признакам сопоставлялись с теми или иными исторически известными пунктами. Это были первые попытки исторического истолкования сведений о древностях Рязанской губернии. Многие из названных в первоначальных описаниях памятников были позже раскопаны и подробно изучены.

Только в конце XIX в., в особенности после организации Рязанской ученой архивной комиссии (1884 г.), раскопки приобрели широкий размах и некоторую систематичность. Хотя археологические работы велись любителями-краеведами, не обеспеченными необходимыми средствами, не имевшими достаточной квалификации и слабо контролировавшимися в научном отношении, они привели к важным открытиям. Кроме того, Рязанская ученая архивная комиссия основала музей, куда стали поступать многочисленные случайные находки и вещи из раскопок.

Наиболее видными деятелями Рязанской ученой архивной комиссии были А. В. Селиванов (1851—1915 гг.) [39], А. И. Черепнин (1841—1905 гг.) [40] и С. Д. Яхонтов (1853—1942 гг.) [41]. Важной стороной их деятельности являлось не только ведение раскопок, но и публикация их результатов, а также исследований по археологии и истории в «Трудах» комиссии. Появление этого печатного органа имело большое значение для создания научной общественности, интересующейся историей и археологией Рязанского края [42].

---

[37] «О курганах, древних могилах и укреплениях в Рязанской губернии. Сведения, собранные Рязанским губернским статистическим комитетом, согласно программе Центрального статистического комитета». «Рязанские губернские ведомости», 1874, № 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12; С. Бочарников. Памятники древности близ пос. Ростиславль, «Древности», т. X, 1885, стр. 95 и сл.; «Антропологическая выставка», т. II, ИОЛЕА и Э, т. XXXI, 1878, стр. 398; П. А. Гильдебрандт. Муромские, рязанские, зарайские древности. Исторический вестник, 1879, № 6.

[38] А. А. Спицын. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. XIX — Рязанская губерния. ЗРАО, новая серия, т. XI, вып. 1 и 2, 1899, стр. 232—242.

[39] См. «Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования», т. II, М., 1915, стр. 320, 321; Библиографический словарь, составленный И. В. Добролюбовым и С. Д. Яхонтовым. Рязань, 1910, стр. 221—228.

[40] Библиографический словарь писателей, ученых и художников, уроженцев Рязанской губернии. Составлен И. В. Добролюбовым и С. Д. Яхонтовым. Рязань, 1910, стр. 295, 296.

[41] Там же, стр. 317, 318.

[42] Нужно отметить, что названные выше отдельные статьи и заметки, опубликованные в «Губернских ведомостях» и «Епархиальных ведомостях», судя по распространению этих газет, читались немногими и, пожалуй, имеют большее значение для потомства, чем для современников. Дело в том, что «Епархиальные ведомости» распространялись в специфическом кругу духовенства, в массе своей далекого от научно-археологических интересов, а «Губернские ведомости» почти не имели читателей, кроме чиновников, для которых имели значение официальные материалы. А. А. Мансуров приводит любопытные сведения о том, что в 1860 г. в одной из городских читален «Рязанские ведомости» числились как единственная из выписываемых газет, которую не спросил за весь год ни один читатель (А. А. Мансуров. Библиография Рязанского края, ч. 1, вып. 1, Рязань, 1930, стр. 10).

После революции деятельность Рязанской ученой архивной комиссии была продолжена Обществом исследователей Рязанского края и Рязанским бюро краеведения, а в последние годы местная археологическая работа концентрируется в Областном краеведческом музее.

В советское время наиболее видными деятелями рязанского краеведения были Д. Д. Солодовников (1872—1944 гг.), А. А. Мансуров (1900—1941 гг.) и Н. П. Милонов. Продолжал работу в Рязанской области, начатую еще в 90-х годах XIX в., крупнейший русский археолог В. А. Городцов (1860—1945 гг.). Активно включилось в работу по археологическому изучению Рязанского края центральное археологическое учреждение нашей страны ГАИМК — ИИМК — ИА. Изучались различные эпохи от палеолита (работы П. И. Борисковского, М. В. Воеводского и др.) до древней Руси.

Большая заслуга в изучении окского неолита принадлежит А. Я. Брюсову и М. Е. Фосс, эпохи бронзы — О. Н. Бадеру. На подготавливаемой к изданию археологической карте Рязанской области нами будут помещены все открытые памятники разных эпох и дано их описание, здесь же мы вкратце остановимся лишь на истории открытия и исследования тех памятников, с которыми связаны задачи нашего исторического очерка. Наиболее ранние из них — это памятники раннего железного века, так называемые городища городецкой культуры. Они были впервые открыты В. А. Городцовым, который дал и название «городецкая культура» по городищу у с. Городец [43]. В 1926 г. В. А. Городцов раскопал один из интереснейших памятников этой культуры — Троице-Пеленицкое городище [44].

В 1922 г. экспедиция ГАИМК под руководством П. П. Ефименко обследовала археологические памятники в долине р. Оки [45]. В том же и следующем году были произведены раскопки городища у с. Вышгород [46]. В 1928 г. открыты целая серия городецких городищ, могильники и селища [47]. Ряд городищ городецкой культуры был обследован Н. И. Лебедевой [48] и Н. В. Говоровым [49]. В 1949 г. Старо-Рязанской экспедицией ИИМК было раскопано Шатрищенское городище городецкой культуры [50], а в

---

[43] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты долины и берегов реки Оки. Труды XII АС, т. I. М., 1905; его же. Результаты археологических исследований 1898 г., произведенных на берегах р. Оки в пределах Рязанской губернии АИЗ, 1899, т. VII, № 6—7, стр. 181—201; его же. Дневник археологических исследований в долине р. Оки в 1898 г. «Древности», т. XVIII, 1901; С. А. Локтюшов. Каменный период в Рязанской губернии. Рязань, 1916.

[44] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований Троице-Пеленицкого городища-холмища в 1926 г. Исслед. и матер. Ряз. обл. среднеокского музея, вып. V, Рязань, 1930.

[45] П. П. Ефименко. Летние работы 1922 г. в Рязанской губернии. Вестник рязанских краеведов, Касимов, 1923, № 1, стр. 12, 13.

[46] П. П. Ефименко. Дневник раскопок в окрестностях с. Вышгород. Рукопись. НАРМ, № 34.

[47] П. П. Ефименко, Н. П. Третьяков, Н. Н. Чернягин, Н. П. Гроздилов. Материалы по археологическому обследованию долины р. Оки. Рукопись. НАРМ, № 677; П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. Изв. ГАИМК, 1935, вып. 106.

[48] Н. И. Лебедева. Отчет о летних работах 1924 г. по археологии в окрестностях г. Касимова. Вестник рязанских краеведов, Рязань, 1925, № 1, стр. 1 и 3; ее же. Городок у дер. Новоселки. Вестник рязанских краеведов, Касимов, 1924, № 4, стр. 13—15; ее же. Отчет об археологических работах в Рязанской губернии летом 1925 г. Рукопись. НАРМ, № 142 и 184.

[49] Н. В. Говоров. Археологическое обследование окрестностей г. Рязани, 1930 г. Рукопись. НАРМ, № 410; его же. Предварительный отчет об археологических обследованиях (лл. 37—56) в 1932 г. Рукопись. НАРМ, № 665 (и его же отчеты других лет в НАРМ).

[50] А. Л. Монгайт. Из истории населения бассейна среднего течения р. Оки в I тысячелетии н. э. СА, XVIII, 1953, стр. 151—189.

1953—1955 гг.— Казарское, Льговское и Борисо-Глебское. Сводная работа по ранним городецким городищам написана Н. В. Трубниковой [51].

Хронологически следующая за городецкими городищами группа памятников — так называемые рязанские или окские могильники. Древнейший могильник найден близ Ростиславля на Оке, в Зарайском уезде [52]. Могильники той же культуры обнаружены возле с. Кузьминское, близ Рязани (Борковский), Старой Рязани (Шатрищенский), Тырновой слободы, деревень Озерицы и Курманово, близ сел Конищево, Гавердово (Пальново), Кулаково, Срезнево (Дубровский), у сел Дегтяное Спасского уезда (Закопищенский) и Дубровичи [53]. Группа могильников, открытых на территории Мещерской низменности и предположительно связываемых с древней мещерой, находится частично вне пределов Рязанской области; лишь могильник близ с. Жабок Егорьевского уезда расположен в Рязанской области [54]. Во Владимирской области находятся Заколпский (Меленковского уезда) [55] и Пустошенский могильники [56]. За пределами Рязанской области расположены и муромские могильники — Максимовский, Урвановский и др. Сводная работа с хорошей публикацией материалов рязанских и муромских могильников издана А. А. Спицыным [57]. Переиздание этой работы с присоединением материалов и отчетов о раскопках Лядинского и Томниковского могильников (изданных В. Н. Ястребовым) появилось в 1941 г. [58]

Подробному и наиболее серьезному исследованию рязанские могильники подверглись в работах П. П. Ефименко [59].

Рязанские могильники исчезли в районе среднего течения Оки в X в. Здесь произошли значительные сдвиги населения и появились славянские памятники — городища и курганы. Древнейшие славянские поселения

---

[51] Н. В. Трубникова. Племена городецкой культуры. Археологический сборник. Труды ГИМ, вып. XXII, 1954.

[52] Aspelin. Antiquité du Nord Finno-Ougrien. Helsinki, 1880, t. III, № 917—921.

[53] К. Иков. Сообщение о раскопках могильника в с. Кузьминском Рязанского уезда. ТРУАК, т. IV, вып. 9, 1889, стр. 184—187; А. В. Селиванов. О раскопках Борковского могильника. Труды IX АС, т. I, М., 1895, стр. 81—91; его же. О древнейшем населении Приокского района, предшествовавшем славянской колонизации. Труды III обл. историко-археологич. съезда в г. Владимире 1906 г. Владимир, 1909, стр. 1—15; А. И. Черепнин. Местная старина (Борковский могильник). ТРУАК, т. IX, вып. 2, 1894, стр. 71—167; т. X, вып. 3, 1895, стр. 285—379; его же. Кузьминский могильник. ТРУАК, т. XII, вып. 2, 1897, стр. 60—73; его же. Заметка о Пальновском могильнике. ТРУАК, т. XII, вып. 1, 1897, стр. 56—59; его же. Борковский остров и его древности. АИЗ, 1894, т. XII, № 6-7, стр. 177—193; его же. Очерк доисторического прошлого Рязанского края. Рязань, 1896; его же. Кулаковский могильник и городище Старой Рязани. ТРУАК, т. XVIII, вып. 1, 1903; Ф. А. Уваров. Курманский могильник. «Древности», т. XIV, 1890, стр. 328—343; И. И. Проходцев. Могильник в местности Закопище. ТРУАК, т. XXVI, вып. 1, 1913, его же. Курманский могильник. ТРУАК, т. XIII, вып. 1, 1898, стр. 76—82; А. Ф. Федоров. Дубровский могильник. ТРУАК, т. XVIII, вып. 2, 1903, стр. 204—207; В. А. Городцов. Дубровичский финский могильник. Труды Об-ва исследователей Рязанского края, вып. V, 1925, стр. 1—15.

[54] В 1871 г. близ с. Жабок был вышахан клад (Aspelin. Ук. соч., № 903—916); в 1891 г. здесь был открыт могильник, в 1893 г. он раскапывался А. А. Спицыным. А. А. Спицын. Обозрение некоторых губерний..., вып. IV, стр. 236.

[55] Открыт в 1897 г. и обследован А. Поливановым и Н. Макаренко в 1899 и 1905 гг. Труды Владимирской архивной комиссии, кн. 10, стр. 27—61; Отчет ИАК за 1897 г., стр. 59.

[56] А. Иванов. Пустошенский могильник. Труды Владимирского гос. обл. музея, вып. 1, 1925.

[57] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР № 25, 1901.

[58] «Древности мордовского народа» (под ред. Ю. В. Готье). Саранск, 1941.

[59] П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. Материалы по этнографии, т. III. Изд. Русского музея, 1926; его же. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии нашей эры по археологическим источникам. СА, II, 1937, стр. 39—58.

часто были расположены на тех же городищах, которые принадлежали племенам городецкой культуры. Верхние слои многих городецких городищ представляют славянскую культуру X—XIII вв.

Многочисленные курганы открыты и исследованы в Рязанской земле в конце XIX в.— начале XX в. С 1884 г. по 1909 г. Рязанской ученой архивной комиссией раскопано около 300 курганов [60]. Интересны раскопанные Ф. Д. Нефедовым Касимовские курганы (близ деревень Парахино и Поповой) [61]. Большая группа курганов была раскопана в 1896—1897 гг. в Зарайском уезде (Кривишенские, Козловские, Ситковские, Рассохинские, Апоничищихинские) [62] и вблизи г. Пронска (Монастырские, Завальские, Городищенские) [63]. В 1898 г. раскопана группа курганов вблизи с. Осово (при впадении р. Почеги в Осетр) [64]. Зарайские, Пронские и и Осовские курганы принадлежат племени вятичей и датируются XII—XIV веками. Исследованию вятичских курганов посвящена монография А. В. Арциховского [65]. Группа самых восточных заокских курганов исследована у хутора Харьинского близ дер. Засечье. (Спасского района) [66]. Сведения о славянских курганах и городищах содержатся в отчетах об обследованиях различных районов, прежде всего в указанном выше отчете В. А. Городцова [67].

Кроме названной выше экспедиции ГАИМК под руководством П. П. Ефименко, которой были обследованы берега р. Оки, в Рязанской области работала также экспедиция местного музея, которой были обследованы берега р. Прони [68], Верды [69] и Галины [70]. Составлена археологическая карта Зарайского уезда [71], а также список археологических памятников

---

[60] И. И. Проходцев. О деятельности Рязанской ученой архивной комиссии в первое двадцатипятилетие. «Юбилей двадцатипятилетия Рязанской ученой архивной комиссии». Рязань, 1911, стр. 17.

[61] Ф. Д. Нефедов. Отчет о раскопках в Касимовском уезде 1877 г. «Антропологическая выставка», т. II, вып. 2, ИОЛЕАиЭ, т. XXXI, 1878, стр. 56—61; «Антропологическая выставка», т. I, вып. 2, стр. 200, 288, 320, 354; т. III, вып. 2, стр. 482—487; Указатель Исторического музея, М., 1893, изд. II, стр. 289—293; Ф. Д. Нефедов. Раскопки курганов в Касимовском уезде. Из протоколов заседаний Комитета по устройству антропологической выставки Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, № 23, 1878.

[62] А. И. Черепнин. Дневник раскопок курганов, произведенных в 1896 г. членами Рязанской ученой архивной комиссии. ТРУАК, т. XI, вып. 2, 1896; П. Н. Милюков. О раскопках рязанских курганов летом 1896 г. ТРУАК, т. XIV, вып. 2, 1899 (то же — в Трудах X АС в Риге, т. I, 1899); С[пицын] А. А. Рязанская губерния. Раскопки курганов Зарайского и Рязанского уездов в 1896 г. ЗРАО, новая серия, т. X, вып. 1 и 2, 1898, стр. 334—342.

[63] А. Черепнин. Дневник раскопок Пронских курганов. ТРУАК, т. XIII, вып. 1, 1898, стр. 53—76.

[64] И. И. Проходцев. Осовские курганы. ТРУАК, т. XIV, вып. 1, 1899, стр. 73—76.

[65] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930.

[66] П. П. Ефименко. Летние работы 1922 г. в Рязанской губернии. Вестник рязанских краеведов, № 1, Касимов, 1923.

[67] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты..., стр. 515—672.

[68] А. А. Мансуров. Археологическая карта р. Прони. СА, IV, 1937; его же. Отчет об археологических разведках по верхней Проне за лето 1930 г. Рукопись. НАРМ, № 557; его же. Археологические разведки по среднему течению р. Прони. Рукопись. НАРМ, № 309; его же. Археологические разведки по нижнему течению р. Прони. Рукопись. НАРМ, № 306; его же. Археологические памятники по р. Проне (от Пронска до устья). Рукопись, НАРМ, № 658.

[69] Н. П. Милонов. Материалы к археологической карте Скопинского уезда Рязанской губернии (районы течения рек Верды и Прони). Труды Об-ва исследователей Рязанского края, вып. XII, 1928.

[70] Н. П. Милонов. Опыт археологических исследований по течению рек Верды, Прони и Галины. Скопин, 1925.

[71] И. П. Перлов. Материалы для археологической карты Зарайского уезда Рукопись, 1927. НАРМ, № 260.

Рязанского края [72]. Некоторые данные по археологическим памятникам Рязанского края содержатся в книге Н. П. Милонова, изданной для краеведов [73]. А. А. Мансуровым и О. Н. Бадером были собраны материалы для археологической карты Рязанской области, частично опубликованные, частично хранящиеся в архиве ИА, использованные мною при составлении карт.

Археологических исследований городов Рязанской земли производилось очень мало. Наиболее значительны были раскопки на городище Старая Рязань. Это один из самых замечательных археологических памятников в нашей стране. Многолетние раскопки по определенному плану дали возможность изучить топографию древнего города и получить представление о различных сторонах жизни населения.

После находки клада 1822 г., впервые привлекшего внимание к Старо-Рязанскому городищу, в 1836 г. начались раскопки, предпринятые «купеческим сыном» Д. Тихомировым. Основным объектом раскопок были остатки древнего храма [74]. После работ Д. Тихомирова исследование городища прекратилось на несколько десятков лет, но в эти годы был сделан ряд интересных находок — отдельных вещей и кладов. В 1884 г. была основана Рязанская ученая архивная комиссия, и положение с исследованием Старой Рязани, как и всех археологических памятников Рязанской земли, улучшилось. Много было сделано для собирания и сохранения древних вещей, теперь уже поступавших не в руки частных коллекционеров, а во вновь созданный музей.

Начиная с 1888 г. по 1905 г., Рязанская ученая архивная комиссия вела систематические раскопки в Старой Рязани. А. В. Селиванов раскопал второй каменный старо-рязанский храм, А. И. Черепнин вел раскопки в различных частях городища. Эти раскопки дали представление о культурном слое Старой Рязани, привели к открытию ряда жилых и ремесленных сооружений [75]. После смерти А. И. Черепнина в 1905 г. раскопки Старой Рязани вновь приостановились и были возобновлены лишь в советское время. В 1926 г. раскопки вела экспедиция под руководством В. А. Городцова [76], а с 1946 г. по 1950 г.— экспедиция ИИМК под руководством А. Л. Монгайта. В результате этих раскопок вскрыты значительные участки территории древнего города. Обнаружены наземные и полуземляночные жилища, множество ремесленных мастерских. Раскопан третий каменный храм. Изучены оборонительные сооружения. Получены многообразные материалы по истории и быту городского населения [77].

Кроме Старой Рязани, раскопки велись в Переяславле-Рязанском (в 1929—1930, 1945 и 1955—1957 гг.) [78], в Пронске (в 1929—1930 и 1945—1948 гг.) [79], на городищах Ижеславльском, Лубянском и Жокин-

---

[72] А. А. Мансуров. Список археологических памятников, находящихся на территории Рязанского края. Рукопись НАРМ, № 905.

[73] Н. П. Милонов. К изучению археологических памятников и истории сел и городов на территории Рязанской области. Рязань, 1949 (книга изобилует фактическими и методическими ошибками).

[74] Д. Тихомиров. Исторические сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани. М., 1844.

[75] А. В. Селиванов. Древности Старой Рязани. Труды XII АС в Ярославле, т. II, 1887; его же. Отчет о раскопках в Старой Рязани и дневник раскопок в Старой Рязани. ТРУАК, т. III, вып. 8, 1888; т. V, вып. 3, 1890; А. И. Черепнин. Кулаковский могильник и городище Старой Рязани. ТРУАК, т. XVIII, вып. 1 и 2, 1903.

[76] А. А. Мансуров. Древнерусские жилища. ИЗ, т. XII, М., 1941.

[77] А. Л. Монгайт. Старая Рязань. М., 1955.

[78] Н. П. Милонов. Разведки 1929—1930 гг. в Переяславле-Рязанском. ПИДО, 1935, № 5-6; его же. Археологические раскопки на территории Переяславля-Рязанского в 1945 г. Рукопись. НАРМ, № 300; А. Л. Монгайт. Отчет о раскопках в Рязанской области в 1955 г. Архив ИА, ф. 1, № 1205.

[79] Н. П. Милонов. Археологические раскопки в Пронске в 1929 г. Рукопись.

ском[80]. Эти городища, расположенные на Проне, представляют собой остатки городов, погибших в XIII в. Раскопки на городищах Казарском, Льговском[81] и Борисово-Глебском[82] выявили последовательную смену культур — от раннего железного века до славянской. Разведками А. А. Мансурова, Н. П. Милонова, В. И. Зубкова, О. Н. Бадера и А. Л. Монгайта открыты многочисленные славянские селища X—XVII вв. по берегам рек Оки, Прони, Верды и Галины.

Общие итоги археологических исследований Рязанской земли весьма значительны. На археологической карте отмечено около 1000 пунктов. Но все они в равной степени ценны для изучения истории. В одних случаях это археологические памятники, известные лишь по внешним описаниям или случайным находкам, в других — это памятники, подробно изученные и подвергавшиеся раскопкам. Но в сумме те и другие дают возможность обрисовать историю Рязанской земли, начиная с древнейших, не освещенных письменными источниками эпох, и пополняют наши сведения о летописной поре. Наиболее слабо изучена, как и в других частях древней Руси, рязанская деревня. Найденные разведками селища пока еще не раскопаны, и о них приходится судить главным образом по подъемному материалу. Частично источником, для изучения деревни могут служить раскопки курганов. Многочисленные археологические памятники Рязанской земли еще сравнительно мало изучены, но и то, что сделано, позволяет по-новому подойти к решению ряда вопросов истории Северо-Восточной Руси.

IV

Исторические исследования и библиографии. Работы Т. Воздвиженского и Д. Тихомирова. Исследование Д. Иловайского. Другие работы по истории Рязанского княжества. Библиография Рязанского края.

До 20-х годов XIX в. история Рязанского княжества освещалась лишь в общих трудах по истории России. Первая попытка рассмотреть ее в отдельном исследовании совершена в эти годы учителем Рязанской гимназии Т. Воздвиженским. Им опубликованы две работы по истории Рязани[83], представляющие ряд выписок из «Рязанских достопамятностей», а также из трудов Татищева, Щекатова и Карамзина. Автор выписывал часто противоречивые сведения и не сумел систематически изложить и связать их. В настоящее время книга Т. Воздвиженского не представляет интереса.

НАРМ, № 308; его же. Археологические открытия в Пронске. «Наука и техника», 1927, № 49; его же. Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища. Рязань, 1931.

[80] А. Л. Монгайт. Отчет о раскопках в Рязанской области в 1953 г. Архив ИА, ф. 1, № 875.

[81] А. Л. Монгайт. Отчет о работе Рязанского отряда Среднерусской экспедиции в 1955 г. Архив ИА, ф. 1, № 1205; его же. Отчет о раскопках 1957 г. в кремле Переяславля-Рязанского. Архив ИА, ф. 1, № 1621.

[82] А. Л. Монгайт. Отчет об археологических раскопках в Рязанской области в 1956 г. Архив ИА, ф. 1, № 1354.

[83] «Историческое обозрение Рязанской иерархии и всех церковных дел сия епархии от учреждения ее и до нынешних времен с присовокуплением исторического обозрения о бывших в ней и ныне существующих монастырях». М., 1820; «Историческое обозрение Рязанской губернии, разделенное на пять периодов в виде летописца, изображающее древнее и новое состояние сея губернии, с присовокуплением на каждый период политических, статистических, физических замечаний». М., 1822.

Однако для начала XIX в. это издание было полезным, так как впервые давало, хотя бы и противоречивую и содержащую ошибки, областную историю. Кроме того, в «Историческом обозрении Рязанской иерархии» впервые опубликованы многие грамоты из «Рязанских достопамятностей», тогда еще не изданных. Впрочем, в изложении документов Т. Воздвиженский допустил ряд неточностей. Он обращался с документами настолько вольно, что не стеснялся вводить в текст собственные фразы.

Местный «любитель старины» — «купеческий сын» Д. Тихомиров, ведший раскопки в 1836 г. в Старой Рязани, добросовестный и трудолюбивый, но малообразованный в исторических вопросах человек, написал небольшие книги: «Записки об археологических исследованиях в Рязанской губернии» и «Исторические исследования о генеалогии князей рязанских, муромских и пронских», изданные в Москве в 1844 г. Обе книги анекдотически наивны и никакого научного значения не имеют. Они изобилуют предположениями, подобными тому, что название Рязань произошло от глагола «резать», так как древние рязанцы были очень воинственны и резали своих соседей. Однако большой интерес вызывает третья книжка Д. Тихомирова, изданная им в Москве в 1844 г.,— «Исторические сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани», представляющая собой публикацию отчета о раскопках 1836 г.

Лишь в середине XIX в. появилось до сих пор не потерявшее своего значения и являющееся основным трудом по истории Рязани сочинение Д. И. Иловайского [84]. Это — систематическое изложение истории края на основании летописей и актов с привлечением географических, лингвистических и других данных, поскольку они были в распоряжении ученого. Состояние источников не позволяло автору дать широкую картину жизни населения Рязанской земли, да он и не стремился к этому. Он считал, что основой исторического процесса являются действия князей и бояр, что все зависит не от определенных законов и местных условий развития общества, а от характера и энергии князя, управляющего страной. О народе он почти не говорит и для характеристики народа находит лишь следующие слова: «При всей своей жестокости характер рязанцев не был лишен других, более привлекательных качеств; таковы неукротимая отвага или наклонность к молодечеству и постоянная преданность своим князьям» [85]. Во всей работе сквозят реакционно-монархические взгляды автора, создавшие печальную славу его учебникам. История Рязани Д. И. Иловайского — это в основном история княжеских междоусобий. Конечно, кроме взглядов и убеждений автора, такому одностороннему освещению истории способствовало и состояние источников. Он пользовался главным образом летописями, а они содержат сведения по политической истории и очень мало социально-экономических и других данных. Книга Д. И. Иловайского устарела не только потому, что устарела концепция автора, но и потому, что развитие исторической науки принесло огромное количество новых источников, в первую очередь археологических, а критика летописей позволила внести многие поправки и в изложение политической истории. Сочинение Д. И. Иловайского не потеряло своего значения в наши дни только потому, что оно является единственным трудом по истории Рязани. В течение истекшего столетия с момента написания его «Истории» не появилось ни одного исследования, которое целиком охватывало бы тему.

Церковной истории и археологии посвящено сочинение архимандрита Макария [86]. Большой материал по истории отдельных селений, который

---

[84] Д. И. Иловайский. История Рязанского княжества. М., 1858.

[85] Д. И. Иловайский. Ук. соч., стр. 119.

[86] Сборник церковно-исторических и статистических сведений о Рязанской епархии. М., 1863.

освещается попутно с историей церквей, содержится в книге И. В. Добролюбова [87]. Здесь приводятся данные о принадлежности селений и церквей в них, сведения об упоминании их в древних актах и летописях и т. п. Об истории рязанской епархии рассказывается также в труде Е. Голубинского [88].

Политическая история Рязани освещена в одном из разделов труда А. В. Экземплярского [89]. В общих работах по истории России Карамзина, Соловьева и др. соответствующие разделы посвящены истории Рязанского княжества. В 1885 г. был издан учебник для гимназий Ф. Савенко [90], представляющий собой сокращенное изложение книги Д. И. Иловайского и к тому же изобилующий многими ошибками. Источниковедению рязанской истории посвящен раздел книги В. С. Иконникова [91]; он подробно характеризует письменные источники. Отдельные темы, связанные с историей Рязанской земли, освещены в работе А. А. Шахматова [92], в указанных выше статьях П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова и исследовании А. В. Арциховского («Курганы вятичей»). Общим вопросам древней истории Рязани посвящена статья В. А. Городцова [93], основанная на археологических данных и написанная в ответ на статью А. А. Шахматова «Южные поселения вятичей». Этой же темы касался А. В. Селиванов [94]. Вопросу определения территории Муромо-Рязанского княжества и истории образования территории Рязанского княжества посвящена одна из глав исследования А. Н. Насонова «Русская земля» [95]. В названных выше работах автора данной книги освещены некоторые вопросы истории Рязанской земли [96]. Остальные исторические и археологические исследования, относящиеся к истории Рязани, будут названы дальше в процессе изложения тех тем, которых они касаются.

Первым библиографическим пособием для изучения Рязанского края явилась «Библиография Рязанского края», составленная А. В. Селивановым и опубликованная им в «Календаре и справочном указателе Рязанской губернии на 1884 год» [97]. Это вполне научный труд, в котором материал, расположенный в хронологическом порядке, выбран и характеризован с большим знанием дела. Начатая А. В. Селивановым работа была продолжена рязанским священником И. В. Добролюбовым, опубликовавшим «Материалы для библиографии Рязанского края» в Трудах Рязанской

---

[87] И. [В.] Добролюбов. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных, с списками их настоятелей за XVII, XVIII и XIX ст. и библиографическими указаниями. Том I, Зарайск. 1884; т. II, Рязань, 1885; т. III, Рязань 1888; т. IV, Рязань, 1891.

[88] Е. Голубинский. История русской церкви, т. I (первый полутом). М., 1901.

[89] А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период (с 1238 г. по 1505 г.). СПб., 1891, т. II, отд. II, гл. III.

[90] Ф. Савенко. Очерк истории Рязанского княжества. М., 1885.

[91] В. С. Иконников. Опыт русской историографии. Киев, 1908, т. II, кн. I, отд. II, гл. XIII.

[92] А. А. Шахматов. Южные поселения вятичей. Изв. Акад. наук, VI серия, СПб., 1907, № 16; его же. Древнейшие судьбы русского племени. Пгр., 1919.

[93] В. А. Городцов. Древнее население Рязанской области. Известия Академии наук, отдел. русского яз. и словесн., т. XIII, кн. 4, 1908.

[94] А. В. Селиванов. О древнейшем населении Приокского района. ТРУАК, т. XXI, вып. 2, 1906, стр. 79—94 (перепечатка из Трудов III обл. историко-археолог. съезда во Владимире).

[95] А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, гл. XII, стр. 197—215.

[96] А. Л. Монгайт. Некоторые сведения по истории Рязанской земли и историческая топография Старой Рязани. Старая Рязань. М., 1955, стр. 16—32; его же. Из истории населения бассейна среднего течения р. Оки в I тысячелетии н. э. СА, XVIII, 1953, стр. 151—189.

[97] Рязань, 1883.

ученой архивной комиссии [98]. Работа эта даже для своего времени не была полной, а сейчас уже совсем устарела. Кроме этих сводок, материалы по истории Рязанского края содержатся в общих исторических библиографиях, таких, как составленные В. И. Межовым и Б. и П. Ламбиными.

В советское время важнейшая заслуга в составлении библиографии по истории, археологии и этнографии Рязанского края принадлежит А. А. Мансурову. Были опубликованы лишь две части его труда [99]. Третья часть, содержащая описание работ по археологии, истории и этнографии Рязани, опубликованных за пределами Рязанской губернии в досоветское время (с 1822 г. по 1916 г.), осталась неизданной [100]. Очень важные материалы содержит опубликованное А. А. Мансуровым «Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края» [101]. Все рукописи подробно проконспектированы автором. Всего зарегистрировано 500 названий. Научный архив Рязанского музея также был описан А. А. Мансуровым. Им обследованы рукописи за период 1830—1933 гг. Всего зарегистрировано 300 названий [102]. Работы А. А. Мансурова по организации источников изучения истории Рязанского края на основании местных археологических и этнографических материалов очень помогали занятиям историей этой области. Однако после 1933 г. они были прерваны. За последние двадцать лет специальные библиографические работы по Рязани не публиковались и, насколько мне известно, не составлялись. Библиографию важнейших работ по истории и археологии Рязанской земли читатель найдет в постраничных примечаниях к данной книге.

Как мы видим, исторические исследования, посвященные истории Рязанской земли, очень немногочисленны и в значительной мере устарели. Важнейшими их недостатками являются слабое изучение начальных этапов истории славянского населения на Оке и одностороннее освещение только или преимущественно политической истории края на основании письменных источников. Во времена, когда писалась книга Д. И. Иловайского, археологические данные были еще очень скудными и, как правило, историки не умели еще использовать их для своих выводов. В последующие же годы не было сделано ни одной попытки дать общий очерк истории Рязанской земли.

Таким образом, важнейшая задача данной книги — восполнить недостатки изучения рязанской истории и дать общий ее очерк, не только пересмотрев уже известные источники, но и значительно расширив круг используемых источников, в первую очередь за счет археологических данных. Вполне естественно, что отличие взглядов советских историков от взглядов ученых XIX в. на общие закономерности исторического процесса неизбежно влечет за собой новую интерпретацию уже известных фактов.

---

[98] Отдельный оттиск из ТРУАК за 1905 г., вып. 1, стр. 33—84; вып. 2, стр. 157—206; вып. 3, стр. 237—279.

[99] А. А. Мансуров. Библиография Рязанского края. Этнология и палеоэтнология (археология), ч. I, вып. I, Рязань, 1930 (Труды Общества исследователей Рязанского края, вып. XXXI). Тематика: история, археология, этнография, фольклор, кустарная промышленность. Обследованы книги, журналы и газеты, изданные в Рязанском крае с 1838 г. по 1929 г.; А. А. Мансуров. Библиография Рязанского края. Этнография и археология, ч. II, вып. I, Рязань, 1932 [Труды Рязанского бюро краеведения, вып. 5 (46)]. Обследованы источники, опубликованные вне пределов Рязанского края, за 1917—1929 гг.

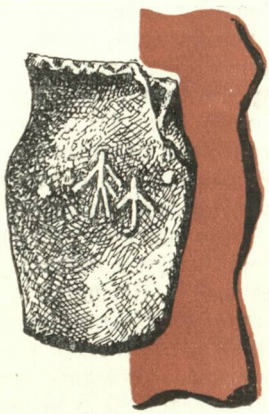
[100] В Архиве ИА хранится подготовленная к печати рукопись этой работы А. А. Мансурова — «Библиография Рязанского края. Археология и этнография, ч. II, вып. II», датированная 1933 г. Архив ИА, № 1060/85.

[101] Рязань, 1928—1933, вып. 1—5. Труды Об-ва исследователей Рязанского края, вып. XV, XVII, XXVI, XXXI и 48.

[102] А. А. Мансуров. Археография Рязанского края. Археология и этнография, вып. 1. Рукопись. НАРМ, № 660.

II

Древнее население Рязанской земли и вопрос о славянской колонизации



V

Краткий обзор естественно-географических районов Рязанской земли. Вопрос о реконструкции древнего ландшафта.

В пределах Рязанской земли, примерно от современной Коломны до Касимова, Ока течет по рубежу совершенно разных пространств. К северу от Оки тянется лесистая и болотистая низина, к югу — сравнительно возвышенное, преимущественно безлесное пространство, частью холмистое и овражистое, частью ровное, почти степного характера.

Территория, ограниченная течением рек Оки, Прони и Осетра, называется Рязанской стороной [1]. Почвы в Рязанской стороне серые и темно-серые, лесные, оподзоленные, близкие к чернозему, и оподзоленные черноземы, вкрапляющиеся отдельными пятнами по Проне, Ранове и Осетру. По Оке широкой полосой проходят аллювиально-луговые (пойменные) почвы (рис. 1)[2]. На юг от Прони лежит Степная сторона — это черноземный край степных равнин, изредка пересекаемых рощами и перелесками. Рязанская и Степная сторона являлись основными районами пашенного земледелия Рязанской земли.

Совершенно другой характер имеет местность, находящаяся на левом берегу Оки и называемая обычно Мещерской стороной. Она ограничена с севера р. Клязьмой и ее притоками, с юга — поймой р. Оки, с запада — течением Цны и Пали, с востока — р. Гусем. Это край лесов, озер и болот. От 30 до 35% территории занято болотами, население редкое и в древности, и сейчас. Огромные площади совершенно не освоены. Население сосредоточивается на более возвышенных местах, по берегам рек на песчаных буграх и откосах. Мещерская сторона занята дерновыми, сильно подзолистыми почвами. Почвы Муромского княжества и Ростово-Суздальского (за исключением так называемого Владимирского ополья) такие же, как в Мещерской стороне.

[1] В народном представлении Рязанская сторона — «сторона то широкая, что от Оки реки потягла до Дону глубокого» (Былина об Акундине, по рукописи XVIII в.; Русские народные сказки, изд. Сахаровым, 1841, ч. 1, стр. 96). Очевидно, отразившееся в фольклоре понятие о Рязанской стороне совпадает с представлением о Рязанской земле в целом и не соответствует современному географическому термину.

[2] См. Почвенную карту Европейской части СССР. Академия наук СССР. Почвенный институт им. В. В. Докучаева (под ред. академика Л. И. Прасолова). М., 1947.

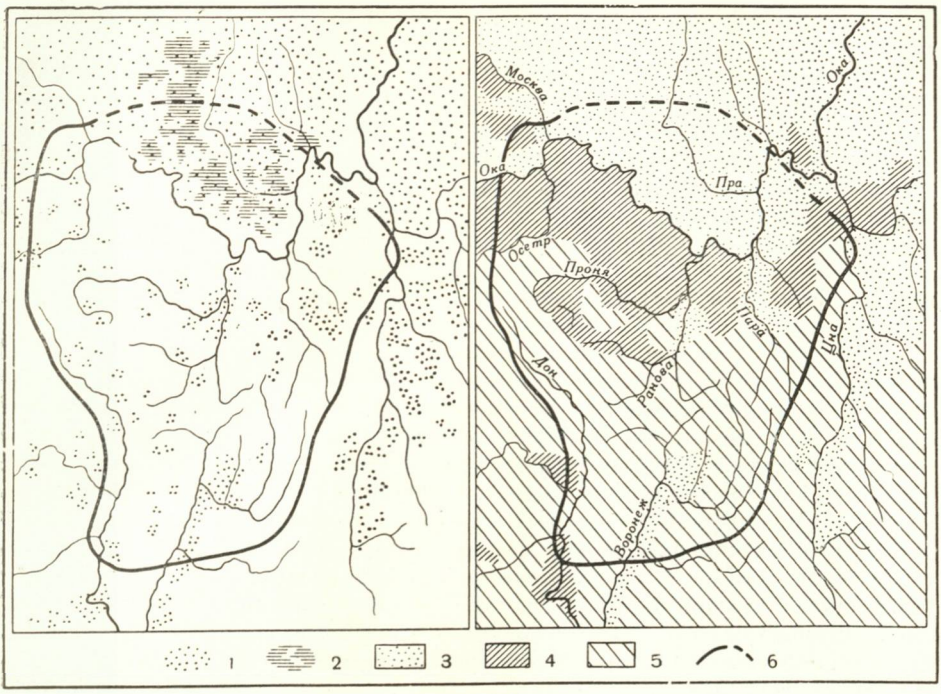


Рис. 1. Леса и почвы Рязанской земли. (Карта лесных массивов дана по состоянию на конец XIX в., карта почв — по «Почвенной карте Европейской части СССР», под ред. академика Л. И. Прасолова, М., 1947).

1 — леса; *2* — болота; *3* — дерново-подзолистые почвы; *4* — темно-серые и серые оподзоленные почвы (близкие к чернозему); *5* — черноземы; *6* — границы Рязанского княжества в начале XIII в.

Соответственно характеру почв и климата северная часть описываемой территории занята хвойным лесным покровом с моховыми торфяниками и луговыми травяными болотами; средняя — представляет преимущественное распространение ныне сильно сведенных лиственных лесов на суглинках и только изредка — хвойных на песках. Леса перемежаются с луговой степью на тощем черноземе, сравнительно небогатого травяного состава, ныне распаханной. Южная часть занята более богатой степной растительностью на более тучной черноземной почве, ныне сплошь распаханной, перемежающейся с мощными дубравами на серых суглинках, с узкими травяными и отчасти моховыми болотами с кочкарниками в долинах и лощинах, известными под именем «мшаров», с ольшаниками по краям[3].

Нас прежде всего интересует вопрос о том, как и в какой мере изменились естественно-географические условия за историческое время, в какой мере современная картина соответствует той, при которой жило здесь население городецких городищ и тысячелетием позже колонизовавшие Оку славяне. Очень важно установить, в частности, где в древности проходила граница между лесом и степью, совпадала ли она с современной. Эту проблему, конечно, решают не историки, а в первую очередь почвоведы и географы. Но среди них нет единой точки зрения. До сих пор остается

[3] См. карту естественно-географических районов Рязанской губернии, составленную В. П. Семеновым-Тянь-Шанским в 1924 г. НАРМ, № 132.

спорным вопрос о том, были ли наши степи безлесны «от века» и наступает ли степь на лес, или лес на степь [4].

Однако если ограничиться рассмотрением вопроса в пределах интересующего нас хронологического отрезка в 2500 лет, то вывод остается бесспорным: граница между лесом и степью в древности проходила определенно по северной границе распространения чернозема, точнее — близких к чернозему оподзоленных почв (по линии Шацк — Рязань — Зарайск). Древесно-растительные области в историческое время в основном лежали в тех же границах, которые они занимают и теперь. Но внутри этих зон, вследствие истребления лесов в течение ряда столетий, произошли изменения в древостое, а местами, особенно в лесостепи, большие пространства, занятые в прошлом лесом, обратились в степи.

В древней Руси все области, лежащие к северу от северной границы чернозема, были чрезвычайно лесистыми; исключение составляли отдельные безлесные пространства, носившие издревле название «поле». Л. Майков в 1874 г. писал, что в Рязанской губернии, при половине губернии черноземной, леса составляют 22%. Со времени генерального межевания (1774—1798 гг.) количество лесов по Рязанской губернии уменьшилось на 33% [5]. Чрезвычайная быстрота, с которой уничтожались леса в течение этого столетия, конечно, не характерна для древних эпох, но все же, начиная с бронзового века, воздействие человека на географический ландшафт было таково, что оно было определяющим в большей мере, нежели климатообразующие факторы [6]. Несомненно, к причинам, способствовавшим исчезновению лесов в лесостепях, следует отнести способ обработки земли — подсечное земледелие.

Летопись прямо называет пространство на юг от Рязани «полем» [7]. Чернозем является здесь господствующим родом почвы. Дальше на юг почти нет лесов. Лишь между Доном и Воронежом есть островок лесов, упоминаемый Воскресенской летописью под 1283 г. Летописи не содержат сведений о древних географических условиях края вправо от р. Оки, между Рязанью и Муромом. Сейчас леса тянутся сплошь по правому песчаноглинистому берегу Мокши, переходят на левый берег ее при впадении в нее Цны, а после впадения самой Мокши в Оку густой массой простираются по правому песчаному берегу этой последней до Мурома. Леса в области Мокши составляли крайний южный предел сплошного распространения лесной растительности в юго-восточных пределах древней Руси [8]. К северо-западной окраине этих лесов, к р. Цне подходила в XII—XIII вв. граница Рязанской земли, которая на юг от Оки имела уже вполне степной характер.

Северная болотистая и лесная сторона была позже заселена, чем южная лесостепная, и надолго осталась областью с редким населением, занимающимся охотой и промыслами. Южная сторона, с которой связаны исторические судьбы славянского населения, издревле была краем земледелия и скотоводства.

---

[4] Л. Ф. Турчанович. Леса Европейской части СССР в прошлом. «Землеведение», новая серия, т. III (XIII), 1950; Г. И. Танфильев. Доисторические степи Европейской России. «Земледелие», 1896, № 2.

[5] Л. Майков. Заметки по географии древней Руси. (Рецензия на книгу Н. П. Барсова «Очерки русской исторической географии»). ЖМНП, 1874, ч. 174, № 8, стр. 34—284, и отдельный оттиск.

[6] И. Е. Бучинский. Очерки климата Русской равнины в историческую эпоху. Гидрометеоиздат. Л., 1954.

[7] ПСРЛ, т. I, стр. 164.

[8] Л. Майков. Ук. соч., стр. 275.

VI

Городища городецкой культуры. Общая характеристика. Городецкое городище. Конищевское городище. Льговское городище. Новоселковское городище. Вышгородское городище. Городище Вуколов Бугор. Луховицкое I (Палецкое) городище. Никитинское городище. Старо-Рязанское городище. Борисо-Глебское городище. Алпатьевское городище. Чертово (Елшинское) городище. Казарское городище.

Основным населением района Средней Оки до появления здесь славян были местные племена, которые могут быть признаны предками современной мордвы, а также предками известных из письменных источников, но исчезнувших в процессе славянской колонизации муромы и мещеры [9].

Наиболее древними памятниками, которые связываются с чудскими племенами, являются так называемые городища городецкой культуры [10]. Непрерывно тянущиеся по правому берегу Оки от Белоомута до Касимова, они составляют рязанскую группу городищ. К той же культуре принадлежат городецкие городища саратовской, пензенской, тамбовской, куйбышевской и муромской (нижнеокской) локальных групп [11]. Городецкие городища сходны с широко распространенными в верховьях Оки и Волги дьяковскими городищами.

Для культуры этих городищ характерно наличие так называемой «текстильной» керамики (покрытой орнаментом, сходным с отпечатками тканей). На дьяковских городищах этот орнамент напоминает отпечатки сетки, на городецких — рогожи. Собственно, применение тканей в изготовлении керамики не совсем еще ясно для археологов. Раньше предполагалось, что сосуды лепили внутри специальных мешочков из ткани, но потом было доказано, что они изготовлялись с помощью обычной техники спирального налепа. Если ткани употребляли при изготовлении сосудов, то их роль сводилась лишь к орнаментации: на готовый сосуд до обжига накладывали ткань, и таким образом получался ее отпечаток на поверхности. Некоторые

---

[9] Все эти племена разговаривали на языках, принадлежащих к финно-угорской языковой семье, поэтому в исторической литературе их часто называют финнами. Это название применяется и к древним племенам, и ко многим современным народам, ничего общего не имеющим с современным финским народом (финнами — суоми). Их языковое родство свидетельствует лишь об общем происхождении и очень древних связях. Русские летописи называют чудью племена эстов, но иногда этот термин применяется в качестве общего названия для группы народов финно-угорского языка, например — «чудь заволочская». «Русское население, окружавшее инородческие поселки, называло их часто и не собственными племенными названиями, а общим именем «чудь» или «чудца» (М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929, стр. 10). Считаем возможным применять это название по отношению ко всем племенам финно-угорской группы для всей летописной поры и вместо термина «финские племена», «финские древности» писать «чудские племена», «чудские древности». Этот термин был принят в русской историографии, а потом неправомерно исключен. Необходимо помнить об условности термина «чудские племена», применяемого в данном тексте.

[10] Эта культура получила свое название по городищу у с. Городец, исследованному В. А. Городцовым.

[11] Н. В. Трубникова. Племена городецкой культуры. Археологический сборник. Труды ГИМ, вып. XXII, 1953, стр. 63—96. А. П. Смирнов также разделяет городецкие городища на локальные группы, но насчитывает их меньшее количество. См. А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА № 28, 1952, стр. 42—47.

археологи (Н. Арзютов, Н. В. Трубникова) считают, что «рогожный» орнамент вообще наносили не тканью, а специальным штампом.

Но каково бы ни было происхождение «текстильного» орнамента, для нас важно то, что его наличие позволяет разделять дьяковские и городецкие городища, очень сходные по другим элементам культуры. Керамика с «рогожным» орнаментом обычно на дьяковских городищах не встречается [12]; сетчатая попадается на рязанских городецких городищах, главным образом в районе, где они соприкасаются с дьяковскими (граница приблизительно проходит на Оке). Кроме способа орнаментации посуды, другим характерным признаком, отличающим культуру дьяковских городищ от культуры городецких, является наличие на первых из них конусовидных глиняных грузиков с зарубками по основанию. Этот загадочный предмет, назначение которого археологи пока не смогли установить, не встречен ни на одном городецком городище рязанской группы. Грузики «дьякова» типа неизбежно попали бы на городецкие городища, хотя бы в качестве объекта ввоза, если бы имели какое-нибудь практическое значение. По-видимому, грузики связаны с какими-то культовыми действиями, не принятыми населением городецких городищ.

Городища городецкой культуры (по рязанскому течению Оки) располагались обычно группами, по 2—3 городища, на расстоянии 1—3 км одно от другого, с интервалами в 10—15 км между такими группами. Обычный размер городища — 36—65×80—135 м [13]. Расположенное на мысе вблизи реки городище отделено с напольной стороны одним, двумя или тремя валами и рвами. Изредка встречаются городища не на мысах, со всех сторон окруженные валами и рвами.

Датировка городецких городищ установлена работами В. А. Городцова, П. Н. Третьякова, А. П. Смирнова и других исследователей. По ряду признаков эпоха существования городецких городищ отнесена к VII в. до н. э. — V в. н. э. и подразделяется на две стадии: 1-я — VII в. до н. э. — I в. н. э. и 2-я — I—V вв. н. э. На городищах 2-й стадии уменьшается количество керамики с «рогожным» орнаментом, а иногда она и совсем исчезает и ее заменяет грубая, сделанная от руки посуда из плохо промешанного глиняного теста с примесями дресвы, песка или шамота.

Материалы исследованных нами рязанских городищ в целом подтвердили эту периодизацию, за исключением вопроса о конце существования городецкой культуры. В V в. н. э. жизнь на городецких городищах не прекращается. Городецкая культура непосредственно перерастает в культуру поселений VI—X вв. [14]

После этих предварительных замечаний перейдем к описанию некоторых из наиболее обследованных городищ.

В рязанской группе городецких городищ насчитывается 75 памятников [15]. Немногие из них подвергались раскопкам; в большинстве случаев исследование ограничивалось сбором подъемного материала и шурфовкой.

---

[12] На некоторых городищах имеется в очень незначительных количествах (например, на Каширском, Барвихинском). См. Н. Арзютов. К вопросу о так называемой «рогожной» керамике. Труды Нижневолжского обл. научн. об-ва краеведения, вып. 35, ч. 1, Саратов, 1926, стр. 79—84; Н. В. Трубникова. Ук. соч., стр. 83.

[13] Обследованные экспедицией ГАИМК в 1928 г. городища на Оке — следующих размеров: Палецкое I—1266 кв. м, Палецкое II—1616 кв. м, Малявница у дер. Новоселки — 2700 кв. м, Новоселковское — 1600 кв. м, Паново — 2000 кв. м, Митинское — 2900 кв. м, Половское I—2500 кв. м, Половское II—2400 кв. м, Половское III—3100 кв. м, Гавердовское — 3000 кв. м, Почта у с. Вакино — 3838 кв. м, Ново-Пудковское — 4300 кв. м, Никитинское — 3000 кв. м (П. Н. Третьяков. К истории докласcового общества Верхнего Поволжья. Изв. ГАИМК, вып. 106, 1935, стр. 153).

[14] См. А. П. Смирнов. Некоторые вопросы средневековой истории Поволжья. Казань, 1957, стр. 14, 15.

[15] На карте, опубликованной в указанной выше статье П. Н. Третьякова (Изв.

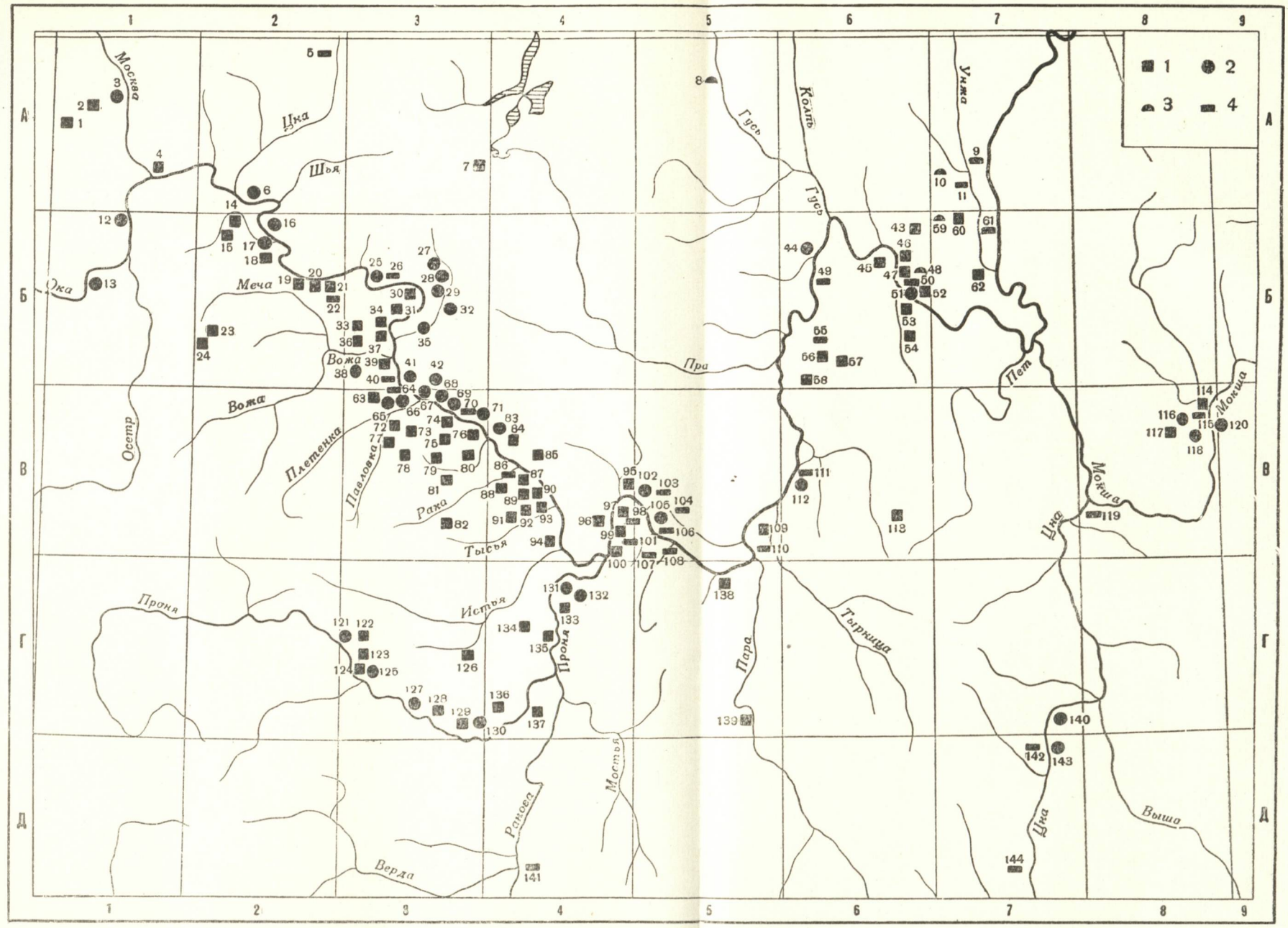
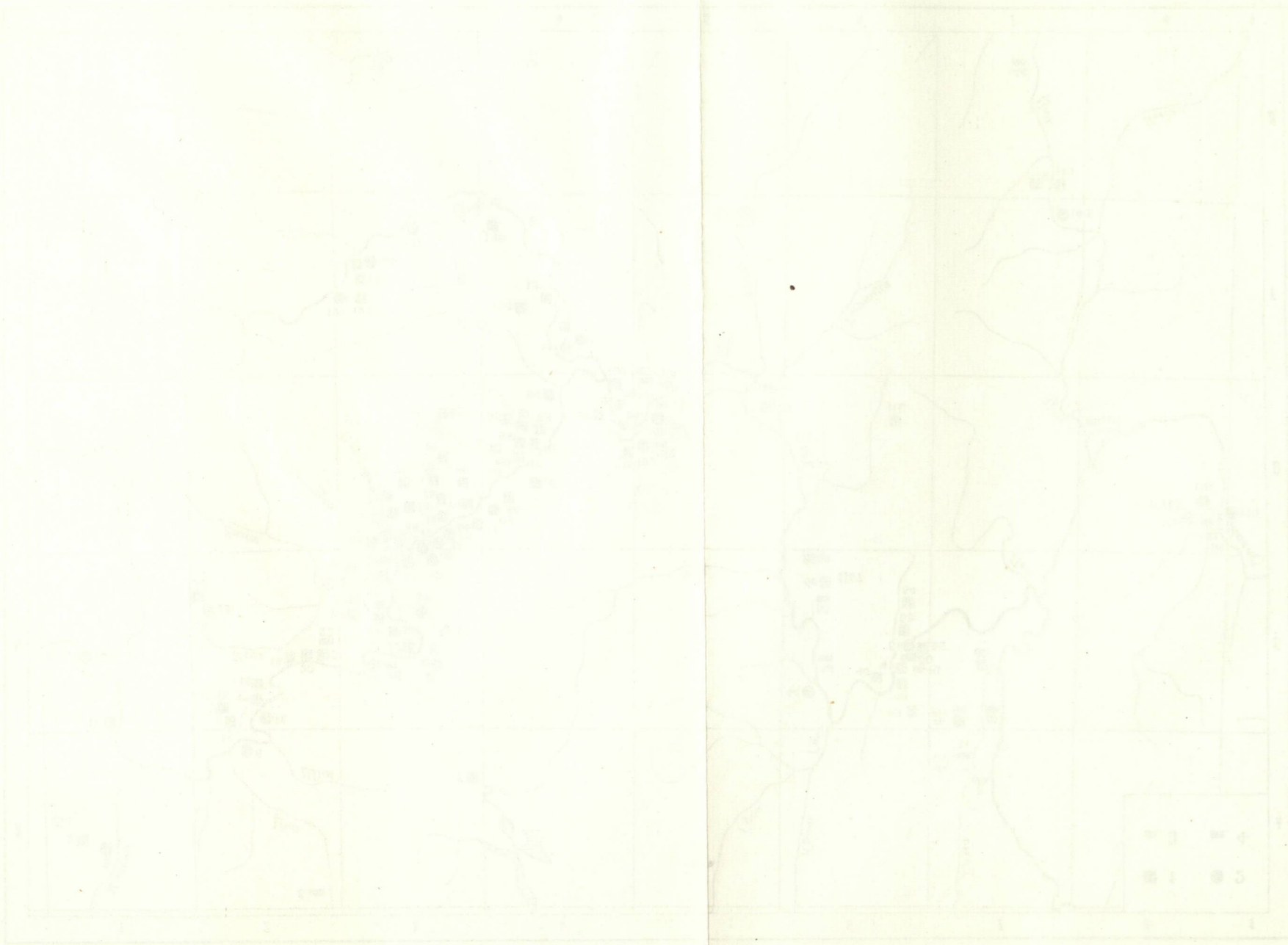


Рис. 2. Археологические памятники дославянского населения в бассейне среднего течения р. Оки.
(Первое обозначение в скобках после названия памятников указывает номер на карте, второе обозначение — трапецию.)

1 — городища; *2* — селища; *3* — курганные могильники; *4* — грунтовые могильники; Абловское городище (*36, Б-3*); Акатьевское селище (*12, Б-1*); Алексановское I селище (*71,В-3*); Алпатьевское городище (*19,Б-2*); Апоничищихинское I городище (*23, Б-2*); Апоничищихинское II городище (*24,Б-2*); Армыжевское городище (*117,В-3*); Арцыбашевское погребение (*141, Д-4*); Асановское городище (*136, Г-4*); Бабенское городище (*45, Б-6*); Баишевское городище (*53, Б-6*); Богословское селище (*35, Б-3*); Большие Богатырские заводы, селище (*29, Б-3*); Больше-Пироговское городище (*133, Г-4*); Больше-Полянское городище (*126, Г-3*); Борисо-Глебское городище (*20, Б-2*); Борковский могильник (*64, В-3*); Борковское II селище (*66, В-3*); Борковское III селище (*65, В-3*); Буковское селище (*17, Б-2*); Вакинский (Шмаковский) могильник (*22, Б-2*); Васильевское городище (*82, В-3*); Ватреницкое городище (*60, Б-7*); Ватреницкие курганы (*59, Б-7*); Вешальское селище (*121, Г-3*); Виловское селище (*116, В-3*); Вуколов Бугор, городище (*124, Г-3*); Выгородское городище (*88, В-4*); Вырыпаевские курганы (*10, А-7*); Гавердовское городище (*87, В-4*); Гавердовский могильник (*86, В-4*); Глебовское городище (*80, В-3*); Городецкое (на Кишне) городище (*95, В-4*); Городецкое (на Истье) городище (*134,Г-4*); Городищенское I селище (*38, Б-3*); Дашковское (Храпковское) городище (*72, В-3*); Денисовское городище (*128, Г-3*); Дубровичский могильник (*70, В-3*); Дубровский (Срезневский) могильник (*108, В-5*); Дьяконовское городище (*78, В-3*); Дядьковское городище (Богатырское дворище) (*74, В-3*); Елшинское (Чертово) городище (*122, Г-3*); Еремеевский могильник (*107, В-5*); Жабкинский могильник (*5, А-2*); Ждановское (Шостьинское) городище (*54, Б-6*); Заокское I селище (*41, Б-3*); Закопищенский могильник (*104, В-5*); Зареченское селище (*132, Г-4*); Земляной Струг, городище (*43, Б-6*); Ибердусское селище (*44, Б-6*); Казарское городище (*84, В-4*); Карабчевское городище (*4, А-1*); Карцевское городище (*75, В-3*); Киструсский могильник (*103, В-5*); Кокуевское селище (*118, В-3*); Коломцы I, селище (*32, Б-3*); Конищевское городище (*63, В-3*); Константиновское селище (*25, Б-3*); Кошебеевский могильник (*119, В-3*); Красный Угол (Бабий Городок), городище (*139, Г-5*); Кривцовское городище (*138, Г-5*); Куземкинский могильник (*55, Б-6*); Куземкинское I городище (*56, Б-6*); Куземкинское III городище (*57, Б-6*); Кузьминский могильник (*26, Б-3*); Курманский могильник (*49, Б-6*); Кулаковский могильник (*110, В-5*); Лебединское городище (*7, А-3*); Лесно-Конобеевское селище (*140, Г*) Ловецкое селище (*16, Б-2*); Луковицкое I (Палецкое) городище (*15, Б-2*); Луковицкое II (Исполинов Бугор) городище (*14, Б-2*); Льговское городище (*76, В-3*); Любичское селище (*6, А-2*); Малые Ржавцы, селище (*131, Г-4*); Малявница, городище (*30, Б-3*); Мелеховское городище (*113, В-5*); Митинское городище (Чертов Угол) (*37, Б-3*); Михайловский могильник (*9, А-7*); Минуковский могильник (*61, Б-7*); Мурминское I селище (*33, В-4*); Мячковское городище (*2, А-1*); Нармушадское городище (*58, Б-6*); Недостоевское I городище (*39, Б-3*); Никитинское городище (*100, В-4*); Никитинский могильник (*101, В-4*); Новоселковская Осяка, селище (*27, Б-3*); Новоселковское (на Листани) городище (*81, В-3*); Новоселковское (на Сосенке) городище (*31,Б-3*); Облачинское I селище (*105, В-5*); Облачинский могильник (*106, В-5*); Парахинские курганы (*8, А-5*); Перевитское II городище (*18, Б-2*); Погост Красный, селище (*3, А-1*); Поленское городище (*79, В-3*); Половское I городище (*93, В-4*); Половское II городище (*91, В-4*); Половское III городище (*92, В-4*); Польновское I городище (*89, В-4*); Польновское II городище (*90, В-4*); Польно-Ялтуновский могильник (*142, Б-1*); Полянское I селище (*51, Б-6*); Поповские курганы (*48, Б-6*); Поповское городище (*52, Б-6*); Поповский боровой могильник (*50, Б-6*); Почта, городище (*21, Б-2*); Преображенское селище (*120, В-3*); Пронское городище (*123, Г-3*); Пронское Прикурганное I селище (*125, Г-3*); Пудковское городище (*34, Б-3*); Ростиславльское селище (*13, Б-1*); Рыковская Осяка, селище (*28, Б-3*); Сабуровское городище (*62, Б-7*); Семеновское городище (Высокая Гора) (*77, В-3*); Семионовское городище (*137, Г-4*); Спасское городище (*96, В-4*); Средне-Галинское селище (*127, Г-3*); Старо-Кадомское городище (*114, В-3*); Старо-Кадомский могильник (*115, В-3*); Старое Мещерское городище (*45, Б-6*); Старо-Рязанское городище (*97, В-4*); Столбище, городище (*47, Б-6*); Столпянское городище (*135, Г-4*); Сумбуловское городище (*85, В-4*); Сысоевское городище (*73, В-3*); Тереховское городище (*109, В-5*); Томниковский могильник (*144, Д-7*); Троице-Пеленицкое II (Остролуцкое) городище (*94, В-4*); Тырновский могильник (*111, В-6*); Тырновское II селище (*112, В-6*); Ужальевское I селище (*102, В-5*); Фефеловский могильник (*41, Б-3*); Фоминский могильник (*11, А-7*); Шатрищенское городище (*99, В-4*); Шатрищенский могильник (*98, В-4*); Шишкинское городище (*33, Б-3*); Шумошское I селище (*42, Б-3*); Шумошское II селище (*67, В-3*); Шумошское III селище (*63, В-3*); Шумошское IV селище (*69, В-3*); Юрякинское городище (*129, Г-3*); Юракинское IV селище (*130, Г-3*); Юшковское I городище (*1, А-1*); Ялтуновское I селище (*143, А-1*).



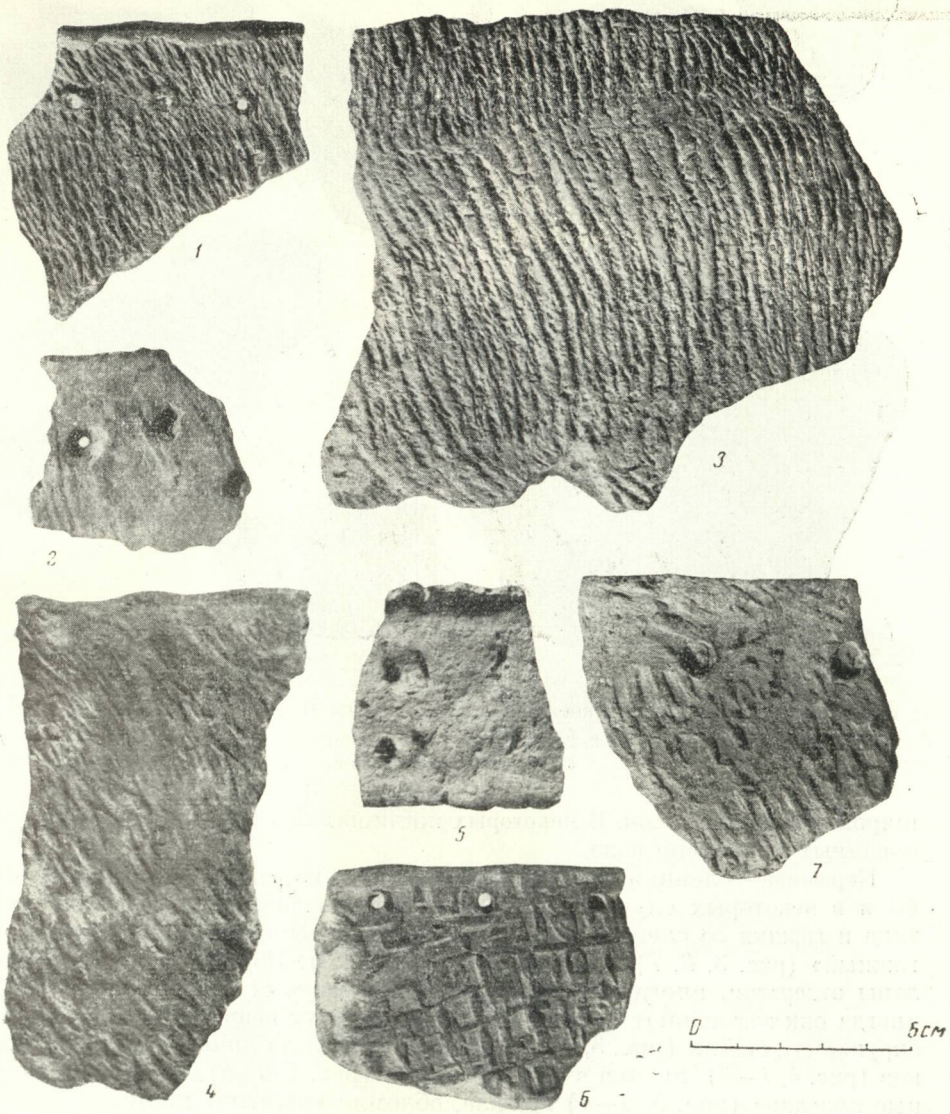


Рис. 3. Городецкое городище. Раскопки В. А. Городцова. Керамика.

1, 3 — с сетчатым орнаментом; *2, 5* — гладкая с ямочными вдавлениями; *4* — штриховая; *6, 7* — с «рогожным» орнаментом.

Давшее название всей культуре Городецкое городище находится в 1 км от с. Городец на берегу р. Кишни (рис. 2, *95*). Городище — овальной формы, размером 49,5 × 60 м, с напольной стороны защищено рвом и валом. В 1898 г. городище раскапывал В. А. Городцов, в 1928 г. обследовал П. П. Ефименко. В. А. Городцовым найдено 7 землянок четырехугольной формы, размером 7—13 м в длину, 5—6 м в ширину; глубина их не превышала 1 м. Землянки имели односкатное покрытие, сделанное из

ГАИМК, вып. 106, 1935, стр. 155) были помещены только 44 городецких городища и селища.

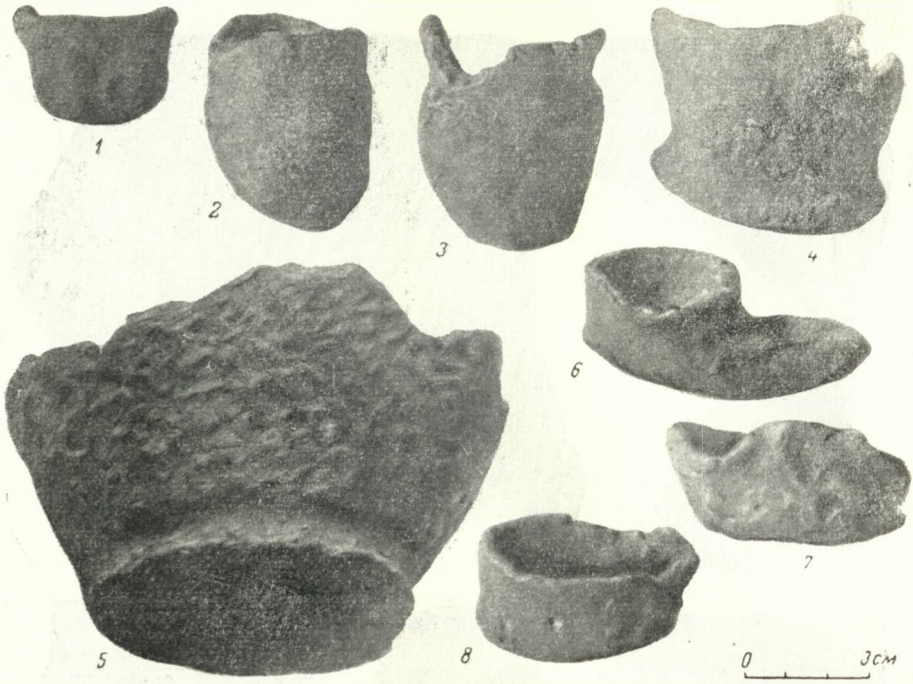


Рис. 4. Городецкое городище. Раскопки В. А. Городцова.

1, 3 — маленькие сосудики; *2* — тигель; *4, 5* — обломки сосудов средних размеров; *6—8* — глиняные льячки.

широких толстых досок. В некоторых жилищах были очаги в виде ям, выкопанных в середине пола.

Керамика — лепная, грубая, изготовленная из глины с примесью дресвы и в некоторых случаях — с обломками раковин. Сосуды — баночного типа и горшки со слегка отогнутым венчиком. Основной орнамент — «рогожный» (рис. 3, *6, 7*) и сетчатый (рис. 3, *1, 3*). По краю сосудов проделаны отверстия, иногда парами с противоположных сторон (рис. 3, *6*); иногда они составляют элемент орнамента и идут непрерывным рядом по окружности шейки (рис. 3, *1*). Встречены несколько миниатюрных сосудиков (рис. 4, *1—3*), льячки в виде ковшиков (рис. 4, *6—8*). Найдены глиняные пряслица (рис. 5, *1—4*) грузила, обломки «рогатых» кирпичей.

В верхнем слое городища обнаружены 2 железных ножа (рис. 5, *6, 7*) и рыболовный крючок. Из камня изготовлены зернотерки и куранты. Много изделий из кости, в том числе — гарпуны, проколки, шилья, долота, наконечники стрел (рис. 6). Находка костяного наконечника стрелы, подражающего скифским типам VII—VI вв. до н. э. (рис. 6, *8*), и керамики этого времени позволяют относить городище к ранним памятникам городецкой культуры [16]. Подстилающий слой неолитический.

Конищевское городище находится к югу от с. Конищево (в 300 м от его окраины; рис. 2, *63*) на крутом обрыве поемной долины р. Оки; у подножия городища протекает р. Трубеж. Городище окружено валом и рвом, охватывающими площадь городища полудугой. Длина вала — 117 м; береговая полоса, заключенная между окончаниями вала, равна

[16] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в долине р. Оки. «Древности», т. XVIII, 1901; его же. Результаты археологических исследований 1889 г. АИЗ, т. VII, 1899; его же. Бытовая археология. М., 1910, стр. 377, 378

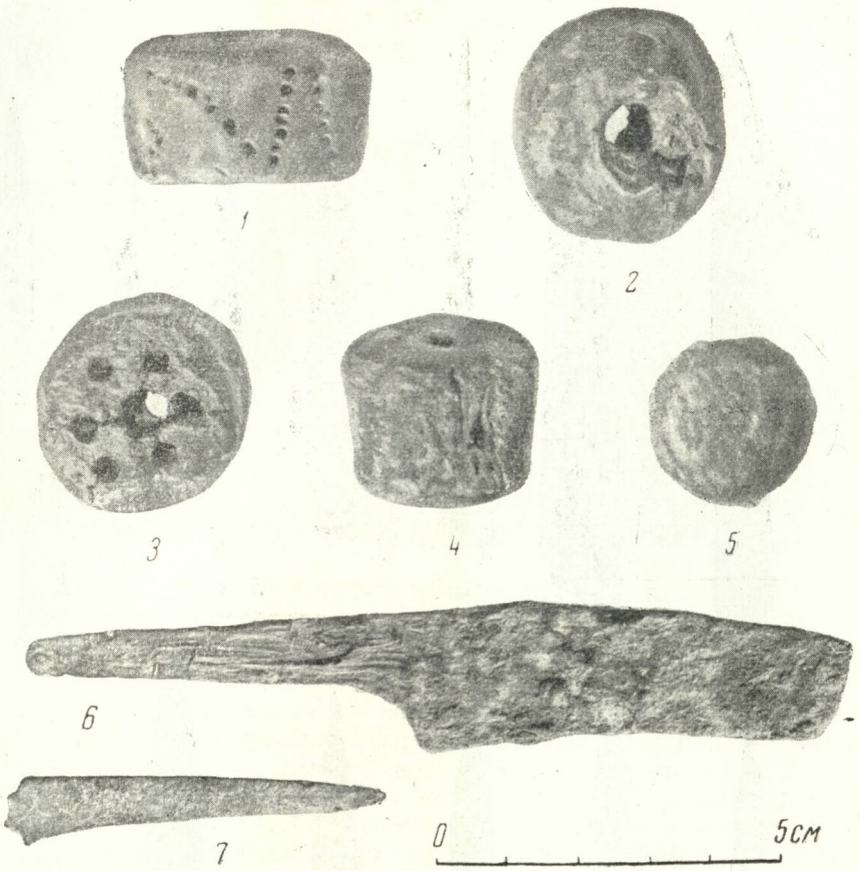


Рис. 5. Городецкое городище. Раскопки В. А. Городцова.
1—4 — глиняные пряслица; *5* — поделка из глины; *6,7* — железные ножи.

62 м; расстояние от берегового обрыва до вала (до вершины дуги) — 36 м. Конищевское городище впервые было обследовано В. А. Городцовым в 1898 г. [17], затем — Н. В. Говоровым в 1930 г. [18] и раскапывалось В. А. Городцовым в 1939 г. [19]

В проведенных В. А. Городцовым траншеях были найдены жилища полуземляночного типа, в общем неясно обрисованные и в отчете почти не описанные. Четко выявились 3 глинобитных печи, которые В. А. Городцов реконструирует как сбитые на земле из сухой глины, имевшие свод в виде полуцилиндра. Сохранились следы обмазки пода и стен печей. Керамика на городище «рогожная», изредка — сетчатая и гладкая неорнаментированная. Найдены «рогатые» кирпичи, глиняные пряслица, костяные шилья, точильные камни, глиняные льячки и тигль, кусок железного шлака, выплавленный в горшке из болотной руды; кости лошади, коровы, овцы, свиньи, собаки и медведя. Возникновение городища относится к середине I тысячелетия до н. э.; поселение на нем просуществовало до первых веков нашей эры.

[17] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты..., стр. 578.
[18] Н. В. Говоров. Археологическое обследование окрестностей Рязани в 1930 г. НАРМ, № 410.
[19] В. А. Городцов. Дневник раскопок 1939 г. в с. Борки и на Конищевском городище. НАРМ, № 1279.

Рис. 6. Городецкое городище. Раскопки В. А. Городцова.
1—2 — костяные гарпуны; *3—14* — костяные наконечники стрел.

Льговское городище расположено в 500 м к северо-западу от дер. Льгово (рис. 2, *76*). Впервые описано К. К. Калайдовичем в 1825 г.[20] Оно обследовалось и раскапывалось в 1889 г. А. В. Селивановым[21], в 1895 г.— В. А. Городцовым[22], в 1899 г.— И. И. Проходцевым и В. Н. Крейтоном[23], в 1925 г.— Н. И. Лебедевой[24], в 1930 г.— Н. В. Гово-

[20] К. Калайдович. Письма к А. Ф. Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии. М., 1825, стр. 50, 51.
[21] И. И. Проходцев. НАРМ, № 735.
[22] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты...,стр. 594—596.
[23] И. И. Проходцев. О деятельности Рязанской ученой архивной комиссии за первое 25-летие. НАРМ, № 743; Вестник археологии и истории, издаваемый С.-Петербургским археологическим институтом, вып. XIV, 1901, стр. 157.
[24] Н. И. Лебедева. Отчет об археологических работах в Рязанской губернии летом 1925 г. НАРМ, № 184.

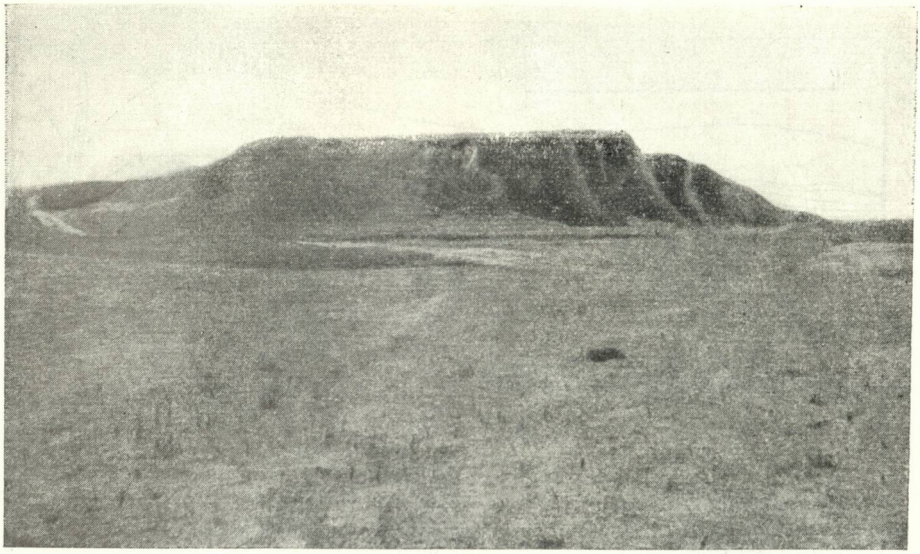


Рис. 7. Льговское городище. Вид с Оки.

ровым [25]. В 1955 г. нами были произведены съемка городища с прилегающей к нему территорией и раскопки [26]. Городище занимает сравнительно небольшую площадь на высоком мысе над поймой рек Оки и Гусевки (рис. 7 и 8). Оно — треугольной формы и с напольной (западной) стороны окружено валом и рвом. Высота вала — 3 м, глубина рва — 2 м. Раньше существовали идущий параллельно первому второй (внешний) вал и ров, теперь разрушенный и слабо прослеживаемый на отдельных участках. На одном из таких участков была произведена зачистка вала и установлено, что он насыпан из желтой глины. На глубине 0,4—0,45 м от современной поверхности вал обожжен, как обычно валы на городецких городищах. Слой обожженной глины на отдельных участках равен 0,4—0,5 м. На зачищенном участке (в северо-западной части городища) высота внешнего (разрушенного) вала составляет всего 1 м. Он насыпан на материке. Культурного слоя до насыпки вала здесь не было, или был счищен перед тем, как вал был насыпан.

Культурный слой на вскрытых нашими раскопками участках городища равен 1 м и состоит из черной земли с включениями песка, глины, углей и золы. Весь он относится к городецкому времени и не содержит находок славянской поры. Наши предшественники по раскопкам Льговского городища упоминают о найденной здесь керамике и вещах славянского времени, но эти отдельные находки сделаны на поверхности и не составляют стратиграфически прослеживаемого слоя. При наших раскопках обнаружены куски обожженной глины, судя по следам примазки, по-видимому, представляющие собой остатки глиняных очагов. Очаг был овальной формы, плоский и состоял из плоских камней, положенных на землю и обмазанных глиной. Жилища, очевидно, были наземными, и потому что их деревянные части не сохранились, выяснить форму жилищ не удалось. Найдены глиняные и каменные пряслица, костяной гарпун, небольшой железный нож (рис. 9). Как и на всех городецких городищах, основной

[25] Н. В. Говоров. Археологическое обследование... (НАРМ, № 410).

[26] А. Л. Монгайт. Отчет о работе Рязанского отряда Среднерусской экспедиции ИИМК в 1955 г. Архив ИА, ф. 1, № 1205.

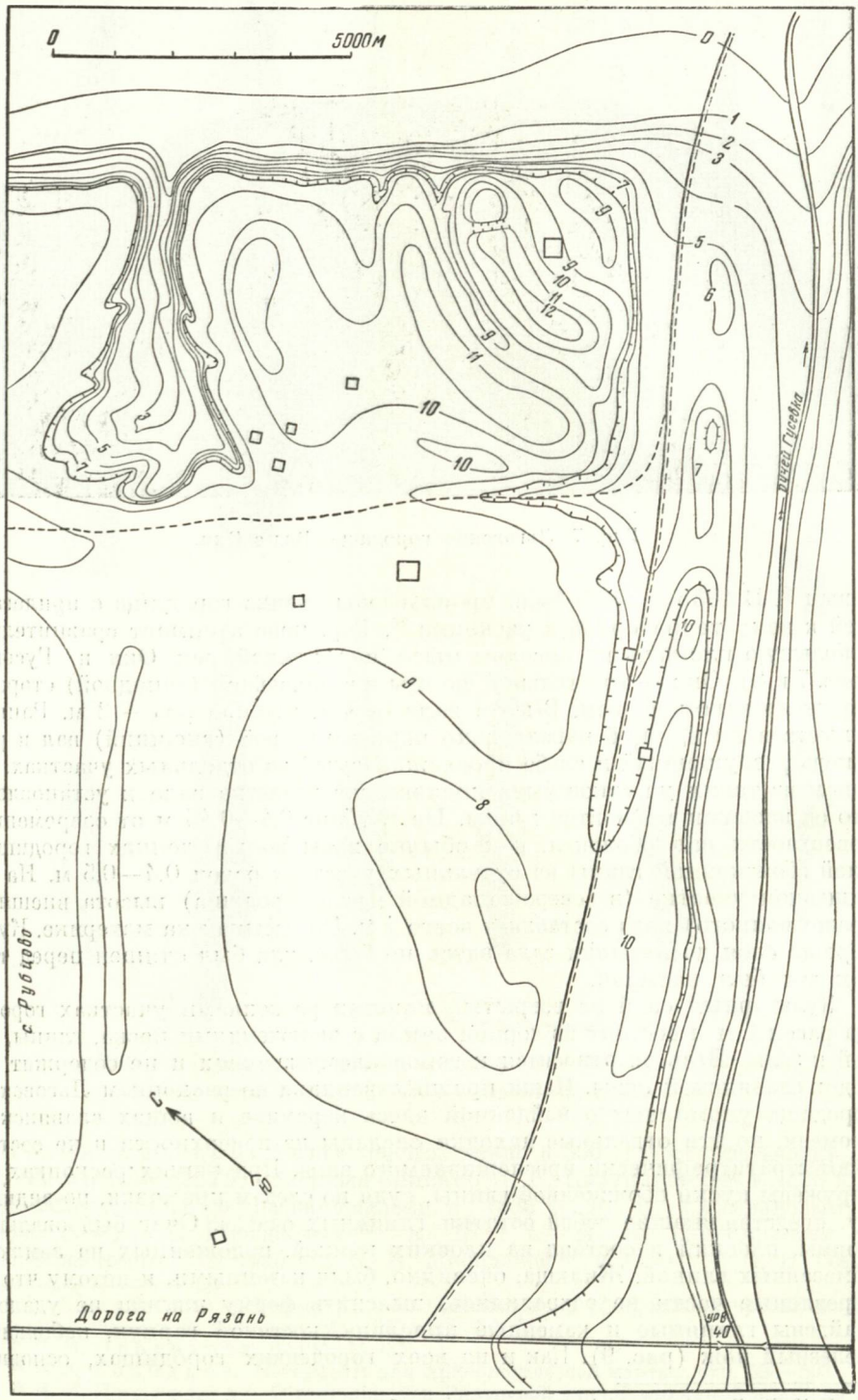


Рис. 8. План Льговского городища и селища.
(Съемка экспедиции ИИМК 1955 г. Квадратами отмечены места раскопок).

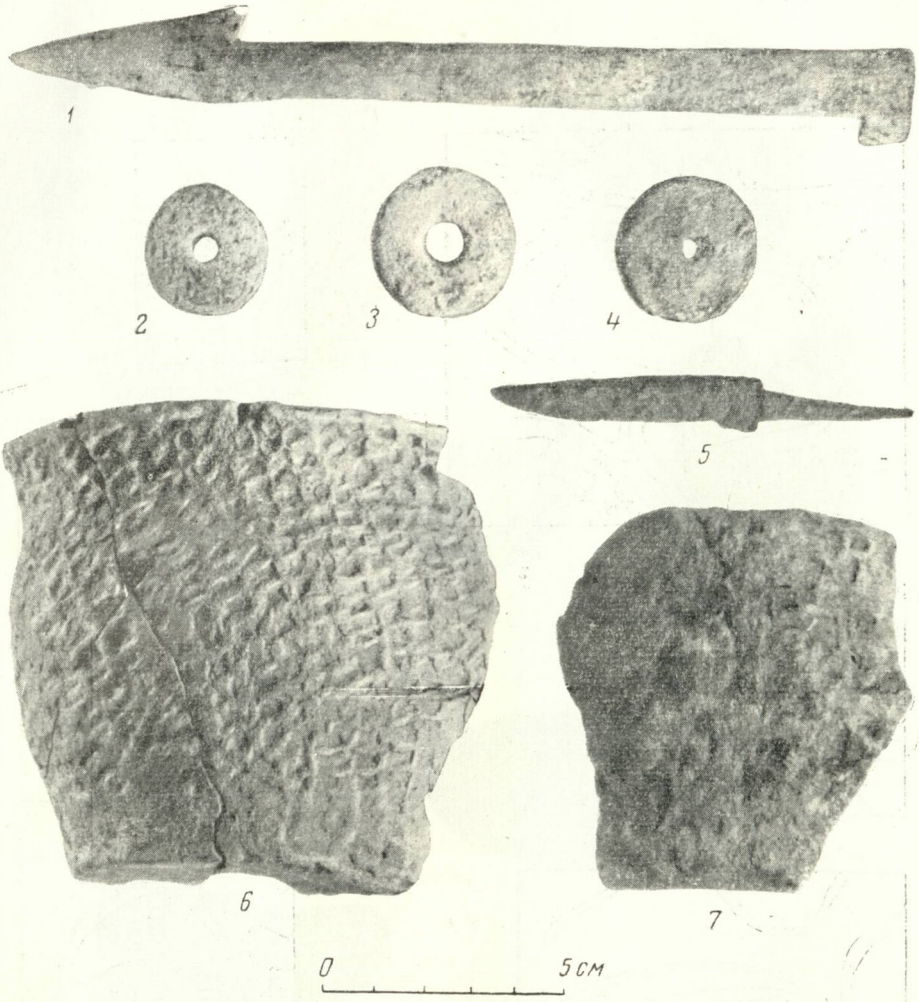


Рис. 9. Льговское городище. Раскопки экспедиции ИИМК.

1— костяной гарпун; *2—4* — глиняные пряслица; *5* — железный нож; *6*, *7*— глиняные сосуды

материал составляет керамика. Керамический комплекс Льговского городища позволяет датировать его второй половиной I тысячелетия до н. э. и считать современным Городецкому. Большинство сосудов — с сетчатым (40,3%) и «рогожным» (32,8%) орнаментом; гладких, неорнаментированных сосудов — 23,7%, прочих — 3,2%. Совершенно не встречаются сосуды с насечкой по краю, типичные для поздних городищ.

Новоселковское городище — в долине р. Листань, удалено на 3—4 км от современного русла реки, в $^1/_4$ км от дер. Новоселки (рис. 2, *81*). Городище — овальной формы, размером 97×67 м. Окружено болотистыми оврагами и укреплено 3 валами и рвами с западной стороны и 2 валами и рвом — с восточной (рис. 10, *а*). Обследовано Н. И. Лебедевой в 1923 г. и Н. В. Говоровым — в 1930 г. Культурный слой равен 0,4—0,6 м. На городище найдены глиняные сосуды, пряслица, железный нож, железные шлаки и крицы. Орнамент на посуде — преимущественно «рогожный», изредка встречается штриховой и сетчатый. Поздней керамики без орнамента нет; городище закончило существование в первые века нашей эры [27].

[27] Н. И. Лебедева. Городок у дер. Новоселки. Вестник рязанских краеведов, 1924, № 4; Н. В. Трубникова. Ук. соч., стр. 76.

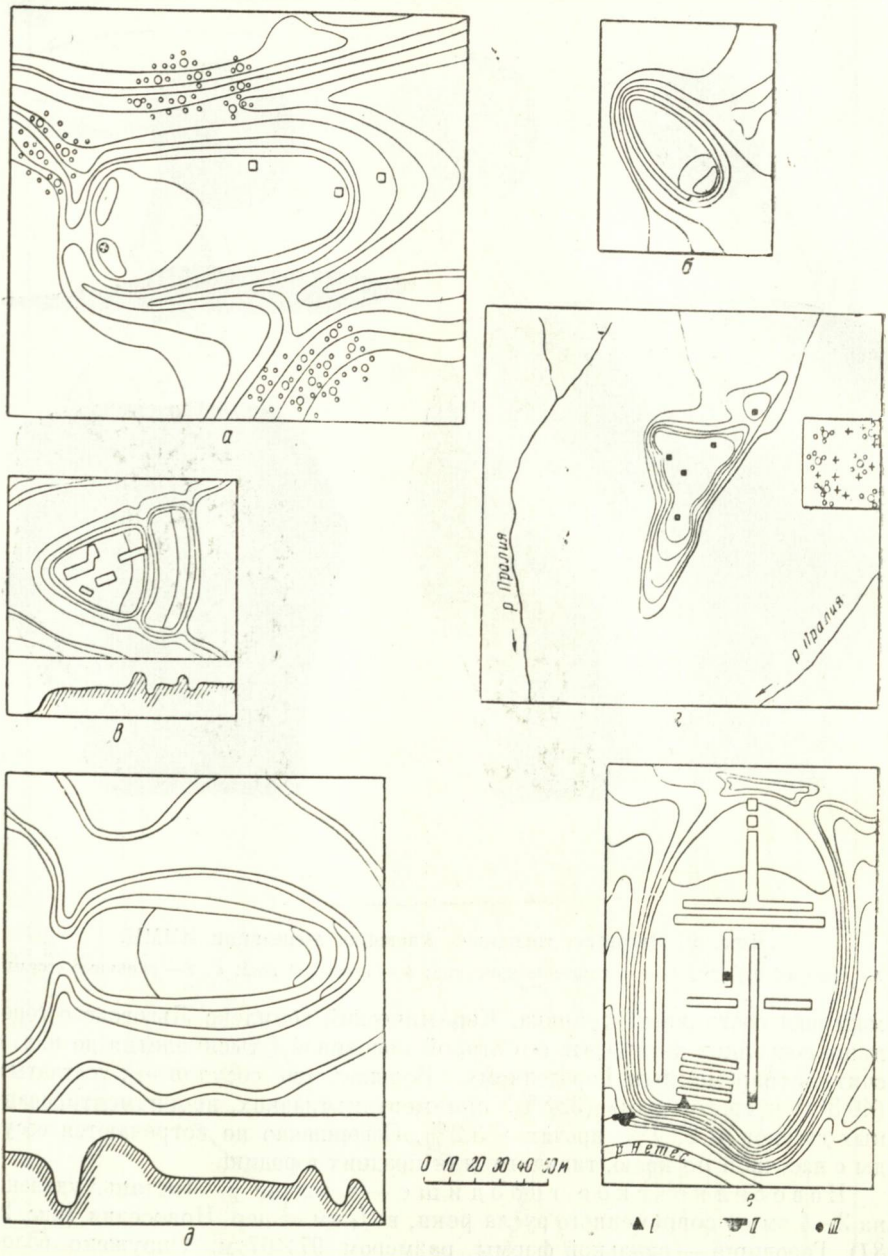


Рис. 10. Планы городищ городецкой культуры (Глазомерная съемка).

а — городище у дер. Новоселки (на Сосенке; по материалам экспедиции ИИМК); *б* — Вышгородское городище (по В. А. Городцову); *в* — Луховицкое I городище (Палецкое; по П. П. Ефименко); *г* — городище Вуколов Бугор (по А. А. Мансурову); *д* — Алпатьевское городище (по П. П Ефименко); *е*— Троице-Пеленицкое городище (по В. А. Городцову; *I* — место находки монеты; *II* — следы землянки; *III* — очаги).

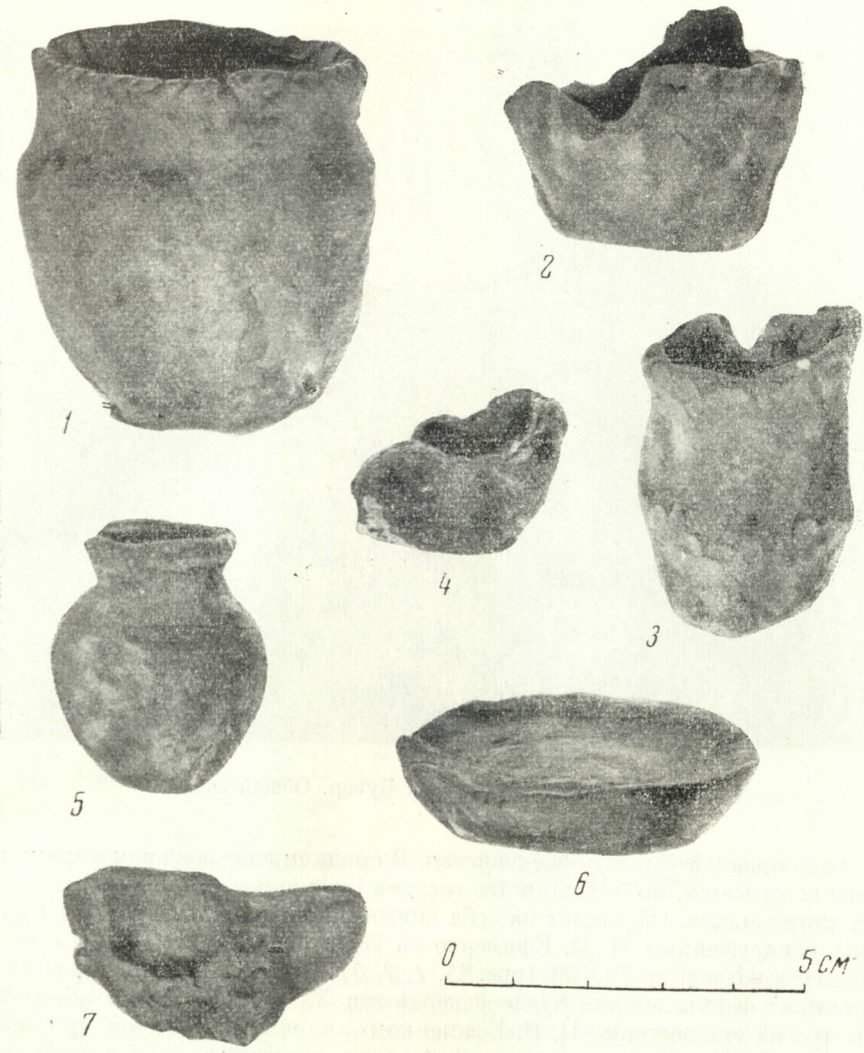


Рис. 11. Вышгородское городище.

1, 2, 5 — миниатюрные сосуды; *3* — тигелек; *4, 7* — льячки; *6* — сковородка.

Вышгородское городище (на правом берегу р. Раки; рис. 2, *82*) расположено на мысе треугольной формы, ограждено валом, в настоящее время очень испорченным (рис. 10 б). Размеры городища — 75×15 м. Раскапывалось в 1920 г. П. П. Ефименко. Нижний слой — городецкой культуры; средний слой, относящийся ко времени рязанских могильников, как об этом говорится в отчете о раскопках, отделен от нижнего стерильной прослойкой. Найдены льячки, железные наконечники стрел и много бытовых предметов из кости [28]. В верхнем слое попадается славянская керамика с волнистым и линейным орнаментом, в нижнем — керамика с «рогожным» и

[28] П. П. Ефименко. Дневник раскопок в окрестностях с. Вышгород. НАРМ, № 134; Н. И. Лебедева. Инвентарная опись археологического отдела Рязанского музея. НАРМ, № 127.

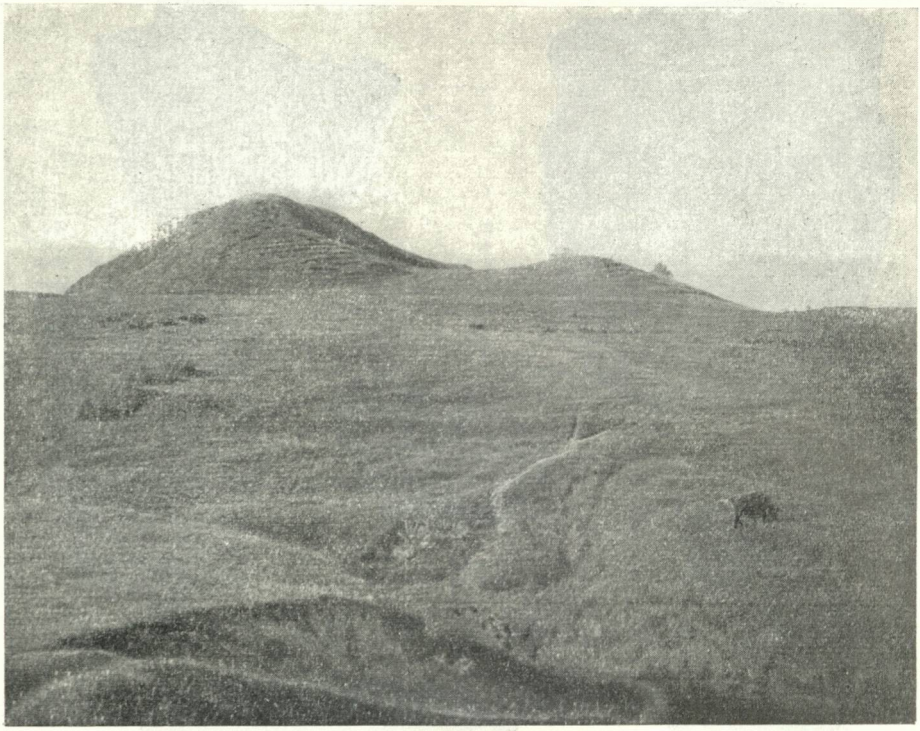


Рис. 12. Городище Вуколов Бугор. Общий вид.

сетчатым орнаментом, а также лощеная. В среднем слое лощеная керамика также встречается, но большинство сосудов сходно с найденными в рязанских могильниках. Обращает на себя внимание серия миниатюрных сосудиков, обнаруженных П. П. Ефименко на Вышгородском городище и хранящихся в коллекции РОКМ (рис. 11, *1, 2, 5*). Эти сосуды полностью воспроизводят формы окской чудской керамики VI—IX вв. Таким образом, несмотря на утверждение П. П. Ефименко о наличии стерильной прослойки, отделяющей слой городецкого времени от верхнего слоя, в инвентаре, найденном на городище, содержатся вещи, свидетельствующие о непрерывности его существования с середины I тысячелетия до н. э. до славянского времени.

Одно из интереснейших городищ — Вуколов Бугор. Расположено на левом берегу Прони в $^1/_2$ км к востоку от Пронского городища (рис. 2, *124*) отделено от Пронского плато оврагом, соприкасающимся одним из разветвлений с р. Пралией (рис. 10, *г*; рис. 12). Обследовано в 1929 г.[29] Культурный слой — 0,35—0,5 м. Найдены древний очаг, пережженные камни, кости животных, зернотерка и 341 фрагмент керамики[30]. Из них — только 2 фрагмента с «рогожным» орнаментом, несколько штук — с сетчатым, основная же масса сосудов — совершенно не орнаментированные или с орнаментом только на венчиках: в виде ямок по краю, косой насечки, полос веревочного орнамента, в виде гофрировки края сосуда. Сосуды — двух основных форм: 1) с мягко очерченными плечами и шейкой (рис. 13, *б, д, е*), иногда с узким перегибом от плеча к шейке

[29] А. А. Мансуров. Археологическая карта р. Прони. СА, IV, 1937, стр. 227.
[30] КРОМ, № 389.

(рис. 13, *в, г*): 2) с высокой и почти прямой шейкой (рис. 13, *а*). Диаметры шеек сосудов колеблются от 11 до 28 см, толщина стенок — 0,3—1 см. В глине содержится примесь крупной дресвы или песка, поверхность грубо сглажена. Часть керамики более тонкая, без дресвы, лучшего обжига, но также сделана без круга. Вся группа керамики без орнамента или с орнаментом по краю сосуда близка к керамике Борковского и Кузьминского могильников. В верхнем слое Вуколова Бугра находится славянская круговая керамика. В культурном слое этого городища, и главным образом в его керамическом комплексе, прослеживается непрерывная линия развития от 2-й стадии городецкого времени до позднейшего славянского. Между разновременными частями культурного слоя нет стерильных прослоек [31]. На городище, по-видимому, жизнь продолжалась с первых веков нашей эры до X—XI вв.

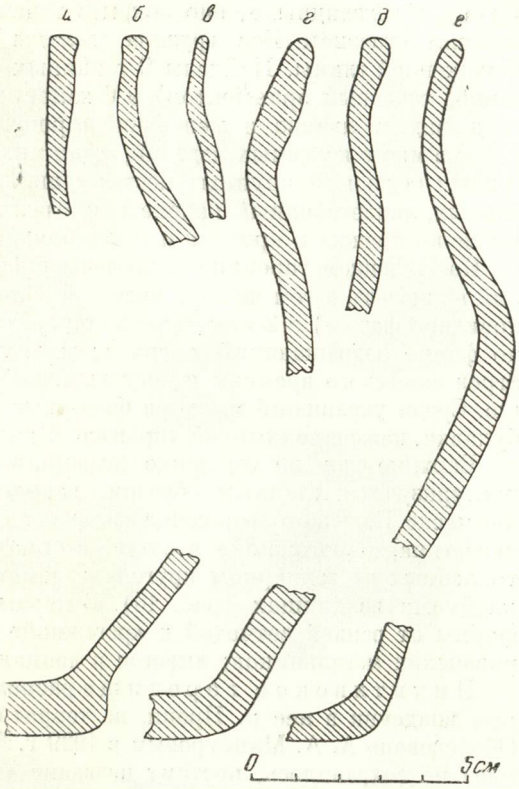


Рис. 13. Городище Вуколов Бугор. Профили сосудов.

Сходная картина наблюдается на Луховицком I (Палецком) городище, которое возникло еще раньше, чем Вуколов Бугор, очевидно, в середине I тысячелетия до н. э. Жизнь на нем продолжалась вплоть до IX в. н. э., когда на этом месте поселились славяне. Луховицкое I городище находится на правом берегу р. Вобли в 4 км к северо-востоку от с. Луховицы (рис. 2, *15*). Впервые описано Н. В. Любомудровым в 1874 г. Обследовано В. А. Городцовым в 1891 г и П. П. Ефименко — в 1928 г. В 1925—1926 гг. раскапывалось экспедицией Зарайского музея под руководством А. В. Дмитриевской [32]. Городище расположено на береговом мысе, образованном двумя оврагами. С напольной (восточной) стороны — 2 вала и 2 рва. Между валами находится площадка шириной в 30 шагов. Площадь городища за внутренним валом равна 90×84 шагов (рис. 10, *в*).

К сожалению, Луховицкое I (Палецкое) городище раскопано в 1925—1926 гг. несколько небрежно; вещи, поступившие в Зарайский музей, не сохранились. У П. Н. Третьякова, посетившего в 1928 г. Зарайский музей, сохранилась тетрадь с зарисовками вещей, найденных на Палецком городище, которую он любезно предоставил в мое распоряжение. В городецком слое городища найдено большое количество глиняных грузил.

[31] А. А. Мансуров. Археологические памятники по р. Проне (от Пронска до устья). НАРМ, № 658.

[32] Труды Зарайского краеведческого музея, вып. 1, 1927, стр. 47—49. Отчет А. В. Дмитриевской — в архиве ИА, 1925 г., № 183.

Форма их различна, но в большинстве они пирамидальные; одно относится к типу «блоковидных», оно покрыто точечным орнаментом с боков и по плоским сторонам. Все грузила сделаны из грубой, пористой и слабо обожженной глины. Найдены 9 глиняных пряслиц (одно — орнаментированное точечным орнаментом) и 6 каменных (сделанных из известняка); ложковидная льячка и маленький горшочек, возможно,— тигелек. Обнаружено много костяных изделий, среди них — 27 острий-проколок и 3 массивных острия из крупных костей с широким основанием, пять — ножевидных, ланцетовидный наконечник стрелы, однозубый гарпун, массивная костяная пряжка и круглая плоская бляха с зазубринами по краям.

На Палецком городище встречены шлаки и сравнительно много изделий из железа, в том числе 2 долота, 4 обломка ножей (один из них — серповидной формы) и 2 наконечника стрел, из которых один — одношипный, по форме подражающий очень архаическим бронзовым наконечникам стрел скифского времени и костяным, найденным на Городецком городище. Среди украшений имеются бронзовые конические подвески и обломок булавки, навершие которой украшено 6 рядами завитков из проволоки.

Верхние слои на городище сохранились хуже, чем городецкий, и характеризуются, главным образом, находками керамики. Керамический комплекс Палецкого городища содержит обломки сосудов от самого раннего типа, с «рогожной» и сетчатой орнаментацией до славянских, изготовленных на гончарном круге, с волнистым и линейным орнаментом и клеймами на днищах (рис. 14). В керамике наблюдаются переходные формы от ранней сетчатой и «рогожной» к более поздней гладкой, типа рязанских могильников; имеется и лепная раннеславянская керамика.

Никитинское городище расположено на правом берегу р. Оки, при впадении в нее р. Прони, на территории с. Никитино (рис. 2, *100*). Обследовано А. А. Мансуровым в 1929 г.[33] Следов укреплений (вала или рва) не сохранилось, поэтому название «городище» в данном случае условно. Предполагается, что укрепления существовали еще в XIX в. и были срыты позднейшими поселениями. В описании археологических памятников Рязанской губернии указано: «Курган близ дер. Никитиной, окруженной с трех сторон земляным валом. Это развалины древнего города Никитина»[34]. Н. В. Любомудров также сообщает: «Городище в расстоянии от дер. Никитиной на 250 саж. при р. Оке называется Никитинским. В длину 50 саж., в ширину 40 саж. С южной стороны валы и овраги. Длина вала 70 арш., ширина 15 арш., ширина рва 20 арш., глубина 6 арш. Въезд с юга»[35].

На Никитинском городище культурный слой равен 0,6 м. Бóльшая его часть относится к городецкому времени, лишь в верхней части залегает слой со славянской керамикой «курганного» типа. Керамический комплекс городецкого слоя (рис. 15) аналогичен найденному на Вуколовом Бугре.

На Старо-Рязанском городище (рис. 2, *97*; расположено в 50 км от современного г. Рязани, на правом берегу р. Оки) сетчатая и «рогожная» керамика встречена в небольшом количестве на разных участках городища в раскопках экспедиции ИИМК 1946, 1948 и 1950 гг., а также в раскопках В. А. Городцова 1926 г., В. Н. Крейтона и А. И. Черепнина 1903 г. и А. В. Селиванова 1888 г. Она найдена на северном городище Старой Рязани, главным образом на мысе, образуемом оврагом, по которому течет р. Серебрянка, и Окой. Этот высокий треугольный мыс, характерный для поселений «дьякова» и городецкого типа, сейчас отрезан от основной

[33] «Археологические разведки по нижнему течению р. Прони». НАРМ, № 306; «Археологические памятники по р. Проне (от Пронска до устья)». НАРМ, № 568.

[34] ЖМНП, 1846, № 10.

[35] Рязанские епархиальные ведомости, 1874, № 13.

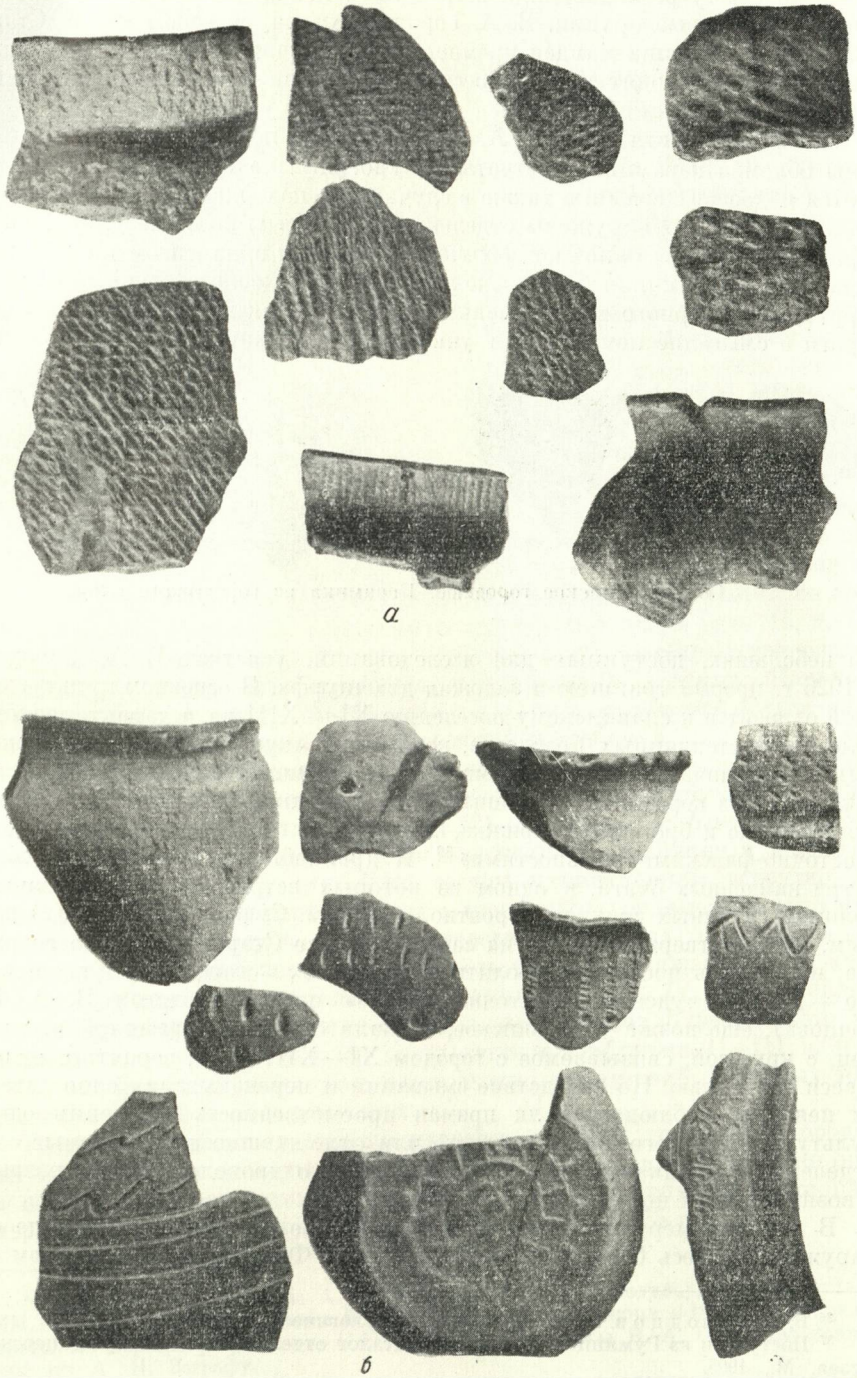
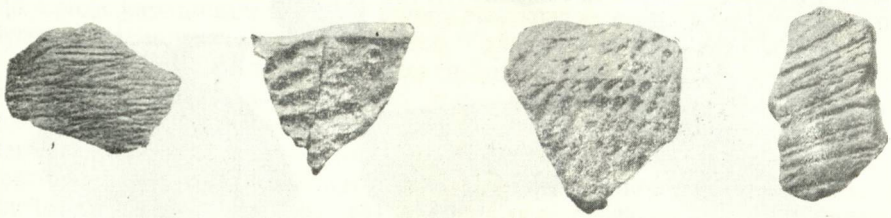


Рис. 14. Луховицкое I (Палецкое) городище. Керамика.
— городецкая; б — славянская.

территории городища оврагом, образовавшимся на месте древнего рва, и представляет собой отдельный холм. По сведениям А. И. Черепнина, здесь, на берегу р. Серебрянки встречались копья, долота, полированные топоры, кремневые орудия. В. А. Городцовым на северном мысе Старо-Рязанского городища найден кремневый наконечник стрелы [36]. Очевидно, отсюда же происходят находящиеся в коллекции ГИМ кремневый и костяной наконечники стрел [37].

В западной части мыса В. А. Городцовым, а позже и нами были найдены обломки керамики с сетчатым и «рогожным» орнаментом [38]. Встречается подобная керамика также в случайных находках в овраге р. Серебрянки. Здесь же обнаружены отдельные фрагменты более поздней лепной керамики — сосуды баночной формы, с нарезным орнаментом по венчику, керамика, аналогичная боршевско-роменской. Археологические поиски на территории северного холма очень затруднены, так как далеко зашедшие овраги и смывание почвы почти уничтожили древний культурный слой.



15. Никитинское городище. Керамика из городецкого слоя.

На небольших, доступных для исследования, участках В. А. Городцов в 1926 г. прорыл траншею и заложил два шурфа. В основном культурный слой относится к славянскому поселению XI — XIII вв. и характеризуется обломками стеклянных браслетов, керамикой «курганного» типа, бронзовыми пластинчатыми браслетами и перстнями. В самом нижнем слое была найдена керамика, относящаяся к городецкой культуре, а также костяное шило и бронзовая пряжка, которую В. А. Городцов связывает с «восточно-финскими древностями» [39]. К древнейшему времени относятся и три найденных очага, в одном из которых встречены шлакированные обломки глиняных сосудов, вероятно,— тиглей. Судя по полученным данным, можно утверждать, что на северном мысе Старо-Рязанского городища, находилось поселение неолитическое, затем — городецкого типа, позже — древнее чудское («восточнофинское» по терминологии В. А. Городцова), еще позже — славянское, сначала с лепной керамикой и, наконец, с круговой, связываемое с городом XI—XIII вв. и, вероятно, являвшееся его частью. Но вследствие смывания и перекапывания слоя остается неясным, наблюдается ли прямая преемственность поселения одной культуры от другого, более древнего или отложившиеся культурные слои отделены прослойками, свидетельствующими о хронологическом разрыве в возникновении поселений.

В какой-то мере датируют Старо-Рязанское городецкое городище обнаруженные здесь боспорские монеты. А. Ф. Федоровым на северном го-

---

[36] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты..., стр. 632.

[37] Поступили из Румянцевского музея. Каталог отдела древностей Румянцевского музея. М., 1905.

[38] В. А. Городцов. Дневник археологических раскопок Старо-Рязанского городища в 1926 г. Рукопись. НАРМ, № 152, стр. 3; А. Л. Монгайт. Отчет о раскопках 1946 г. в Старой Рязани. Архив ИА, ф. 1, д. № 78.

[39] В. А. Городцов. Дневник археологических раскопок..., траншея 1, слой 2, № 15.

родище, т. е. там же, где встречаются городецкая керамика и другие вещи этой эпохи, найдены 2 монеты: 1) статер царя Тиберия Юлия Рискупорида V с датой ЕМФ (248 г. н. э.) и 2) плохо сохранившаяся медная монета Рискупорида, последнего Боспорского царя (315—332 гг. н. э.) [40].

В 10 км от Старо-Рязанского городища, на берегу ручья Нетес (правый приток р. Оки), между селами Троице-Пеленицы и Острая Лука находится Троице-Пеленицкое городище (рис. 2, *94*). Оно расположено на высоком мысе, защищенном с напольной (северной) стороны валом и рвом. В 1926 г. В. А. Городцов заложил на площади городища 12 траншей и на валу 2 шурфа (см. рис. 10, *е*). Культурный слой мощностью от 0,5 до 2 м содержит много золы и угля [41]. Обнаружены кости человека и животных. Найдено два очага (по мнению В. А. Городцова,— жертвенники) круглой формы.

Значительная часть керамики с Троице-Пеленицкого городища представлена сосудами с «рогожным» орнаментом. Он довольно разнообразен. Есть отпечатки «крупнорогожные», в виде прямоугольных ячеек (рис. 16, *1*): есть отпечатки очень низкого рельефа, в виде квадратных ячеек, и отпечатки в виде косых штрихов (рис. 16, *2*). На многих сосудах, очевидно, относящихся к позднейшему периоду существования городецкой культуры, отпечатки небрежны; иногда поверхность сглажена. По краю сосуда сделана гофрировка и нанесен орнамент в виде ямочных вдавлений (рис. 16, *3, 4*). Вторую группу составляют гладкие сосуды, часто орнаментированные рубчатыми полосами по обрезу края (рис. 16, *5—8*) или неправильными ямочными вдавлениями [42]. К третьей группе относятся сосуды с лощеными стенками рыжеватого или черного цвета (рис. 16, *9, 11*), совершенно схожие с найденными в верхних слоях Огубского дьяковского городища, на Мощинском городище, в курганах у деревень Шаньково, Почепок, Дубровка и др. По фактуре, отделке и форме эта посуда напоминает посуду памятников культуры полей погребений.

На Троице-Пеленицком городище встречены обломки сковород, сделанных из грубого глиняного теста с примесью дресвы, и обломки сковород, с залощенной поверхностью (рис. 16, *12*). Преобладают баночные формы сосудов с более или менее ясно выраженными шейками и нередко с отогнутыми наружу краями. Есть сосуды миниатюрные (вероятно, игрушки) и среднего размера. Посуда с «рогожным» орнаментом относится к раннему периоду существования городища, гладкая и лощеная — к I—V вв. н. э. Среди гладких сосудов есть формы, сближающиеся с керамикой, найденной в рязанских могильниках (рис. 17, *1*). Одна из привесок в виде птички совершенно схожа с птичками из Дубровичского могильника (рис. 17, *7*), хорошо датированного фибулами II—III в. н. э. Литейная форма служила для изготовления украшений, подобных найденным в Кошебеевском могильнике.

Троице-Пеленицкое городище является поздним городищем городецкой культуры; оно относится к I в. до н. э.— V в. н. э. Датирующая один из периодов существования Троице-Пеленицкого городища монета царя Савромата IV, найденная на городище, относится к 275 г. н. э.

---

[40] Монеты были переданы А. Ф. Федоровым В. А. Городцову, а последним — в ГИМ. Определение монет сделано В. А. Городцовым. Его рукопись 1926 г. «Боспорские монеты на берегах р. Оки» — в НАРМ, № 420—421. Даты В. А. Городцова исправлены по А. Н. Зографу.

[41] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований Троице-Пеленицкого городища-холмища в 1926 г. Исследования и материалы Рязанского областного среднеокского музея, вып. 1, 1930.

[42] Подобные сосуды широко распространены в поздних слоях дьяковских городищ. См., например, керамику Санниковского и Пекуновского городищ. О. Н. Бадер. Древние городища на Верхней Волге. МИА № 13, 1950, стр. 101, рис. 18 и 48.

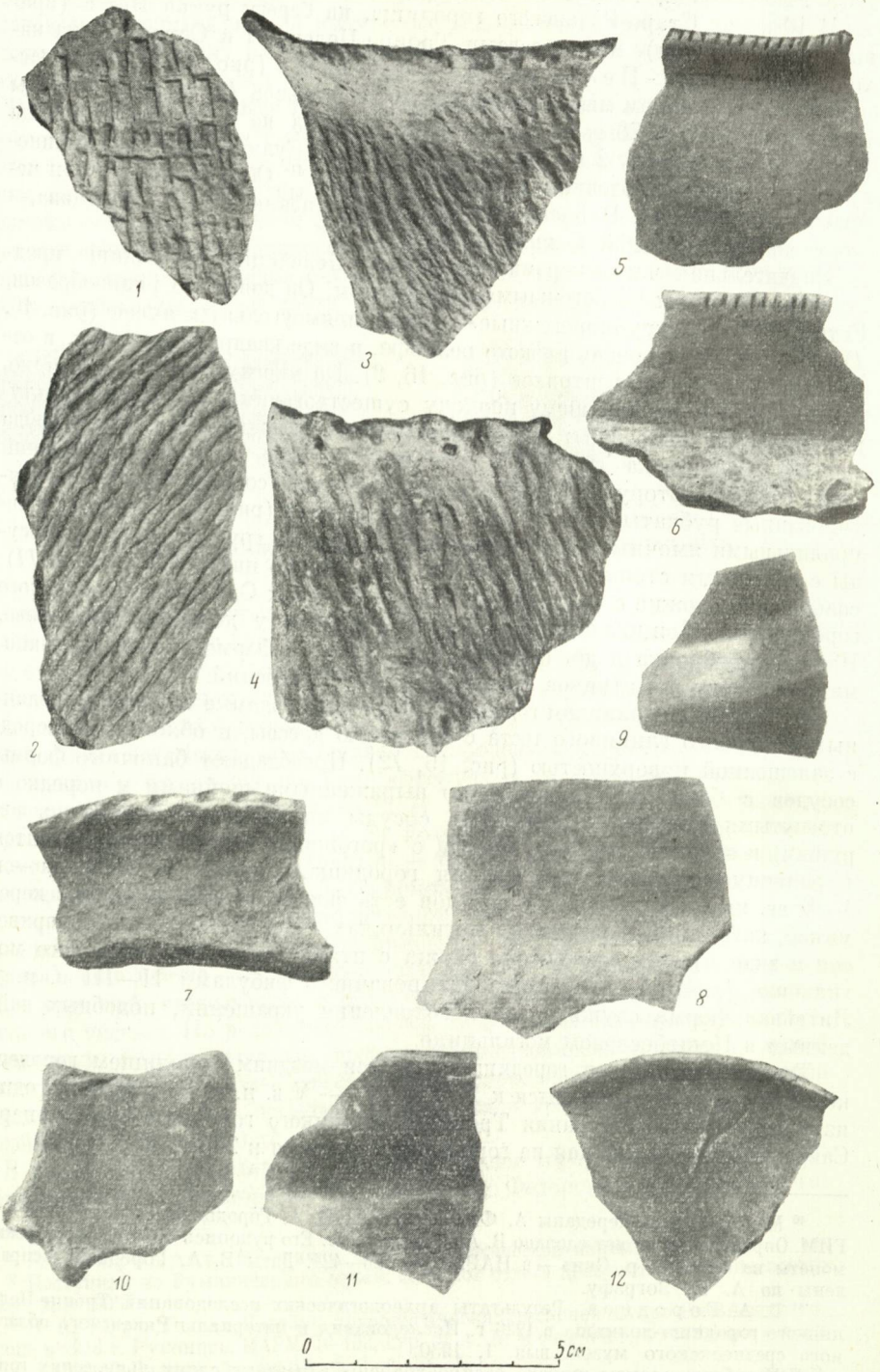


Рис. 16. Троице-Пеленицкое городище. Керамика.

1—4 — с «рогожным» орнаментом; *5—8* — гладкая; *9, 11* — лощеная; *10* — обломок «рогатого» кирпича; *12* — обломок сковородки.

Рис. 17. Троице-Пеленицкое городище.

1 — глиняный сосуд; *2*, *3* — льячки; *4* — железная пряжка; *5*, *6* — литейные формы; *7*, *8* — привески медные; *9* — удила железные; *10* — наконечник копья железный (ГИМ, № 61879).

Керамика городецкой культуры с северного мыса Старо-Рязанского городища ближе всего по типу к керамике Троице-Пеленицкого городища и поэтому может быть датирована тем же временем. Сходны и фрагменты тиглей. Тому же времени, что и Троице-Пеленицкое, принадлежит исследованное нашими раскопками в 1949 г. Шатрищенское городище[43]. Оно расположено в непосредственной близости к Старой Рязани, в 2 км вверх по р. Оке (рис. 2, *99*). Городище занимает высокий мыс треугольной формы, заключенный между Окой и впадающим в нее ручьем, образовавшим глубокий овраг (рис. 18). В результате раскопок выяснено, что

[43] А. Л. Монгайт. Отчет о раскопках 1949 г. в Старой Рязани. Архив ИА, ф. 1, № 379.

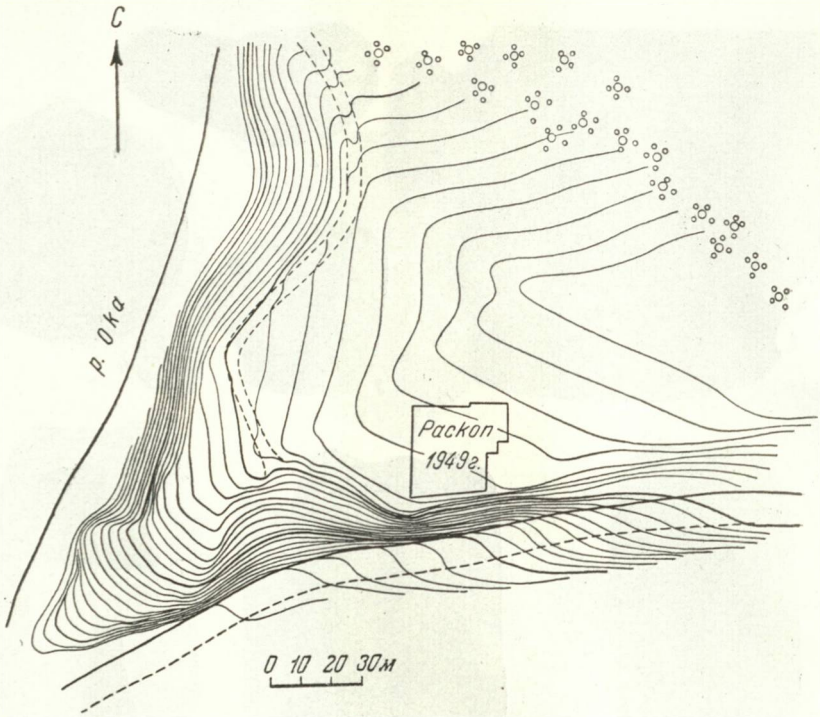


Рис. 18. Шатрищенское городище. План. (Съемка экспедиции ИИМК).

на территории городища имеются слои XVI—XVII вв. (боярская усадьба), слои селища XI—XIII вв. и слои городища городецкой культуры.

Шатрищенское городище отделено от поля валом, сложенным из глины и в значительной части сильно обожженным. Вал плохо прослеживается в северной части, так как он оплыл, сполз в ров и заполнил ров слоями оранжевой от обжига глины. По вершине вала шли какие-то деревянные сооружения, сейчас прослеживаемые по зольным пятнам и останткам обугленных бревен, идущих вдоль линии вала (рис. 19). Конструктивные детали сооружений выявить не удалось, так как остатки их очень фрагментарны.

В слое городецкого времени, кроме остатков вала, не найдено никаких сооружений. Может быть, жилища не попали в пределы раскопа, захватившего лишь незначительную часть городища. Основные находки составляет керамика — вся лепная, с «рогожным» и сетчатым орнаментом (рис. 20). Сосуды слабо обожжены, днища плоские, преобладают баночные формы. Фрагменты керамики с «рогожным» орнаментом иногда имеют по краю сосуда небольшие сквозные отверстия. Очень часто «рогожный» орнамент сочетается с ямками, редко расположенными по поверхности сосуда. На двух фрагментах имеются ямочные вдавления на внутренней поверхности днища. Найдено несколько обломков керамики с залощенной поверхностью черного и темно-коричневого цвета (по типу эта посуда близка керамике, известной из полей погребений). Найдены глиняные пряслица, грушевидные грузила для сетей, обломки двух трубчатых костей со следами обработки; кости коровы, свиньи и лошади. Из предметов, связываемых с позднейшей чудской культурой, очень интересны

медные колодочки (пронизки-косники в виде полуцилиндрика) [44]. По устройству валов, по типу керамики, по найденным вещам Шатрищенское городище ближе всего к Троице-Пеленицкому, имеющему довольно точную дату. Таким образом, Шатрищенское городище должно быть отнесено к поздним городищам городецкой культуры и может быть датировано I—V веками н. э. Хотя, как сказано выше, возможно, что жилища не попали в пределы вскрытого раскопками участка, но можно также предположить, что здесь, подобно Троице-Пеленицкому городищу, не было углубленных в землю построек. В культурном слое много золы, угля, прослеживаются скопления керамики вокруг угольных пятен — остатки открытых очагов. Шатрищенское городище относится к поздней эпохе городецкой культуры, т. е. как раз к тому времени, когда, вероятно, некоторые городища-поселения превращались в городища-убежища. Возможно, что поэтому здесь, при наличии следов пребывания человека в течение значительного времени нет остатков углубленных в землю жилищ. К поздним городищам городецкой культуры должно быть отнесено Борисо-Глебское (Вакинское, Романово-Борисо-Глебское) городище, находящееся на правом берегу р. Оки в 3 км к западу от с. Вакино (рис. 2, *20*). Оно расположено на высоком обрывистом берегу и с напольной стороны окружено 3 валами и 2 рвами (рис. 21). Через валы сделано 4 прохода. Городище отличается сравнительно большими размерами (100 × 120 в).

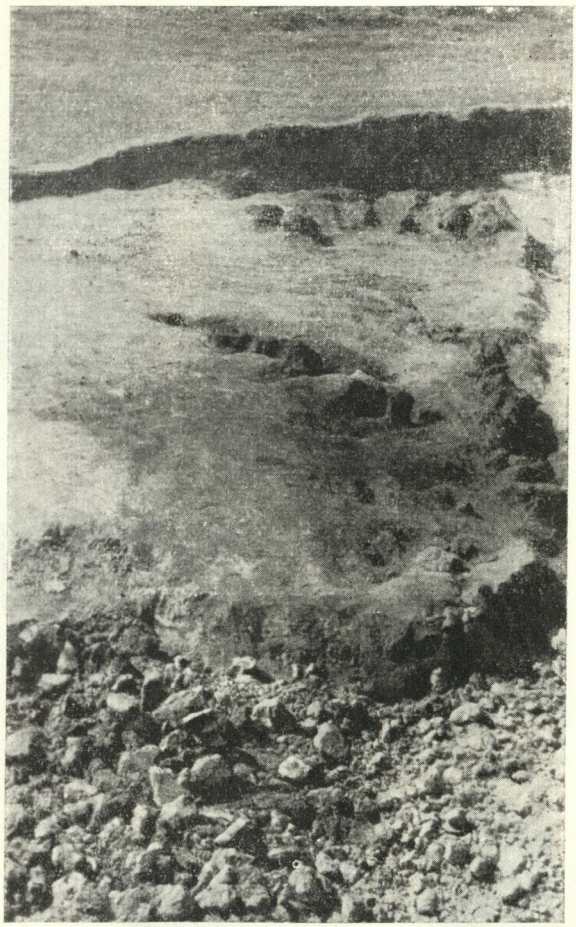


Рис. 19 Шатрищенское городище. Раскопки вала.

Впервые городище описано Н. В. Любомудровым. Обследовано в 1895 г. В. А. Городцовым [45], в 1928 г.— П. П. Ефименко [46], в 1949 г.—

---

[44] Такие колодочки встречены в Пьяноборском и Кошебеевском могильниках.

[45] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты..., стр. 552; А. А. Спицын. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. ЗРАО, новая серия, т. XI, вып. 1—2, 1894, стр. 118.

[46] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков, Н. Н. Чернягин, Г. П. Гроздилов. Материалы по археологическому обследованию 1928 г. долины р. Оки. НАРМ, № 677.

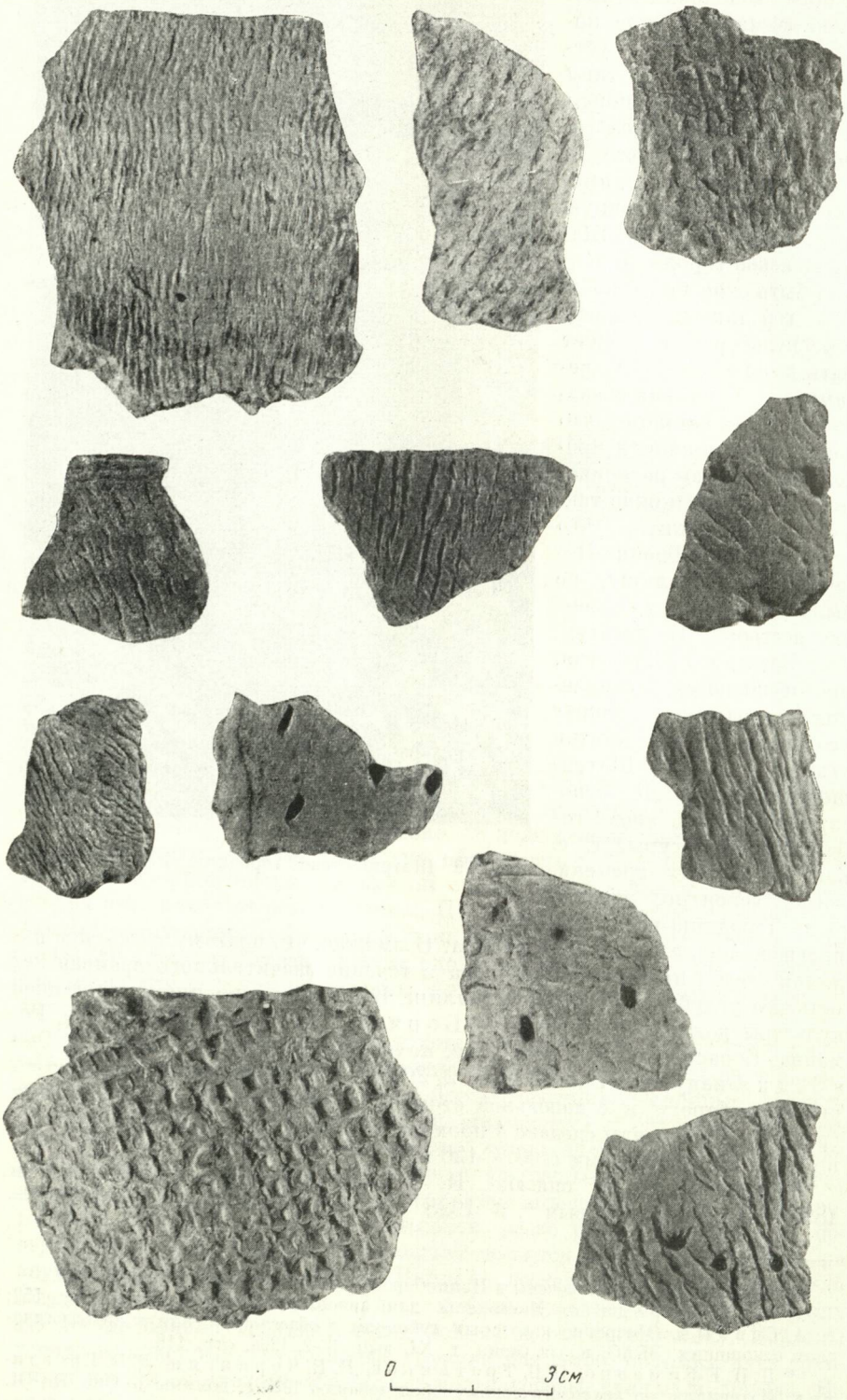
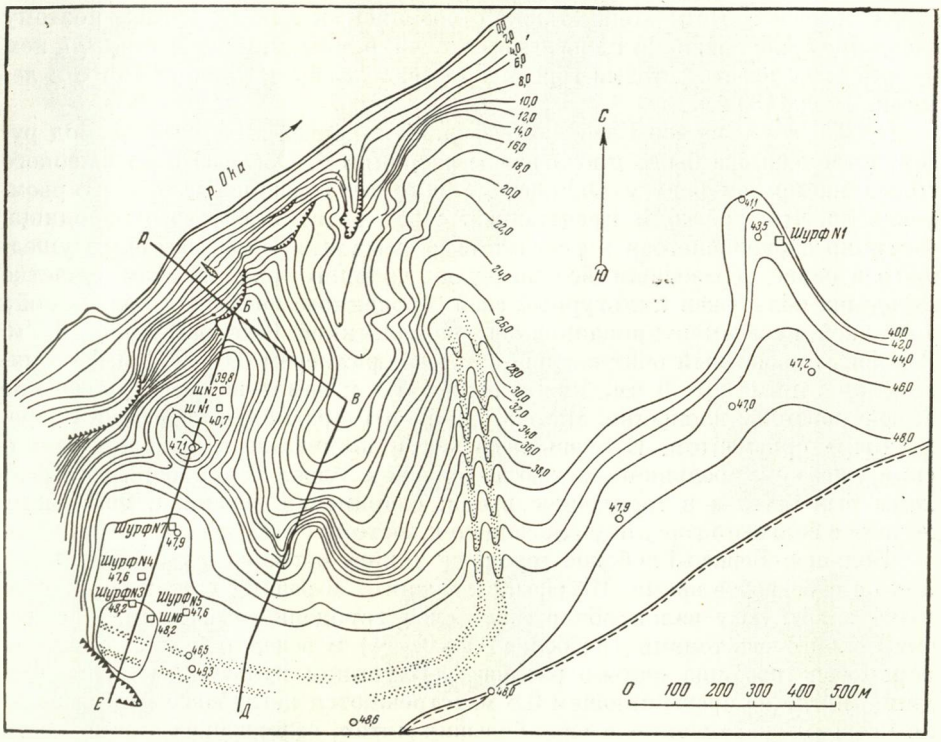
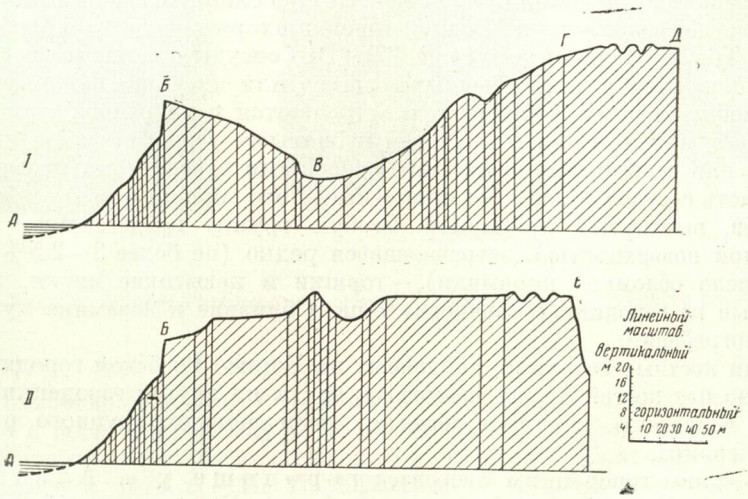


Рис. 20. Шатрищенское городище. Керамика.



а



б

Рис. 21. Борисо-Глебское городище и селище (Съемка экспедиции ИИМК 1955 г.).
а — план; *б*— разрез валов и территории городища и селища (*I*— по линии *АБВГД*; *II*— по линии *АБЕ*).

В. И. Зубковым [47]. Все обследователи обнаружили только слой славянского времени, отдельные находки также относились к XI—XIII вв.; поэтому городище было признано однослойным, славянским, и, как полагали, в нем можно было видеть остатки города Борисова-Глебова, упоминаемого в летописи под 1180 г.

В 1956 г. на Борисо-Глебском городище экспедицией ИИМК под руководством автора были произведены раскопки [48]. Обследование высокого холма на крутом берегу Оки, отделенного от городища глубоким рвом, показало, что этот холм представляет собой остатки мысового городища, частично обрушившегося в результате подмывания Окой, частично ушедшего в овраг, образовавшийся по краям древнего рва. На этом участке городища обнаружен культурный слой городецкого времени с «рогожной» и гладкой, неорнаментированной лепной керамикой. Слой равен 0,4—0,5 м. Найден глинобитный очаг овальной формы размером 0,8 × 1,3 м. Толщина слоя глины — 5—6 см. Глина примазана к земле на предварительно нивелированной площадке. На очаге найдены фрагменты керамики с «рогожным» орнаментом. В очень небольшом количестве встречена славянская керамика, большей частью в дерновом слое. Таким образом, этот холм был заселен в городецкое время; славянская керамика, возможно, попала с большого городища, лежащего к востоку от обследованного холма.

Большое Борисо-Глебское городище также первоначально было заселено в городецкое время. Шурфы, заложенные в разных частях городища, даже вплотную у валов обнаружили слои городецкого времени. Славянский слой очень тонкий (не более 0,2—0,3 м) и вследствие смывания поверхности городища сильно разрушен. В тонком культурном слое городища, нигде не превышающем 0,8 м, встречаются неглубокие ямы и зольно-угольные вкрапления в виде больших пятен, содержащих также кости домашних животных и «рогожную» керамику. Найдены остатки какой-то наземной бревенчатой постройки, по стратиграфическим данным отнесенной к городецкому времени. Бревна постройки — толщиной 25 см, дубовые, торцы их срублены, а не отпилены. Постройка сгорела; из-за плохой сохранности дерева выяснить ее устройство и назначение не удалось.

Керамика из городецкого слоя Борисо-Глебского городища относится к типам, встречающимся на поздних городищах рязанской группы (современных Троице-Пеленицкому; рис. 22). Это сосуды с сетчатым и «рогожным» орнаментом в виде обычных горшков или имеющие баночную форму. Подобные формы и орнаменты встречаются и на ранних городецких городищах, но здесь они отличаются рубчатыми узорами в виде нарезок, зарубок или защипов по краю либо сквозными отверстиями по краю сосуда. Часть сосудов совсем без орнамента — это горшки довольно больших размеров, вытянутых пропорций. Особую группу представляют сосуды с лощеной поверхностью, встречающиеся редко (не более 2—2,5% от общего числа обломков керамики),— горшки и невысокие миски, хорошо известные на городищах «дьякова» типа и близкие к керамике культуры полей погребений.

Среди костных остатков, найденных на Борисо-Глебском городище, совершенно нет костей диких животных, как и на других городецких городищах; встречены, главным образом, кости лошади, крупного рогатого скота и свиньи.

К поздним городецким относится городище у с. Алпатьево (рис. 2, *19*). Оно находится на правом берегу Оки, с северной и южной

---

[47] В. И. Зубков. Отчет о разведках 1949 г. НАРМ, № 1472.

[48] А. Л. Монгайт. Отчет об археологических раскопках в Рязанской области в 1956 г. Архив ИА, ф. 1, № 1354.

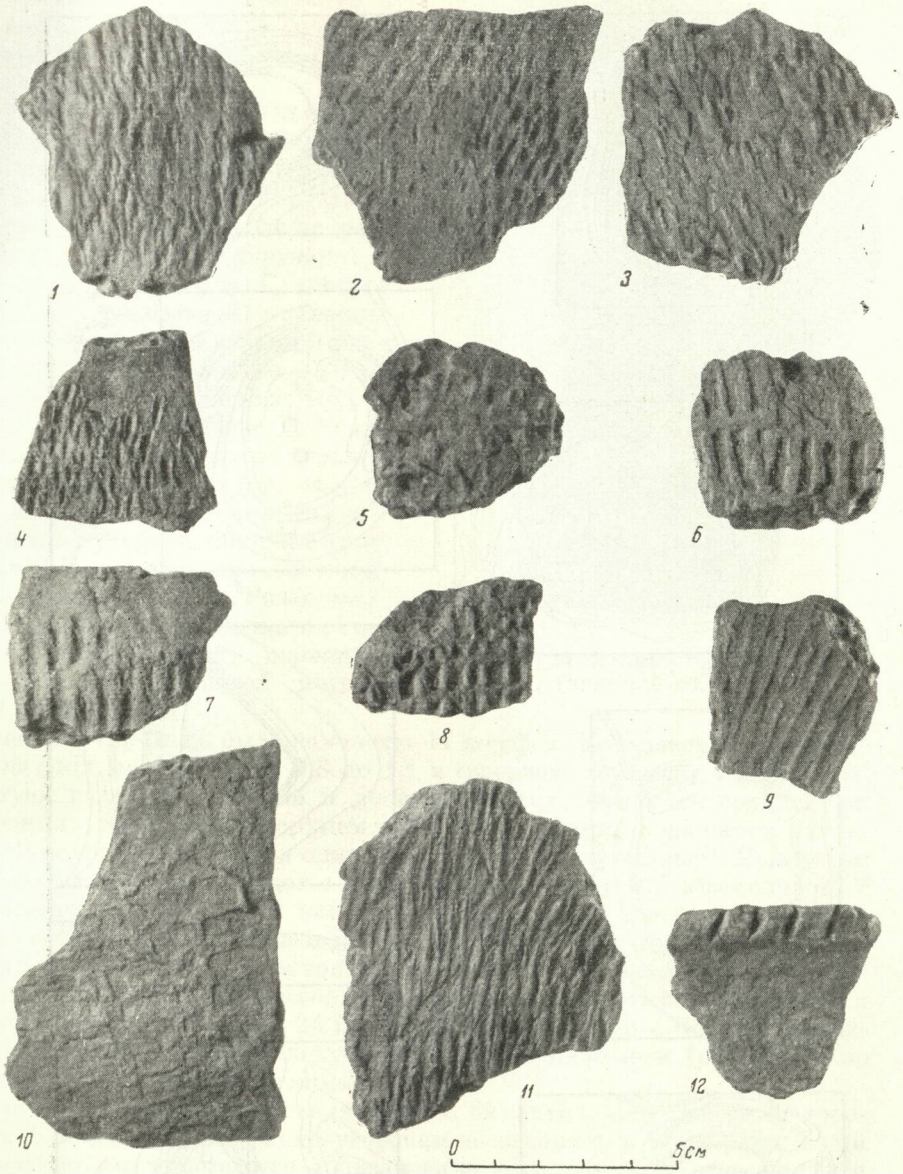


Рис. 22. Борисо-Глебское городище. Керамика из городецкого слоя.

сторон охвачено оврагами; с напольной (западной) стороны имеются вал и ров, а с восточной, на спуске к Оке — еще два вала (см. рис. 10, *д*). У городища овальная форма с осями 96 × 40 шагов. Обследовано В. А. Городцовым и в 1928 г.— П. П. Ефименко[49]. Культурный слой небольшой (0,3—0,35 м), содержит кости животных и керамику. Найдено немного «рогожной» керамики; преимущественно попадается гладкая,

[49] НАРМ, № 677.

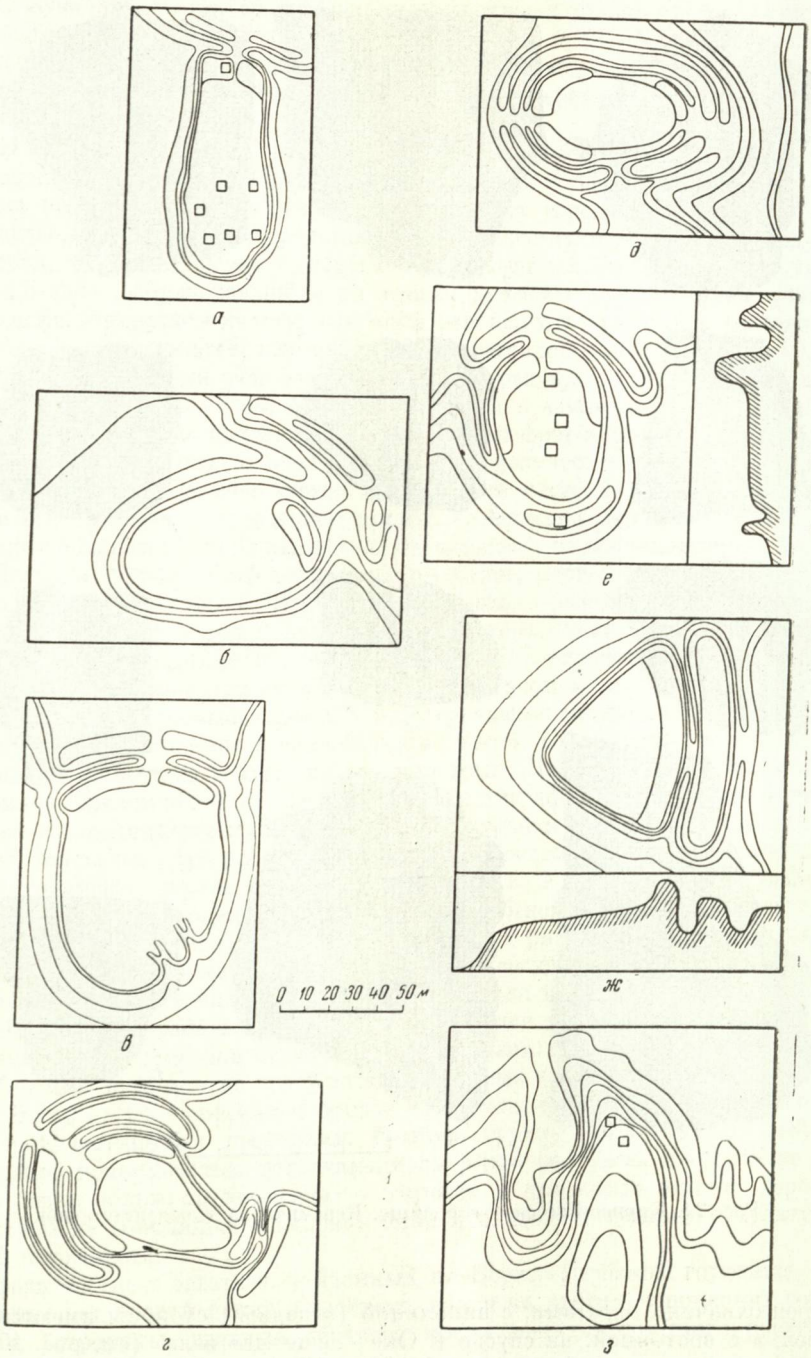


Рис. 23. Планы городищ городецкой культуры (Глазомерная съемка).

а — Елшинское (Чертово; по А. А. Мансурову); *б* — Польновское II (по материалам экспедиции ИИМК); *в* — Сумбуловское (по П. П. Ефименко); *г* — Абловское (по материалам экспедиции ИИМК); *д* — Шишкинское (по материалам экспедиции ИИМК); *е* — Пудковское по П. П. Ефименко; *ж* — Луховицкое II (Исполинов Бугор; по П. П. Ефименко); *з* — Малявница (по П. П. Ефименко).

с насечками по краю венчика и чудская керамика типа посуды, встречающейся в рязанско-окских могильниках.

Чертово городище (оно же Елшинское) находится в 5 км на северо-восток от Пронска, в 2,5 км на юго-восток от с. Елшино (рис. 2, *122*) [50]. Городище расположено на мысе и окружено с трех сторон оврагами. С северо-восточной (напольной) стороны оно защищено двумя валами и рвами (рис. 23, *а*). Длина его —70 м, ширина — 30 м. Городище еще в начале XIX в. обследовал Д. Воздвиженский. С тех пор оно неоднократно упоминалось во всех описаниях археологических памятников Рязанской губернии, причем с ним связывалось множество легенд. Только в 1928—1929 гг. Рязанский музей предпринял раскопки на городище, которые велись первоначально М. А. Розановой, потом Н. П. Милоновым.

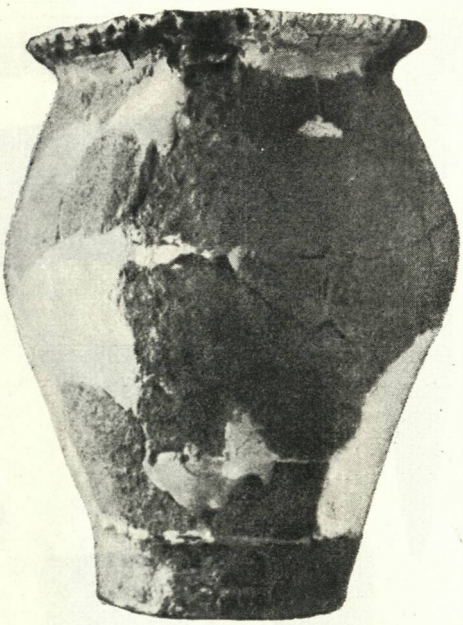


Рис. 24. Чертово городище. Глиняный сосуд.

Всего на городище было заложено 14 шурфов. Установлено, что культурный слой мощностью от 0,3 до 1,1 м содержит керамику «рогожную», сетчатую, гладкую с дресвой и древнерусскую с линейным орнаментом. Последняя встречена в верхнем, песчаном, темно-коричневом слое. А. А. Мансуровым был издан один сосуд с Чертова городища [51]. Между тем небольшая коллекция находок с этого городища (всего 825 экземпляров) [52] заслуживает внимания, так как здесь представлены все виды керамики, наиболее часто встречающиеся на поздних городецких городищах и в рязанских могильниках. Это штриховая керамика и гладкая, неорнаментированная с зарубками по верхнему краю, гладкая с отогнутым венчиком и с прямым венчиком. На рис. 24 показан глиняный сосуд с Чертова городища. Из отдельных находок следует отметить костяной нож (рис. 25, *3*), по форме подобный металлическим.

Чертово городище представляет собой памятник, переходный от городецких к более поздним финно-угорским поселениям, и его керамический комплекс прямо увязывается с рязанскими могильниками, относящимися к этой переходной эпохе.

Казарское городище находится в Солотчинском районе Рязанской области на восточном берегу озера Валтусова (старица р. Оки; озеро называется также Казарским), в 250 м к юго-востоку от церкви с. Казарь (рис. 2, *84*). Городище занимает высокий береговой мыс; с южной стороны находится глубокий овраг, с северо-западной — спуск к озеру, с северо-восточной (напольной) стороны — вал и ров. Городище — треугольной формы, размером (по линии вала) — 45 × 50 м (сторона, идущая вдоль оврага; рис. 26).

---

[50] У А. А. Мансурова в статье «Археологическая карта р. Прони» (СА, IV, 1937, стр. 223) направление на городище от Пронска и Елшина указано неправильно.

[51] А. А. Мансуров. Археологическая карта р. Прони, стр. 217, рис. 4.

[52] КРОМ, № 390 и 483.

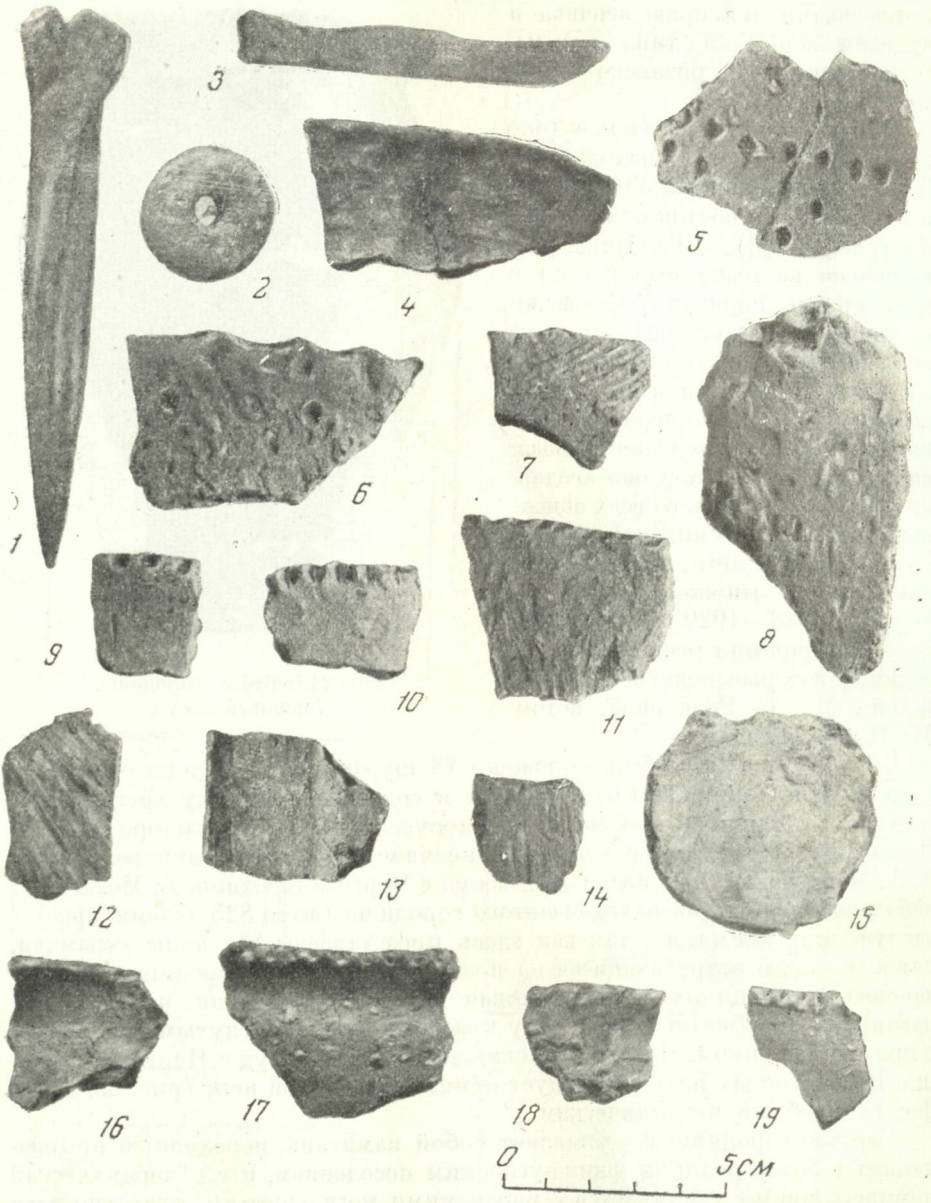


Рис. 25. Чертово городище.

1 — костяная проколка; *2* — глиняное пряслице; *3* — костяной нож; *4—19* — обломки сосудов.

В 1903 г. городище обследовал В. А. Городцов, установивший здесь два слоя раннего железного века и славянский[53]. В 1949 г. В. И. Зубков обследовал городище и собрал здесь отдельные находки, переданные в Рязанский областной краеведческий музей[54]. В 1955 г. на городище произведены раскопки экспедицией ИИМК под руководством автора[55]. Был

[53] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты..., стр. 626.

[54] В. И. Зубков. Отчет об археологических исследованиях 1949 г. на территории Рязанской области. НАРМ, № 1472.

[55] А. Л. Монгайт. Отчет о работе рязанского отряда Среднерусской экспедиции ИИМК в 1955 г. Архив ИА, ф. 1, № 1205.

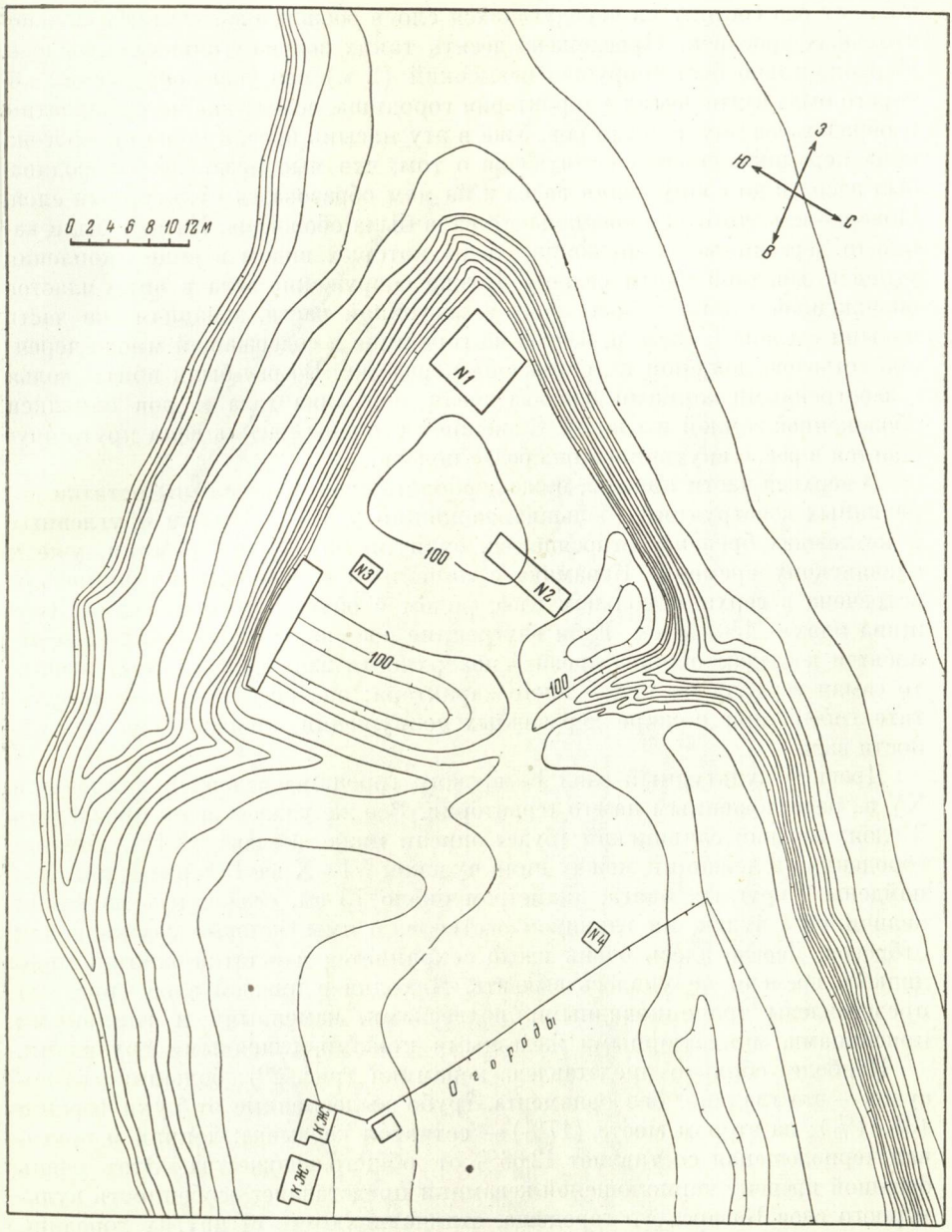


Рис. 26. Казарское городище. План. (Съемка экспедиции ИИМК 1955 г.).

сделан разрез вала на юго-восточной его стороне, в части, выходящей на овраг (рис. 27).

Общая высота насыпи вала в центральной части разреза — 5,25 м. Длина вскрытой части основания вала — 11,5 м. Ширина внутреннего рва равна 5 м, внешнего рва — 4,5 м. Внешний ров испорчен оврагами, поэтому разрез его не был сделан. Происхождение внутреннего рва, общая глубина которого не превышает 1 м, неясно; возможно, что он не играл никакой конструктивной роли и образовался потому, что для насыпи брали землю с территории городища. Вал в основном сооружен из песка и глины, взятых во рвах, и обожжен. Систематически обжигали каждый пласт насыпи,

поэтому она состоит из чередующихся слоев обожженной глины и зольно-угольных прослоек. Прослежено десять таких зольно-угольных прослоек. Первоначально был сооружен невысокий (2 м) вал, для сооружения которого была взята земля с территории городища, вследствие чего, вероятно, и образовался внутренний ров. Уже в эту насыпь попали черепки «рогожной» керамики, свидетельствующие о том, что мыс Казарского городища был заселен до сооружения валов и на нем образовался культурный слой. Поверхность этого первоначального вала была обожжена. На ней были какие-то деревянные сооружения, следы которых видны в виде скопления углей в западной части разреза. Позже сооружение вала в виде пластов обожженной глины велось лишь в восточной части, западная же часть насыпи сделана из земли, взятой на городище и содержащей много черепков сетчатой, лощеной и «рогожной» керамики. Во рву были вбиты колья с заостренными концами, сделана новая подсыпка вала и ров заполнен обожженной землей и глиной. С внешней стороны насыпь вала круто опускается в ров, с внутренней она более полога.

В верхней части насыпи, ниже дернового слоя, прослежены остатки деревянных конструкций (большие скопления углей и остатки обугленных и истлевших бревен), относящиеся, судя по находкам керамики, уже к славянскому времени. Керамика с линейным и волнистым орнаментом встречена в верхнем зольном слое, рядом с обугленными плахами. Толщина плах — 15—18 см. Если внутренние зольно-угольные прослойки относятся к следам обжига древней поверхности вала при его сооружении, то самая верхняя из них — иного характера; она образовалась в результате гибели при пожаре деревянных сооружений, стоявших на поверхности вала.

Древний культурный слой Казарского городища испорчен кладбищем XV в., расположенным на его территории. Все же удалось ясно проследить 3 слоя: верхний славянский (будет описан ниже, в главе XVII), нижний городецкий и лежащий между ними чудской VI—X вв. В городецком слое найдены 2 круглых очага, диаметром около 75 см, сложенных из камня величиной с кулак, на глиняном растворе, и ямы, которые служили для отбросов. Дерево здесь очень плохо сохраняется и остатки жилищ городецкого времени не удалось выявить. Находки в нижнем слое (рис. 28) представлены трапециевидными подвесками, каменными и глиняными пряслицами, миниатюрными железными ножами, глиняными грузилами.

Наиболее обильно представлена керамика (рис. 29): большинство сосудов — это гладкие, без орнамента, грубо вылепленные от руки горшки (38,41%); на втором месте (17%) — сетчатая керамика; лепная и круговая чернолощеная составляет 12,66% от общего количества. Этот очень большой процент чернолощеной керамики представляет особенность культурного слоя Казарского городища, отличающую его от других городищ, где процент такой керамики не превышает 2—2,5%. Также особенностью Казарского городища является необычайно большое количество сковородок из глины [56] — 9,33% от общего количества керамики дославянского времени. Сравнительно немного сосудов с «рогожным» орнаментом —

---

[56] Сковородки с невысоким (2—2,5 см) бортом, толщиной 6—11 мм и диаметром 18—25 см, иногда залощенные, изредка встречаются на городецких городищах. Их дата точно не установлена; есть они и на городищах первых веков нашей эры, и на городищах роменской культуры VIII—X вв. (Ново-Троицкое, Монастырище, Вашкевичи, см. Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. ИАК, вып. 22, стр. 68; И. И. Ляпушкин. Городище Ново-Троицкое. МИА № 74, 1958, стр. 42). На Боршевском городище их немного (П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков называют их «тарелками» — МИА № 8, 1948, стр. 37), и, судя по описанию, их поверхность не залощена.

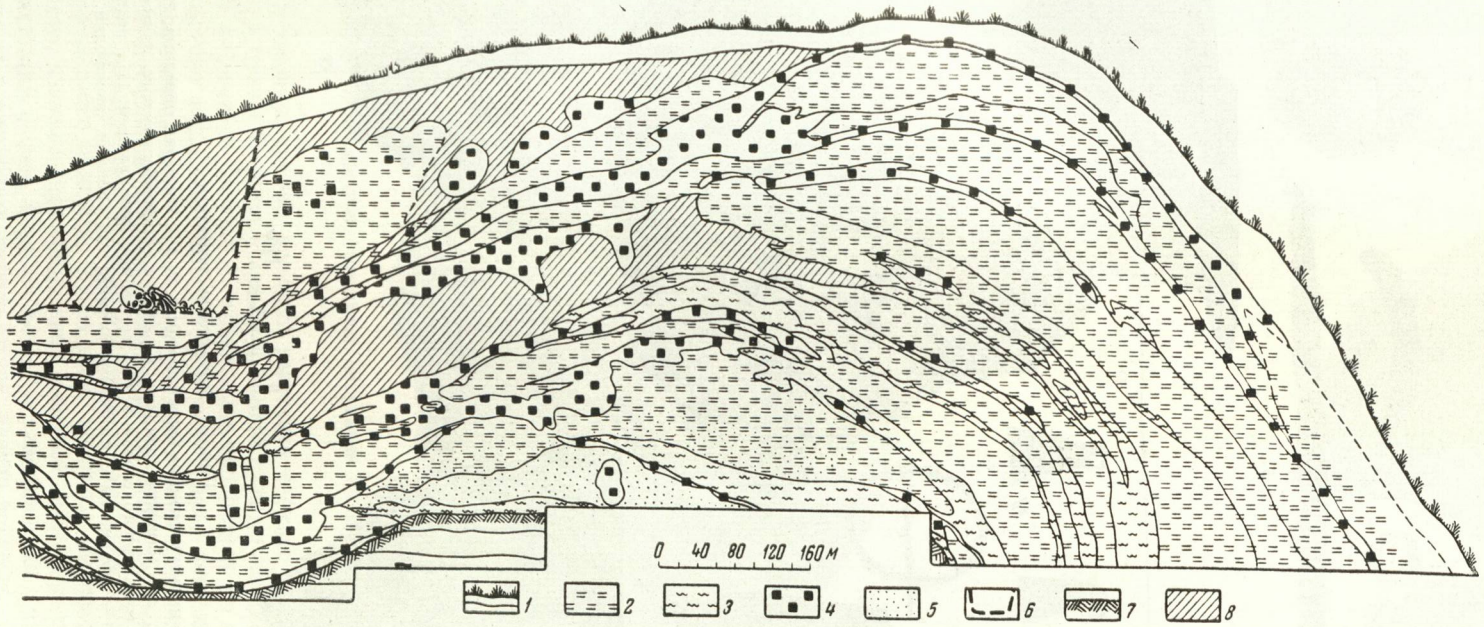


Рис. 27. Казарское городище. Разрез вала.

1 — дерн; *2* — обожженная глина; *3* — зола; *4* — уголь; *5* — песок; *6* — граница захоронения; *7* — материк; *8* — насыпная земля.

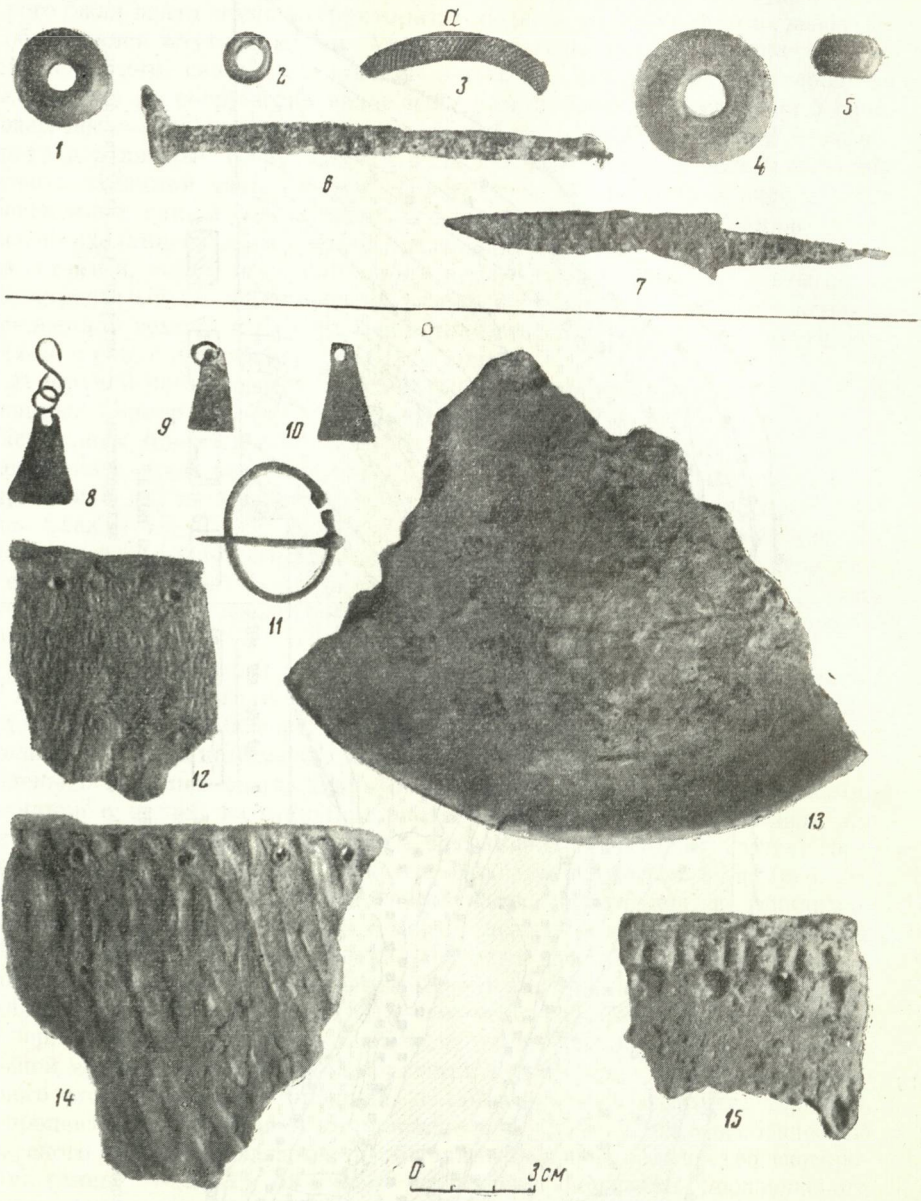


Рис. 28. Казарское городище.

а — вещи из верхнего культурного слоя (славянского): *1*, *2*, *5* — шиферные пряслица; *3* — обломок стеклянного браслета; *4* — каменное пряслице; *6* — ключ от цилиндрического замка; *7* — нож; *б* — вещи из нижнего культурного слоя: *8*, *9*, *10* — трапециевидные привески; *11* — медная пряжка; *12*, *14*, *15* — фрагменты «рогожной» керамики; *13* — обломок сковородки.

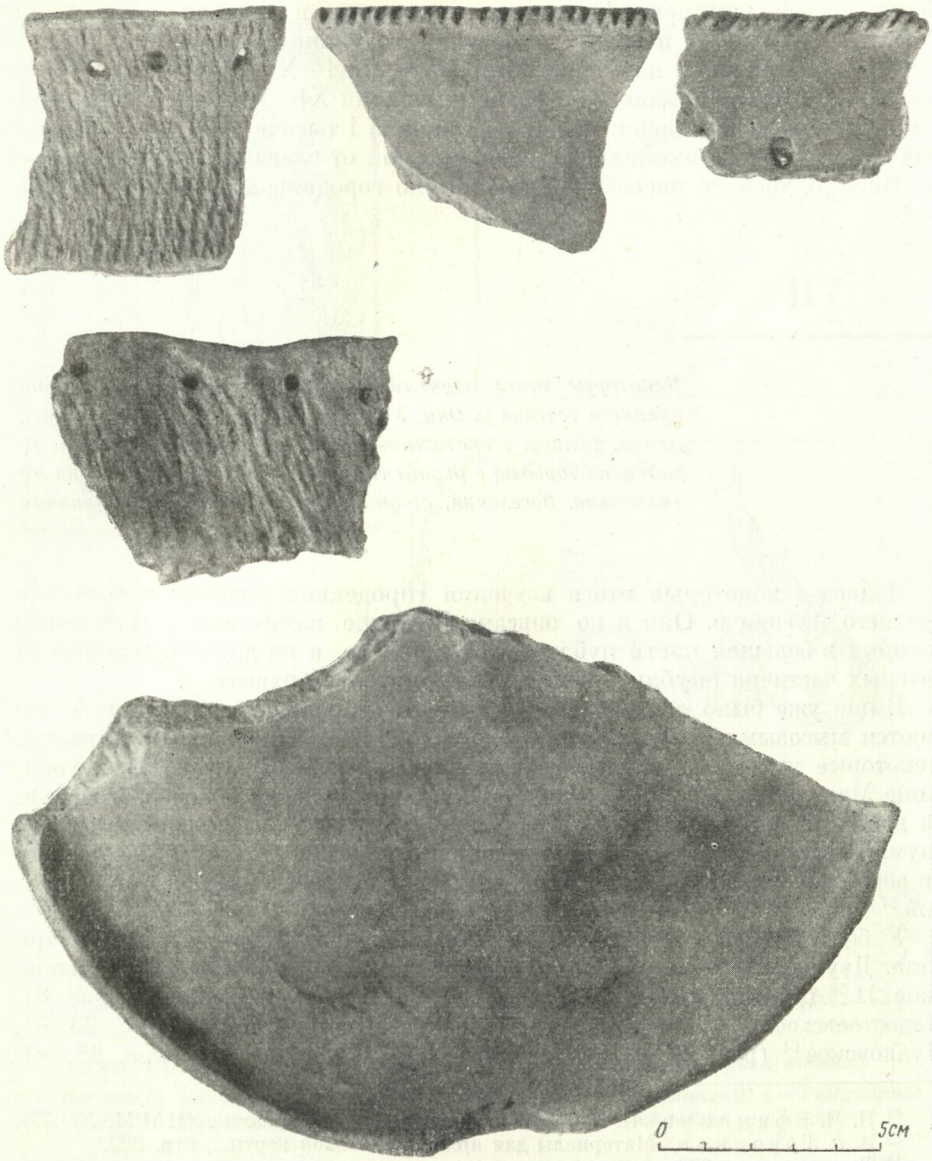


Рис. 29. Казарское городище. Керамика из городецкого слоя.

7,84%. В особую группу следует выделить сосуды с насечкой по краю (8,01%), в целом близкие по типу к первой группе гладкой, неорнаментированной керамики. Сосуды со сквозными проколами по краю составляют 2,66%, прочие виды керамики — 4,09% (сосуды с бороздчатым, штриховым и ямочным орнаментом, с вдавлениями в форме лунок, с ногтевыми защипами, с фестонами по краю). Лощеные сосуды, сделанные на круге, по-видимому, привозились, но вообще приемы лощения были известны жителям городецких городищ. Лощением покрыты некоторые сковородки, несомненно, местного производства; лощеный лепной сосуд с насечкой по краю, имеющий форму, широко распространенную на поздних городецких городищах и в рязанских могильниках, светло-желтого цвета, найденный на Казарском городище,— также, несомненно, местного изготовления.

Керамической комплекс Казарского городища, в нижнем слое очень близкий к керамике поздних дьяковских городищ, а в среднем слое — поздних могильников, позволяет датировать его I—X веками н. э. В верхнем слое встречены славянская керамика и вещи XI—XIII вв. Таким образом, жизнь здесь длилась непрерывно с начала I тысячелетия н. э. Стерильных прослоек, отделяющих дославянский слой от славянского, не встречено. Видимо, древнее население не покинуло городище до прихода славян.

VII

Некоторые итоги изучения городецкой культуры в районе среднего течения р. Оки. Укрепления. Жилища. Занятия населения. Селища с «рогожной» керамикой. Вопрос о связи городецких городищ с рязанскими могильниками. Датировка могильников. Поселения, современные рязанским могильникам.

Подведем некоторые итоги изучения городецких городищ в бассейне среднего течения р. Оки и по описанным выше памятникам, материалы которых в большей части публикуются впервые, и по другим, материалы которых частично опубликованы или находятся в архивах.

Выше уже было сказано, что городецкие городища, как правило, являются мысовыми, с напольной стороны окруженными валами и рвами. Некоторые мысы образуются реками, некоторые — оврагами. Так, городище Малявница (на правом берегу Оки, при впадении в нее р. Сосенки, на дороге из с. Новоселки в с. Пощупово; рис. 2, *30*) расположено между двумя оврагами и имеет форму удлиненного овала, вытянутого с запада на восток. С западной стороны находятся вал с проездом и ров с перемычкой [57] (рис. 23, *з*).

У большинства городищ — один вал, реже встречаются два или три вала. Двумя валами окружены городища Чертово (рис. 23, *а*), Польновское II [58] (рис. 23, *б*), Сумбуловское [59] (рис. 23, *в*), Льговское [60] (рис. 8), Недостоевское [61], Абловское [62] (рис. 23, *г*), Шишкинское [63] (рис. 23, *д*), Пудковское [64] (рис. 23, *е*), Луховицкое I и Луховицкое II (рис. 23, *ж*).

---

[57] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков и др. Материалы... (НАРМ, № 677).

[58] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты..., стр. 602.

[59] Там же, стр. 668.

[60] Второй вал на Льговском городище в значительной мере разрушен, и его остатки замечены не всеми исследователями, посетившими это городище.

[61] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты..., стр. 575, 576; И. И. Проходцев. О деятельности Рязанской ученой архивной комиссии за первое двадцатипятилетие. НАРМ, № 743.

[62] И. И. Проходцев. Обозрение пятнадцатилетней деятельности Рязанской ученой архивной комиссии. НАРМ, № 735; Н. И. Лебедева. Современное состояние Вожской засеки. Вестник рязанских краеведов, 1925, № 4.

[63] Н. И. Лебедева. Современное состояние... Н. И. Лебедева предполагала, что Шишкинское и Абловское городища входили в Засечную Черту. Однако обследование городищ показало, что и по устройству валов, и по обнаруженному на них культурному слою они относятся к городецкому времени. В славянское время они не были заселены и в период постройки Засечной Черты не были использованы. Кроме того, А. В. Никитин справедливо замечает, что оба городища лежат за пределами Черты (Шишкинское — в 4 км от левого берега Вожи, Абловское — в 3 км от входившего в Черту Митинского городища). А. В. Никитин. Оборонительные сооружения Засечной Черты XVI—XVII вв. МИА № 44, 1955, стр. 130.

[64] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков и др. Материалы... (НАРМ, № 677).

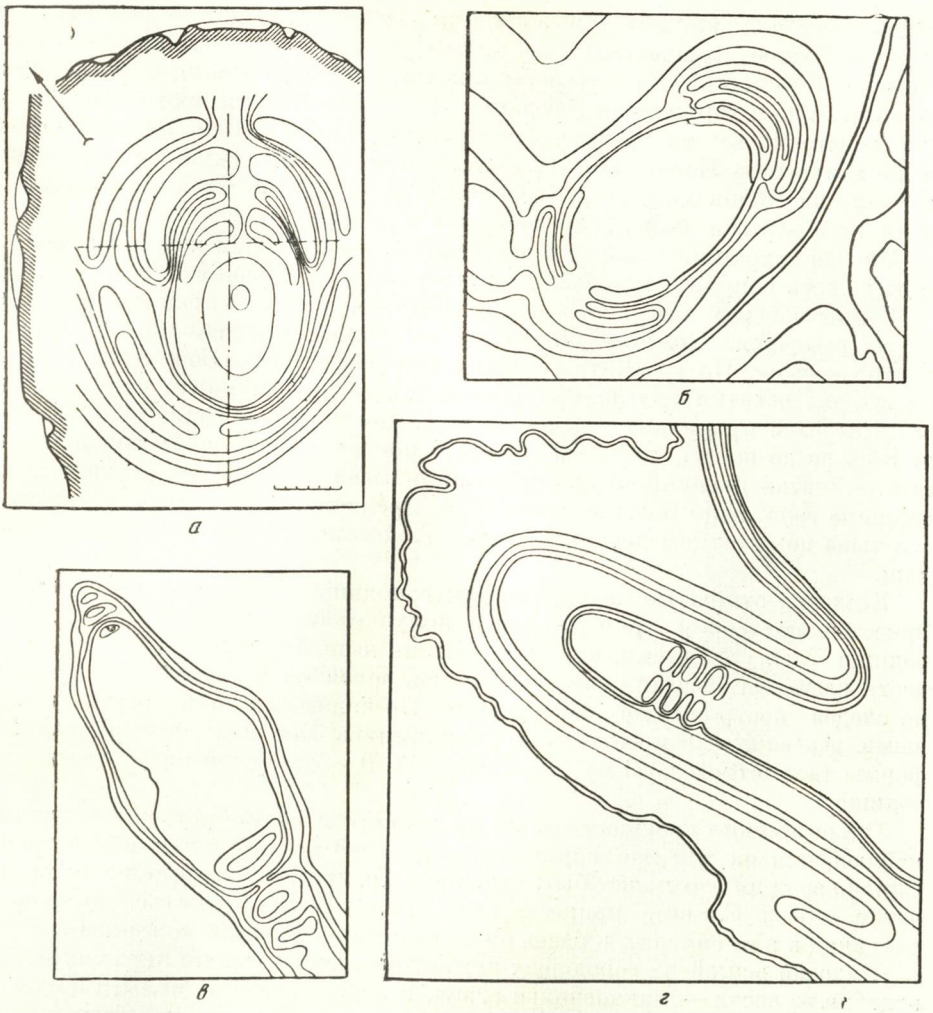


Рис 30. Планы городищ городецкой культуры. (Глазомерная съемка).

а — Митинское (по А. В. Никитину); *б* — Глебовское (по П. П. Ефименко); *в* — Гавердовское (по П. П. Ефименко); *г* — Столбище (по И. С. Гагину). Масштаб на рис. *а* — общий.

Три вала имеются на городищах Борисо-Глебском, Митинском[65] (Чертов Угол (рис. 30, *а*), Новоселковском (рис. 10, *а*) Глебовском (рис. 30, *б*), Гавердовском (рис. 30, *в*) и Столбище[66] (рис. 30, *г*). Количество валов определялось, по-видимому, только стремлением усилить оборону городища, так как никакой закономерности, связанной с топографическими усло-

[65] Подробное описание современного состояния Митинского городища дано А. В. Никитиным (ук. соч., стр. 129—132). Из приводимых им текстов дозора 1638 г. ясно, что для строительства Засечной Черты был использован старый «городок» и что 3 линии валов строители Черты застали уже существующими и почти не переделывали их, ограничившись устройством деревянных укреплений. Основная крепость находилась на противоположном берегу Вожи. Таким образом, можно относить устройство валов на Митинском городище еще к городецкому времени (славянского культурного слоя почти нет на городище). Однако окончательное решение вопроса возможно лишь после раскопок всех 3 линий валов.

[66] НАРМ, № 321, 520, 647 и 743.

виями, местоположением городища или хронологической,— заметить не удалось. Разное количество валов бывает на городищах одного и того же времени. В большинстве случаев валы насыпаны из земли, взятой здесь же из рва или с территории городища. Некоторые валы имеют более сложную конструкцию; их древняя поверхность обожжена, как на описанных выше Льговском, Казарском, Шатрищенском, Троице-Пеленицком городищах или на Абловском, Недостоевском, где не только имеются следы обжига, но и остатки каких-то деревянных конструкций.

Плохая сохранность валов и деревянных конструкций на них не позволяет решить вопрос о том, как были устроены укрепления.

Обжиг поверхности вала мог применяться для его укрепления, чтобы он не осыпался. Поэтому иногда наблюдается несколько слоев обжига внутри насыпи. Но на Шатрищенском городище вдоль обожженной насыпи лежали остатки обугленных бревен. Вряд ли они могли сохраниться, если бы были предназначены для обжига поверхности. Даже если бы они не сгорели до конца, то их бы убрали с поверхности вала. Вероятней всего это остатки деревянного забора в виде тына или городни стоявшего на вершине вала. Еще больше оснований предполагать наличие в древности тына по остаткам дерева на валах Абловского и Недостоевского городищ.

Жилища, открытые на Городецком городище и Спасском поселении [67], представляют собой прямоугольные полуземлянки, на Конищевском городище — полуземлянки, план которых не ясен. На других городищах известны глинобитные или каменные очаги, вероятно, связанные с жилищем, но следов построек не обнаружено. По-видимому, они были наземными, деревянными и поэтому не сохранились. Жилища округло-овальной формы (диаметром до 3 м) открыты А. В. Дмитриевской на Палецком городище [68].

Одновременно сосуществование наземного и полуземляночного жилищ наблюдается на той же территории и в более позднее, славянское время. Однако вряд ли это может быть связано с традицией, уходящей в I тысячелетие до н. э. Славяне принесли свои традиции в устройстве жилища и различия в нем связаны с разными потоками славянской колонизации.

Находки вещей на городищах немногочисленны (кроме керамики). Это изделия из кости — наконечники стрел, шилья, проколки, иглы, гарпуны и т. п. Очень мало металлических изделий — встречены железные ножи, шилья, наконечники стрел, медные подвески, бляшки, браслеты. Население городецких городищ было знакомо с обработкой металлов, но металлургия находилась на самой первоначальной стадии развития. Железные и медные шлаки найдены на многих городищах, в том числе на Казарском, Льговском, Борисо-Глебском, Городецком, Троице-Пеленицком, Конищевском, Вышгородском, Дубровичском. Льячки ложковидной формы найдены на Городецком, Троице-Пеленицком и Конищевском городищах (льячки с Конищевского городища отличаются длинной глиняной ручкой); на Конищевском городище найден также «чашевидный» тигель [69], а на Троице-Пеленицком — литейные формы. Все городища, где установлены следы обработки металла, относятся к более поздней группе. В первый период существования городищ, возможно, металл был привозным.

Население городецких городищ было знакомо с мотыжным земледелием еще в самом раннем периоде их существования (VII в. до н. э.). Но в условиях лесной полосы такое земледелие не могло стать основой хозяйства.

---

[67] П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества..., стр. 158.
[68] Архив ИА, 1925 г., д. № 183.
[69] Н. В. Говоров. Археологическое обследование... (НАРМ, № 410).

Находки костей домашних животных, постоянные на всех городецких городищах, заставили предположить, что важнейшим занятием населения было скотоводство. Однако и это предположение не основательно. Толстый снежный покров в лесной полосе не давал возможности содержать скот в зимнее время на подножном корму [70], а слабо развитое земледелие и малое количество угодий, годных для заготовки сена, не позволили запасти на зиму большое количество кормов. В подобных условиях сомнительно, чтобы скотоводство могло стать основной или важнейшей отраслью хозяйства. Вероятно, хозяйство было комбинированным: в нем сочетались мотыжное земледелие, лесное скотоводство, рыболовство и охота. Только в сумме они давали средства существования населению городецких городищ.

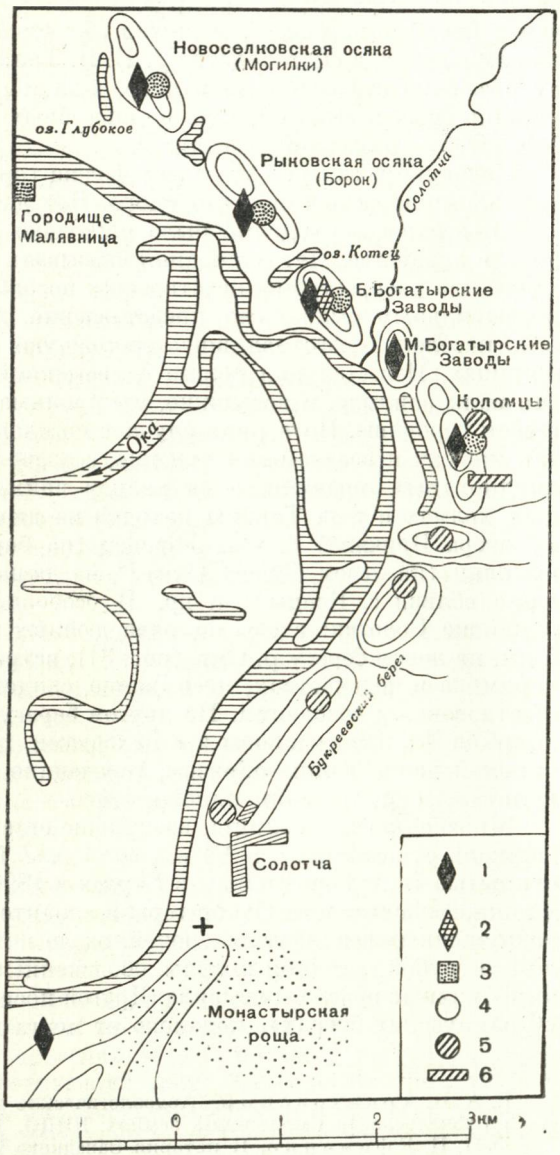


Рис. 31. Археологические памятники в районе р. Солотчи

1 — неолитическая стоянка; *2* — стоянка бронзового века; *3* — городище раннего железного века; *4* — селище раннего железного века; *5* — славянское селище; *6* — славянский грунтовой могильник.

Вопрос о хозяйстве населения городецких городищ в свое время рассматривался в ряде научных работ. Их авторы полагали, что в начале I тысячелетия н. э. в жизни племен городецкой культуры наступили изменения, выразившиеся, в частности, в том, что в первые века нашей эры, наряду с укрепленными поселениями, получили распространение открытые поселки, позже превратившиеся в господствующую форму селений. Делался вывод, что ранее существовавшие и вновь возникавшие городища в эту эпоху служили убежищами для жителей открытых поселков во время опасности. Высказывалось также предположение, что замена городищ-поселений городищами-убежищами была связана с развитием земледелия. Впервые подобная гипотеза была предложена С. В. Киселевым [71]. Подробно развил ее в отношении

[70] В настоящее время продолжительность снежного покрова в Рязанской области составляет около 140 дней в году.

[71] С. В. Киселев. Поселение. Труды секции теории и методологии РАНИОН. М., 1928, стр. 53—55.

дьяковских городищ А. В. Арциховский[72]. П. П. Ефименко доказывал, что основой экономической жизни обитателей Западного Поволжья стало не земледелие, а скотоводство[73]. П. Н. Третьяков переходом к пастушеству объяснял относительно раннее, хотя и неполное исчезновение старых укрепленных поселений, уже не способных защитить новое общественное богатство — разросшиеся стада[74].

Изучение рязанской группы городищ городецкой культуры не дало материалов для решения этого спора. Нет данных о том, что скотоводство или подсечное земледелие было настолько развито, что играло главную роль в хозяйстве. Нет оснований связывать с переходом к новым формам хозяйства распространение открытых поселений прежде всего потому, что неправильным было само представление, что до начала I тысячелетия н. э. население, изготовлявшее «рогожную» керамику, жило только на городищах. Известен ряд селищ с «рогожной» керамикой. Иногда бывает, что валы заплыли, и возможно, мы принимаем за селище плохо сохранившееся городище. Но в ряде случаев поселения с «рогожной» керамикой, так же как и позднейшие чудские, встречены на местах, где невозможно предполагать городища — на низком пойменном берегу реки, на дюнных холмах и т. п. Таковы находки на дюнных холмах у дер. Богослово (у озера Кричина)[75], у с. Городец (на берегу р. Вожи), у с. Ловецкие выселки (на левом берегу Оки)[76], на дюнах у Солотчи, на Облачинской дюне вблизи с. Исады[77] и др. В особенности показательны памятники в районе Солотчи: здесь на ряде дюнных холмов на протяжении почти 5 км, на левом берегу р. Оки (рис. 31), встречается сетчатая и «рогожная» керамика в количествах, несомненно, свидетельствующих о длительно существовавшем поселении. На другом берегу Оки находится городище Малявница[78] с жилым слоем и с находками, подобными находкам на Солотчинской дюне. Таким образом, городецкие городища и селища той же культуры существовали одновременно.

Многие чудские селища, возникшие еще в раннем железном веке, продолжали существовать в VI—X вв. в. э.[79] Таковы, например, два селища, открытые В. А. Городцовым в Борках в 1890 г.[80]. Одно из них находилось у южной оконечности Сокор-горы и характеризовалось ямами и остатками разрушенных глинобитных печей, около которых залегали в изобилии обломки грубой глиняной посуды, обожженные камни, железная руда и шлаки, глиняные прясла и грузила. Другой поселок открыт на так называемых «Французских буграх», недалеко от места находки клада с куфическими

---

[72] А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. ПИДО, 1934, № 11—12, стр. 39—41.

[73] П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья в I тысячелетии н. э. по археологическим источникам. СА, II, 1937, стр. 46—49.

[74] П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА № 6, 1941.

[75] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки. Труды XII АС, т. I, М., 1905; С. А. Локтюшов. Каменный период в Рязанской губернии, Рязань, 1916.

[76] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты.., стр. 557.

[77] На Облачинской дюне найдены чудской могильник VI—IX вв. н. э., вблизи — поселение с «рогожной» керамикой и позднейшей чудской. На том же месте в дальнейшем возникло славянское поселение. Неподалеку находятся еще 2 чудских могильника — Еремеевский и Дубровский (см. В. А. Городцов. Материалы для археологической карты..., ТРУАК, т. XVIII, вып. 2, 1903; АИЗ, т. VII, 1899).

[78] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков и др. Материалы... (НАРМ, № 677); П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества.

[79] Таковы селища у Солотчи, на Шумашской дюне (см. Описание рукописей этнологического архива Рязанского музея, № 411; Отчет о работах Рязанского среднеокского музея за 1931 г., Рязань, 1932) и др.

[80] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты.., стр. 585.

монетами X в. Площадь поселка покрыта слоем угля, что указывает на уничтожение его огнем. Здесь найдена масса керамики грубой формовки, с толстыми стенками, по мнению В. А. Городцова, современной Борковскому могильнику и в основном датирующей оба поселка.

Ошибочная датировка конца существования городецких городищ V веком н. э. повлекла за собой неправильный вывод о замене городищ-поселений — городищами-убежищами. На самом деле этого не произошло. Действительно, на некоторых, но очень немногих городищах в середине I тысячелетия н. э. жизнь прекратилась, но на большинстве, по-видимому, продолжалась жизнь тех же племен, что и в предшествующее время. Таковы городища Казарское, Палецкое, Алпатьевское, Митинское, Чертово, Польновское и др. Выше было сказано, что еще в начале I тысячелетия н. э. на городецких городищах наряду с керамикой, покрытой «рогожным» орнаментом, появились керамика гладкая, неорнаментированная, а также сосуды, украшенные нарезкой по краю и полосами веревочного орнамента. Подобные сосуды бытовали до конца I тысячелетия н. э., а у некоторых племен удержались и дольше. На большинстве городищ с «рогожной» керамикой имеются верхние слои, содержащие неорнаментированную керамику, подобную посуде, встречающейся в могильниках; при этом слои не отделены один от другого стерильной прослойкой. Таким образом, на городищах жило то же население, лишь отказавшееся от обычая украшать посуду «рогожным» орнаментом.

В самом начале нашего очерка городецких городищ мы отметили, что создателями их были предки мордвы, а также исчезнувших в процессе славянской колонизации муромы и мещеры. Это утверждение не является бесспорным и нуждается в доказательствах.

Вопрос о происхождении дьяковской и городецкой культур еще не решен окончательно. Б. С. Жуков считал, что дьяковская культура сложилась на основе местной неолитической (и неолитоидной, относящейся к эпохе бронзы) культуры [81].

На средней Волге многие городища с «рогожной» керамикой содержат в нижнем культурном слое остатки поздней «хвалынской» культуры эпохи бронзы [82]. В. А. Городцов отмечал подстилающие слои неолитического облика и периода бронзы на некоторых рязанских городищах городецкого типа на средней Оке [83].

Однако наличие такого подстилающего слоя, при отсутствии точных стратиграфических данных, еще само по себе недостаточно для установления прямой связи местного населения эпохи раннего железного века с местным населением предшествующих эпох. Археологические материалы еще не позволяют доказать наличие таких связей и попытки возвести происхождение племен раннего железного века Волго-Окского междуречья к местному населению эпохи неолита — пока недостаточно обоснованы.

Этническая принадлежность населения дьяковских городищ также не выяснена. Положивший начало исследованию этих городищ (в 1903 г.) А. А. Спицын считал их население финно-угорским [84]. Некоторые советские

---

[81] Б. С. Жуков. Теория хронологических и территориальных модификаций неолитических культур. «Этнография», 1929, № 1.

[82] В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губернии. Труды секции археологии РАНИОН, IV, 1928; Н. Арзютов. Древние финны Нижнего Поволжья. Саратов, 1928.

[83] Например, на самом Городецком городище, давшем наименование всей культуре, на Ловецком селище (см. АИЗ, т. VII, № 6—7, 1899, стр. 181—186). Следует указать, что на Ловецком селище, относящемся к району, пограничному между дьяковской и городецкой культурами, отмечается большой процент сетчатой керамики в культурном слое раннего железного века.

[84] А. А. Спицын. Городища «дьякова» типа. ЗОРСА, т. I, вып. 1, 1903.

ученые связывали дьяковские городища со славянами. В последнее время вновь вернулись к точке зрения А. А. Спицына [85]. Но Б. А. Серебренников выступил со статьей, в которой высказал сомнение в принадлежности языка создателей волго-окской топонимики к числу финно-угорских языков. По его мнению, волго-окская топонимика в качестве источника имеет какой-то язык, который трудно отнести к какой-нибудь семье ныне существующих языков и по которому нельзя определить этническую принадлежность его носителей [86]. Статья Б. А. Серебренникова вызвала отклик П. Н. Третьякова, отказавшегося от недавно им же самим высказанного взгляда на дьяковскую культуру как финно-угорскую [87].

До появления названной статьи П. Н. Третьякова спор шел только о дьяковских городищах, городецкие же городища, расположенные в районах, и поныне населенных преимущественно мордвой и родственными ей народами, считались принадлежащими предкам этих народов. И сейчас П. Н. Третьяков полагает, что основная область городецкой культуры выходит за пределы распространения волго-окской топонимики и что городецкая и ананьинская культуры являются финно-угорскими [88]. Но уже на следующей странице своей статьи П. Н. Третьяков пишет: «Никому из археологов, занимающихся финно-угорскими древностями, не удалось, однако, показать, что генетическим предшественником культуры поволжских финно-угорских племен, известной по многочисленным могильникам и отдельным поселениям, является население дьяковских городищ с сетчатой керамикой; далее следуют ссылки на работы П. П. Ефименко, отрицавшего связи дьяковских городищ и рязано-окских (мордовских) могильников. Но ведь П. П. Ефименко, отрицая эти связи, имел в виду городецкие городища. Значит ли это, что П. Н. Третьяков рассматривает дьяковскую культуру и культуру городецких городищ (последних, по крайней мере, в районе рязанского течения Оки) как единую и отказывается от им самим предложенного выделения городищ с «рогожной» керамикой в особую группу? Не будем останавливаться на этом противоречии в статье П. Н. Третьякова и перейдем к важному для нас выводу о том, что мерянские, муромские и мордовские племена на территории нынешних Костромской, Ярославской, Ивановской, Владимирской и отчасти Рязанской областей были якобы не автохтонным населением, а населением, продвинувшимся сюда, на территорию дьяковской культуры в первые века нашей эры из области Восточного Поволжья и Волго-Камья.

Поскольку выводы Б. А. Серебренникова и П. Н. Третьякова высказаны в очень осторожной форме и лишь как возможные гипотезы, нуждающиеся еще в серьезном рассмотрении, нет необходимости здесь обсуждать проблему в целом. Замечу лишь, что важнейшим недостатком всех исторических выводов, основанных на данных топонимики, является то, что, за редкими исключениями, датировать тот топонимический слой, который интересует исследователя, не удается. Никто не сомневается в том, что западнее Волги и южнее Оки в Рязанской области и дальше на запад (частично — в Тульской) имеются названия рек, урочищ и поселений, которые можно объяснить из финно-угорских языков и даже прямо из мордовского. Когда появились эти топонимы — в первые века нашей эры, как полагает

---

[85] П. Н. Третьяков. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э. СА, 1957, № 2, стр. 64—77; А. П. Смирнов. Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии. СА, 1957, № 3, стр. 28, 29.

[86] Б. А. Серебренников. Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР. «Вопросы языкознания», 1955, № 6.

[87] П. Н. Третьяков. Волго-окская топонимика и некоторые вопросы этногенеза финно-угорских народов Поволжья, СЭ, 1958, № 4, стр. 9—17.

[88] Там же, стр. 13.

П. Н. Третьяков, или значительно раньше? Ведь городецкая культура существовала с середины I тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия н. э., и хотя в начале нашей эры произошли некоторые изменения в облике культуры, однако линия генетического развития так ясна, что никто из исследователей не связывал эти изменения со сменой населения. Но не только до середины, а и дальше, до конца I тысячелетия н. э., прослеживаются непрерывная линия развития культуры, созданной населением городищ с «рогожной» керамикой, и ее связь с рязанскими могильниками, культура которых «во всех своих элементах настолько тесно и неразрывно связана с культурой поволжских народов, известной по данным этнографии, что здесь не могут иметь места какие-либо сомнения» [89]. Следовательно, с точки зрения археолога, чтобы решить вопрос о создателях культуры городецких городищ, весьма важно доказать их связь с рязанскими могильниками. Я не касаюсь всей проблемы в целом, совершенно не затрагиваю вопроса о дьяковской культуре, несколько отличающейся от городецкой и созданной, очевидно, иными племенами. Рассмотрим лишь частный вопрос о связях исследованных нами городецких городищ по рязанскому течению Оки и рязанских могильников.

Расположенные по среднему течению Оки так называемые «рязанские могильники» представляют главную массу наиболее ранних могильников, распространенных в I тысячелетии и в начале II тысячелетия н. э. на огромных территориях Западного Поволжья (кроме рязанских, можно выделить еще группы муромских, мещерских и тамбовских могильников). Рязанские могильники не доходят до течения Дона и не встречаются по Оке западнее устья Москвы-реки. На восток они доходят до Касимовской возвышенности. Кошебеевский и Старо-Кадомский могильники еще принадлежат к рязанской группе. Что касается их северной границы, то она представляется не совсем ясной ввиду трудности обнаружения могильников и неисследованности мещерской стороны. По-видимому, граница проходит по Оке. Обнаруженные могильники мещерской стороны датируются более поздним временем, чем рязанские, и относятся к родственному, но все же отличающемуся от рязанского населению. Рязанские могильники обычно расположены на правом высоком берегу Оки или в пойме на мысах и песчаных холмах.

Исследование рязанских могильников началось еще в конце прошлого века и по этому вопросу имеется значительная литература. Одним из последних исследований, обобщивших все данные, была работа П. П. Ефименко, к сожалению, полностью не опубликованная. Основные выводы П. П. Ефименко даны в двух статьях, относящихся к 1926 и 1937 гг. [90] Ему удалось с помощью подробного анализа инвентарей и составления корреляционных таблиц выделить пять последовательных хронологических этапов в могильниках рязанской группы (каждый — от 100 до 150—200 лет, начиная с I в. до первой половины VII в. н. э.) и 4 стадии (с VII в. до XI в.) в могильниках муромской группы.

П. П. Ефименко нарисована подробная картина социальной жизни и хозяйства населения, оставившего рязанские могильники. Он считает, что расположение могильников на луговых пространствах у рек, наличие в погребениях верховых лошадей и обычный инвентарь — дротик, копье, топор — свидетельствуют о том, что население, оставившее рязанские

---

[89] П. Н. Третьяков. Волго-окская топонимика..., стр. 14.

[90] П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. Материалы по этнографии, т. III, изд. Русского музея, 1926; его же. К истории Западного Поволжья в I тысячелетии н. э. по археологическим источникам. СА, II, 1937, стр. 39—58.

могильники, было конными пастухами. Они селились небольшими поселками по нескольку десятков членов общины и по 400—500 лет жили на одном и том же месте. Таким образом, в могильниках накопилось от 200 до 300 и даже 400 погребений за несколько сот лет. Лишь в VII—VIII вв. распространилось подсечное земледелие, вызвавшее значительные изменения не только в социальной жизни, но даже в районах расселения древних племен.

По мнению П. П. Ефименко, в VII в. рязанские могильники исчезли в связи с уходом населения и одновременно возникли муромские могильники [91]. В более ранней (1926 г.) статье П. П. Ефименко писал, что народность, населявшая территорию, где находились рязанские могильники, в VII в. неизвестно почему и куда исчезла [92]. По его мнению, нельзя утверждать, что муромские поселения и могильники возникли в результате перехода сюда населения Рязанского края, так как инвентарь одной и той же стадии (ДII,— относящейся к VII в.) не вполне тождественен. Что касается появления на Оке населения, оставившего рязанские могильники, то и этот вопрос, с точки зрения П. П. Ефименко, загадочен. Он отвергает высказывавшееся до него мнение, что городища «дьякова» типа и городецкие относятся к той же эпохе, что и рязанские могильники, и принадлежат той же народности. Таким образом, П. П. Ефименко рисует историю рязанских могильников как совершенно изолированную от общих исторических процессов, происходивших в Западном Поволжье и в районе среднего течения Оки. Население, обитавшее на территории, где находились рязанские могильники, неизвестно откуда пришло, неизвестно куда и почему исчезло.

Между тем археологические данные позволяют утверждать, что население, оставившее рязанские могильники, было автохтонным, что оно генетически связано с местным населением, известным по памятникам городецкой культуры, и что его исчезновение относится к более позднему, чем предполагает П. П. Ефименко, времени и связано уже со славянской колонизацией края.

На городецких городищах найдено много предметов, тождественных вещам из рязано-окских могильников,— гривны, подвески, бляхи. Объяснять это неумелыми раскопками, в результате которых перемешаны слои, нельзя. Наиболее ясно это видно из того, что на ранних городецких городищах таких вещей нет. Они появляются лишь на городищах, синхронных могильникам. Таково, например, Троице-Пеленицкое городище. В его инвентаре виден переход от слоев городецких к слоям, современным рязанским могильникам. Здесь встречены и сосуды с сетчатыми и «рогожными» отпечатками, и лощеная рыжеватая или черная керамика, часто обнаруживаемая в могильниках, и типичные для могильников сосуды из серой глины, баночной формы, без орнамента, и трапециевидные и конические привески и т. д. [93] Листовидное втульчатое железное копье, найденное на Троице-Пеленицком городище [94], имеет аналогии в инвентаре Курманского,

---

[91] П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья..., стр. 52—56.

[92] П. П. Ефименко. Рязанские могильники, стр. 81. Нужно сказать, что, хотя это является выводом из собственной работы П. П. Ефименко, его точка зрения на дату рязанских могильников не оригинальна. Еще в 1910 г. В. А. Городцов, касаясь древностей бассейна Оки, писал: «После VII в. замечается в притоке датирующих вещей как бы перерыв, но затем появляются славянские вещи, и почти одновременно с этим местная культура оставляет берега Оки...» («Бытовая археология». М., 1910, стр. 440). Так же датировала рязанские могильники В. В. Гольмстен («Хронологическое значение эволюции древних форм». Самара, 1923, стр. 2).

[93] См. рис. 16, 17.

[94] См. рис. 17, 10.

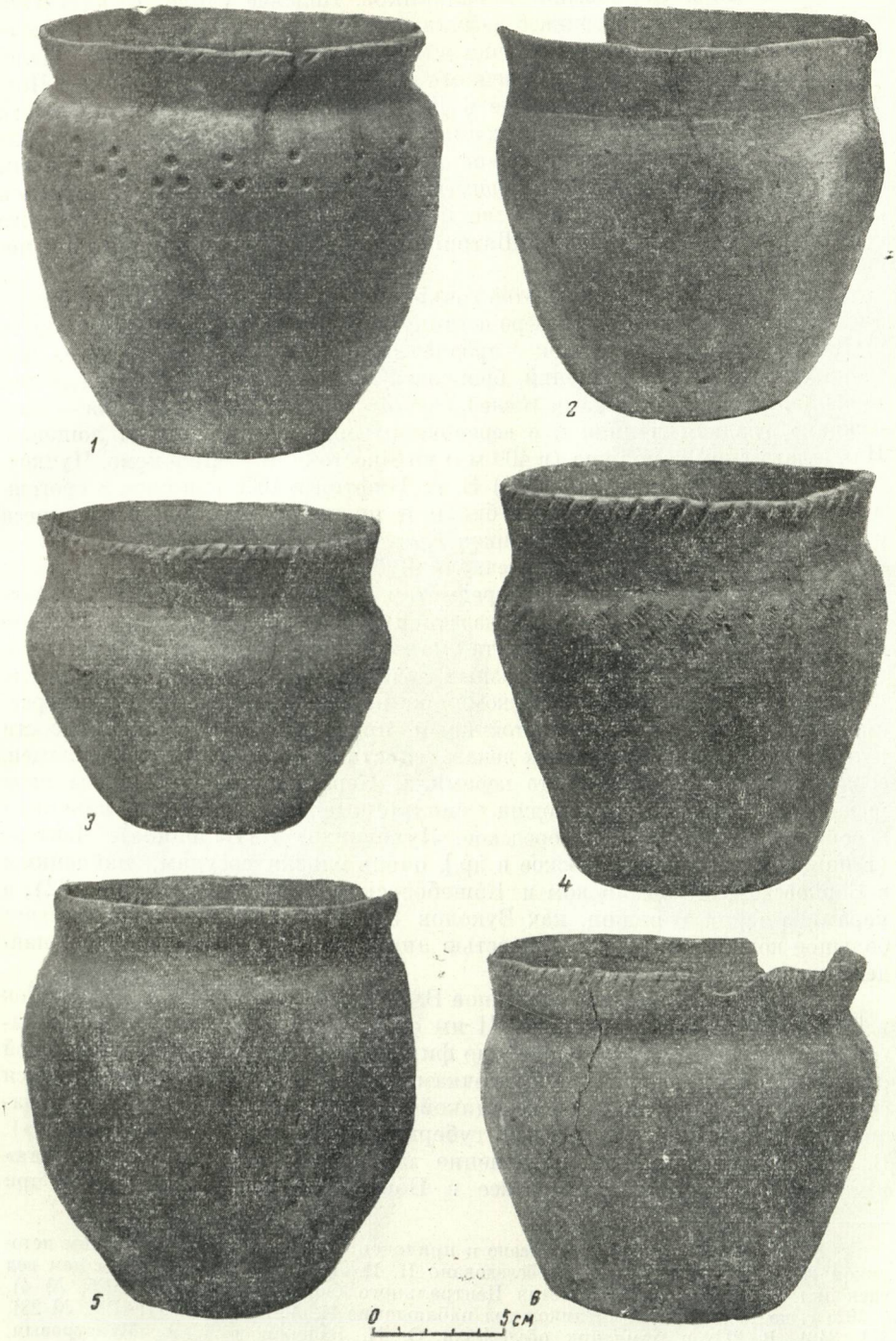


Рис. 32. Глиняные сосуды из рязанских могильников (Коллекция ГИМ, № 39251).

1 — Борковский могильник (могила 68, раскопки А. В. Селиванова); *2* — там же (могила 35); там же (могила 2); *4* — там же (могила 14); *5* — там же (могила 13); *6* — Кузьминский могильник (раскопки А. В. Черепнина, трупосожжение 7).

Кошебеевского и Серповского могильников. Конские удила с круглыми кольцами, железные пряжки с язычками тоже находят аналогии в материале из этих могильников. Льячки для отливки металлов с Троице-Пеленицкого городища сходны с льячками из Курманского могильника. Подвески в виде птички, найденные в Дубровичах, похожи на подвески из могильников. Наконец, обнаруженная на Троице-Пеленицком городище литейная форма для изготовления подвески с прорезями и шнуровым узором, круглые пряжки с завернутыми в трубочки концами и с иглой совершенно аналогичны таким же находкам в могильниках. Выше уже говорилось о сходстве вещей с Шатрищенского городища с инвентарем могильников.

Чрезвычайно интересно, с этой точки зрения, городище Земляной Струг, расположенное в 2,5 км к северо-востоку от г. Касимова на правом берегу р. Бабенки [95]. Среди находок — арбалетная фибула, литейная форма для мелких бронзовых украшений, бронзовые подвески и другие предметы, имеющие сходство с вещами Кошебеевского могильника. Керамика — «рогожная», гладкая лепная и с веревочным орнаментом, черная лощеная. На Мелеховском городище (в 400 м к юго-востоку от с. Мелехово, Чучковского района, Рязанской области) Б. А. Куфтин в 1926 г. в слое с «рогожной» керамикой нашел медные бляхи и пряжки, прямо увязывающиеся с культурой рязанских могильников [96].

Несмотря на то, что мы перечислили большое количество обнаруженных на городецких городищах предметов, аналогичных вещам из рязанских могильников, это может показаться недостаточным доказательством единства культуры тех и других, так как отдельные сходные предметы могут находиться на памятниках разных культур и передаваться в результате разных форм общения. Но есть комплекс находок, которые археологи рассматривают как наиболее устойчивый признак генетической близости культур и как одно из важных доказательств этнического родства племен, создавших эти культуры. Это керамика. Керамические комплексы ряда рязанских городецких городищ, синхронные рязанским могильникам [Троице-Пеленицкое, Вышгородское, Луховицкое I (Палецкое), Чертово (Елшинское), Борисо-Глебское и др.], очень близки сосудам, найденным в Борковском, Кузьминском и Кошебеевском могильниках (рис. 32), а керамика таких городищ, как Вуколов Бугор и Казарское, насчитывает большое количество форм, полностью аналогичных формам сосудов, найденных в могильниках [97].

Интересно наблюдение, сделанное В. А. Городцовым во время раскопок в Борках в 1939 г. В траншее VII им обнаружены последовательные наслоения керамики от «рогожной» до финской посуды VI—X вв. Есть слой с посудой, орнаментированной насечками по краю венчика и находящейся совместно с черной лощеной керамикой (по словам отчета, «подобной находкам в курганах Калужской губернии, раскопанных Булычевым»). В. А. Городцов выражает недоумение по поводу того, что «рогожная» и черная лощеная керамика ранее в Борках не попадалась, даже при

---

[95] Впервые городище было описано и приведены его чертежи касимовским историком И. С. Гагиным. В 1924 г. обследовано Н. И. Лебедевой. В 1925 г. на нем вел раскопки Б. А. Куфтин (Известия Центрального бюро краеведения, 1925, № 4). С 1925 г. по 1928 г. за памятником вел наблюдение И. А. Китайцев (НАРМ, № 281, 321, 349). В 1932 г. памятник обследован О. Н. Бадером и А. А. Мансуровым. (А. А. Мансуров. Результаты археологических обследований в окрестностях г. Касимова летом 1932 г. НАРМ, № 647).

[96] НАРМ, № 433; «Краеведение», 1927, № 2, стр. 223.

[97] Вуколов Бугор (КРОМ, № 389); Казарское городище, раскопки 1955 г., коллекционная опись: № 17—19, 71—74, 174—200, 325—330, 445—458, 506—508, 574, 593—599, 672, 729—734, 762, 763, 772—777, 854, 861—863, 922, 923, 1037. КРОМ, Р-55/К-1.

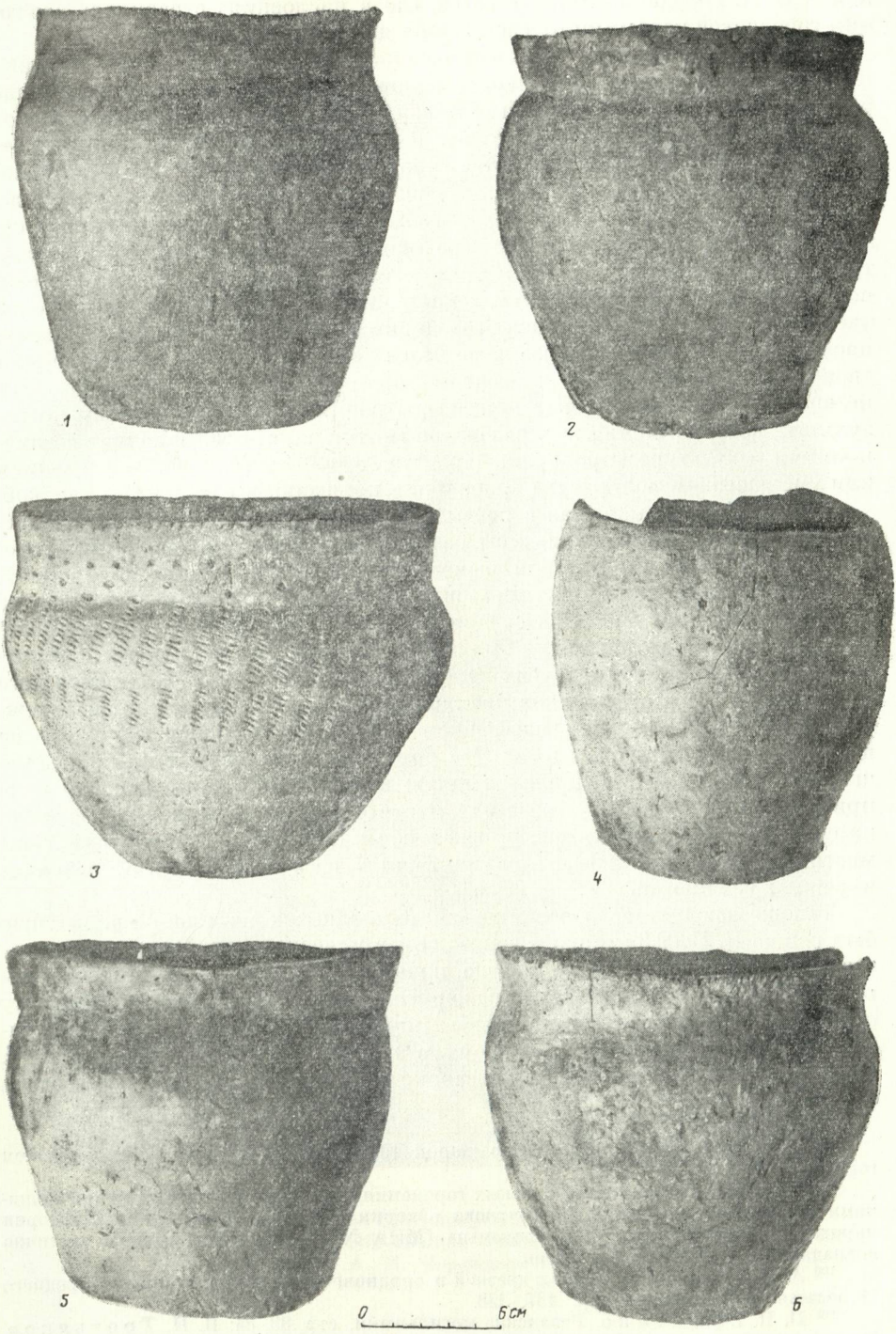


Рис. 33. Керамика чудского населения по рязанскому течению р. Оки во второй половине I тысячелетия н. э. (Из коллекции Рязанского музея).

1 — № 226/3; *2* — № 224/3; *3* — № 192/1; *4* — № 227/9; *5* — № 226/4; *6* — № 227/3.

больших раскопках 1892 г.[98] Очевидно, только через 47 лет после этих раскопок В. А. Городцов нашел участок, где в наслоениях отразилась эволюция городецкой керамики от «рогожной» до «поздней финской».

Если не представляет сомнения близость керамики городецких городищ и рязанских могильников в первой половине I тысячелетия н. э., то еще больше аналогий с керамикой рязанских могильников обнаруживается в керамике, находимой на некоторых городецких городищах в слоях VI—X вв. (рис. 33). Здесь встречаются горшки без орнамента или с орнаментом, идущим по краю венчика, совершенно не отличимые от таких же сосудов, найденных в рязанских могильниках. Не остается никакого сомнения, что городецкая культура переходит в приокско-чудскую (т. е. культуру рязанских могильников) и что эта смена связана с развитием производительных сил и изменением социальных отношений, а не со сменой населения. Население ранних городецких городищ являлось предком населения, оставившего рязанские могильники[99]. Где и как хоронили своих покойников жители городецких городищ до начала нашей эры, мы не знаем, но в первых веках нашей эры возник обряд захоронения, в результате которого появились рязанские могильники. Это совпадает с изменениями в культуре городецких городищ, в частности,— с исчезновением или уменьшением количества «рогожной» керамики и появлением гладкой.

Таким образом, начиная с первых веков н. э., прослеживаются непрерывная линия развития культуры, созданной населением городецких городищ, и ее единство с культурой племен, оставивших рязанские могильники.

Было бы неверно, однако, исходить из «автохтонистских» взглядов на историю населения бассейна среднего и нижнего течения р. Оки и полагать, что процесс его развития был чисто внутренним, не связанным с миграциями и влияниями других народов. По материалам Кошебеевского и сходных с ним могильников прослеживаются тесные связи правобережных поволжских племен с населением Прикамья и Приуралья[100], и не исключена возможность, что на Оке пришлые из Прикамья племена смешались с местными[101]. Допуская такую возможность, мы все же должны признать, что внутреннее развитие местного населения на Оке не было нарушено пришельцами; оказав некоторое влияние на развитие культуры местных племен, пришельцы не уничтожили ее и не внесли в ее развитие коренных изменений.

Так же как вопрос о возникновении рязанских могильников, неверно был решен П. П. Ефименко и вопрос об их исчезновении. Прежде всего — о времени их исчезновения. Неясно, почему П. П. Ефименко считает этим временем VII в. Очевидно, судя по корреляционным таблицам, он попросту отбросил, не учитывал все могильные инвентари с поздними вещами, считая их принадлежащими пришлому в позднейшее время населению[102]. Однако в типичных комплексах рязанских могильников встречаются вещи,

---

[98] В. А. Городцов. Дневник раскопок 1939 г. в с. Борки и на Конищевском городище. НАРМ, № 1279.

[99] Некоторые соображения о связях городецких городищ с рязанскими могильниками высказаны в работе А. П. Смирнова «Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья» (МИА № 28, 1952). Его выводы частично совпадают с изложенными здесь.

[100] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья, стр. 137, 138.

[101] П. П. Ефименко. Рязанские могильники, стр. 83, 84; П. Н. Третьяков. Волго-окская топонимика..., стр. 16.

[102] Очень трудно возражать автору, столь подробно изучившему памятники, как П. П. Ефименко, не зная полностью его аргументации. Поэтому приходится ограничиться лишь беглыми замечаниями, вынесенными из наблюдения над материалами рязанских могильников.

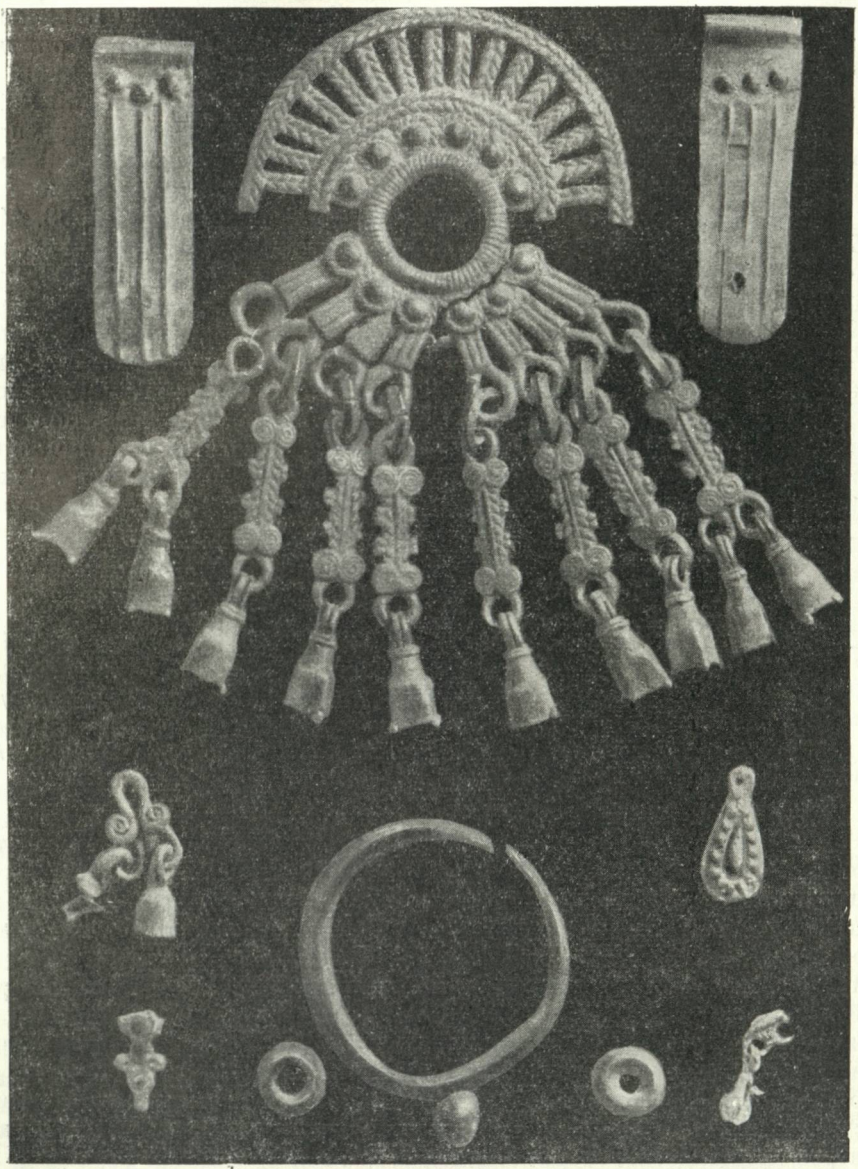


Рис. 34. Комплекс вещей из Шатрищенского могильника с пряслицами из розового шифера. (Коллекция Рязанского музея, № 200. Раскопки А. И. Черепнина, 1903 г.).

позволяющие их датировать не VII веком, а IX—X веками. Таковы лунницы из Борковского (погребения 6, 25, 46 и 99) и Кузьминского (погребение 42) могильников; таковы серебряные обкладки мечей из этих же могильников, орнаментированные кружочками, маленькие поясные пряжки и некоторые подвески [103]. Поэтому А. А. Спицын датировал Борковский и Кузьминский могильники VIII—X веками. П. П. Ефименко не опроверг этих дат, но попросту их игнорировал.

Еще более показательно в этом отношении изучение коллекций Рязанского музея. В отчетах о раскопках рязанских могильников часто упоминаются каменные пряслица, являющиеся принадлежностью женских погребений [104]. При изучении музейных коллекций выяснилось, что каменные пряслица из погребений Борковского могильника (№ 26, 38, 44, 77 и 87) изготовлены из розового шифера; из того же материала сделаны пряслица, обнаруженные в Шатрищенском могильнике (рис. 34) [105]. Пряслица из розового шифера обычно датируются X—XIII веками.

Таким образом, исчезновение рязанских могильников относится не к VII в., а к гораздо более позднему времени. Для большинства могильников этим временем является X в. Что касается муромских могильников, то, по-видимому, дата их возникновения занижена. Обычно их появление относят к VII в. [106] Однако по ряду вещей,— в частности, по наличию крестовидных фибул V в.,— можно возникновение муромских могильников датировать V—VI веками.

VIII

Вопрос о раннем проникновении славян на Среднюю Оку (I—IV вв. н. э.). Связи населения бассейна р. Оки с салтовской культурой. Арцыбашевское погребение. Железницкий клад.

Ряд исследователей полагает, что элементы славянской культуры стали проникать в среду населения, которому принадлежали городецкие городища и рязанские могильники, еще в первой половине I тысячелетия н. э. Решение этого вопроса осложняется тем, что в среде археологов поныне идет спор о том, как выглядела сама восточнославянская культура в первой половине I тысячелетия н. э., и является ли культура полей погребений черняховского типа славянской. Один из характерных признаков этой культуры — чернолощеная керамика — вряд ли может служить этническим признаком восточнославянских племен. Эта керамика широко распространена в Восточной Европе и встречается в памятниках разноэтнических. Вероятно, она являлась объектом экспорта из каких-то западных центров производства. Чернолощеная и коричневолощеная керамика продолжает существовать и после IV в., когда исчезают памятники черняховской культуры. На Оке, по ее верхнему течению, лощеная керамика хорошо известна на городищах Мощинском, Огубском, Дуне, Спасском и др. и в древних курганах с трупосожжениями [107]. По-видимому, с запада эта

[103] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР № 25, 1901.

[104] А. И. Черепнин. Местная старина. Борковский могильник. ТРУАК, т. X, вып. 3, 1895, стр. 314 (Дневник раскопок Борковского могильника, произведенных в 1892 г., приложен к т. VII ТРУАК).

[105] КРОМ, № 8, 10 и 200. Раскопки А. И. Черепнина в 1903 г.

[106] П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья..., стр. 52.

[107] П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена.

керамика продвинулась на территорию, занятую городецкими городищами. Она встречена на городищах Троице-Пеленицком, Вышгородском, Шатрищенском [108], Казарском, близ с. Конищево [109] и в могильниках (погребение 26 Шатрищенского могильника, в Дубровичском и др.). Большей частью это миниатюрные обрядовые горшочки, но встречаются и большие сосуды. Чернолощеной керамики больше на городищах в бассейне рязанского течения Оки, по мере продвижения на восток ее становится все меньше и совсем мало — на поволжских городищах.

Другой элемент культуры, связываемый со славянством,— обряд трупосожжения. Нельзя считать трупосожжения специфическим признаком только славянской культуры; они появились в Европе еще в бронзовом веке, особенно широко распространились в римское время и характерны для разных народов. Обряд трупосожжения был знаком и славянским, и финно-угорским племенам [110]. Однако некоторые исследователи полагают, что в период существования рязанских могильников население бассейна средней Оки могло заимствовать обряд трупосожжения у своих ближайших соседей на западе, которыми были кривичи и верхнеокские вятичи.

В самом деле, обряд трупосожжения появился в рязанских могильниках в V—VI вв. и распространился постепенно с запада на восток, т. е. в том направлении, в котором должно было бы распространяться «славянское влияние», если оно, действительно, было [111]. В самом восточном и в то же время наиболее раннем из рязанских могильников — Кошебеевском — трупосожжений нет. Процент трупосожжений постепенно возрастает. В более ранних могильниках — Сергачском, Курманском — их не более 5—6%, в Борковском и Кузьминском — 10% (по А. И. Черепнину, в Курманском — 20%, в Борковском — 10%, в Кузьминском — 7—9 или 6, 7% трупосожжений). В могильниках далее к востоку следов трупосожжений не оказалось вовсе. В Муранском могильнике (у Самарской луки) из 343 могил трупосожжения оказались только в двух, в Армиевском — трупосожжений нет [112].

Несколько иная картина — в муромских могильниках. По-видимому, сюда обряд трупосожжения проникал другими путями, не по Оке, а по Волге, и его распространение протекало не так, как в районе рязанского течения Оки. Как установлено А. Ф. Дубыниным, на V—VI вв. приходится 36% трупосожжений в муромских могильниках, на VII в.— 22%; постепенно количество трупосожжений возрастает, доходя в середине XI в. до 77% и к концу века снижаясь до 7% [113].

Таким образом, даже если считать, что погребальные традиции, связанные с трупосожжением, существовали и у других соседей населения по среднему и нижнему течению р. Оки (например, у племен Прикамья), путь распространения этого элемента культуры свидетельствует о заимствовании его окскими племенами с запада, а не с востока. Однако можно решительно возражать против применяемого иногда в связи с этим явлением

---

[108] См. А. Л. Монгайт. Отчет о раскопках 1949 г. в Старой Рязани. Архив ИА, ф. 1, д. № 379.

[109] В. А. Городцов. Дубровичский финский могильник. Рязань, 1925, стр. 9.

[110] Е. И. Горюнова. Об этнической принадлежности населения Березняковского городища. КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 22—29.

[111] А. П. Смирнов отмечает, что в Борковском могильнике трупосожжения часто сопровождаются вещами неместного происхождения. Чуждый обряд захоронения и чуждые вещи позволяют видеть в этих погребениях пришлый и, с большой долей вероятия, древнеславянский элемент (МИА № 28, 1952, стр. 141).

[112] Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М., 1930, стр. 149; П. С. Рыков. Очерк по истории мордвы (по археологическим данным), М., 1933.

[113] А. Ф. Дубынин. Раскопки Малышевского могильника. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 91—96.

термина «славянизация» по отношению к населению в бассейне среднего течения р. Оки. Заимствование одного из элементов культуры — заимствование, причины которого остаются для нас не известными,— нельзя рассматривать как результат серьезных изменений состава заимствующей его этнической среды. К сожалению, нам настолько плохо известна культура вятичей до VIII в. н. э., что еще невозможно решение вопроса о влияниях этой культуры на соседей. Не более чем научной гипотезой является предположение о проникновении в середине I тысячелетия н. э. элементов культуры врхнеокских вятичей на среднюю Оку. П. Н. Третьяков связывает с древними вятичами курганы с трупосожжениями типа Шаньково — Почепок и городища у с. Мощино, Митинское, у с. Спас в бассейне р. Угры, Серенское городище, у с. Спас-Перекша. Дуна, Анишкинское, Федяшевское и ряд других на Верхней Оке [114]. На этих городищах жизнь продолжалась с IV—V вв. н. э. до X—XIII вв.

Первоначально, до VIII в. (когда вятичи появились на Дону), вероятно, территория, занятая этим племенем, распространялась на верхнее течение Оки, а также Жиздру, Зушу, Угру и Упу в их нижнем течении. Отдельные ранние вятичские курганы доходили до Москвы-реки (Большой курган в с. Беседы) [115]. Возможно, что верхнеокские вятичи и начали проникать в среду населения, оставившего рязанские могильники, еще задолго до того, как славяне колонизовали район среднего течения Оки [116]. Вероятно, первоначально примеси чуждой культуры появились в рязанских могильниках в результате браков. Славянские женщины приносили свои обычаи, наряды и керамику [117]. Несомненно, важный торговый путь, проходивший по Оке, способствовал проникновению в бассейн ее среднего течения элементов славянской культуры с верховьев Оки. Во всяком случае, ряд вещей характеризует эти сношения. В погребении 69 Кузьминского могильника (в 35 км от Рязани, на берегу Оки) найдена витая из 3 бронзовых проволок гривна с замком в виде 3 колец [118], совершенно подобная таким же украшениям из Мощина и Межигорья. Здесь же встречены вещи с эмалью и фибулы с полукруглым щитком, короткой массивной дужкой и фигурной, суженной книзу ножкой. Одна из подобных фибул, украшенная нарезкой кружками, найдена в погребении 7 с трупосожжением. В погребении 8 Дегтянского и в погребении 4 Кулаковского могильников встречены фибулы, известные только в курганах с трупосожжениями и на городищах верхнего бассейна Оки [119].

Для доказательства связей со славянами могут служить также находки пальчатых (лучевых) фибул, если справедливо мнение Б. А. Рыбакова, считающего такие фибулы типичными для славян Поднепровья. В могиле 7 Кузьминского могильника найдена фибула лучевого типа (поздний вариант VI в.) [120]. В Борковском могильнике обнаружены ажурные, антропоморфные фибулы, близкие к фибулам Пастерского городища [121].

---

[114] П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена..., стр. 47—53.

[115] А. В. Арциховский. Основные вопросы археологии Москвы. МИА, № 7, 1947.

[116] П. Н. Третьяков. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья...

[117] В то время как среди могил с трупоположением встречаются погребения, богатые оружием и украшениями, среди могил с трупосожжением нет выдающихся своим богатством. По-видимому, господствующее сословие до IX—X вв. было местное. См. А. И. Черепнин. Очерк доисторического прошлого Рязанского края. Оттиск из «Описания празднования 800-летнего юбилея г. Рязани». Рязань, 1896.

[118] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. XVIII, *6*.

[119] Н. И. Булычев. Журнал раскопок... М., 1899, табл. I.

[120] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы, стр. 88.

[121] Там же, стр. 42.

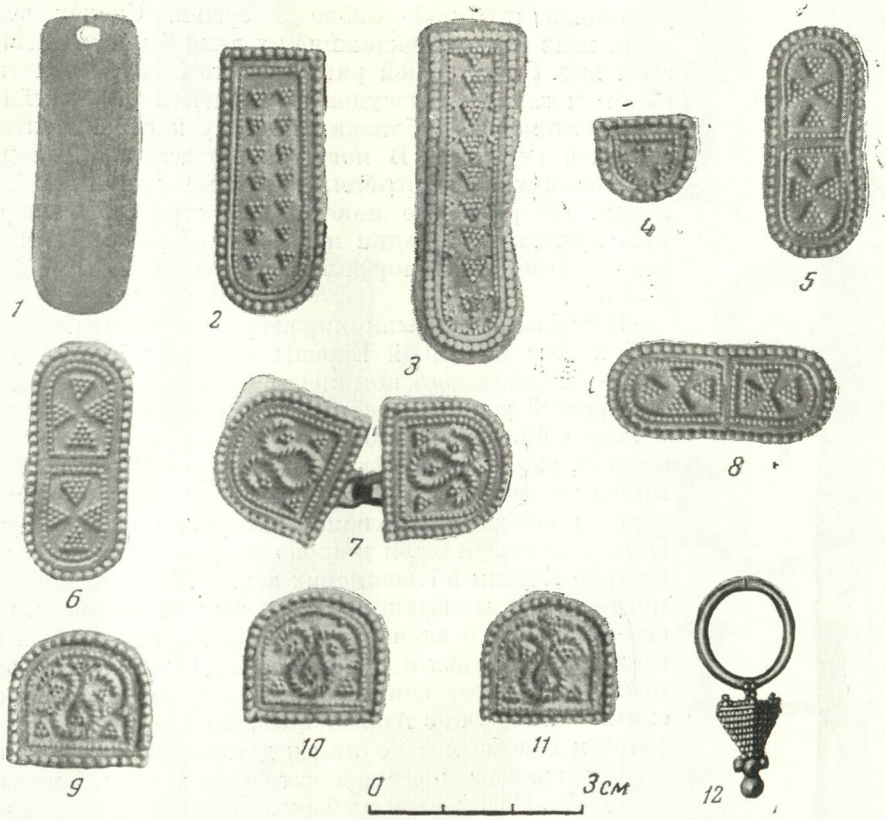


Рис. 35. Украшения из погребения у с. Арцыбашево.

1 — серебряная подкладка для золотой бляшки; *2, 3* — золотые бляшки в форме погончика; *4—6, 8—11*—золотые бляшки; *7* — две золотые бляшки, соединенные застежкой; *12* — золотая серьга.

Таковы те немногие данные, которые могут быть пока использованы при постановке вопроса о связях славян с населением бассейна среднего течения р. Оки до VIII в. н. э. Решение этого вопроса будет возможно, когда ясно обрисуются контуры собственно славянских культур начала и середины I тысячелетия н. э.

Население, оставившее рязанские могильники, до верховьев Дона не доходило. Были ли здесь уже в это время славяне? Городища и курганы, связываемые с славянами-вятичами на Дону,— Боршевские — датируются VIII—X веками. Но уже в VII в. южная часть Рязанского края принадлежала племенам, этнически отличным от населения, оставившего рязанские могильники. Об этом свидетельствует случайная находка так называемой «могилы всадника» у с. Арцыбашево в Скопинском уезде Рязанской губернии [122]. Могила была вырыта в виде продолговатого четырех-

[122] А. Л. Монгайт. Археологические заметки. КСИИМК, вып. XLI, 1951; В. Крейтон. Случайная находка могилы всадника близ с. Арцыбашево в Скопинском уезде Рязанской губернии. ТРУАК, т. XX, вып. 1, 1905, стр. 85—89, вып. II, стр. 207—212. В фотоархиве ИА (альбом Q=463/62, 63, 64, 65) имеются 4 таблицы фотографий, на которых воспроизведена часть предметов из арцыбашевского погребения, не сохранившихся в коллекции Рязанского музея и поэтому мной не изданных. К сожалению, качество фотографий не позволяет издать их в данной публикации. Приношу благодарность Г. Ф. Корзухиной, обратившей мое внимание на этот альбом.

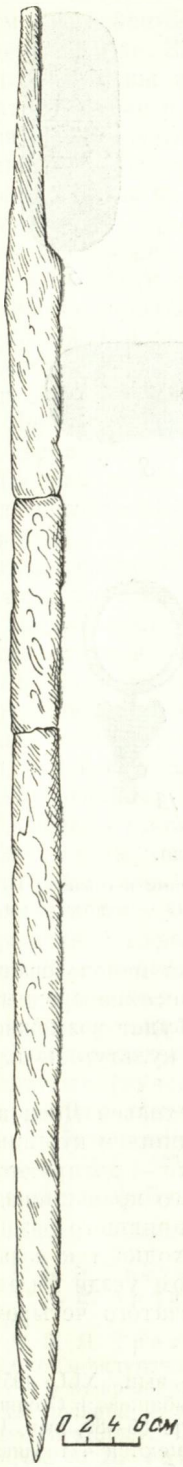


Рис. 36. Меч-сабля из погребения у с. Арцыбашево.

угольника глубиной около 3 аршин. Скелет человека, коня и сопровождавшие их вещи были найдены в этой яме. Среди вещей раньше всего следует отметить обломки глиняных сосудов с волнистым и линейным орнаментом, очень близких по типу к серой салтово-маяцкой керамике. В погребении оказались большой однолезвийный меч-сабля, железные удила, трёхлопастные черешковые наконечники стрел, разнообразные пряжки и накладки поясного набора, в том числе серебряные антропоморфные и золотые зерненые (рис. 35—37).

Подобные вещи были широко распространены в степной полосе Восточной Европы в VI—VIII вв. Однако для арцыбашевского комплекса мы имеем предмет, позволяющий уточнить дату. Это золотая серьга в виде кольца с приделанной опрокинутой трехгранной пирамидкой, украшенной рядами зерни (рис. 35, *12*). Пирамидка заканчивается тремя крупными шариками, к которым припаян один большой, завершающий всю серьгу. Подобные серьги были широко распространены на юго-востоке Европы в славянских землях. Они встречены в погребениях далматских, хорватских, словенских, чешско-моравских и южнорусских. Часто встречаются они также в венгерских и так называемых аварских древностях. Л. Нидерле считает их импортными византийскими [123]. Серьга из Арцыбашева по типу относится к ранним подобным изделиям и датируется VII веком [124]. Этому времени принадлежит и весь арцыбашевский комплекс. Подобные арцыбашевскому комплексы открыты у Вознесенки (в Запорожье) [125], в Ново-Покровке и близ с. Тополи на Харьковщине [126]. Б. А. Рыбаков считает возможным предположить, что эти древности связаны с русами [127]. Однако вещевой инвентарь не позволяет иметь точные данные для определения этнической принадлежности его владельцев. Вещи, подобные арцыбашевским, распространены в лесостепном пограничье Юго-Восточной Европы от Дона до Венгрии. Поэтому трудно отнести арцыбашевское погребение к какому-либо точно очерченному территориально или этнически определенному кругу памятников. Единственно ценным в этом отношении указанием является находка в комплексе керамики салтовского типа.

---

[123] L. Niederle. Rukovet slovanske archeologie. Praha, 1931, стр. 194, рис. 87.

[124] Полная аналогия имеется в Венгерском национальном музее. См. J. Hampel. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Braunschweig, 1905, Bd. III, табл. 286, рис. 9.

[125] В. А. Гринченко. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі. «Археологія», III, 1950, стр. 37—63.

[126] Ю. Б. Кухаренко. О некоторых археологических находках на Харьковщине. КСИИМК, вып. XLI, 1952; его же, Новопокровський могильник і поселення. «Археологія», VI, 1952.

[127] Б. А. Рыбаков. Уличи. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 15.

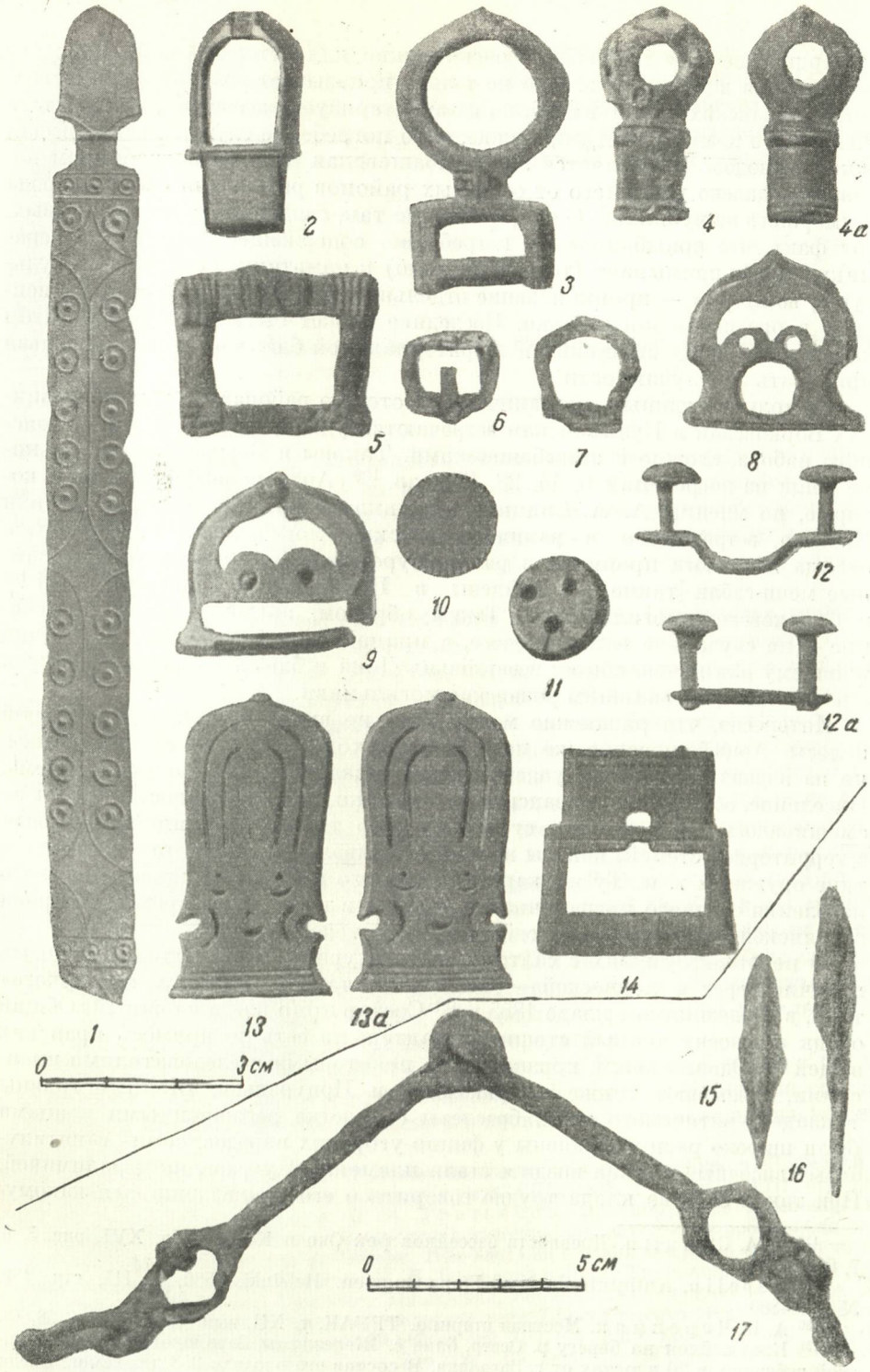


Рис. 37. Вещи из погребения у с. Арцыбашево.

1 — костяная пластина (накладка на лук?); *2* — медный наконечник для пояса; *3, 4* — медные наконечники; *5* — четырехугольная пряжка, украшенная насечками; *6, 7* — железные пряжки; *8, 9* — медные антропоморфные бляшки; *10, 11* — медные кнопки; *12* — медные коромыслообразные пластинки; *13* — серебряные антропоморфные бляшки; *14* — серебряная пряжка; *15, 16* — железные наконечники стрел; *17* — железные удила.

Арцыбашевское погребение очень важно для истории Окско-Донского междуречья в VII в. н. э. Оно не только показывает границу распространения рязанских могильников, но и характеризует население южной части Рязанского края. Может ли, однако, одно погребение служить основой для таких выводов? Не является ли арцыбашевская находка погребением кочевника, далеко ушедшего от основных районов расселения своего народа и умершего на чубжине? О том, что это не так, свидетельствует, во-первых, тот факт, что арцыбашевское погребение, содержащее салтовскую керамику, близко примыкает (территориально) к памятникам салтовской культуры; во-вторых,— проникновение отдельных предметов типа арцыбашевских в рязанские могильники. Последнее может быть лишь результатом каких-то внешних сношений и территориальной близости, и никак нельзя приписать это случайности.

Не только в южных, пограничных со степью районах, но и в могильниках Борковском и Кузьминском встречаются удила, пряжки, бляшки поясного набора, схожие с арцыбашевскими. Таковы в Борковском могильнике вещи из погребений 5, 14, 28, 42 и др.[128] Антропоморфные бляхи, которые, по мнению А. А. Спицына, проникли в бассейн Оки с Дона или Кавказа, встречаются в ранних муромских могильниках[129]. Вероятно, отсюда же, с юга проникли в рязано-муромские могильники однолезвийные мечи-сабли [такие же найдены в Польновском (Гавердовском)[130] и Кулаковском могильниках]. Таким образом, арцыбашевское погребение — не случайное в этой полосе, а принадлежит населению, постоянно жившему или кочевавшему в верховьях Дона и близко соприкасавшемуся с населением, оставившим рязанские могильники.

Интересно, что рязанские могильники не выходят за пределы лесной полосы. Арцыбашевское же погребение находится в лесостепной полосе, но на издавна безлесном участке, позже названном «половецким полем». Население, оставившее рязанские могильники, не продвигалось на юг и не смешивалось с населением степей. Однако тесные экономические связи с территорией степей, как мы видели, сказывались в элементах костюма, в типе оружия и т. п. Ту же картину сильного влияния на жизнь местного населения степного пограничья мы увидим в позднейшее время, в период славянской колонизации бассейна среднего течения Оки.

О некоторых связях с салтовской культурой может свидетельствовать наличие серег с подвеской — балясинкой, так называемого «аланского» типа, в Железницком кладе 1855 г.[131] Состав этого клада сложный. Общий облик его носит южный степной характер, но есть и примесь иранских вещей[132]. Однако вещи, признаваемые некоторыми исследователями иранскими, связывают также с Прикамьем и Приуральем. Шейные гривны в кладе — вятичского типа; браслеты со слегка расширенными концами были широко распространены у финно-угорских народов, семи- и пятилучевые височные кольца позднее стали племенным украшением радимичей. При таком составе клада трудно говорить о его принадлежности какому-

[128] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. XVI, рис. 5, 6, 7, 9, 11, 14.

[129] Aspelin. Antiquité du Nord Finno-Ougrien. Helsinki, 1880, t. III, стр. 189, № 878—880.

[130] А. И. Черепнин. Местная старина. ТРУАК, т. XII, вып. 1, 1897, стр. 56, 57.

[131] Клад найден на берегу р. Осетр, близ с. Железницы, Зарайского уезда, Рязанской губернии, в 20 верстах от г. Зарайска. В состав его входили 258 дирхемов. Среди монет одна — 618 г., остальные аббасидские, позднейшая — 877/878 г.; бо́льшая часть монет относится ко второй половине IX в. Найдены шейные гривны, браслеты, височные кольца (семи- и пятилучевые), сережки, серебряный позолоченный наконечник поясного ремня. См. Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М.— Л., 1954, стр. 81, 82.

[132] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 107.

либо определенному народу или племени. Но для нас важно в данном случае отметить, что зарытый в IX в. на северной окраине лесостепи клад содержит вещи, связанные с салтовской культурой, и относится к тому ряду находок, которые, как и арцыбашевское погребение, свидетельствуют о связях обитателей Рязанской земли с населением южных степей.

IX

Славянские поселения в бассейне р. Оки. Селища и городища IX—XI вв.

С большой степенью уверенности можно говорить о славянских поселениях в верховьях Дона лишь в VIII—X вв. Широкое распространение в бассейне Дона названий рек славянского происхождения (Воронеж, Ворона, Сосна, Медведица и др.) [133] и наличие здесь славянских городищ и курганов с трупосожжением (Боршево) — все это ясные следы славянского пребывания на Дону [134].

Основой хозяйственной деятельности населения боршевских городищ было пашенное земледелие. Городища эти, большие по территории, были окружены валами и рвами. Жилища на них углублены в яму: в нее опускали сруб, по углам помещали массивные столбы для крепления стенок сруба. Керамика, изготовленная большей частью без гончарного круга, отличается характерным профилем и орнаментом, позволившим выделить всю подобную посуду в особый тип роменско-боршевской керамики. Курганный обряд погребения, сходный с таким же в верховьях Оки, позволяет причислить боршевское население к тому же славянскому племени, которое, по свидетельству летописи, занимало верховья Оки, т. е. к вятичам. В VIII—X вв. Подонье было глухой окраиной Русской земли и вряд ли оказывало влияние на население в бассейне Средней Оки. Как мы видели, элементы славянской культуры проникали в более раннюю эпоху на Среднюю Оку через район верховьев этой реки. Так же, вероятно, обстояло дело и в VIII—X вв. Например, шиферные пряслица, местом производства которых является славянская Волынь, попадаются в рязанских могильниках, но совсем не встречаются на боршевских городищах.

Первые вятичские поселки IX в. возникли в Рязанской земле в среде, этнически чуждой, но, очевидно, сохранившей мирные отношения со славянами и, судя по все возраставшему проникновению славянских вещей,

[133] И. И. Срезневский. Русское население степей и Южного Приморья в IX—XIV вв. Изв. II Отделения Академии наук. СПб., 1858, 1 серия, т. VIII, стр. 316.

[134] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА № 8, 1948. Авторы приводят в качестве доказательства пребывания славян на Дону тот факт, что ат-Табари, Ибн-Хардадбех и Ибн-Хаукаль сам Дон называют славянской рекой. При этом П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, как и ряд других авторов (Маркварт, Бартольд, Минорский, Вернадский), следуют за де Гуе, который у Ибн-Хардадбеха прочитал название реки Танаис вместо Итиль, как это сделал еще Гаркави, а вслед за ним Вестберг (см. T. Lewicki. Zródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny, t. 1. Wrocław — Kraków, 1956, стр. 133, 134). По тексту ат-Табари совершенно невозможно решить, какую реку он называет славянской. Ибн-Хаукаль определенно говорит о Волге, называя ее «Русской рекой». Таким образом, остается только текст Ибн-Хардадбеха. Я полагаю, что прав Т. Левицкий, убедительно показавший, что «рекой славян» Ибн-Хардадбех назвал Итиль (Волгу), которая, как пишет Ибн-Хардадбех в другом месте, вытекает «из земель славян». Дальше я еще вернусь к этому вопросу.

поддерживавшей со славянами торговые связи. Отдельные вятичские поселки разбросаны в стране чудских племен вдоль главной торговой артерии — Оки. Таковы поселения близ Рязани на дюне у с. Борки [135], на дюне Борок у с. Дубровичи [136] и у с. Алеканово [137].

Эти славянские поселения — еще открытого типа. Позже славяне занимали чудские городища. На многих чудских городищах возникли славянские поселения. Занимали ли славяне запустевшие чудские городища, давно уже оставленные древним населением, или они соприкасались с этим населением? При раскопках на городище Вышгород П. П. Ефименко нашел слой городецкий и позднейший чудский (IX—X вв.), отделенные стерильной прослойкой. Отсюда он сделал вывод, что городецкие городища пустели на время, а потом заселялись вновь. Однако на других городищах подобная картина не наблюдается. Городецкая культура преемственно переходит в позднейшую чудскую (с керамикой, подобной керамике рязанских могильников), а затем сменяется славянской. На 27 из 75 городецких городищ, зарегистрированных по среднему течению Оки, имеется позднейший славянский слой. Кроме описанных выше городищ Льговского, Вышгородского, Вуколова Бугра, Луховицкого I (Палецкого), Никитинского, Старо-Рязанского, Шатрищенского, Борисо-Глебского, Чертова (Елшинского), Казарского, Алпатьевского, славянский слой, залегающий над городецким (или чудским VIII—X вв.), имеется на городищах Больше-Пироговском [138], Дашковском [139], Денисовском [140], Дядьковском [141], Земляной Струг [142], Карабчевском [143], Мячковском [144], Перевитском II [145], Пронском, Семеновском [146], Спасском [147], Старом Мещерском [148], Столпянском [149], Тереховском [150], Юракинском [151] и Юшковском [152].

На некоторых городищах славяне поселились спустя несколько веков после того, как здесь прекратилась жизнь населения городецкой культуры. Так было, например, на горе Гневне (близ Пронска) [153]. Здесь в XI —

---

[135] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты... Бескурганное вятичское погребение, перерéзавшее древнее чудское, было открыто в Борковском могильнике при раскопках В. А. Городцова, А. В. Селиванова и А. И. Черепнина. См. А. А. Спицын. Древности Оки и Камы, стр. 42.

[136] Н. В. Говоров. Предварительный отчет об исследованиях летом 1930 г. НАРМ, № 410.

[137] Н. В. Говоров. Обследование археологических памятников у сел Шумош, Дубровичи, Алеканово. НАРМ, № 411.

[138] А. А. Мансуров. Ук. соч. (НАРМ, № 517, 658).

[139] И. И. Проходцев. Ук. соч. (НАРМ, № 743); В. И Зубков. Ук. соч. (НАРМ, № 1472).

[140] О. Н. Бадер. Дневник палеоэтнологического обследования р. Прони в 1928 г. НАРМ, № 479; Н. П. Милонов. Опыт археологических исследований по течению рек Верды, Прони и Галины. Скопин, 1925.

[141] Н. И. Лебедева. Отчет об археологических работах в Рязанской губернии летом 1925 г. НАРМ, № 184.

[142] Там же; А. А. Мансуров. Ук. соч. (НАРМ, № 647).

[143] «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.» М.— Л., 1937, стр. 64.

[144] Там же, стр. 62.

[145] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков и др. Материалы... (НАРМ, № 677).

[146] Н. В. Говоров. Археологическое обследование окрестностей Рязани. НАРМ, № 410; КРОМ, № 456.

[147] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков и др. Материалы... (НАРМ, № 677).

[148] А. А. Мансуров. Ук. соч. (НАРМ, № 647); КРОМ, № 508).

[149] А. А. Мансуров. Ук. соч. (НАРМ, № 658; КРОМ, № 406).

[150] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты..., стр. 506; «Описание рукописей этнологического архива». Труды Общества исследователей Рязанского края, вып. XVII, 1929, № 427.

[151] О. Н. Бадер. Ук. соч. (НАРМ, № 479).

[152] «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», стр. 62.

[153] Раскопки на Гневне вел Н. П. Милонов (см. «Материалы к археологической карте Скопинского уезда Рязанской губернии». Рязань, 1928), а также А. А. Мансу-

XIV вв. существовало славянское поселение. В нижнем слое на Гневне встречается керамика с «рогожным» орнаментом. Никакой преемственности в наслоениях нет; просто через несколько веков после исчезновения здесь племен — носителей городецкой культуры то же, удобное для поселения, место заняли славяне. Такая же картина, как на Гневне, наблюдается на Пронском городище, Тереховском, Перевитском II, Столпянском и некоторых других городищах.

Чем объяснить, что в IX в., в эпоху, когда в других местах существовали многочисленные славянские городища, в Рязанской земле, в чуждом славянам этническом окружении встречаются еще только открытые славянские поселения, без укреплений? Тем, что это еще временные поселения, торговые фактории или, быть может, даже поселки купцов и ремесленников, расположенные вблизи торгового пути, вблизи рек на дюнах, среди дружественно настроенного населения. (Борковское селище с глинобитными печами, со следами длительной оседлости относятся к позднейшему времени). Позже, когда процесс феодализации у славян ушел далеко вперед, славянские князья являлись сюда уже в роли колонизаторов и, естественно, захватывали в первую очередь древние укрепленные поселки, восстанавливая укрепления и создавая поселения, защищенные валами и рвами. Конечно, это только предположение; пока обнаружено очень мало раннеславянских селищ, нельзя утверждать, что все они были открытыми поселениями или торговыми факториями.

Есть одно очень важное доказательство высказанного здесь предположения, что первоначальное проникновение славян в чудские земли в IX в. было связано с торговлей. К этому времени относятся обширные торговые сношения Северо-Восточной Европы с Востоком, свидетельством которых, кроме сообщений купцов и географов, являются клады монет.

X

Торговый путь по р. Оке. Значение торговли на раннем этапе славянской колонизации. Клады и отдельные находки восточных монет в Рязанской земле. Торговые пути из Рязанской земли в VIII — XI вв. Связи с Востоком.

Кажется, никто из исследователей русской истории никогда не сомневался в значении волжского торгового пути. Но его обычно рассматривают как равноценный другим путям и впереди него по значению ставят днепровский путь — «великий водный путь из варяг в греки». Между тем путь «из варяг в греки», очевидно, начал играть значительную роль позже, чем волжский путь [154]. Волга была важнейшим путем контактов между

ров («Археологическая карта р. Прони». СА, IV, 1937, стр. 235). Н. П. Милонов неправильно интерпретировал памятник. Изучение отчета о раскопках показывает, что здесь были раскопаны не загадочный могильник, как об этом писал Н. П. Милонов, а славянский поселок XI—XIV вв. городского типа и расположенный рядом с ним могильник того же времени (об этом см. ниже).

[154] С. В. Бернштейн-Коган. «Путь из варяг в греки». «Вопросы географии», т. 20, 1950, стр. 239—270; R. Jakimowicz. O pochodzeniu ozdób srebnych, znajdowanych w skarbach wczesnohistorycznych. Wiadomości Archeologiczne, t. XII, Warszawa, 1933, стр. 103—138.

Юго-Восточной Европой, странами Средней и Западной Азии и бассейном Балтийского моря [155]. Трудно решить, к какому времени восходит начало пользования этим путем. Есть основания полагать, что это произошло еще в VIII в. до н. э., в период существования ананьинской культуры. В сасанидское время (III—VII вв.) на берегах Камы находилось много иранского серебра и монет. К этому времени, вероятно, был уже проложен путь от Балтийского до Каспийского моря. У Иордана (IV в.) есть сообщение о кущах из народа Suehans (шведских?), которые попадали (как предполагает И. Маркварт) [156] на Азовское море по волжско-донскому пути.

В другом месте Иордан перечисляет северные народы, якобы подчиненные Германарихом. Этот перечень, явно фантастический в отношении включения их в государство Германариха, по-видимому, представляет ставший известным Иордану или Кассиодору список народов, через земли которых проходили купцы на пути от Балтийского к Черному или Каспийскому морям. Большинство названий племен, как и многие другие сведения у Иордана, не ясны и не поддаются расшифровке; некоторые же почти не вызывают сомнения в отношении отожествления с известными нам народами. Перечень этот дан Иорданом в следующем порядке: «Покорил же он (Германарих) племена: Гольтескифов (Golthescythas), Тиудов (Thiudos), Инауниксов (Inaunxis), Васинабронков (Vasinabroncas), Меренс (Merens), Морденс (Mordens, Mordaus), Имнискаров (Imniscaris), Рогов (Rogas), Тадзанс (Tadzans), Атаул (Athaul), Навего (Navego), Рубегнов (Rubegenas), Колгов (Colgas)» [157]. Еще И. Шафарик пришел к выводу, что Тиуды — это чудь, Васинабронки — весь, Меренс — меря, Морденс — мордва [158]. И. Миккола, как мне кажется, убедительно идентифицирует Имнискаров с мещерой [159]. Что касается Athaul, то согласно предположению Т. Левицкого, это форма, производная от Atil, Itil — турецкого названия реки Волги или хозарского города в ее устье [160]. Правда, этот город как столица хозар впервые упоминается в источниках только в 722/723 гг., но так торговый эмпориум мог существовать еще в V в., когда Кассиодор собирал материалы для своей истории готов.

Ф. А. Браун предлагает чтение вместо Thiudos, Inaunxis — Thiudos in Aunxis, т. е. чудь между Ладожским и Онежским озерами (Aunuksenmaa) [161]. Может быть, следует согласиться с теми комментаторами Иордана, которые предлагают подобным же образом разделить и другие слова, начинающиеся на in, а именно Vas in Abroncas, Mordens in Niscaris. Однако эти предположения не опровергают мысли о том, что перечень народов дан Иорданом на основании какого-то дорожника и отмечает путь следования купцов. Если это так, то, несомненно, уже в VI в., а может быть, и раньше, «янтарный» путь от берегов Балтийского моря шел к верховьям Волги; оттуда купцы переходили на среднее течение Оки, где в это время, можно предположить, жила мордва и мещера, чтобы затем по Оке попасть снова в Волгу, т. е. следовали по тому же пути, по которому в VIII—X вв. шли купцы, оставившие клады восточных монет.

Китайские источники VII в. упоминают о янтаре, который привозили в Китай из Хорезма и который попадал, по-видимому, в Хорезм с берегов

---

[155] T. Arné. La Suède et l'Orient. Upsala, 1914, стр. 90.

[156] J. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, стр. 361, 513.

[157] Jordanis. Romana et Getica. Rec. Th. Mommsen. Monumenta Germaniae Historica, t. V, 1, 1882, XXIII, стр. 116.

[158] J. Schafarik. Slawische Alterthümer. Leipzig, 1843, Bd. I, стр. 304.

[159] J. J. Mikkola. Die Namen der Völker Hermanarichs. Finnisch-Ugrische Forschungen, Bd. XV, Helsingfors, 1915, стр. 62.

[160] T. Lewicki. Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny, стр. 136.

[161] А. Ф. Браун. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899.

Балтийского моря [162]. Наиболее достоверные сведения о янтаре, привозимом с берегов Балтийского моря в страны Востока, мы находим в трудах средневековых арабских авторов, начиная с IX в. Старейшее упоминание об янтаре содержится в труде Абу Юсуфа ал-Кинди (первая половина IX в.), известном нам в передаче ал-Бируни. «Янтарь это смола..., происходящая от деревьев, растущих в стране славян, по берегам одной реки. Вся она (смола), которая падает с тех деревьев в воду, твердеет (в ней) и плывет в море. (Потом) волны морские выбрасывают ее на берег» [163].

Есть известия X в., в которых упоминается об особо ценимых на Востоке украшениях из желтого янтаря, в отличие от менее ценного красного. Желтый янтарь преимущественно добывался и экспортировался с берегов Балтийского моря, через русские земли. Здесь возможны два пути — один волжский, другой путь вел в Византию и оттуда на Восток. Несомненно, что первый путь был более важным: об этом свидетельствуют и находки монет, и сообщения восточных авторов.

Мухаммед ибн-Ахмед ал-Мукаддаси (985/986 гг.) перечисляет товары, которые вывозились из Хорезма в страны Халифата: «(Привозят) из Хорезма (меха) собольи, белок, горностаев, куниц (?), ласок, лисиц, бобров и разноцветных зайцев, шкуры коз, воск, стрелы, тополевое дерево (?), шапки, рыбий клей, рыбьи зубы, бобровую струю, янтарь, kīmūcht (?), мед, лесные орехи, соколов, мечи, панцири, chalang (?), славянских невольников, баранов и волов (коров). Все это (прибывает в Хорезм) из Булгар» [164]. Большинство перечисленных товаров привозилось в Булгар и принадлежит русскому экспорту, шедшему через этот город. В особенности важно упоминание янтаря, так как он указывает на существование пути с побережья Балтийского моря на Волгу. Этот янтарь на Восток, очевидно, привозили славянские купцы. Вероятно, поэтому ал-Марвази называет его «славянским янтарем». Он сообщает, что в Китай привозили «настоящий славянский янтарь, который, как смола, стекает с деревьев (растущих в северных странах) над морем Славянским» [165].

Автор труда, написанного в начале X в., Ибн ал-Факих ал-Хамадани сохранил в своей компиляции некоторые сведения, почерпнутые из более древних источников, в частности, вероятно, из оригинальной версии Ибн-Хордадбеха [166]. Он сообщает о дорогах славянских купцов, которые привозят товары из отдаленнейших частей славянской земли. Одна из этих дорог вела от Bahr as-Saqaliba (Славянского моря) по реке, которая называется Nahr as-Saqaliba (Славянской реке), к хозарскому городу Хамлих, находящемуся в устье Волги, а потом по морю Хоросанскому (Каспийскому) в Персию [167]. В данном случае «Славянской рекой» называют, по-видимому, и Оку, и Волгу, принимая Оку за верхнее течение Волги.

Я не буду повторять общеизвестные данные о восточной русской торговле X в., шедшей по волжскому пути,— такие, как сообщение Ибн-Хаукаля о специальном славянском квартале в хозарском городе Итиле и о русском судье среди семи судей, судивших купеческие дела, и т. п.

[162] В. В. Бартольд. Арабские известия о Русах. «Советское востоковедение», 1, 1940, стр. 17, 18.

[163] T. Lewicki. Ze studiów nad źródłami arabskimi. «Slavia Antiqua», t. III, Poznań, 1951/1952, стр. 156.

[164] [M. J. de Goeje]. BGA, t. III (al-Moquaddasi), Lygduni — Batavorum, 1877, стр. 324, 325. Цит. по переводу Т. Левицкого («Slavia Antiqua», t. III, 1951/1952, стр. 158).

[165] Sharaf al-zaman Tāhir Marvazi on China, the turks and India. Arabic text with English translation and commentary by V. Minorsky. London, 1942, стр. 63.

[166] T. Lewicki. Baltyk w opisach autorów arabskich IX—X ww. «Przeglad Orientalistyczny», Wrocław, 1949, 1, стр. 58; см. И. Ю. Крачковский. Арабская географическая литература. Избранные сочинения, т. IV, М.—Л., 1957, стр. 158, 159.

[167] BGA, t. V, 1885, стр. 270.

В представлении русского летописца не южный путь, а путь по Волге был основным для Руси путем на Восток. «Тѣм же и из Руси можеть ити по Волзѣ в Болгары и въ Хвалисы, и на въсток доити в жребий Симовъ» [168].

Важно обратить внимание на то, что волжский путь был в то время окским путем. На Волгу с запада попадали чаще всего по Оке.

Обратимся к находкам восточных монет в бассейне р. Оки. В 70—80-х годах VIII в. началось проникновение дирхема в Восточную Европу, что, несомненно, отражало развитие торговых связей со странами Халифата. В 1014 г. ввоз серебряного дирхема в Восточную Европу прекратился. На протяжении двух с лишним веков в Европу было ввезено громадное количество серебра. В Европе найдены сотни кладов (по неполным сведениям — 322), с Востока пришли десятки тысяч монет. Только на шведское побережье Балтийского моря попало до 50 тысяч куфических монет [169]. Можно с уверенностью утверждать, что почти все они прошли через русские земли. Южными дорогами через Средиземное море в Европу проникла незначительная часть монет. Важнейшим путем восточного серебра в Европу был волжский; отсюда через Прибалтику оно шло на север Европы. Чем дальше на юг Западной Европы, тем менее значительны клады восточных монет. О путях распространения восточного серебра, в частности, свидетельствует тот факт, что большинство кладов с куфическими монетами первоначально оседало в Восточной Европе (включая Прибалтику), и лишь по мере насыщения серебром восточноевропейского рынка возрастал транзит дирхемов на запад [170]. Так, в Восточной Европе найдено 25 кладов куфических монет и около 30 отдельных монет конца VIII в.— первой трети IX в., в Западной — 16 кладов и 13 отдельных монет, причем 3 клада обнаружено на о. Готланде и только один — на территории материковой Швеции. К 833—900 гг. относятся 35 кладов в Восточной и 16 в Западной Европе, к 900—938 гг.— 33 клада и 50 отдельных монет в Восточной и 42 клада и 30 монет в Западной Европе, к 939—1000 гг.— 60 кладов в Восточной и 65 в Западной Европе [171].

Важнейшими воротами, через которые шла торговля с Востоком, был Булгар [172] на Волге, а важнейшей торговой магистралью — Ока. Почти 600 км окского водного пути проходит по территории Рязанской земли. Окский путь связывал Булгар с Киевом, по этому же пути, а частично по Клязьме, Нерли, Верхней Волге дирхемы попадали на территорию кривичей, новгородских славян [173] и в Западную Европу.

Карта размещения находок дирхемов в бассейне р. Оки (рис. 38) составлена преимущественно по опубликованным данным и потому,

---

[168] ПВЛ, стр. 12.

[169] T. Arné. Ук. соч.

[170] В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, стр. 86—90.

[171] А. К. Марков. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910; В. Л. Янин. Ук. соч., гл. III.

[172] Обычно, когда речь идет о восточной торговле славян, отмечают наличие двух международных рынков — торжищ: хозарского Итиля и волжского Булгара. Между тем топография кладов куфических монет показывает, что эти торжища отнюдь не были равны по значению. В. Л. Янин пришел к выводу, что «на протяжении всего периода восточной торговли с конца VIII в. до начала XI в. единственными воротами, через которые шла торговля Руси с Востоком, фактически был Булгар» (ук. соч., стр. 105). С самого начала X в. роль Итиля как международного торжища была ограничена. Хозарское государство в это время подвергалось нападениям печенегов, потом ему нанес удар Святослав и, начиная с XI в., политическое могущество и торгово-хозяйственное значение Хозарского государства были окончательно подорваны.

[173] Персидский ученый X в. ал-Истахри пишет о том, что Булгар был связан торговыми путями с Куявой (Киевом) и Славией (землей новгородских славян); см. об этом ниже.

вероятно, неполна. Для дополнения карты мной использованы только материалы Рязанского музея, в котором оказалось 6 неопубликованных кладов и отдельных находок восточных монет. Несомненно, что со времени публикации А. К. Марковым «Топографии кладов восточных монет» (1910 г.) и статей Р. Р. Фасмера, в которых он регистрировал находки (1926—1931 гг.), во многих музеях, как и в Рязанском, накопились новые находки. Да и для своего времени опубликованные сводки были неполными. Однако до составления исчерпывающей топографической сводки кладов восточных монет предлагаемая карта может служить основой для выводов. В результате дальнейшей работы карта будет дополнена, но существо ее вряд ли изменится.

В дополнение к карте (рис. 38) приводим список кладов и отдельных находок восточных монет, а также перечень литературы, где содержится описание этих монет [174].

СПИСОК КЛАДОВ И ОТДЕЛЬНЫХ НАХОДОК ВОСТОЧНЫХ МОНЕТ В БАССЕЙНЕ р. ОКИ

1. Москва. В 1837—1838 гг. найден клад, монеты которого датированы 862—866 гг. (Марков, стр. 27, № 145).
2. Москва. Около Симонова монастыря обнаружена одна куфическая монета. (Марков, стр. 27, № 147).
3. Село Глухово (Богородское). В 1846 г. найдены 3 омайадских и 52 аббасидских ломаных дирхема. (Марков, стр. 27, № 148).
4. Город Владимир. До 1821 г. обнаружен клад, монеты которого датированы 699—980 гг. (Марков, стр. 5, № 27).
5. Город Владимир. На р. Клязьме открыт клад. Монеты датированы 906—977 гг. (Марков, стр. 6, № 29).
6. Село Савелово. К 1924 г. относится находка клада. Определены 203 монеты, позднейшие из них относятся к 996 г. (СГАИМК, I, стр. 290, № 19).
7. Село Лесниково. В 1924 г. найден дирхем 758 г. (Фасмер, стр. 17, № 38; СГАИМК, II, стр. 289, № 20).
8. Село Катышево (Подболотня). К 1909—1911 гг. относится находка 4 дирхемов 914—971 гг. (СГАИМК, II, стр. 289, № 21).
9. Город Муром. В 1868 г. открыт клад дирхемов в двух кувшинах; один сосуд — из красной глины, другой — из красной меди. В глиняном сосуде оказалось 11 077 цельных, а в медном — до 14 фунтов изломанных монет. Общий вес клада — 2 пуда 23 фунта. Монеты клада датируются 715—939 гг. (Марков, стр. 5, 6, № 28).
10. Город Муром. В 1924 г. найден дирхем чеканки 822 г. (СГАИМК, II, стр. 288, № 17).
11. Город Муром. В 1925 г. обнаружен дирхем чеканки 939 г. (СГАИМК, II, стр. 288, № 18).
12. Подболотный могильник. Найдены 2 дирхема чеканки 942 г. (СГАИМК, II, стр. 289, № 22).
13. Максимовский могильник. В раскопках 1876—1878 гг. встречены 10 дирхемов 753—936 гг. (Марков, стр. 4, № 20, 21 и 22).
14. Город Козельск. В 1866 г. обнаружено 8 дирхемов 895—953 гг. (Марков, стр. 12, № 65).
15. Дуна (близ Лихвина). В 1897 г. найден дирхем 758/759 гг. (Фасмер, стр. 17, № 32).
16. Село Протасово. К 1856 г. относится находка кубышки с несколькими сотнями дирхемов. Из них 11 монет были определены и оказались чеканенными в 740—841 гг. (Марков, стр. 49, № 284).
17. Село Городище. В 1876 г. найдены 3 дирхема 787—810 гг. (Марков, стр. 12, № 64).
18. Тарусский уезд. До 1886 г. открыт клад в 50 дирхемов. Определена 1 монета, чеканенная между 899 и 907 гг. (Марков, стр. 11, № 62).

---

[174] В списке названия источников по перечню литературы указаны сокращенно, в скобках.

19. Село Вяцкое. Найден дирхем, чеканенный между 914 и 943 гг. (Марков, стр. 12, № 63).
20. Город Тула. В 1821 г. в 7 верстах от города в земле обнаружен сосуд, содержавший 200 дирхемов. (Марков, стр. 48, № 280).
21. Село Баскач. В 1861 г. открыт клад весом 2 фунта. Четыре монеты из клада были определены; позднейшая чеканена в 807/808 гг. (Фасмер, стр. 17, № 34; Корзухина, стр. 81, № 7).
22. Деревня Хитровка. В 1898 г. найден клад из 866 целых и 141 половинок дирхемов 704—873 гг. (Марков, стр. 141, № 33).
23. Село Гручина. В 1866 г. вскрыта кубышка с дирхемами. Определены 3 монеты 808—860 гг. (Марков стр. 50, № 287).
24. Село Остроги. К 1834 г. относится находка глиняного сосуда с дирхемами. Определены 9 монет 739—870 гг. (Марков, стр. 49, № 283).
25. Сёла Ростовец и Остроги. Близ этих сел в 1865 г. найдены в глиняном сосуде 9 дирхемов 776—864 гг. (Марков, стр. 49, № 286).
26. Село Кунаково. На берегу р. Осетра в 1877 г. открыт клад с дирхемами. А. И. Черепнин из него получил две монеты: 817—818 гг. и 851—852 гг. (Черепнин, ЗККМ, стр. 5).
27. Село Железницы. В 1855 г. обнаружен клад серебряных вещей, содержавший также 170 дирхемов и 102 обломка (по другим сведениям — 258 монет). Монеты — 618—878 гг. (Корзухина, стр. 81, 82, № 8; Янин, стр. 75).
28. Городище у р. Лесная Веркуша. В 1861 г. найдено 12 дирхемов. (Марков, стр. 49, № 285).
29. Деревня Боросденок. В 1870 г. обнаружено 10 дирхемов, из них один — 906 г. (Марков, стр. 50, № 288).
30. Село Озерицы. К 1894 г. относится находка клада, содержавшего более 120 дирхемов IX—X вв., серебряный перстень и серебряную гривну. Часть монет и перстень поступили в ГИМ. (Городцов, стр. 547; ТРУАК, 1894, протоколы XXXVII и XXXVIII).
31. Село Белый Омут. В 1839 г. найден клад из 25 целых и 32 обломков дирхемов 899—976 гг. В кладе были 2 монеты волжских булгар, чеканенные в Булгаре (949 г.) и Суваре (976 г. или 986 г.[175]). (Марков, стр. 39—40, № 220).
32. Село Белоомут. В 1850 г. открыт клад дирхемов преимущественно саманидского чекана и серебряных украшений. (Марков, стр. 40, № 221; Черепнин, ЗККМ, стр. 5).
33. Село Федякино. В 1894 г. на пашне найден дирхем 833 г. (Городцов, стр. 562).
34. Село Коростово. В 1891 г. обнаружен клад из 15 целых и 918 обломков куфических монет. Дата позднейших монет — около 1000 г. (Черепнин, Кк; Янин, стр. 77).
35. Село Конищево. На дюне Логинов Хутор, на берегу Оки в 1839 г. найден клад дирхемов общим весом около четверти пуда, проданный на сплав и оставшийся неисследованным. (Черепнин, ЗККМ, стр. 3).
36. Село Конищево. На дюне Логинов Хутор в 1880 г. открыт клад из пяти или шести серебряных прутиков, имевших четырёхгранную форму с округленными ребрами. Вес одного прутика — 119,5 г. В кладе были целые и рубленые аббасидские и саманидские дирхемы и несколько серебряных украшений. (Черепнин, ЗККМ, стр. 3; Черепнин, ОГДС, стр. 163; Ильин, стр. 43, № 184).
37. Фефелов Бор. На поверхности песчаной дюны между селами Конищево и Коростово В. А. Городцов в 1890 г. нашел дирхем Насра сына Ахмеда, 914—943 гг. (Городцов, стр. 579; Черепнин, ЗККМ, стр. 3).
38. Село Борки. В 1948 г. на песчаной дюне был обнаружен завернутый в истлевшее полотно клад дирхемов, из которого в Рязанский музей поступило 20 монет. [КРОМ, № 4103, 4112 (3407)].
39. Село Борки. В 1951 г. найден горшок грубой лепной работы, где оказался клад дирхемов (рис. 39, 7). Из клада поступило в Рязанский музей 219 монет [КРОМ, № 17869 (3419)].
40. Село Борки. В 1874 г. вблизи могильника открыт клад дирхемов, находившийся в истлевшем кожаном мешке,— свыше 100 монет. Чеканены в 863—869 гг. (Марков, стр. 41, № 225б; Черепнин, МС, стр. 72; Янин, стр. 75).
41. Село Борки. В 1874 г. на Борковском могильнике в глиняном сосуде найдено около 50 дирхемов 757—867 гг. (Марков, стр. 40 № 224).
42. Село Борки. На песчаной дюне Борковского могильника в 1874 г. обнаружен клад, содержавший более 120 дирхемов, часть которых была изрублена. Клад был заключен в совершенно сгнившем ящичке, обтянутом кожей. Дата монет —

[175] По-видимому, последняя дата ошибочна. Суварские монеты 986 г. неизвестны. (См. Р. Р. Фасмер. О монетах волжских болгар X в. Известия Об-ва археологии, истории и этнографии, т. XXXIII, вып. 1, Казань, 1926).

Рис. 38. Клады и отдельные находки восточных монет в бассейне р. Оки

736—817 гг. (Марков, стр. 40, № 225а; Черепнин, ЗККМ, стр. 3; он же, МС, стр. 71, 72 и 76; Янин, стр. 75).

43. Село Борки. В 1869 г. западнее села, на берегу р. Оки открыт клад дирхемов, часть которого была отобрана для Рязанского музея. Три определенные монеты относятся к 934 г. (Марков, стр. 40, № 223; Черепнин, ЗККМ, стр. 3).
44. Село Шумош. К 1932 г. относится находка восточной монеты, доставленной в Рязанский музей. Определена А. А. Быковым как дирхем династии Бувейхидов, чеканенный около 960 г. (КРОМ, № 4040).
45. Город Рязань. В 1896 г. в Рязанский музей был доставлен дирхем, найденный близ Рязани. (Отчет РУАК за 1896 г., стр. 17).
46. Село Дубровичи. В 1928 г. найден клад преимущественно саманидских дирхемов X в., из которых 38 монет приобретено Рязанским музеем. (Определение А. А. Быкова). (НАРМ, № 646; КРОМ, № 2914).
47. Село Кораблино. В 1933 г. обнаружен клад с дирхемами. (А. А. Мансуров. Материалы к археологической карте Московской области. Рукопись. НАРМ, № 5).
48. Деревня Шахово. В поле в 1929 г. найден саманидский дирхем Нуха сына эл-Мансура (987—1009 гг.). В 1950 г. монета передана в Рязанский музей. (КРОМ, № 5699).
49. Село Гавриловское. В 1905 г. вскрыта глиняная кубышка, где оказалось 50 целых и 80 ломаных саманидских дирхемов. (Федоров, стр. 7. В. И. Зубков видел часть клада в коллекции А. Ф. Федорова и определил монеты Исмаила ибн-Ахмеда и Наср ибн-Ахмеда, чеканенные в Шаше в 902/903 и 915/916 гг. н. э. Рукопись. Архив ИА, № Р—2, 1556, стр. 28).
50. Близ Старой Рязани в 1875 г. найден клад дирхемов Харун ал-Рашида (786—809 гг.) чекана 792—793 гг. и других аббасидов IX в. (Черепнин, ЗККМ, стр. 5).
51. Старая Рязань. В 1903 г. А. И. Черепнин приобрел 2 дирхема, найденных в окрестностях села. (Черепнин, КМ и СР, стр. 32).
52. Село Дегтяное. В 1873 г. обнаружен клад дирхемов преимущественно аббасидского чекана. (Черепнин, ЗККМ, стр. 5; Городцов, стр. 658).
53. Село Кривель. К 1900 г. относится находка кубышки с 800 дирхемами IX в. П. П. Стахановым передана в музей Рязанской архивной комиссии. Клад в музее не сохранился. (НАРМ, № 1540).
54. Село Мишнево. В 1892 г. на берегу Упы найден клад из 101 дирхема 742—869 гг. В этом же кладе оказалась серебряная цепочка. (Марков, стр. 12, № 66).
55. Город Белев. В 1829 г. найдены 3 дирхема 796—952 гг. (Марков, стр. 49, № 282).
56. Село Федяшево. В 1897 г. обнаружен дирхем 814/815 гг. (Фасмер, стр. 16, № 31).
57. Село Бобыли. В 1936 г. открыт клад дирхемов из 325 целых и 21 обломка монет. Позднейшая монета относится к 876 г. (Пахомов, стр. 94, 95, № 1306; Янин, стр. 75).
58. Села Лапотково и Покровское. В 1823 г. найден клад, содержащий 62 монеты, из которых позднейшая чеканена в 816/817 гг. (Марков, стр. 149, № 281; Фасмер, стр. 16, № 30).
59. Скопинский уезд. В 1888 г. Рязанский музей приобрел 5 дирхемов из клада, обнаруженного на территории уезда. Все монеты — аббасидского чекана, позднейшая — 818/819 гг. (Черепнин, ЗККМ, стр. 5).
60. Село Береза. В 1910—1911 гг. был открыт клад дирхемов, состоявший из 1500 монет. Из них определены 417. Датируется 950-ми годами. (Янин, табл. 1 в конце книги; О. Л. Кусаков. Находка клада в с. Береза. Изв. Курского об-ва краеведов, 1927, № 3).
61. Село Моисеево. К 1866 г. относится находка клада, в котором было около 30 дирхемов. Из них 7 монет датированы 790—869 гг. (Марков, стр. 15, № 88).
62. Село Моисеево. В 1878 г. обнаружен клад дирхемов в глиняном сосуде. (Марков, стр. 15, № 89).
63. На р. Ляда, в 12 верстах от Тамбова, найдены куфические монеты X в. и 2 волжско-булгарских подражания куфическим дирхемам. (Марков, стр. 46, № 260).
64. Село Борки. В 1958 г. на дюне Борковского селища открыт клад дирхемов в глиняном сосуде. В Рязанский музей поступили 152 монеты (рис. 39, *1—6*). (КРОМ, № 6185).

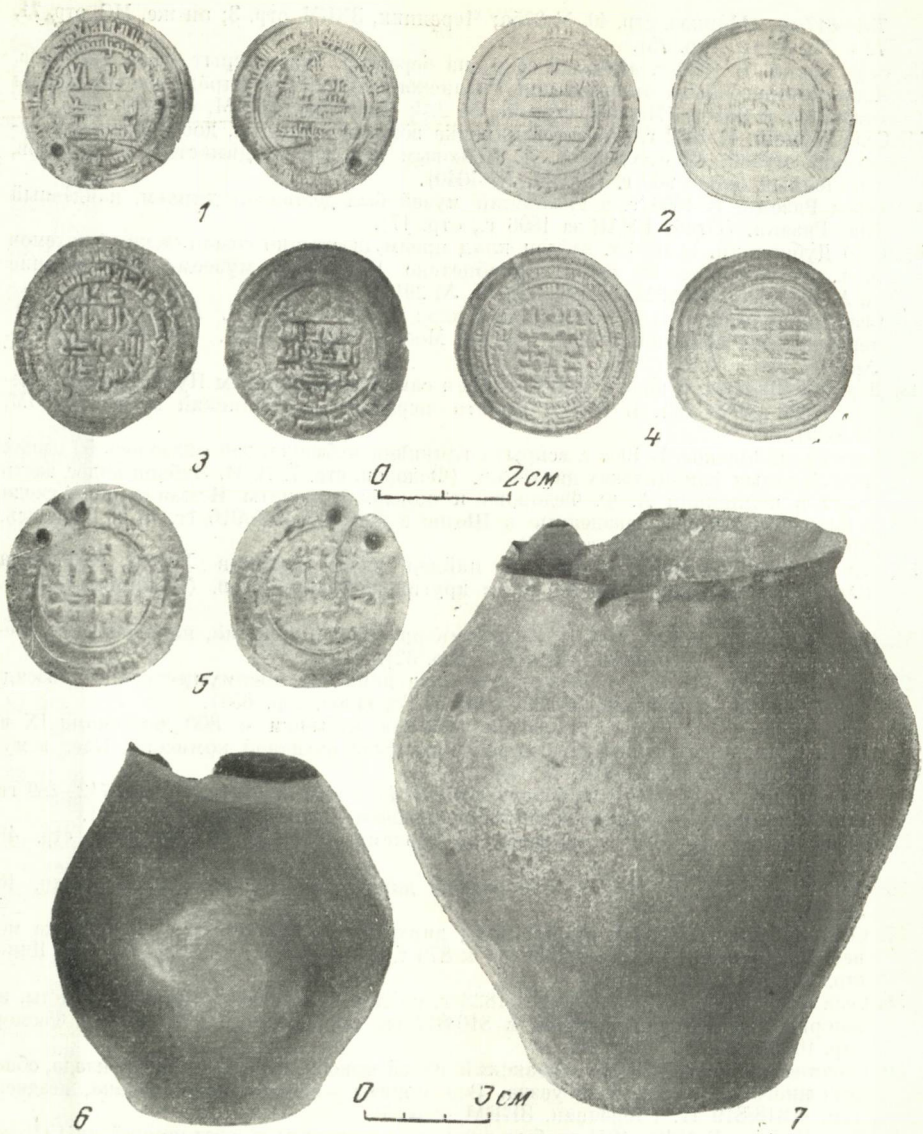


Рис. 39. Дирхемы из клада, найденного в Борках в 1958 г. (*1—5*); глиняный сосуд, в котором находился клад дирхемов в Борках, 1958 г. (*6*); глиняный сосуд, в котором обнаружен клад дирхемов в Борках в 1951 г. (*7*).

ЛИТЕРАТУРА К СПИСКУ КЛАДОВ И ОТДЕЛЬНЫХ НАХОДОК ВОСТОЧНЫХ МОНЕТ

1. В. А. Городцов. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки. Труды XII АС, М., 1905. (Городцов).
2. А. А. Ильин. Топография кладов серебряных и золотых слитков. Пб., 1921. (Ильин).
3. Г. Ф. Корзухина. Русские клады. М.— Л., 1954. (Корзухина).
4. А. К. Марков. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910. (Марков).
5. Е. А. Пахомов. Монетные клады, вып. IV, 1949. (Пахомов).
6. Сообщения ГАИМК, т. I, 1926. (СГАИМК, I).

7. Сообщения ГАИМК, т. II, 1929. (СГАИМК, II).
8. Р. Р. Фасмер. Завалишинский клад куфических монет VIII—IX вв. Изв. ГАИМК, т. VII, вып. II, 1931. (Фасмер).
9. А. Ф. Федоров. Монетные клады Рязанской губернии. Спасск, 1928. (Федоров).
10. А. И. Черепнин. Значение кладов с куфическими монетами, найденных в Тульской и Рязанской губерниях. Рязань, 1892. (Черепнин, ЗККМ).
11. А. И. Черепнин. Коростовский клад. Рязань, 1892. (Черепнин, Кк).
12. А. И. Черепнин. Кулаковский могильник и городище Старой Рязани. ТРУАК, т. XVIII, вып. 1 и 2, 1903. (Черепнин, КМ и СР).
13. А. И. Черепнин. Местная старина. ТРУАК, т. IX, вып. 1, 1894. (Черепнин, МС).
14. А. И. Черепнин. О гривенной денежной системе по древним кладам. Труды Московского нумизмат. о-ба, т. 2, вып. 2, 1900. (Черепнин, ОГДС).
15. В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. (Янин).

Карта находок дирхемов в бассейне р. Оки свидетельствует о том, что на этот район приходится примерно одна треть общего количества кладов дирхемов, найденных в Восточной Европе. Что касается собственно Рязанской земли, то здесь все основные находки дирхемов сконцентрированы вдоль Оки, начиная от Белева до Старой Рязани (по среднему ее течению) и далее — до Мурома (по нижнему ее течению). Даже в тех случаях, когда дирхемы были найдены в этом районе не на Оке, они обнаружены в местах, так или иначе связанных с бассейном Оки,— на Осетре и Упе, в местах, сокращающих путь со Средней Оки к ее верховьям, и на южных притоках Оки, связывающих ее с верховьями Дона. Для торговых поездок вверх от устья Оки, по-видимому, Волгой не пользовались: от г. Горького до Ярославля совсем нет кладов восточных монет [176].

Этот пустынный край болот и лесов ни в это время, ни позже не привлекал купцов и путешественников. До начала XI в. на этой территории почти неизвестно археологических памятников [177]. (На картах, составленных Е. И. Горюновой, отмечены только 8 курганных могильников в районе Костромы, датированных концом XI в.) Даже учитывая неполноту наших археологических обследований и возможность в будущем отдельных открытий в этих районах, нельзя не прийти к выводу, что пустынный и малонаселенный край, расположенный вдоль течения Волги от г. Горького до Ярославля, естественно, был неинтересен для купцов; следуя из Булгара на запад, они не пользовались течением Волги и сразу сворачивали на Оку, а с Оки — иногда на Клязьму. В районе Булгара найдено 18 кладов дирхемов, в районе Мурома — 3 клада, в районе Ростова и Суздаля — 6 кладов, по рязанскому течению Оки — 22 клада. Если клады дирхемов хотя в какой-то мере отражают направление торговых путей, по которым шли и монеты,— а, очевидно, это так и есть,— то путь в Киев из Булгара в X в. шел по Оке и Десне, иногда через Курск, в районе которого найдено 6 кладов дирхемов. Можно было либо по Клязьме, либо по Москве-реке, пользуясь переволоками, попасть в бассейн Шексны и дальше — на северо-запад или перейти на верховья Волги и достигнуть волховско-ладожского водного пути.

В X в. хозарский каган Иосиф в письме к Хасдаю инб-Шафруту, перечисляя народы, якобы живущие на Волге, называет их в следующем порядке: буртасы, булгары, эрзя (Арису), черемисы, вятичи, северяне, славяне [178]. По-видимому, через земли этих народов проходили купцы, торговавшие с Востоком, и в своем перечне Иосиф следует по пути из Хозарии по Волге и Оке в Киевскую и Новгородскую земли.

---

[176] Это отметил еще П. Г. Любомиров — «Торговые связи Руси с Востоком в VIII—XI вв.». Ученые записки Саратовского университета, т. I, вып. 3, 1923, стр. 5—31.

[177] Памятники письменности также не указывают здесь никаких поселений, по крайней мере до XIV в.

[178] П. К. Коковцев. Еврейско-хозарская переписка в X в. Л., 1932, стр. 98.

Возможно, что для сношений Среднего Поднепровья с Востоком существовал и другой — южный — путь: с низовьев Днепра по его левым притокам, по Донцу и Дону или по морю от устья Днепра до устья Дона, а здесь поднимались вверх до переволоки, где Дон ближе всего подходит к Волге, и, таким образом, попадали на основную торговую магистраль. Но эти «южные» пути были длиннее и сложнее, чем окский. Мы и не встречаем никаких археологических подтверждений существования этих путей. «Весь комплекс монетных находок на Нижней Волге и на Нижнем Донце, который можно было бы связывать с торговым движением непосредственно с территории Хозарского каганата, состоит из двух кладов и нескольких отдельно поднятых монет» [179]. Восточные монеты на север шли не через Киев, а по Волге и Оке [180].

Восточные купцы далеко на север не ездили. В землях славян они, видимо, не бывали, не заходили дальше Булгара. Все сведения о славянах и русах почерпнуты арабскими писателями из рассказов путешественников или купцов, которые с ними встречались в землях булгар или хозар, а не из личных наблюдений при посещении славянских земель [181]. Норманны далеко на юг не заходили. Находки скандинавских вещей, относящихся к X в., в Восточной Европе представляют величайшую редкость. В землях кривичей встречается некоторое количество норманских вещей X в., но в бассейне среднего течения Оки таких вещей почти нет. Норманны здесь не бывали, а отдельные предметы, найденные в Рязани (наконечник ножен меча, бляшки скандинавского типа), могли проникнуть путем транзитной торговли. Непосредственных связей между норманнами и арабскими купцами не было. В чьих же руках была транзитная торговля, в результате которой в Швецию, Норвегию и на о. Готланд (крайние северные пункты восточной торговли) попали десятки тысяч монет? Чудские племена, по-видимому, долго оставались в стороне от торговли с Востоком. На территории, которая была занята этими племенами, мало кладов восточных монет и находок других восточных предметов. Лишь в X в., когда меря, мурома и другие племена под влиянием славянской колонизации утратили некоторые черты этнографической обособленности, они, видимо, были вовлечены в восточную торговлю [182].

Находки кладов восточных монет в бассейне Оки совпадают с территорией, занимавшейся вятичами в верховьях Оки, и с территорией их позднейшей колонизации на Средней Оке. По-видимому, в руках вятичей и находилась окская транзитная торговля. В земле кривичей восточные монеты также часто встречаются в курганах и кладах. Таким образом, только славянские купцы могли быть той силой, которая содействовала развитию связей Севера Европы с Востоком.

---

[179] В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 105.

[180] Очень показательна карта находок куфических монет в Восточной Европе, составленная Р. Якимовичем (R. Jakimowicz. Ук. соч., стр. 129). На ней указано больше пунктов, чем у Т. Арне и А. К. Маркова; карта подтверждает мысль о большей древности волжского, чем днепровского пути, и об исключительной роли Волги для распространения куфических монет в Европе. Уместно подчеркнуть, что вообще прочные связи Киева с арабским Востоком установились не в IX в., и тем более не в VIII в., как думали раньше, а лишь в середине X в. (М. К. Каргер. Древний Киев. М.—Л., 1958, стр. 216). К VIII и IX вв. относятся лишь две находки дирхемов в Киеве (Р. Р. Фасмер. Ук. соч., стр. 15).

[181] Единственный путешественник-араб, побывавший в восточнославянских землях, Абу Хамид ал-Андалузи ал-Гарнати, был здесь значительно позже — в середине XII в.

[182] В Корниловском, Максимовском, Малышевском могильниках все дирхемы — не раньше X в. Возможно, что чудские племена признавали до X в. лишь натуральный обмен и не принимали дирхемов в расчет за проданные товары.

Время начала наиболее интенсивных связей с Востоком совпадает с началом колонизационного проникновения славян на Нижнюю и Среднюю Оку — оно относится к IX в. [183] Первые открытые славянские поселения появились по среднему течению Оки в IX в.; к этому же времени относится значительное проникновение славянских вещей в инвентарь рязанских и муромских могильников. В IX в. были подготовлены опорные пункты для дальнейшего продвижения славян, которое было вызвано, конечно, не торговыми связями, а гораздо более важными социальными факторами — давлением кочевников на южные поселения славян и развитием феодального хозяйства у верхнеокских вятичей.

На Дону найдено сравнительно малое количество дирхемов (всего 5 мест находок), и относятся они главным образом к IX в.— началу X в. (в частности, у Боршева найден дирхем 916 г.) [184].

Если правильно наше утверждение, что восточная торговля первоначально находилась в руках славянских купцов, то малое количество находок восточных монет на Дону может быть объяснено кратковременностью пребывания здесь славян. По-видимому, уже во второй половине X в. славянских поселений на Дону не было. Конечно, не все клады монет собраны или зарыты торговцами (монеты концентрировались в руках разных лиц, в том числе и ремесленников, для которых служили сырьем при изготовлении ювелирных изделий), но, так или иначе, поступление монет в Восточную Европу было результатом торговых сношений с Востоком, и только в этом смысле я рассматриваю монетные клады как свидетельство направления торговых путей, как свидетельство важности окского пути.

Вещевые клады IX в. — начала X в. также тяготеют к бассейну р. Оки. Если учесть, что на всей территории Восточной Европы вещевых кладов этого времени вне районов, связанных с Окой, не найдено, то это служит еще одним указанием на важность окского торгового пути.

Влияние восточных художественных изделий сказалось на типах вятичских украшений, вероятно, подражавших первоначально привозным образцам. Так, восточные прототипы, по-видимому, послужили образцами для изготовления семилопастных (семилучевых) височных колец, лунниц и ажурных бус. Семилучевые височные кольца появились раньше всего в земле вятичей [185], где и удержались дольше всего в несколько измененном виде. Проникновение их в землю радимичей — более позднее и непосредственно с Востоком не связано [186]. Еще В. И. Сизов, на основании анализа орнамента, высказал соображения об арабском происхождении семилопастных височных подвесок [187]. Заставляют безусловно признать восточное происхождение этого украшения также наблюдения этнографов. До недавнего времени подобные же подвески можно было видеть у ювелиров на улицах среднеазиатских городов (той же величины,

---

[183] Находки дирхемов VIII в. относительно редки, и преимущественно они встречены в кладах IX в. (Р. Р. Фасмер. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе. Известия Академии наук, отд. общественных наук, 1933, № 6-7). Интенсивное проникновение арабских дирхемов относится только к IX в. Следует отметить, что в 833—900 гг. больше половины кладов дирхемов, найденных в Восточной Европе, приходится на рр. Оку и Десну.

[184] С. Е. Зверев. Следы христианства на Дону в домонгольский период. Труды X АС, т. I, 1899, стр. 317 и прим. 3 к стр. 316.

[185] Железницкий клад IX в.

[186] Первоначально семилучевые височные кольца встречались независимо от племенных границ; лишь позже бытование этих колец ограничилось двумя племенами — радимичами и вятичами (см. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 108).

[187] В. И. Сизов. О происхождении и характере курганных височных колец, преимущественно так называемого московского типа. АИЗ, 1895, № 6, стр. 177 и сл.

покрытая зернью, зубчатая внизу пластинка полулунной формы на полукруглой проволочной дужке) [188]. То, что древнейшие образцы подобных височных колец были найдены в Железницком кладе в земле вятичей, служит важным указанием на связь восточной торговли с происхождением этого славянского украшения. За исключением Железницкого клада, восточные вещи в Рязанской земле очень немногочисленны. Вероятно, восточного происхождения ряд подвесок с узором из скани или с литым узором в виде арабесок. Возможно также, что на Востоке изготовлены медная бляха и застежка для пояса с изображением льва, найденные в Старой Рязани [189]. Восточного происхождения весы и гирьки, служившие для взвешивания монет и находимые во многих местах Восточной Европы в комплексах X—XI вв., обнаружены и в Рязанской земле [190].

Восточные купцы, торговавшие со славянами и русами, оставили нам много сведений о них. Это более или менее достоверные записи того, что слышали об этих народах, так как сами купцы дальше Хозарии и Волжской Булгарии не заходили. К тому же до нас в большинстве случаев дошли не первоначальные записи, а позднейшие тексты, искаженные географами-компиляторами, использовавшими записи купцов и путешественников для своих сочинений. Поэтому сведения эти противоречивы.

XI

Восточные источники о населении бассейна р. Оки. Вопрос о «трех центрах древней Руси» и его состояние в современной науке. Географические данные об Артании. Русы на р. Оке. Свидетельство Ибн-Фадлана. Деление восточных славян на три части. Взгляды А. А. Шахматова на образование русских диалектов. Вятичи на Дону и на Оке.

Несколько лет назад я выступил со статьей «К вопросу о трех центрах древней Руси» [191], в которой, основываясь на восточных источниках X в., пытался доказать, что одним из центров, упоминаемых в этих источниках, была Рязань. Статья была написана до начала больших раскопок ИИМК в Старой Рязани, и можно было надеяться, что в процессе раскопок будут найдены археологические доказательства этого тезиса. Но раскопки показали, что наиболее древний слой на Старо-Рязанском городище, относящийся к славянскому времени и к моменту вероятного возникновения города, датируется второй половиной X в. Восточные же авторы, трактующие о трех центрах Руси, писали в первой половине и в середине X в., а их первоисточники восходят еще к IX в. «Для этого времени никаких археологических доказательств того, что Рязань была крупным центром славянства, не найдено, и такое предположение теперь кажется маловероятным» [192]. Однако в связи с темой настоящего исследования о Рязанской земле я считаю необходимым вновь остановиться на вопросе

---

[188] Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры, ч. I. М., 1926, стр. 92.

[189] А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 186, рис. 144, *1, 2*.

[190] А. Л. Монгайт. Рязанские гирьки. КСИИМК, вып. XIV, 1947, стр. 61—69.

[191] КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 103—112.

[192] А. Л. Монгайт. Из истории населения... СА, XVIII, 1953, стр. 174.

о трех центрах древней Руси, представляющем одну из наиболе сложных и запутанных проблем восточноевропейской исторической географии.

Сообщение о трех племенных группах или о трех центрах Руси содержится в сочинениях географов X в. ал-Балхи, ал-Истахри, и Ибн-Хаукаля. Зависимость сообщений этих авторов одного от другого не вызывает сомнений [193], но соотношение их остается до сих пор не во всех деталях выясненным. В начале 70-х годов известный голландский востоковед М. Я. де Гуе писал: «Едва ли когда-нибудь существовала бóльшая путаница, чем относительно имен трех арабских географов: Абу Зейда ал-Балхи, ал-Истахри и Ибн-Хаукаля» [194]. Несмотря на то, что изучение этого вопроса продолжается и поныне, он еще далек от окончательного разрешения [195]. Уроженец одного местечка округа Балх Абу Зейд ал-Балхи (847—934 гг.) уже в старости, между 913 и 923 гг., составил свое географическое произведение, непосредственно до сих пор остававшееся неизвестным. Оно было обработано и дополнено в 951 г. ученым из центральной провинции Ирана Фарса Абу Исхаком ал-Истахри [196]. До сих пор в науке не установлено, какие части написаны ал-Истахри самим, а какие взяты у его знаменитого предшественника. Ал-Истахри передал свой труд для исправлений и дальнейших дополнений путешественнику, происходившему из Багдада, который долго жил в Северной Африке,— Абу-л-Касиму Ибн-Хаукалю [197]. Работу над своей «Книгой путей государств» Ибн-Хаукаль закончил около 977—978 гг.[198]

Сообщение о Руси, представляющее, очевидно, компиляцию из ал-Истахри и каких-то других источников, содержится у анонимного персидского географа, автора «Книги областей мира от востока к западу» («Худуд ал-Алем мин ал-машрик ила-л-магриб»), составившего свой труд около 982—983 гг. [199] Позднее показание о разделении Руси на три племени заимствовали у авторов X в. придворный географ короля Сицилии Роджера II ал-Идриси, закончивший свой труд в 1154 г.; Йакут (1179—1229 гг.), арабский ученый-энциклопедист, автор географического словаря, законченного в 1224 г.; сирийский ученый-космограф ад-Димашки (1256—1327 гг.), его современник и земляк Абу-л-Фида (1273—1331 гг.) и др.

Ал-Истахри сообщает следующее: «Русы состоят из трех племен, из коих одно ближайшее к Булгару, а царь его живет в городе под названием Куяба (Kuǰāba), который больше Булгара. Другое племя, наиболее отдаленное из них, называется Славия (aṣ-S. lāwija). Еще племя называется Артания (al-Artānija), а царь его живет в Арте (Artā). Люди отправляются торговать в Куябу; что же касается Арты, то мы не припоминаем,

[193] В. В. Бартольд. Введение к изданию Худуд ал-Алем. Л., 1930, стр. 11—17; C. Brockmann. Geschichte der arabischen Litteratur, T. I., Weimar, 1898, стр. 229 и Supplement-Band, T. I, Leiden, 1937, стр. 408.

[194] M. J. de Goeje. Die Istakhri-Balkhi Frage. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Leipzig, № 25, 1871, стр. 42.

[195] И. Ю. Крачковский. Арабская географическая литература. Избранные сочинения, т. IV, М.—Л., 1957, стр. 195.

[196] Ал-Истахри озаглавил свое произведение «Книга путей государств» — Al-Istakhri. Viae regnorum: descriptio ditionis moslemicae, изд. M. J. de Goeje. BGA, t. I, Lugduni — Batavorum, 1870.

[197] В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2-е, Л., 1925, стр. 54.

[198] Ibn-Haukal, изд. M. J. de Goeje. BGA, t. II, 1878; Opus geographicum auctore Ibn-Haukal (Abū'l-Kāsim ibn Haukal al-Nasibī)...; «Liber imaginis terrae» edidit collato textu primae editionis aliisque fontibus adhibitis J. H. Kramers. BGA, t. II, editio secunda, fasc. 1—2, Lugduni — Batavorum, 1938—1939.

[199] А. Г. Туманский. Новооткрытый персидский географ X столетия и известия его о славянах и руссах. ЗВРАО, т. X, 1896, стр. 121—137; Худуд ал-Алем. Рукопись Туманского, с введением В. Бартольда. Л., 1930; Hudud Al-Alam. «The Region of the World», translated and explained by V. Minorsky, London, 1937.

чтоб кто-нибудь из иностранцев странствовал там, ибо они убивают всякого иноземца, вступившего на их землю. Они отправляются вниз по воде и ведут торг, но ничего не рассказывают про свои дела и товары и не допускают никого провожать их (присоединяться к ним) и вступить в их страну. Из Арты вывозят черных соболей и свинец» [200]. Ибн-Хаукаль почти дословно повторяет это сообщение, только вместо слов «наиболее отдаленное» у него сказано «наиболее высокое», Арта названа городом и в списке вывозимых товаров прибавлены черные лисицы и ртуть или рабы [201]. В книге «Худуд ал-алем» (называемой также по имени открывшего ее ученого «рукописью Туманского») в качестве товара, вывозимого из Артани (Уртаба), указаны «очень ценные клинки и мечи, которые можно сгибать пополам, и когда отнять руку, они возвращаются в прежнее положение» [202]. Этот источник знает только города или области, а не племена.

Сочинения позднейших компиляторов обычно считают совершенно бесполезными, так как, повторяя известия X в. через сотни лет после того, как они были записаны, эти ученые ничего не разъясняют, а подчас безнадежно запутывают и без того неясные вопросы. К таким бесполезным компиляциям иногда несправедливо причисляют и текст о Русии, содержащийся в труде ал-Идриси [203]. Приведем текст ал-Идриси, касающийся деления Русии на три племени, по-видимому, главным образом заимствованный из географии Ибн-Хаукаля [204]: Русия (ar-Rūsija) состоит из трех племен. Одно из них называется Русь (Rus) и его царь живет в городе Куяба. Другое племя называется Славия (aṣ-Ṣ. lāwija) и его царь живет в городе S. lawa и этот город находится на вершине горы. Третье племя на-

---

[200] А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в.). СПб., 1870, стр. 276, 277. Я пользуюсь переводом, изданным А. Я. Гаркави, с именем ал-Балхи, и исправляю его по немецкому переводу И. Хрбека, сделанному по изданию М. Я. де Гуе — BGA, t. I, стр. 225, 226. (J. Hrbek. Der dritte Stamm der Rūs nach arabischen Quellen. Archiv Orientalni, Bd. 25, H. 4, 1957, стр. 649). Не обладая знанием восточных языков, я здесь и в дальнейшем пользуюсь переводами восточных авторов на европейские языки. Предлагаемый мной русский текст в большинстве случаев сверен с арабским оригиналом Ю. А. Анцисом, которому приношу благодарность за оказанную помощь.

[201] J. Hrbek. Ук. соч., стр. 649. Перевод по изд. J. H. Kramers И. Хрбек предлагает читать так: в списке товаров вместо zaybak («ртуть» — raḳīḳ («рабы»).

[202] А. Г. Туманский. Ук. соч., стр. 136.

[203] Его географическое сочинение и карта постоянно привлекали внимание ученых. Из работ последнего времени следует отметить книги: T. Lewicki. Polska i kraje sąsiednie w świetle «Księgi Rogera» geografa arabskiego XII w. Al-Idrisiego, I, Kraków, 1945; II, Warszawa, 1954; O. J. Tallgren-Tuulio et A. M. Tallgren. Idrisi. La Finlande et les autres pays baltiques orientaux. Helsinki, 1930; O. J. Tuulio (Tallgren). De nouveau sur Idrisi, Section VII, 3; VII, 4; VII, 5 — Europe septentrionale et circumbaltique, Europe orientale et, d'après quelques manuscrits, centrale jusqu'à peninsule Balkanique au Sud. Helsinki, 1936. Б. А. Рыбаков попытался объяснить карту ал-Идриси в отношении русских земель (см. Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 года. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 3—44), однако, касаясь интересующего нас вопроса, он пишет: «Для решения последнего вопроса данные Идриси не дают ничего интересного, так как размещение на карте трех городов Киниу, Салав и Артан условно и произвольно. Они отнесены географом к наименее ясному для него самого отрезку карты, к сшивке двух разных кусков, из которых один наносится по данным Ибн-Хаукаля и Масуди, другой — по сведениям путешественников начала XII в. Перенести три центра древней Руси с карты 1154 г. на современную карту не представляется возможным, как и большинство городов континентальной части Восточной Европы, так как все они резко и непримиримо расходятся с текстом самого Идриси» (ук. соч., стр. 41). Соглашаясь с выводом Б. А. Рыбакова, я не пытаюсь повторить его опыт и сопоставить карту с текстом; в дальнейшем речь идет только о тексте ал-Идриси.

[204] Я не пользуюсь французским переводом Жубера (A. Joubert. Géographie d'Edrisi, t. II, Paris, 1840), по мнению ориенталистов, очень слабым. Цитирую по И. Хрбеку, приведшему немецкий перевод, основанный на издании A. Seippel. Rerum Normannicarum Fontes Arabici. Christianiae, 1896 (I, 86).

зывается Артания и его царь живет в городе Арта. Город Арта красивый город на укрепленной горе. Он находится между Куябой и Славией. От Куябы до Арты 4 дневных перехода и от Арты до Славии 4 дня. Мусульманские купцы из Армении прибывают в Куябу. Что касается Арты, то шейх ал-Хаукаль рассказывает, что никто из иностранцев там не был, так как они каждого прибывающего иноземца убивают. Никто не отваживается ездить в их землю. От них вывозят меха черных леопардов и черных лисиц и свинец. И это вывозят от них купцы из Куябы».

Идриси, очевидно, пользовался не только географическими сведениями X в., но и сообщениями его современников — путешественников и купцов. Однако он не дает себе труда согласовать уже устаревшие данные с новыми. Так, например, он не отожествляет «Киев» его современников с «Куябой» Ибн-Хаукаля. Все же он вносил, по-видимому, поправки в текст Ибн-Хаукаля или пользовался какой-то более пространной версией труда Ибн-Хаукаля, откуда мог почерпнуть, например, известие о мусульманских купцах из Армении, прибывающих в Киев [205]. Он называет первое из русских племен со столицей в Киеве — русью. Мы знаем, что Русью, Русской землей назывались именно южнорусские земли, составившие ядро Киевского государства. Идриси определенно указывает, что Арта находится между Куябой и Славией. Этого не было в известном нам тексте Ибн-Хаукаля. Он указывает даже расстояние между городами, равные 4 дням пути. День пути у Идриси колеблется в мерах длины от 25 до 35 арабских миль, что составляет от 46,95 до 67,6 км.

Ученые, комментировавшие сообщения арабских [206] источников, в большинстве пришли к выводу, что Куяба — это Киев и что Славия — это область новгородских славян [207]. Но вопрос о местоположении третьего русского племени, вопрос о том, что такое Артания и город Арта,— вызвал многочисленные и противоречивые предположения.

Краткие сообщения географов IX—X вв. дают так мало сведений, что неясно даже, о чем идет речь— о городе, племени, государстве. Неясно и местоположение Артании, что позволило различным комментаторам произвольно передвигать его из одного конца Восточной Европы в другой. Руководящими для решения этого вопроса были топонимические сравнения, исходившие из фонетики слова «Артания».

Х. Френ, д'Оссон, П. С. Савельев считали, что Артания — это Эрдзянь (ветвь мордовского народа — Эрзя), имя, сохранившееся в названии Арзамаса [208]. Той же точки зрения придерживался и Д. Щеглов, считавший Артанией финское племя, но Арту искавший не в Арзамасе, а в Рязани [209]. А. А. Шахматов считал, что Артания — это Рязань, важнейший город славянского племени вятичей [210].

---

[205] T. Lewicki. Swiat słowiański w oczach pisarzy arabskich. «Slavia Antiqua», II, 2, Poznan, 1949/1950, стр. 373.

[206] Обычно, употребляя эпитет «арабские», имеют в виду арабоязычных авторов, независимо от их происхождения. В тех случаях, когда источник написан на персидском языке, это оговорено в тексте.

[207] Следует заметить, что отожествление Киева с Куябой арабских источников основано главным образом на созвучности названий; это само по себе недостаточно, так как арабское правописание дает возможность десятков разночтений. Весь же комплекс сообщаемых о Куябе и Славии сведений не дает оснований решительно приурочить их к Киеву или Новгородской Руси.

[208] C. M. Frähn. Ibn Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. St.-Petersburg, 1823; A. C. Mouradja d'Ohsson. Des peuples du Caucase et du Nord de la Mer Noire dans le 10 siècle. Paris, 1828; П. С. Савельев. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1846.

[209] Д. Щеглов. Первые страницы русской истории. ЖМНП, 1876, май, стр. 15.

[210] А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Пгр., 1919, стр. 35, 36. С поисками третьего русского племени в стране вятичей согласен В. В. Бартольд. («Арабские известия о русах». «Советское востоковедение», т. I, 1940, стр. 27).

Б. Дорн, переводя отрывки из книги ал-Балхи, принял написание «Ерзания» [211] вместо «Арсания», «Артания» и т. п. других переводчиков. М. Рейно и Д. А. Хвольсон считали, что Артания — это Пермь [212]. Л. Нидерле, предположив, что в слове «Артания» буква «р» стоит ошибочно вместо «н», связывает названия «Арта», «Артания» с именем антов [213]. Ту же точку зрения разделяет Б. А. Рыбаков [214].

С именем антов связывал Артанию и В. А. Пархоменко, но он шел дальше, развивая задолго до того высказанное Д. И. Иловайским предположение, что Артания — это Тмутаракань [215]. Этой точке зрения в науке повезло больше других. Отстаивая южное происхождение Руси, защищая мнение о древности поселений славянства в Подонско-Азовской области, В. А. Пархоменко использовал сообщения арабов, чтобы локализовать спорное местонахождение Тмутаракани. Он сближал имя «анты» с «вантитами» арабских писателей и, далее — с «вятичами» русской летописи; помещая «вятичей» в Причерноморье, В. А. Пархоменко находил, что под Артанией нужно разуметь Тмутаракань [216]. Этой же точки зрения придерживался С. В. Юшков [217] и др. Мошин считал Артанию варяжской или русской областью у Черного моря и также предлагал ее искать в Тмутаракани [218].

А. И. Соболевский согласен поместить «третье» русское племя на Таманском полуострове, но город Арту ищет в Крыму, где-то вблизи Евпатории [219]. Большую работу известиям арабских писателей о русах посвятил П. П. Смирнов [220]. Доказывая, что уже в VIII в. на Волге существовал созданный норманнами «русский каганат», он относит известия о трех центрах ко времени распада каганата и все три центра ищет на Волге и ее притоках, помещая Куябу в устье Оки, Славию — севернее ее, а Артанию — посередине, между ними, в восточно-финских землях. Другой сторонник норманского происхождения Руси — Ф. Вестберг предлагал искать Артанию где-то в Скандинавии или в Дании [221]. С ним согласен Тоган [222]. И. Хрбек, идентифицирует ее с Арконой на острове Рюгене [223].

Было высказано даже сомнение в том, что Артания является именем собственным и заключает в себе какое-то географическое понятие. Анализируя смысловое содержание слов «Артания» и «Арту» и выясняя их

---

[211] B. Dorn — Mélanges Asiatiques, т. VIII, вып. 1, СПб., 1874, стр. 56, 57.

[212] M. Reinaud. Géographie d'Aboulféda, I. Introduction générale à la géographie des Orientaux. Paris, 1848; Ибн-Даста. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах (перев. Д. А Хвольсона). СПб., 1869.

[213] L. Niederle — Slovanski Starožitnosti, t. II, p. 1, Praha, 1906, стр. 269. Л. Нидерле считал, что арабские писатели, употребляя названия «Вантит» и «Хурдаб» (Куяба), имеют в виду не города, а племена, и что речь идет о разделении славянских племен на антов и хорват.

[214] Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, ч. 1, стр. 337. В более поздней работе (Б. А. Рыбаков. Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина. «Вопросы истории», 1952, № 9, стр. 40—62) Б. А. Рыбаков предлагал искать Арту древних источников в Чернигове.

[215] Д. И. Иловайский. Разыскания о начале Руси. М., 1876.

[216] В. А. Пархоменко. Начало христианства Руси. Полтава, 1913; его же. Три центра древнейшей Руси. ИОРЯС, 1913, т. XVIII, кн. 2, стр. 72—87; его же. У истоков русской государственности. Л., 1924.

[217] С. В. Юшков. К вопросу о происхождении русского государства. Ученые записки Моск. гос. юрид. ин-та, вып. IV, 1940, стр. 37, 39.

[218] Mošin. Treće rusko pleme. «Slavia», 5, 1927, стр. 763—781.

[219] А. И. Соболевский. «Третье» русское племя. Доклады АН, 1920, № 4.

[220] П. П. Смирнов. Волзький шлях і стародавні Руси. Київ, 1928.

[221] Ф. Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе. ЖМНП, 1908, февраль — март.

[222] A. Zeki Validi (Togan). Ibn Fadlan's Reisebericht, Leipzig, 1939, стр. 320.

[223] I. Hrbek. Ук. соч., стр. 628—652.

языковое происхождение, один из исследователей [224] приходит к заключению, что «Артания» на угорском наречии означает «страна на запоре», «туда никого не пускают» и что это слово попало в арабские рукописи случайно от какого-либо купца — мордвина или буртаса, но ни города Артании, ни такой страны история не знает.

Бесплодность поисков третьего центра Руси, предпринимавшихся до сих пор, не дает еще оснований для того, чтобы считать этот вопрос полностью неразрешимым. Тем более нет оснований пренебречь восточными источниками вообще. Слишком немногочисленны источники для русской истории долетописной поры, чтобы отказаться от попыток извлечь все, что возможно, из известий восточных авторов.

Я не буду здесь вновь останавливаться на аргументации своего предположения о возможности сопоставления Артании и Рязани. Читатель может для этого обратиться к упомянутой моей статье 1947 г. Я полагаю, что вся аргументация остается в силе, кроме положения о том, что город Арту следует искать на городище Старой Рязани, так как мы пока не нашли археологических доказательств существования здесь крупного славянского центра в IX—X вв. Но, несомненно, арабские источники этого времени помещают одно из русских «племен» на Оке.

Если для лингвистов была бесспорной близость в звучании «Артании» с «Эрзей», «Эрдзянией», то необъяснимым являлось, почему арабы причислили мордовскую эрзю к русским племенам. По мнению А. Я. Гаркави, арабы это делали просто по незнанию, а по Х. Френу и П. С. Савельеву — потому, что эрзя была подчинена русам. А. А. Шахматов вслед за Д. Щегловым указал, что Эрдзянь — это позднейшая Рязань [225]. Что название города «Рязань» могло появиться из мордовского племенного имени «эрзя», подтверждается и данными филологии, и археологическими материалами, свидетельствующими о существовании на городище Старой Рязани мордовского поселения до появления здесь славян.

Однако утверждение о созвучии названий Артания — Эрдзяния — Рязань не выводит нас за пределы той системы топонимических сравнений, которая породила перечисленное выше бесконечное разнообразие взглядов на вопрос о местоположении Артании.

Для решения вопроса важнее обратиться к географическим данным об Артании, содержащимся в восточных источниках.

Арабские географы, несомненно, помещают каких-то русов на Волге. У ал-Истахри и Ибн-Хаукаля сообщается о географическом положении русла реки Итиля (Волги): «Что же касается реки Итиль, то она вытекает вблизи Хархиза (вероятно, земля киргизов), течет между Каймакией (земля куманов-половцев) и Гуззией, так что образует границу между Каймакией и Гуззией; затем она выходит к западу по верхнему Болгару [226] и обращается вспять к востоку, пока не проходит по Русу, потом проходит по Булгару, затем — по Буртасу, пока не впадает в Хозарское море» [227]. В словаре Йакута говорится: «Итиль есть имя великой реки, подобной Диджле, в стране Хозар и протекает мимо страны Русов и Булгар» [228], а ал-Бекри пишет о Волге: «Это река, которая к ним течет от Русов, впадает в море Хозарское» [229].

---

[224] А. М. Карасик. К вопросу о третьем центре древней Руси. ИЗ, т. 35, 1950.

[225] «Рязань — это славянская, ославяненная форма этого имени (Арзания). Перестановка букв, согласной наперед, гласной назад — дело обыкновенное у славян в таких случаях» (Д. Щеглов. Ук. соч., стр. 15).

[226] Здесь он за Верхнюю Волгу принимает р. Каму или Белую.

[227] А. Я. Гаркави. Ук. соч., стр. 192, 193.

[228] А. Я. Гаркави. Ук. соч., стр. 85; о том же указание на стр. 92.

[229] «Известия ал-Бекри о славянах и соседях». Перев. В. Розена. Записки Академии наук, т. XXXII, 1878, прим. 2, стр. 60.

Таким образом, свидетельства и ранних, и позднейших географов, несомненно, указывают, что их русы проживают на Волге или ее притоках. Так как в русах, живших где-то вблизи течения Итиля, нельзя видеть ни жителей Куябы, ни жителей Славии, то остается предположить здесь только третью племенную группу — Артанию. Ал-Истахри уточняет местонахождение русов: «Рус есть народ в соседстве с Булгаром, между сим последним и Славонией» [230] и «Арта находится между Хозарами и Великим Булгаром» [231], причем великие булгары в данном случае — волжские [232].

Нельзя не обратить внимание на дополнения, которые делает ал-Идриси к устаревшему уже в его время тексту Ибн-Хаукаля. Он помещает Артанию между Куябой и Славией и считает по 4 дневных перехода между ними. Исходя из мер пути, употребляемых ал-Идриси, мы можем утверждать, что его информатор ошибся. Если Куяба и Славия — это Киев и Новгород, то, даже считая дневной переход максимально равным 67,6 км, за 8 переходов от Киева до Новгорода не добраться, где бы ни находилась Артания. Но даже эта ошибка не позволяет полностью пренебречь текстом ал-Идриси. Заимствуя сведения Ибн-Хаукаля он, конечно, понимал, что это факты двухсотлетней давности. Он дополнял их сообщениями современников, впрочем, часто, как мы уже указывали выше, не давая себе труда полностью их согласовать. По-видимому, помещение Артании между Куябой и Славией на равном расстоянии от той и другой и является дополнением XII века. Это дополнение нисколько не противоречит, а, наоборот, подтверждает наше предположение, что Артанию арабских географов следует помещать на Оке.

Вполне резонно возникает возражение. Арабские писатели говорят о Волге как о реке, на которой живут русы, между тем Рязань и поселения вятичей расположены на Оке. Это противоречие легко объяснить смутными представлениями арабов о верхнем течении Волги, где они никогда не бывали. Если в одном случае они Каму принимают за верхнее течение Волги, то в другом случае они могли принять за верхнее течение Волги Оку. В одном из восточных источников мы находим совершенно определенное указание на Оку, название которой ни у какого другого мусульманского писателя не упоминается.

В «Худуд ал-Алем» говорится: «Эта река Рус проходит среди славян, направляясь в востоку, до самой границы Русов. Она протекает, минуя Уртаб, Селябе, Куяне, города Русов, и проходит через границы Хифржах. Она же меняет направление, поворачивает к югу, к пределам печенегов

---

[230] А. Я. Гаркави. Ук. соч., стр. 191; о том же указание на стр. 198.

[231] Там же, стр. 193.

[232] Ибн-Даста. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах. Перев. Д. А. Хвольсона. СПб., 1869, комментарий, прим. 98, стр. 177—180. Хотя очень трудно, даже с натяжкой, признать соседями Тмутаракани дунайских болгар, но В. А. Пархоменко утверждает это, основываясь на неправильном комментарии А. Я. Гаркави. В тексте, изданном с именем ал-Балхи, говорится: «Внутренние же булгаре христиане», что может относиться только к придунайским болгарам, которые в самом деле были христианами. Следовательно, если великие булгары не одно и то же, что внутренние, то это и есть волжские булгары. Возможно, однако, что вопрос об этом верно толкуется Мордтманом (Mordtmann. Das Buch der Länder. Hamburg, 1854, стр. XVII), который переводит это место так: «Арта находится между землей хозар и великих булгар, которые граничат с Румом на севере последнего» (Ибн-Даста. Ук. соч., стр. 179). При этом чтении становится ясной ошибка, допущенная А. Я. Гаркави, и отпадает предположение В. А. Пархоменко, что Арта арабов граничила с севера с Румом и в то же время находилась между хозарами и дунайскими болгарами. И. Хрбек, сопоставляя рукописи, в которых содержится сообщение о том, что Арта лежит между землей хозар и Великим Булгаром,— Gota и Chester-Beatty, приходит к заключению, что это сообщение якобы появилось во всех вариантах в результате ошибки переписчика (J. Hrbek. Ук. соч., стр. 645—647).

и впадает в реку Атель» [233]. Еще А. Г. Туманский высказал убеждение, что эта река, так определенно описанная, не может быть иной рекой, кроме Оки, так как в рукописи указано, что она течет с юго-запада в Волгу и впадает в нее севернее буртас. В. Минорский, издавший рукопись А. Г. Туманского в английском переводе и снабдивший ее подробным комментарием, считает, что не только географическое положение реки Рус, но и арабская транскрипция ее названия позволяют в ней видеть Оку. «Не будет чрезмерным предположение, что Ока известна осведомленному первоисточнику, которому мы обязаны описанием территории русов. Текст Истахри наводит на мысль, что наблюдательным пунктом для этого первоисточника был булгарский город на Волге» [234]. Таким образом, мы имеем единственное в литературе мусульманских географов указание на Оку, когда она рассматривается не как часть течения Волги, а как впадающая в Волгу река и при этом указано, что русы живут по этой реке. Несомненной ошибкой является помещение всех трех центров Русов на Оке. В. В. Бартольд считал это плодом произвольной комбинации автора [235], а В. Минорский объясняет это попыткой автора «Худуд ал-Алем» осмыслить название Оки, неизвестное ему по другим источникам, в результате чего он смешал в одно сообщения разных авторов [236].

Рукопись А. Г. Туманского в сообщениях о русах зависит от Ибн-Русте и ал-Гардизи, хотя название трех центров Руси заимствует у Балхи — Истахри. Но этот источник оригинален в определении направления реки Рус и в установлении границ русов. В рукописи указано, что к северу от земли Рус лежат северные пустыри, к западу находятся славяне, к востоку — печенеги (как думает В. Минорский,— мадьяры на реках Белой и Волге), а южную границу составляет р. Рута.

Таким образом, поместив каких-то русов, известных этому первоисточнику, на Оке, мы получаем полное совпадение с данными других авторов: ал-Истахри, располагающим русов между славянами и волжскими булгарами, и Ибн-Хаукалем, помещающим их между волжскими булгарами и хозарами. Если принять во внимание, что, следуя в земли булгар по Волге, арабы через землю русов не проходили и в то же время земля русов не может лежать выше Булгара на Волге, если она находится между Хозаром и Булгаром,— то остается искать эту землю к западу от Волги, на Оке [237].

Мы уже выше указывали, что арабские географы называют Волгу, включая ее верхнее течение, а возможно, и некоторые притоки, «русской» или «славянской» рекой. Так ее называет Ибн ал-Факих. Бируни, упоминая «большую реку славян и русов», имеет в виду Верхнюю Волгу, а может быть, и Оку. У Димашки «река славян и русов» — это тоже Волга. Идриси и Масуди, говоря о «русской реке», имеют в виду Волгу, хотя иногда рассматривают Дон как рукав Волги [238]. У Абу Мухаммада Ахмада ибн-Асама ал-Куфи,— автора, рассказывающего об арабо-хозарской войне (737 г.), также Волга называется «славянской рекой» [239]. Это название сохраняется и в XII в. Абу Хамид ал-Андалузи ал-Гарнати, проехавший в 1150 г. из Булгара в Киев, пишет, что его путь шел по «славянской

---

[233] А. Г. Туманский. Ук. соч., стр. 136, 137.
[234] Hudud Al-Alam. London, 1937, стр. 217.
[235] Худуд ал-Алем. Л., 1930, Введение, стр. 29.
[236] Hudud Al-Alam, стр. 437.
[237] Hudud Al-Alam, карта XII, стр. 435.
[238] A. Zeki Validi (Togan). Völkerschaften des Chazarenreiches im IX Jahrhundert. Körösi Csoma Archivum. Budapest — Leipzig, 1940, T. III, Bd. I, стр. 62.
[239] A. Zeki Validi (Togan). Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig, 1939, стр. 296, 299, 305, 306.

реке» (nahr aṣ Ṣaḳāliba) [240]. Из Булгара на запад он мог направиться только по верховьям Волги или по Оке. Кратчайший путь в то время пролегал по Оке и, как мы увидим из дальнейшего, Абу Хамид ехал по Оке. Почему же он называет ее «славянской рекой»? Может быть, Абу Хамид не знал ее настоящего названия или забыл его за годы, прошедшие между путешествием и его описанием? Но возможно,— и это наиболее вероятно,— что он назвал реку по древней традиции арабских географов, всегда ее так именовавших.

Обратим внимание на перечень товаров, которые вывозились из Артании. Ал-Истахри называет только свинец (или, по «Худуд ал-Алем», возможно, олово) и черных соболей; Ибн-Хаукаль добавляет черных лис и zaybak — «ртуть» (И. Хрбек читает вместо этого raḳīḳ — «рабы»). В «Худуд ал-Алем» названы мечи и клинки.

Ибн-Хаукаль пользовался текстом ал-Истахри. Его список шире, и это может объясняться тем, что у него в руках был первоначальный, более полный текст сочинения ал-Истахри. Другое дело — сообщение в «Худуд ал-Алем». Его автор компилировал из рукописей двух групп: ал-Истахри — Ибн-Хаукаля и Ибн-Русте — ал-Гардизи. У Ибн-Русте рассказывается о «слиманских» мечах, которые составляют главное вооружение русов. Возможно, что автор «Худуд ал-Алем» просто по своему объяснил сообщение Ибн-Русте и, зная от ал-Истахри, что Артания — в земле русов, указал на нее как на место производства мечей. Что касается соболей, лис, свинца и рабов, то в своей статье «К вопросу о трех центрах древней Руси» я показал, что все эти предметы могли вывозиться из земель, расположенных на среднем течении Оки, не исключая и довольно редких в Восточной Европе металлов — олова или свинца.

Сложнее вопрос о мечах. Вряд ли можно предположить, что они производились на Средней Оке. Однако если даже отвергнуть высказанное выше предположение о путанице, внесенной неудачной компиляцией персидского анонима, легко объяснить, что арабские купцы в Булгаре, покупавшие «слиманские» мечи у «русов», приходивших со Средней Оки, попросту не уточняли места их производства и ограничивались указанием на вывоз их из Арты. «Слиманские» или франкские мечи — это общеевропейская форма оружия; несколько центров его производства уже установлено для Западной Европы и, предположительно, для Восточной Европы. Эти мечи очень ценились на Востоке за высокое качество клинка, о чем сообщает еще автор первой половины IX в. ал-Кинди. Их везли, конечно, отовсюду с Запада, и поэтому они не могут помочь нам в решении вопроса о локализации Артании.

Источники позволяют не только установить наличие каких-то русов на Оке, но и попытаться уточнить их племенную принадлежность. В письме хозарского кагана Иосифа к еврейскому сановнику Хасдаю ибн-Шафруту (X в.) перечислены народы, проживающие у реки Итиль (Волга); среди них — В-нн-тит,— вероятно, вантит, вятичи и Арису — эрзя [241]. Помещение их на Волге доказывает, что не только арабские географы, но и лучше знавший народы Поволжья хозарский царь считал Оку верхним течением Волги. Каган Иосиф отличает вятичей от племени арису (вероятно,— эрзя) [242]. Ибн-Русте (начало X в.) пишет: «В ближних краях земли Сла-

---

[240] Abu Hāmīd el Granadino y su Relación de viaje por tierras Eurasiáticas. Ed. César E. Dubler. Madrid, 1953. стр. 61.

[241] П. К. Коковцев. Еврейско-хозарская переписка в X в. Л., 1932, стр. 98.

[242] И. Хрбек, возражая мне, указывает, что нельзя опираться на «хозарскую переписку», так как, если она даже не является фальсификацией XIX в., то она основана на арабской географической литературе и потому не может рассматриваться как первоисточник (J. Hrbek. Ук. соч., стр. 632). Но даже если придерживаться

вянской находится город по имени Ва-и»[243]. У Ибн-Русте нет диакритических знаков. Тот же город или страна у ал-Гардизи (XI в.) назван «Вантит». Ф. Вестберг видит в цитированном выше тексте ошибку позднейших компиляторов и считает, что в первоисточнике стояло не «город Вантит», а «страна Вантит», т. е. племени вятичей[244]. В рукописи А. Г. Туманского также говорится «Вантит — первый город с востока страны славян»[245]. Но если Вантит — город в стране славян, а Артания — в стране русов, то может ли речь идти об одном и том же городе?

Я не буду вновь останавливаться на весьма неясном и много раз дискутировавшемся вопросе о происхождении имени «Русь» и о взаимоотношениях русов и славян. Вероятнее всего, арабские авторы называли Русью какую-то группу восточнославянских племен, славянами же называли иногда все народы Восточной Европы, кроме византийцев и русов[246]. При этом в различное время и в зависимости от пункта, из которого наблюдал или получал сведения восточный автор, он по-разному характеризовал славян и русов. Но как авторы, различающие славян и русов, так и авторы, не могущие их различить, ясно указывают, что те и другие близки между собой и иногда сходны в обычаях, внешности и т. д.

Арабские путешественники бывали в землях хозар и булгар и знали эти народы; все же народы, жившие на запад от хозар и булгар, сливались в общем понятии славян и русов, которых путают, даже пытаясь различить. Арабские источники знают славян и русов в VIII—X вв., когда еще существовали племенные союзы славян, а в некоторых случаях (у вятичей) они еще были очень сильны. В этот период различие в нравах, обычаях, внешнем облике славянских племен было так велико, что легко было различные племена отнести к различным народам. Археология ясно показывает резкую разницу в это время не только между северо-восточными племенами и южными, но и между славянскими племенами, проживавшими в непосредственной близости друг к другу. Поэтому нет ничего удивительного в противоречивых сведениях арабских путешественников. Если Ибн-Хардадбех плохо знает и славян, и русов и смешивает тех и других, то Ибн-Русте, говоря о русах, вероятно, имеет в виду Южную Русь, единственно известную его источнику. Ал-Истахри и ал-Масуди уже отличают Русь, под которой они понимают восточнославянские земли, от славян западных.

Источником традиции ал-Истахри — Ибн-Хаукаля был какой-то путешественник, побывавший в Булгаре и там узнавший о трех племенах русов, под которыми, очевидно, подразумеваются все восточные славяне. Он знает очень мало о славянах, но помещает их где-то на восток от внутренних болгар (дунайских). Русы являются восточными соседями славян. Из трех славянских племен он лучше всего знает ближайшую к Булгару Артанию и поэтому о ней говорит подробнее, чем о других. И все же даже об этом племени он знает очень мало, и его сведения не точны. Арабские купцы там не бывали, не рискуя отправляться в этот опасный и загадочный

критических взглядов И. Хрбека и Х. Грегуара (как они сформулированы последним в статье: H. Gregoire. «Le Glozel khazare». Bizantion, 1937, 12, стр. 225—260), то зависимость «хозарской переписки» от арабских источников не лишает значения содержащиеся в ней географические указания.

[243] Ибн-Даста. Ук. соч., стр. 28.

[244] Ф. Вестберг. Ук. соч., стр. 19, 20.

[245] А. Г. Туманский. Ук. соч., стр. 135. Арабское слово madina может быть переведено и «город», и «страна», и «территория»; см. C. Kowalski. Relacjia Ibrahima ibn Jaquba z podorózy do krajów slowiańskich. Kraków, 1946, стр. 93.

[246] Так, например, Ибн-Фадлан обозначает термином «сакалиба», обычно принятым арабскими географами для обозначения славян, все северные народы (K. Czeglédy. Zur meschheder Handschrift von Ibn-Fadlan's Reisebericht. Acta Orientalia Hungarica. Budapest, 1952, Bd. 1, H. 2-3, стр. 231.

край. Ал-Истахри пишет: «Что же касается Арты, то мы не припоминаем, чтоб кто-нибудь из иностранцев странствовал там, ибо они убивают всякого иноземца, вступившего на их землю». Самая эта легенда показывает, что автор ее никогда в землях русов не бывал. Возникновение этой легенды неясно. Может быть, прав П. С. Савельев, который предполагал, что слухи об убийстве чужестранцев нарочно распускались булгарами, чтобы не допустить арабских купцов в русские земли и сохранить в своих руках все выгоды транзитной торговли [247].

Какой самый главный факт для истории Восточной Европы можно извлечь из сообщений восточных писателей IX—X вв. при современном состоянии источников? Факт деления восточного славянства на три части. Три ли города, три ли племени, три ли государства имели в виду арабские путешественники,— они ясно усвоили, что русы или,— что, по-видимому, для традиции ал-Истахри — Ибн-Хаукаля одно и то же,— восточные славяне делятся на три группы племен. И, как можно установить из сопоставления географических данных, одна из этих трех групп живет на Оке. На Верхней Оке в VIII—IX вв. и на Средней Оке, начиная с X в., жили вятичи. Таким образом, остается предположить, что, говоря об Артании, арабы подразумевали вятичский племенной союз, а может быть, и начавшее образовываться государство. Ведь неясно, что имели в виду путешественники, говоря о царях русов,— племенных вождей или выделившихся уже местных князей, таких, каким был позже у вятичей Ходота. Что касается фонетики слова Артания, то его созвучие с «Эрзянией» и созвучие последней с Рязанью могут представлять два самостоятельных явления. Если даже город Арта — это не Старая Рязань, мы все же можем помещать страну или область Артания на р. Оке, где жила мордва-эрзя и где также обитали вятичи и проходили направлявшиеся на Восток, в Булгар, вятичские купцы.

Почему же славянское племя вятичей было названо Артанией? Вероятнее всего, как и предполагал А. Я. Гаркави [248], это результат недоразумения. Близость земли эрзи к земле вятичей послужила причиной этой путаницы. Рассуждение об угорском (мы бы сказали — «чудском») происхождении слова «Артания» только подтверждает это предположение. Арабы в земле вятичей не бывали, но вели с ней оживленную торговлю — об этом свидетельствуют клады дирхемов на Оке. Возможно, что они встречались с вятичами в Булгарии и здесь получили информацию о стране Артании.

Вообще при отсутствии государственных границ, при отсутствии политических или религиозных препятствий к смешанным бракам в эпоху, о которой идет речь, очень часто бывает трудно по этнографическим описаниям или археологическим данным определить этническую принадлежность населения той или иной территории в областях, где встречались и тесно соприкасались представители разных племен. Именно такой областью было среднее течение Оки. Несмотря на то, что этнографические описания русов и их обычаев, данные Ибн-Фадланом, стали классическими и по ним мы представляем себе «русов» X в., все же его сообщения доныне недостаточно комментированы с точки зрения исторической и археологической. Если недавно изданный труд А. П. Ковалевского [249] подводит итог филологических и источниковедческих исследований книги Ибн-Фадлана, то исторические выводы на основании этой книги во многих случаях предстоит еще сделать.

---

[247] П. С. Савельев. Ук. соч., стр. CXVIII.

[248] А. Я. Гаркави. Ук. соч., стр. 276.

[249] А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.

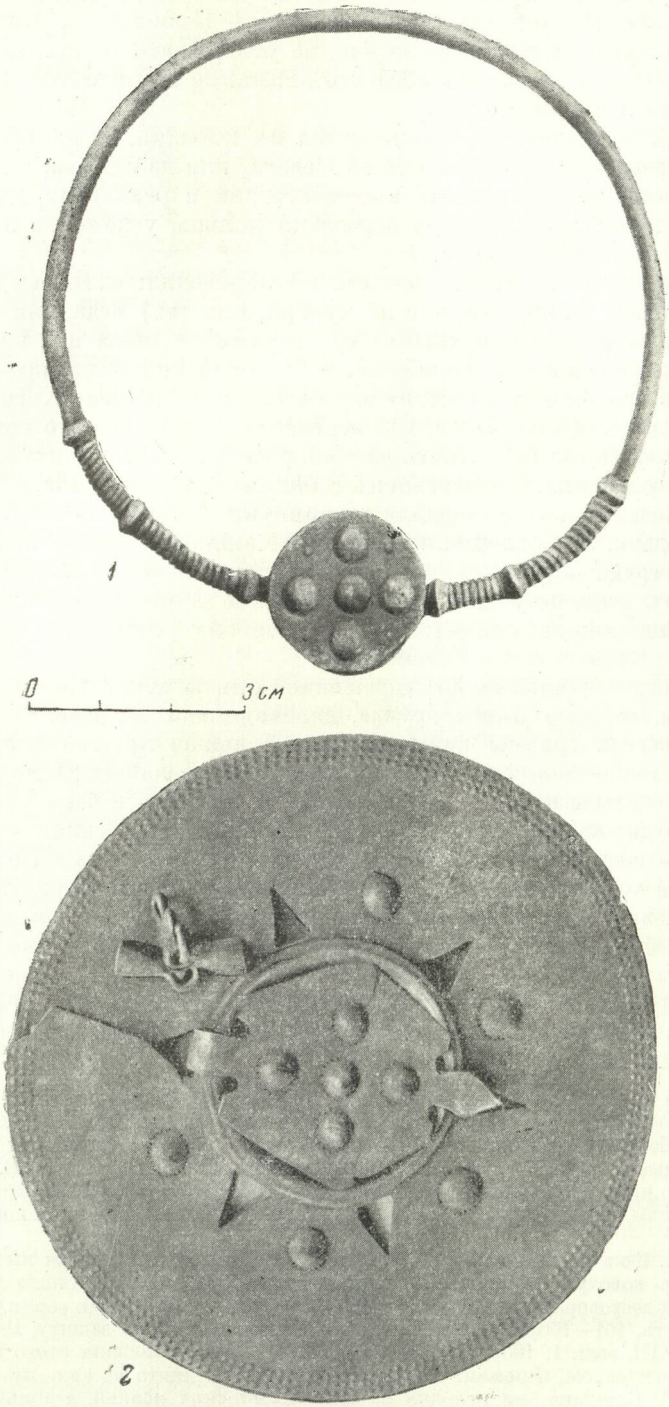


Рис. 40. Шатрищенский могильник (КРОМ, № 200).

1 — гривна с низкой коробочкой; *2* — нагрудная бляха-застежка в виде низкой коробочки с крышкой.

Я не берусь судить о том, кто такие купцы-русы, которых видел Ибн-Фадлан и описал похороны одного из них [250]. Возможно, что это славянские купцы, может быть, даже вятичи, но утверждать это нет достаточных оснований. Однако нельзя не обратить внимание на описание одной детали убранства женщин русов.

Ибн-Фадлан пишет: «А что касается их женщин, то на (каждой) их груди прикреплена коробочка или из железа, или из серебра, или из меди, или из золота, или из дерева в соответствии с размерами (денежных) средств их мужей. И у каждой коробочки кольцо, у которого нож, также прикрепленный на груди» [251].

В издании 1939 г. А. П. Ковалевский переводил: «...На груди ее прикреплено кольцо из железа, или из серебра, или (из) меди, или (из) золота в соответствии с (денежными) средствами ее мужа и с количеством их. И у каждого кольца коробочка...» [252], но решил исправить, так как у Йакута в первом случае стоит коробочка, а не кольцо. Хотя в 1939 г. А. П. Ковалевский колебался, как перевести, и замечал, что «окончательно этот вопрос могла бы решить археология» [253], он не посчитался с археологией и «исправил», посчитавшись с ошибкой переписчика. Окончательно А. П. Ковалевского утвердили в принятии «поправки» тексты А. Рази и Н. Хамадани. У последнего сказано: «Каждая женщина имеет привязанную на груди коробочку, золотую или деревянную, и каждая коробочка сделана в виде кружка» [254]. Но последнее слово в персидском тексте Н. Хамадани может означать «круг», «обод», «обруч», «окружность», «кольцо».

Археологи хорошо знают украшение, описываемое Ибн-Фадланом,— это гривны, «ободы» или «обручи», надевавшиеся на шею. В некоторых случаях посреди гривны прикреплялась большая круглая бляха, иногда сделанная в виде полой внутри коробочки. При больших размерах гривны коробочка оказывалась на груди. Вероятно, изредка и сама гривна носилась на груди; во всяком случае, в нескольких погребениях гривны найдены не на шее, а на груди. С трудом объясняемый текст Ибн-Фадлана, прошедший через руки десятков переписчиков, не знавших вещей, которые описывал автор, и потому перепутавших их описание, в данном случае может быть понят именно так. Гривны бывают железные, медные и серебряные; золотых не найдено. Их несколько типов, один из них — «с круглой бляхой в виде низкой коробочки» [255] (рис. 40). Такие гривны найдены в Кошебеевском, Борковском и Кузьминском могильниках. Вне

---

[250] Спор о этнической принадлежности русов Ибн-Фадлана ведется уже свыше 130 лет, со времени опубликования Х. Френом первого перевода. Из старых трудов отметим работу А. Котляревского («О погребальных обычаях языческих славян». М., 1868), убедительно доказывавшего, что русы — это славяне; статью В. В. Стасова («Заметки о русах Ибн-Фадлана». ЖМНП, ч. CCXVI, 1881, стр. 281—315), считавшего, что это финны, и указанную выше книгу П. С. Савельева, доказывавшего, что это норманны.

[251] А. П. Ковалевский. Ук. соч., стр. 141. Еще А. А. Спицын высказывал недоумение по поводу «мифических нагрудных коробок» или «ладанок» у жен русов («О степени достоверности «Записки» Ибн-Фадлана». ЗРАО, новая серия, т. XI, вып. 1 и 2, 1899, стр. 161—166). Ему возражал В. Тизенгаузен («В защиту Ибн-Фадлана». ЗВРАО, т. XIII, вып. 1, 1900, стр. 24—32), ссылаясь на толкование этого места у Ибн-Фадлана Расмусеном, Френом, Савельевым и т. д. Но никто из них, не исключая и самого А. А. Спицына, не исходил из археологических реалий, а только из самого текста, затемненного неточной перепиской и спорным переводом.

[252] «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу». М.— Л., 1939, стр. 78.

[253] Там же, стр. 134, прим. 796.

[254] А. П. Ковалевский. Ук. соч., стр. 238, прим. 692.

[255] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР № 25, 1901, табл. XVII, *11*; Альбом древностей мордовского народа. Саранск, 1941, стр. 81, 82 и 127, 128.

территории рязанских могильников такие гривны не встречаются. Следует предположить, что женой руса, которого видел Ибн-Фадлан, была женщина-мордвинка, вероятно, эрзянка, т. е. пришедшая в Булгар из той самой загадочной земли Артании или Арсании, о которой сообщают другие мусульманские писатели.

Описание остальных деталей наряда у Ибн-Фадлана не противоречит этому выводу. Он пишет о ноже, прикрепленном на груди у женщин. Хотя нож не являлся обязательной частью наряда женщин, живших в начале X в. на среднем течении Оки, но его часто носили женщины. Почти в одной трети женских погребений Борковского, Кузьминского и Шатрищенского могильников обнаружены ножи. Как правило, они встречаются у пояса или таза, но иногда и на груди.

Посмотрим, что дальше пишет Ибн-Фадлан о женщинах русов: «На шеях у них мониста из золота и серебра, так что если человек владеет десятью сысячами дирхемов, то он справляет своей жене один (ряд) мониста, а если владеет двадцатью тысячами, то справляет ей два (ряда) мониста, и таким образом каждые десять тысяч, которые он прибавляет к ним (дирхемам), прибавляют (ряд) мониста его жене, так что на шее иной из них бывает много (рядов) монист.

Самым великолепным украшением (считаются) у них (русов) зеленые бусы из той керамики, которая бывает на кораблях. Они делают (для приобретения их) исключительные усилия, покупают одну такую бусину за дирхем и нанизывают (их) в качестве ожерелий для своих жен» [256]. Действительно, «разнообразные шейные ожерелья составляют одну из любимейших частей женского наряда (населения, оставившего Борковский, Кузьминский и им подобные могильники). Главное место в их составе занимают бусы, но встречаются ожерелья и без них» [257]. Но ожерелья без бус сравнительно редки и никогда не бывают золотыми. Вообще упоминание о золотых украшениях у Ибн-Фадлана, возможно, относится к области преувеличений, так же как и рассказ о том, что каждые 10 тыс. дирхемов позволяют купить одно ожерелье и что некоторые владеют несметными богатствами свыше 30 тыс. дирхемов. Это, очевидно, заметил еще в XVI в. А. Рази. Заменив «дирхемы» Ибн-Фадлана «динарами», А. Рази сократил в десять раз цифры, так как получались уж очень большие суммы [258].

Сомневаясь в том количестве дирхемов, накопление которого якобы отмечалось надеванием еще одного ожерелья, все же поверим Ибн-Фадлану в том, что такой обычай существовал. О каких же все-таки ожерельях (монистах) идет речь? Думаю, что не только о монистах [259], а о тех же шейных гривнах, делавшихся часто из серебра, без всяких коробочек, и носившихся женщинами по нескольку штук. А. П. Ковалевский по поводу своего перевода слова «монисто» замечает, что то же слово «переводить «обруч» или «шейное кольцо» формально можно, но, по-моему, нет особого основания» [260]. Есть достаточно оснований именно так переводить, потому что, во-первых, «шейное кольцо» или гривна достаточно хорошо известны в археологических реалиях, относящихся к этому времени и области, о которой говорит Ибн-Фадлан. Во-вторых, нужно думать, что

---

[256] А. П. Ковалевский. Ук. соч., стр. 141.

[257] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы, стр. 34.

[258] А. П. Ковалевский. Ук. соч., стр. 239, прим. 697.

[259] Ожерелья из дирхемов археологам хорошо известны. Одна из последних находок: ожерелье из сердоликовых бус, чередующихся с серебряными дирхемами (907—954 гг.), обнаруженное в Саркеле. М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа, стр. 54, рис. 34 б.

[260] А. П. Ковалевский. Ук. соч., стр. 239, прим. 696.

в рассказе Ибн-Фадлана сохранилось известие о том, как отливались гривны. Чтобы подарить своей жене гривну, рус должен был не только быть богатым, но его богатства должны были быть не в каких-либо иных ценностях, а только в дирхемах, которые нужно было вручить ремесленнику в качестве сырья для отливки серебряных гривен.

Что же касается бус, которые привозят на кораблях, то, по-видимому, А. П. Ковалевский неправильно переводит это место. Т. Левицкий считает, что в Мешхедской рукописи и некоторых других ошибочно написано вместо al-charaz, что по-арабски означает «бусы из самоцветов или цветного стекла», графически близкое al-charaf, что по-арабски означает «глиняные изделия», «керамика». Правильное написание дано в Копенгагенской рукописи труда Йакута. Основываясь на подробном анализе этого места в книге Ибн-Фадлана, Т. Левицкий предлагает читать: «Самым великолепным украшением они считают зеленые бусы из числа тех бус, которые бывают на кораблях» [261].

Стеклянные бусы были широко распространены в славянских странах; много их также в рязанских и муромских могильниках. Правда, зеленые не составляют большинства, гораздо больше бус, например, красного цвета; кроме того, вряд ли зеленые бусы были самыми дорогими, но популярность этого украшения в Восточной Европе несомненна. Что же касается сообщения о том, что эти бусы привозились на кораблях, то, по всей вероятности, они, действительно, привозились,— по крайней мере, в X в.,— преимущественно из стран восточного халифата, где производились в первую очередь в Антиохии, Тире и Александрии. Тогда они шли на Русь главным образом через Багдад и Рей по Каспийскому морю и Волге и продавались на булгарском рынке. Финские женщины, как и славянские, ценили это украшение.

Делая вывод, что женщина, наряд которой описывает Ибн-Фадлан, происходит из финских племен Окского бассейна, я далек от мысли, что все женщины русов или их мужья — тоже финны. Ибн-Фадлан мог описать костюм одной из них, распространив это описание на всех: эта женщина была женой руса, но не славянкой. Возможно, что описанный Ибн-Фадланом костюм женщины — это костюм рабыни, ставшей женой руса. Эта рабыня была куплена или захвачена на Оке. Рабы, которых называет в числе объектов торговли Артании Ибн-Хаукаль, вероятно, принадлежали к чудским племенам.

Обычай трупосожжения, как указывалось выше, не был первоначально свойствен финно-угорским племенам на Оке. Он, видимо, занесен сюда славянами. Но наряд женщин, которых видел Ибн-Фадлан, свидетельствует о том, что он в Булгаре встречался с людьми, которые приходили с Оки, что этим путем, вероятно, достигло ушей арабских путешественников и географов известие о трех племенах, на которые делится Русь.

Таким образом, наиболее существенный для нашего исследования вывод из сопоставления арабских источников заключается в том, что они указывают на Оку как на важнейшую водную магистраль в Восточной

---

[261] T. Lewicki. O cenach niekotórych towarów na rynkach Wschodniej Europy w IX—XI w. Kwartalnik historii kultury materialnej. Warszawa, 1953, № 1-2, стр. 118. Любопытное свидетельство содержится в рукописи еврейского ученого, жившего в первой четверти XII в. во Франции,— Иозефа Кара. Комментируя Библию, он объяснял некоторые слова из славянского языка, в том числе — слово «монисто»: «...Это цветные бусы (драгоценные) зеленые и красные, нанизанные на одну нить. Женщины носят их на шеях» (F. Kupfer, T. Lewicki. Źródła hebrajskie do dziejów słowian i niekotórych innuch ludów Środkowej i Wschodniej Europy. Wrocław — Warszawa, 1956, стр. 111). Именно зеленые и красные бусы были наиболее распространенными в Восточной Европе и в славянских землях, что хорошо известно и по археологическим данным.

Европе, и в том, что их авторы считали вятичей, часть которых позже вошла в состав Рязанского государства, одним из трех главных славянских племен и помещали их на Оке.

Откуда взялась арабская легенда о трех племенах и о трех центрах древней Руси? Имеет она какую-либо историческую почву или относится к досужим выдумкам древнего путешественника?

Уже давно историки, археологи, антропологи и языковеды пытаются установить факт распадения восточных славян еще до летописной поры на три группы племен. Так, А. А. Спицын по археологическим данным группировал: 1) новогородцев и кривичей, 2) древлян и волынян, 3) северян, радимичей и вятичей [262]. Историк В. А. Пархоменко, привлекая данные смежных наук, доказывал восходящее в глубокую древность триединство восточного славянства [263]. Ю. Д. Талько-Грынцевич разделил восточно-славянские племена на три группы по антропологическим данным [264]. Этнографо-антропологические наблюдения Е. М. Чепурковского констатировали три основных типа в населении Европейской России: «валдайца», «рязанца» и «малоросса» [265].

Три группы восточнославянских племен намечались А. А. Шахматовым путем анализа истории образования русских наречий. По А. А. Шахматову, еще до IX в. сложились три старых диалектических группы русского языка: северная (наречие словен, кривичей и полочан), южная (наречие полян, древлян, северян) и восточная (наречие вятичей). Позже появившаяся новая диалектическая группа великорусская делится на северо- и южновеликорусов. Южновеликорусы соответствуют восточноруссам, т. е. в прошлом вятичам [266].

Точка зрения А. А. Шахматова оспаривается сейчас диалектологами, которые указывают на искусственность выделения им трех этнических и диалектных групп и на необходимость учитывать, что современные говоры являются непосредственным продолжением говоров поздней феодальной формации, а частично даже позднейшей капиталистической, а не восходят прямо к племенным диалектам доисторической эпохи [267]. Однако и критики теории А. А. Шахматова не могут не признать, что многие современные диалектные различия внутри одного языка своими корнями уходят в эпоху дофеодальную. Речь идет, главным образом, о том, что самые языковые черты, на основании которых А. А. Шахматов выделил группы древних восточнославянских наречий, не могут служить для этого достаточным основанием.

---

[262] А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. ЖМНП, 1899, август.

[263] В. А. Пархоменко. У истоков русской государственности. Л., 1924.

[264] Хотя выводы Ю. Д. Талько-Грынцевича («Опыт физической характеристики древних восточных славян». Статьи по славяноведению, изд. Академии наук, СПб., 1910, вып. III, стр. 66, 109—111, 123, 124 и др.) основаны на несколько искусственной классификации (см. Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, стр. 195), мне кажется, что можно спорить лишь о группировке племен, предложенной им, самый же факт распадения восточного славянства на три группы по антропологическим данным подтверждается позднейшими исследованиями.

[265] Е. М. Чепурковский. Географическое распределение форм головы и цветности крестьянского населения Великороссии. Труды антропологич. отдел. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. 28, вып. II, 1913.

[266] А. А. Шахматов. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей ЖМНП, 1899, апрель; его же. Введение в курс истории русского языка. Пгр., 1916.

[267] Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах. Вестник МГУ, 1947, № 9; его же. Проблема образования языка русской (великорусской) народности. «Вопросы языкознания», 1955, № 5; П. С. Кузнецов. Русская диалектология. М., 1954.

Не решаясь вмешиваться в спор лингвистов, мы все же полагаем, что гипотеза А. А. Шахматова о трех группах восточнославянских племен, хотя и не доказанная, а в части своих исходных данных даже опровергнутая, несмотря на это, не должна быть целиком отброшена и подлежит еще дальнейшему рассмотрению [268].

Если мы обратимся к данным этнографии, то увидим ту же возможность выделить три группы древних восточнославянских племен. Судя по картам Русского историко-этнографического атласа, над составлением которого работает Институт этнографии Академии наук СССР, при картографировании различных элементов одежды, и притом древнейших ее типов, четко выделяются три этнографических области: 1) днепровская, 2) окская, 3) ильменская или новгородская [269].

Конечно, приведенные выше мнения разных ученых по вопросу о группировке восточнославянских племен очень спорны и подлежат серьезному критическому анализу. В нашу задачу в данном случае такой анализ не входит. Я хотел лишь обратить внимание на то, что сообщение восточных писателей о трех племенных группах или о трех центрах Руси в какой-то мере совпадает с данными истории русского языка, антропологии и этнографии. Это позволяет предполагать, что вследствие каких-то сложных исторических процессов в период разложения родового общества восточнославянские племена составляли три больших группы, давшие общность языковых явлений, общность антропологического типа и общность исторических связей. Сообщения арабских географов — не выдумка, они были связаны с реальной действительностью.

Есть все основания полагать, что племя вятичей — или, вернее, вятичский племенной союз — сыграло важную роль в исторических судьбах Восточной Европы, и не случайно на него было обращено внимание восточных писателей как на одну из важнейших племенных групп, как на один из центров Руси.

Вятичи — современники арабских источников IX в.— начала X в. жили на верховьях Оки и Дона; лишь к концу X в. они колонизовали территорию среднего течения Оки. Только авторы конца X в. или XI в. могли бы упоминать русов, живущих по среднему течению Оки. Но XI в.— время ослабления связей Восточной Европы с арабо-персидским миром. Восточные писатели XI в. ал-Бекри и Гардизи для описания славяно-русских земель пользовались источниками первой половины X в. и не знали об исторических сдвигах, происшедших в расселении славянских племен, не знали о том, что вятичи передвинулись на территорию чудских племен по среднему течению р. Оки.

С какими же современными народами или упоминаемыми в письменных источниках племенами могут быть связаны известные нам археологические памятники I тысячелетия н. э. в бассейне среднего течения р. Оки?

---

[268] Совершенно не обязательно при этом принимать во внимание ту часть гипотезы, которая предполагает, что три группы диалектов непосредственно предшествовали трем современным восточнославянским языкам. Эта часть гипотезы А. А. Шахматова, по-видимому, целиком опровергнута современной наукой.

[269] Н. И. Лебедева и Г. С. Маслова. Русская крестьянская одежда XIX в.— начала XX в. как материал к этнической истории народа. СЭ, 1956, № 4, стр. 18—31. См. также карты, приложенные к статье Г. С. Масловой,— «Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX в.— начале XX в.». Восточнославянской этнографический сборник. Труды Института этнографии, новая серия, т. XXXI, 1956, стр. 543—757.

XII

Славянская колонизация и местное население. Этническая принадлежность населения, оставившего городецкие городища и рязанские могильники. Мордва, мурома и мещера. Мещерские древности. Два колонизационных потока — кривичи и вятичи. Судьба населения боршевских городищ. Доказательства колонизации вятичами бассейна среднего течения р. Оки: обряд погребения, керамика, жилища, височные кольца, данные письменных источников. Граница между вятичами и кривичами. Данные диалектологии для реконструкции областей расселения вятичей и кривичей. Взаимоотношения славян и древнего населения Рязанской земли.

Мнение всех исследователей, имевших дело с чудскими могильниками I тысячелетия н. э., сходится на том, что последние преемственно сменяются на территории Западного Поволжья могильниками позднейшего времени (XIII—XVII вв.), в отношении которых нет сомнения в возможности относить их к той или другой из современных народностей — мордве, марийцам и т. д. Но собственно рязанские могильники, т. е. могильники по среднему течению Оки, исчезают в X в. Поэтому здесь проследить такую непосредственную преемственность не представляется возможным. По топонимическим данным можно предположить, что древним населением в бассейне рязанского течения Оки была мордва-эрзя.

На основании данных топонимики, прежде всего, названий рек М. Фасмер попытался обрисовать границы мордовских поселений в период до русской колонизации. Он считает, что на севере и востоке языковую границу составляет Волга. Восточнее Средней Волги нет мордовской топонимики. На запад поселения распространяются по Оке до Тульской области. Южная граница доходит до Воронежской области [270]. Другие исследователи также подчеркивают, что хорографические названия правого берега Оки представляют ряд наслоений, в значительной степени обнаруживающих мордовский элемент [271]. По-видимому, ближайшим соседом окской мордвы на востоке было родственное ей племя — мурома [272].

Наиболее устойчивыми этническими признаками являются племенные наряды и украшения. Сравнивая наряды и украшения из рязанских могильников с находимыми в могильниках на территории современной эрзи, мы не можем установить непосредственное сходство. Могильники мордвы-эрзи — Коринский (в окрестностях Арзамаса, Горьковской области) XII—XVI вв., Погибловский (там же) VII—VIII вв., Перемчалкинский (в 18 км от г. Лукоянова, Горьковской области) IX—X вв., Сарлейский (в Терюшевском районе, Горьковской области) XII—XVIII вв.[273] и др.— террито-

[270] Max Vasmer. Ausbreitung der Mordwinen vor der russischen Kolonisation. Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Bd. XXI, 1935, стр. 271; его же. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung. Preussische Akademie der Wissenschaften. Vorträge und Schriften, № 5, Berlin, 1941, стр. 29. М. Фасмер пользуется ограниченным количеством характерных для мордвы речных названий: «лей» — река, «иов» — река, «ер» — озеро и т. п., не привлекая так называемых «речных суффиксов», которые, как выше сказано, трудно отнести к какой-нибудь семье ныне существующих языков.

[271] С. К. Кузнецов. Русская историческая география. М., 1910, ч. 1.

[272] А. Е. Алихова. Мордва и мурома. КСИИМК, вып. XXX, 1949.

[273] Археологический сборник, I (под ред. Ю. В. Готье). Саранск, 1948.

риально очень отдалены от Рязани. Нужно учесть, однако, что известные могильники открыты случайно, так как они бескурганные, и их трудно найти. Кроме того, эрзя, вытесненная со своих первоначальных мест поселения и теснимая в течение веков, ушла далеко от этих мест. Поэтому удаленность современной эрзянской территории от Рязани и отсутствие промежуточных могильников само по себе не могут служить препятствием к признанию населения, оставившего рязанские могильники, древней эрзей. Другое дело, что для ранних эпох мы еще не можем выделить племенные признаки отдельных чудских племен. Так, четкие признаки, разделяющие мордву-эрзю и мордву-мокшу, относятся только к XII в. [274]

Чудские древности VII—XI вв., в особенности когда к нам в руки попадают лишь отдельные вещи и мы не знаем целиком убора и обряда погребения,— лишь в отдельных случаях позволяют решить вопрос, с каким племенем мы имеем дело — мордвой, муромой, мерей и т. д. [275] В вещах, найденных на городище Старой Рязани, есть ряд типов, которые можно связывать с мордвой, но все же они не характерны только для мордвы-эрзы. Более важно, что в самом названии Рязани сохранилась ославяненная форма названия племени эрзя. Любопытным этнографическим фактом, отчасти подтверждающим местопребывание эрзи в прошлом по среднему течению Оки, является то, что так называемый «эрзянский шов», встречающийся в вышивках мордвы, отмечен у русских Спасского и Михайловского уездов Рязанской губернии [276]. Если мы не располагаем достаточными археологическими данными для того, чтобы решить, какую ветвь мордовского народа представляли племена, оставившие нам рязанские могильники, то никакого сомнения не вызывает их связь с мордвой в целом. Ряд элементов племенного наряда мордвы представлен в инвентаре рязанских могильников [277]. Возможно, что во времена рязанских могильников этнографические и языковые различия, позволяющие отделять мордву-эрзю от мордвы-мокши, еще не существовали.

В X в. древнее мордовское население исчезает в районе среднего течения Оки и в то же время здесь появляется славянское население. Несколько дольше сохраняются муромские могильники, заканчивающие свое существование лишь в XI в. В XI в. (стадия G, по П. П. Ефименко) инвентарь

[274] А. Е. Алихова. Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I и начала II тысячелетий н. э. СА, 1958, № 2, стр. 66—77. А. Е. Алихова пытается разделить эрзянские и мокшанские могильники I тысячелетия н. э. только по одному признаку — по различию в ориентировке погребенных, на основании аналогии с могильниками II тысячелетия н. э., в которых для мокши характерна южная ориентировка умерших, а для эрзи — северная. По украшениям и остальному инвентарю могильников I тысячелетия пока не удается выявить племенные отличия. По ориентировке погребений эрзянскими признаются могильники Серповский, Старший Кужендеевский, Погибловский, Перемчалкинский. Правильная характеристика племенных отличий эрзи и мокши, прослеживаемых в обряде погребения, головном уборе и украшениях в могильниках XII—XVII вв., дана П. Д. Степановым в работе «К вопросу о происхождении мордовских племен — мокши и эрзи». Ученые записки кафедры истории СССР Саратовского гос. ун-та, вып. XXII, 1956, стр. 143—170.

[275] А. Е. Алихова (ук. соч., стр. 68) по присутствию в женских захоронениях ряда могил типичной для мордвы спиральной височной привески с грузиком связывает с древней мордвой группу могильников первых веков нашей эры, в том числе расположенный в Рязанской области Польно-Ялтуновский могильник на р. Цне (Шацкий район, раскопки А. Е. Алиховой 1945 г. Материал хранится в ИА).

[276] Н. И. Лебедева и Г. С. Маслова. Ук. соч., стр. 30.

[277] Наиболее типичны шумящие привески. Начало свое они получают в VII—VIII вв., наибольшего развития достигают в IX—XI вв., после чего начинают вымирать и в XIV в. исчезают из быта, постепенно заменяются бусами, бисером, раковинами и кисточками из шерстяных и шелковых ниток. В современных мордовских нагрудных украшениях следует видеть выродившиеся шумящие подвески. См. В. В. Гольмстен. Хронологическое значение эволюции древних форм. Изв. Самарского гос. университета, вып. 5, 1923, стр. 7.

муромских могильников беднеет и становится сходным с инвентарем русских курганов XI в.[278] То же изменение типов вещей в процессе славянизации хорошо прослеживается в могильниках, которые могут быть связаны с древней мещерой[279].

Археологические данные не позволяют еще пока дать карту расселения древних племен — предшественников славян на Оке. Но мы уже имеем общее представление об этом. Составитель «Повести временных лет» знал о племенных различиях этих племен, но о их географическом положении имел только общее представление. «А по Оке реце, где втечеть в Волгу, мурома язык свой, и черемиси свой язык, мордва свой язык»[280]. Только о муроме говорится, что они «перьвии насельници» в городе Муроме[281]. Летопись ничего не говорит о мещере, и следы этого племени в северных районах Рязанской области, а также во Владимирской области прослеживаются по топонимическим данным, по актам и данным археологическим.

Ранние летописцы совершенно не упоминают мещеру. В поздних редакциях слово «мещера» вводится в старый текст «Повести временных лет» как название племени наряду с мордвой и муромой. При этом в большинстве списков мещера заменяет собой черемис в той фразе, где перечисляются народы, живущие на Оке. Это дало повод некоторым исследователям, в том числе Б. А. Куфтину, предположить, что поздние летописцы и переписчики внесли в летопись новую народность — мещеру — по названию края. Топографическое имя было переделано в название народа, так как желали исправить летописца и поместить на место черемис, которые в XV в. здесь уже не жили, другой народ[282]. Независимо от справедливости этого предположения остается археологически устанавливаемый факт существования какого-то чудского племени, выделяемого по племенному наряду в северных районах Рязанской земли. Это не меря и не мордва. Мы можем его условно называть мещерой[283] вне зависимости от самоназвания племени. Мещера, по-видимому, разговаривала на одном из диалектов мордовского языка, отличавшегося от других, так же как и сейчас язык эрзи отличается от языка мокши[284]. Описывая один из казанских походов, А. М. Курбский говорит: «А нас послал тогда (Иван Грозный) с тремянадесять тысящ люду через Рязанскую землю и потом через мещерскую, иде же есть мордовский язык»[285].

Современная мещера — это русское население, имеющее мало общего с древним населением края. Однако открытые в Мещерской стороне могильники, в частности Заколпский могильник (Меленковского уезда,

---

[278] П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья в I тысячелетии н. э. по археологическим источникам. СА, II, 1937, стр. 55.

[279] А. Иванов. Пустошенский могильник. Труды Владимирского обл. музея, вып. I, 1925.

[280] ПВЛ. М.—Л., 1950, стр. 13.

[281] Там же, стр. 18.

[282] Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры, ч. 1. М., 1926.

[283] И. Миккола полагает, что мордовская форма названия мещеры meškär означает «пчеловоды», каковыми и были, по его мнению, мордвины («Finnisch-Ugrische Forschungen», Bd. XV, Helsingfors, 1915, стр. 62).

[284] Общеизвестно, что эрзянин и мокшанин, если они не из соседних деревень, не в состоянии понять друг друга и прибегают для объяснения к русскому языку.

[285] Н. Г. Устрялов. Сказания князя Курбского, ч. 1. СПб., 1883, стр. 17. Близость мещерского и мордовского языков устанавливают и языковеды. Это утверждает, например, А. И. Попов в своем «Исследовании по исторической географии и топонимике Восточной Европы» (Диссертация, Гос. библиотека СССР имени В. И. Ленина). В. Л. Лыткин расшифровывает многие названия, сохранившиеся в Мещерском крае из мордовского языка, пользуясь современным эрзянско-русским словарем. См. Н. П. Милонов. Топонимика как источник для изучения истории края. Историко-краеведческий сборник. Рязань, 1953.

Владимирской губернии) [286], вероятно, принадлежат чудской мещере. Это мнение было высказано А. А. Спицыным [287]. Заколпский могильник — поздний; по найденному в нем крестику и медальону с изображением святых он датируется XII веком, но по инвентарю он очень близок более раннему Пустошенскому могильнику (Судогодского уезда Владимирской губернии) и могильнику близ с. Жабок (Егорьевского уезда Рязанской губернии) [288], датирующимся XI веком. Местность, где расположены эти могильники, наиболее низинная часть песчано-болотистой равнины — Мещерской стороны.

В Пустошенском могильнике большинство трупоположений обращено головой на северо-запад; встречено лишь 2 трупосожжения. Но инвентарь с исключительной яркостью показывает, что могильник принадлежит чудскому населению, находившемуся под сильным влиянием славян. Процесс славянизации зашел так далеко, что типы украшений совершенно смешанные. Поразительны образцы приспособления местным чудским населением (мещерой) русских ремесленных изделий к своим вкусам, воспитанным древней традицией. Так, в Пустошенском могильнике найден пластинчатый загнутоконечный браслет [289] русского ремесленного производства, к которому на колечках привешены типичные чудские цилиндрические шумящие подвески. То же мы наблюдаем и в отношении ряда других вещей: на обычные в славянских древностях браслеты, плетенные из многих проволок, навешены для шума колечки (рис. 41, *1, 2*) [290]; к кривичским круглопроволочным височным кольцам с завязанными концами подвешены цилиндрические и ромбовидные привески и бубенчики [291]; такие же привески — на лунницах и т. п. Наряду с этими встречаются и чисто чудские типы вещей — сюльгамы, шумящие привески, и чисто славянские — пластинчатые браслеты (рис. 41, *5*; рис. 42, *1*), ажурные браслеты киевского типа [292], вятичские многопроволочные браслеты (рис. 42, *4*), бубенчики и особые местные витые из проволоки шейные гривны с конусообразными шипами на концах.

Таким образом, в Пустошенском могильнике, как и в Заколпском и близ с. Жабок, мы видим яркую картину славянизации древнего местного населения,— вероятно, мещеры,— под влиянием колонизовавших этот район кривичей. В начинающихся на север от б. Судогодского уезда кривичских курганах X—XII вв. наблюдается такая же картина славянизации мери. Границы распространения культуры мещеры при неисследованности края трудно определить. Весьма вероятно, что к этой же культуре относятся раскопанные в 1877 г. Ф. Д. Нефедовым курганы близ дер. Парахиной (рис. 2, *8*) и дер. Поповой (рис. 2, *48*) Касимовского уезда, Рязанской губернии [293]. Во всяком случае, инвентарь их весьма сходен с вещами, найденными в Пустошенском и Заколпском могильниках. Характерной особенностью являются витые гривны с конусообразными шипами на концах, браслетообразные завязанные височные кольца с нанизанными на

---

[286] Н. Е. Макаренко. Новинский и Заколпский могильники. Труды Владимирской архивной комиссии, кн. X, 1910.

[287] А. А. Спицын. К истории заселения Верхнего Поволжья русскими. Труды II Тверского областного археологического съезда, 1906, стр. 1—6.

[288] ОАК за 1893 г., стр. 31—32; Aspelin. Antiquité du Nord Finno-Ougrien. Helsinki, 1877, t. II, стр. 911—916; КРОМ, опись № 196.

[289] А. Иванов. Ук. соч., табл. III, *6*. (Это не гривна, как думает автор отчета о раскопках, а браслет).

[290] Там же, табл. VII.

[291] Там же, табл. II, *3* и др.

[292] Там же, табл. VIII, *23*.

[293] Ф. Д. Нефедов. Отчет о раскопках в Касимовском уезде. Антропологическая выставка, т. II, вып. 2. ИОЛЕАиЭ, т. XXXI, 1878, стр. 56—61.

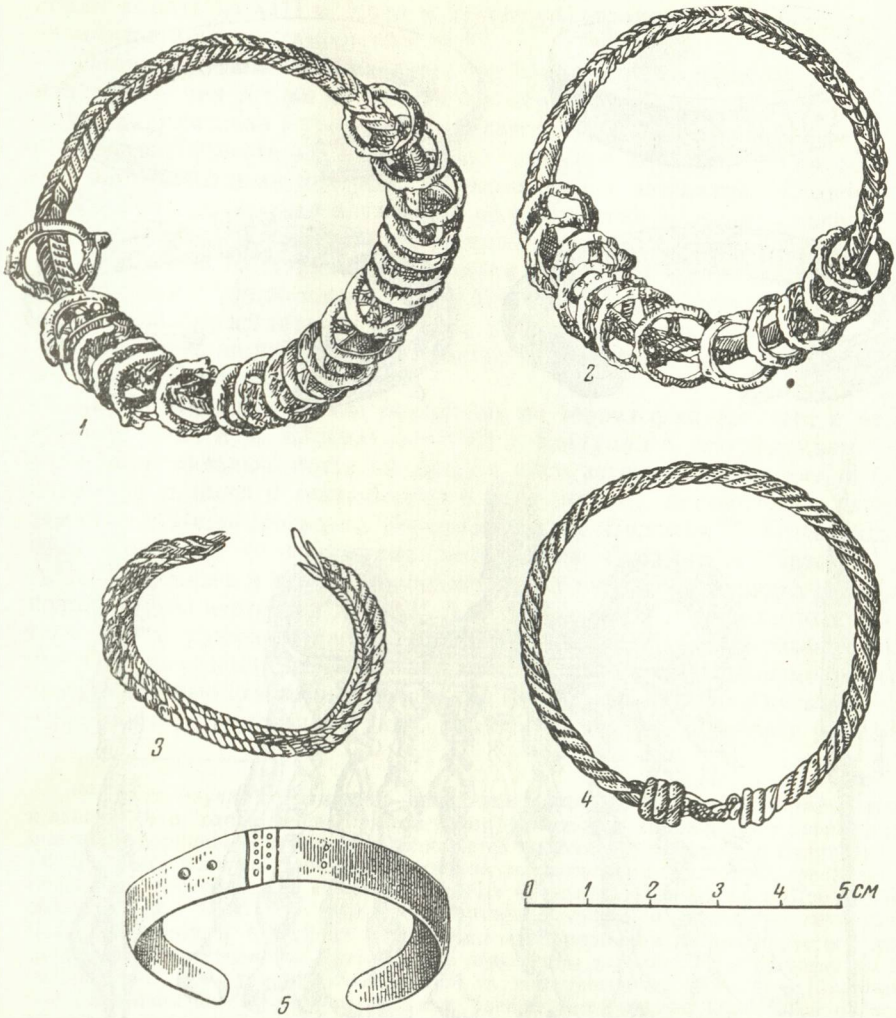


Рис. 41. Вещи из мещерских могильников. Пустошенский могильник.

1, 2 — многопроволочные витые браслеты с навешенными колечками; *3, 4* — витые браслеты; *5* — пластинчатый браслет.

них бусинами или цилиндрическими подвесками, раковины каури, трапециевидные привески поздней удлиненной формы, лунницы с трубчатыми привесками и т. п. В курганах найдена совместно, в одних комплексах лепная керамика характерного позднего мордовского типа и сделанная на кругу славянская керамика так называемого «курганного» типа, с резко отогнутым венчиком и линейным орнаментом. Примерно тот же инвентарь, что в Поповских курганах, обнаружен в Вырыпаевских курганах на р. Унже (рис. 2, *10*). К несколько более позднему времени относится курганная группа у с. Ватрениды (рис. 2, *59*) с погребениями, сопровождавшимися чудским инвентарем, в котором сказалось сильнейшее славянское влияние [294].

[294] Раскопки Н. И. Лебедевой 1925 г. и Б. А. Куфтина 1926 г. Материалы о работе краеведческой организации в Елатьме. НАРМ, № 538-1, 543-1; Синельников — Русский антропологический журнал, т. XV, вып. 3-4, 1927, стр. 192 (Хроника).

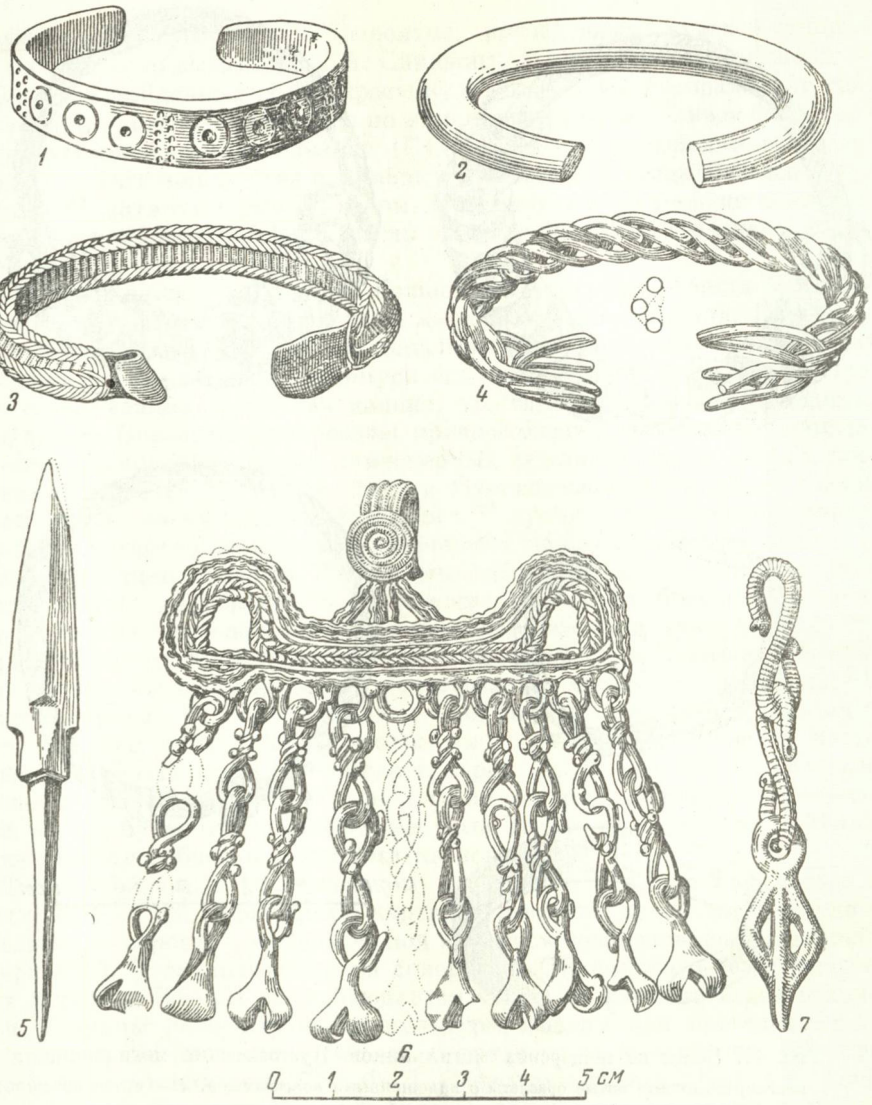


Рис. 42. Вещи из мещерских могильников. Заколпский могильник.
1—4 — браслеты; *5* — стрела; *6*, *7* — привески.

Если связывать древнюю мещеру с районом, носящим сейчас название Мещерской низменности, то она, очевидно, занимала болотистую, лесистую, неплодородную местность в бассейнах рек Цны, Пры, Поли, Гуся и Колпи. В этой местности сохранились своеобразные географические названия: реки Нинур и Дардур (приток Гуся), реки Чинур и Сентур, села Ерахтур, Салаур, Синтул, Свинчус, Ибердус, Чарус, Екшур и др. Сам город Касимов назывался Мещерским городцом. Все это заставляет предполагать, что народ мещера дал название краю, а не наоборот, как считал Б. А. Куфтин,— из топографического имени было сделано название народа. В глухих районах Мещерской стороны медленнее протекали исторические процессы и здесь удержалось этническое своеобразие местного насе-

ления вплоть до XIII в. Хотя и сильно славянизированное, оно сохранило элементы древней самобытности [295].

Очевидно, несколько быстрее, чем славянизация мещеры, но все же медленнее, чем тот же процесс в бассейне рязанского течения Оки, протекала славянизация муромы. Ряд селищ и городищ в периферии г. Мурома принадлежал местному населению — племени муроме [296]. Сам город Муром был племенным центром. Раскопки 1946 г. позволили установить, что в IX—X вв. муромская племенная среда сменилась русским населением, и муромские черты в материальной культуре города быстро исчезли [297]. Особенно яркими памятниками являются муромские могильники [298]; в XI в. они исчезли. Судя по могильникам Муромского края, кривичское население проникало сюда, главным образом, из Ростово-Суздальской земли. Поэтому в поздних погребениях муромских могильников наряду со славянскими много мерянских вещей [299].

Какова причина смены населения на территории среднего и нижнего течения Оки? А. А. Шахматов в 1907 г. выступил с утверждением, что вятичи первоначально жили на Дону и лишь позднее колонизовали Оку [300]. Затем он пришел к заключению о двух потоках колонизации Рязанской земли — с Поднепровья по Верхней Оке и с Подонья [301]. Отказавшись от предположения о поселениях вятичей на Среднем и Нижнем Дону, А. А. Шахматов и в этой последней своей работе не отрицал славянскую колонизацию верховьев Дона. В. А. Городцов высказал предположение о вытеснении мордовского населения появившимися в бассейне рязанского течения Оки вятичами [302]. Он считал, что между вятичами и финнами были крайне враждебные отношения, о чем свидетельствуют полная культурная разобщенность, отсутствие всяких аналогий в вещах. Наоборот, у восточных

---

[295] Даже изучая современное население Мещерского края, этнографы приходят к выводу, что, хотя в вещественной культуре мещеры превалируют славянские элементы, совершенно явственно наблюдается наличие туземных, неславянских черт. (М. Д. Малинина. Вопросы изучения материальной культуры северной части Рязанской губернии. Сб. «Культура и быт населения Центральной Промышленной области». М., 1929, стр. 120—126). Таковы выводы и новейших исследований Н. И. Лебедевой. Б. А. Куфтин не находил в материальной культуре русской мещеры следов финского элемента. Интересные результаты дала работа этнографов Б. А. Васильева и Н. И. Лебедевой в 1950—1951 гг., обследовавших Шацкий и Конобеевский районы Рязанской области и смежные районы Пензенской, Тамбовской областей и Мордовской АССР. Здесь обнаружились элементы материальной культуры, характерные для заокской мещеры. В ряде случаев установлено, что носители этой культуры переселились в XVI в. из северных районов Рязанской области. См. Н. П. Милонов. Топонимика как источник для изучения истории края. Историко-краеведческий сборник. Ученые записки Рязанского гос. педагогического института, № 11 1953.

[296] Е. И. Горюнова. Итоги работ Муромской экспедиции. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950. А. Ф. Дубынин. Археологическая экспедиция Ивановского гос. педагогического института. Ученые записки Ивановского гос. педагогического института, т. III, 1952.

[297] Н. Н. Воронин. Муромская экспедиция. КСИИМК, вып. XXI, 1948.

[298] Подробно изучены В. А. Городцовым, А. А. Спицыным и П. П. Ефименко. Корниловский, Ефановский, Перемиловский и Максимовский могильники описаны Ф. Я. Селезневым («Культура финнов Средней Оки». Труды Владимирского областного музея, вып. II, 1926). Большие раскопки и подробное исследование Малышевского могильника провел А. Ф. Дубынин.

[299] Нужно отметить, что мерянский инвентарь встречен и в мещерских могильниках.

[300] А. А. Шахматов. Южные поселения вятичей. Изв. Академии наук, VI серия, СПб., 1907, № 16; его же. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Энциклопедия славянской филологии, Пгр., 1915, Введение.

[301] А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Изд. Русского исторического журнала. Пгр., 1919.

[302] В. А. Городцов. Древнее население Рязанской области. ИОРЯС, т. XIII, кн. 4, 1908.

кривичей были с финнами мирные отношения, поэтому ими воспринято много финских типов. Действительно, одновременно с колонизацией вятичами Средней Оки происходила колонизация кривичами, продвигавшимися несколько иным путем — с северо-запада, земель древней мери и муромы и, вероятно, мещеры. И если мы в землях, колонизованных вятичами, очень мало видим общих типов вещей древнего мордовского населения и славянских (утверждение В. А. Городцова о том, что отсутствуют всякие аналогии в вещах,— неверно; их мало, но они есть), то в землях, колонизованных кривичами, множество сходных и переходных типов показывает постепенное растворение древнего местного населения среди славян. Это ярко видно в кривичских курганах Владимирской области.

Кривичская колонизация Окских земель протекала медленно, в течение веков, и приводила к смешению славянских и чудских этнических признаков; лишь к X—XII вв. последние исчезли. Иное дело в той области, которую мы считаем областью колонизации вятичей,— на Средней Оке, в районах, занятых древней мордвой. Здесь мы не наблюдаем переходных типов вещей (вернее, их очень мало, и они относятся чаще всего не к моменту первой встречи славянских и чудских племен, а ко времени позднейшего их общения). В X в. внезапно исчезли рязанские могильники и в то же время появились уже не редкие, отдельные, а многочисленные славянские поселения. Очевидно, в отличие от постепенно и медленно протекавшей кривичской колонизации и в отличие от колонизационного движения вятичей в предшествующее время, здесь было массовое вторжение славян, поглотивших, ассимилировавших или вытеснивших мордовское население (рис. 43).

В X в. в степях Восточной Европы совершались значительные сдвиги населения. Вероятно, еще в IX в., в связи с движением угров, произошел отлив степного населения на север. Летописцы упоминают под 915 г. о первом появлении печенегов в русской земле. Однако в степи они проникли значительно раньше и в VIII—IX вв. вели борьбу с хозарами. Позже они разгромили салтово-маяцкие и славянские поселения на Дону и у Днепровской луки. Вероятно, с моментом завладения печенегами степью следует связывать продвижение славянского племени уличей в начале X в. на север [303]. Видимо, также печенежской опасностью был вызван уход боршевского населения с верховьев Дона. В X в. боршевские городища пустеют. Население уходит с издавна насиженных мест, причем уносит с собой все имущество. На опустевших боршевских поселениях нет следов разгрома — население ушло добровольно [304]. Мы не знаем точной даты этого ухода, а X в. так богат событиями, что можно создать множество гипотез. Однако наиболее вероятной будет следующая. В 964 г. киевский князь Святослав предпринял большой, продолжавшийся три года, поход на хозар. Во время этого похода Святослав покорил также вятичей, единственное во времена Святослава восточнославянское племя, еще продолжавшее платить дань хозарам. Святослав, вероятно, встретил вятичей по дороге, ведшей его в землю хозар [305]. Однако, имея в виду выполнение главной задачи — разгрома хозар, он сначала только прошел через

[303] Б. А. Рыбаков. Уличи. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 3—17.

[304] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА № 8, 1948, стр. 12.

[305] А. А. Шахматов («Южные поселения вятичей») полагал, что Святослав из Киева прямо пошел к нижнему течению Волги и по дороге на Дону встретил вятичей. Ему кажется странным направление первого похода Святослава «на Оку реку и на Волгу». Реконструируя предполагаемый первоначальный текст рассказа, якобы содержавшийся в древнейшем летописном своде, А. А. Шахматов предлагал читать: «И иде на Волгу на Казары» впереди сообщения «И налезе Вятиче...» (стр. 722—723). Однако, как ниже будет сказано, весьма вероятен поход Святослава на хозар по Оке и Волге.

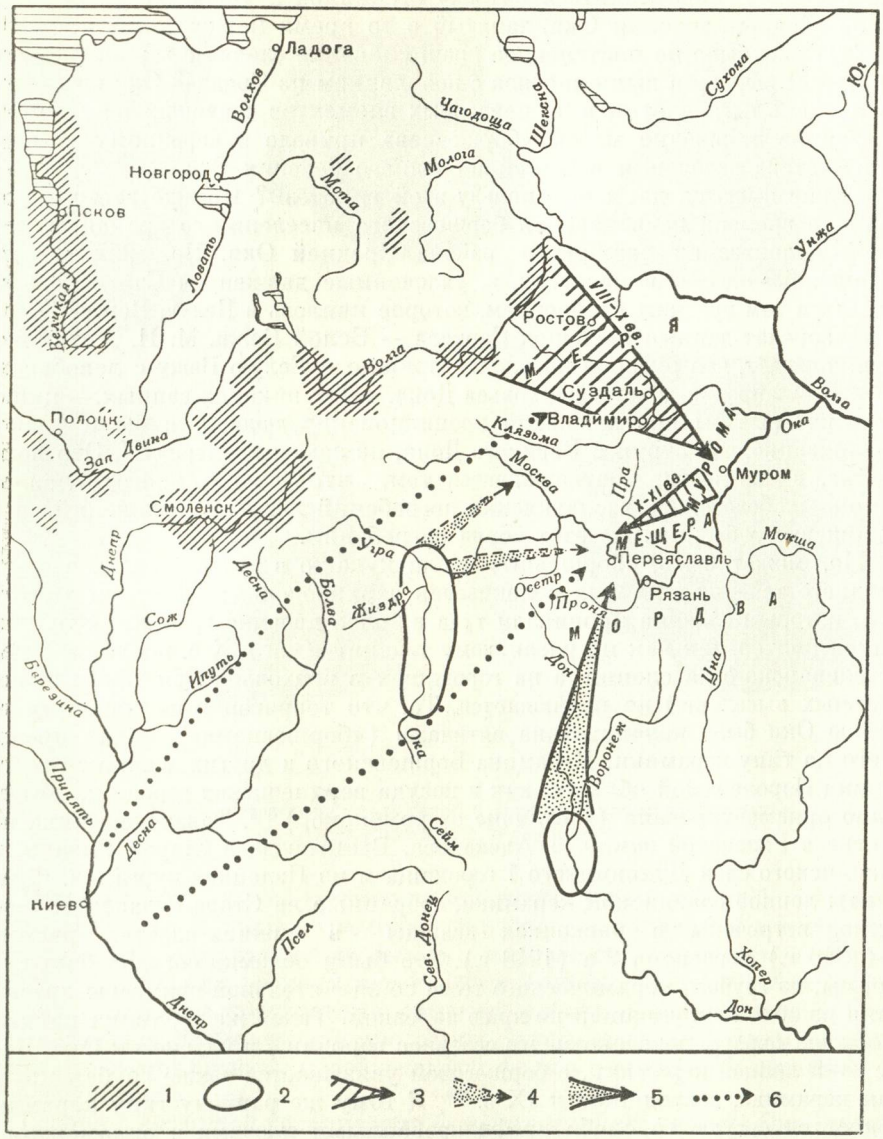


Рис. 43. Схема колонизационного движения славян в междуречье Волги — Оки.

1 — районы распространения длинных курганов — погребальных памятников кривичей IV—X вв. н. э.; *2* — вятичские курганы и городища до X в.; основные направления колонизационных потоков: *3* — кривичей в VIII—XI вв.; *4* — окских вятичей в VI—X вв.; *5* — донских вятичей в IX—X вв.; *6* — населения южнорусских областей в XI—XII вв.

вятичскую землю; после побед над ясами и косогами и взятия Белой Вежи Святослав поднялся вверх по Дону и в 966 г. покорил вятичей, живших на Верхнем Дону, а затем и в бассейне Верхней Оки. Удар, нанесенный Святославом Хозарии, был так силен, что не дал ей возможности оправиться.

Святослав не успел закрепить победу над вятичами и хозарами, так как предпринял грандиозный поход на Дунай для завоевания Болгарии. Вятичи, жившие в верховьях Дона, были освобождены от дани хозарам, но, оторванные от основного массива славянских племен, они не могли са-

мостоятельно сопротивляться натиску степняков и ушли на север[306], в район среднего течения Оки, занятый в то время мордовскими племенами. Это уже было не постепенное проникновение славян с верховьев Оки, о котором речь шла выше в связи с появлением на Средней Оке во второй половине I тысячелетия н. э. некоторых элементов славянской культуры. Внезапное вторжение массы «боршевцев» привело к коренному изменению состава населения в бассейне среднего течения Оки.

Какие имеются данные в пользу этой гипотезы? Прежде всего — совпадение времени исчезновения боршевского населения со временем массовой колонизации славянами района Средней Оки. Но, может быть, «боршевцы» не ушли на север, а, увлеченные движением Святослава на юг, были тем русским населением, которое явилось в Белую Вежу? Этому противоречат данные раскопок Саркела — Белой Вежи. М. И. Артамонов предполагает, что русское население пришло в Белую Вежу с левобережного Поднепровья, а не с верховьев Дона. «Нет никаких данных,— пишет он,— которые бы подтверждали проникновение сюда хотя бы и тонкой колонизационной струи с Верхнего Дона, из земли вятичей» [307]. Это положение, в частности, подтверждается тем, что среди многочисленных вскрытых беловежских славянских погребений нет трупосожжений, а у «боршевцев» был только этот обряд погребения.

Но, может быть, «боршевцы» ушли куда-то в другое место, а район среднего течения Оки был колонизован верхнеокскими вятичами тем путем, которым славяне проникали туда в более древние времена? Это тоже маловероятно, так как по рязанскому течению Оки в X в. появилась масса славянского населения, а на городищах в верховьях Оки таких значительных выселений не наблюдается. То, что территория по среднему течению Оки была колонизована вятичами («боршевцами»), видно прежде всего по типу керамики. Керамика Боршевского и других славянских городищ Воронежской области, как и посуда верхнеокских городищ, обычно мало орнаментирована (в отличие от роменской) [308]. Такая керамика известна в Рязанской земле из Алеканова, Вышгорода и Старой Рязани, из славянского слоя Луховицкого I городища и из Палецких курганов. Фрагменты лепной славянской керамики, собранные на Старо-Рязанском городище, встречены в раскопках дважды — в нижних пластах раскопа 2 (1946 г.) и раскопа 2а (1948 г.). Это были обломки сосудов баночной формы, из грубого керамического теста со значительной примесью дресвы; один из обломков украшен по краю нарезкой. Такая же керамика найдена в осыпях оврага, пересекающего северное городище и идущего к Оке. Кроме этой лепной керамики, с боршевской увязывается также грубая круговая керамика, восходящая к IX в. [309] К тому же раннему типу керамики относятся сосуды со слабо профилированными плечами и орнаментом в виде елочки, нанесенным зубчатым штампом, но подражающим веревочному елочному орнаменту роменско-боршевской керамики, с прямой шейкой, без венчика (рис. 44).

---

[306] М. Грушевский также предполагал, что вятичи с Подонья двинулись под натиском степных орд на север, но не в район рязанского течения Оки, а на северо-запад, в земли своих соплеменников — верхнеокских вятичей. М. Грушевський. Допитання про разселення вятичів. «Записки наук. товар. им. Шевченка», т. 98, вып. VI. Львов, 1910, стр. 5—9.

[307] М. И. Артамонов. Белая Вежа. СА, XVI, 1953, стр. 163.

[308] П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА № 6, 1941.

[309] Таков, например, сосуд большого диаметра (25 см), из грубого теста, с большой примесью песка, очень примитивной лепки (со следами ленточной техники), формованный на круге, но недостаточно хорошо. Сохранились следы лепки. Толщина стенок — 9 мм (раскоп 2б, 1948 г., яма № 8, инв. № 5361—64). Другой такой же сосуд грубой работы, сделанный на круге, найден при раскопках 1949 г. (№ 4364); он небольшого размера, типа миски со слабо отогнутым венчиком.

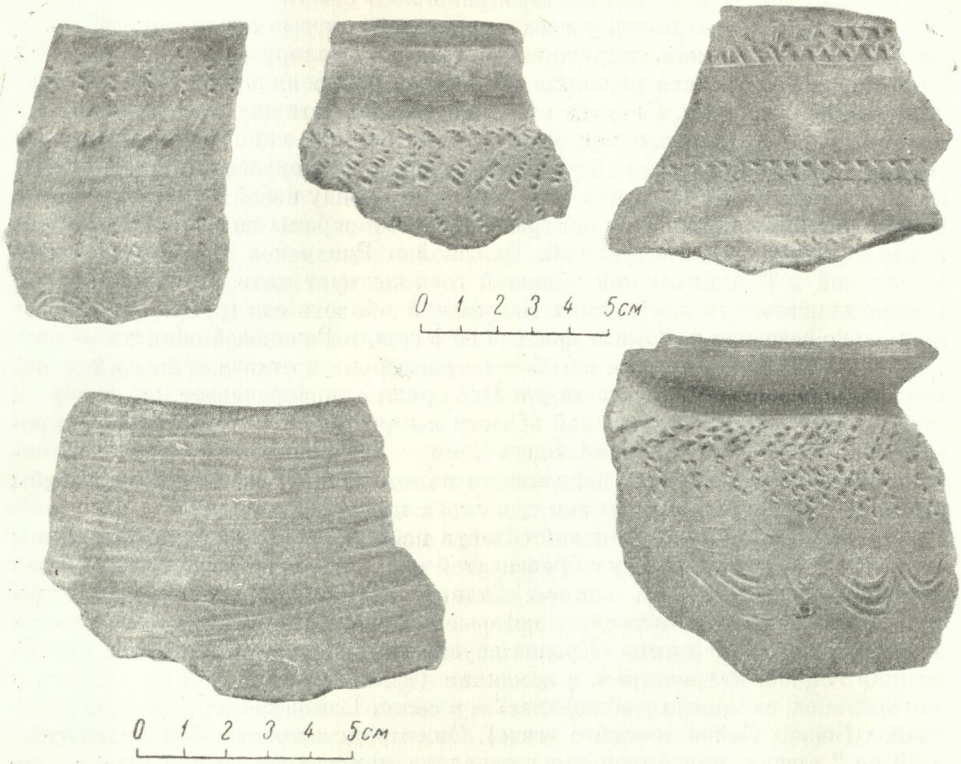


Рис. 44. Ранние формы славянской керамики, сделанной на круге, со Старо-Рязанского городища.

Нужно учесть, что на вятичских городищах уже в конце IX в. появилась сделанная на круге керамика с линейным и волнистым орнаментом, типичная для всех славянских земель и составляющая основную массу керамики славянского времени и в Рязанской земле. Поэтому с X в., когда началась массовая колонизация вятичами района среднего течения Оки, еще возможно, но уже трудно проследить только по керамическим данным, откуда шел этот процесс: преобладающие формы и орнаменты керамики — общеславянские.

Говоря о вятичской колонизации бассейна среднего течения Оки, нельзя не обратить внимание, наряду с другими культурными традициями, также на устройство жилищ. В целом этот вопрос рассмотрен мной в специальной работе [310] и здесь следует остановиться лишь на некоторых моментах. Прежде всего укажем, что жилище лишь в малой степени может помочь в определении этнической принадлежности его создателей. Жилище больше, чем другие элементы культуры, зависит от природных условий, с которыми часто связаны и материал, и техника, и форма жилища. Но все же исторический фактор — древние традиции, связи и влияния — также играет немаловажную роль.

Если не рассматривать все элементы устройства жилища, а взять основные отличия, то древнерусские жилища делятся на два основных типа — наземные и полуземляночные, соответствующие в современном крестьянском жилище избе с поднятым над землей полом (или на подклети) и хате с земляным полом. Первый тип жилища свойствен северным

[310] А. Л. Монгайт. Древнерусские жилища. СЭ, 1948, № 4.

районам, второй — южным. С этими районами обычно совпадают и названия жилища: изба — почти у всех великорусов, кроме самой южной полосы южновеликорусской территории, и хата — у белорусов и украинцев [311]. Но в Рязанской области название «изба» распространено и в районах с жилищами без подполья. Следует отметить, что и в отношении древнего, и в отношении современного жилища можно говорить лишь о преобладании того или иного типа, так как в области господства полуземлянок мы всегда найдем наземные дома, и наоборот. Граница между избой и хатой точно не установлена, но проходит в центральной части страны по современным областям Смоленской, Калужской, Тульской и Рязанской. В южных частях Рязанской и Владимирской областей господствует хата. Приблизительно можно считать, что в пределах Калужской области эта граница проходит несколько севернее р. Оки и притока ее Угры, в Рязанской области — южнее Оки, в основном следуя изгибам течения реки и отходя от нее в восточном направлении в том месте, где Ока резко поворачивает на север к Касимову [312]. Во Владимирской области в начале XX в. хата была распространена в опольной стороне. Здесь дома — без подполья и подклети, низенькие, с глинобитным и деревянным полом. Вскруг же Владимира избы высокие, с теплым помещением для скота под ними.

В южных районах Рязанской области избы строятся из березы и осины и стоят 15—20 лет. Наряду с бревенчатой избой здесь встречается иной тип постройки — обмазанной глиной. Ставят 4 столба, между ними кладут вертикально жерди или тесины, которые обмазывают слоями глины внутри и снаружи по поларшина. Крыша двускатная, покрытая соломой, промазанная глиной. Встречались и землянки (в качестве временных жилищ у погорельцев; землянки наблюдались и в селах Самодуровке, Красном, Дегтяных Борках Сапожковского уезда). Они представляют собой ямы глубиной до 2 аршин, над которыми поставлена двускатная крыша высотой до $1^1/_2$ аршина. Размеры землянок — от $6 \times 5^1/_2$ до 5×3 аршина. Дверь делается с узкой стороны. Печи — без трубы и с трубой [313].

Нужно думать, что современная этнографическая граница между южновеликорусским и северновеликорусским жилищем определилась еще в древности, когда первые были представлены полуземлянками, а вторые — наземными домами.

В Рязанской земле, находящейся на границе распространения того и другого типа жилища, еще в домонгольское время оба типа существовали одновременно, как это показали раскопки в Старой Рязани, Пронске, на Лихаревском городище и т. д. Но все же преимущественно здесь были распространены полуземлянки, удивительно сходные с киевскими того же времени. Для Киевской земли ясна традиция полуземляночного жилища, идущего от роменских городищ, во всех деталях сходного уже в VIII—X вв. с позднейшими домонгольскими. Откуда этот тип жилища проник в Рязанскую землю? Связано ли это с поздней колонизацией из Киевской земли, или с более ранней традицией? Здесь имеют значение два момента. Во-первых, полуземлянка в форме прямоугольника со стенами, облицованными досками, и с угловыми столбами существовала в Рязанской земле еще в

---

[311] Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. Восточнославянский этнографический сборник. Труды Института этнографии, новая серия, т. XXXI, 1956, стр. 60, 61. Слово «изба» представляет общеславянский термин (его не употребляют лишь белорусы и украинцы), слово же «хата» имеет локальное распространение: оно известно только украинцам, белорусам и западным славянам. В работе Е. Э. Бломквист наряду с термином «хата» употребляется термин «поземная изба».

[312] Е. Э. Бломквист. Ук. соч., стр. 61.

[313] Н. М. Лебедева. Народное жилище южных уездов Рязанской губернии. Рукопись, 1926 г. НАРМ, № 354.

эпоху городецких городищ [314]. Но прямой преемственности между жилищем городецкой культуры и более поздним мордовским мы не можем проследить, так как жилища V—X вв. здесь не изучены. Во всяком случае, нужно предполагать, что, когда вятичи колонизовали район среднего течения Оки и принесли сюда полуземляночный тип жилища, эти жилища не были новостью для местного населения. Во-вторых, боршевские жилища, являющиеся наиболее вероятным прототипом старорязанских, близки к описанным выше раннеславянским и отличаются от них лишь в деталях [315]. Проникновение вятичей из Подонья в бассейн среднего течения Оки должно было привести к возникновению здесь полуземляночных жилищ, даже если древняя традиция городецкого времени уже исчезла.

Появление в Рязанской земле наземного бревенчатого жилища связано с другим потоком колонизации — кривичской. Жилища кривичей, по-видимому, были бревенчатыми и обмазывались по стенам глиной [316].

Итак, в Рязанской земле встречаются два основных типа славянского жилища: северный, вероятно, связанный с кривичской колонизацией, возникший в условиях северного лесного ландшафта, в стране с сырой почвой, с суровым климатом [317], и второй тип, южный, распространенный в лесостепной и степной областях, с относительно сухим климатом, с развитым земледельческим хозяйством, с недостатком леса как строительного материала. Для великорусов этот тип связан с самым южным из племен, принявших участие в этногенезе великорусов,— с вятичами. Последние восприняли его у своих ближайших соседей — северян, у жителей роменских и салтовских городищ и принесли его на север. Различия в типах жилища, подобно некоторым другим элементам культуры и быта, разделяющим северных и южных великорусов, существовали уже в XI—XII вв. Эта традиция сохраняется в течение веков, и даже современная граница между северовеликорусским типом двора и южновеликорусским приблизительно совпадает с намечаемыми археологически районами колонизации кривичей и вятичей. Границей является р. Пра. К северу от нее тип двора характеризуется перпендикулярным положением избы по отношению к улице, открытым четырёхугольным двором, объединяющим в себе амбар, погреб, сарай. Все постройки бревенчатые, с высоким поддомьем. К югу от Пры жилище отличается параллельным положением избы в отношении улицы, четырёхугольным двором с амбарами, сараями, мазанками, вынесенными на улицу или позади двора на огород. Так же характерно для северновеликорусского быта наличие бань; на территории Рязанской области они распространены к северу от Пры и на восток от р. Рановы [318], т. е. тоже в областях древней кривичской колонизации.

---

[314] В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1920, стр. 378.

[315] Такие же полуземлянки широко распространены на юге. Они были и на Маяцком городище, и в Верхнем Салтове. Каркасные дома, обмазанные глиной, также обычны в ранних памятниках алан.

[316] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена накануне образования Киевского государства. Изв. АН СССР, серия ист. и филос., 1945, № 3, стр. 161.

[317] Археологические отчеты иногда отмечают наличие полуземляночных жилищ на севере. Часто это наземные жилища, подполья которых принимают за контуры полуземлянки. Например, для Новгорода с его болотистой почвой характерны наземные бревенчатые жилища. При этом в первом этаже находилась холодная клеть, во втором — жилище с печкой. Но вблизи Новгорода, на берегу Ильменя, в урочище Перынь, где почва сравнительно сухая, раскопками 1948—1951 гг. открыты жилища с углубленным в землю полом. Конечно, такие примеры не нарушают основной схемы деления древнерусских жилищ на южные — полуземляночные и северные — наземные.

[318] Н. И. Лебедева. Жилища и хозяйственные постройки Белорусской ССР. Труды Государственного центрального музея народоведения, вып. 1, М., 1929, стр. 80; Н. И. Лебедева и Н. П. Милонов. Типы поселений Рязанской области. СЭ, 1950, № 4.

На протяжении веков менялось устройство жилища, но в разных районах неизменно продолжалась древняя традиция — северная и южная. Нужно сказать, что граница между типами жилища совпадает не только с границей вятичской и кривичской колонизации, но и с границей лесостепной и лесной полос. Этот фактор был решающим в сохранении древней традиции. Кроме того, конечно, в окончательном сложении современного типа жилища важную роль сыграли позднейшие наслоения. Традиция южного типа жилища поддерживалась связями Рязани с Киевской и Черниговской землями.

Таким образом, и рассмотрение вопроса о древней традиции в устройстве рязанского жилища частично подтверждает наш тезис о вятичской колонизации района по среднему течению р. Оки [319].

Если для ранних вятичских поселений мы имеем лишь немногочисленные данные в Рязанской земле, то для более позднего времени количество этих данных возрастает. А. А. Спицын и вслед за ним А. В. Арциховский выделили племенные признаки поздних вятичских курганов: семилопастные височные кольца, ажурные (решетчатые) перстни, круглые хрустальные бусы, пластинчатые браслеты [320]. Эти характерные для племени украшения встречаются в деревенских курганах XII—XIV вв. Рязанской земли. Обнаружены они также на городище Старой Рязани, в Переяславле-Рязанском и на Борисо-Глебском городище (рис. 45). Еще в 1937 г. П. Н. Третьяков высказал сомнение в том, что курганные древности XI—XIV вв. можно связывать с племенами «Повести временных лет» [321], так как в это время племена как таковые уже не существовали. Возражавшие ему указывали на консервативность племенных нарядов и на то, что этнографические пережитки былого разделения племен могли сохраняться и в период исчезновения самих племен.

Во всяком случае, не только присваиваемые вятичам украшения свидетельствуют об их присутствии на территории среднего течения Оки, но и указания летописей. Ермолинская летопись, сообщая о происхождении вятичей от Вятка, говорит: «И седоша ту и произвашася Рязаньци» [322]. Львовская летопись: «А Вятко по Оце, от него же прозвашеся Вятичи, иже есть Рязанци» [323]. Тверская летопись: «И от него прозвашася Вятичи и до сего дне, еже есть Рязанци» [324]. Правда, эти летописи поздние. Но и более ранние летописи, хотя и не содержат таких прямых указаний на расселение вятичей в Рязанской земле, но, определенно помещая вятичей на Оке, не дают оснований исключать ее среднее течение. «Повесть временных лет» определяет территорию вятичей лишь в общих чертах, отмечая, что они жили «по Оце», и ограничивает ее лишь указанием, что по «Оце реце, где потече в Волгу», т. е. по Нижней Оке, лежали области муромы, черемисы и мордвы. Упоминание о вятичах и Ипатьевской летописи тоже не исключает среднее течение Оки. Отожествление вятичей с рязанцами, которое мы

---

[319] Широкое изучение крестьянских построек восточных славян этнографами заставляет их констатировать, что «ареалы распространения отдельных типов построек и явлений строительной культуры совпадают с областями распространения этнических групп». «Восточный южновеликорусский план жилища наблюдается в районах, заселенных в древности пламенем вятичей» (Е. Э. Бломквист. Ук. соч., стр. 456).

[320] А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. ЖМНП, 1899, VIII, стр. 333, 334; А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930.

[321] См. его дискуссию с А. В. Арциховским — СА, IV, 1937: П. Н. Третьяков. Расселение древнерусских племен по археологическим данным; А. В. Арциховский. В защиту летописей и курганов.

[322] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 2.

[323] ПСРЛ, т. XX, стр. 42.

[324] ПСРЛ, т. XV, стр. 23.

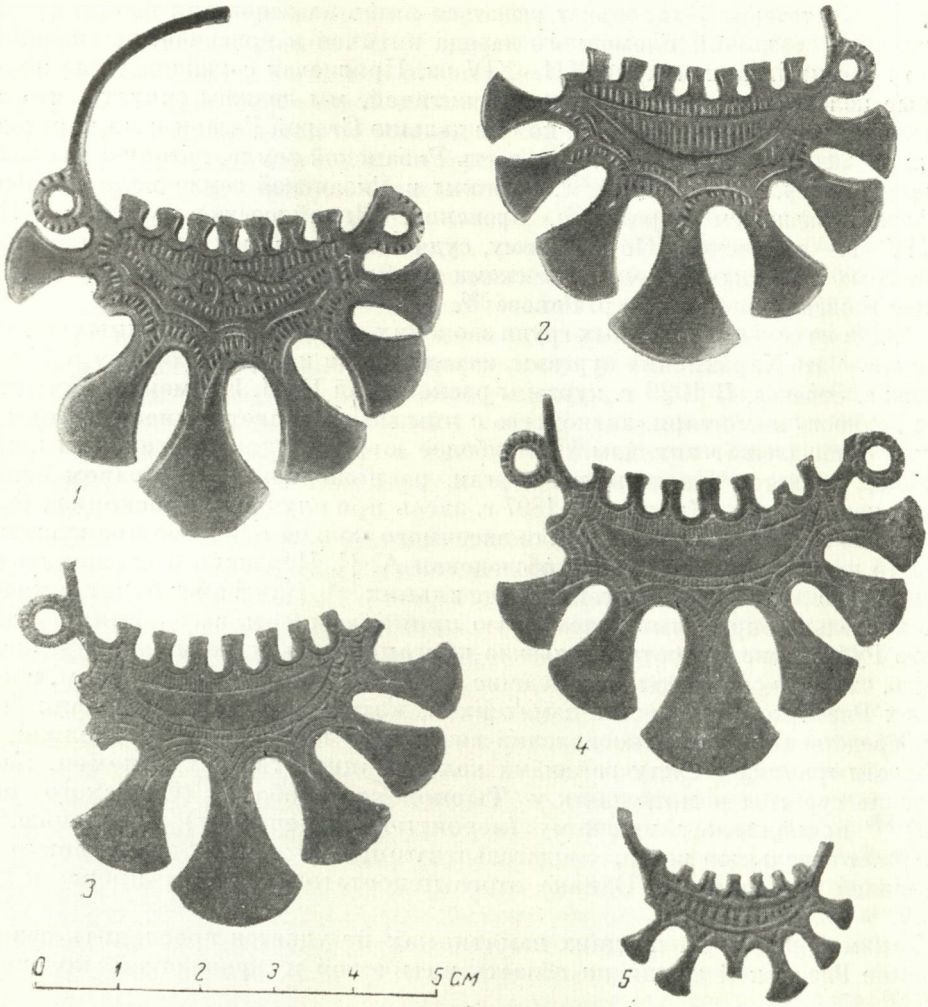


Рис. 45. Семилопастные височные кольца из Старой Рязани (*1*, *2*), из Переяславля-Рязанского (*3*, *4*) и с Борисо-Глебского городища (*5*); *1*, *2* — раскопки А. Л. Монгайта; *3*, *4* — случайная находка (дар Московского археологического общества, 1908 г.; ГИМ, № 44806, опись № 1611); *5* — разведка В. А. Городцова (ГИМ, № 95549).

встречаем в поздних летописных сводах, вовсе не противоречит данным более ранних летописей. Следовательно, материалы курганов XII—XIV вв. также свидетельствуют о том, что славянское племя, колонизовавшее район среднего течения Оки, было вятичами. Вятичские курганы уходят далеко на восток. В пределах Рязанского края, по правому берегу р. Оки, они достигают Старой Рязани. На городище Старой Рязани найдены семилопастные височные кольца, хрустальные бусы, решетчатые перстни. В XII—XIV вв. в таком большом городе, каким была Старая Рязань, в центре большого княжества, конечно, не могло быть и речи о преимущественно вятичском племенном составе населения. Если Старая Рязань и была племенным центром вятичей, то этого положения никак нельзя обосновать материалами XII—XIV вв. Но эти поздние материалы привлечены лишь как косвенные доказательства того, что племя, колонизовавшее в X в. район среднего течения Оки, было вятичами.

Вопрос о том, как далеко пошла вятичская колонизация в бассейне рязанского течения Оки, может решаться лишь на основании поздних материалов — различий племенного наряда вятичей и кривичей, выявляемого по курганным инвентарям XII—XIV вв. Признавая семилопастные височные кольца племенным признаком вятичей, мы должны считать, что вятичская колонизация не шла по Оке дальше Старой Рязани и не переходила на левый берег Оки — на ту часть Рязанской земли, которую мы называем Мещерской стороной [325]. Курганы в Рязанской земле мало изучены. Раскапывавшиеся Зарайские, Пронские, Михайловские курганы XII—XIV вв.— вятичские. По-видимому, судя по случайным находкам семилопастных височных колец, вятичскими являются также курганы у с. Княжое Ряжского района по р. Ранове [326].

Одна из самых восточных групп заокских славянских курганных могильников — это Харьинские курганы, находящиеся на правом берегу р. Прони близ с. Засечье. В 1920 г. курганы раскапывал П. П. Ефименко. Несмотря на бедность инвентаря, знакомство с ним не оставляет сомнения, что курганы принадлежат вятичам [327]. Наиболее юго-восточным вятичским погребением является Княжовский курган, расположенный на правом берегу р. Рановы, близ с. Княжое. В 1897 г. здесь при случайных раскопках были найдены обломки семилопастного височного кольца и медные проволочные. Место находки в том же году обследовал А. И. Черепнин и сделал заключение, что здесь был курганный могильник [328]. Как ниже будет сказано, окончательно определить племенную принадлежность населения, оставившего Рубцовские и Ростиславльские курганы, нельзя, но можно предположить, что это колонисты, пришедшие в XII в. с юга. Таким образом, в пределах Рязанской земли нет памятников, которые свидетельствовали бы о непосредственном соприкосновении вятичей и кривичей и позволили бы провести границу между районами колонизации этих двух племен. Касимовские курганы и могильник у Тырновской слободы (Спасского района) [329] принадлежат чудскому (вероятно, мещерскому) населению, но содержат отдельные вещи, свидетельствующие о связях оставившего их населения с кривичами. Однако этого недостаточно, чтобы провести границу.

Таким образом, на поздних памятниках не удается проследить разграничение Рязанской земли на область вятичской и кривичской колонизации [330].

---

[325] Видимо, ни вятичи, ни даже элементы их культуры не проникли в Ростово-Суздальскую землю. «Характерных для вятичей семилопастных височных колец во владимирских курганах найдено всего 4 экземпляра и совершенно не встречено обычных для вятичей ажурных пластинчатых перстней» (А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, 1905, стр. 168).

[326] Н. И. Лебедева. Перстни рязанских курганов. Исследования и материалы Рязанского областного музея, вып. II, 1928.

[327] П. П. Ефименко. Летние работы 1922 г. в Рязанской губернии. Вестник рязанских краеведов, № 1, 1929; НАРМ, № 603, 658, 677.

[328] ТРУАК, т. XII, вып. 3, 1897; т. XX, вып. 2, 1907; НАРМ, № 612, 735.

[329] А. А. Спицын. Обозрение... ЗРАО, т. XI, вып. 1-2, 1894; А. В. Селиванов. О древнейшем населении приокского района, предшествовавшем славянской колонизации. Труды III областного историко-археолог. съезда во Владимире. Владимир, 1909.

[330] Северная граница Рязанской земли в летописное время очень неопределенна. Собственно, мы не можем быть уверенными, что Мещерская сторона в домонгольское время входила в состав Рязанского княжества. Но позже Владимирское порубежье шло по верховьям трех левых притоков Оки — Гуся, Пры и Цны. Поэтому нет оснований отказываться от рассмотрения истории Мещерской стороны в связи с историей Рязани в домонгольское время, тем более что здесь наблюдается яркая картина славяно-чудских связей — картина, в значительной мере стершаяся в других частях Рязанской земли.

Т. А. Трофимова обращает внимание на резкую очерченность границы между вятичами и кривичами с северо-запада, севера и северо-востока по антропологическим данным[331]. Учитывая, что она располагает сравнительно небольшими данными в отношении северо-восточной границы, можно лишь предположительно согласиться с этим выводом. Гораздо более осторожно высказывается по этому вопросу Г. Ф. Дебец, который указывает, что, разделив вятичей на географические группы, Т. А. Трофимова не получила сколько-нибудь существенных и закономерных различий между ними. В общем они близки славянам Белоруссии и тверским кривичам[332]. Что же касается рязанских кривичей (курганные черепа из Касимовского района), то Г. Ф. Дебец считает, что их некоторое своеобразие объясняется тем, «что процесс славянизации в восточных кривичских группах происходил в иной, чем на западе, расовой среде и что финские черты в культуре в данном случае связаны с расовой близостью к окским финнам. Отсюда следует, между прочим, что финны еще в начале II тысячелетия н. э. стали входить в состав формировавшегося русского народа»[333]. Очевидно все же, что вятичи не переходили в районе среднего течения р. Оки на ее левый берег и не продвинулись на восток дальше р. Пары.

Вопрос о возможности использования данных диалектологии для реконструкции областей расселения древнерусских племен очень сложен. Как выше уже было сказано, современные диалектологи отвергают теории (в частности, и теорию А. А. Шахматова), авторы которых стремятся возвести все основные современные диалектные различия как можно дальше в глубь веков. Несмотря на то, что основные диалектные различия русского языка сложились, безусловно, в донациональный период его существования, распространение отдельных языковых явлений далеко не всегда и не полностью соответствует границам расселения племен или границам политических объединений древней Руси. «Позднейшие процессы обычно существенно меняют карты диалектных различий и диалектов. Поэтому простое сопоставление современных границ диалектных явлений и исторических границ тех или иных периодов редко бывает плодотворным»[334].

Историческая интерпретация данных диалектологии затрудняется также тем, что типология диалектных различий русского языка еще мало разработана. Сейчас, когда в основном завершена работа по созданию «Атласа русских народных говоров», а первая его часть — «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы»[335] — вышла в свет, открываются новые возможности для исторических исследований. Но потребуется еще много лет кропотливого труда языковедов, чтобы, снимая постепенно позднейшие пласты, интерпретировать карты и воссоздать историю языкового явления. Без этого попытки вмешательства археологов и историков, вероятно, будут обречены на неудачу. Например, легко заметить, что изоглосса аканья — оканья (карта 1, сводная карта № 10) на западе картографируемой «Атласом» территории приближается к племенным границам вятичей и кривичей, намечаемым по археологическим данным.

Однако авторы «Атласа» предостерегают от преждевременных, чересчур поспешных выводов. «Прежде всего следует помнить, что племена

---

[331] Т. А. Трофимова. Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии. СЭ, 1946, № 1, стр. 131.

[332] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.— Л., 1948, стр. 236.

[333] Там же, стр 236.

[334] Р. И. Аванесов. Достижения современного языкознания в области русской диалектологии. Изв. АН СССР, Отд. литературы и языка, т. XVII, вып. 1, 1958, стр. 24.

[335] Институт языкознания АН СССР. Атлас под ред. Р. И. Аванесова. М., 1957.

вятичей и кривичей на картографируемой территории занимают незначительное место, а основная линия их границы находится на западе от нее: лишь после составления «Атласа русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы» можно будет получить достаточно четкое представление о соотношении границы аканья — оканья (и других языковых явлений), с одной стороны, и племенных границ вятичей и кривичей на большом протяжении,— с другой. Далее: следует иметь в виду, что аканье как черта, свойственная нормам национального языка, на протяжении длительного времени (в частности, с XVII в.) могла распространяться на территориях, которым ранее она была чужда, меняя, таким образом, первоначальную конфигурацию изоглоссы. Наконец, учет структурной стороны дела — хронологии появления оканья по отношению к другим, прямо или косвенно связанным с ним, явлениям — не позволяет относить оканье к доисторической эпохе [336], а следовательно, и делать непосредственные выводы из сопоставления границ аканья — оканья с племенной границей вятичей и кривичей» [337].

В приведенной цитате также не все утверждения бесспорны. Во-первых, еще до создания нового атласа русских народных говоров было ясно, что южновеликорусские говоры в основном совпадают с территорией расселения вятичей и их позднейшей колонизацией. Новые карты могут внести уточнения в вопрос о границах языковых явлений, но вряд ли смогут опровергнуть основное положение. Во-вторых, совершенно не решен еще вопрос о времени возникновения аканья. Если Р. И. Аванесов считает, что оно появилось сравнительно поздно, примерно в XII в., то другие ученые относят его еще к дописьменной эпохе.

Нельзя не заметить также, что по ряду диалектных особенностей территория Рязанского княжества противопоставляется Ростово-Суздальской земле. Можно утверждать, что это явление связано с поздними феодальными образованиями, что границы диалектных особенностей в данном случае близки к границам княжеств XIV—XV вв. Но на исторической карте этого времени мы найдем множество границ между отдельными феодальными княжествами, которым нет аналогии в изоглоссах диалектных явлений. Значит, политические границы не играли решающей роли в образовании диалектов. Да и мог ли этот фактор в значительной мере влиять на сложение диалектов вообще. Мы знаем, как непостоянны были границы феодальных княжеств, как часто и быстро они менялись; мы знаем, что политических границ в современном смысле слова, т. е. таких границ, которые были бы четко очерчены и передвижение между которыми было бы затруднено, в средневековье вообще не существовало. Могло ли сравнительно кратковременное пребывание той или иной территории в составе того или иного политического объединения существенно повлиять на процесс сложения говоров, процесс длительный, протекающий на протяжении веков?

Наконец, диалектологи, сторонники отнесения большей части диалектных различий, наблюдаемых в русском языке, к эпохе поздних феодальных образований, как правило, учитывают в какой-то мере первоначальное расселение древнерусских племен, колонизацию ими нерусских земель и поздние колонизационные процессы, такие, как, скажем, колонизация Среднего и Нижнего Дона в XVI—XVII вв.; но они забывают о некоторых плохо исторически зафиксированных, однако важных более ранних коло-

[336] См. об этом: Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах. Вестник Московского университета, 1947, № 9, стр. 138, 139.

[337] Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Вступительные статьи, справочные материалы и комментарии к картам. М., 1957, стр. 104, 105.

низационных процессах, таких, как, например, повторный колонизационный поток из юго-западных русских областей на северо-восток во времена Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского. А эти колонизационные потоки, несомненно, дали какой-то диалектный слой, который нужно снять при решении вопроса о племенных диалектных особенностях.

Если часть диалектных различий русского языка относится к позднему времени, то другая часть восходит к глубокой древности. Один из ярких примеров сложности диалектологических данных дает Коломенская земля, «вятичская в прошлом, а затем Рязанская, но ранее всех других земель присоединенная к Москве (в 1301 г.). Территория Коломенской земли по одним изоглоссам полностью или в значительной степени примыкает к рязано-тульскому юго-западу (например, произношение «вышня», слова «зеленя», «стежка», «корец», «махотка», «окотиться»), по другим (например, взрывное образование «г», формы «меня», «тебя», «себя», слова «брезговать», «ухват», «квашня») — полностью или по преимуществу к северу; некоторые изоглоссы (например, «к» или «х» на конце слова вместо «г», твердое или мягкое «т» в 3-м лице глаголов, формы типа «большая село» и «большое село», форма винительного падежа «мать», «дочь» или «матерь», «дочерь») делят эту землю пополам. Это свидетельствует о том, что некоторые диалектные различия уже были налицо в конце XIII в. и начале XIV в., а другие появились позднее» [338]. Как явствует из приведенной цитаты, Р. И. Аванесов, сторонник признания позднего характера значительной части диалектных различий русского языка, отдавая в данном случае должное вятичской основе коломенских диалектов, считает все явления, примыкающие к северу, связанными с присоединением Коломны к Москве.

Но ведь возможно и другое решение вопроса. Районы, относимые составителями «Атласа» «к востоку от Москвы», к Коломенской земле [339], представляют вятичско-кривичское порубежье; здесь тесно соприкасались эти племена задолго до начала XIV в., через Коломну пролегал древнейший путь из Владимира в Рязань, здесь собирались владимиро-суздальские войска для южных походов,— и не к московскому времени, а к значительно более древнему периоду могут восходить явления, связывающие коломенские говоры с севером.

Отсутствие четких границ племенных или, позже, политических должно было вести к стиранию с течением времени диалектных различий, а не к их усилению. Этим может быть объяснена отмечаемая диалектологами взаимосвязанность говоров. «Взаимодействие говоров Рязанской и Тульской земель, с одной стороны, и Ростово-Суздальской (включая Москву),— с другой, сказывается, между прочим, в том, что некоторые черты первых проникают в глубь территории второй, и наоборот» [340].

У археологов и историков есть все основания спорить с историками русского языка, являющимися сторонниками утверждения о позднем происхождении большинства диалектных различий. И факты, и логика их интерпретации указывают на очень большую роль племенных диалектов в сложении русских народных говоров. Несомненно, не случаен тот факт, что граница аканья — оканья очень близка к племенным границам вятичей и кривичей.

---

[338] Р. И. Аванесов. Вопросы лингвистической географии русских говоров центральных областей. Изв. АН СССР, отд. литературы и языка, т. XI, вып. 2, 1925, стр. 166.

[339] Коломенский, Виноградовский, Егорьевский, Бронницкий, Малинский, Озерский, Михневский и Ступинский районы Московской области.

[340] Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы, стр. 103.

В результате работы диалектологов, в особенности в последние годы, рязанские говоры изучены очень хорошо. Мы не можем не обратить внимания на то, что в Рязанском княжестве не возник единый «рязанский» диалект. Если в южной части Рязанской земли в целом распространены южновеликорусские говоры, то на востоке и на севере — средневеликорусские говоры. Даже если согласиться с тем, что диалектные различия в XII—XIII вв. развивались, главным образом, между отдельными феодальными землями, картина, наблюдаемая в Рязанской земле, свидетельствует о том, что если феодальная земля объединяла территорию нескольких племен или племенных союзов, то в это время на всей этой территории еще не мог выработаться единый язык. Поэтому в Рязанской земле, меньше других подверженной нивелирующему влиянию Москвы, и в феодальное время сохранились элементы древних племенных различий и языковые особенности.

Хотя данные диалектологии, как и археологии и антропологии, не позволяют точно установить границы расселения вятичей и кривичей, у нас есть основания утверждать, что эти данные подтверждают тезис о вятичской колонизации основной территории Рязанской земли.

Нельзя не отметить, что и в дальнейшей истории после X в., районы кривичской колонизации Оки были больше связаны с Ростово-Суздальской землей, а районы вятичской колонизации — с Рязанской землей. Конечно, одной из важнейших причин экономического и политического единства русских княжеств и отличий их друг от друга являются различные социально-экономические и географические условия, в которых они возникали и развивались. Но, несомненно, некоторый элемент отличия первоначально вносился различными колонизационными потоками славян, пришедшими на новые земли со своими традициями. Муром, лежавший в землях кривичской колонизации, лишь на короткое время оказался политически связанным с Рязанью, в период их подчинения Чернигову; но уже в начале XII в., с распадом княжеств на уделы, и в особенности с середины XII в., с возвышением Рязани, Муром целиком отошел в сферу влияния Суздальской Руси. Тот же распад на уделы и даже постоянная вражда рязанских и пронских князей не привели, однако, к полному экономическому или политическому разрыву этих районов; они всегда оставались объединенными общими прочными связями.

Встретившись в бассейне среднего течения р. Оки с древним местным населением, мордвой — эрзей, вятичи, возможно, частично ассимилировали, но, главным образом, вытеснили ее. В названии главного города — Рязани сохранилось древнее племенное имя эрзи. Эту мысль высказывали исследователи рязанских древностей еще в XIX в.[341] Впервые подробно обосновал это мнение Н. Любомудров, который писал, что слово «Рязань»

---

[341] Впрочем, о происхождении слова «Рязань» было высказано множество различных предположений. Его производили и от глагола «резать» и сближали с монетами «резанами», и от слова «ряса» — топь, болото (Макаров. Опыт простонародного словотворчества. ЧОИДР, 1846, III). Д. И. Иловайский писал: «Вероятнее всего сближение этого названия с местным словом «ряса», которое означает топкое, несколько болотистое место, обыкновенно заросшее мелким кривым лесом и кустарником. В связи с этим корнем находятся имена нескольких Ряс (реки в южной части Рязанской губернии), города Ряжска и, наконец, Рязани» (Д. И. Иловайский. История Рязанского княжества. М., 1858, стр. 23). Нигде в летописях нет корня «Ряс», а везде «Рез», «Ряз». Название реки «Ряса» известно не ранее XVI в., да и лежит Рязань слишком далеко от Рясы, чтобы она ей передала свое имя. В смысле «топи», «болота» странным было бы применение этого слова к Рязани, лежащей на высоком берегу с сухой песчаной почвой. Чертков почему-то считал Рязань южнославянским словом и приводил в числе географических названий, прототипы которых якобы встречаются у дунайских славян (М. Н. Погодин. Исторический сборник, VI, прим. 164).

принято русскими от мордвы, одна из ветвей которой зовет и сейчас себя «эрзя» в отличие от мокши [342]. Эту точку зрения поддержал А. А. Шахматов [343]. Филологическое сродство слов «эрзань» и «Рязань» несомненно. «Рязань» — ославяненная форма слова «эрзянь», так как в русском языке часта перестановка гласных, чтобы избежать стечения двух согласных. Кроме филологического сродства этих слов доказательством происхождения слова «Рязань» от «эрзя» («эрзи») является факт исторических связей мордвы с Рязанской землей, а также то, что город Рязань возник на месте мордовского поселка, вероятно, передавшего славянскому городу свое племенное имя.

В археологических материалах из Старой Рязани прослеживаются связи русского населения с чудским. Даже в поздних слоях XI—XII вв. встречаются шумящие подвески, трапециевидные и треугольные привески, привески лапчатые, сюльгамы, пряжки [344]. Иногда они относятся к древним типам, возможно, добытым в близлежащем могильнике и вторично использованным, иногда же являются вещами, изготовлявшимися в Старой Рязани для дальних соседей — мордвы, муромы. Таковы, например, открытое в землянке ремесленника (в 1950 г.) производство мордовских накосников или находка литейной формы для изготовления шумящих привесок [345]. Находка в погребениях подвесок в виде полой птички и круглых пряжек с завернутыми в трубочки концами свидетельствует о существовании этих украшений в среде населения Старой Рязани, а не только о ремесленном производстве.

Элементами чудской культуры, проникшей в среду русского населения, объясняются такие факты, как находка финского бронзового идола в языческом святилище в Старой Рязани [346] или употребление лошадей в пищу, характерное для мордовских племен и наблюдавшееся также у русского населения Рязани в X—XIII вв. [347]

К сожалению, кроме Старой Рязани, города Рязанской земли археологически очень мало исследованы, поэтому трудно говорить о наличии подобных связей по материалам других городов.

Если мордва лишь в очень слабой степени оказала влияние на славян, то обратное влияние даже в районах, где древняя мордва не обрусела полностью, сказалось весьма сильно. Мордва восприняла от русских древние формы костюма, жилья и других сторон быта и в отдельных случаях сохранила их почти до наших дней.

В чем же заключался процесс исчезновения чудского населения в Рязанской земле? Кроме культурного воздействия славянства на несколько отставшую в своем развитии чудь, решающую роль играла феодализация страны. Процесс ассимиляции протекал быстрее на тех землях, которые были старыми земледельческими районами и которые феодалы захватывали в первую очередь. В процессе закрепощения ранее свободного общинника он утрачивал свои племенные черты в наряде, в обряде погребения и других обычаях. Это облегчалось тем, что феодализация шла об руку

---

[342] Н. Любомудров. Исследование о происхождении и значении имени «Рязань». М., 1874.

[343] А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Пгр., 1919.

[344] Некоторые чудские вещи встречаются в поздних славянских погребениях довольно далеко от мест их первоначального распространения. Так, например, в вятичской курганной группе XII в. у подмосковного с. Черемушки встречен чудской пружинный проволочный медный перстень. (И. В. Савков. Курганы у с. Черемушки. Сборник научных студенческих работ исторического факультета МГУ, вып. XI, 1939, стр. 97).

[345] А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 135—137.

[346] Там же, стр. 191—193.

[347] Там же, стр. 166.

с насильственной христианизацией. Экономическое давление сильной Киевской державы содействовало стиранию этнических особенностей местных племен. Они вливались в массу вятичских и других русских закрепощаемых крестьян, недавно свободных общинников, смешивались с ними, передавая им некоторые особенности своего племенного наряда или внося свои черты в антропологический тип, но воспринимая основные черты культуры и, главное, язык славянства. Этот процесс ассимиляции был совершенно ясен для историков. Они понимали, что исчезнувшие чудские племена приняли участие в образовании великорусской народности [348]. Что касается Рязанской земли, то археологические, этнографические, антропологические и языковые данные с несомненностью показывают, что часть чудских племен была настолько ассимилирована, что исчезла совершенно, оставив память о себе лишь в названиях племен и в археологических памятниках. Это был процесс этнического поглощения, а не только вытеснения.

В землях, колонизованных кривичами, этот процесс протекал медленнее, и потому здесь дольше сохранялись этнографические особенности чудских племен. В свою очередь эти племена успевали оказать некоторое влияние на костюмы и вкусы местного славянского населения, ярким примером чего являются находки во владимирских курганах.

Сказалось это влияние и на языке. Так, в Мещерской стороне главным образом распространены цокающие говоры [349], и притом они образуют обособленный диалектный остров, окруженный нецокающими говорами [350]. О иноязычном и именно финском воздействии как причине образования цоканья в русских говорах Восточной Европы в свое время писали В. Чернышев [351], А. А. Шахматов [352] и А. М. Селищев [353]. Н. Н. Соколов обратил внимание на то, что говоры Меленковского и Судогодского уездов Владимирской губернии (тех самых уездов, где расположены Заколпский и

---

[348] Об этом писали Н. М. Карамзин («История государства Российского», т. I, гл. 2, прим. 74), С. М. Соловьев [«История России с древнейших времен», изд. 3-е («Обществ. польза»), кн. I, т. I, стр. 11], С. В. Ешевский («Русская колонизация северо-восточного края», ч. III. М., 1870, стр. 612), К. Н. Бестужев-Рюмин («Русская история», I. СПб., 1872, стр. 64), В. О. Ключевский («Курс русской истории», т. I, М., 1937, стр. 318) и С. Ф. Платонов («Лекции по русской истории». СПб., 1909, стр. 54).

В 1929 г. против этой точки зрения выступил Д. К. Зеленин, доказывавший, что финны были вытеснены со старых мест поселения, но не ассимилированы русскими («Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности?» Сборник Ленингр. об-ва исслед. культ. финно-угорск. народностей, т. I. Л., 1929). Его доказательства были методологически и фактически ошибочны. Он полностью игнорировал археологические материалы и вообще отвлекался от древних исторических процессов, беря лишь поздние этнографические данные. В развернувшейся по этому вопросу дискуссии Д. К. Зеленин остался в одиночестве. С. П. Толстов («К проблеме аккультурации». «Этнография», 1930, № 1-2) очень ярко показал, что только исторический подход к проблеме аккультурации, в том числе рассмотрение этого процесса так же, как социального, может дать правильный ответ на поставленный Д. К. Зелениным вопрос.

[349] Цоканье — неразличение аффрикат «ч» и «ц».

[350] Е. Ф. Будде выдвинул теорию о северновеликорусской основе цокающих говоров и видел в этом явлении указание на северную колонизацию Рязанского края (Е. Ф. Будде. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. Варшава, 1892, стр. 86). Необоснованность теории Е. Ф. Будде была ясна и его современникам.

[351] В. Чернышев. Как произошла мена цичв в русских говорах? (Вопрос лингвистам). Русский филологический вестник, т. XVII, № 1-2, Варшава, 1902.

[352] А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка, ч. 1. Пгр., 1916, стр. 54 и сл.

[353] А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1929; «Оканье и шоканье в славянских языках». «Slavia», X, № 4, Praha, 1931.

Пустошенский могильники) находятся в зависимости от говоров Касимовского уезда и объяснил это явление влиянием финских народностей [354]. Определенно видел в цоканье «наследство древней мещеры» Д. К. Зеленин [355]. Той же точки зрения придерживается В. Н. Сидоров, который пишет: «Цоканье мещерских говоров можно считать явлением, образовавшимся на почве взаимодействия фонетической системы языка исчезнувших дославянских насельников края, принадлежавших, как обычно полагают, к одному из финских племен, и фонетической системы языка русских племен, колонизовавших Мещерский край и ассимилировавших его финское население, летописную мещеру» [356]. Р. И. Аванесов объясняет цоканье изучаемого говора его местной иноязычной «мещерской» подосновой: «Цоканье — черта иноязычная по своему происхождению, оно возникло в результате языкового смешения» [357].

Теперь, после создания «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», это утверждение бесспорно доказано. Карта № 40 показывает, что цоканье охватывает сплошь все те говоры, которые сформировались в результате ассимиляции финно-угорского населения на территории мещеры и муромы.

Антропологическая близость вятичей и мордвы наблюдалась еще Е. М. Чепурковским [358]. Новейшие работы по антропологии подтверждают это [359]. Этнографическая литература отмечает близость народного костюма русских в Рязанской губернии и соседней мордвы; эта близость и объясняется очень древними связями. В южных уездах Рязанской губернии мужской костюм совершенно подобен мордовскому и марийскому [360]. У рязанцев и у чудских народов — общие бисерные украшения, сходные приемы вышивки, туникообразная одежда, кикообразные головные уборы. Одни элементы этой общности должны быть отнесены за счет явлений поздних (например, общность бисерных украшений), другие — за счет очень ранних, возможно, восходящих к общему источнику (например, туникообразная одежда), а не представляющих результат взаимовлияния [361]. Но некоторые явления — результат встречи, длительного соседства и взаимовлияния, возникшего еще в древности. Так, в районе рязанского течения Оки распространен наиболее древний комплекс женской одежды с поневой. Заимствование поневы ассимилированными финскими группами (в частности, в бассейне Оки) позволяет этнографам предполагать, что эта одежда была основной в период наиболее интенсивных славяно-финских взаимоотношений в бассейне Оки в X—XIII вв. Другое явление, свидетельствующее об ассимиляции русскими чудского населения,— это

---

[354] Н. Н. Соколов. Отчет о поездке в Меленковский и Судогодский уезды Владимирской губернии летом 1907 г. Труды Московской диалектологической комиссии, Варшава, 1908, вып. 1, стр. 118—125.

[355] Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных. СПб., 1913, стр. 315.

[356] В. Н. Сидоров. Наблюдения над языком одного из говоров рязанской мещеры. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I, М.—Л., 1949, стр. 133.

[357] Р. И. Аванесов. Очерки диалектологии рязанской мещеры. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I, М.— Л., 1949, стр. 226.

[358] Е. М. Чепурковский. Географическое распределение форм головы и цветности крестьянского населения Великороссии. ИОЛЕАиЭ, т. CXXIV, вып. 2, 1878; его же. Очерки по общей антропологии. Владивосток, 1924.

[359] См. Материалы по антропологии Восточной Европы. Ученые записки МГУ, вып. 63, 1941.

[360] Н. И. Лебедева. Материалы по народному костюму Рязанской губернии. Труды Об-ва исследователей Рязанского края, вып. XVIII, 1929.

[361] С. П. Толстов. Ук. соч. стр. 14.

распространение так называемого «мордовского» лаптя, определяющее границы чудских элементов в пределах современной Рязанской области в дославянское время. «Эти границы — реки Пра и Ранова; к востоку от них — сплошная территория обитания мещеры» [362].

Несомненно, часть элементов сходства жилищ русских и мордвы восходит к древним временам. Известно, что значительное количество названий построек и их частей заимствовано мордвой у русских — стена, порог, косяк, труба, печь и т. п. [363] При этом Гейкель отмечает, что мордва-эрзя подверглась в деле устройства жилищ в большей степени, чем мокша, русскому (восточнославянскому) влиянию еще в глубокой древности. Археологические материалы также, как мы видели, не подтверждают тезис о полной разобщенности вятичей и мордвы. В частности, следует отметить несомненную близость вятичского курганного обряда погребения с мордовскими курганами XII—XIII вв. К этому времени относятся наиболее древние мордовские курганы в северо-западных районах расселения мордвы. В своем большинстве, по конструктивным особенностям, эти курганы близки восточнославянским, и прежде всего вятичским: наличие внутри курганной насыпи сооружений из деревянных плах, а в насыпи — прослоек угля, обожженных костей животных, обломков керамики и т. п. [364]

Очевидно, в отличие от кривичей, вятичи оказали более сильное влияние на своих соседей, и отдельные ветви мордовского племени обрусели так быстро, что обратное влияние сказалось в очень незначительной степени.

В. О. Ключевский писал: «Вопрос о взаимодействии Руси и чуди, о том, как оба племени, встретившись, подействовали друг на друга, принадлежит к числу любопытных и трудных вопросов нашей истории» [365]. Ю. В. Готье отмечал, что «вопрос этот не разрешен до сих пор, и мы продолжаем спрашивать себя, была ли тут борьба, оттеснение или ассимиляция?» [366].

Изложенное, мне думается, доказывает, что для решения вопроса большое значение имеют археологические данные.

* * *

Выше мы рассказали о древней истории Рязанской земли — от периода существования здесь городецкой культуры раннего железного века до колонизации района среднего течения р. Оки славянами. Суммируем важнейшие выводы.

Городища и селища городецкой культуры, так же как и позднейшие рязанские могильники и современные им поселения, принадлежат чудскому (финно-угорскому) населению, предкам мордвы, мещеры и муромы. По среднему течению Оки, на ее правом берегу, жили мордовские племена (по-видимому, предки мордвы-эрзи), на левом берегу — племена,

---

[362] Н. И. Лебедева и Г. С. Маслова. Ук. соч., стр. 28.

[363] Н. Н. Харузин. Очерк истории развития жилища у финнов. М., 1895; П. П. Макушин. Поселения и жилища мордвы-эрзи Мордовской АССР. Автореферат диссертации. М., 1954; М. П. Веске. Славяно-финские культурные отношения по данным языка. Казань, 1890 (Изв. Об-ва археол., истории и этнографии при Казанском университете, т. VIII, вып. 1, 3).

[364] М. Ф. Жиганов. Хозяйство мордвы в XIII—XVI вв. Автореферат диссертации. М., 1955, стр. 7.

[365] «Курс русской истории», т. I, стр. 362.

[366] Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края. Труды секции археологии РАНИОН, т. IV, 1929, стр. 138—144.

самоназвания которых мы не знаем, условно называемые нами мещерскими; по нижнему течению Оки жила мурома.

Проникновение славян в бассейн среднего течения р. Оки началось в середине I тысячелетия н. э.; оно усилилось в VIII—IX вв., так как по Оке пролегал важнейший торговый путь на Восток, а в X в. происходила массовая славянская колонизация. Эрзянские земли колонизовались вятичами, мещерские и муромские — кривичами. Вятичи, этнографические особенности которых обратили на себя внимание еще средневековых восточных географов, принесли на Оку уже целиком сформировавшуюся в их коренных землях — на Верхней Оке и Верхнем Дону — культуру, элементы которой устойчиво сохранялись в Рязанской земле вплоть до XII—XIII вв. и пережитки которой дошли до нового времени.

Чудское население было вытеснено и частично ассимилировано вятичами в течение сравнительно короткого времени [367]; тот же процесс в Мещерской стороне растянулся на 300 лет. Это произошло потому, что вятичи колонизовали старые земледельческие районы, где процесс феодализации и насильственной христианизации содействовал уходу большинства местного населения на восток, а затем быстрому стиранию этнических особенностей той части местных племен, которая осталась на месте. В глухой мещерской промыслово-охотничьей стороне тот же процесс протекал медленнее. Кроме того, на среднем течении р. Оки славяне встретили густое население, а в Мещерской стороне население было сравнительно редким, и славянское расселение не вытесняло туземцев с окультуренных земель. Славяне постепенно расселялись в среде коренных жителей, и в течение веков происходила их ассимиляция.

Первый, ранний этап колонизации относится к концу IX в. — X в. Она шла не в пустынные, малозаселенные земли, а в густонаселенный хорошо вооруженным народом край. Этот народ вытеснялся и ассимилировался. Торговый путь по Оке издавна был освоен славянскими купцами, и они проложили дорогу колонизационному потоку. Среди причин передвижения населения в бассейн среднего течения р. Оки важнейшей было вытеснение славянского населения кочевниками из южных областей, прежде всего из Подонья.

В XI—XII вв. в Рязанскую землю направлялся другой колонизационный поток — из Киевской земли. Это он сюда принес южные наименования — Переяславль, Вышгород, Трубеж, Лыбедь и т. д. Это он способствовал наибольшему сближению культуры Киевской и Рязанской земли. Причины этого второго этапа колонизации были несколько иными. Хотя и теперь играло роль желание уйти с окраинных русских земель, разоряемых частыми войнами и набегами, но большее значение имело стремление разоряемых в процессе феодализации общинников переселиться на новые земли.

В Волго-Окском междуречье намечаются также два этапа колонизации, шедшей из других источников, но хронологически примерно совпадавшей с рязанской.

Таким образом, весь процесс русской колонизации северо-восточных земель рисуется совсем по-иному, чем прежде. Важнейшую роль играл первый, более древний этап переселения славян на эти земли в IX—X вв.

---

[367] Конечно, процесс ассимиляции — длительный, протекающий иногда на протяжении жизни нескольких поколений, поэтому не следует упоминаемое здесь «сравнительно короткое время» понимать буквально. При отсутствии точных датирующих данных мы не можем ответить на вопрос, произошло это в течение одного или полутора столетий, но, несомненно, что часть местного населения осталась, не была вытеснена славянами и подвергалась ассимиляции.

Процесс колонизации очень плохо отражается в исторических источниках и, пожалуй, наиболее яркими из них являются археологические данные. Используя эти данные, мы выходим из сферы предположений и вступаем в область научных доказательств. Проверка основанных на археологии выводов данными других наук: антропологии и диалектологии подтверждает тезис о вятической колонизации основной территории Рязанской земли. Археологические доказательства частичной ассимиляции и частичного вытеснения славянами древнего населения бассейна среднего течения р. Оки также подтверждаются данными антропологии, языкознания и этнографии. В период древних близких контактов мордва восприняла от русских формы костюма, жилья и других сторон быта и в отдельных случаях сохранила их почти до наших дней. Картографирование русских народных говоров показывает, что такое явление, как «цоканье», охватывает все говоры, которые сформировались в результате ассимиляции финно-угорского населения на территории мещеры и муромы.

III

Славянские городища, селища и курганы рязанской земли

XIII

Предварительные замечания. Типы поселений. Городища и селища. Проблема установления тождества летописных «городов» и городищ, известных археологам.

Стало уже обычным, что историк начинает разговор о древнерусских городах с жалобы на скудость источников. Городские архивы древней Руси не сохранились, летописные данные крайне разрозненны, а раскопки ведутся в скромных масштабах. И все же, если собрать по частям все источники, то их оказывается не так уже мало. Об этом свидетельствуют такие книги советских ученых, как «Древнерусские города» М. Н. Тихомирова, «Ремесло древней Руси» Б. А. Рыбакова, «История культуры древней Руси», монографии по отдельным городам и др. Рязанская земля, пожалуй, находится в худшем положении, чем другие области древней Руси, из-за скудости письменных источников вследствие гибели рязанских летописей. Тем более ценными становятся для исследователя результаты археологических раскопок и разведок населенных пунктов. Всего на археологической карте Рязанской земли зарегистрировано 180 пунктов со славянским населением, относящихся к X—XVI вв.; из них 62 городища, остальные — неукрепленные поселения, селища.

Очевидно, далеко не все городища являются остатками городов в современном смысле слова, т. е. центров ремесла и торговли, развивавшихся в связи с общественным разделением труда. В древней Руси термин «город» означал прежде всего укрепленное поселение. Поэтому вполне вероятно, что даже среди названных в летописи «городов» мы найдем и сельские поселения крестьян, и боярские и княжеские усадьбы. Тем более можно полагать, что многие городища, вообще не отожествляемые с названными в летописи «городами», представлявшие небольшие поселения, чаще всего на мысах, где жили еще в дославянское время древние насельники края,— были поселениями сельскими. Археологический термин «селище», имеющий в виду неукрепленное поселение, не совпадает в данном случае с историческим понятием деревни или села, т. е. населенного пункта, жители которого занимались главным образом сельским хозяйством.

Изучение русской деревни археологами началось только в последние годы и нигде еще не достигало объема, необходимого для широких научных выводов. Это относится и к Рязанской области. Из 118 зарегистрированных

русских селищ лишь очень немногие подвергались раскопкам. Правда, для изучения русской деревни могут быть привлечены данные раскопок курганов, в большинстве случаев представляющих деревенские кладбища. Но, не говоря уже о специфическом составе курганных инвентарей, почти не содержащих материалов для характеристики производства, следует отметить, что Рязанская земля не принадлежит к областям, изобилующим курганными могильниками. Поэтому, хотя славянские курганы раскапывались здесь в большом количестве и почти нет неисследованных значительных групп курганов, мы можем извлечь из раскопок курганов лишь сравнительно немного данных для истории рязанской деревни.

Несмотря на обширные разведки, проводившиеся в Рязанской области, можно с уверенностью утверждать, что многие селища еще не открыты. Если мы посмотрим на карту славянских населенных пунктов и могильников, то увидим их концентрацию главным образом в долинах рек Оки и Прони. Хотя мы знаем, что эти реки служили важными торговыми путями и вокруг них располагались важнейшие в экономическом отношении районы, все же концентрация здесь известных нам поселений объясняется не только историческими причинами, но и тем, что археологическая разведка велась по долинам этих рек, и водоразделы и другие районы слабее изучены. Делая выводы на основании археологической карты, мы должны постоянно учитывать неполноту наших данных.

Необходимо сделать еще одно предварительное замечание. Очень сложной является проблема установления тождества упоминаемых в летописи «городов» с найденными археологами городищами. Летописи почти никогда не указывают точно местоположение «городов», и поэтому приходится, пользуясь косвенными данными, предполагать, где находились такие «города», как Белгород, Ольгов, Борисов-Глебов и др. Поиски затруднены тем, что городищ со слоем X—XIII вв. в Рязанской земле значительно больше, чем упоминаемых в летописи «городов». Часто мы не имеем даже ориентировочных сведений для поисков летописного «города» среди многочисленных городищ. Мы не знаем, был ли, скажем, рязанский «город» Ольгов, действительно, обширным городом с посадом и ремесленными кварталами, как, например, Старая Рязань, или это был просто укрепленный пункт, замок или крепость. Чаще всего ориентирами для отождествления летописных «городов» и сохранившихся городищ служат данные топонимики, но они не только весьма спорны, но часто бывает так, что есть несколько поселений в разных концах Рязанской земли, в названиях которых можно видеть названия древних «городов»; так, в Рязанской области есть несколько сел Ижевских, Ижеславльских и Льговских, Ольговых и в то же время нет ни одного Белгорода.

XIV

Границы Рязанского княжества. Сведения Никоновской летописи. Список «русских городов».

Вступая в эпоху, уже до некоторой степени освещенную письменными источниками, мы можем говорить о «рязанских городах», исходя из наших сведений о границах Рязанского княжества. Поэтому, несколько предваряя дальнейшее изложение истории княжества, попытаемся очертить его границы в XII—XIII вв.

Границы русских княжеств мы знаем лишь приблизительно. Они были очень непостоянны, и трудно по летописям проследить все изменения

территории в течение веков. Более или менее четкое определение границ края дают с конца XIV в. договорные грамоты рязанских князей с московскими. Однако некоторые данные для определения границ Рязанского княжества мы имеем уже для первой половины XII в.

Рязанская земля (рис. 46) в домонгольское время граничила с севера с Ростово-Суздальской землей, с юго-запада — с Черниговской землей. Территория Черниговской земли на востоке доходила по р. Сосне до Дона; к северу от Сосны граница между Рязанской и Черниговской землей проходила между Пронском и черниговским городом Дедославлем (ныне с. Дедилово Тульской области). Черниговские владения захватывали верхнее течение р. Осетра. Пересекая Осетр, граница выходила к Оке где-то ниже по течению Оки от черниговского города Колтеска (с. Колтово, в 5 км от Каширы) и выше рязанского города Ростиславля (на берегу Оки). К северу от Оки на берегу р. Москвы лежал черниговский г. Свирилеск [1]. В 7 км ниже на реке находился рязанский город Коломна. Восточная граница Рязанской земли доходила до р. Мокши. Здесь были земли мордвы. Вблизи мордовского г. Кадома встречаются славянские селища домонгольского времени. На восток от Кадома находилась мордовская «Пургасова волость» [2].

Северо-восточная граница Рязанского княжества очень неопределенна. По-видимому, долго оставались неосвоенными лесные и болотистые земли Мещерской стороны. Непосредственно с Ростово-Суздальской землей соприкасался Муром, который до середины XII в. был политически связан с Рязанью. Общую границу Рязанского и Ростово-Суздальского княжеств мы можем определенно указать лишь где-то в районе Коломны.

На юге в состав Рязанской земли входили какие-то места, лежащие в верховьях р. Воронежа. Когда в 1177 г. Всеволод разгромил и пленил рязанских князей, один из них, Ярополк Ростиславич убежал на Воронеж «и тамо прехожаше из града в град». По требованию Всеволода рязанцы, «ехавшие в Вороножь, яша его (Ярополка) и приведоша его в Володимирь» [3]. Видимо, это могло произойти лишь в том случае, если Воронеж находился в пределах территории, на которую распространялась власть «рязанцев». Действительно, в Рязанской земле находился какой-то Воронеж, неоднократно упоминаемый в летописной повести о нашествии Батыя (Новгородская I летопись, Воскресенский и Академический списки). Согласно этой повести «Воронеж» находился на пути из Нузлы (Нузы) к Рязани. По предположению Надеждина и Неволина, Нузла — это Уза, приток Суры [4]. По летописи Нузла находится в «земле Рязанской». М. П. Погодин и С. М. Соловьев также считали Нузлу рекой, но, так как по летописи татары «взяша ю», нужно думать, что речь идет о городе, а не о реке. В летописном списке городов имеется город «Онуз», но он помещен среди

---

[1] А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 65.

[2] Может быть, с местами пребывания исторического Пургаса связаны названия сел Пургасова (Кадомского района, Рязанской области, близ Старого Кадома) и «Пургасова городища» в 60 км к востоку (известно в XVII в.). П. Степанов. Пургасово городище. Записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР. Саранск, 1946; Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 г., стр. 162, 163.

[3] По-видимому, здесь имеется в виду река Воронеж, а не город. В Ипатьевской летописи сказано: «Ехавше Воронажь», а в Лаврентьевской — «в Вороножь». Неизвестно, какой предлог был в подлиннике — «в» или «на». Последний означал бы только реку Воронеж, так как для обозначения движения к городу употребительнее был местный падеж без предлога: «Ехавше Воронажю». См. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, изд. 3-е («Обществ. польза»), т. I, стр. 28.

[4] М. Погодин. Исследования, замечания и лекции. М., 1850, т. IV, стр. 255.

Рис. 46. Рязанское княжество в XII в.— начале XIII в.

литовских, а не рязанских городов. Было высказано предположение, что Онуза или Оноза находилась в 10 верстах от Козлова (Мичуринска), там, где Польной и Лесной Воронежи соединяются в одну реку. Это предположение основано лишь на логических рассуждениях о том, где удобно было остановиться Батыю [5].

Согласно известиям Никоновской летописи в XII в. места по Червленному яру, по Хопру и по Великой Вороне лежали «в Резани». Эти известия справедливо подвергает сомнению А. Н. Насонов [6]. Вряд ли в XII в. рязанская дань распространялась на места, лежащие в глубоком тылу половецких кочевий. Возможно, что автор рязанских известий Никоновской летописи счел необходимым упомянуть об этих местах, в его время хорошо известных из актов (собор в Костроме, грамоты Феогноста и Алексея) [7], в связи со спором сарайской и рязанской епископий из-за того, в чьем ведении должно находиться христианское население, обитавшее в Червленном яру и в городах по Великую Ворону «по караулом возле Хопор до Дону». В XIV—XV вв. эти места были уже окраинными, южными местами Рязанской епархии. Если распространение рязанской дани на среднее течение Дона весьма сомнительно, то верховья Дона, вероятно, входили в число земель, подчиненных рязанскому князю уже в XII в. По своему территориальному положению и вятичскому населению эти земли «тянули» к Рязани.

Археологическая разведка в этих районах не была до сих проведена. Однако в «Хождении Пименовом в Царьград» содержатся сведения о следах древнего населения в верховьях Дона, в местах, обратившихся к 1389 г. в безлюдную пустыню [8]. От Переяславля-Рязанского путники прошли к верховьям Дона, на второй день они дошли до Чур Михайловых. «Бысть же сие путное шествие печально и унылниво, бяше бо пустыня зело всюду, не бе бо видети тамо ничтоже: ни града, ни села, аще бо и быша древле грады красны и нарочито зело видением места, точью пусто же все и не населено; нигде бе видети человека, точию пустыни велиа, и звереи множество: козы, лоси, волци, лисицы, выдры, медведи, бобры, птицы орлы, гуси, лебеди, жарави и прочая и бяше все пустыни велиа». Когда путники подплывали к Тихой Сосне, то видели «столпы камены белы, дивно же и красно стоят рядом, ярко стози малы, белы же и светли зело, над рекою над Сосною». В конце XIV в. еще были видны остатки древних городов на Верхнем Дону; возможно, что эти «красные» и «нарочитые» города в домонгольское время принадлежали Рязани.

Таким образом, определить границы Рязанской земли в домонгольское время удается лишь весьма приблизительно. Не может служить для этой цели список русских городов, помещаемый обычно в летописях и сборниках XV—XVII вв. в виде особой статьи под названием «А се имена всем градам русским далним и ближним» [9]. В списке перечислены следующие города «Рязаньскии»: «Рязань старая на Оце, а новый городок Олгов на усть Проне; Пронеск, Торческ, Воино, Шилов, Старый Львов [10], Глебов, Зареческ, Переяславль на Трубеже, Михайлов, Перевитеск, Шишино, Ростиславль, Венев, Тешилов, Крилатеск, Неринеск, Кулатеск, Рославль [11].

[5] И. Дубасов. Об Онозе на Воронежи. Труды VIII АС 1880 г., т. III, М., 1897, стр. 319, 320.

[6] А. Н. Насонов. Ук. соч., стр. 212—214.

[7] Русская историческая библиотека (Памятники канонического права), т. VI, № 18 и 19; Акты исторические, т. I.

[8] ПСРЛ, т. XI, стр. 95.

[9] Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.— Л., 1950, стр. 475—477.

[10] Ошибка; по-видимому,— Старый Льгов.

[11] В Ермолинской и Воскресенской летописях — «Рославль».

Польскыи, Свинеск, Новгородок на Осетре, Бобруеск, Дубечин, на Плаве Микитин, Вердерев, Ломихвост, в верх Дону Дубок, Корнике, Урюпеск» [12].

М. Н. Тихомиров датирует список временем между 1387 и 1392 гг. Вопреки сложившемуся мнению о недостоверности и компилятивности «Списка городов», М. Н. Тихомиров показывает его крупное значение как географического источника [13]. Но этот источник, очень важный для историко-географических изысканий о городах и границах земель конца XIV в. — начала XV в., почти ничего не дает для выяснения тех же вопросов относительно домонгольского времени.

За исключением нескольких городов, о существовании которых в домонгольское время точно известно, в отношении остальных, указанных в списке, «рязанских» городов (а назван 31 город) нельзя быть уверенным, что они входили в состав Рязанского княжества XIII в. и даже вообще существовали в это время. Часть же названных в списке «рязанских» городов в XIII в. принадлежала Черниговскому княжеству. Только в XIV в. земли по Протве и Наре относились уже к Рязанскому княжеству. Вскоре они были приобретены от Рязани Москвой [14].

Следует заметить, что в этом списке нет городов Белгорода и Ижеславца, разоренных, согласно летописи, Батыем. Из этого можно сделать вывод, что татарский погром полностью уничтожил эти города, и в XIV в. они уже не существовали даже в виде небольших поселений, из которых многие включены в список «рязанских» городов.

Таким образом, для определения рязанских городов домонгольского времени «Список городов» мало пригоден, и мы будем в дальнейшем говорить лишь о городах в пределах очерченной выше границы Рязанской земли.

XV

Классификация рязанских городищ. Вопрос о классификации рязанских селищ. Демографические данные.

В этих границах на археологической карте Рязанской области зарегистрированы 62 городища, на которых имеются слои X—XVI вв. (рис. 47). Эти рязанские городища можно разделить на 4 группы.

Большинство рязанских городищ, как и других древнерусских [15], относится к типу мысовых городищ. Но для нас важен не этот формальный признак, а другое обстоятельство: большинство рязанских городищ домонгольского времени возникло на основе древних городищ раннего железного века (городецкой культуры), и новое население использовало древние укрепления, обновив и усилив их. Об этой преемственности уже говорилось выше, в главе X. Эти городища расположены, как правило, на высоких мысах, вдающихся в пойму реки, часто ограниченных с двух сторон глубокими оврагами и от прилегающего плато отделенных валом и рвом, ино-

[12] В Ермолинской и Воскресенской летописях — «Урюписк».

[13] М. Н. Тихомиров. «Список русских городов дальних и ближних». ИЗ, т. 40, 1952, стр. 214—259.

[14] Собрание государственных грамот и договоров, т. I, № 32; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. (под ред. Л. В. Черепнина). М., 1950, № 10 и 11.

[15] См. П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА № 52, 1956, стр. 22, 23 и сл.

гда — двумя или тремя валами и рвами. Форма городища зависит от формы мыса — чаще всего она треугольная, реже овальная или круглая и еще реже четырехугольная. Все они малого размера — от 30×60 до 80×120 м, редко выходя за пределы этих величин. Славянское население обычно использовало только одну из линий древних валов, подсыпáло вал для придания ему большей высоты и по вершине ставило тын или городни.

Некоторые из этих городищ подвергались лишь шурфовке, другие раскапывались. На всех обнаружены два слоя — городецкий и славянский. Мы не можем еще исчерпывающе ответить на вопрос о том, чем были эти городища в славянское время. Это объясняется не столько масштабами раскопок, сколько особенностями культурного слоя — он в большинстве случаев смыт, распахан или испорчен поздними кладбищами. На отдельных городищах — Казарском, Романово-Борисо-Глебском, Пронском слой славянского времени дает все же возможность предположить, что на основе древнего поселения возникли позднейшие «города», упоминаемые в летописи. Здесь найдены следы ремесленного производства — шлаки, литейные формы и изделия, типичные для городской культуры,— стеклянные браслеты, шиферные пряслица, серебряные ювелирные изделия городских ремесленников. Остальные городища первой группы, вероятно, были сельскими поселениями.

Вторая группа городищ — это большие рязанские города, со сложной планировкой, иногда имеющие в основе древнее мысовое городище, как Старая Рязань, Ростиславль, иногда без древнего слоя, как Лубянское городище, иногда включившие в свой состав также древние городища и селища, как Муром.

Третья группа городищ с укреплениями правильной геометрической формы имеет точную дату — XII—XIII вв. Это Ижеславльское и Жокинское городища, четырёхугольной формы, с тремя линиями валов и рвов, и Лихаревское городище с двумя линиями валов и рвов.

Четвертая группа городищ — это мысовые славянские городища, не имеющие подстилающего слоя городецкого времени, как правило, значительно бóльшие, чем городища первой группы. Таковы Толпинское, Новоселковское, Темгеневское, Перевитское I и др.

Часть городищ третьей и четвертой групп была, возможно, древними городами, часть — замками (Жокинское, Ново-Ольговское).

Поскольку предложенная нами классификация рязанских городищ имеет в виду не только формальные признаки, но и данные их исторического развития, она не является очевидной, и в дальнейшем изложении, при описании каждого из городищ, мы попытаемся представить доказательства справедливости отнесения того или иного памятника к одной из четырех групп. Эта классификация поможет нам разобраться в вопросах происхождения рязанских городов.

Ввиду того, что рязанские селища еще очень мало изучены, попытка их классификации, хотя бы по внешним признакам (например, по планировке), была бы преждевременной. В связи с этим обращает на себя внимание работа, проделанная Н. И. Лебедевой и Н. П. Милоновым по изучению типов поселений Рязанской области [16]. Ими были просмотрены архив П. Ф. Кудрявцева, хранящийся в Рязанском областном краеведческом музее и содержащий около 2494 планов сельских поселений, что при $3^1/_2$ тысячах селений области охватывает около 70% территории, и фонд межевой канцелярии Рязанского областного архива, в котором просмотрено

[16] Н. И. Лебедева и Н. П. Милонов. Типы поселений Рязанской области (по документам Рязанского областного архива и научного архива Рязанского краеведческого музея). СЭ, 1950, № 4, стр. 107—132.

2000 единиц хранения. Отобрав из общего количества планов те из них, которые относятся к XVIII в. и первой половине XIX в. (в 30—40-х годах XIX в. началась перепланировка селений в Рязанской губернии), они пытались классифицировать их и использовать как источник для истории деревни. Совершенно не соглашаясь с некоторыми ошибочными методологическими исходными положениями авторов статьи, которые почти механически возводят современные планы в глубокую древность, иногда не считаясь даже с тем, что само село возникло лишь в XVIII—XIX вв., нельзя не обратить внимания на то, что в ряде случаев, по-видимому, планы отражают древние традиции.

Типология поселений основана на их планировке: для кучевых селений характерно, что строения расположены группами, кучками, нередко на значительном расстоянии друг от друга. На круговых селениях постройки располагаются вокруг какого-либо центра — церкви, рынка, выгона, пашни, озера и т. п. На линейных поселениях постройки расположены по ряду, рядом, не всегда по прямой; иногда они бывают дуговые, кривые и т. п.

Авторы статьи почему-то считают характерными для древних славян (и притом восходящими еще к трипольской культуре!) поселения с круговым планом. Они картографируют круговые поселения, сопоставляют эту карту с данными о славянской колонизации Рязанской области и в их совпадении видят доказательство своей мысли. Конечно, рассуждая строго научно, до тех пор пока не будет раскопано целиком хотя бы одно круговое поселение и не будет точно датировано время возникновения нанесенных на карту поселений,— вывод Н. И. Лебедевой и Н. П. Милонова нельзя будет обосновать. Но как предварительное наблюдение, как научная гипотеза он вполне допустим. Следует обратить внимание, что основная масса археологических памятников, связанных с древнеславянским, преимущественно вятичским населением Рязанской области, совпадает с территорией, на которой расположены круговые поселения. В то же время следует помнить, что для восточных славян круговой план деревни является чрезвычайно редким типом. Он хорошо известен у западных славян [17]. Поэтому если в будущем будут найдены археологические доказательства предположения, высказанного Н. И. Лебедевой и Н. П. Милоновым, это потребует специального объяснения.

Вопрос о том, насколько современная картина сельских поселений отражает древние исторические процессы, методически очень сложный. Лишь в результате всестороннего археологического, исторического, этнографического изучения каждой деревни можно будет решить вопрос о том, к какому времени восходят те или иные наблюдаемые явления. Но некоторые наблюдения, основанные даже на поверхностном историческом анализе, заслуживают внимания. Так, в связи с изложенными выше сведениями о распространении славянских селищ и городищ, обращают на себя внимание антропогеографические исследования В. П. Семенова-Тянь-Шанского. Он поделил области Центральной России (Центрально-Промышленную область) на районы сгущения и разрежения населения и попытался связать наблюдаемые факты с историей и естественными условиями этих районов. Для Рязанской земли такими районами сгущения населения оказались: «17) Старо-Рязанское пятно на Оке, между устьями рек Прони и Пары — первоначальный центр Рязанского княжества; 18) Касимовское на Оке, у устьев Гуся, Колпи и Унжи, по Касимовской известняковой гряде — центр Касимовского татарского царства (80—100 жителей на кв. версту) ... 24) район Рязанской стороны, расположенный по Оке на овражистом

[17] С. А. Токарев. Этнография народов СССР. Изд. Московского университета, 1958, стр. 51.

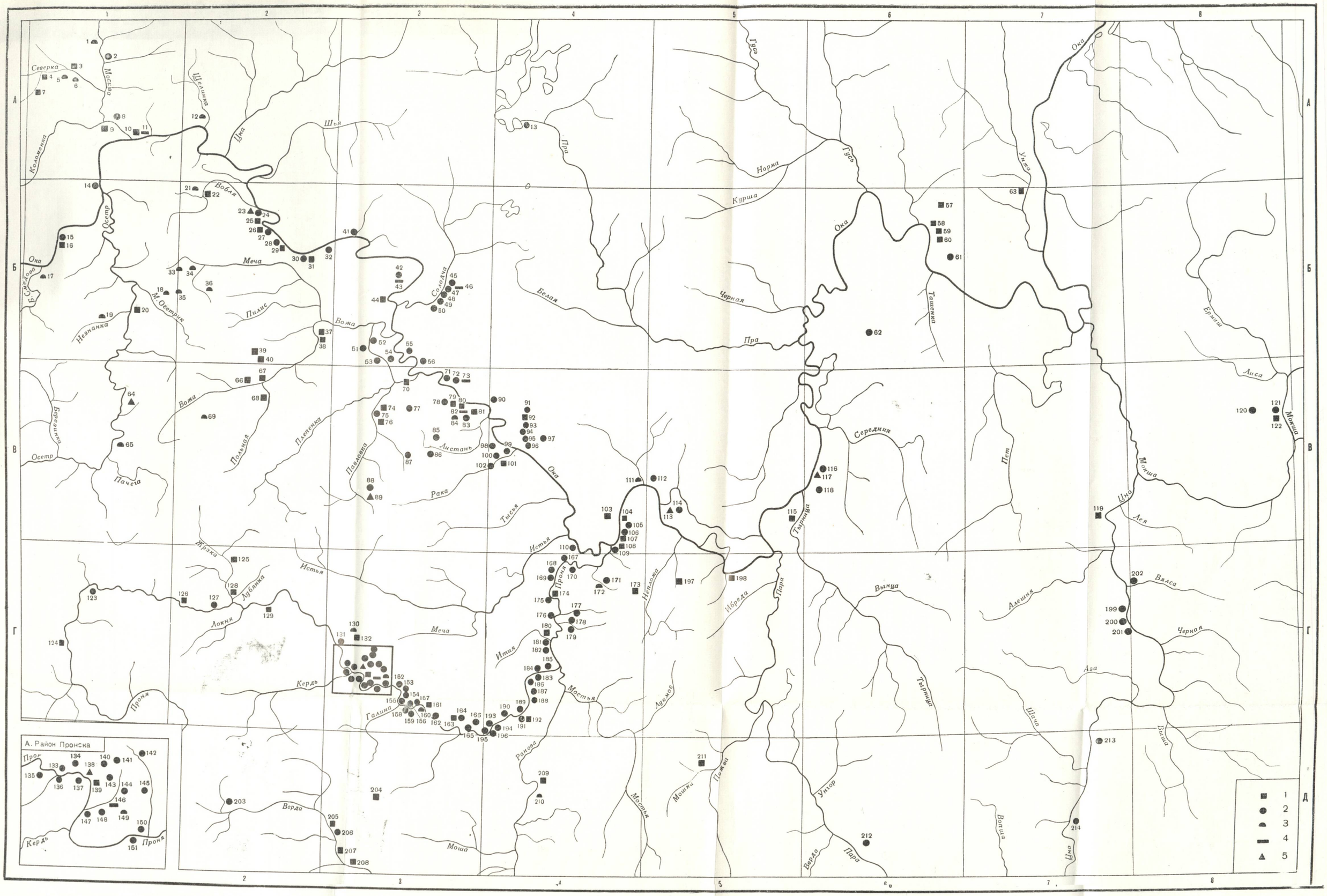


Рис. 47. Археологические памятники славянского населения в бассейне среднего течения р. Оки X—XVI вв. (Первое обозначение в скобках после названия памятника указывает номер на карте, второе обозначение — трапецию).

1 — городища; *2* — селища; *3* — курганные могильники; *4* — грунтовые могильники; *5* — клады.

Акаемовский могильник (*43, Б-3*); Акаемовское селище (*42, Б-3*); Акатьевское селище (*14, Б-1*); Аксеновские курганы (*21, Б-2*); Алабинское селище (*151, Г-3*); Алекановское II селище (*72, В-3*); Алекановский могильник (*73, В-3*); Алпатьевское городище (*29, В-2*); Алпатьевское селище (*28, Б-2*); Аponичищихские (Потоловские курганы (*34, Б-2*); Армыжевское селище (*120, В-3*); Ачкасовские курганы (*1, А-1*); Баграмовское городище (*37, Б-2*); Бадьинское селище (*196, Г-4*); Батьево селище (*140,Г-3*); Бестужевское селище (*162, Г-3*); Болошневское селище (*102,В-4*); Большепироговское городище (*174, Г-4*); Больше-Слободское селище (*189, Г-4*); Борисо-Глебское городище (*31, Б-2*); Борисо-Глебское селище (*30, Б-2*); Борковское I селище (*54, Б-3*); Буковское селище (*24, Б-2*); Быковское селище (*193, Г-4*); Вакинское селище (*32, Б-2*); Вердеревское городище (*204, Д-3*); Вознесенское городище (*122, В-3*); Войниковское городище (*38, Б-2*); Вышгородское городище (*101, В-4*); Вышгородское I селище (*99, В-4*); Вышгородское II селище (*100, В-4*); Вялсинское селище (*202, Г-3*); Галинское селище (*154, Г-3*); Глебово городище (*66,В-2*); Гневненский могильник (*146, Г-3*); Городецкие курганы (*111, В-4*); Городец-Мещерский, городище (*59, Б-6*); Городищенское II селище (*51, Б-3*); Городищенские курганы (*130, Г-3*); Графчиковские курганы (*35, Б-2*); Гремячее городище (*124, Г-1*); Дашковское городище (*74, В-3*); Денисовское городище (*161,Г-3*); Дмитриевское городище (*208, Д-3*); Добрый сот, селище (168, Г-4); Дубровичское селище (71, *В-3*); Дураковские Ворота, городище (*67, В-2*); Дядьковское городище(*79, В-3*); Дядьковское селище (*78, В-2*); Дятловские курганы (*19, Б-1*); Елатьма, городище (*63, Б-7*); Елинское селище (*2, А-1*); Елшинское (Чертово) городище (*132, Г-3*); Ершовское селище (*13, А-4*); Железницкий клад (*64, В-1*); Жерновищенское I селище (*178, Г-4*); Жерновищенское II селище (*179, Г-4*); Жокинское городище (*125, Г-2*); Заокское II селище (*55, Б-3*); Запольское городище (Караул; *197, Г-5*); Заразинское селище (*194, Г-4*); Зарайск, город (*20, Б-1*); Засечьенское селище (*171, Г-4*); Земляной Струг, городище (*57, Б-6*); Ижеславльское городище (*129, Г-2*); Казарское городище (*92, В-4*); Казарское I селище (*95, В-4*); Казарское II селище (*94, В-4*); Казарское III селище (*93, В-4*); Казарское северное селище (*91, В-4*); Казарское южное селище (*96, В-4*); Калитинское селище (*88, В-3*); Карабчевское городище (*10,А-1*); Карабчевский могильник (*11, А-1*); Касимов, город (*58, Б-6*); Кисьвянское селище (*153, Г-3*); Княжевское городище (*209, Д-4*); Княжевское селище (*142, Г-3*); Княжевский курган (*210, Д-4*); Козицинское (Зименковское) городище (*39, Б-2*); Козловские курганы (*18, Б-1*); Колдамышевское селище (*201, Г-7*); Коломцы II, селище (*45, Б-3*); Коломцы, погребение (*46, Б-3*); Коломна, город (*9, А-1*); Колонецкое I селище (*183, Г-4*); Колонецкое II селище (*184, Г-4*); Колонецкое III селище (*185,Г-4*); Конищевское селище (*53, Б-3*); Кораблинское селище (*98, В-4*); Косьмовское селище (*110, В-4*); Кривишенские курганы (*33, Б-2*); Кривцовское городище (*198, Г-5*); Куземкинское селище (*62, Б-6*); Курлышевское селище (*123, Г-1*); Лисьегорское городище (*40, Б-2*); Лихаревское городище (*207, Д-3*); Лубянское городище (*128, Г-2*); Луховицкое (Пацецкое) городище (*22, Б-2*); Лыковское I селище (*156, Г-3*); Лыковское II селище (*158, Г-3*); Лыковское III селище (*159, Г-3*); Льговское городище (*81, В-3*); Льговское селище (*83, В-3*); Льговский могильник (*82, В-3*); Маклаковские курганы (*160, Г-3*); Маливские курганы (*12, А-2*); Малинищевское селище (*145, Г-3*); Мало-Пироговское селище (*177, Г-4*); Малые Ржавцы, селище (*170, Г-4*); Михайловское городище (*126,Г-2*); Мокшинское селище (*121, В-8*); Мосоловское городище (*173, Г-4*); Мурминское II селище (*90, В-4*); Мшанское селище (*203, Д-2*); Мызинское селище (*157, Г-3*); Мячковское городище (*3, А-1*); Незнановское селище (*191, Г-4*); Никитинское городище (*108, В-4*); Никитинское селище (*109, В-4*); Никуличское селище (*77, В-3*); Никульские курганы (*6, А-1*); Ново-Березовское селище (*199, Г-7*); Ново-Ольговское городище (*107, В-4*); Ново-Ольговское селище (*106, В-4*); Новоселковское городище (*80, В-3*); Облачинский клад (*113, В-5*); Облачинское II селище (*114, В-5*); Озерицкий клад (*23, Б-2*); Осовские курганы (*65, В-1*); Перевитское I городище (*26, Б-2*); Перевитское II городище (*25, Б-2*); Перевитское селище (*27, Б-2*); Перевлесское селище (*175, Г-4*); Переяславль-Рязанский, город (*70, В-3*); Перекинское селище (*157,Г-4*); Пески, селище (*169, Г-4*); Плотное селище (*141, Г-3*); Плотное Старокладбищенское селище (*144, Г-3*); Погореловское селище (*152, Г-3*); Поленское селище (*85, В-3*); Польновское городище (*68, В-2*); Полянское II селище (*61, Б-6*); Пронский клад (*138, Г-3*); Пронское городище (*139, Г-3*); Пронское Архангельское селище (*137, Г-3*); Пронское Котовское селище (*136, Г-3*); Пронское Красное селище (*135, Г-3*); Пронское Новинское селище (*147, Г-3*); Пронское Ново-Никольское селище (*133, Г-3*) Пронское Подгорное селище (*134, Г-3*); Пронское Прикурганное II селище (*148, Г-3*); Пронские Монастырские курганы (*149, Г-3*); Пудковское городище (*44, Б-3*); Пушкарское селище (*143, Г-3*); Речкинские курганы (*5, А-1*); Роменское селище (*86, В-3*); Ростиславльское городище (*16, Б-1*); Ростиславльское селище (*15, Б-1*); Рубцовские курганы (*84, В-3*); Сапожок, городище (*211,Д-5*); Свистовское городище (*127,Г-2*); Секиотовское селище (*75, В-3*); Сельцовское селище (*41, Б-3*); Семеновское городище (*76, В-3*); Семионовское I селище (*19, Г-4*); Семионовское II селище (*187, Г-4*); Семионовское III селище (*186, Г-4*); Синецкое селище (*87, В-3*); Ситковские курганы (*36, Б-2*); Скопин, городище (*205, Д-3*); Скопинское селище (*206, Д-3*); Смедовские курганы (*17, Б-1*); Солотчинское I селище (*47, Б-3*); Солотчинское II селище (*48, Б-3*); Солотчинское III селище (*49, Б-3*); Солотчинское IV селище (*50, Б-3*); Спасское городище (*103, В-4*); Средне-Галинское II селище (*155, Г-3*); Старая Рязань, городище (*104, В-4*); Старо-Березовское селище (*200, Г-7*); Старо-Борецкое селище (*212, Д-6*); Старо-Ершовское селище (*176, Г-4*); Старое Мещерское городище (*60, Б-6*); Старо-Чернеевское селище (*214, Д-7*); Столпянское городище (*180, Г-4*); Столпянское селище (*181, Г-4*); Студенецкое (Верхнее) селище (*150, Г-3*); Сумбуловское селище (*97, В-4*); Татаркинское селище (*182, Г-4*); Темгеневское городище (*119, В-7*); Тереховское городище (*115, В-5*); Токаревский курган (*69, В-2*); Толпинское городище (*192, Г-4*); Тырновский клад (*117, В-6*); Тырновское II селище (*116, В-6*); Тырновское III селище (*118, В-6*); Ужальевское II селище (*112, В-5*); Ухорское селище (*190, Г-4*); Фефеловское селище (*52, Б-3*); Филатовское селище (*195, Г-4*); Харинские курганы (*172, Г-4*); Чанское селище (*8, А-1*); Чувиковское селище (*131, Г-3*); Шатрищенское селище (*105, В-4*); Шумотское I селище (*56, Б-3*); Щигровский клад (*89, В-3*); Юракинское городище (*163, Г-3*); Юракинское I селище (*165,Г-3*); Юракинское II селище (*164, Г-3*); Юракинское III селище (*166, Г-3*); Юшковское I городище (*4, А-1*); Юшковское II городище (*7, А-1*); Ялтуновское II селище (*214, Д-7*).

плато между реками Осетром и Проней, пересекавшийся прежде Вожской засекой... (от 60 до 90 жителей на кв. версту).... 28) отдельные пятна и полосы сгущений крупных земледельческих селений на черноземе от Сапожка на Моршанск, по течению рек Пары и Цны, с плотностями от 45 и более 100 жителей на кв. версту с ответвлением вниз по Паре и Оке; 29) район Шацко-Кадомских широких, чисто земледельческих пятен сгущения населения с плотностями от 80 до 90 жителей на кв. версту, расположенных в бассейне рек Цны и Мокши»... ...«Слабо заселенные площади, с плотностями менее 10 жителей на кв. версту,... представлены... преимущественно обширными пространствами лесов... XVI — Мещерского Полесья и XXII — Липецкой, Шацкой засек и Цнинских лесов» [18].

Наблюдения В. П. Семенова-Тянь-Шанского очень интересны и, при сопоставлении их с картой славянских памятников, показывают концентрацию и разрежение населения в тех же районах, что и в древности. Это в значительной мере определяется естественно-географическим фактором, но, несомненно, что сыграли роль и исторические причины. Основные районы современной концентрации населения — это древние исторические центры, за исключением южного степного района плотно заселенного в эпоху поздней колонизации служилыми людьми.

В заключение следует еще раз повторить, что все, что мы можем сказать по поводу демографических данных и классификации сельских поселений Рязанской земли при нынешнем состоянии источников,— это не более чем поверхностные наблюдения. Они могут стать научно-доказуемыми лишь в результате очень длительного и кропотливого накопления археологических материалов по рязанской деревне.

Иное дело классификация городищ — памятников, имеющих внешние признаки. Состояние их обследованности позволяет уже в настоящее время предложить изложенную выше схему их классификации. Пока же, отвлекаясь от нее, мы рассмотрим славянские поселения Рязанской земли по иному, территориальному, признаку, начиная с центра, древнейшего ядра этих поселений на Оке и постепенно продвигаясь к границам княжеств.

XVI

Поселения на Оке. Район Старой Рязани. Старо-Рязанское городище. Новый Ольгов городок. Исады. Облачинская дюна. Добрый Сот. Другие селища вблизи Старой Рязани.

Важнейшим городом Рязанской земли была столица княжества — Рязань, позже ставшая называться Старой Рязанью (рис. 47, *104*). Впервые славяне-колонисты появились здесь, в землях мордвы, в X в., а в XI в. Старая Рязань уже превратилась в большой город с развитым ремеслом и торговлей, в важный административный центр. История Старой Рязани коротка — город просуществовал не более трех веков. Разоренная в 1237 г. татарами, она постепенно все более приходила в упадок и в XIV в. уступила свое место главного города Рязанского княжества Переяславлю. Поскольку историко-археологическому исследованию Старой Рязани посвящена уже изданная монография [19], мы отсылаем читателя к ней и не будем

[18] В. П. Семенов-Тянь-Шанский. Антропогеография Центрально-Промышленной области. (Распределение населения ЦПО в связи с естественными условиями). Изд. Научно-техн. отд. ВСНХ, Л., 1924.

[19] А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА № 49, 1955.

останавливаться здесь на описании Старой Рязани. Укажем лишь, что планировка городища отразила этапы роста города от древнейшего поселения на мысе до огромного города, обнесенного внешними валами, в XII в.

Древняя столица Рязанского княжества находится на важнейшей водной магистрали — Оке, в центре издревле густозаселенного района. Вблизи от Старой Рязани открыты современные ей селища и неподалеку находится городище, которое по некоторым признакам может рассматриваться как княжеский замок.

В устье р. Прони в 6 км вверх по Оке от Старой Рязани, на высоком крутом мысе стоит небольшое Ново-Ольговское городище (рис. 47, *107*), укрепленное оплывшим, некогда очень высоким валом. Со стороны Прони и Оки крутой, подмытый реками, почти отвесный берег делает городище неприступным. Зато само городище расположено так, что, находясь на нем, можно контролировать движение по Проне и Оке. С городища открывается вид на большие участки обеих рек в месте впадения Прони в Оку и на бескрайние луга в их пойме. Городище небольшое по площади — 191,7 × 106,5 м, треугольной формы (рис. 48). Вал имеется только с напольной стороны и состоит из двух частей с воротами посередине. Внутренние концы валов посередине не соединяются между собой, но заходят один за другой, образуя въезд в городок. При этом правая от въезда сторона вала более длинная. Это свидетельствует о том, что вал был сооружен в то время, когда щит играл важную роль в снаряжении воина. Щит воин держал в левой руке, поэтому длинная правая сторона въезда давала возможность обороняющим крепость дольше обстреливать незащищенную сторону воина с тем, чтобы принудить его перенести щит в правую руку и лишить его возможности активно действовать в момент атаки ворот (вернее, в момент прохождения через них). Прямо против единственного въезда в городок стояла церковь, небольшого размера, с крайне массивными стенами, как бы запраждавшая и охранявшая въезд.

В 1888 г. А. В. Селиванов произвел раскопки, в результате которых были обнаружены фундаменты крестчатой церкви без столбов, незначительных размеров (26 × 22 аршина), с очень толстыми ($2^1/_2$ аршина) стенами [20]. Единственная апсида имеет несколько вытянутую форму. Сложена церковь из плитчатого кирпича. Массивность сооружения невольно наводит на мысль, не была ли эта церковь одновременно крепостным сооружением, охранявшим городок, замыкавший важный речной узел Проня — Ока. Но для крепостного сооружения слишком роскошна отделка церкви: она была украшена фресками и белокаменной резьбой. Здесь, в 6 верстах от Старой Рязани, вероятно, была расположена княжеская усадьба. Богатые украшения и малые размеры здания соответствуют княжеской придворной церкви. Княжеская усадьба находилась на скрещении важнейших водных путей, что давало возможность осуществлять контроль над ним. Церковь с мощными стенами могла служить дополнительным укреплением на городке, как донжон в крепости, где укрывался и оборонялся гарнизон в случае прорыва врага через линию внешних укреплений (вал и ров).

Раскопками 1888 г. на городке, по утверждению руководителя раскопок А. В. Селиванова, не обнаружено могил, жилищ и вообще следов длительного поселения. Наши контрольные раскопки в 1946 г. показали, что городище было населено в течение довольно длительного времени, но культурный слой распахивается, смывается и поэтому очень истощен. Все же нами здесь найдены шиферные пряслица, обломки стеклянных

---

[20] А. В. Селиванов. О раскопках в Старой Рязани и в древнем городке, известном в летописи под именем «Новый городок Ольгов». ТРУАК, т. V, вып. 3, 1890.

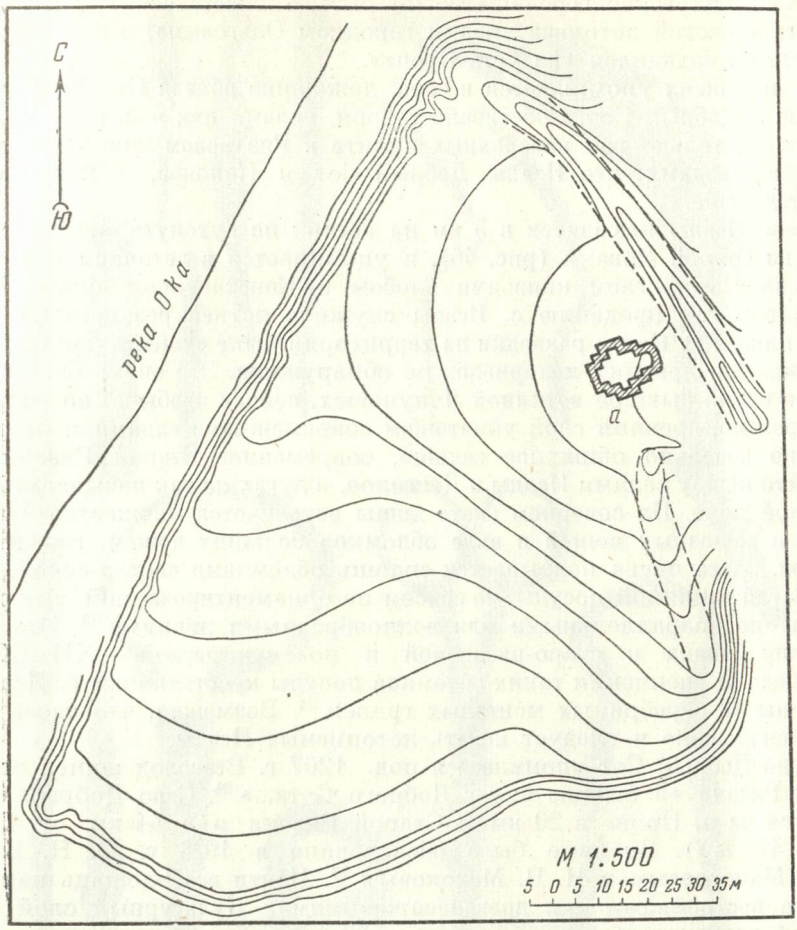


Рис. 48. Ново-Ольговское городище. План. (Съемка экспедиции ИИМК, 1949 г.).

а — план церкви, раскопанной в 1888 г.

браслетов, янтарный крестик, сердоликовая бипирамидальная бусина, ножички «курганного» типа. Много на городище керамики.

Керамика Ново-Ольговского городища очень близка к старорязанской. Большинство черепков на Ново-Ольговском городище — белой керамики с линейным орнаментом. Меньшую часть составляет керамика III рязанского типа [21]. Наиболее древние типы керамики, в частности, пышно украшенные зубчатым орнаментом сосуды, на Ново-Ольговском встречены в единичных экземплярах. Но в целом керамика свидетельствует об одновременности существования поселения на Ново-Ольговском городище и расцвета Старой Рязани. По-видимому, керамика Ново-Ольговского городища привозная из близлежащей Старой Рязани; здесь местного производства не было. На городище совсем не найдено ям и следов развала печей, обычно сопровождающих жилища. Несмотря на это, все же можно считать, судя по находкам вещей и керамики, что городище было населено в XI—XIII вв., но население не было многочисленным.

[21] См. А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 125.

Ново-Ольговское городище может быть отожествлено с упоминаемым в Воскресенской летописи «новым городком Ольговым», о котором сказано, что он находился «на усть Проне».

В летописях упоминаются и села, лежавшие вблизи Старой Рязани,— Исады и Добрый Сот. Собственно говоря, селами они в летописях не названы. Но только три населенных пункта в Рязанском княжестве не названы и городами: это Исады, Добрый Сот и Копонов, о котором речь будет дальше.

Село Исады находится в 5 км на восток по сухопутной дороге, ведущей из Старой Рязани (рис. 46), и упоминается в летописи под 1217 г. в связи с убийством князьями Глебом и Константином своих братьев. По народному преданию с. Исады служило летней резиденцией рязанских князей [22]. Наши разведки на территории ныне существующего с. Исады никаких древних материалов не обнаружили. Это очень богатое село, в свое время бывшее вотчиной Ляпуновых, сейчас необычайно разрослось и, вероятно, древний слой уничтожен современными садами и огородами. Однако довольно обширное селище, современное Старой Рязани, было открыто между селами Исады и Дегтяное, в лугах на так называемой Облачинской дюне. На северном скате дюны встречается множество битой посуды и железных вещей в виде обломков больших ножей, гвоздей, пластинок. Здесь почва покрывается сплошь обломками светло-серой, иногда розоватой глиняной посуды, то совсем не орнаментированной, то орнаментированной параллельными или волнообразными линиями [23]. Эта посуда по типу близка к старо-рязанской и ново-ольговской — XII—XIII вв. Недалеко от скопления таких обломков посуды крестьянином с. Исад были найдены 12 серебряных монетных гривен [24]. Возможно, что здесь на Облачинской дюне и следует искать летописные Исады.

Село Добрый Сот упоминается под 1207 г. Всеволод пошел от Пронска к Рязани «и бывшю ему у Доброго Сота...» [25]. Село Добрый Сот находится на р. Проне в 20 км от Старой Рязани и в 44 км от Пронска (рис. 47, *168*). Впервые было обследовано в 1928 г. О. Н. Бадером, А. А. Мансуровым и Н. П. Милоновым [26]. Почти вся площадь памятника занята постройками или древонасаждениями. Культурный слой, содержащий славянскую домонгольскую керамику, был обнаружен в канаве, вырытой вокруг школы, что и дало повод предположить, что площадь селища ограничивается территорией школьного двора. В 1930 г. Н. В. Говоров выяснил, что культурный слой с домонгольской керамикой распространен на площади свыше 2 кв. км и достигает мощности 2 м. Таким образом, поселение, упоминаемое в летописи, было найдено, но, к сожалению, исследования только этим и ограничились.

В 1949 г. в связи с раскопками Шатрищенского городища нами было обследовано селище славянского времени, занимавшее территорию Шатрищенского городища, но выходившее далеко за его пределы на площади свыше 2 кв. км (рис. 47, *105*). На селище обнаружены два слоя —XI—XIII вв. и XVI—XVII вв. Открытые здесь постройки относятся к верхнему, позднему слою, и поэтому мы их описывать не будем. Вблизи Старой Рязани были также обследованы Ужальевское (рис. 47, *112*), Ново-Ольговское [27] (рис. 47, *106*) и Никитинское селища (рис. 47, *109*).

---

[22] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты..., стр. 642.

[23] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты..., стр. 657 (КРОМ, № 358).

[24] ТРУАК, т. III, вып. 2, 1888, стр. 147; Отчет ИАК за 1888 г., стр. CCCXXXIII.

[25] ПСРЛ, т. X, стр. 57.

[26] О. Н. Бадер. Дневник палеоэтнологического обследования р. Прони в июне 1928. НАРМ, № 479.

[27] А. А. Мансуров. Ук. соч. (НАРМ, № 306; КРОМ, № 358).

Рис. 49. Железные предметы из славянского поселения на Борковском острове.

1, *11* — долота; *2*, *6*, *15*, *23—25* — ножи; *3*, *5*, *7*, *12* — стрелы; *4*, *16* — пластинки; *8*, *9* — кочедыки; *10* — серп; *13* — шило; *14* — браслет; *17* — пряжка; *18*, *19* — ножницы; *20*, *21* — кресала *22*—рыболовный крючок (ГИМ, № 39251).

В отношении всех селищ, обследованных вблизи Старой Рязани, следует сказать, что мы располагаем о них весьма ограниченными материалами, преимущественно сборами керамики. И все же, изучая эти материалы, мы можем сделать важные наблюдения.

1. Удивительное сходство всей найденной на селищах керамики со старорязанской позволяет датировать период их существования временем существования Старой Рязани — до XIV в. Возможно, что после падения Старой Рязани наметился отлив и сельского населения из этого района, подверженного татарским набегам. Если судить по результатам раскопок Шатрищенского селища, то новое заселение началось только в XV в.

2. То же сходство керамики [28] позволяет предположить, что она доставлялась из старорязанских мастерских и что в ближайших к Старой Рязани деревнях собственного керамического производства не было.

XVII

Поселения в районе Переяславля-Рязанского. Борковское селище. Дубровичское и Алекановское селища. Переяславль-Рязанский. Письменные источники. Случайные находки. Археологические исследования. Льговское городище и селище. Рубцовские курганы. Новоселковское городище. Вопрос о местоположении г. Ольгова. Дятловское городище. Вышгородское городище. Вопрос о местонахождении г. Борисова-Глебова. Глебово городище. Романово-Борисо-Глебское городище. Борисо-Глебское I славянское селище. Казарское городище. Казарские селища. Кораблинское селище. Раменское селище. Поленское селище. Дядьковское селище.

Другим важнейшим районом на р. Оке является район Переяславля-Рязанского, куда переместилась столица княжества в XIV в., но где открыты древнейшие славянские поселения. Сам город Переяславль, очевидно, возник сравнительно поздно, поэтому мы начнем обзор с окружающих его селищ. Одним из наиболее замечательных и, по-видимому, древнейших славянских селищ в Рязанской земле является Борковское, открытое в 1892 г. В. А. Городцовым [29]. Оно находится на левом берегу р. Трубеж (проток р. Оки) на Борковском острове, знаменитом своими археологическими памятниками различных эпох (начиная с мезолита; рис. 47, *54*). Селище занимает западный скат так называемого Жемчужного поля на Борковской дюне; площадь его равна 225 × 112 м. Расположено оно над могильником и на всем своем протяжении характеризуется остатками глинобитных печей, ям, керамики и костей животных. Ямы в одних случаях были предпечными, в других — более обширные ямы, видимо, являются остатками полуземляночных жилищ. Печи сбивались из глины с примесью к ней растительных волокон, вероятнее всего,— соломы и обломков керамики; своды печи делались полукруглыми, труб не встречено. Внутри печей иногда находились обожженные камни, железные шлаки, обломки посуды, бронзовые и железные вещи и кости животных.

[28] КРОМ, № 362.

[29] В. А. Городцов. Материалы к археологической карте..., стр. 583—585; его же. Дневники археологических раскопок 1939 года в с. Борки и на Конищевском городище. НАРМ, № 1279/III.

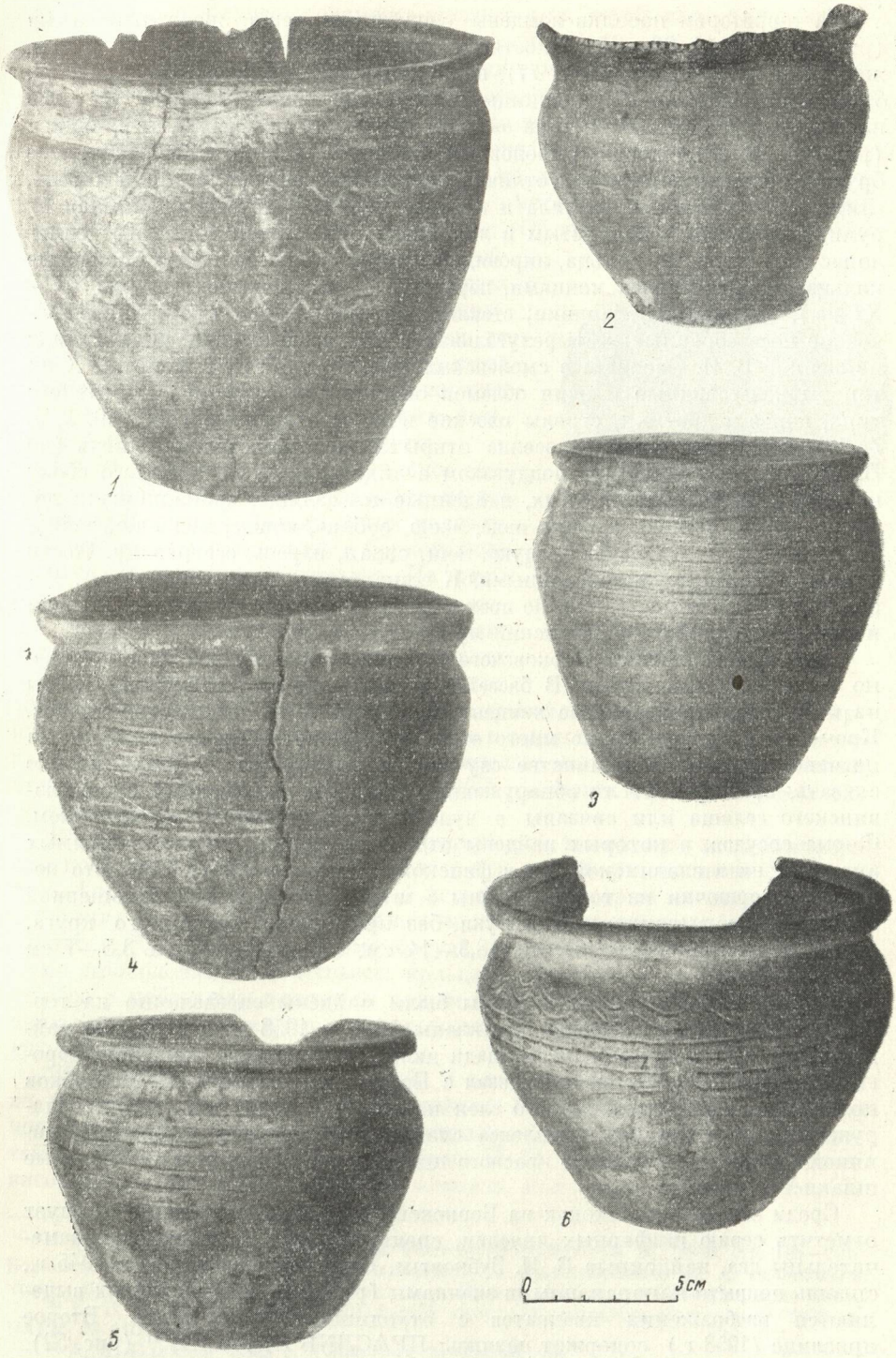


Рис. 50. Сосуды из славянского Борковского селища (КРОМ).

1 — № 190/2; *2* — № 190/4; *3* — № 190/5; *4* — № 190/6; *5* — № 190/7; *6* — № 227/6.

На территории поселка найдены следующие вещи: железные ножи (рис. 49, *2, 6, 15, 23—25)* и костяные орнаментированные к ним ручки, железные долота (рис. 49 *1, 11*), шило (рис. 49, *13)*, кочедыки (рис. 49, *8, 9*), серп (рис. 49, *10*), ножницы двух типов — современного (с осью посередине; рис. 49, *18*) и типа овечьих (пружинные; рис. 49, *19*), огнива (рис. 49, *20, 21*), гвозди, рыболовный крючок (рис. 49, *22*), точильные бруски, обломок формы для отливки бронзовых вещей, глиняный тигель, глиняные и каменные грузила и прясла; посуда — грубая, сделанная от руки, и круговая с волнистым и линейным орнаментом (рис. 50); семилопастные височные кольца, лировидные пряжки, серебряные и бронзовые кольца с неспаянными концами, перстень с изображением птицы (X—XI вв.), бронзовые бубенчики; стеклянные бусы, в том числе цилиндрические посеребренные; четырехугольная с прорезью бляшка, аналогичная найденной В. И. Сизовым в смоленских курганах вместе с монетой X в.; топоры кельтовидные и один обломок обыкновенного топора курганного типа, копья и дротики, стрелы плоские и четырехгранные (рис. 49, *3, 5, 7, 12*). В северном конце поселка открыта железоплавильная печь (по В. А. Городцову — яма) с поддувалом в виде рукава, проходящего сбоку ко дну ямы. Кости животных, найденные на селище, принадлежали лошади, корове, свинье, кабану, овце, лосю, собаке, кошке, медведю, зайцу, белке, бобру. Кости рыбы — щука, лещ, сазан, карась, осетр и др. Кости птицы остались не определенными. К сожалению, после работ В. А. Городцова раскопки в с. Борки не производились. Однако отдельные находки и поныне поступают в рязанский музей.

Для характеристики Борковского селища важно то, что здесь найдено 7 кладов с дирхемами. В бассейне р. Оки нет другого места, где бы на небольшом пространстве концентрировалось такое количество кладов. Кроме того, здесь собрано много отдельных монет. Условия находок на песчаной дюне в большинстве случаев не позволяют с уверенностью сказать, принадлежат ли обнаруженные клады к культурному слою славянского селища или связаны с чудскими селищами и могильником. Форма сосудов, в которых найдены отдельные клады, не имеет прямых аналогий ни в славянской, ни в финской керамике IX—XI вв. Это небольшие горшочки из толстой глины с штриховатой, слегка залощенной поверхностью, вылепленные от руки, без применения гончарного круга, слегка асимметричные, высотой 8,5—14 см, с диаметром дна 3,5—7 см (рис. 39, *6, 7*).

Только в трех случаях дирхемы были найдены определенно на территории славянского селища. Это клады 1869 и 1958 гг. и отдельно найденный в 1947 г. дирхем на площади дюны близ полотна железной дороги, соединяющего Рязанский вокзал с Борковским затоном. В. И. Зубков произвел зачистку культурного слоя на месте находки дирхема и обнаружил остатки жилого комплекса славянского времени — черепки глиняной посуды, пряслице из красного шифера, железный нож и железные шлаки [30].

Среди отдельных находок на Борковском славянском селище следует отметить серию шиферных пряслиц, среди которых в особенности замечательны два, найденные В. И. Зубковым. Одно, обнаруженное в 1945 г., сплошь покрыто нацарапанными значками (рис. 51), среди которых выделяются изображения квадратов с отходящими черточками. Второе пряслице (1958 г.) содержит надпись: ПРАСЛNЬ ПАРАСНН [31] (рис. 52). По палеографическим данным, пряслице может быть датировано XI в.—

[30] НАРМ, № 4112.
[31] КРОМ, № 6194.

началом XII в. Надпись содержит женское имя, вероятно,— имя владелицы и название предмета: «Пряслень Парасин» [32].

Весь комплекс находок на Борковском селище свидетельствует о важном значении этого поселения, возникшего еще в IX в. рядом с чудскими селищами на центральном участке окского водного пути в месте, расположение которого весьма удобно для стоянки судов и выгрузки товаров. В борковских находках торговля IX—XI вв. отражена большим количеством дирхемов, торговля XII—XIII вв.— многочисленными свинцовыми пломбами, обнаруженными у Сакор-горы. (Об этих пломбах, являющихся свидетельством товарного и денежного обращения, см. ниже — в главе XXV, раздел «Торговля».) Борковское селище, по-видимому, не потеряло своего значения до XIII в., когда развившийся рядом город Переяславль оттянул к себе места торжищ и гавани. Торговый центр из Борок переместился на другой берег Трубежа.

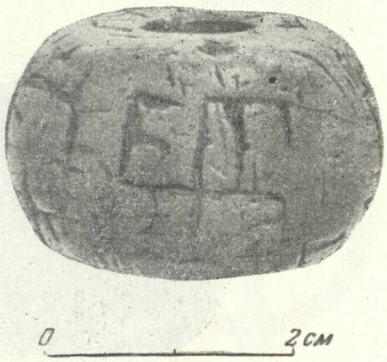


Рис. 51. Шиферное пряслице, найденное в Борках.

Очень мало изучено Дубровичское славянское поселение. Раскопки здесь не велись, но на дюнах сделана серия находок, которые можно сопоставить с борковскими ранними славянскими вещами. На дюне Борок у с. Дубровичи (рис. 47, *71*), на месте известной неолитической стоянки найдена раннеславянская керамика — лепная и подправленная на круге, с веревочным орнаментом, близкая по формам к боршевской, свидетельствующая о существовании здесь поселения X в. [33] Как и в других местах, славянская керамика на дюнных поселениях сопровождалась находкой кладов восточных монет. На Дубровичском поселении в 1928 г. открыт клад преимущественно саманидских монет X в. [34]

Вблизи с. Алеканово найдены интересный могильник и современное ему поселение (рис. 47, *72*, *73*). Здесь при раскопках на дюне Могилок В. А. Городцовым были вскрыты 4 погребения, которые он определил как вятичские и отнес к X в. При одном из них обнаружен сосуд с загадочной надписью [35]. Погребение, кроме сосуда, сопровождалось шестью бронзовыми проволочными височными кольцами, браслетом из низкопробного серебра и небольшим железным ножом. Костяк принадлежал старой женщине, лежал на спине, со скрещенными на животе руками, головой на юго-запад [36].

Вблизи был вскрыт жилой слой, в котором встречены обломки таких же сосудов. В коллекции ГИМ [37] хранятся вещи, найденные В. А. Городцовым в жилом слое Алеканова славянского времени. Это каменная литейная форма для крупной зерни (рис. 53, *6*), маленькие перстневидные височные кольца с несомкнутыми концами и в виде буквы S (рис. 53,

---

[32] Аналогии см. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 198—201. Борковская находка подтверждает правильность предложенного Б. А. Рыбаковым чтения надписи на пряслице, найденном в Киеве в 1885 г.,— «Потворин пряслень».

[33] Н. В. Говоров. Предварительный отчет об исследованиях летом 1930 г. НАРМ, № 410.

[34] А. А. Быков. Клад с. Дубровичи. НАРМ, № 646.

[35] В. А. Городцов. Заметка о глиняном сосуде с загадочными знаками. АИЗ, 1897, № 12; его же. Заметка о загадочных знаках на обломках глиняной посуды. АИЗ, 1898, № 11-12.

[36] ТРУАК, т. XII, вып. 3, 1897, стр. LXXVI.

[37] Инв. № 42784.

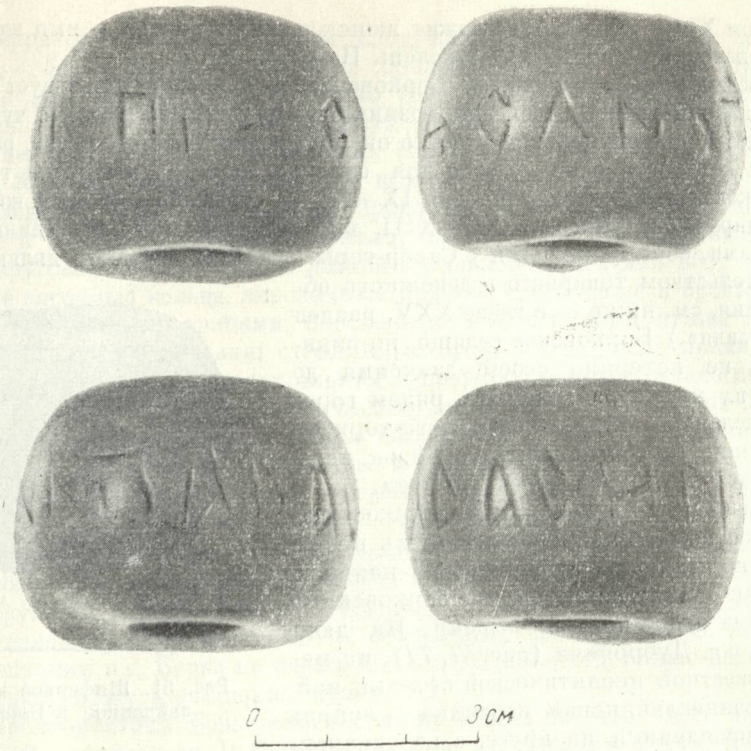


Рис. 52. Шиферное пряслице с надписью «ПРѧСЛNЬ ПАРАСНН», найденное в Борках.

10, 12—15), пастовые цилиндрические бусы (рис. 53, *8, 11*), железные ножички (рис. 53, *1—5*), глиняное пряслице (рис. 53, *7*), пряслице из фрагмента керамики (рис. 53, *9*) и железная сюльгамовидная пряжка (рис. 53, *16*).

В. А. Городцов писал: «Наиболее существенными памятниками поселка (на дюне Могилок у с. Алеканово) служили ямы, содержащие обломки глиняной посуды, запасы железной руды и ее шлаки, прокаленные на огне и оттого растрескавшиеся камни, а также куски обожженной глины» [38]. Последние представляют собой остатки глинобитных печей. Ямы малых размеров были предпечными, а большие — это иногда остатки полуземляночных жилищ, а иногда, как думал исследователь, были связаны с металлургией, потому что в некоторых таких ямах найдено множество железных шлаков и кусков болотной руды.

Посуда с Алекановского селища в большинстве случаев сделана от руки, очень редко орнаментирована. Орнамент состоит или из закруглений и утолщений края горлышка, или из черточек и вдавлений по тому же краю. Реже попадались обломки сделанной на круге посуды с волнистым и линейным орнаментом и еще реже — лощеные сосуды [39]. Кроме назван-

[38] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Белевском и Рязанском уездах в 1897 г. АИЗ, 1898, № 7-8, стр. 230.

[39] Образцы этой керамики, к сожалению, в коллекциях не сохранились и поэтому трудно судить о том, к какому времени она относится. Возможно, что это керамика, привозная с юга, известная из поселений и могильников салтовской культуры. Эта керамика могла попасть на Оку с Дона, Тамани и Северного Кавказа, где ей часто сопутствуют арабские монеты VII—X вв. (И. И. Ляпушкин. Славянские поселения на Дону и Тамани. МИА № 6, 1941, стр. 210).

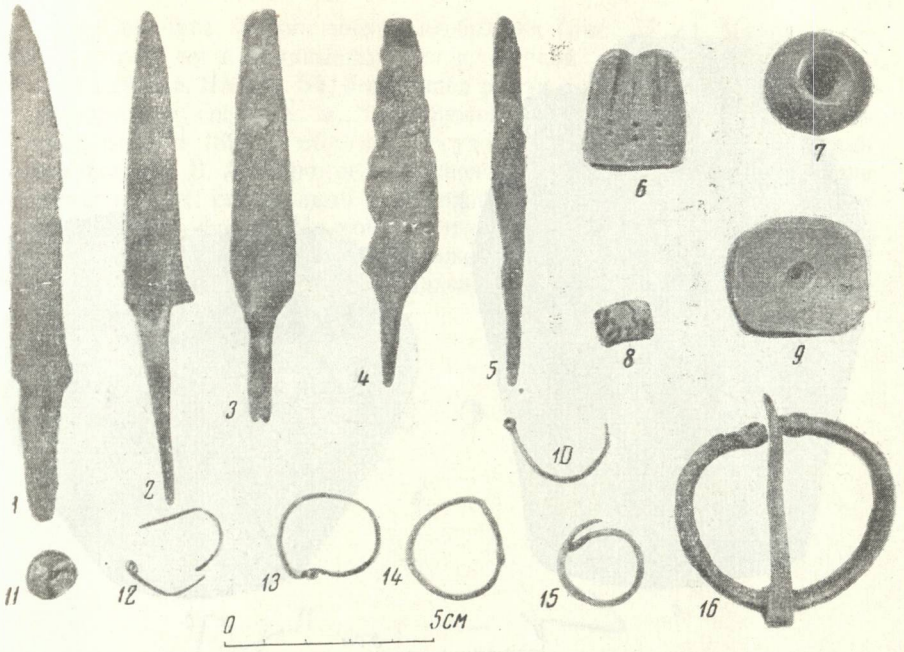


Рис 53. Вещи из поселения у с. Алеканово. Раскопки В. А. Городцова.

1—5 — железные ножи; *6* — каменная литейная форма; *7* — глиняное пряслице; *8, 11* — пастовые бусины; *9* — пряслице из фрагмента керамики; *10, 12—15* — височные кольца; *16* — [железная пряжка (ГИМ, № 42784, опись 46, № 3—27).

ных вещей, найдены еще известковый жернов ручной мельницы, ложковидный глиняный тигель, глиняная формочка для отливки мелких украшений, железный нож и наконечник железной стрелы.

В 1930 г. при обследовании Н. В. Говоровым на дюне Могилок также был обнаружен раннеславянский слой [40]. В 1948—1949 гг. Алекановское селище обследовал Н. П. Милонов. Он установил, что культурный слой славянского времени отложился на позднедьяковском (городецком). В славянском слое найдены куски железной руды и сплав свинца и олова [41]. Характеризуя поселок на дюне Могилок у с. Алеканово, В. А. Городцов указывал на сходство его с поселком на Борковской дюне и писал: «Его жители имели все главные виды домашних животных: лошадь, корову, овцу, свинью; занимались земледелием; умели домашним образом перерабатывать продукты земледелия, и, сверх того, были знакомы с обработкой железа и других металлов. Все это указывает на время существования поселка — сравнительно не особенно давнее» [42]. Таким временем В. А. Городцов считал X—XI вв.

Однако вопрос о датировке и определении этнической принадлежности населения Алекановского селища сложен. К сожалению, сохранилась не вся коллекция, и среди уцелевших вещей нет ни одной, которая позволяла бы определить точную дату. Можно поверить В. А. Городцову, что общий облик находок и погребений близок к борковским славянского

---

[40] Н. В. Говоров. Обследование археологических памятников у сел Шумошь, Дубровичи и Алеканово. НАРМ, № 411.

[41] Н. И. Лебедева и Н. П. Милонов. Типы поселений Рязанской области. СЭ, 1950, № 4.

[42] АИЗ, 1897, № 12, стр. 390.

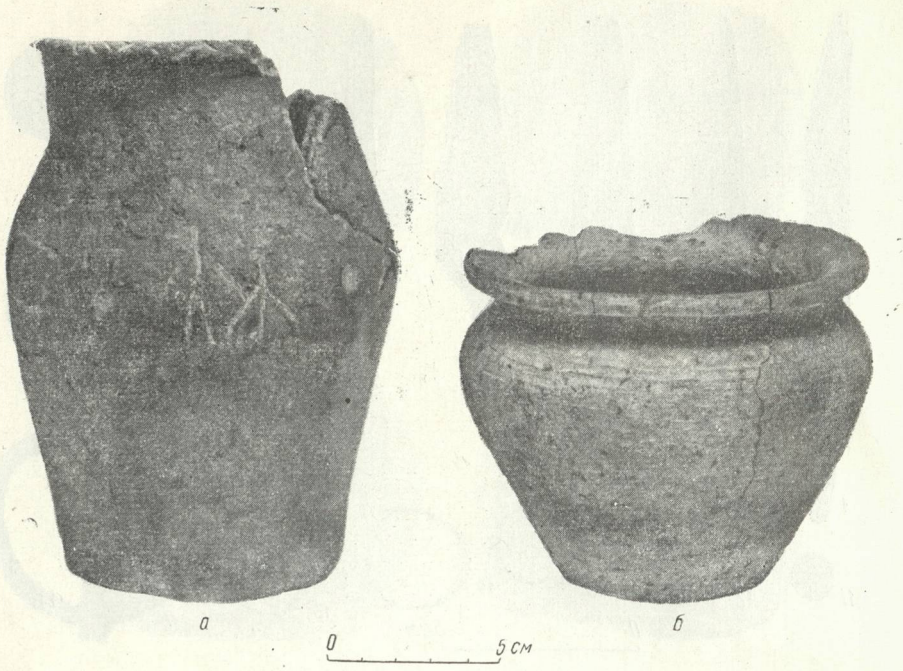


Рис. 54. Глиняные сосуды.

а — из раскопок В. А. Городцова в Алеканове (ГИМ, № 42076); *б* — славянский сосуд, найденный на территории Борковского могильника (раскопки А. В. Селиванова, 1892 г.; ГИМ, № 39251, опись 1578/1).

времени. Но предметы, по которым можно было бы точнее всего решить вопрос об этнической принадлежности погребенных, не дают такого ответа. В погребении с сосудом, на котором имелись знаки, было найдено 6 височных колец, три из них — перстневидные с заходящими друг на друга (в одном случае несомкнутыми) концами, три — с загнутыми концами. Загнутоконечные кольца являются общеславянским типом, распространенным с VIII до XII вв.[43] Перстневидные височные кольца с несомкнутыми или сомкнутыми, заходящими друг на друга концами тоже представляют общеславянский тип. В Рязанской земле такие же кольца встречены в Рубцовских курганах, но их датировка тоже не определена. Таким образом, алекановские погребения, несомненно, славянские, но установить их точную дату и выяснить, какое племя их оставило,— нельзя.

Керамику все ведшие раскопки в Алеканове исследователи характеризуют как раннеславянскую. Но керамика из сборов Н. В. Говорова в коллекциях не сохранилась, а сосуды, найденные В. А. Городцовым, совершенно нетипичны. Сосуд с «загадочными знаками» сделан из плохо вымешанной глины с сильной примесью песка; цвет ее желтовато-бурый, обжиг очень слабый; орнамент из пересекающихся линий идет только по

[43] Загнутоконечными в классификации А. В. Арциховского называются перстневидные кольца, у которых один из концов загнут кверху в кружок («Курганы вятичей». М., 1930, стр. 62). По существу, это один из вариантов широко распространенных у западных славян височных колец в виде буквы S (Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 242). Тип загнутоконечных колец широко распространен у всех славян — от чехов до костромских и владимирских кривичей (см. А. Ф. Дубынин. Каргашинские курганы. Труды секции археологии РАНИОН, т. IV, 1928, стр. 205, табл. XIV, 12), нигде заметно не преобладая; известен он и у вятичей.

самому краю венчика. Форма сосуда необычная (рис. 54, *а*). Мы не находим ей аналогии ни в славянской, ни в чудской керамике рубежа I—II тысячелетий н. э. На рис. 54, *б* помещен рядом с алекановским для сравнения славянский сосуд X в., обнаруженный в Борковском могильнике. Найденные в 1898 г. обломки сосудов со знаками близки к первому алекановскому. В. А. Городцов предположил, что алекановские сосуды изготовлены наспех, специально для похорон, и что вследствие этого им придана необычная форма. Но вообще это противоречит тому, что наблюдают археологи, как правило: если даже для погребений изготовляется специальная керамика, то она принадлежит к определенному типу и не бывает случайной.

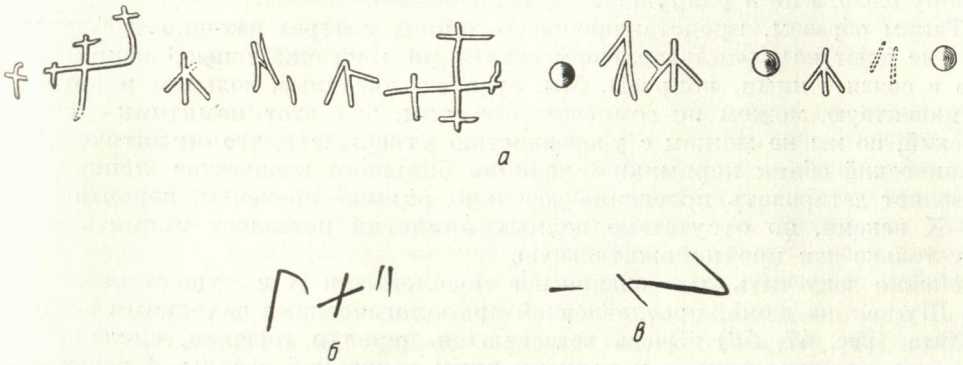


Рис. 55. Знаки на сосудах, найденных в Алеканове (по В. А. Городцову).
а — знаки на целом сосуде; *б*, *в* — знаки на обломках сосудов.

По вопросу о знаках на алекановских сосудах возникла довольно значительная литература. В. А. Городцов пытался произвести сравнение загадочных знаков со скандинавскими рунами. На сосуде, найденном в 1894 г., знаки расположены в одну строку (рис. 55, *а*); в пяти из них В. А. Городцов видел сходство со скандинавскими рунами. На обломках сосудов, найденных в 1898 г., имеется еще 5 знаков (рис. 55, *б*, *в*). Ян Лещевский попытался даже прочитать надпись на алекановском сосуде на основании западных рун: «Умершему малу ставих нужая» [44]. Но академик Ягич разоблачил необоснованность подобного чтения и признал надпись нечитаемой [45]. Сравнительно недавно к этому вопросу вновь вернулись исследователи [46].

Сопоставление свидетельств русских и иностранных источников позволяет прийти к выводу, что у восточных славян существовала письменность еще до введения христианства. Может быть алекановские сосуды представляют собой один из образцов такой письменности, те самые «черты и резы», о которых упоминает в X в. черноризец Храбр. Если это так, то вряд ли письменность была алфавитной: на алекановских сосудах нет повторяющихся знаков. Может быть, это слоговое письмо. Но не менее вероятно и другое предположение, высказанное В. И. Сизовым: знаки алека-

[44] Jan Leciejewski. Napisy runiczne na urnach z Alekanowa. «Древности», т. XIX, вып. 2, 1901.

[45] «К вопросу о рунах у славян». Энциклопедия славянской филологии, т. II, Пгр., 1915.

[46] Е. М. Эпштейн. К вопросу о времени происхождения русской письменности. Ученые записки ЛГУ, № 95, серия историч. наук, № 15, 1946, стр. 21—26; Д. С. Лихачев. Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы. «Вопросы истории», 1951, № 12, стр. 34—36.

новского сосуда — это родовые клейма. Возможно, что сосуд, положенный в могилу, имел вотивное значение, и на нем были помещены тамги 14 родов, входивших в одну общину или в одно племя. В. А. Городцов усомнился в такой возможности, поскольку в 1898 г. фрагменты сосудов со знаками были найдены не в погребении, а в жилом слое. Предположение о том, что знаки были поставлены на сосуде как тамги родов, представители которых съехались для торжественного акта погребения, казалось, отпадает [47]. Но, во-первых, помещение родовых знаков на сосудах не обязательно должно быть связано с погребальными церемониями. Во-вторых, известные нам условия раскопок на дюнных поселениях не дают возможности с абсолютной уверенностью утверждать, что найденные черепки принадлежат к жилому слою, а не к разрушенному погребению.

Таким образом, представляющие большой интерес находки в Алеканове не дают нам окончательного ответа на многочисленные, возникающие в связи с ними, вопросы. Мы, судя по височным кольцам и другому инвентарю, можем не сомневаться в том, что этот памятник — славянский, но мы не можем с уверенностью утверждать, что он вятичский. Архаический облик керамики — наличие большого количества лепной — позволяет датировать поселение довольно ранним временем, вероятно,— IX—X веками, но отсутствие прямых аналогий позволяет принять эту дату только как предположительную.

Можно допустить, что славянское поселение в X в. существовало и у с. Шумош, на дюне, прославленной археологическими находками эпохи неолита (рис. 47, *56*). Здесь встречаются черепки горшков, сделанных на круге, но относящихся к раннему типу гончарной посуды, с веревочным орнаментом по плечикам и почти прямым венчиком. В 1939 г. здесь были обнаружены остатки обнажившегося древнеславянского погребения, в котором оказались железный наконечник стрелы, огниво, железный (?) нательный крест с инкрустацией из золота. В 1945 г. В. И. Зубковым здесь найдена медная византийская монета Иоанна Цимисхия (969—976 гг.), которая, как он полагает, входила в состав инвентаря той же могилы [48]. К сожалению, проверить это сообщение нельзя, так как вещей в Рязанском музее, куда они должны были поступить, нет.

В непосредственной близости от Переяславля-Рязанского находятся селища Конищевское (рис. 47, *53*), Секиотовское (рис. 47, *75*), Синецкое (рис. 47, *87*), Калитинское (рис. 47, *88*), Заокское (рис. 47, *55*), Мервинское и Дашковское [49]. Все они датируются временем после XIV в. и ранних слоев не имеют.

Город Переяславль-Рязанский (современная Рязань; рис. 47, *70*) возник, вероятно, в домонгольское время. Самый факт наличия вблизи города древнейших славянских поселений заставляет предполагать, что где-то рядом с ними существовало городище, которое могло служить убежищем в случае опасности. Борковское селище, несомненно, было важным торговым пунктом на окском пути. Вероятно, было какое-то поселение на противоположном от Борок берегу Трубежа, на высоком, естественно укрепленном мысе. На этом мысе в 1 км к западу от Рязанского кремля находится Борисо-Глебский собор [50]. Близ собора был сделан ряд архео-

[47] В. А. Городцов. Заметка о загадочных знаках на обломках глиняной посуды, стр. 370, 371.

[48] «Сталинское знамя». Рязань, 14 июня 1945 г.

[49] НАРМ, № 410, 665. По сообщению Н. П. Милонова, Мервинское и Дашковское селища, расположенные на окраине г. Рязани, относятся к XI—XII вв. (Н. П. Милонов. К изучению археологических памятников..., стр. 28). Однако материалы, находящиеся в Рязанском музее, не подтверждают эту датировку.

[50] В XVI в. здесь, на «верхнем» посаде города, у рязанских владык были своя «владычная» слобода и двор. Возможно, что еще в XIV в. при перенесении епископ-

логических находок, относящихся к домонгольскому времени, в том числе клад из 199 серебряных монетных гривен. При обследовании осыпей на набережной Трубежа нами найдены стеклянные браслеты и керамика, отдельные фрагменты которой могут быть датированы XI—XII веками. На мысе близ собора, несомненно, есть довольно мощный слой домонгольского времени. К сожалению, мыс недоступен для раскопок вследствие расположения здесь современных зданий, и проверить наше предположение о возникновении здесь первоначального поселения не удается. Но летописные известия о Переяславле относятся только к XIV в.

Переяславль-Рязанский впервые упоминается в Лаврентьевской летописи под 1301 г., когда князь московский Даниил приходил на Рязань ратью и бился у Переяславля, и только с 1340 г. имеются несомненные указания на то, что он был местом пребывания рязанских князей: в этом году князь Иван Коротопол по возвращении из Орды прибыл в Переяславль.

Но среди письменных источников по истории Рязани в домонгольский период имеется краткая запись, относящая возникновение Переяславля к XI в. Эта запись помещена в Следованной Псалтыри, находившейся под № 130 в библиотеке Рязанской семинарии (ныне эта книга хранится в КРОМ). Псалтырь писана, как видно из надписи на второй от конца тетради, в 1570 г. Ильинской церкви попом Марком. В ней, после «канона честному кресту», на оборотном листе перед месяцем сентябрем написано полууставом (рис. 56): «В лета 6603 ($\overline{\text{SXГ}}$) заложен бысть град Переславль Резанескä около церкви святого Николы-Старого. Лета 6725 ($\overline{\text{SѰKЄ}}$) на озере озеро быстрь... (ева?) сеча, и такова не бывала в роускä земли, и проши бували великие, исцеление от святого Николы-Чюдотворца Старого».

Предполагали, что эта запись является выпиской из какой-то неизвестной летописи, и высказывали к ней большее доверие, нежели она того заслуживает [51]. Запись очень запутанная, в ней много неясного. Упоминание о какой-то битве 1217 г. (когда как будто никакой значительной битвы не было), возможно, связано с событиями 1217 г. в Исадах. Но в тексте записи сообщение о заложении Переяславля не зависит от дальнейшего рассказа о «сече 1217 г.» Псалтырь писана различными почерками в разное время, но в конце книги ильинский поп Марк поставил свою подпись и указал, что книга, якобы, писана им в 1570 г. Палеографически запись о Переяславле относится к концу XVI в. и, по-видимому, сделана попом Марком. Трудно решить, является ли эта запись просто домыслом ее автора, или основана на каком-то источнике. Сама по себе неясная, поздняя, не подтвержденная никакими другими данными, эта запись противоречит известию, содержащемуся в «Рязанских достопамятностях», о заложении Переяславля в 1208 г.,— известию, которое представляется несколько более правдоподобным.

ской кафедры из Старой Рязани в Переяславль-Рязанский здесь был построен первый Борисо-Глебский собор. М. П. Погодин, основываясь на летописном известии 1180 г. о походе на Рязань Всеволода Юрьевича, взявшего по дороге город Борисов-Глебов, высказал гипотезу, что Переяславль-Рязанский первоначально назывался Борисов-Глебов (М. П. Погодин. Древние русские княжества с 1054 по 1240 гг. СПб., 1948, стр. 32). Точку зрения М. П. Погодина поддержал в последнее время в своих работах М. А. Ильин («Рязань». М., 1954, стр. 40; «К изучению древнейших памятников каменного зодчества Переяславля-Рязанского». КСИИМК, вып. XI, 1951, стр. 75). Как ни соблазнительно принять эту гипотезу, нет, однако, достаточных оснований для каких бы то ни было утверждений в этом плане.

[51] А. В. Селиванов. К вопросу об основании города Переяславля-Рязанского. ТРУАК, т. VI, вып. 2, 1891, стр. 24—27.

В «Рязанских достопамятностях» архимандрита Иеронима под 1208 г. помещена выписка из какого-то неизвестного нам источника, именуемого полууставной тетрадью. «При великом князе рязанском Романе Игоревиче внуке Глебове был на Рязане епископ Арсений 1-й. Он город Переяславль заложил у озера Карасева» [52]. В 1208 г., действительно, был жив Роман Игоревич и управлял рязанской епархией епископ Арсений (с 1198 г. по 1212 г.). В 1208 г. обострившаяся борьба между Всеволодом III и рязанскими князьями привела к крупному военному столкновению, в результате которого потерпевшие поражение рязанские князья, в том числе и Роман Игоревич, попали в плен во Владимир. Очевидно, Арсений остался управлять Рязанью до момента, когда был прислан на Рязань сын Всеволода — Ярослав. В это регентство Арсением и мог быть заложен Переяславль-Рязанский, который служил укрепленным пунктом на пути из Владимира в Рязань. В цитируемой выписке выражение «заложить город», как и обычно в летописях, означает лишь постройку укрепления, а не начало заселения данного города. Упоминаемое в этой выписке озеро Карасево раньше в Переяславле существовало. В тех же «Рязанских достопамятностях» указано: «В книге, содержащей в себе копии с грамот жалованных и прочих, лист 120 на обороте, озер (в Переяславле) показано два» [53]. В грамоте Ивана Васильевича Третного в 1483 г. говорится: «Никола-Старой стоит на берегу Быстрого озера, то есть озеро святое» [54]. По-видимому, озеро в Переяславле называлось Быстрым, а также Карасевым, так как в XVII в. та же церковь Николы-Старого стояла, согласно документам, на берегу озера Карасева [55]. Таким образом, в «выписке», помещенной в «Достопамятностях», нет сведений, которые были бы неправдоподобны.

Сравнение данных этой «выписки» с записью в Псалтыри показывает их связь между собой в указании места основания Переяславля. В Псалтыри сказано: «Заложен бысть град Переславль Резанескоï окола церкви святого Николы-Старого». В «выписке» указано озеро Карасево, на берегу которого стояла церковь Николы-Старого. Возможно, что поп Марк пользовался тем же источником, который находился в полууставной тетради, но списал неверно, перепутав даты и несколько изменив текст.

Переяславль расположен на правобережной возвышенности Оки, вблизи впадения в нее Трубежа, протекающего с северо-запада у этой возвышенности. У основания кремля в Трубеж впадает речка Лыбедь, перерезывающая весь современный город Рязань с юго-запада на северо-восток.

На сообщении Герберштейна основано предположение, что древняя крепость, около которой впоследствии образовался город Переяславль, первоначально назывался Ярославом или Ярославлем по имени своего основателя (князя Ярослава Святославича). В этом сообщении заключается явное недоразумение. Иностранец-путешественник смешал два разных слова — Переяславль и Ярослав, так как пытался объяснить, почему у города Рязани [56] есть еще другое название — Переяславль, и по догадке написал о крепости «Ярослав», носящей, якобы, имя князя — основателя. На самом деле название «Переяславль» ничего общего с именем Ярослава не имеет. Это название принесено с юга, так же как название

[52] «Рязанские достопамятности...», стр. 11.
[53] Там же.
[54] Там же, § 87, из списков и грамот.
[55] Т. Воздвиженский. Исторические и археологические достопамятности по Рязанской губернии. Исторический, статистический и географический журнал, 1827, июнь-июль.
[56] С. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 103 и др. Герберштейн Переяславль всюду называет Рязанью, хотя официальное переименование состоялось лишь в 1788 г.

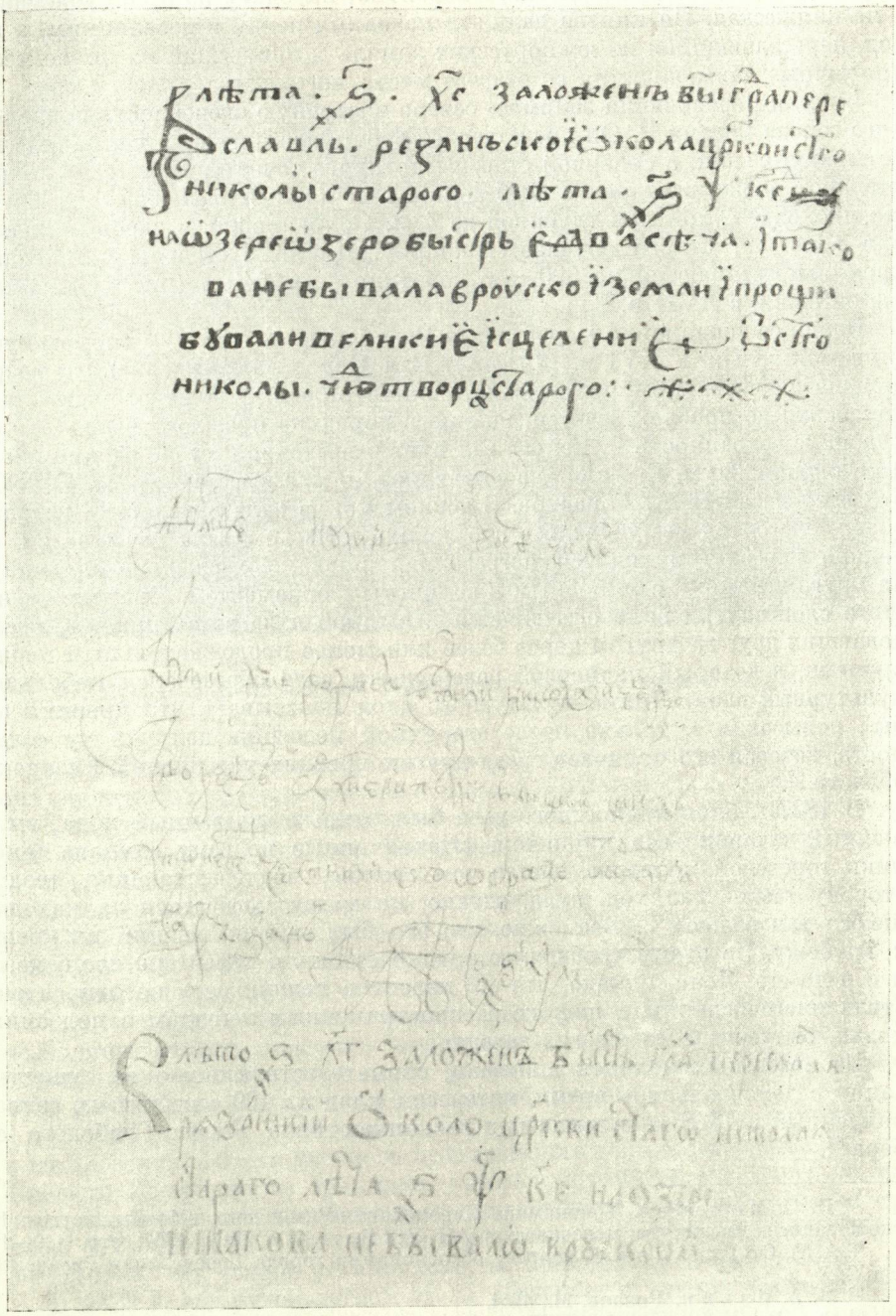


Рис. 56. Лист с записью о заложении Переяславля-Рязанского
(Из псалтыри XVI в., хранящейся в Рязанском музее).

речек Трубежа, Лыбеди [57], ручья Дуная (выходящего из Трубежа подле Рязани) [58]. Вся эта топонимика,— вероятно, народная по происхождению, а не княжеская. Не князья дали эти названия рекам и поселениям, а народ, переселившийся из южнорусских земель и принесший на новое место привычные наименования со старого места жительства.

Кремль Переяславля занимает северо-восточную оконечность современного города Рязани [59]. Он представляет собой возвышенный неправильный четырёхугольник, с северной стороны которого течет Трубеж, с восточной и южной опоясывает речка Лыбедь, а с западной — от Лыбеди до Трубежа проходит сухой ров глубиной до 4 м. Сохранившийся здесь земляной вал (рис. 57) отлого опускается ко рву. Длинные стороны территории кремля простираются на 690 м, а короткие — на 540 м (рис. 58). Таким же он был и в XVII в. [60]

Внешнее укрепление Переяславля-Рязанского — острог — впервые упоминается только в XVI в. (1512 г.). Вал Переяславля-Рязанского разрушен на значительном протяжении, сильно оплыл и на некоторых участках почти не прослеживается, но еще в середине прошлого века он имел хорошую сохранность [61]. Сейчас вал идет с восточной стороны кремля на протяжении 220 м. Его ширина составляет 10 м, а высота — 12 м. В 1890 г. вал обследовал В. А. Городцов. В южном конце вала произошел сильный обвал, благодаря чему удалось проследить в насыпи вала два слоя. В середине профиля находится погребенная почва, содержащая сделанную на круге керамику с линейным и волнистым орнаментом. Происхождение этого слоя внутри вала объясняется насыпкой вала в два приема, последовавших друг за другом через более или менее продолжительный период времени, в который на первой поверхности вала образовался небольшой культурный слой. Линия культурного слоя показывает, что древний вал был невысоким и только после вторичной подсыпки получил ту солидность, которая его отличает среди других древних укреплений Рязанской области [62].

В 1827 г. близ крепостного вала был открыт «подземный ход», выложенный «старинным» кирпичом. «Назначенные по сему случаю чиновники городской полиции нашли там столбы, поддерживающие свод; в сторону также был ход, куда, однако, не могли пробраться за находившеюся там водою» [63]. Возможно, что это был тайник, ведший из кремля к Трубежу. По этому сообщению трудно судить о характере сооружения и о дате его. Ясно, однако, что это известие подлинное и не относится к столь многочисленным, широко распространенным легендам о подземных ходах, бытующим во многих городах.

Из отдельных находок в Рязани, свидетельствующих о ее существовании в домонгольское время, интересен клад из 199 серебряных гривен, найденный в 1828 г. в земле при раскопках близ Борисо-Глебского собора [64].

---

[57] Н. П. Милонов. Топонимика Переяславля-Рязанского. «Мовознавство». Наукові записки Інститута мовознавства АН УССР, т. XIV, Київ, 1957, стр. 110—118.

[58] А. В. Селиванов. К вопросу об основании города Переяславля-Рязанского, стр. 24.

[59] М. А. Ильин. Рязань. М., 1954.

[60] См. «Рязанские достопамятности...», § 180.

[61] ЖМНП, 1846, октябрь.

[62] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты..., стр. 590.

[63] И. Вельев. Отечественные известия. Исторический, статистический и географический журнал, 1828, ч. 2, кн. 2, май, стр. 242, 243.

[64] Вестник Европы, 1828, № 13, стр. 70, 71; А. Пискарев. Хронологическое обозрение пятидесяти подземных археологических находок. ЗРАО, т. III, 1851, стр. 78; ТРУАК, т. I, вып. 1, 1890, стр. 97, 98; А. И. Черепнин. О гривенной денежной системе по древним кладам. М., 1900.

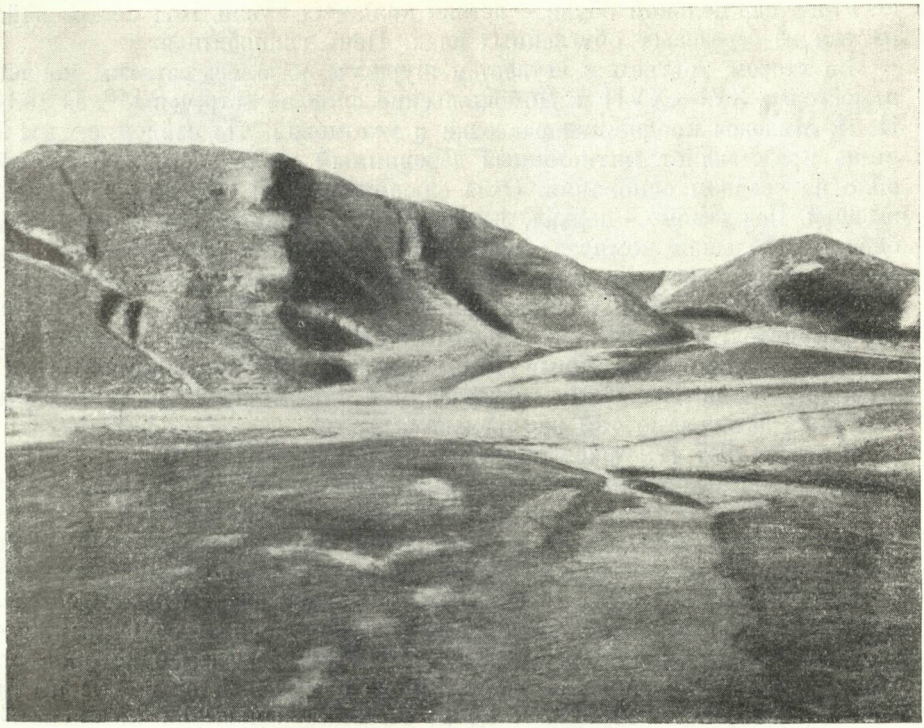


Рис. 57. Переяславль-Рязанский. Кремлевский вал. Вид со стороны Старого б аза

В ГИМе имеется коллекция, о которой можно установить лишь то, что она происходит из окрестностей г. Рязани и поступила в музей до 1923 г. Это клад семилопастных вятичских подвесок [65]. Впрочем, неясно, что значит: «окрестности г. Рязани». Возможно, что клад найден не в самом городе, а в Борках.

В местности, где находилась упраздненная церковь Николы-Мокрого, в XIX в. были найдены разные старинные вещи, которые хранились у собирателя А. В. Антонова: монеты, медные и серебряные крестики, складни, металлические привески и т. п. [66]

Таким образом, археологические находки в Переяславле-Рязанском позволяют считать, что этот город возник в домонгольское время. Этот вывод отчасти подтверждают и раскопки экспедиции ИИМК в 1956—1957 гг. История раскопок в Переяславле такова.

В 1924 г. В. А. Городцовым были произведены небольшие раскопки в юго-восточной части бывшего архиерейского сада в рязанском кремле [67]. Провели 25-аршинную траншею, которая почему-то не дошла до материка. Слой оказался нарушенным, содержавшим, главным образом, предметы XV—XVII вв.; однако найдены были и стеклянные браслеты, относящиеся, как теперь установлено, ко времени не позже XIV в.

В 1929 г. под руководством Н. П. Милонова в кремле были заложены 4 шурфа. В первом открыта изба, принадлежавшая, по-видимому, сапожнику, так как в ней обнаружены слой обрезков кожи и несколько

[65] ГИМ, инв. № 44896, клад 31/51б.

[66] Н. В. Любомудров. Местногеографические древности. «Прибавления к Рязанским епархиальным ведомостям», 1874, № 16, стр. 354.

[67] Рязанская газета «Рабочий клич», 1924, 16 августа, № 177.

десятков пар цельной обуви — летних кожаных чувяк. Под полом найден настил из березовых обугленных плах. Печь глинобитная.

Во втором, третьем и четвертом шурфах оказались остатки конюшен и мостовых XVI—XVII в. Домонгольские слои не встречены [68]. В 1931 г. Н. П. Милонов продолжил раскопки и установил, что найденное им жилище представляет пятистенный деревянный жилой дом, рубленный в обло на свайном основании. Окна слюдяные. Дом состоял из 2 комнат и сеней. Под домом — подвал, выстланный деревянными плахами и слоем бересты. Большая комната — сапожная мастерская. В подвале — следы запасов проса, гречихи и других злаков. Печь глинобитная. Среди находок много кожи, обуви и инструментов для производства — ножниц, резцов, гладилок; глиняные и каменные пряслица, детские игрушки (глиняные свистульки); железные стрелы, удильные крючки, свинцовые пломбы и др. [69] Судя по находке глазурованной керамики XIV в., жилище может быть датировано тем же временем.

В 1955—1957 гг. археологической экспедицией ИИМК и РОКМ под руководством автора были произведены раскопки в кремле Переяславля-Рязанского [70]. Вся территория кремля застроена зданиями XV—XVII вв. и позднейшими; мест, свободных для раскопок, остается очень мало. Первый раскоп был заложен нами на внутреннем дворе, перед зданием Художественного музея в 60 м к югу от юго-восточной апсиды Архангельского собора. Культурный слой здесь оказался нарушенным большими постройками XVI в., разрушенными в XVIII в. Фундаменты одного из этих зданий сложены из больших блоков белого камня и белой плиты на глиняном растворе. Их ширина — 1,9 м. Глубина заложения небольшая — 50—60 см. Здание было кирпичным. Фундамент второго здания (тоже из белого камня) уложен в глубокие (2 м) рвы. В дно рва вбиты дубовые сваи, а на них уложена подушка из тесаного белого камня, залитого известью. К сожалению, эти сравнительно поздние фундаменты нарушили древние слои, но все же, судя по находкам здесь шиферных пряслиц, стеклянных браслетов и славянской керамики курганного типа, несомненно наличие домонгольского слоя в этой части кремля.

В 1956 г. были заложены 3 раскопа на территории б. архиерейского сада, где в древности должны были быть жилые кварталы и торг Переяславля. Эта часть кремля, судя по документам XVI—XVII вв., была густо заселена. В раскопе, заложенном в 34 м к югу от южной стены б. «гостиницы черни» (здания XVII в.), был обнаружен очень насыщенный культурный слой XIII—XVIII вв., равный 4 м. Находок, относящихся ко времени ранее второй половины XIII в., здесь не было. Так как на этом участке влажная почва, здесь хорошо сохраняется дерево, и в раскопках были найдены деревянные постройки XVII, XV, XIV и XIII вв.

Постройка XVII в.— это большой сруб из дубовых бревен; длина его юго-восточной стены — 4,4 м. Внутренние перегородки не сохранились. Здание погибло в пожаре. В здании была кирпичная печь, облицованная поливными изразцами. Пол был деревянным, из дубовых тесаных досок (шириной в 20—25 см каждая), положенных на вытесанные прямо-

---

[68] Н. П. Милонов. Отчет о палеоэтнологических исследованиях на месте кремля Переяславля-Рязанского летом 1929 г. Архив ИА, № 1060/12; Н. П. Милонов. Разведки 1929—1930 гг. в Переяславле-Рязанском. ПИДО, 1935, № 5-6.

[69] Н. П. Милонов. О результатах археологических раскопок в б. кремле Переяславля-Рязанского в 1931 г. Архив ИА, № 1060/12.

[70] А. Л. Монгайт. Отчет о работе Рязанского отряда Среднерусской экспедиции в 1955 г. Архив ИА, ф. 1, д. № 1205; его же. Отчет об археологических раскопках в Рязанской области в 1956 г. Архив ИА, ф. 1, д. № 1354; его же. Отчет о раскопках 1957 г. в кремле Переяславля-Рязанского. Архив ИА, ф. 1, д. № 1621.

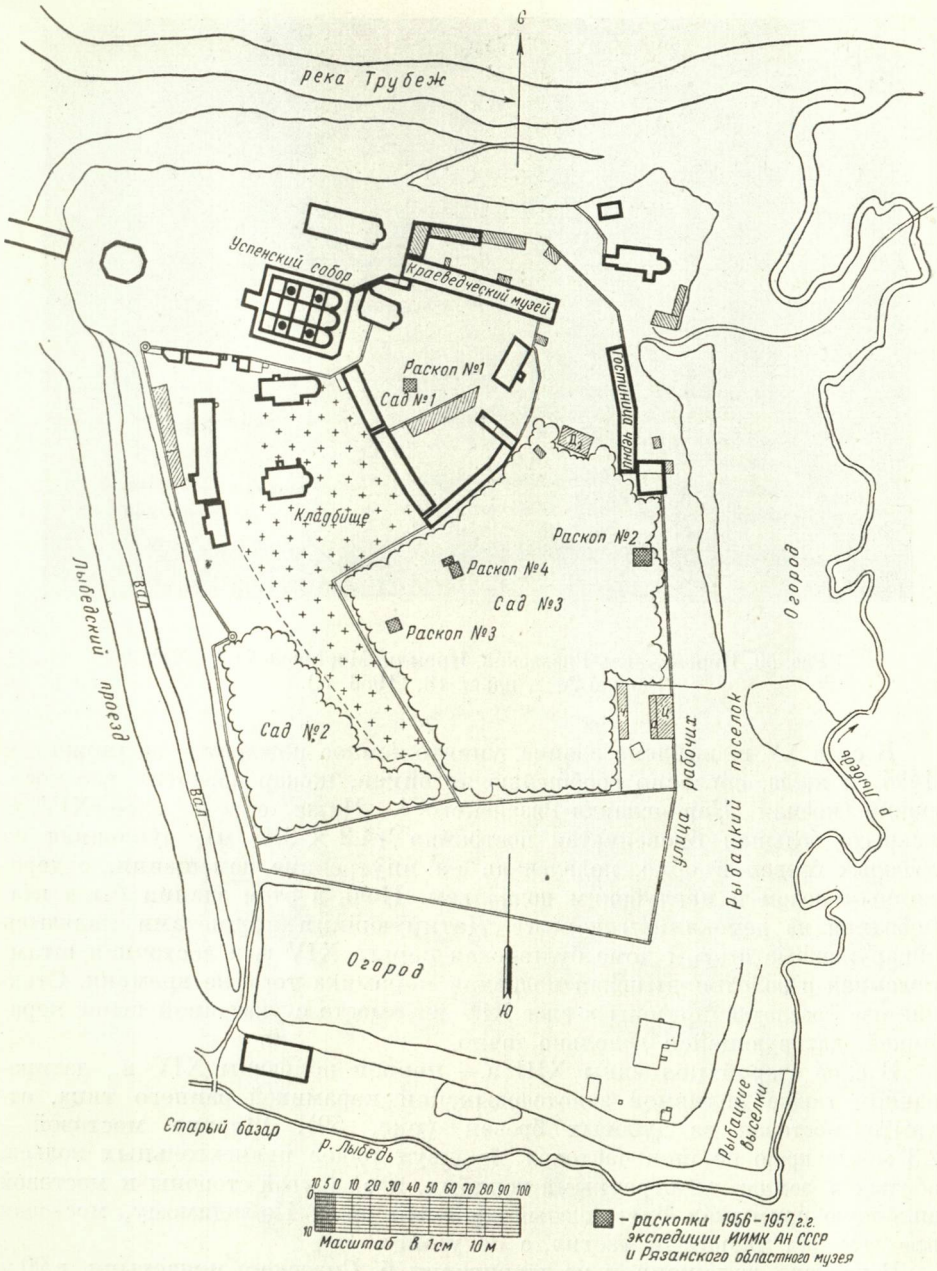


Рис. 58. Переяславль-Рязанский. План кремля с указанием мест раскопок экспедиции ИИМК.

угольные бревна — переводины. Под переводинами и досками пола была сделана гидроизоляция из бересты.

В слое XVI в. никаких построек не найдено, кроме частокола из тонких (диаметр — 5—6 см) дубовых кольев, вбитых в землю и, очевидно, окружавших усадьбу. Ниже его, но в слое, также датируемом XVI веком, обнаружен другой частокол, шедший примерно в том же направлении, что и вышележащий.

Рис. 59. Переяславль-Рязанский. Кремль. Мостовая XIII—XIV в. (Раскоп № 2, плѣст 18, 1956 г.).

В слое XV в. найдено здание, уничтоженное пожаром,— возможно, в 1494 г., когда, согласно сообщению летописи, пожар поглотил все постройки кремля Переяславля-Рязанского [71]. Ниже его, в слое XIV в. вскрыта большая бревенчатая постройка (4,2 × 3,15 м), рубленная из дубовых бревен в обло, поделенная на внутренние помещения, с деревянным полом и неглубоким подпольем. Печь в этом здании была глинобитная на деревянном каркасе. Датирующими предметами являются обнаруженные в этом доме булгарская серьга XIV в. и восточная штампованная и золотоордынская поливная керамика того же времени. Стеклянные браслеты найдены в слое XIV в., вместе с указанной выше керамикой, датирующейся довольно точно.

В слое второй половины XIII в.— первой половины XIV в., датированном также поливной золотоордынской керамикой раннего типа, открыта мостовая из дубовых бревен (рис. 59). Ширина мостовой — 2,3 м; по краю ее шел частокол из двух рядов прямоугольных кольев, вбитых в землю заостренными концами, а с другой стороны к мостовой вплотную примыкал бревенчатый дубовый сруб. По-видимому, мостовая представляет дворовый настил, а не улицу.

В раскопе, заложенном на территории б. Спасского монастыря, в 90 м к юго-востоку от южной апсиды Преображенского собора, обнаружен культурный слой, содержавший вещи, начиная с XIII в., но испорченный кладбищем XVIII в. и позднейшей посадкой фруктовых деревьев. В 40 м к северо-востоку от этого раскопа был заложен четвертый раскоп, в котором встречены хозяйственные постройки XV—XVI вв., погруженные в почти двухметровый слой навоза, а также жилые и хозяйственные здания XIII—XV вв.

Четвертый раскоп оказался на участке местности, в древности заболоченной. Здесь была низина, в которую стекали воды; может быть,

[71] ПСРЛ, т. IV, стр. 163; т. VIII, стр. 227.

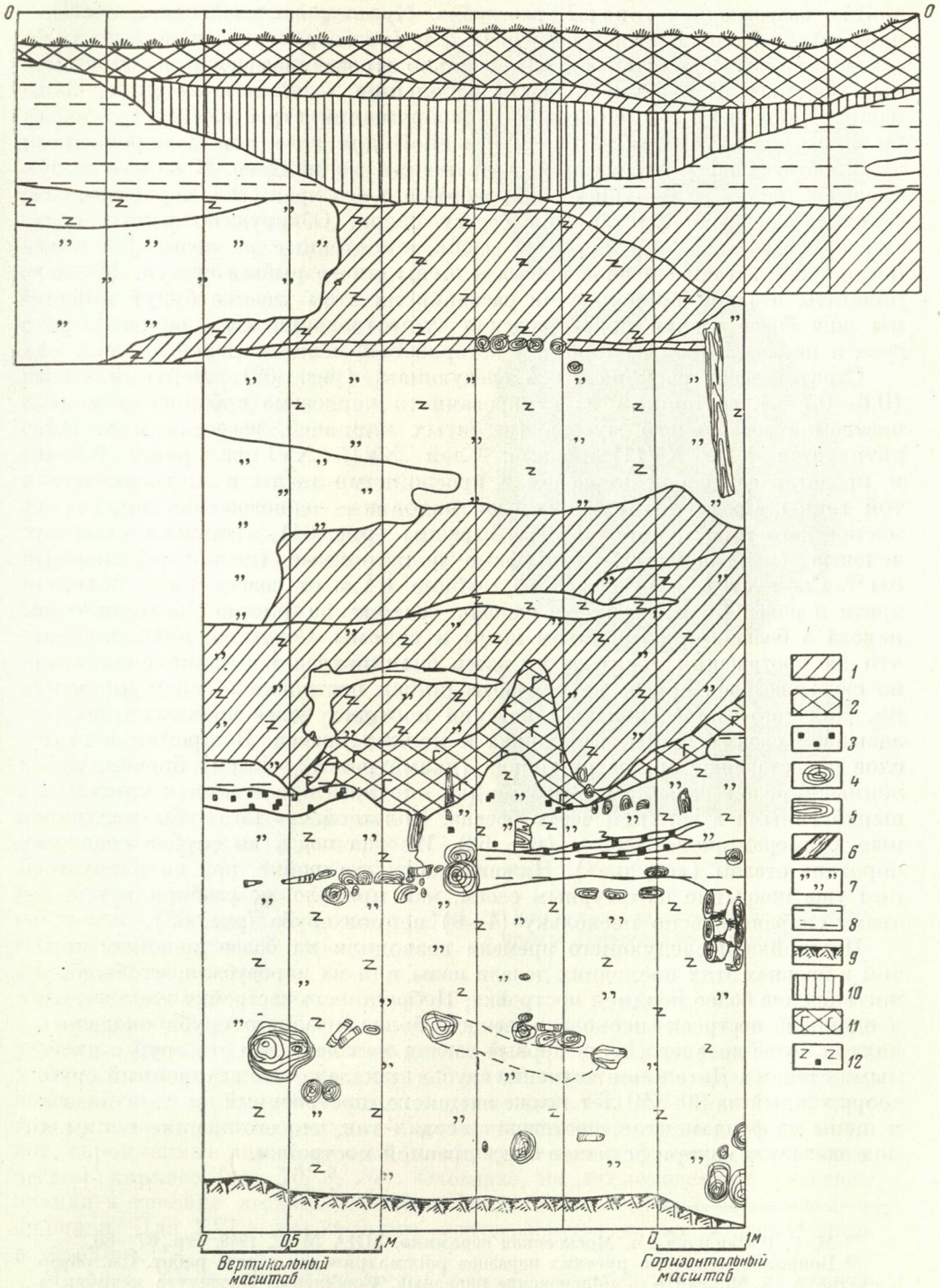


Рис. 60. Профиль северной стенки раскопа № 4 в кремле Переяславля-Рязанского 1957 г.

1 — чернозем; *2* — перекоп; *3* — уголь; *4*, *5* — дерево; *6* — бревно; *7* — навоз; *8* — глина; *9* — материк; *10* — коричневая земля; *11* — земля бурая, гумированная; *12* — чернозем с углем и щепой.

это — упоминаемое в древних актах озеро Карасево, у которого, по преданию, был заложен город Переяславль. Культурный слой здесь составляет свыше 7 м и, начиная с глубины 4 м (от современной поверхности), все постройки находятся в воде, обильно просачивающейся из подземных родников. В раскопе открыты небольшие хозяйственные постройки разных эпох, но неизменно при их сооружении строители вынуждены были засыпать участок мусором и щепой для того, чтобы бороться с влажностью почвы. Дренажных сооружений не найдено. В самом низу оказался настил из больших плах; забитые в его край сваи, вероятно, составляли древнюю пристань на берегу озера. Обнаружено много грузил от сетей, обрывки сетей и верши, сплетенные из лозы. Во всех постройках, а также в слое навоза и щепы много рыбьей чешуи. Можно полагать, что при продолжении раскопок на этом участке будут найдены еще более веские подтверждения существования здесь озера Карасева и церкви Николы-Старого, у которой был основан Переяславль.

Стратиграфия раскопа № 4 следующая (рис. 60). Верхний слой (0,6—0,7 м), состоящий из гумированного чернозема с большим количеством строительного мусора (разбитых кирпичей, известки и т. п.), датируется XIX—XVIII веками. Слой XVII—XVI вв. равен 0,8 м и представляет собой чернозем с прослойками щепы и линзами желтой глины. Среди датирующих слой находок — чернолощеная керамика московского типа [72], терракотовые изразцы (рис. 61), а также поливные зеленые (муравленые) и рельефные полихромные (ценинные) изразцы [73]. Слой XV в. начинается на глубине 1,4 м от современной поверхности и равен 1,6 м; он почти сплошь состоит из плотно слежавшегося навоза с большим количеством щепы и соломы. Создается впечатление, что на протяжении десятилетий здесь скапливался или даже специально сюда свозился навоз; на нем возводились постройки — сараи, конюшни. Для того чтобы сделать основания построек более прочными, навоз засыпáли слоями щепы, валежника и мелких бревен. Постройки в этом слое представляют срубы из тонких (диаметр — 12—15 см) бревен, рубленные в обло с остатком, с пазами для плотного прилегания и чашками, вырубленными в верхней части бревна. Большей частью срубы квадратные, размером около 3×3 м (рис. 62). Иногда под углы срубов ставили короткие столбы («стулья»). Нижние части постройки, при ее разрушении уже покрытые культурным слоем, как правило, не разбирались; поэтому сохранилось по нескольку (4—6) венцов сруба (рис. 63).

Постройки последующего времени возводили на более древних, причем в бревнах этих последних делали пазы или их перерубали, чтобы уложить бревна более поздней постройки. Небрежность застройки такова, что в одной из построек несколько венцов более позднего сруба оказалось внутри более древнего, и на первый взгляд казалось, что это сруб с двойными стенами. Детальное изучение срубов показало, что внутренний сруб, сооруженный на 30—40 лет позже внешнего, построенный на слое навоза и щепы из фундаментов, постепенно оседал так, что его низшие венцы и пол оказались внутри остатков более древней постройки.

---

[72] М. Г. Рабинович. Московская керамика. МИА № 12, 1949, стр. 67—80.

[73] Вопрос о датировке русских изразцов рассматривался в ряде работ. См. обзор в статье А. Л. Монгайта — «Московские изразцы». Сообщения Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР, вып. 9, 1948, стр. 67—79. Терракотовые изразцы относятся к XVI в.— первой половине XVII в., муравленые — к первой половине XVII в., рельефные полихромные — ко второй половине XVII в.; в XVIII в. появились расписные изразцы.

Небрежность строительства на этой территории в кремле, возведение построек прямо на слое навоза, небольшие размеры построек, отсутствие печей — все это свидетельствует о том, что в XV в. здесь были расположены хозяйственные постройки какой-то усадьбы, жилые дома которой находились, очевидно, вне пределов раскопа. Находки в постройках и рядом с ними подтверждают такой вывод; здесь найдены кости коровы и лошади, рыбья чешуя, зерна и шелуха обрушенного проса, зерна овса и ячменя, множество обрезков кожи и старой, изношенной обуви, куски каменной соли, очевидно, находившиеся на скотном дворе, выдолбленные колоды, служившие поилками для скота, кадки и много деревянных вещей хозяйственного назначения — жом для масла, ступка для обрушивания проса, веретена и т. п.

Границы усадеб были разделены заборами из вертикально вбитых в землю бревен, иногда заплетенных ивняком или скрепленных между собой продольно лежавшими досками или полубревнами (рис. 64). Внутри дворов были настилы из бревен (мостовые). На одной из мостовых найдены остатки веревок, рогожи и сплетенный из кожаных ремешков кнут (рис. 65).

Рис. 61. Терракотовые изразцы из раскопок в кремле Переяславля-Рязанского.

Следует обратить внимание на то, что почти на всех исследованных участках кремля и почти во всех слоях от XVI до XII вв. одной из самых массовых находок (после керамики и костей животных) являются обрезки кожи, обувь и различные кожаные изделия (рис. 66). Обнаружены орудия труда сапожников и шорников — шилья, комплекты ножей с шилом и иглой, скрепленные вместе на кожаном шнурке или в футляре на металлическом каркасе (рис. 70, *9, 10*). Очевидно, на исследованных участках кремля в течение нескольких веков жили ремесленники, сапожники и шорники. Для XVI в. мы находим подтверждение этому в письменных источниках [74].

В слое XV в. встречено очень немного черной лощеной и черной мореной керамики, зато, как и в Москве, преобладает так называемая

[74] М. Шиманский. Рязанский уезд в конце XVI и начале XVII вв. по писцовым книгам. Рязань, 1911; Д. С. Солодовников. Переяславль-Рязанский. Рязань, 1922, стр. 81—89.

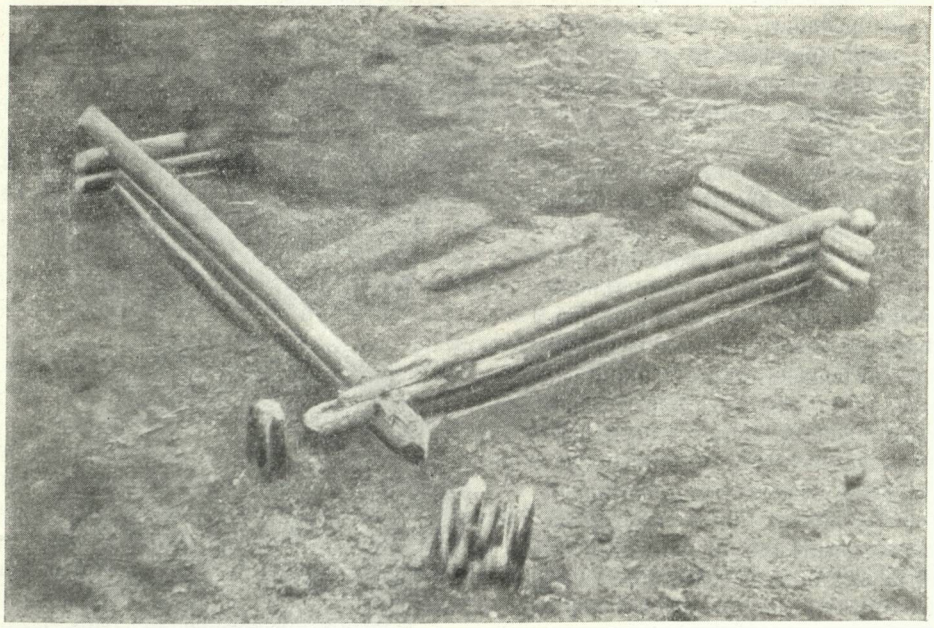


Рис. 62. Переяславль-Рязанский. Раскоп № 4. Сруб XV в.

«грубая красная». Попадаются горшки серого цвета, большого диаметра, с отогнутым венчиком и линейным орнаментом по плечикам. Найдены донышки с клеймами в виде круга и квадрата с диагоналями.

Слой XIV в., равный 2 м, состоит из черной плотной земли с отдельными прослойками коричневой (от большого количества органических примесей). Характер сооружений меняется. Кроме небольших срубов, представляющих собой хозяйственные постройки, подобные найденным выше, открыт большой сруб с остатками глинобитной печи, очевидно,— жилой. Он построен из более толстых бревен (20—22 см в диаметре), тщательно вытесанных и пригнанных; стены проконопачены, щели между бревнами забиты мохом. Сруб поставлен на хорошо проницелированной площадке, по углам забиты столбы («стулья»). Вокруг нижних венцов лежит второй ряд бревен на расстоянии 35—40 см, видимо,— фундаментально сделанная завалинка. К сожалению, печь очень плохо сохранилась. Осталась на месте лишь часть пода в виде глинобитной вымостки толщиной 20 см, лежащая на дощатом настиле. Найдено много печины со следами деревянного каркаса, отпечатавшегося на глине до обжига. По-видимому, печь, подобно старо-рязанским, сбивалась из сухой глины на деревянном каркасе, а потом обжигалась.

К срубу близко подходит настил мостовой из толстых (12—14 см) плах, положенных на бревенчатые лаги (рис. 67). Длина плах — около 2,5 м. Все сооружения, кроме заборов,— дубовые. Рубка — топором, без применения пилы. Частоколы сделаны из сосновых досок и осиновых бревен.

По отдельным находкам трудно судить о социальной принадлежности владельца дома, однако нельзя не обратить внимания на находку в пределах описанной постройки железного втульчатого (с восьмигранной втулкой) наконечника копья (рис. 68), железных пластин панциря (пластинчатого доспеха) (рис. 69) и удил (рис. 70, *8*). Ратные и служилые люди, составлявшие значительный процент населения рязанских городов в более

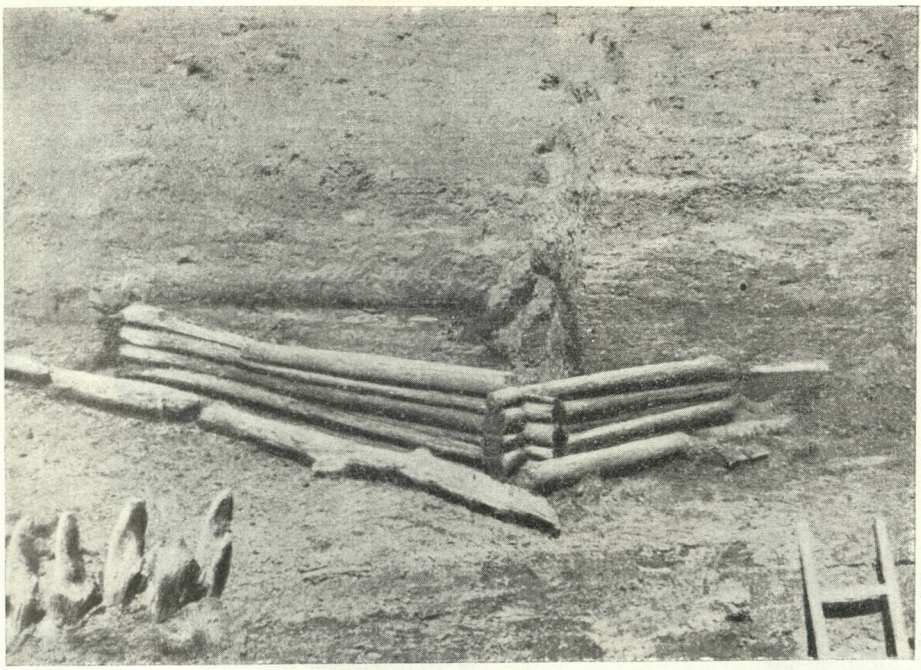


Рис. 63. Переяславль-Рязанский. Сруб и частокол XV в.

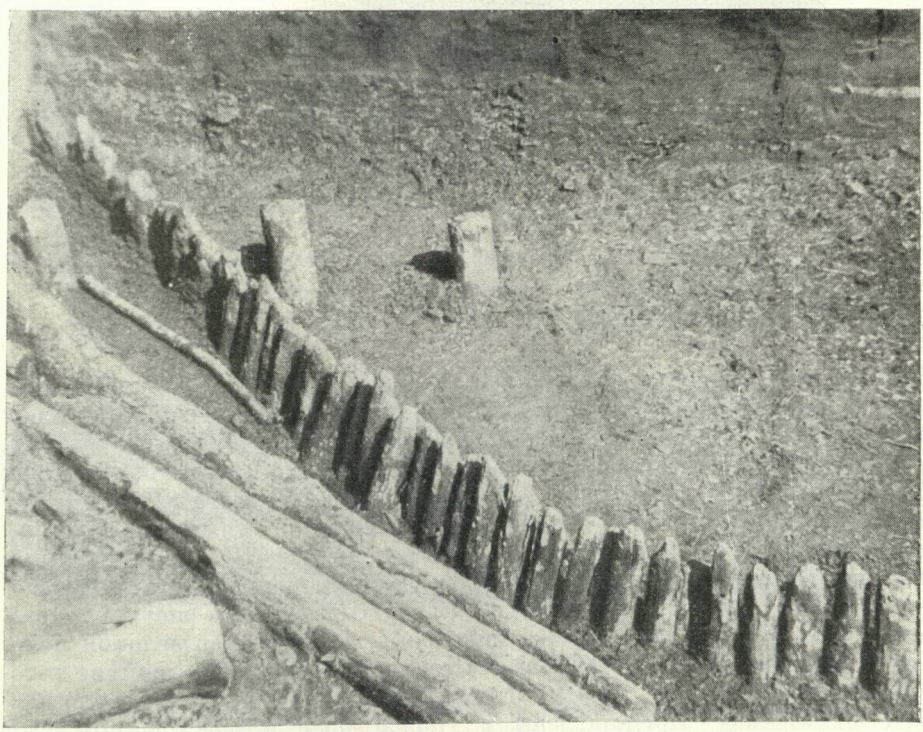


Рис. 64. Переяславль-Рязанский. Раскоп № 4. Частокол на границе усадеб (со следами пожара 1494 г.) и остаток настила мостовой.

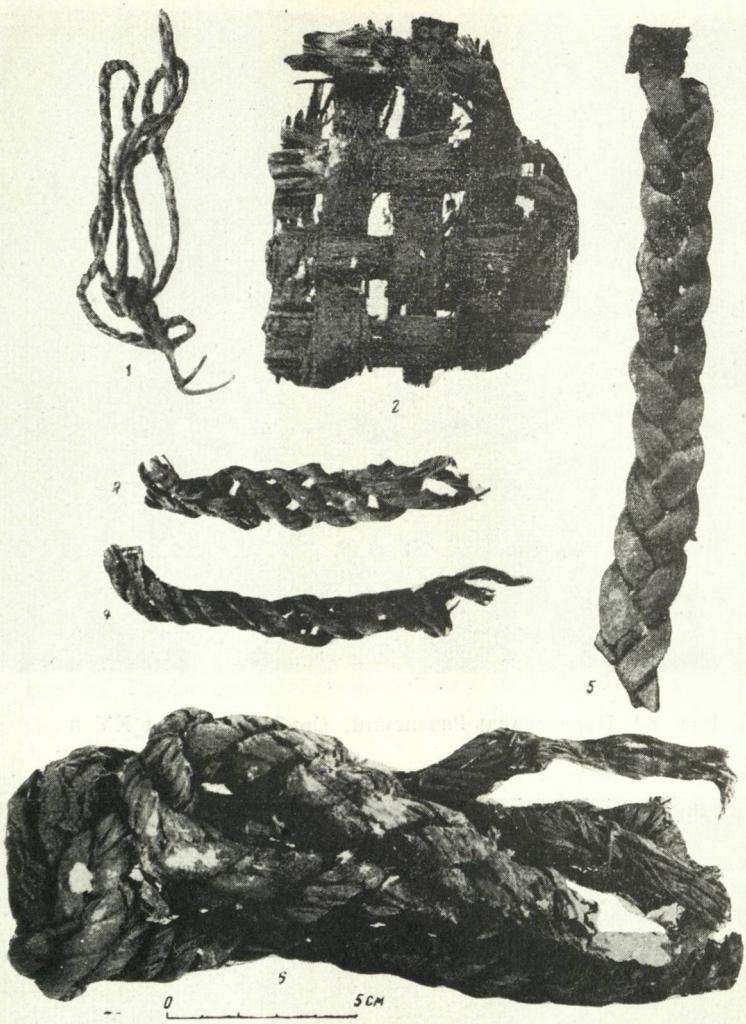


Рис. 65. Переяславль-Рязанский. Вещи из слоев XIV—XV вв.

1 — шерстяные нитки, окрашенные в красный цвет; *2* — рогожа; *3*, *4*, *6* — веревки; *5* — кнут.

позднее время, вероятно, имели свои усадьбы и в XIV в. на территории кремля. Найдено много деревянных вещей, в том числе донышек и клепок от бочек, деревянных льнотрепальных ножей, ложек, поплавков, веретен, фигурных резных деталей, один обломок льночесального гребня (рис. 71, *1*). В северной части раскопа обнаружена плетёная из лозы корзина (верша) для ловли рыбы, а в ней — часть берестяного поплавка, кожаный ремешок и осетровая чешуя. Среди датирующих слой предметов, кроме указанных выше наконечников копий и пластин панциря, следует отметить фрагменты поливной керамики херсонесского типа, с рисунком врезной линией темного цвета по желтому фону, с прозрачной зеленой поливой, относящиеся к XIII—XIV вв.[75] Стеклянные браслеты, наличие которых в слоях XIV в. теперь установлено и на других археологических памятниках, представлены в Переяславле в описываемом слое

[75] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). МИА № 17, 1950, стр. 187.

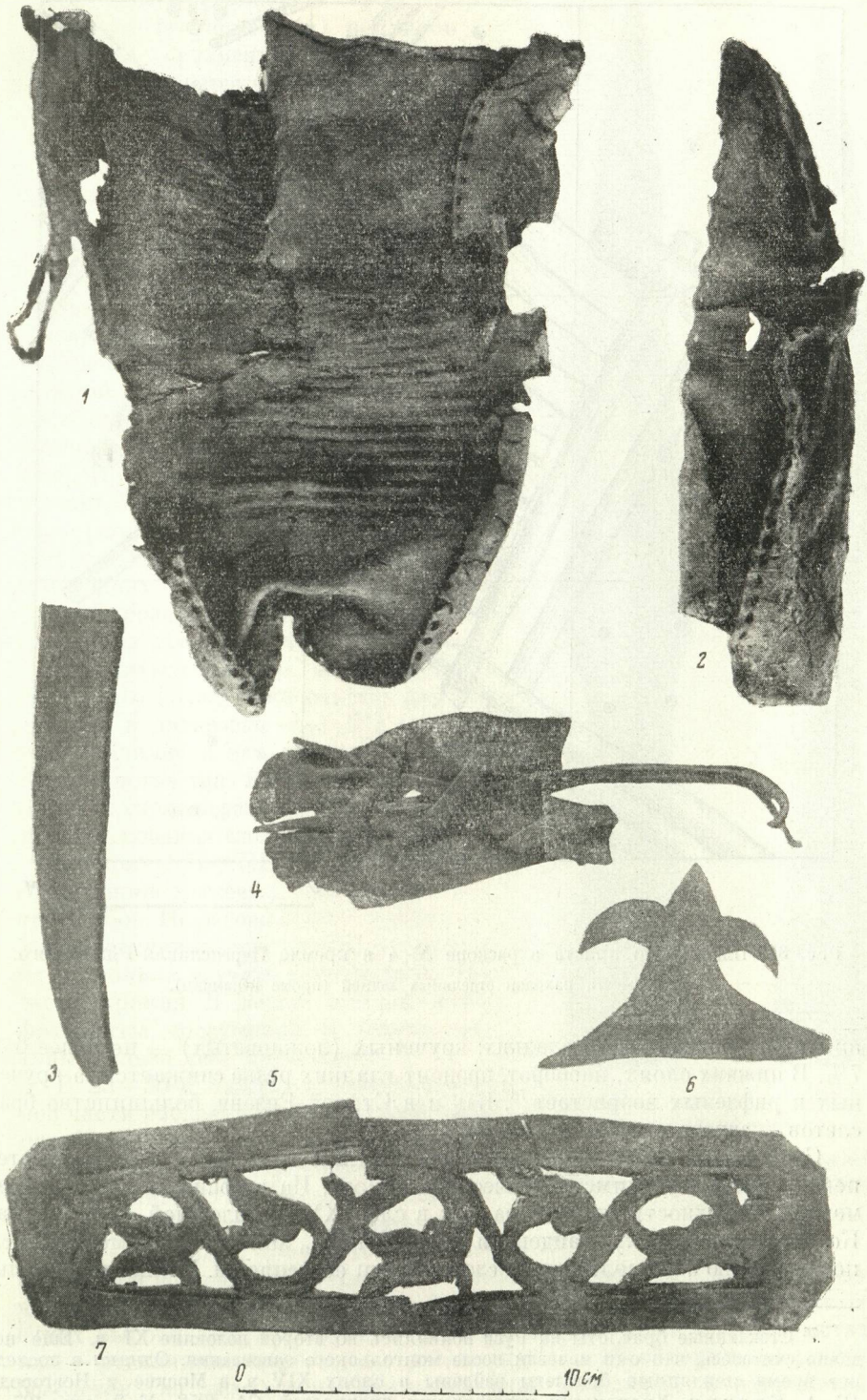


Рис. 66. Кожаные изделия из Переяславля-Рязанского.

1, 2 — обувь из слоя XV в.; *3* — кожаные ножны; *4* — часть конской сбруи (слой XII в.); *5* — обрывок кожи, орнаментированной нарезкой и цветными нитками; *6, 7* — апликация из кожи.

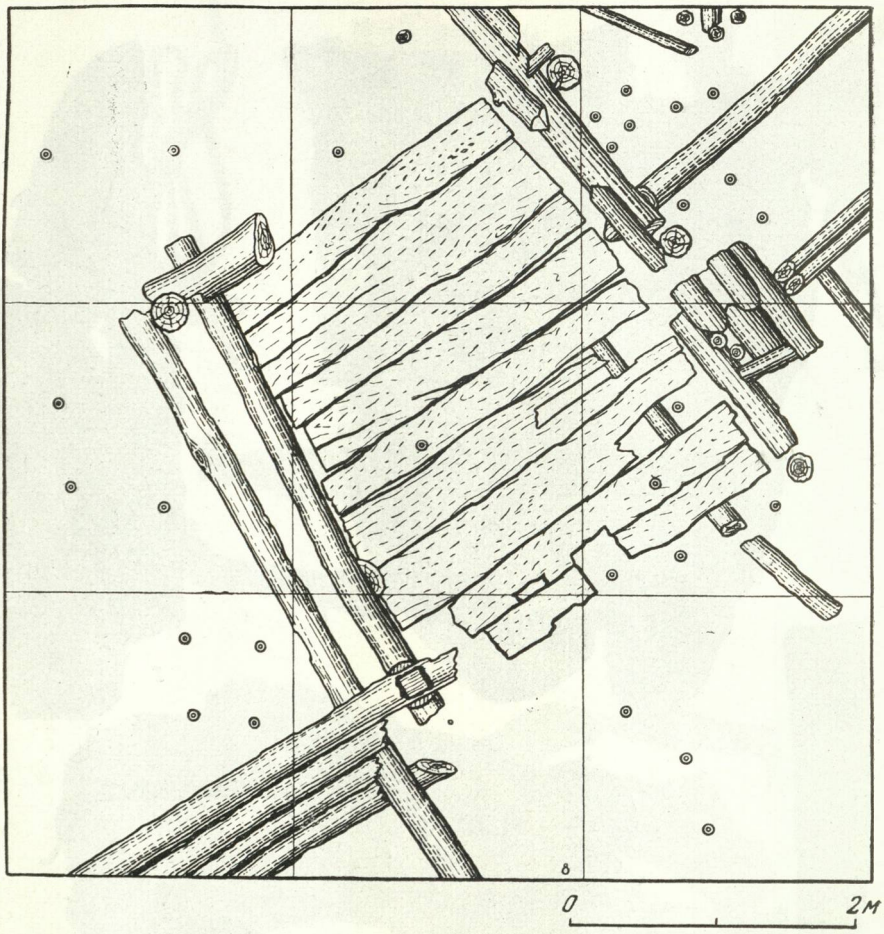


Рис. 67. План 25-го пласта в раскопе № 4 в кремле Переяславля-Рязанского.
⊙ — места находок отдельных вещей (кроме керамики).

преимущественно типом гладких; крученых (ложновитых) — не более 6—7%. В нижних слоях, наоборот, процент гладких резко снижается, а крученых и рифленых возрастает [76]. Как и в Старой Рязани, большинство браслетов — синего и зеленого цветов.

Слой XIII в. равен приблизительно 1—1,2 м и состоит из земли с постепенно увеличивающимся количеством навоза. На глубине 5,5 м от современной поверхности идет снова, как в слое XV в., сплошной слой навоза. Количество керамики, найденной в слое XIII в., значительно уменьшается по сравнению с вышележащим слоем, и тип ее меняется. Появляются боль-

[76] Стеклянные браслеты на Руси появились во второй половине XI в. Еще недавно считалось, что они исчезли после монгольского завоевания. Однако в последнее время стеклянные браслеты найдены в слоях XIV в. в Москве и Новгороде (Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей. СА, 1958, № 2, стр. 107 и 109). Крученые браслеты (стеклянный жгут перекручивался в горячем виде) и рифленые (ребристые — жгут протягивался через розетку) в Новгороде встречены в слоях с XII в. до середины XIII в.; в конце XIII — начале XIV вв. их почти вытеснили круглые гладкие. В середине XIV в. стеклянные браслеты вышли из употребления. Та же картина наблюдается в Переяславле-Рязанском.

шие горшки из красной и серой глины с толстым («припухлым») венчиком и волнистым орнаментом по плечикам (иногда отмечается сочетание линейного и волнистого орнамента); значительный процент (около 40%) найденной посуды составляют горшки так называемого «курганного» типа. Попадаются стеклянные браслеты, преимущественно круглые и рифленые; бусы шаровидные — хрустальные и стеклянные; цилиндрические замки и ключи к ним — типов, датируемых в Новгороде XII—XIII веками [77].

Слой XII в., равный приблизительно 0,8—1 м, состоит из земли с большим количеством щепы и перегноя. Находок мало. На глубине 6,9—7 м открывается песчаный материковый слой. Строго говоря, слой XII и XIII вв. трудно разделить, так как ни в наслоениях земли, ни в находках нельзя обнаружить значительной разницы. В слое XII в. нет датирующих предметов, которые не могли бы относиться к XIII в., по крайней мере,— к его началу. Основанием для выделения и датировки слоя XII в. являются наличие в нем только керамики «курганного» типа и отсутствие всех остальных видов керамики, встречавшихся в более поздних слоях Переяславля.

В слоях XII—XIII вв. найдено много настилов мостовых, частоколов, частей срубов. Но, к сожалению, малая площадь доступного для раскопок участка не позволила изучить топографию этой части кремля. В раскоп попали лишь фрагменты сооружений, и общей картины нельзя себе представить [78].

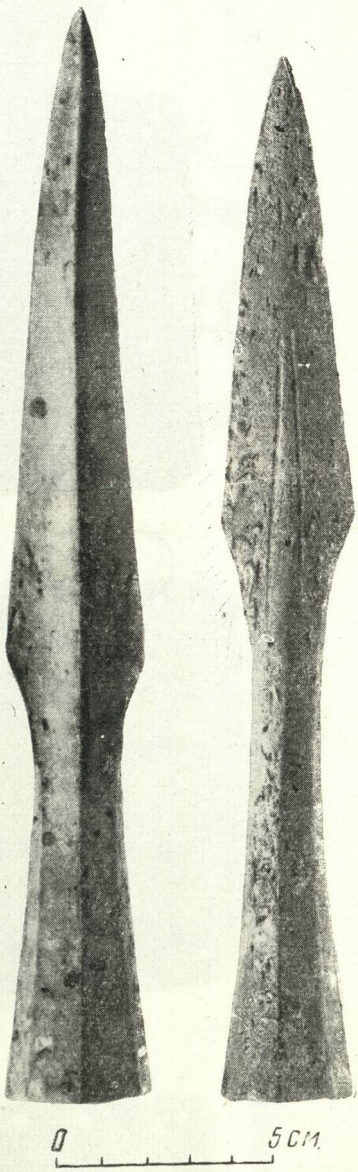


Рис. 68. Втульчатые железные наконечники копий. Переяславль-Рязанский.

В 23—30-м пластах в северо-западной части раскопа открыт большой сруб, погибший в пожаре. Бревна сруба и отдельные частично сохранившиеся доски пола обуглились. Внутри постройки оказалось беспорядочное нагромождение бревен,— очевидно, свалившихся верхних частей постройки. Внутри сруба, преимущественно в его юго-восточной части, концентрируются находки. Здесь найдены 18 бусин, из них четыре синих рыбовидных, две хрустальные шаровидные, одна янтарная, остальные — стеклянные шаровидные разных цветов; 10 обломков стеклянных браслетов (из них восемь крученых, один рифленый и один витой);

[77] Б. А. Колчин. Ук. соч.

[78] А. Л. Монгайт. Отчет о раскопках 1957 г. в Переяславле-Рязанском. Архив ИА, ф. 1, № 1621.

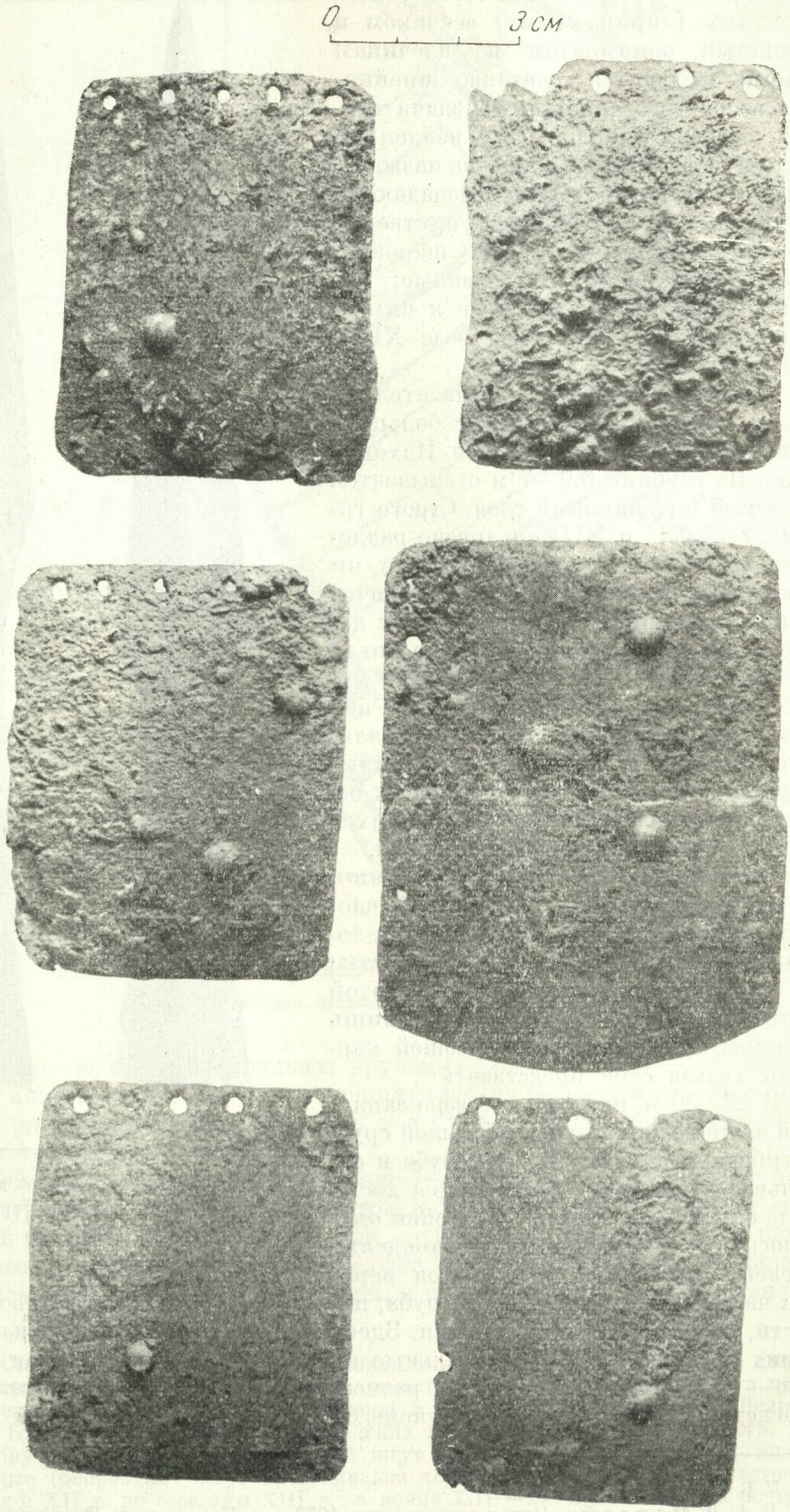


Рис. 69. Железные пластины панциря. Переяславль-Рязанский.

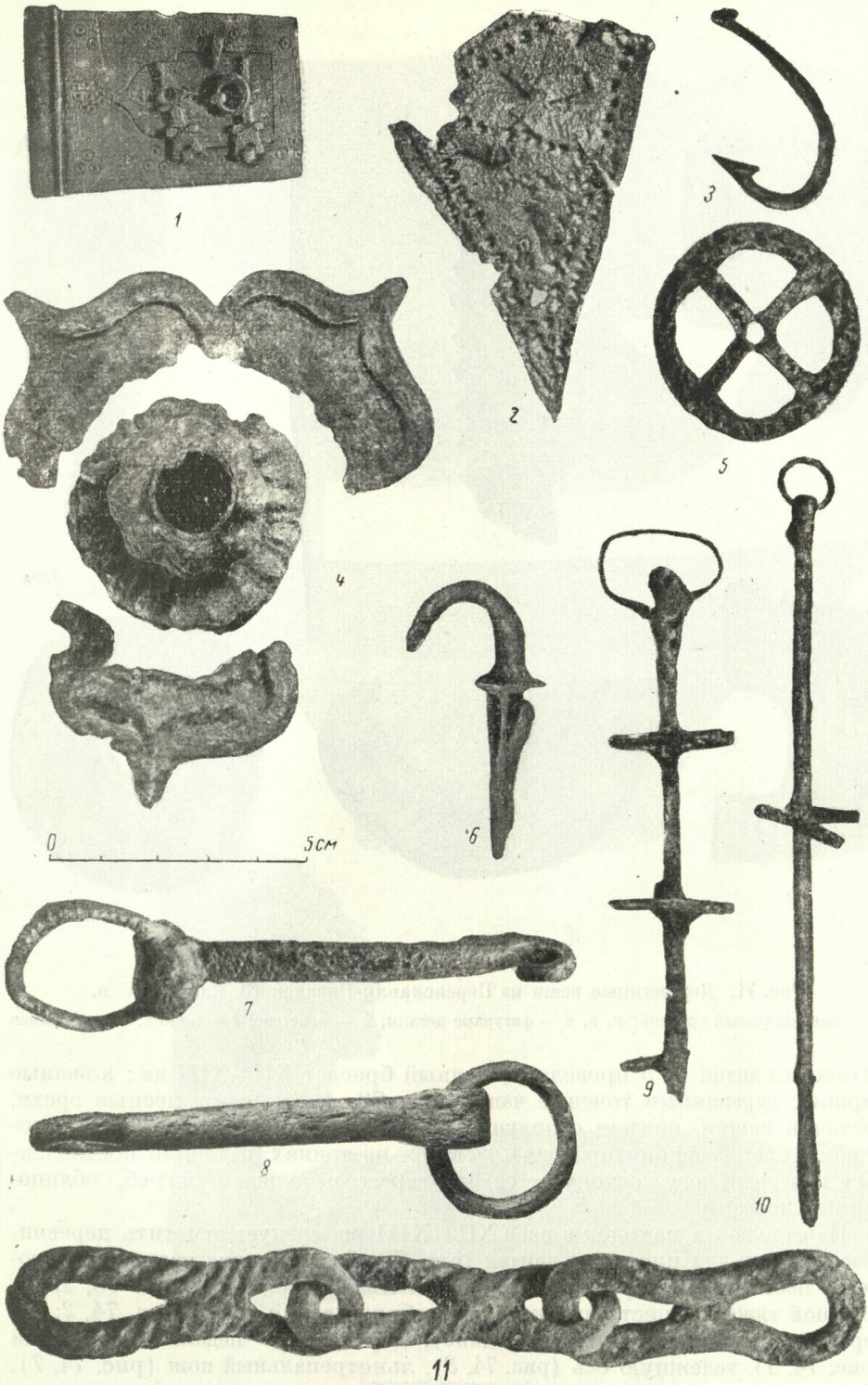


Рис. 70. Металлические вещи из Переяславля-Рязанского.

1— медная коробочка; *2* — орнаментированная железная пластина (слой XII—XIII вв.); *3*—рыболовный крючок; *4*—медный подсвечник; *5*— железная пряжка; *6*—запор от цилиндрического замка; *7*, *8* — части удил (слой XIV в.); *9*, *10* — металлический каркас кожаных ножен; *11* — железная цепь.

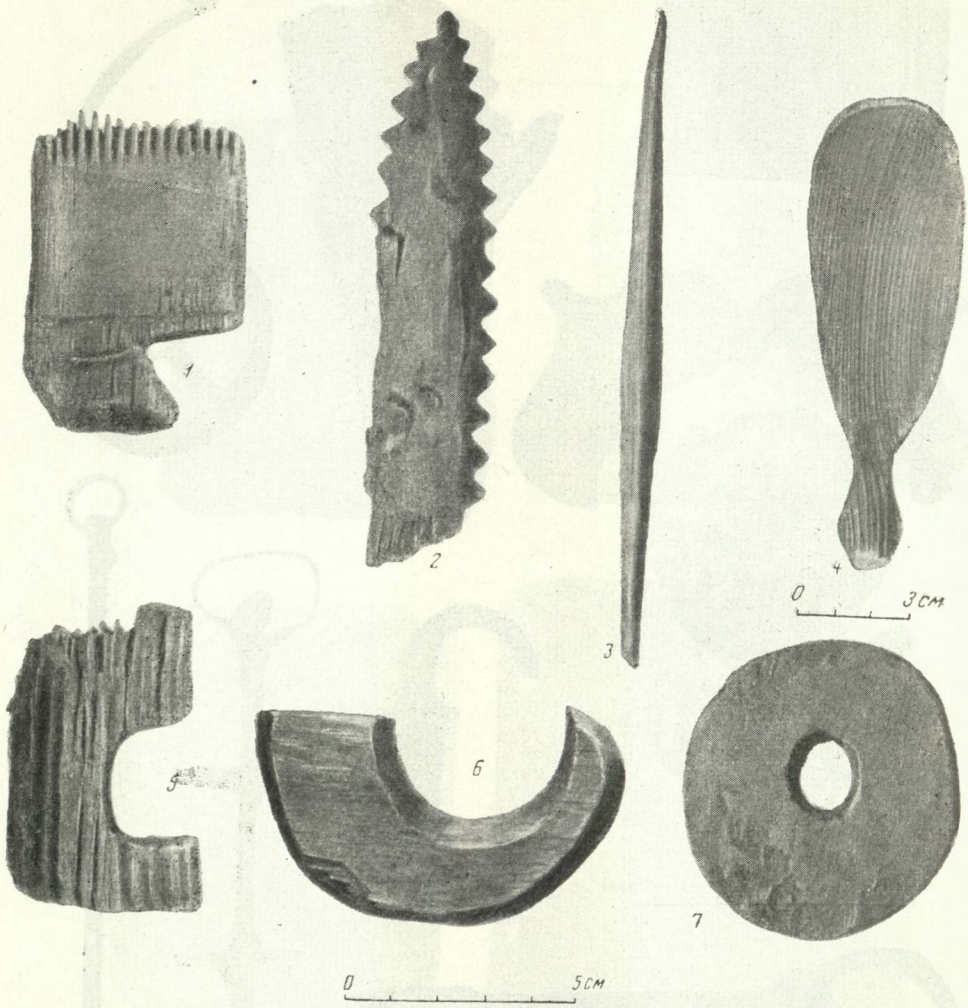


Рис. 71. Деревянные вещи из Переяславля-Рязанского. Слой XIV в.

1 — льночесальный гребень; *2, 5, 6* — фигурные детали; *3* — веретено; *4* — ложка; *7* — поплавок.

вятичский витой (в 3 проволоки) медный браслет XII—XIII вв.; кожаные поршни; деревянные точеные чаши (рис. 72, *1, 2*); просо, лесные орехи, косточки вишни, яичная скорлупа, кости овцы, коровы и курицы. В восточной части раскопа проходит частокол из тонких, наклонно поставленных кольев. К югу-востоку от сруба открыт небольшой погреб, облицованный досками.

Из отдельных находок в слое XII—XIII вв. следует отметить деревянную колодку для плетения лаптей (рис. 73, *3*; ее нижняя часть обита кожей), пестики для деревянных ступок и масляного жома (рис. 73, *1, 2*), большой тяжелый пест («толкач») для обрушивания проса (рис. 74, *2*; его держали двумя руками посередине), деревянную педаль от прялки (рис. 74, *1*), тележную ось (рис. 74, *3*), льнотрепальный нож (рис. 74, *7*), обломок трапециевидного деревянного гребня с кружковым орнаментом (рис. 75, *1*), орнаментированное веретено (рис. 75, *2*), деревянные ложки (рис. 74, *5*; рис. 75, *3*), зубья от грабель (рис. 75, *4*), волчок (рис. 75, *5*), детские игрушки — лодочки, сделанные из коры (рис. 75, *9, 10*), поплавки

Рис. 72. Деревянные точеные чаши из раскопа № 4 в кремле Переяславля-Рязанского.
1, 2 — из слоя XII—XIII вв.; *3* — обломок чаши из слоя XIV в.

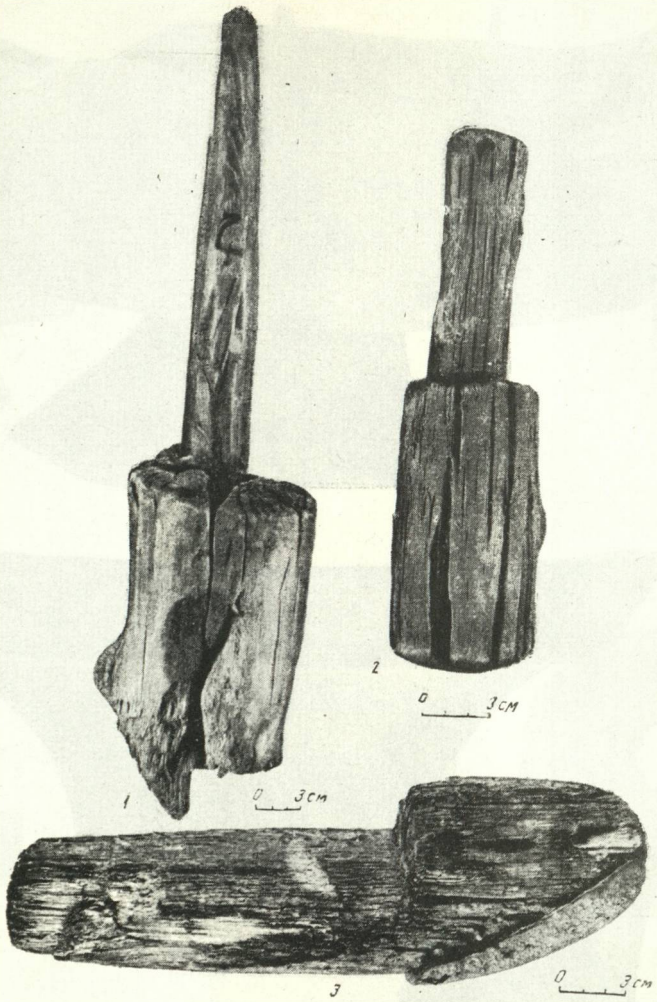


Рис. 73. Деревянные вещи из Переяславля-Рязанского.
1, 2 — пестики; *3* — колодка для плетения лаптей.

(рис. 75, *6*), счетную бирку с зарубками (рис. 75, *7*) и накладку от сложного гребня, державшуюся на медных гвоздиках (рис. 75, *8*). Изделий из кости сравнительно мало. Это ручки ножей (рис. 76, *1*), один наконечник стрелы (рис. 76, *2*), несколько кочедыков (рис. 76, *3*, *4*), колечки, помещавшиеся у основания деревянной ручки ножа (рис. 76, *5*; рис. 77, *2*), и пряслице (рис. 76, *6*). Ножи представлены рядом типов, в том числе довольно архаичным с кривой спинкой (рис. 77, *4*). Много найдено цилиндрических замков и ключей к ним (рис. 77, *5*—*8*), а также ключей к внутренним замкам.

Мы еще вернемся к подробному рассмотрению вещей, обнаруженных в Переяславле-Рязанском, и главным образом керамики из раскопок в кремле.

Подводя итоги раскопок в кремле Переяславля-Рязанского, следует сказать, что, несмотря на их маленький масштаб, они дали интересные материалы по культуре русского города XII—XVII вв. Замечательная

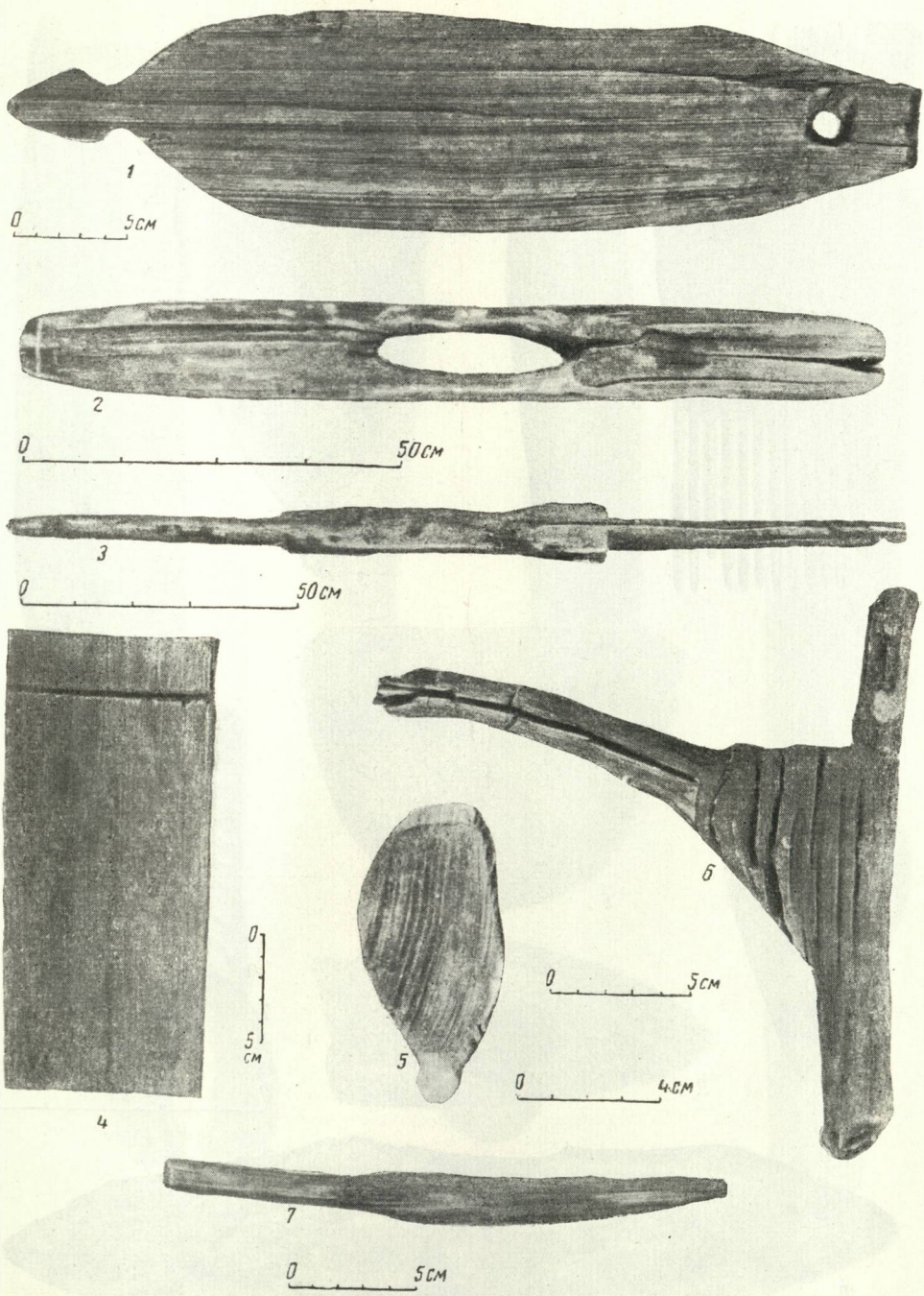


Рис. 74. Деревянные вещи из раскопок 1957 г. в кремле Переяславля-Рязанского. Слой XII—XIII вв.

1 — педаль от прялки; *2* — пест для обрушивания пшена («толкач»); *3* — тележная ось; *4* — клепка; *5* — ложка; *6* — копыл; *7* — нож для трепания льна.

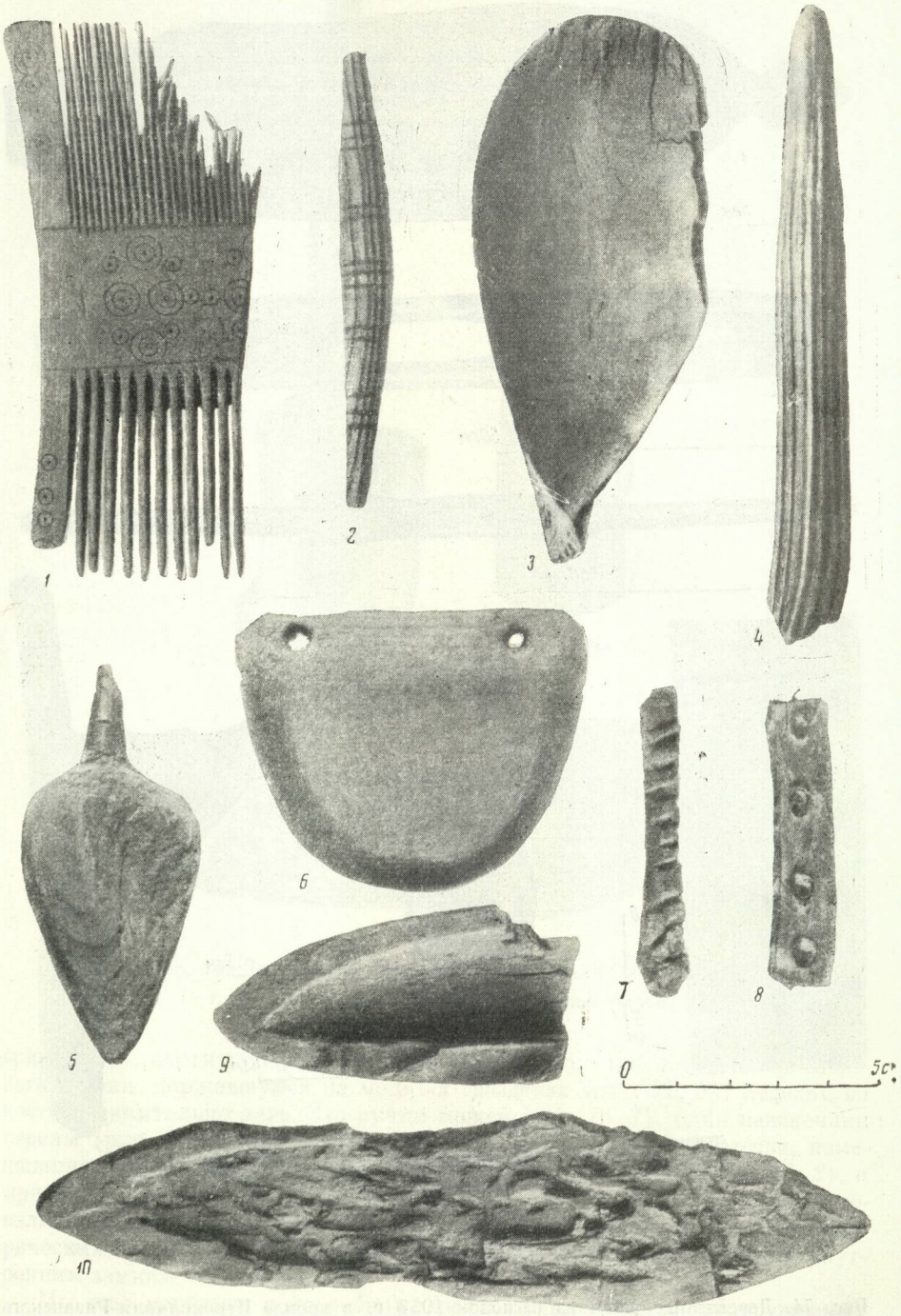


Рис. 75. Деревянные вещи из Переяславля-Рязанского.

1 — орнаментированный гребень; *2* — веретено; *3* — ложка; *4* — зуб от грабель; *5* — волчок; *6* — поплавок; *7* — счетная бирка; *8* — накладка от сложного гребня; *9*, *10* — лодочки из коры (игрушки).

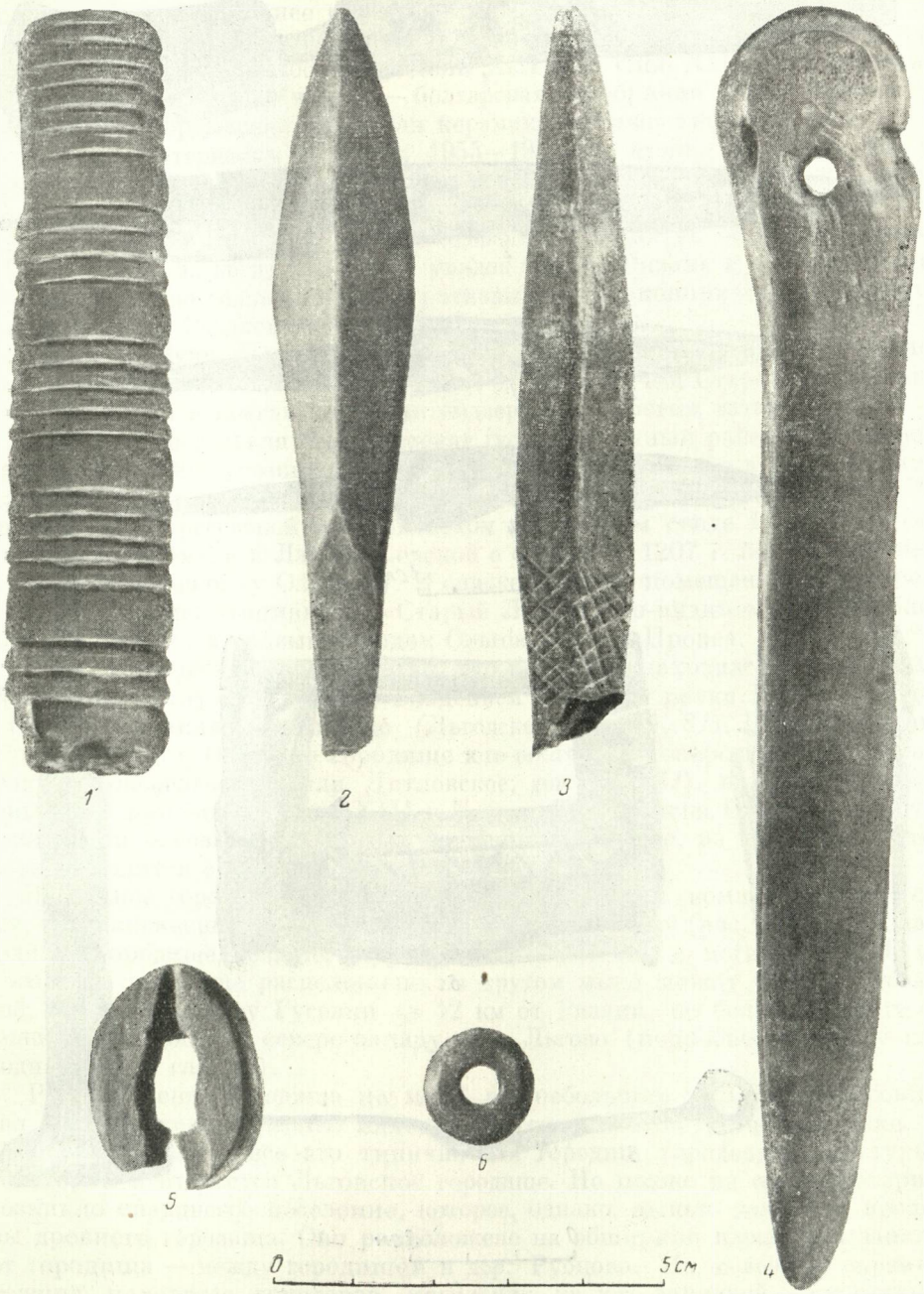


Рис. 76. Костяные изделия из Переяславля-Рязанского.

1 — ручка ножа; *2* — наконечник стрелы; *3*, *4* — кочедыки; *5* — кольцо для рукоятки ножа; *6* — пряслице.

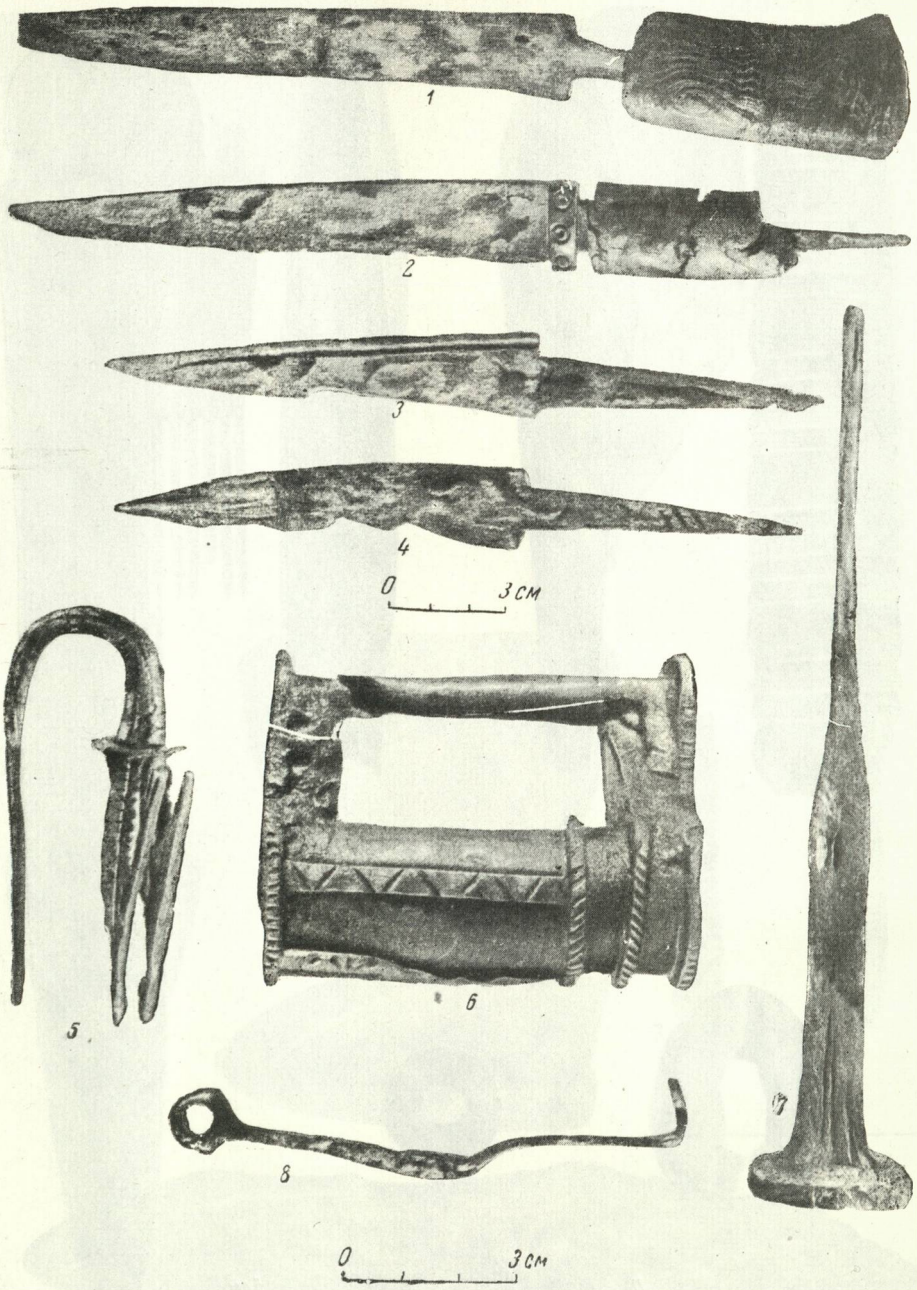


Рис. 77. Металлические вещи из Переяславля-Рязанского.

1 — нож с деревянной рукояткой (XII в.); *2* — нож с деревянной рукояткой и костяным орнаментированным колечком у основания рукоятки (XIV в.); *3, 4* — ножи (слой XII в.); *5* — запор от цилиндрического замка; *6* — цилиндрический замок (XII—XIII вв.); *7* — заготовка для ключа; *8* — ключ.

сохранность дерева в культурном слое Переяславля позволила изучить постройки и ранее совершенно не известные из городов Северо-Восточной Руси деревянные изделия. Наиболее богатый находками слой относится ко времени после середины XIII в. В слое XIII—XIV вв. найдено много импортных вещей — болгарская серебряная серьга, херсонесская и золотоордынская поливная керамика, южные амфоры и т. п.

Судя по материалам раскопок 1955—1957 гг., нужно полагать, что в центральной части кремля, вблизи позднейшего «дворца Олега» и Успенского собора, существовало поселение уже в домонгольское время. Но подлинный рост и расцвет города относятся только ко второй половине XIII в.— XIV в., когда пришла в упадок Старая Рязань и в Переяславль переместился не только административный, но и экономический и религиозный центр Рязанского княжества.

Среди причин быстрого развития Переяславля-Рязанского нужно учесть его близость к Москве и то, что он дальше, чем Старая Рязань, отстоял от степи и поэтому меньше подвергался набегам татар.

Вблизи Переяславля был издревле густонаселенный район, и здесь исследователи ищут упоминаемые в летописи города Ольгов и Борисов-Глебов. Название города Ольгова встречается в летописи впервые в 1207 г. [79], причем в Воскресенской и Московском летописном своде 1479 г. Ольгов назван «городом», а в Лаврентьевской о событиях 1207 г. просто сказано, что они произошли «у Ольгова». В списке городов, помещенном в Воскресенской летописи, упомянуты «Старый Львов» (по-видимому, по ошибке вместо «Льгов») и «новый городок Ольгов на усть Проне».

Д. И. Иловайский предполагал, что г. Ольгов находился на высоком обрывистом углу, образуемом впадением в р. Оку речки Гусевки [80], где и теперь сохранилось городище (Льговское; рис. 47, *81*). В. А. Городцов отожествлял с г. Ольговом городище юго-восточнее теперешней дер. Новоселки (Новоселковское или Дятловское; рис. 47, *81*), на котором найдены меч, топорик и стрела XIII в. [81] (рис. 78). Поиски Ольгова у р. Гусевки были основаны на данных топонимики, вернее, на том факте, что здесь находится с. Льгово.

Льговское городище входит в очень любопытный комплекс памятников, расположенных между с. Льгово и дер. Рубцово (рис. 79). Здесь находятся городище, селище, курганы XII—XIII вв. и могильник XIV в. Льговское городище расположено на крутом мысе между Окой и Гусевкой, на левом берегу Гусевки (в 12 км от Рязани, по большой дороге к Спасску), в 500 м к северо-западу от с. Льгово (подробное описание городища см. в главе 2).

Расположение городища на мысе, его небольшие размеры, невысокий вал из обожженной глины, находки «рогожной» и сетчатой керамики в культурном слое — все это типично для городищ городецкой культуры, к которой и относится Льговское городище. Но позже на его территории возникло славянское поселение, которое, однако, вышло далеко за пределы древнего городища. Оно расположено на обширной площади к западу от городища — между городищем и дер. Рубцово. На северной окраине селища находится грунтовой могильник, на юго-западной — курганный могильник. Со стороны р. Оки и Гусевки на территорию селища заходят глубокие овраги.

---

[79] Лаврентьевская летопись, Воскресенская летопись, Московская летопись, 1207 г.

[80] Д. И. Иловайский. История Рязанского княжества, стр. 96.

[81] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты.., стр. 593, 594.

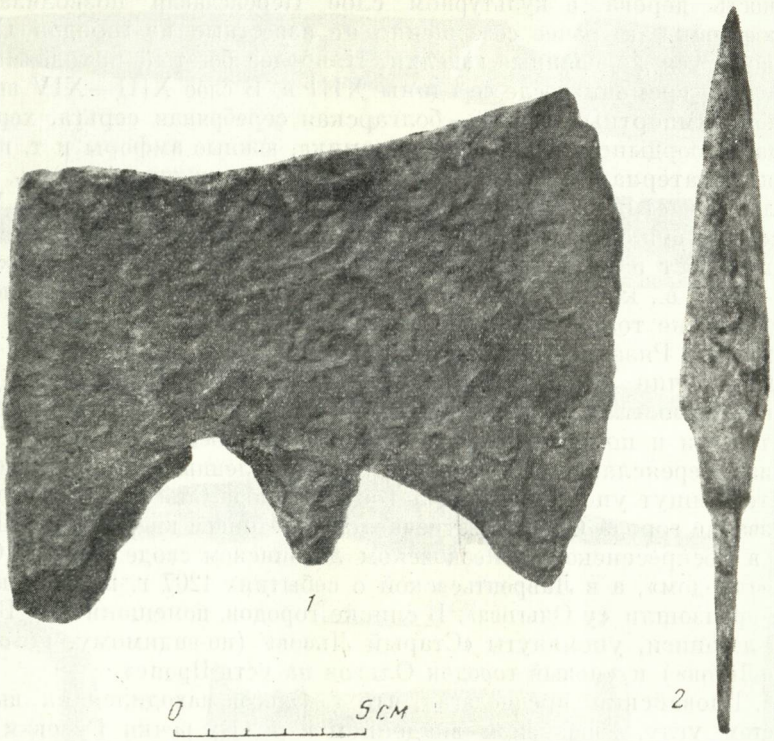


Рис. 78. Дятловское городище. Разведка В. А. Городцова. (ГИМ, № 35549).

1 — железный топор; *2* — наконечник стрелы.

В. А. Городцов обследовал разрезы культурного слоя в осыпях оврага. Культурный слой — мощностью около 0,5 м. Имеется ряд глубоких (до 2 м) жилых ям, остатков жилищ. Одна из ям была глубиной 1,8 м, шириной 2 м. В заполнении ямы найдены обломки глиняной посуды с линейным прямым и волнообразным орнаментом, кости домашних животных (коровы, овцы, свиньи), куски обожженной глины с признаками примеси к ней соломы (печины), железные полоски. Вторая яма — такой же глубины, но шириной до 5 м — содержала аналогичные предметы [82]. Керамика Льговского селища в большинстве домонгольская, но часть ее, в особенности в южной части селища, относится в XIV—XVI вв. Это тонкостенные, преимущественно неорнаментированные сосуды, некоторые — с лощением.

В коллекции Рязанского музея находятся 2 железных копья, топор и 10 больших железных гвоздей, найденные на Льговском селище и, по-видимому, относящиеся к слою XIII—XIV вв.

Раскопки экспедиции ИИМК на Льговском селище [83] помогли установить его границы. Шурфы за дорогой, ведущей на Рязань, культурного слоя не обнаружили, за пределами курганного могильника — также. Таким образом, селище простиралось от Льговского городища до дер. Рубцово и от р. Гусевки до Оки. Его площадь — приблизительно 4 га.

[82] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты..., стр. 596.

[83] А. Л. Монгайт. Отчет о работе Рязанского отряда Среднерусской экспедиции ИИМК в 1955 г. Архив ИА, ф. 1, № 1205.

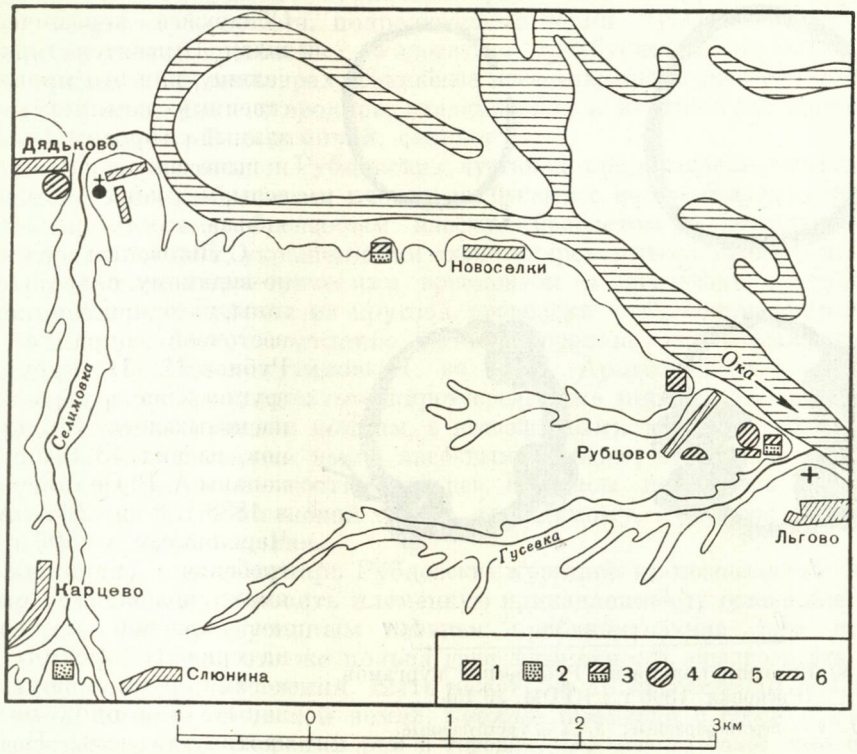


Рис. 79. Археологические памятники в районе Льгово-Новоселки.

1 — славянское городище; *2* — городище раннего железного века; *3* — городища раннего железного века со слоем славянского времени; *4* — славянские селища; *5* — славянские курганы; *6* — славянский грунтовой могильник.

Культурный слой равен 0,25—0,3 м и состоит из чернозема с небольшим количеством фрагментов керамики и костей домашних животных. Керамика вся круговая, из красной и серой глины, хорошего обжига, с линейным и волнистым орнаментом. Очень редко попадались фрагменты «рогожной» керамики, очевидно, случайно здесь оказавшейся. Найдены стеклянный и металлический шлак, железные ножи, костяная неорнаментированная рукоятка от ножа, каменное пряслице, бипирамидальная сердоликовая бусина. Данных для датировки селища получено недостаточно. Однако, сопоставляя обнаруженную здесь керамику с находящейся в коллекции Рязанского музея керамикой, встреченной на Льговском селище в комплексе с железными копьями и топором,— можно датировать его северную часть приблизительно XIII—XIV веками. В южной части селища жизнь продолжалась до XVI в.

На северо-восточной окраине селища, вблизи дер. Рубцово, в овраге произведена зачистка обнажений культурного слоя, давшая возможность проследить остатки керамических горнов, сильно разрушенных и не поддающихся реконструкции. Размер развала одного из горнов — 1,5 м в длину; толщина спрессованных позднейшей насыпью остатков горна — 50 см. В том, что это горн, а не обычная печь, убеждает обилие фрагментов керамики, в том числе и бракованной, в культурном слое у горна и в овраге перед ним. Найдено несколько донышек с клеймами в виде ключа и в форме пятиконечной звезды. Керамика — рязанского типа XI—XIII вв.

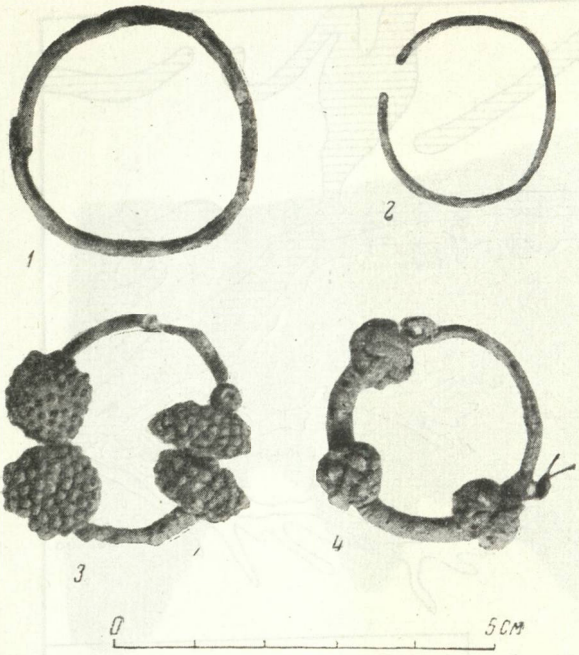


Рис. 80. Височные кольца из Рубцовских курганов. (Раскопки 1896 г.; КРОМ, № 15).

1, 2 — перстнеобразные; *3, 4* — трёхбусинные.

Обнаружен керамический шлак. Относятся горны к селищу, или это производственный комплекс, связанный с городом Льговом и вынесенный за его пределы, — пока решить нельзя.

С Льговским селищем, по-видимому, связаны курганы, находящиеся на юго-восточной окраине дер. Рубцово [84]. В курганной группе к началу раскопок насчитывалось 39 курганов, из них 13 были раскопаны А. В. Селивановым в 1888 г. [85] и 22 — А. И. Черепниным в 1896 г. Погребения свершены в ямах; положение костяков — головой на запад, на спине, с протянутыми ногами; руки согнуты на животе или одна из них протянута вдоль. Насыпи невысокие — около 1—1,2 м. Покойники иногда обернуты берестой, в одном случае найден гроб из долбленой колоды. По этим признакам Рубцовские курганы сходны с поздними вятичскими и другими русскими.

Однако инвентарь погребений и некоторые черты обряда отличаются от вятичских. Прежде всего ни в одном из курганов нет посуды ни рядом с костяком, ни в насыпи кургана; нет в насыпи и часто встречающихся у вятичей углей, нет ни одного семилопастного височного кольца. В Рубцовских курганах височные кольца — двух типов (рис. 80): перстнеобразные из гладкой медной проволоки, с неспаянными, заходящими друг за друга концами (только одно кольцо имеет конец, загнутый кверху в кружок), и трёхбусинные — с бусами, покрытыми зернью или сделанными из сложенной вдвое переплетенной проволоки (по классификации А. В. Арциховского — «узловатые»). Первый тип является общеславянским, нигде заметно не преобладает и служить для этнического определения не может. Второй тип обычно называется киевским, так как трёхбусинные кольца широко известны в киевских кладах, но они бытовали не только в Киевской земле, а и в Переяславской, Черниговской, Смоленской, Псковской, Владимирской. Их тоже нельзя связать ни с каким восточнославянским племенем, но несомненно их южное происхождение. В киевских кладах трёхбусинные кольца сделаны в тонкой и сложной технике (бусы с напаянной зернью или с ажурным, тонким филигранным каркасом). Позже появились отлитые в имитационных литейных формах

[84] А. И. Черепнин. Дневник раскопок курганов, произведенных в 1896 г. членами Рязанской ученой архивной комиссии. ТРУАК, т. XI, вып. 2, 1896, стр. 152; П. Н. Милюков. Отчет о раскопках рязанских курганов летом 1896 г. ТРУАК, т. XIV, вып. 2, 1899 (то же — в Трудах X АС, т. I, М., 1899, стр. 14—137); А. А. Спицын — ЗРАО, т. XI, вып. 1-2, 1899, стр. 232—241.

[85] Отчет не сохранился. Вещи находятся в КРОМ.

подражания[86]. Рубцовские бронзовые трёхбусинные кольца имеют бусины, покрытые бугорками, подражающими зерни; бусы отделены перевивами из тонкой проволоки. «Узловатые» трёхбусинные кольца встречены только в 3 экземплярах. Подобные известны среди древностей среднерусских племен — новгородцев, владимирских и костромских кривичей, вятичей, дреговичей, радимичей, северян[87].

Остальные находки в Рубцовских курганах представлены мелкими и крупными боченкообразными пастовыми бусами с волнообразными разноцветными полосами; бронзовым плоским браслетом с расходящимися суженными концами, украшенными схематизированными головками; плоским браслетом с геометрическим орнаментом и загнутыми в трубочки концами. Персти сделаны из круглой проволоки с глубокими нарезами, так что получается впечатление витой проволоки (по классификации Н. И. Лебедевой — «жгутиковые», по А. В. Арциховскому — «простые рубчатые»); есть пластинчатые широкосрединные перстни (расширенные спереди, суживающиеся к концам, с несведенными концами). Проволочные, подобные описанным выше височным кольцам, перстеньки найдены в двух погребениях на костях пальцев. В одном погребении оказался золотой позумент на шелковой основе, по-видимому,— обрывок ткани византийского происхождения.

Как видно, весь инвентарь Рубцовских курганов не позволяет ни точно датировать их, ни установить племенную принадлежность оставившего их населения. По трёхбусинным кольцам приблизительная дата курганов — XII—XIII вв.; эти же кольца дают возможность предполагать южное происхождение населения. Быть может, это те переселенцы XII в. из Киевской или Черниговской земли, которые принесли с собой в Рязанскую землю южные названия рек и городов? Но это не более чем предположение. Трёхбусинные височные кольца, даже зерненые, не представляют исключительно киевский тип, и хотя они в Средней России отмечают собой киевское влияние, нельзя утверждать, что оно связано с перемещением населения, а не с распространением формы ремесленных изделий из крупного центра.

В XIII—XIV вв., с исчезновением курганного обряда погребения, неподалеку от селища возник могильник. Это кладбище, существовавшее до XV вв., находится на холме, отделенном от поля оврагом. При раскопках 1896 г.[88] здесь было найдено 25 костяков[89], расположенных в 3 яруса. Погребения были в деревянных гробах, без вещей. Найдены фрагменты вышитой серебряными нитями ткани и керамика без орнамента или с линейным орнаментом — типов, датирующихся в Переяславле-Рязанском XIV—XV веками.

Таким образом, на территории между с. Льгово и дер. Рубцово находятся остатки довольно значительного славянского поселения XII—XVI вв. и связанных с ним могильников. Можем ли мы считать это поселение остатками летописного г. Ольгова? Здесь найдены следы ремесленного производства (металлургические шлаки, керамические горны), свойственного

---

[86] В вятичских Митяевских курганах А. В. Арциховским найдена известняковая литейная форма для изготовления трёхбусинных гладких височных колец (А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 64 и 182). Б. А. Рыбаков считает, что выделкой трёхбусинных височных колец занимались киевские или переяславские мастера. После прекращения притока трёхбусинных колец с юга в земле вятичей стали изготовлять самостоятельные подражания им (Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 534).

[87] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 65.

[88] Отчет о деятельности РУАК за 1896 г. Рязань, 1897, стр. 48.

[89] В 1888 г. еще часть кладбища была вскрыта А. В. Селивановым, но отчет не сохранился.

обычно поселениям городского типа. В пользу этого предположения говорят также обширная площадь, занятая поселением, и сравнительно мощный культурный слой. Характерным признаком древнерусского города являются валы. Но валы в этом месте окружают только территорию городища городецкого времени, очень маленького, на котором могли находиться лишь одна-две усадьбы. К тому же на Льговском городище почти нет ясно выраженного славянского слоя, Льговское же поселение за пределами городища не имеет валов. Остается предположить, что валы, окружавшие город, — если он, действительно, здесь находился,— были уничтожены при постройке домов и усадеб дер. Рубцово, на территории которой заканчивается древнерусский культурный слой.

Оставаясь по-прежнему в сфере предположений, мы можем все же указать еще один пункт, где следует искать г. Ольгов. Это территория на берегу р. Гусевки, противоположном тому, где находится упомянутое Льговское городище раннего железного века, в непосредственной близости к с. Льгово, на его северо-западной окраине — там, где находился Ольгов монастырь. Нашей разведкой здесь найдена керамика XI—XIII вв. Валов древнего городища нет, но они могли быть уничтожены постройками Ольгова монастыря. К сожалению, этот участок для раскопок в настоящее время недоступен; поэтому археологические поиски г. Ольгова следует отложить на будущие времена.

Малоправдоподобно отожествление г. Ольгова с Новоселковским (Дятловским) городищем, сделанное В. А. Городцовым (рис. 81). Это городище находилось на правом берегу р. Оки на расстоянии 1 км к юго-востоку от дер. Новоселки, в б. имении Дятловского, на обширном мысе, ограниченном с северной стороны береговым обрывом р. Оки, с восточной — руслом р. Андреевки, с южной — оврагом. С западной стороны городище было защищено валом и рвом. В 1895 г., когда городище обследовал В. А. Городцов, вал был уже срыт, а ров засыпан. Остались только следы. Площадь городища — 500 × 165 м. По словам владельца имения, здесь находили древние железные вещи и костяки. Этих данных для высказанного В. А. Городцовым предположения явно недостаточно. Во время нашей разведки 1955 г. уже не удалось обнаружить никаких следов городища, так как вся его площадь застроена совхозом.

Летописное известие 1207 г., в котором упоминается Ольгов, не содержит данных, которые позволили бы бесспорно решить вопрос о местонахождении этого города. В 1207 г. Всеволод Юрьевич пошел от Коломны к Пронску. По-видимому, войско двигалось по рекам. Рассчитывая на быструю победу, на то, что Пронск капитулирует без боя, Всеволод пошел к Пронску «на конях берегом», а ладьи с продовольствием оставил на Оке. Лагерь «лодейников» расположился на острове, образуемом Окой и ее старицей[90]. Когда осада Пронска затянулась, Всеволод послал «полк свой к лодьям, по корм, на Оку, и пристави к ним Олга Володимирича. И бывшим им в Ужеска бысть им весть, оже вышел из Рязаня Роман Игоревичь с полком и бьеться с лодейники у Олгова. Они же гнаша наскоре к лодьям». «И победи Олег Романа и возвратишася наши опять к Проньску...». Следовательно, если Олег шел от Пронска вдоль Прони к Оке, Роман шел

---

[90] По Воскресенской летописи Всеволод отпустил «ладьи» «на остров ко Ольгову со всем товаром». По Никоновской летописи рязанцы узнали, «яко Суздальци и Новгородци на острове стоят у Олгова, и начаша наряжати на них людей пеших и в судех, а сами со князем их Романом Игоревичем хотяще поити брегом на конех, и сиа им смышляющие князь великий Всеволод Юрьевич, то слыша и посла Олга Владимеровичя, внука Глебова, к полком своим, к лодиам, иже стоаху на берегу у. Олгова, с силою многою».

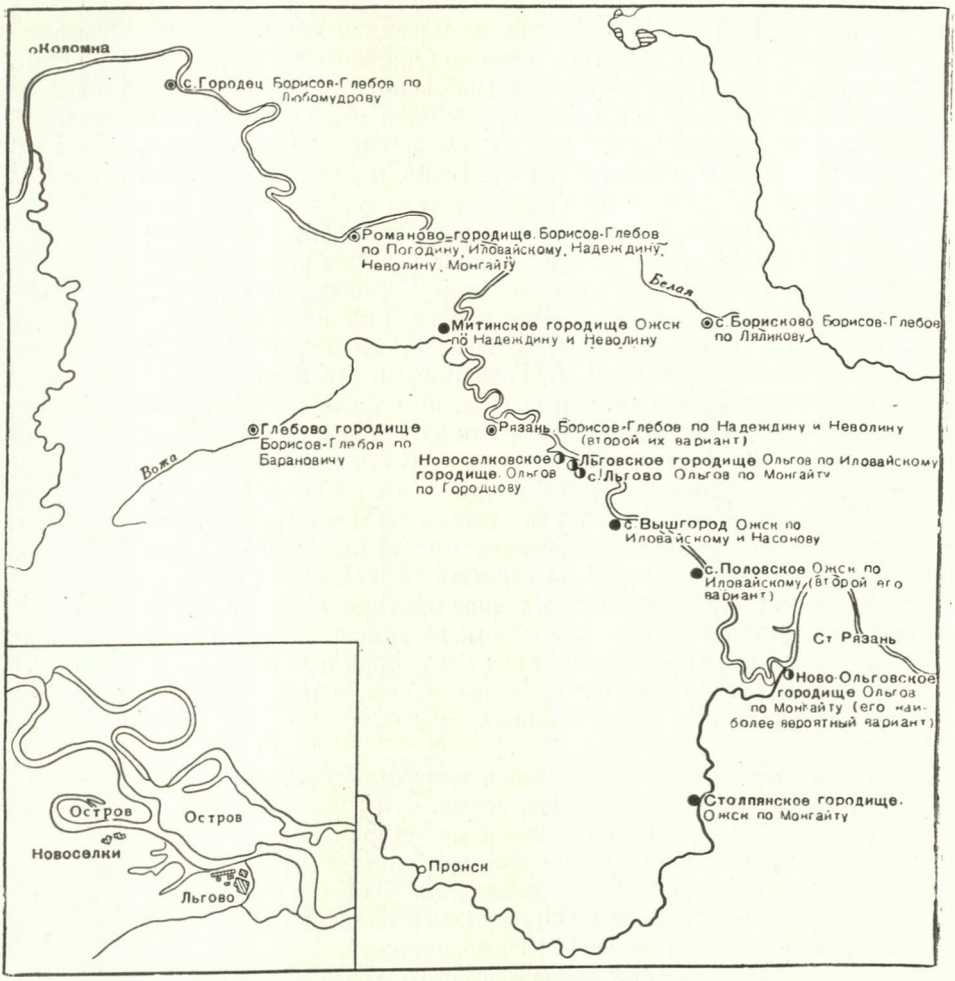


Рис. 81. К вопросу о местонахождении гг. Ольгова, Борисова-Глебова и Ожска.

от Рязани («Старой») по берегу, а часть его полка двигалась на ладьях по Оке, то пунктом их встречи могло быть место слияния Прони и Оки, где находится описанное выше Ново-Ольговское городище. Могло быть, однако, и иначе. Если Олег Владимирович шел от Пронска на Оку не вдоль берега Прони, то местом встречи его с рязанцами мог быть любой другой пункт, в том числе и Ольгов на р. Гусевке. Остров, образуемый Окой и ее старицей, на котором находился лагерь «лодейников», не поможет определению места, где происходили события 1207 г., потому что такие острова есть и у Ольгова, и у Нового Ольгова.

Вопрос о местонахождении рязанского города Ольгова можно было бы отчасти решить, если бы был известен город Ожск (или Ужеск), у которого Олег Владимирович получил известие о движении Романа к ладьям. Но, к сожалению, вопрос о рязанских городах является уравнением со многими неизвестными. Местоположение Ожска так же спорно, как и Ольгова. Ужеск или Ожск Н. И. Надеждин и К. А. Неволин отожествляли с Ужеск-Вожским городищем, находящимся при впадении р. Вожи в Оку, выше Переяславля-Рязанского около 15 км; видимо, они имели в виду Митинское

городище [91]. Д. И. Иловайский, судя по рассказу летописи, предлагает искать Ожск «недалеко от Ольгова, вниз по Оке, может быть, на месте одного из теперешних сел Вышгорода или Половского; первое обращает на себя внимание своим именем, а второе — следами осыпей со стороны реки» [92]. А. Н. Насонов, справедливо указывая, что, поскольку Ужеск лежал на пути из Пронска в Ольгов, искать его на р. Воже нельзя, соглашается, однако, с отожествлением Вышгорода (в устье Раки) с Ужеском [93].

Вышгородское городище уже было выше описано в связи с имеющимися на нем слоями раннего железного века и эпохи рязанских могильников. Верхний слой на городище — славянский. Производивший здесь раскопки П. П. Ефименко в славянском слое ничего, кроме обломков керамики домонгольского времени, не нашел. Однако, начиная с 1895 г., когда городище было впервые обследовано В. А. Городцовым, его неоднократно посещали археологи, не производившие раскопок, но собравшие на городище и двух прилегающих к нему славянских селищах значительную коллекцию керамики и вещей X—XIII вв. Среди этих находок следует особо отметить клад железных сельскохозяйственных орудий (рис. 109, *1, 2, 4*), топоры (рис. 130, *2, 3*), долота (рис. 131) и два изделия из меди (рис. 82, *1, 2*), которые археологи ошибочно называли булавками, но они, как установлено новейшими исследованиями, являлись стилями («писалами») для письма на восковых дощечках [94]. К сожалению, точное местонахождение этих вещей в инвентарных книгах Рязанского музея не зафиксировано, и они фигурируют под названием «из городков близ сел Вышгород и Пальное». Городище обращает на себя внимание и своим названием, и наличием вещей славянского времени, в том числе и таких, сравнительно редких, находок, как «писала».

Однако у нас нет оснований для отожествления Вышгорода с Ужеском. В летописи вообще нет сообщения о том, что Ужеск (Ожск) находился на Оке; только Н. М. Карамзин в цитате из Лаврентьевской летописи о событиях 1207 г. после слов «у Ожьска» прибавляет в скобках, от себя, «на Оке» [95]. Если события 1207 г. происходили у «Нового Ольгова в усть Прони», то на пути от Пронска к Ольгову Ожск должен быть на Проне, предположительно — на месте Столпянского городища.

Очевидно, в Рязанской земле в домонгольское время существовало два города Ольгова: один — на р. Гусевке в районе современного с. Льгово и другой — в устье Прони. Во время составления «Списка городов» их различали, называя первый Старым Льговом, а второй — Новым городком Ольговом. Почему, несмотря на несомненные данные о древности его существования, «городок Ольгов» назван в летописи «новым» — неясно. В конце XIV в. оба Ольгова уже давно существовали. Возможно, составители «Списка городов» располагали какими-то сведениями о большой древности Ольгова на р. Гусевке. Следует отметить, что этот Ольгов упоминается в жалованной грамоте 1340 г. князя пронского Александра Михайловича, который

---

[91] Замечания Н. И. Надеждина и К. А. Неволина на работу М. П. Погодина «Города и пределы первых русских княжеств». ЖМВД, 1848, т. XXIII; см. М. П. Погодин. Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. IV. М., 1850, стр. 251.

[92] Д. И. Иловайский. История Рязанского княжества, стр. 96.

[93] А. Н. Насонов. Ук. соч., стр. 202. В книге «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.» (Труды ГИМ, вып. 32, М., 1956) сказано, что археологическое обследование, предпринятое ГИМ в 1954 г. в бассейне Оки, не обнаружило в с. Вышгород остатков летописного города (стр. 146). В самом селе Вышгород, действительно, никаких следов древнего поселения нет. Вышгородское городище находится в 1 км на юг от села.

[94] Труды Новгородской археологической экспедиции, т. II. МИА № 65, 1959, стр. 116.

[95] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. III, прим. 125.

дал владыке рязанскому Георгию с. Остромино, что против Ольгова [96] (село это находится в 4 км от Ольгова к югу). В окладной книге 1676 г. Ольгов значится селом и называется также Старым Льговом [97].

Город Борисов-Глебов упоминается в летописи под 1180 г. [98] Из летописи известно лишь, что этот город был на пути из Коломны в Рязань. Обычно его отожествляют с Романово-Борисо-Глебским городищем, расположенным в 4 верстах вверх по Оке от с. Вакино (Вахино) на правом берегу [99] (рис. 47, *31*).

На этом городище находилась церковь Бориса и Глеба. С мнением М. П. Погодина о том, что здесь был город Борисов-Глебов, согласен Д. И. Иловайский [100]. Н. И. Надеждин и К. А. Неволин в замечаниях на работу М. П. Погодина «Города и пределы первых русских княжеств» [101] относят летописное известие о Борисове-Глебове либо к Романово-Борисо-Глебскому городищу, либо к Переяславлю-Рязанскому, где, как они думают, на берегу Трубежа вблизи Борисо-Глебского собора был первоначально город.

По мнению Н. В. Любомудрова, Борисов-Глебов мог находиться на Оке близ впадения в нее небольшой речки Пилинки, в 10 верстах вверх от Перевитска, напротив лежащего на другой стороне Оки с. Дединово и впадающей там же в Оку Цны, на месте с. Городец. Это село в рязанской разъезжей грамоте 1498 г. названо «Борис и Глеб Городецкий» [102]. В XIX в. здесь были заметны следы древних укреплений [103]. М. Баранович считал, что с. Глебово Городище на р. Воже, при впадении в нее р. Реберки, в 30 верстах от

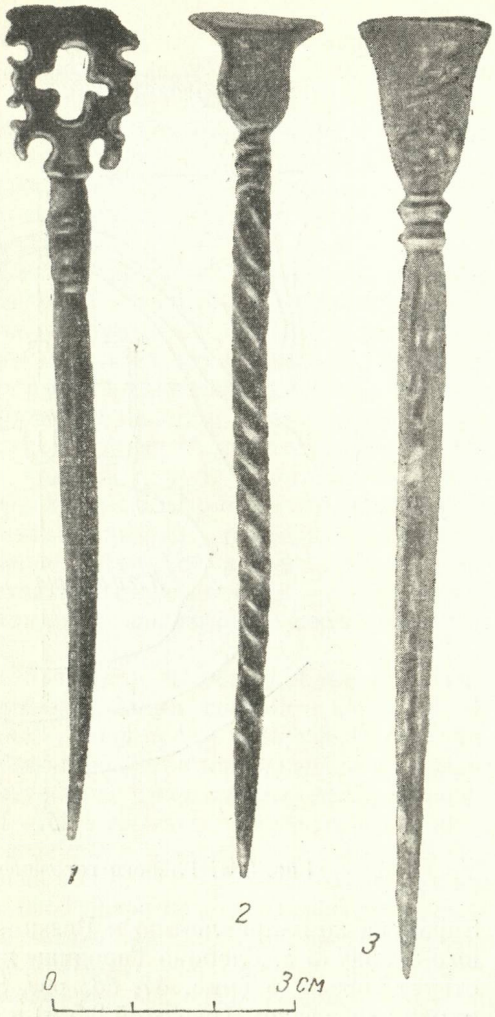


Рис. 82. Бронзовые стили — «писала»
1, 2 — (Вышгород; КРОМ, № 24, 1529, 1530, *3* — (Старая Рязань).

[96] «Рязанские достопамятности...», § 61.
[97] Н. В. Любомудров. Местногеографические древности. «Прибавления к Рязанским епархиальным ведомостям», 1874, № 20.
[98] «Князь же Всеволод иде к Рязаню (от Коломны.— *А. М.*), взя город Борисов Глебов». ПСРЛ, т. I, стр. 164.
[99] М. П. Погодин. Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. IV. М., 1850, стр. 248.
[100] Д. И. Иловайский. История Рязанского княжества, стр. 98.
[101] ЖМВД, 1848, т. XXIII.
[102] «Рязанские достопамятности...», стр. 35, § 91.
[103] Н. В. Любомудров. Местногеографические древности..., стр. 485.

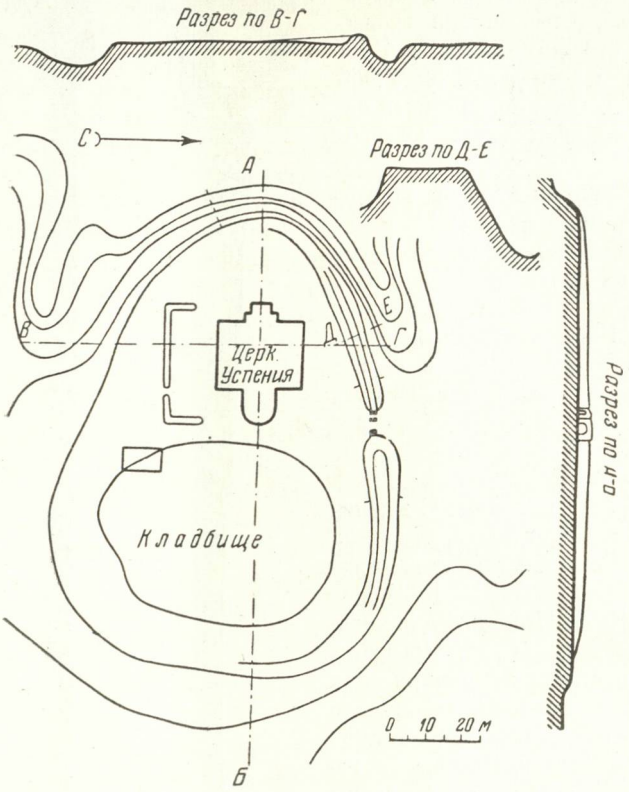


Рис. 83а. Глебово городище. План. (По А. В. Никитину).

Зарайска по направлению к Рязани и есть Борисов-Глебов [104]. В 30 км к юго-западу от с. Глебово Городище на левом берегу р. Вожи поныне существует городище (рис. 47, *66;* рис. 83а), с северной и западной сторон окруженное валом (высотой 2,5 м) и рвом. На запад и на юг вал понижается, теряет свой четкий трапециевидный профиль и сливается с окружающей местностью. Размеры городища — 112 × 85 м. Культурный слой, содержащий славянскую керамику с линейным и волнистым орнаментом и «рогожную» керамику, равен в отдельных местах 0,5—1 м, но в целом почти весь испорчен постройкой каменной церкви, а также кладбищем, и поныне действующим. Городище было обследовано в 1921 г. Н. И. Лебедевой [105], в 1948 г.— А. В. Никитиным [106], в 1949 г.— В. И. Зубковым, в 1956 г.— А. Л. Монгайтом [107]. Несомненно, городище это дрèвнее и в XVI в. было использовано для одного из укреплений Засечной черты, а не возникло в XVI в., как полагают некоторые исследователи. Все же Глебово Городище не может быть городом Борисовом-Глебовом, так как этот город, по летописи, находился на дороге от Коломны к Старой Рязани, от которой Глебово Городище отстоит довольно далеко.

[104] М. Баранович. Рязанская губерния. Материалы для географии и статистики России. СПб., 1860, стр. 544.

[105] Н. И. Лебедева. Современное состояние Вожской засеки. Вестник рязанских краеведов, 1925, № 4.

[106] А. В. Никитин. Оборонительные сооружения Засечной черты XVI—XVII вв. МИА № 44, 1955, стр. 144.

[107] А. Л. Монгайт. Отчет об археологических раскопках в Рязанской области в 1956 г. Архив ИА, ф. 1, № 1354.

Было высказано также предположение, что г. Борисов-Глебов следует искать на месте с. Борисково на р. Белой, но и это село находится в стороне от коломенской дороги, и здесь вообще нет городища.

Из всех названных пунктов больше всего географических и археологических данных, чтобы быть признанным городом Борисовом-Глебовом, у Романово-Борисо-Глебского городища (рис. 83б). Оно не только находится вблизи московской дороги, но и замечательно своими укреплениями и сделанными на городище находками.

Городище ограждено 3 валами, 2 рвами, вероятно, впервые возникшими еще в раннем железном веке (см. главу II). Валы пересекаются 4 прокопами — проезжими воротами. На окраине крутого берега Оки находится высокий насыпной холм, отделенный от городища глубоким рвом. Н. В. Любомудров предполагал, что этот холм представляет собой остатки какого-то здания, может быть, церкви [108]. На городище сделано много находок: металлические вещи, семилопастные височные кольца [109], сердоликовые и янтарные бусы, серебряная чаша, блюдо, крест и т. п. В береговых обрывах, в 200 шагах к востоку от валов, обнаруживаются черепа и костяки. Могильник этот христианский, без сопровождающих погребения вещей [110]. П. П. Ефименко заложил на городище несколько шурфов. Установлено, что мощность культурного слоя составляет в среднем 0,7—1 м. В шурфах найдены масса славянской домонгольской керамики, кости животных, железный шлак, жженые камни [111].

Раскопки экспедиции ИИМК в 1956 г. дали, главным образом, материалы городецкой культуры. Славянский слой очень тонкий и почти на всей площади городища смыт или разрушен. Только в одном шурфе удалось проследить стерильную прослойку, отделяющую славянский слой от городецкого. Керамика славянского времени относится к тем типам старо-рязанской, которые могут быть датированы XI—XIII веками. Кроме того, встречено небольшое количество керамики позднейшего времени. На городище, очевидно, существовало русское население и в XIV—XV вв. Точно определить время запустения городища из-за плохой сохранности слоя не удалось.

Раскоп, заложенный в западной части городища, в середине небольшого всхолмления, показал, что здесь находились какие-то бревенчатые постройки городецкого времени. Позже тут было кладбище. Погребения совершены в могильных ямах, ориентированы головой на запад (точнее на юго-запад); руки сложены на груди. Вещей нет, кроме одного случая, когда в погребении были найдены витой проволочный вятичский браслет XII—XIII вв. и семилопастное височное кольцо. На городище обнаружены керамические и железные шлаки.

Оценивая результаты всех раскопок на Борисо-Глебском городище, следует признать, что плохая сохранность культурного слоя не дает возможности подробно изучить городище как памятник славянского времени. Гораздо больше материалов для городецкой эпохи. Все же несомненно, что и в славянское время здесь существовало поселение городского типа. Учитывая случайную находку височного кольца XI—X вв., можно надеяться, что дальнейшие раскопки позволят обнаружить культурный слой, относящийся к этому времени. В отличие от ранних славянских селищ, открытых на дюнах, более поздние селища связаны с городищами, располагаются на

---

[108] Н. В. Любомудров. Местногеографические древности..., стр. 485.

[109] В коллекции ГИМ среди случайных находок на Борисо-Глебском городище имеется обломок серебряного височного кольца так называемого «зарайского» типа (подобного найденным в Железницком кладе IX в.), инв. № 95549 (рис. 45, 5).

[110] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты..., стр. 552—554; А. А. Спицын. Обозрение некоторых губерний..., стр. 118.

[111] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков и др. Материалы... (НАРМ, № 677).

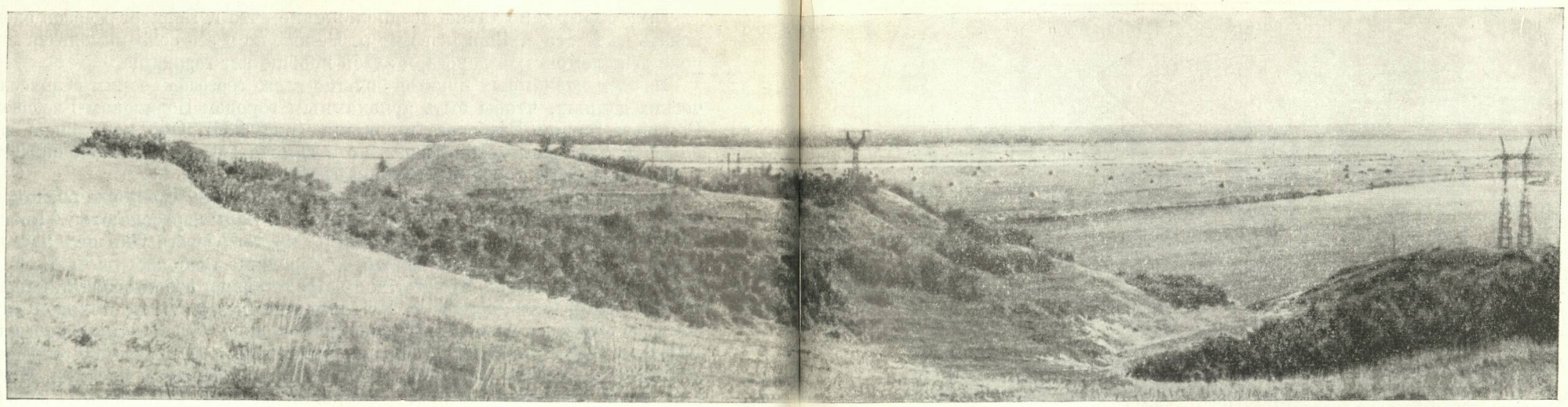


Рис. 83б. Борисо-Глебское городище. Общий вид со стороны селища. 1956 г.

надпойменных террасах, на территории древних мысовых городищ и рядом с ними. Таковы селища, обследованные экспедицией ИИМК вблизи Льговского, Казарского и Борисо-Глебского городищ.

Борисо-Глебское I селище (рис. 47, *30*) расположено к югу от городища, на мысе над поймой р. Оки и отделено от городища глубоким оврагом, прошедшим за валами. Площадь селища распахана. В 1956 г. экспедиция ИИМК под нашим руководством произвела разведывательные раскопки на селище [112]. Культурный слой оказался равным 0,8—1 м. Он состоит из чернозема с отдельными вкраплениями песка, зольными пятнами и большими линзами желтой глины. Керамика относится к XIII—XV вв. и представляет собой, главным образом, высокие широкогорлые горшки с сильно отогнутым венчиком (немного горшков с прямым венчиком), тонкостенные, хорошо обожженные, без орнамента или с линейным орнаментом. Встречаются также красные и белые тонкостенные сосуды со слабо отогнутым венчиком и обращенной внутрь закраиной. Подобная керамика известна в московских и рязанских слоях конца XII—XIII вв. Значительно больше красных лощеных сосудов, преимущественно известных в слоях XIV—XV вв. Очень немного керамики «курганного» типа. Керамических клейм совсем мало — всего два (изображения квадрата и круга) на 1950 фрагментов, собранных в раскопе. Сосуды большей частью формованы на круге, с подсыпкой песка, изредка — на деревянной подставке, которая образовала по днищу характерную закраину, сглаженную после снятия сосуда с круга. В культурном слое встречаются в большом количестве кости домашних животных (главным образом — коровы) и рыбья чешуя. Найдены железные ножи, глиняные бочковидные грузила, глиняные и каменные биконические пряслица, глиняная игрушка в виде головы барана, обломок жернова (диаметр — 40 см), железная цепь и др.

Открыта наземная деревянная постройка очень плохой сохранности, по-видимому,— остатки жилища. Это сруб из дубовых бревен толщиной 18—20 см, рубленный в обло. Размеры жилища установить не удалось. В пределах сруба вскрыты яма (1,1 × 1,4 м),— вероятно, подпольная и остатки печи. Под печи (60 × 45 см) был сложен из известнякового камня и кирпичей на глиняном растворе. Свод был глинобитный. Глина сильно обожжена. Возможно, что снаружи свод был облицован деревом — в южной части развала печи найдено обугленное дерево. Размеры кирпичей, положенных в под печи,— 18 × 4,5 см (длина кирпича не выяснена, так как не найдено целых экземпляров). Судя по кирпичам, жилище относится к XIV—XV вв.

Среди городищ района Переяславля-Рязанского, т. е. тех, которые территориально близки к нему и, вероятно, связаны с ним своими историческими судьбами, следует назвать летописную Казарь.

В Никоновской летописи под 1157 г. сообщается, что «в Резани во граде Казари от иконы святыа Пятницы быша чюдеса и исцеления многа» [113]. Несмотря на некоторое недоверие к известиям Никоновской летописи — в особенности к известиям, подобным приведенному,— нельзя не обратить внимание на тот факт, что вблизи Переяславля-Рязанского находятся с. Казарь и озеро Валтусово (оно же Казарское), на котором расположено городище. Казарское городище — раннего железного века, с «рогожной» и сетчатой керамикой. Верхний слой — славянский, XI—XIII вв. Городище находится в Солотчинском районе Рязанской области (рис. 47, *92*; описание городища см. выше, в главе VI). По мнению Д. И. Иловайского и других исследователей, здесь был упоминаемый в летописи город Казарь. Памятник обследован В. А. Городцовым в 1903 г. и В. И. Зубковым в 1949 г. При разведке найдены стеклянные витые браслеты, железный ключ от цилиндрического замка, точильный брусок, глиняные биконические пряслица, фрагменты керамики с линейным и волнистым орнаментом [114].

В 1955 г. археологическая экспедиция ИИМК под нашим руководством провела раскопки на Казарском городище и обследовала окружающие его селища. В результате раскопок установлено, что старое городище городецкой культуры (рис. 84) было позже заселено славянами, не только использовавшими для поселения береговой мыс, но и построенные в городецкое

[112] А. Л. Монгайт. Отчет об археологических раскопках в Рязанской области в 1956 г. Архив ИА, ф. 1, 1354.

[113] ПСРЛ, т. IX, стр. 176.

[114] В. И. Зубков. Отчет об археологических исследованиях 1949 г. на территории Рязанской области. НАРМ, № 1472.

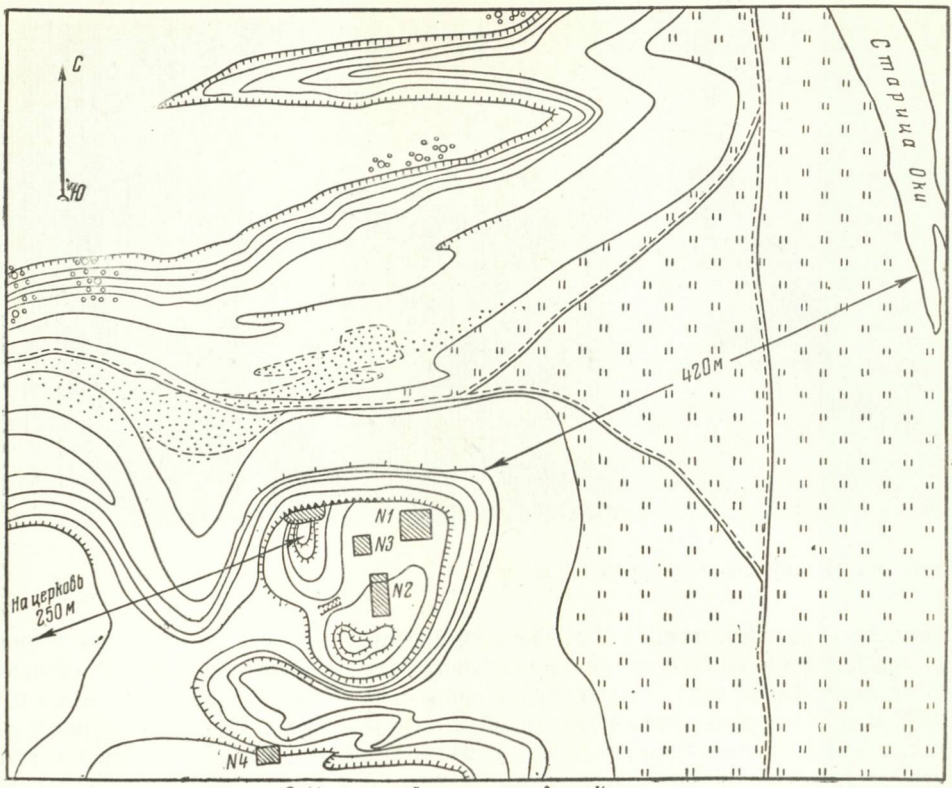


Рис. 84. Ситуационный план городища Казарь. (Заштрихованы площади раскопок экспедиции ИИМК).

время укрепления. В верхней части вала найдены остатки деревянных сооружений, относящиеся к славянскому времени.

В славянском слое оказались остатки жилища XII—XIII вв., в общем сходные со старо-рязанскими того же времени. Развал глинобитной печи занимал площадь 2,1×1,4 м. Печь была с полукруглым сводом, сбитая из глины насухо на деревянном каркасе и позже обожженная. Подпольная овальная яма (1,6 × 1,4 м) — котловидная в разрезе (наибольшая глубина — 1,1 м). Найденная здесь керамика, сходная со старо-рязанской керамикой III группы, стеклянные браслеты и шиферные пряслица позволили определить приведенную выше дату существования жилища. Другое открытое жилище также очень плохо сохранилось, но установлено, что это была наземная бревенчатая постройка с угловыми столбами, деревянным полом и неглубоким (не более 0,5 м) подпольем, с глинобитной печью, стоявшей у южной стены, посередине ее. В славянском слое городища обнаружены керамический и железный шлак, обрезки медных поделок — следы ремесленного производства.

Как ни мала площадь, занимаемая Казарским городищем, у нас нет оснований отвергать предположение, что именно здесь и находился упоминаемый в летописи г. Казарь. Мы здесь, как и в ряде других случаев, сталкиваемся с тем фактом, что упоминаемые в летописи города — это не обширные поселения, рисующиеся нашему воображению в связи с современным представлением о городе, а часто небольшие поселки, непременно укрепленные. Наличие на Казарском городище укреплений и жилищ славянского времени и следов ремесленного производства позволяет предполо-

Рис. 85. Казарь. Могильник на дюнах.

жить, что здесь была летописная Казарь. Происхождение названия города неясно. В народном представлении, бытующем и поныне, рязанская Казарь — это место древнего хозарского поселка. Хотя ясно, что хозары здесь никогда не жили, все же нельзя не отметить тот факт, что связываемые с хозарами названия местностей и населенных пунктов нередки в России и притом встречаются даже в местах, весьма отдаленных от Хозарского каганата [115].

Казарские селища обнаружены на юго-западной окраине с. Казарь, довольно далеко (в 1,2 км) от городища. Ближе к городищу древнего культурного слоя не найдено. Два селища, по-видимому, разновременны (XII—XV и XV—XVII вв.). Они расположены на песчаных дюнах, и древний культурный слой скрыт под песком; там, где песок выдут, выступают обнажения погребенной почвы. Культурный слой представляет собой супесчаную почву толщиной 0,5—0,6 м, с угольками, обожженными кусками глины (обмазкой печей и стен жилища), сделанной на круге керамикой с волнистым и линейным орнаментом, подобной переяславль-рязанской из слоев XII—XV вв., а также черной лощеной и грубой красной, преобладающей в рязанских и московских слоях XV—XVII вв. Встречается также белая и красная керамика с прямым высоким венчиком (в большинстве случаев — обломки кувшинов), изредка мореная или краснолощеная. Найдены железные ножики с прямой спинкой, глиняные пряслица и грузила. При зачистке обнажений культурного слоя на одном из обследованных участков обнаружены угол деревянного бревенчатого сруба, рубленный

[115] Так, в списках населенных пунктов Черниговской губернии упоминаются с. Казарени (Суражский уезд), а также Казарини, Казары и Казарь (Козелецкий уезд); в Тульской губернии — с. Казарь; под Воронежем — «Хозарская поляна», «Хозарское городище» (С. М. Середонин. Историческая география. Пгр., 1915, стр. 100). В Рязанской области есть речка Казарь, впадающая в р. Павловку, а близ впадения в Оку р. Осетра (в Зарайском районе) — с. Казарки, упоминаемое в приправочной книге 1616 г.

«в угол с остатком», и следы глинобитной печи, сделанной на деревянном каркасе, подобной старо-рязанским. Керамический комплекс позволяет датировать эту постройку XIII—XIV веками.

На юго-восточной окраине с. Казарь, на дюнах вблизи леса обнаружены остатки древнего кладбища. Костяки частично обнажены дождями и ветрами, и большинство костей находится в беспорядке на поверхности дюны (рис. 85). Нам удалось вскрыть лишь одно ненарушенное погребение, не оставляющее сомнения, что кладбище — христианское. Костяк лежит головой на запад, с руками, сложенными на груди, без вещей. Местные жители собрали на территории кладбища отдельные предметы — крестики, иконки и медные монеты — «мордки».

Неподалеку от кладбища, к востоку от него, открыто третье селище, к которому, очевидно, кладбище и относится. Селище расположено на территории новых лесопосадок, сделанных для укрепления дюн. На поверхности обнаружено большое количество керамики и печины, разбитой на мелкие обломки. В юго-западной части селища на небольшом участке, не разрушенном лесопосадками, была найдена глинобитная печь с кирпичным основанием. Кирпичи большемерные (25 × 30 × 6 см), плохо формованные и слабо обожженные. Вблизи печи оказалась керамика — белая и красная, с линейным орнаментом, сделанная из хорошо отмученной глины и прекрасно обожженная. В небольшой предпечной яме, кроме керамики, найдены угли, зола, кости животных и железный цилиндрический замок. Точных датировочных данных для третьего Казарского селища не получено, но предположительно, по общему облику находок, оно относится к XIII—XV вв.

Из селищ, обследованных в бассейне среднего течения р. Оки, назовем Кораблинское (расположено на правом берегу р. Оки в 1 км к югу от с. Кораблино; рис. 47, *98*; рис. 86). Площадь селища (120×70 м) пересечена с севера на юг глубоким оврагом. В осыпях оврага обнажается культурный слой мощностью до 1 м, содержащий славянскую керамику «курганного» типа и глинобитные печи [116].

Раменское селище расположено на правом берегу р. Листани, в 1,5 км к юго-западу от с. Поленское, в местности, называемой «Роменая» (рис. 47, *86*). Культурный слой в нижнем напластовании содержит сетчатую керамику, в верхнем — славянскую. Последняя сделана из светло-серой глины, хорошо обожжена, имеет линейный и волнистый орнамент. Найдено много костей домашних животных, железные ножички «курганного» типа (с прямой и изогнутой спинкой). В береговых обнажениях прослежены профили 7 полуземляночных жилищ с глинобитными печами [117].

Поленское селище, по-видимому, современное Раменскому, находится на правом берегу р. Листани в 1,5 км к северу от с. Поленское (рис. 47, *85*). При обследовании найдены керамика «курганного» типа, с волнистым и линейным орнаментом, пряслица из глины, бочковидное грузило с клеймом в виде квадрата, пересеченного диагоналями, орудие из кости для вязания сетей, железный нож и другие предметы, а также остатки глинобитных печей [118].

Дядьковское селище расположено на левом берегу р. Семеновки (приток старицы р. Оки), на южной окраине с. Дядьково (рис. 47, *78*). Культурный слой, прослеженный на протяжении 200 м, содержит золу, угли,

---

[116] Селище обследовано в 1949 г. В. И. Зубковым. Картотека ОПИ, № 3120.

[117] Обследовано Н. В. Говоровым в 1930 г. (НАРМ, № 611, КРОМ, № 459) и В. И. Зубковым в 1949 г. (В. И. Зубков. Древнерусские селища, открытые на территории Рязанской области разведками 1949—1950 гг. НАРМ, № 1472).

[118] Обследовано в 1930 г. (КРОМ, № 458).

кости домашних животных и керамику «курганного» типа XI—XIII вв. Обнаружены остатки глинобитных печей [119].

Городищенское II селище расположено на правом берегу р. Быстрицы (правый рукав р. Вожи) у восточной окраины с. Городец (Городище; рис. 47, *51*). Обследовано В. А. Городцовым в 1895 г. В нижнем слое найдена «рогожная» керамика, верхний слой — славянский XI—XIII вв. Культурный слой содержит угли, остатки нескольких глинобитных печей, обожженные камни, кости животных, керамику. В одном пункте обнаружены остатки землянки длиной около 6 м, глубиной более 1 м; в яме землянки — обожженная глина, камни, черепки древней посуды (?), кости животных. К какой эпохе относится землянка,— из отчета В. А. Городцова неясно [120].

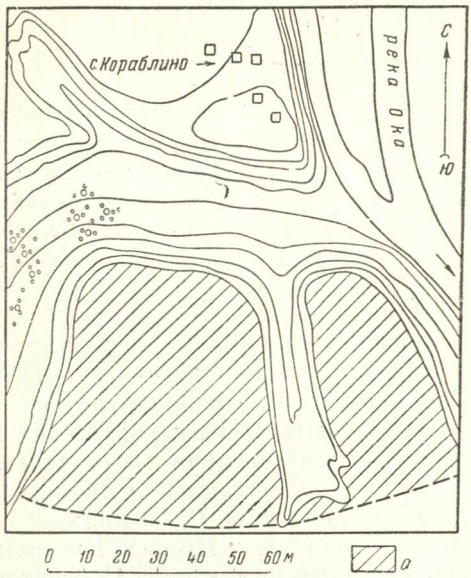


Рис. 86. Кораблинское селище. Ситуационный план

а — территория селища.

К сельским поселениям, как уже было сказано, должны быть отнесены и некоторые городища. Рассмотрим два таких городища, находящихся в изучаемом районе,— Вышгородское (рис. 47, *101*) и Дядьковское (Богатырское Дворище; рис. 47, *79*). Оба они уже упоминались как городища городецкой культуры. Верхние слои их относятся к славянскому времени [121]. За пределы городищ слой славянского времени не выходит. Самые размеры городищ (Дядьковского — 67,5 × 41 м, Вышгородского — 75 × × 16 м) свидетельствуют о том, что здесь не мог находиться город. На площади такого городища могли поместиться 2—3 усадьбы. Следовательно, в славянское время здесь были маленькие деревеньки, жители которых использовали древние укрепления для защиты своего имущества, а возможно,— боярские дворы.

Интересно, что не связанные непосредственно с Вышгородским городищем два славянских селища XII—XIII вв. находятся поблизости от него. Вышгородское I селище расположено на левом берегу р. Раки, у юго-восточной окраины с. Вышгород (рис. 47, *99*). Обследовано П. П. Ефименко в 1921 г. Среди находок нужно отметить железный лемех от плуга [122]. Вышгородское II селище расположено в 2 км от первого, между р. Ракой и озером Отокой (рис. 47, *100*) [123]. Дядьковское славянское селище также непосредственно с городищем не связано.

В заключение обзора городищ и селищ района Переяславля-Рязанского необходимо отметить, что в подавляющем большинстве городища относятся к первой группе нашей классификации. Это мысовые городища, возникшие еще в городецкое время и позже заселенные славянами. Даже открытые поселения (селища) в этом районе часто содержат два слоя — городецкий и славянский.

[119] НАРМ, № 410; «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», № 295.
[120] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты..., стр. 592.
[121] КРОМ, № 21, 177, 222; КРОМ, № 53, 276, 444; НАРМ, № 735.
[122] НАРМ, № 43; ТРУАК, т. XX, вып. 2, 1905, стр. 215; «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», стр. 32.
[123] Картотека ОПИ, № 3128.

XVIII

Поселения на Проне. Пронск. Письменные источники. Археологические исследования. Жилища. Гора Гневна. Пронские курганы. Белгород. Лубянское городище. Город Ижеславец. Ижеславльское городище. Жокинское городище. Лихаревское городище. Город Михайлов. Южные города. Дубок. Селища в районе южнее р. Прони.

Важнейшим районом коренных земель Рязанского княжества был Пронский. Здесь начинается черноземная земледельческая полоса с густым населением. Пронск и другие города на Проне были постоянным объектом борьбы между рязанскими и суздальскими князьями; отсюда, очевидно, шла основная масса хлеба.

Впервые упоминаемый в летописи в XII в. г. Пронск был столицей удельного княжества. В дальнейшем в летописях его название встречается в разных вариантах: Пронск, Прыньск, Пръньск, Пронь. Возможно, что и название р. Прони и города Пронска перенесено из Южной Руси, из Черниговского княжества, где имеется р. Проня, впадающая в р. Сож.

В Никоновской летописи под 1131 г. упомянуты пронские князья. Там сказано, что «того же лета князи Рязанстии и Пронстии и Муромстии много половцев побиша» [124]. Под 1146 г. в описании бегства Святослава Ольговича уже упомянут Пронск как город, где он побывал. Но достоверность этих сведений Никоновской летописи вызывает сомнения. Наиболее достоверно упоминание летописи под 1186 г. о самостоятельных в Пронске князьях Всеволоде и Святославе Глебовичах [125]. В том же году Всеволод и Святослав были осаждены в Пронске старшими братьями. Уже в 1186 г. здесь существовал «град», так как пронские князья, узнав о предполагаемой осаде, «почаста город твердити» [126]. В 1207 г. Пронск был осажден Всеволодом и после трехнедельной обороны сдался. Упомянуты трое ворот в городе [127]. В 1237 г. до Пронска дошла татарская рать, завоевавшая Рязанскую землю.

Пронское городище находится в южной части современного города Пронска, расположенного на левом берегу р. Прони (рис. 47, *139;* рис. 87). Древний город находился на мысе (называемом сейчас Покровским бугром), омываемом речкой Пралией, которая впадает в р. Проню. Это от природы сильно укрепленное место представляет узкую и длинную площадку, ограниченную с одной стороны крутыми берегами Прони, а с других — глубокими оврагами, по которым текут ручьи. С напольной стороны находятся два древних рва. Остатки вала не сохранились. Н. В. Любомудров [128] и М. Баранович [129] утверждают, что Пронск был огражден деревян-

[124] ПСРЛ, т. IX, стр. 157.
[125] ПСРЛ, т. VII, стр. 242, 244.
[126] ПСРЛ, т. I, стр. 169.
[127] «Слышав же князь великий речь их буюю, и повели приступить ко граду со все страны, они же приступивше отъяша от них воду, они же бьяхутся крепко из града, и мнози от обоих уязвляеми бяху, и выходяща нощью крадяху воду. То слышав князь Всеволод, повеле стрещи в оружьи день и нощь около града и роставия полкы по вратам: Костянтину, сынови своему, с Новгородцы и Белоозерци одина врата на горе, а Ярославу с Переяславци 2-я врата, Давыду с Муромци третьяя врата, а сам князь великий ста за рекою с поля Половецьского... Они же бъяхутся излазящи из града не браня деля, но жажды ради водныя, измираху бо мнози людье вграде». (ПСРЛ, т. I, стр. 182).
[128] Н. В. Любомудров. Местногеографические древности..., стр. 381.
[129] М. Баранович. Ук. соч., стр. 511.

ной стеной с башнями, от которой в их время оставались едва заметные следы. По-видимому, это остатки сгоревшей в 1630 г. пронской крепости. Земляных укреплений не было видно уже в начале XIX в., что дало даже повод тогда отрицать древность г. Пронска [130]. Вероятно, валы были уничтожены давно, быть может, при постройке деревянной крепости. При раскопках выяснено, что края рвов и внешние скаты валов были выстланы большими песчаными плитами [131].

На Пронском городище был сделан ряд археологических находок: в 1872 г. на склоне Покровского бугра найдены серебряные слитки и золотые пластинки [132]. В Рязанском музее имеются древнерусские бытовые предметы, поступившие туда из Пронска. Археологические исследования начались на Покровском бугре еще в конце XIX в. Были найдены фундаменты и кладка стен апсиды храма XV—XVI вв. [133] Однако раскопки тогда не развернулись широко. Только в 1925 г. небольшими раскопками, произведенными здесь Н. П. Милановым, была установлена стратиграфия городища [134]. Первоначально это было городецкое городище. Древнерусский слой делится на 3 части, древнейшая из них относится к XI—XIII вв. В 1925 г. в этом слое найдены ножи «курганного» типа, глиняные и шиферные пряслица, каменные бусы, костяная игла, кусочки янтаря, стеклянные браслеты и кольца, кости домашних животных и рыб.

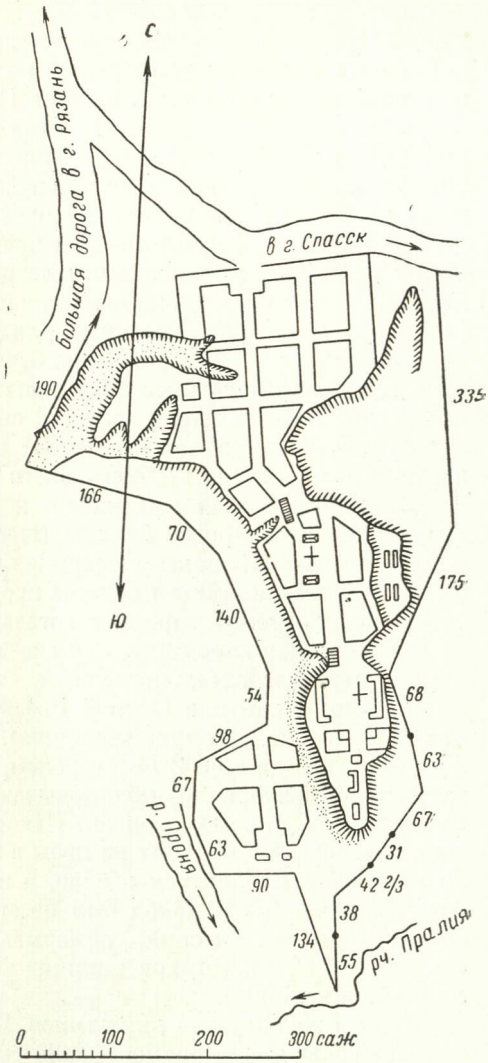


Рис. 87. Выкопировка из «плана Рязанской губернии города Пронска специального межевания 1771 года, составленного землемером ротмистром Александром Гурьевым». (Рязанский областной архив).

---

[130] Статистическое описание г. Пронска 1826 г. «Отечественные записки», СПб., 1828, ч. 36.

[131] Н. П. Милонов. Основные источники и приемы изучения истории сел и городов Рязанской области. Рязань, 1950, стр. 31.

[132] С. Д. Яхонтов. Дело о старинном кладе, найденном в Пронске в 1872 г. ТРУАК, т. X, вып. 1, 1895. Клад состоял из 19 серебряных гривен киевского типа весом 9 фунтов 42 золотника и 7 золотых листиков, весивших вместе 18 золотников.

[133] А. И. Черепнин. Об археологических исследованиях и раскопках лета 1897 г. ТРУАК, т. XII, вып. 3, 1897, засед. 3/IX 1897 г., стр. VII; его же. Раскопки Пронских курганов. АИЗ, т. VI, № 1, 1898, стр. 9, 10.

[134] Н. П. Милонов. Археологические открытия в Пронске. «Наука и техника», 1927, № 49; его же. Материалы к археологической карте Скопинского уезда. Труды Общества исследователей Рязанского края, вып. XII, Рязань, 1928.

В среднем культурном слое (XIV—XVI вв.) обнаружены деревянные сооружения Пронской крепости, золотоордынская монета XIV в. [135], кресты и кипарисовые иконки, четырехгранные железные наконечники стрел. Верхний слой содержит следы пожара Пронской крепости в 1630 г.

Дальнейшие раскопки в Пронске в течение 4 лет (1927—1930 гг.) были проведены совместно Н. П. Милоновым и А. А. Мансуровым (рис. 88). Частично результаты раскопок опубликованы Н. П. Милоновым [136]. Методика раскопок была несовершенна — их вели траншеями, а для обнаружения границ культурного слоя применяли щуп. Однако результаты раскопок оказались интересными: вскрыто 7 жилищ домонгольского времени [137], подробно прослежены устройство печей, подпольные ямы и т. п. Вещевой инвентарь — обычный для домонгольского времени — состоит из обломков стеклянных браслетов, бусин, шиферных пряслиц, железных ножей, гончарной керамики с волнистым, линейным и изредка зубчатым орнаментом. Из отдельных находок следует отметить покрытые синей глазурью восточные (золотоордынские или хорезмийские) сосуды, бронзовые замочки в виде конька (булгарского типа; рис. 89, *1*), каменные крестики, цилиндрические замки и ключи к ним (рис. 90, *11*), костяные гребни (рис. 89, *12*), навершие булавы (шестопер; рис. 89, 7) [138]. Близ вала в северной стороне Пронского городища обнаружены сыродутные горны и кузницы. В одном жилище найдены продолговатые известковые плитки — заготовки для литейных форм и готовая каменная литейная форма [139].

На Пронском городище, как сказано выше, открыто 7 жилищ, но отчет о раскопках настолько неполный, что не всегда ясен даже тип жилища. По-видимому, как и в Старой Рязани, здесь встречены жилища двух типов — наземные и полуземляночные. По углам жилища обычно находятся 4 столба (иногда еще 2 по сторонам, всего шесть), поддерживающих крышу. Порой полубревна, облицовывающие жилище, впущены в пазы, прорубленные в угловых столбах. Некоторые жилища двухкамерные; например, жилище № 1 состоит из избы в виде правильного квадрата, связанного из бревен, рубленных в обло, и из сеней (3,5 × 1,5 м). Ширина всего сооружения — 5,5 м. Вход был посередине передней стены избы. Стойки, составлявшие стены сеней, обмазывались глиной. Полы глинобитные, толщиной 10—14 см. Внутри жилища находилась подпольная яма, также облицованная глиной.

Печи в жилищах — двух типов. В жилище № 2 печь глинобитная; она представляла ярко-красное пятно сильно обожженной глины в середине жилища. Под печи равен 2 кв. м; в основании пода — камни, иногда плитчатые кирпичи. Печь основана на специально сбитой глинобитной площадке в юго-западном углу избы, налево от входа, устьем к нему. Основание печи возвышается над полом на 15—18 см. Край печи укреплен 2 столбами. Предпечная яма — овальной формы.

Второй тип — это печи, сделанные из кирпичей. Кладка из плитчатых кирпичей сохранилась в длину и ширину на 0,5 м, составляя один угол печи (жилище № 5). В жилище № 6 расстояние между двумя кирпичными стенами печи — 0,4 м. В предпечной яме среди золы и углей найдены

---

[135] С. А. Янина определила найденный дирхем как чеканенный в 742 г. хиджры (1341/1342 гг.) Джанибеком в Сарае ал-Джедид.

[136] Н. П. Милонов. Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища. Рязань, 1931.

[137] План раскопок Пронского городища 1927—1930 гг. Опубликован А. А. Мансуровым в статье «Археологическая карта р. Прони». СА, IV, 1937, стр. 219, рис. 5.

[138] Дневник раскопок и отчет об археологических раскопках Пронского городища. НАРМ, № 308-III.

[139] Н. П. Милонов. Основные источники и приемы изучения..., стр. 40.

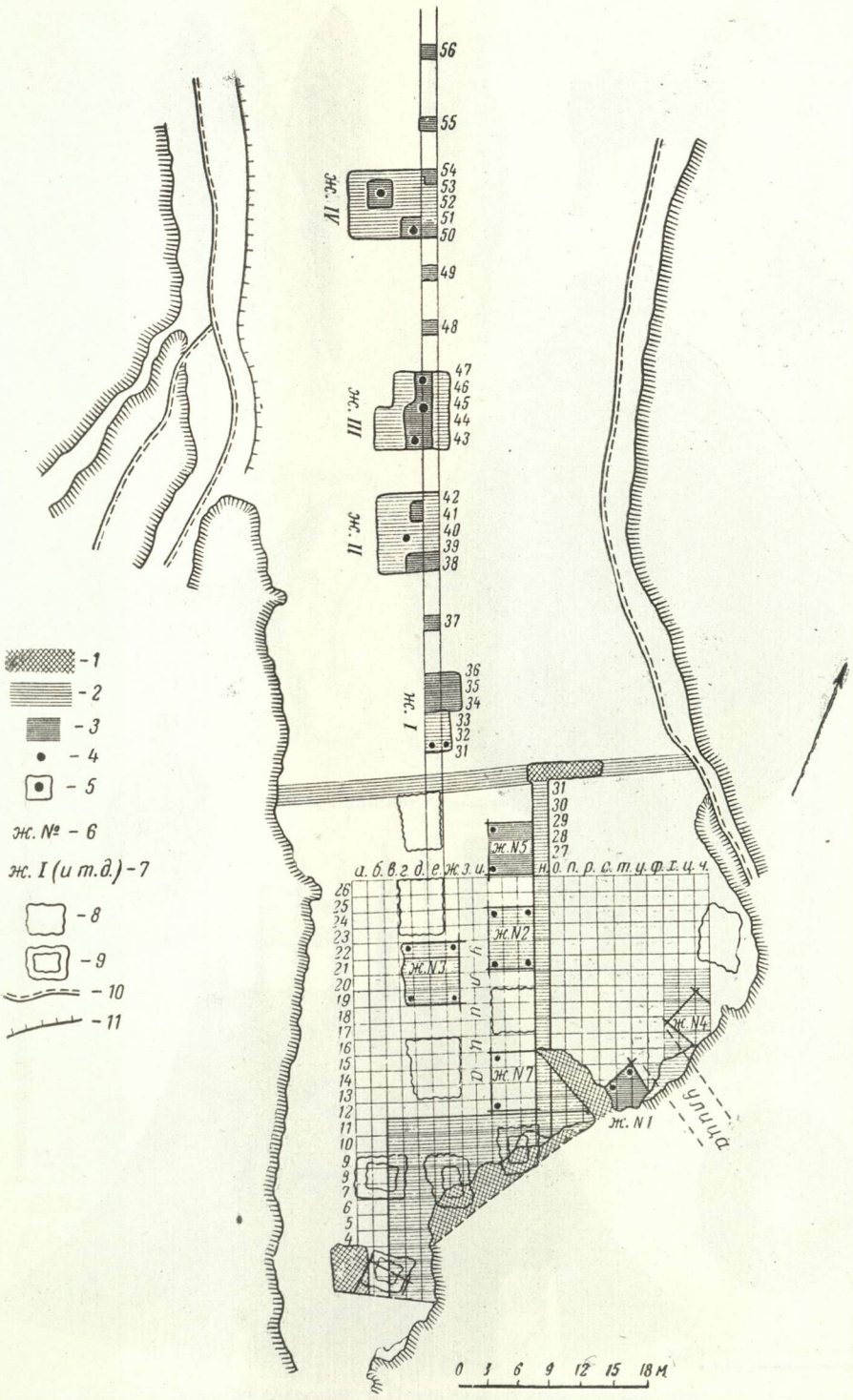


Рис. 88. План раскопок Пронского городища 1927—1930 гг. (по Н. П. Милонову и А. А. Мансурову).

1 — раскопки 1928 г.; *2* — раскопки 1929 г.; *3* — раскопки 1930 г.; *4* — столбы; *5* — столбы и каменная или кирпичная кладка; *6* — жилища древние; *7* — жилища поздние; *8* — предполагаемые жилища: *9* — жилища разрушенные; *10* — дороги; *11* — придорожные канавы. (Шурфы с 31-го по 56-й — раскопки 1929—1930 гг.).

Рис. 89. Вещи из раскопок в Пронске 1929—1930 гг. (КРОМ, №484).

1 — бронзовый замочек в виде лошадки; *2—5*— железные наконечники стрел; *6* — костяной крестик; *7* — медное навершие булавы (шестопер); *8* — глиняная подставка для обжига поливной керамики; *9* — медный бубенчик; *10* — костяная проколка; *11* — глиняное пряслице; *12* — костяной гребень.

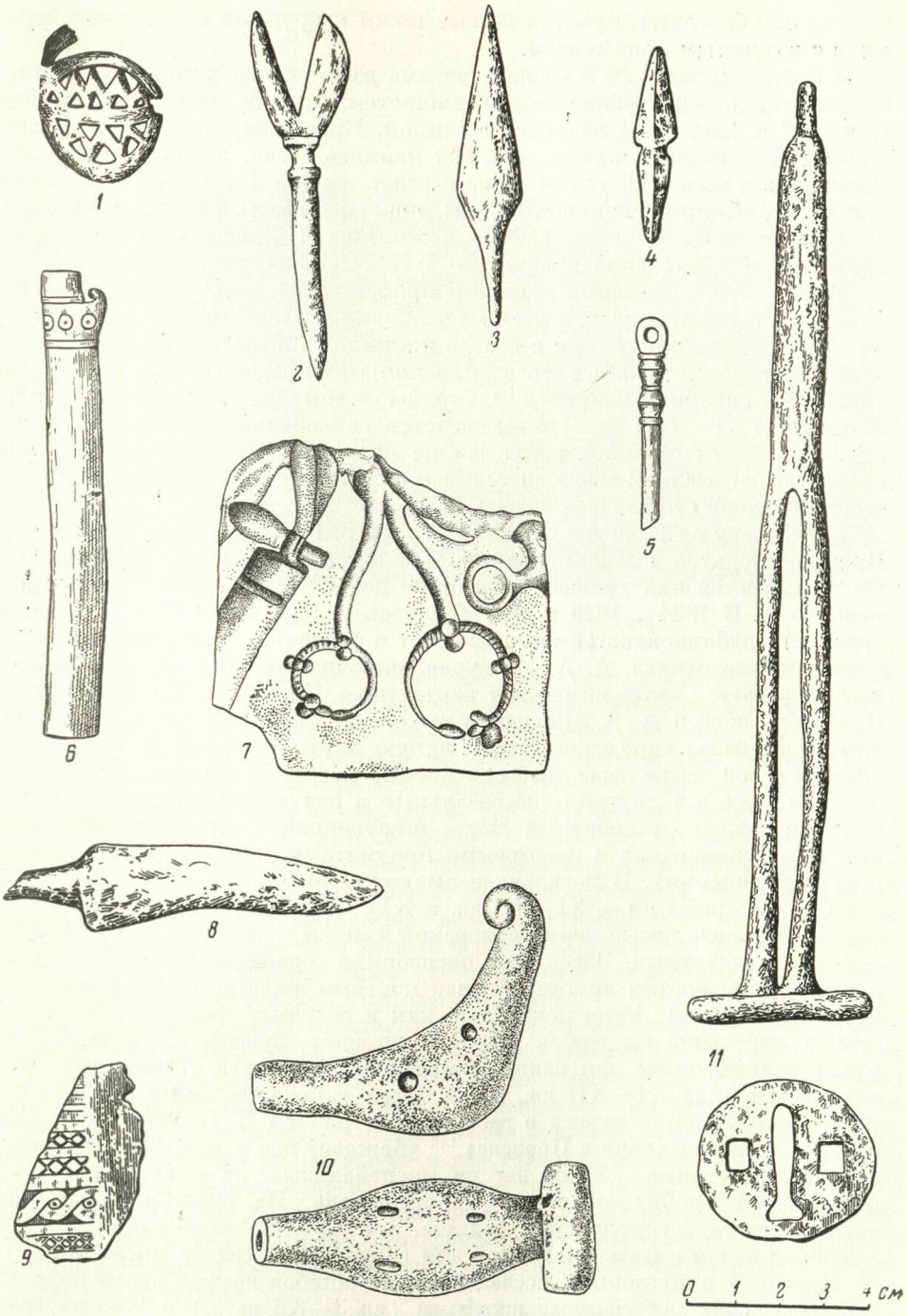


Рис. 90. Вещи из раскопок в Пронске и на горе Гневне 1926—1929 гг.

1 — серебряный решетчатый перстень (Гневна); *2* — железный наконечник стрелы (Гневна); *3, 4* — железные наконечники стрел (Пронск); *5* — обломок костяного шила (Пронск); *6* — костяная ручка (Пронск); *7* — литейная форма (Гневна); *8* — железный нож (Гневна); *9* — орнаментированная костяная пластинка (Пронск); *10* — глиняная свистулька (Пронск); *11* — железный ключ (Пронск).

стеклянные браслеты, бусы, железные ножи и круговая славянская керамика с волнистым орнаментом.

В центре жилища № 5 подпольная яма имеет четырехугольную форму. От центра к краям глубина ямы уменьшается; в самом глубоком месте она равна 1,5 м. Яма была облицована глиной. Края забирались горизонтальными деревянными плахами, а на них клались доски, закрывавшие яму. Доски, как и весь пол, также обмазывались глиной. В яме найдены кости животных, обломки глиняной посуды, ножи и стрелы. Жилища № 5 и 6 датируются домонгольским временем, жилище № 2, судя по находке поливной золотоордынской керамики,— XIII—XIV веками.

Таковы положительные данные о пронских жилищах. Вряд ли могут быть признаны имеющими серьезные основания утверждения автора отчета о раскопках, что найденные в центре жилища глинобитные площадки являются остатками древних столов, или попытка представить пронские жилища в виде свайных построек [140]. Столбы — обычное явление в конструкции жилищ XI—XIII вв. Что же касается глинобитных площадок, то, по-видимому, в тех случаях, когда они не являются остатками печей, они представляют собой завалившиеся глинобитные потолки и облицовку стен, а вовсе не столы.

Неподалеку от Пронска на левом берегу р. Пралии, при впадении ее в Проню, находится высокий холм, называемый горой Гневной (рис. 91). Он возвышается над уровнем реки от 70 до 100 м, его верхняя площадка равна 5 га. В 1924 , 1926 и 1927 гг. здесь вел раскопки Н. П. Милонов (рис. 92), опубликовавший краткий отчет о раскопках [141]. Вслед за ним, на основании его отчета, А. А. Мансуров включил сведения об этом памятнике в работу «Археологическая карта реки Прони» [142]. Из публикаций Н. П. Милонова и А. А. Мансурова вытекает, что на Гневне ими был открыт могильник, «представляющий яркую картину языческих переживаний». В одной части горы якобы раскопано погребальное поле с захоронениями в ямах, а в другой — погребальные и ритуальные кострища. Среди кострищ найден глинобитный стол — жертвенник с остатками обожженных костей животных и некоторыми предметами, которые клали с умершими (украшения). В могильнике имеются, по мнению Н. П. Милонова, два яруса погребений — XI—XII вв. и XIV—XV вв. В раннем ярусе могил сохранились явные черты языческой тризны — большое скопление углей, кости животных. Здесь одно погребение совершено в большом деревянном срубе; костяк кругом обложен костями животных (двух особей — коровы и лошади). Руки покойника, как в обычных христианских погребениях, скрещены на груди. Трупы положены головой на запад. Датирующим инвентарем для ранних погребений являются стеклянные браслеты и керамика XI—XII вв., в том числе множество днищ с клеймами.

Однако изучение отчета о раскопках и работы Н. П. Милонова «Могильник на горе Гневне в Пронске» [143] убеждает нас в ошибочности интерпретации памятника. Здесь нет ни погребальных, ни ритуальных кострищ, нет и глинобитного стола — жертвенника. На горе Гневне находилось в древности городецкое городище, а в XI—XIV вв.— славянское поселение и рядом с ним — обычный для городских поселков могильник.

Причиной допущенных исследователем ошибок прежде всего является метод раскопок небольшими шурфами (по 3—3,5 кв. м) и узкими траншеями (не шире 1,5 м); кроме того, он почему-то настойчиво хотел выделить специфические черты, якобы отличающие Гневненский могильник от обычных могильников того же времени. Такими особенностями он считал

[140] Н. П. Милонов. Славянские жилища...
[141] Н. П. Милонов. Материалы к археологической карте Скопинского уезда...
[142] СА, IV, 1937, стр. 235 и сл.
[143] Архив ИА, № 1060/22.

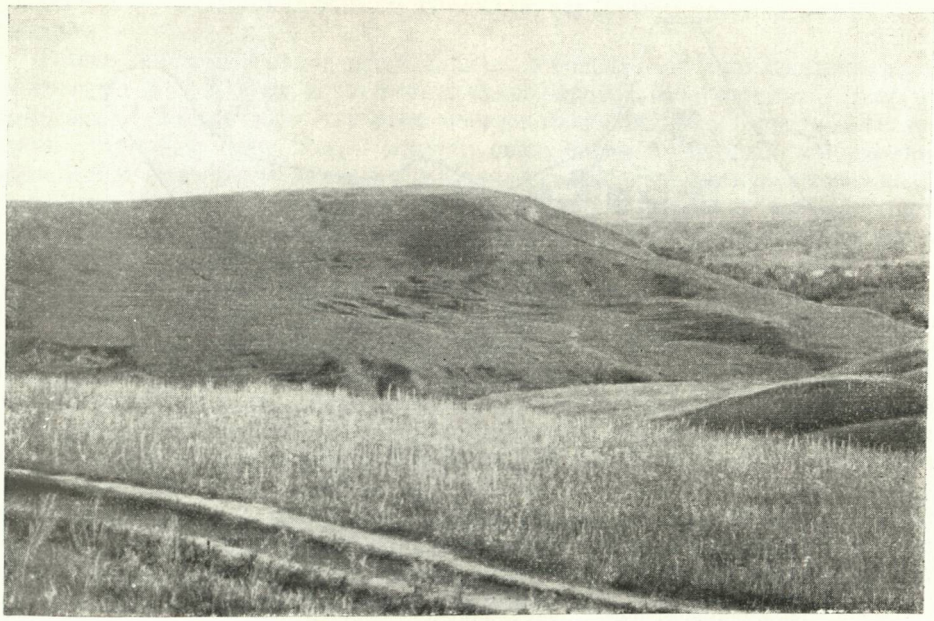


Рис. 91. Гора Гневна. Вид от Пронска.

отсутствие насыпей, то, что погребения залегают неглубоко, что среди могил и в их засыпке встречаются славянская керамика и угли. Но это обычные черты бескурганного могильника, ничего особенного по сравнению с другими не представляющего. Одно из погребений, нарушенное в позднейшее время, было принято за погребение в сидячем положении только потому, что при выкапывании позднейшей могильной ямы череп был смещен и попал на тазовые кости [144]. Точно так же человеческое погребение в срубе совместно с костяками коровы и лошади относится к области фантазии автора. Согласно отчету при раскопках никакой сруб не прослежен, есть лишь истлевшее дерево,— по-видимому, остатки гроба; кости коровы и лошади, если верить чертежу [145], случайно оказались в яме, покойник не был обложен этими костями, а они находились в культурном слое и попали в могильную яму при ее засыпке [146]. То, что Н. П. Милонов принял за жертвенную площадку, на деле представляет остатки глинобитной печи одного из жилищ славянского времени. Вот ее описание в отчете: «Под легким угольно-зольным скоплением была обнаружена глинобитная, искусственно обожженная площадка, по форме похожая на круглый стол... Дальнейшее исследование показало, что пласт глины специально уплотнялся в два яруса и два раза был обожжен: нижняя часть его толще, обожжена слабее, верхняя — тоньше и обожжена сильнее...» Размеры — 0,5 × 1,12 м. Толщина глинобитной массы в середине равнялась 18 см, в краях — 9 см. Все приведенное описание рисует обычную картину, которая открывается при раскопках глинобитных печей в жилище XI—XIII вв.

В гневненской печи обнаружен глиняный горшок с линейным и волнистым орнаментом на плечиках. С юга-восточной стороны печи, куда, по-видимому, выходило ее устье, найдены зола, масса мелких и крупных углей, кости животных и рыб и много фрагментов славянской керамики.

[144] Отчет Н. П. Милонова о раскопках на Гневне, стр. 7.
[145] Там же, рис. 11.
[146] Там же, стр. 19.

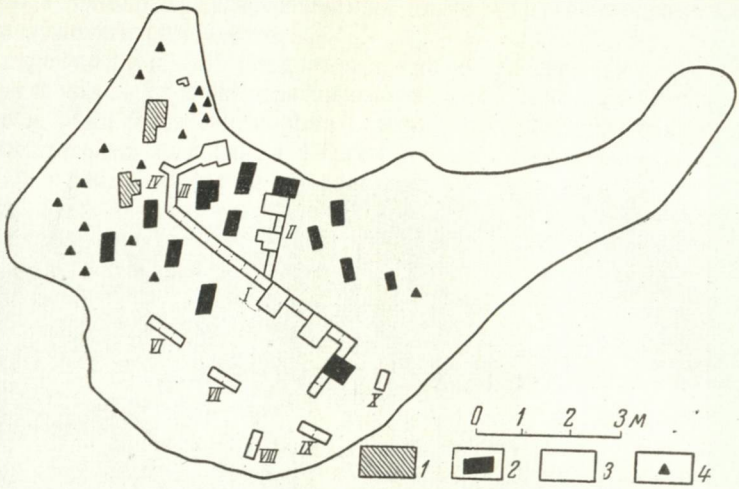


Рис. 92. План археологических раскопок на горе Гневне, произведенных в 1924—1927 гг. (по Н. П. Милонову).

1 — раскопки 1924 г.; *2* — 1926 г.; *3* — 1927 г.; *4* — места кладоискательских раскопок.

Эти кухонные остатки были почему-то приняты автором отчета за остатки жертвоприношений. Находившиеся неподалеку от вскрытой печи «кострища» — это остатки открытых очагов, в том числе, видимо, связанных с ремесленным производством: в одном из них найдена литейная форма, а в другом — железный и медный шлак. Культурный слой вокруг кострищ насыщен керамикой и костями животных. Кострища сосредоточены в западной части Гневны, могилы — в восточной. Что касается зольных пятен, в которых обнаружена «рогожная» керамика, то они встречены как на территории могильника, так и на территории «кострищ» и являются остатками поселения городецкого времени.

На Гневне найдены следующие вещи: железные ножи так называемого «курганного» типа, с прямой или изогнутой спинкой, вильчатые железные наконечники стрел (двушипные; рис. 90, *2*), стеклянные браслеты, литейная форма из серого песчаника (рис. 90, *7*). Среди находок интересны глиняные пряслица, сделанные из фрагментов керамики (подобные в Переяславле-Рязанском стратиграфически датируются XIV веком), железные и медные шлаки. В могильнике на пальце одного из скелетов найден медный решетчатый вятичский перстень (XIII—XIV вв.; рис. 90, *1*).

Керамика однородная и в культурном слое «кострищ», и в могильнике: вся круговая. Часть керамики сделана на ножном круге — днища срезаны ниткой; эта поздняя керамика, в общем немногочисленная. Большинство днищ формовалось на подсыпке песком, многие из них — с клеймами: круг, колесо, крест в круге. Орнамент линейный, волнистый, зубчатый; последнего очень мало, и он не характерен. В Старой Рязани и некоторых других городах для нанесения зубчатого орнамента ремесленники употребляли специальный штамп или колесико; гневненский орнамент нанесен просто палочкой, так что он, скорее, ямочный, чем зубчатый. Поверхность сосудов коричневая и серая. Форма сосудов — миски, горшки с резко отогнутым венчиком и небольшое количество сосудов с прямым горлышком. Найдена глиняная ручка от кастрюли или сковородки с деревянной втулкой. Керамика Гневны аналогична керамике Пронского городища. Никаких вещей

позднее XIV в., за исключением керамики, сделанной на ножном круге, не найдено.

Таким образом, Гневна представляет собой славянский поселок городского типа XI—XIV вв. и расположенный рядом с ним могильник того же времени. В пользу того, что этот поселок был связан с городом,— может быть, с древним Пронском,— говорит следующее: во-первых, это рядовой могильник (население деревень хоронило своих покойников в курганах); во-вторых, здесь налицо элементы ремесленного производства — находка каменной литейной формы и шлаков; в-третьих, встречено большое количество стеклянных браслетов, обычно редких на селищах.

Курганы в районе Пронска раскапывались А. И. Черепниным в 1896—1897 гг. Всего вскрыто 75 курганов в 3 группах: Монастырские, вблизи мужского монастыря (рис. 47, *149*), Завальские — в 4,5 км к северо-востоку от г. Пронска и Городищенские в 250 м к северо-востоку от Завальских [147]. Это обычные небольшие курганы полушаровидной формы, с погребениями в неглубоких могильных ямах или — реже — на поверхности земли. Сохранились следы полуистлевших досок или луба, которым были покрыты (или обернуты) покойники. В одном кургане сохранились части истлевшей дубовой колоды, прикрытой другой колодой, которая была прибита толстыми коваными гвоздями. Голова скелета, найденного в Городищенском кургане № 17, была обставлена с боков 3 плитами, и образовавшийся ящик был прикрыт сверху плитой (из местного песчаника). Костяк, обнаруженный в Городищенском кургане № 4, помещался в своеобразном склепе из плит и девяти рядов камней, сложенных в виде пирамиды.

Пронские курганы очень бедны находками; только в десяти из них найдены вещи, в остальных же ничего, кроме частей истлевших костяков, не обнаружено. Ни в одном из вскрытых курганов не оказалось цельных глиняных горшков: только в немногих попадались обломки керамики и то преимущественно в насыпи курганов. В 3 курганах найдены простые семилопастные височные кольца (в двух — по одному с каждой стороны черепа и в одном — по три). В 5 курганах встречены перстнеобразные височные кольца из гладкой медной проволоки (по 1 кольцу у каждого виска; рис. 93 *1, 2*). В 6 курганах найдены ожерелья из сердоликовых бипирамидальных и шаровидных хрустальных бус; иногда в состав ожерелья входили синие «рыбовидные» стеклянные бусы (рис. 93, *9*). «В кургане № 10 обнаружены 3 костяка: один — средних лет женщины, другой,— по-видимому, молодой девушки и третий — детский. На первом костяке оказалось красивое ожерелье из сердоликовых и горного хрусталя бус; кроме того, были синие бусы с глазками и плоские из темно-синего стекла; посередине низки лежали две шлифованные каменные бусины, по форме и величине похожие на утиное яйцо» [148].

В 4 курганах найдены плоские бронзовые браслеты с суживающимися, не сведенными концами и витые из проволоки — тройные (4 экземпляра) и 2 × 4 (2 экземпляра; рис. 93, *4, 6*). В детском погребении обнаружен стеклянный витой темно-фиолетовый браслет. В 3 курганах встречены рубчатые медные перстни, в 4 курганах — решетчатые, одно- и двухзигзаговые (рис. 93, *3, 7, 8*). Один из перстней имеет оригинальную прорезь, нигде в другом месте не встречаемую: четырёхугольная розетка, а в ней прорезан четырёхконечный крест [149]. Один перстень печатный и плоский широкосрединный. Из остальных находок следует отметить остатки

---

[147] А. И. Черепнин. Дневник раскопок Пронских курганов. ТРУАК, т. XIII, вып. 1, 1898, стр. 53—76; его же. Раскопки Пронских курганов, стр. 6—17.

[148] А. И. Черепнин. Раскопки Пронских курганов, стр. 15.

[149] Н. И. Лебедева. Перстни рязанских курганов. Ряз. госуд. обл. музей. Исследования и материалы, вып. II. Рязань, 1928, стр. 8.

кожаных башмаков и чулок, вязаных из грубых шерстяных ниток, небольшой крест с остатками эмали, бубенчик, медные пуговки. Пронские курганы, несомненно,— вятичские и по датировкам, установленным А. В. Арциховским, должны быть отнесены к XIII—XIV вв. Они отличаются от современных им Зарайских курганов (описаны ниже) бедностью инвентаря.

Пронск был важным городом в Рязанской земле и главным городом удельного Пронского княжества. Его историческая роль определялась тем, что этот город, расположенный в центре южных плодородных земель, обеспечивал поставки хлеба не только для Рязани, но и для экспорта на северо-запад Руси, имевшего существенное значение в торговле и политике владимиро-суздальских князей. Поэтому последние так часто «дарили своим вниманием» Пронск, заботясь о том, чтобы в Пронске сидели послушные князья. Пронск играл большую роль в защите Рязанской земли от «поля». Его военно-оборонительное положение подчеркнуто избранным для постройки города местом, представляющим значительное естественное укрепление [150].

Проня была судоходной рекой, и на ней, кроме Пронска, судя по сохранившимся городищам, находились другие большие города. Одно из городищ на Проне, возможно, представляет остатки г. Белгорода, который упоминается в летописи под 1155 г. и дважды — под 1208 г. [151] Ни одно из этих упоминаний не дает возможности определить местоположение Белгорода. Известно лишь, что Всеволод, двигаясь от Коломны к Белгороду, прошел Рязань. Но даже направление движения Всеволода к Белгороду после того, как он прошел Рязань, неясно: шел он на юг, восток или запад? Д. Тихомиров и Д. Иловский почему-то предполагали, что Белгород следует искать на месте с. Городец. В. А. Городцов высказал предположение, что Белгород должен был находиться на месте с. Городище при р. Кишне, на левой стороне Оки [152]. Но эти пункты лежат между Рязанью и Коломной, и Всеволод, пройдя Рязань, должен был вернуться назад по коломенской дороге, чтобы попасть к Белгороду. В то же время целью движения Всеволода были города на Проне, поэтому гораздо более других правдоподобно предположение М. Барановича, что Белгород следует искать на Проне. В самом деле, на левом берегу Прони есть несколько больших городищ, которые можно сопоставлять с древнерусскими городами. Одно из самых замечательных — Лубянское городище на р. Жраке, впадающей в Проню около дер. Лубянки и принимающей в себя в этом месте р. Лубянку (рис. 47, *128*).

Предположению, что Лубянское городище является древним Белгородом, несколько противоречит известие летописи о походе Всеволода. Идя к предполагаемому Белгороду на Проне по реке, Всеволод должен был летописное известие настолько кратко, что неупоминание о том или пройти мимо Пронска. Однако летописи не упоминают об этом. Впрочем,

[150] Местоположение Пронска, удобное для обороны, с точки зрения его неприступности, причиняет значительные неудобства жителям, так как берег, на котором лежит город, так высок и крут, что по нему трудно подниматься. «Важное неудобство города заключается в недостатке воды. Колодцев в нем нет, а вода получается из Прони, к которой ведут высокие и крутые спуски, в гололедицу едва доступные даже пешим». (М. Баранович. Ук. соч., стр. 511). Это мешало и обороне города. Как видно из приведенного выше описания осады 1207 г., важной причиной неудачи защитников города было отсутствие воды.

[151] В 1155 г. в Белгороде был убит тысяцкий Андрей Глебов; в 1208 г. в Белгороде умер Олег Владимирович и положен в церкви св. Спаса; в том же году Белгород был сожжен Всеволодом. ПСРЛ, т. I, стр. 183; т. VII, стр. 116; т. X, стр. 59.

[152] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты..., стр. 664; ср. «Россия». Полное географическое описание нашего отечества. (Под ред. П. П. Семенова-Тянь-Шанского), т. II, СПб., 1902, стр. 321.

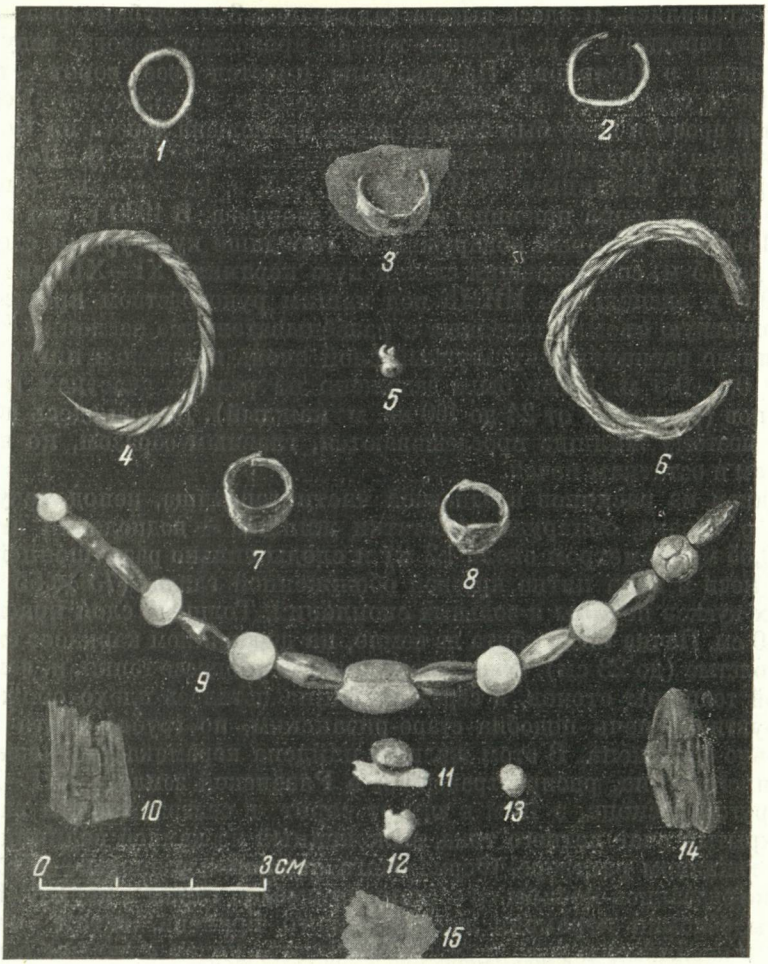


Рис. 93. Вещи из Пронских курганов.

1, 2 — перстнеобразные височные кольца; *3, 7, 8* — перстни; *4, 6* — браслеты; *5* — медная пуговица; *9* — бусы; *10, 14* — остатки дерева от гроба; *11—13* — медные поделки; *15* — обрывок ткани.

ином факте еще не может служить основанием, чтобы на этом строить какие-либо доказательства. В «Повести о разорении Рязани Батыем» «Белград» (по другим спискам — «град Бел») упоминается в числе разоренных городов в одном ряду с Пронском и Ижеславцем, т. е. среди городов, находящихся на р. Проне.

Таким образом, письменные источники не позволяют решительно отождествлять г. Белгород и Лубянское городище, но и не противоречат этому предположению.

Лубянское городище (рис. 94) расположено на высоком мысе и охватывается реками Жракой и Лубянкой с западной, южной и восточной сторон. Форма его близка к овалу (584 × 345 м). Валы окружали все городище и с северной напольной стороны, и с тех сторон, которые естественно защищены обрывами к рекам. Так, к Жраке площадь городища заканчивается крутым обрывом, высотой 10 м. Валы сильно оплыли, на южной и западной сторонах высота их не превышает 1,5 м; на северной стороне они

лучше сохранились, и здесь высота вала равна 3 м, глубина рва — 2,3 м. По склону городища к р. Лубянке теперь проложена дорога, ведущая из дер. Лубянки в Поярково. На городище имеется трое ворот — южные, восточные и северные; но все ли они древние — неизвестно. Вероятно, восточный проем в валу был сделан, когда проложена дорога на Поярково.

Лубянское городище описано М. Барановичем [153], Н. В. Любомудровым [154] и М. В. Бабкиным [155]. В середине XIX в. на городище были найдены обгорелые зерна пшеницы и ручные жернова. В 1930 г. его осмотрел А. А. Мансуров, который обнаружил на городище культурный слой мощностью до 0,5 м, содержавший славянскую керамику XI—XII вв. [156]

В 1953 г. экспедиция ИИМК под нашим руководством произвела тахеометрическую съемку городища и разведывательные раскопки [157]. Городище сильно распахано, культурный слой очень истощен и нигде не превышает 0,4—0,5 м. Нами было заложено на разных участках городища 9 раскопов (размером от 24 до 160 кв. м каждый). Дерево здесь не сохраняется, поэтому жилища прослеживаются, главным образом, по подпольным ямам и остаткам печей.

В одном из раскопов в западной части городища, неподалеку от обрыва к р. Жраке, обнаружены остатки жилища — подпольная яма (глубиной 0,55 м, диаметром около 1,2 м) и следы сильно разрушенной глинобитной печи в виде пятна красной обожженной глины (75 × 55 см), отдельных кусков печины и зольных скоплений. Толщина слоя красной глины — 40 см. Печка была сбита на земле, на деревянном каркасе; стенки ее очень толстые (до 23 см). Обжигалась печка в процессе топки, и, вследствие большой толщины стенок, в середине глина осталась плохо обожженной. Конструктивно печь подобна старо-рязанским, но грубее сбита и менее тщательно обожжена. В этом жилище найдена керамика так называемого «курганного» типа, распространенная в Рязанской земле в XII—XIII вв.

В другом раскопе, в 15 м к югу от ворот в северной части вала, найден открытый очаг летнего типа, выложенный из камней величиной с кулак на глиняном растворе. Форма очага овальная, размеры — 65 × 40 см. Здесь же оказались печины со следами примазки глины к дереву. На очаге найдены обломки керамики домонгольского времени, в том числе донышки с клеймами в виде колеса или креста. Рядом с очагом обнаружен обломок стеклянного браслета.

Все находки, сделанные при раскопках на Лубянском городище, относятся к домонгольскому времени: цилиндрический замок, стеклянные браслеты, весь керамический комплекс. Обломки сосудов почти все однотипны; это тонкостенные горшки из отмученной и хорошо обожженной глины, венчик резко отогнут, крутые плечики украшены линейным и волнистым орнаментом. Очень немного горшков, орнаментированных зубчатым колесиком (не более 4% общего числа орнаментированных сосудов). Несколько сосудов — с прямыми венчиками, толстостенные (толщина стенок — до 4 мм). На городище найдены следы металлургического производства — обломок глиняного конусовидного сопла и железные шлаки. Несмотря на значительные размеры и несомненную принадлежность к домонгольскому времени, Лубянское городище в археологическом отношении малоинтересно, так как культурный слой очень распахан и сооружения почти не сохранились.

---

[153] М. Баранович. Ук. соч., стр. 515.

[154] Н. В. Любомудров. Местногеографические древности..., стр. 379.

[155] М. В. Бабкин. Краткие очерки из истории нашего края. Михайлов, 1927, стр. 24.

[156] А. А. Мансуров. Археологическая карта р. Прони, стр. 218.

[157] Отчет в архиве ИА, ф. 1, № 875.

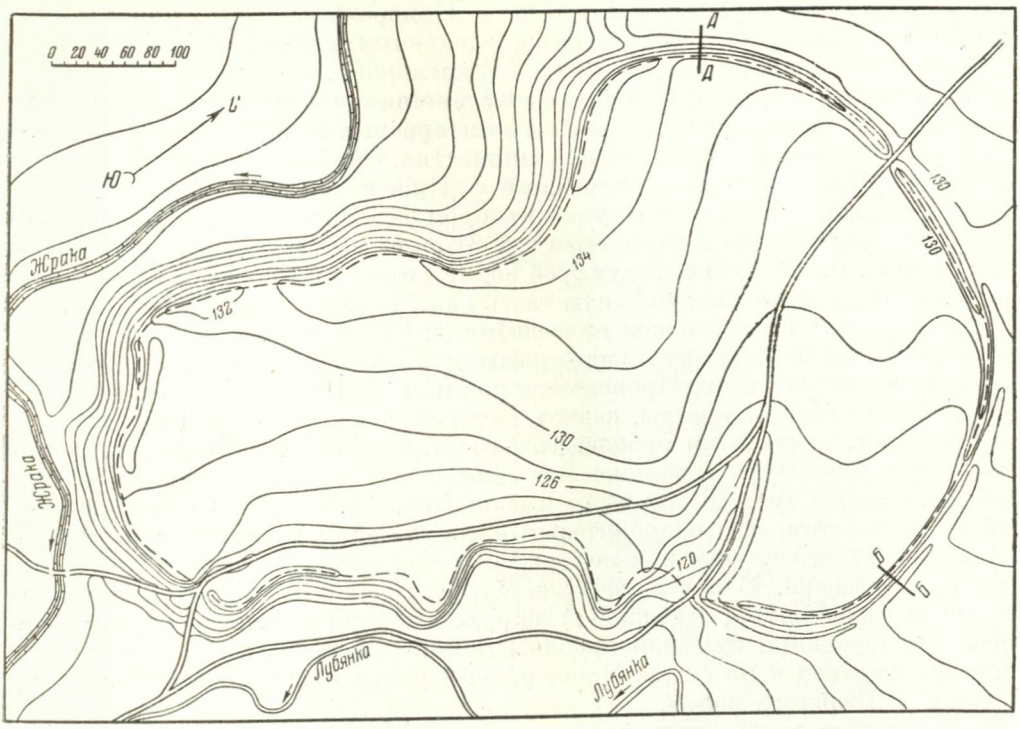


Рис. 94. План Лубянского городища. (Съемка экспедиции ИИМК, 1953 г.)

Город Ижеславец упоминается в «Повести о разорении Рязани Батыем». «И начя Резанъскую землю воевати, и повеле бити и сещи и жещи без милости. И град Пронеск, и Белъград и Ижеславец разори до основания...» [158]. В летописях Ижеславец не упоминается. В «Списке русских городов дальних и ближних» среди литовских городов назван Ижеславль; возможно, что это тот же Ижеславец.

Д. И. Иловайский считал, что город Ижеславец лежал к северо-востоку от столицы, близ устья р. Пры, и соглашался с К. Ф. Калайдовичем и Д. Тихомировым, предполагавшими, что с. Ижевское возникло на месте разоренного Батыем Ижеславца [159]. Здесь, как и в других случаях, единственным основанием для отожествления современного села и древнего города явилось созвучие названий. Не учитывалось даже то обстоятельство, что в пределах Рязанской губернии имеются и другие поселения со сходными названиями. Между тем в районе с. Ижевского, лежащего на левом берегу поемной долины р. Оки, нет городища. Ни валов, окружавших древний город, ни древних зданий, ни вещей, свидетельствующих о том, что здесь был город, вблизи с. Ижевского не найдено. Археологические находки отсюда относятся только к эпохе неолита. Правда, вблизи краеведы зарегистрировали курганы, но они не раскапывались, и неизвестно даже, не были ли приняты за курганы естественные холмы.

Гораздо более вероятно предположение М. Барановича, что следут искать Ижеславец вблизи с. Новорождественского на берегу Прони, в 14 км

---

[158] «Воинские повести древней Руси». М.— Л., 1949, стр. 26.

[159] Д. И. Иловайский. История Рязанского княжества, стр. 105 (со ссылкой на Д. Тихомирова — «Записки об археологических изысканиях в Рязанской губернии», стр. 26, 27).

ниже Михайлова [160]. В прошлом веке с. Новорождественское называлось также Ижицкими, или Жиславскими, выселками, или попросту Жиславом и Ижеславлем; теперь оно называется Ижеславлем.

Ижеславльское городище по своему внешнему виду, сохранности валов и рвов является одним из наиболее интересных и внушительных археологических памятников Рязанского княжества. Оно расположено на правом берегу р. Прони, против современного с. Ижеславль (рис. 47, *129*). Городище с западной, южной и восточной сторон окружают 3 ряда валов и рвов; северная сторона круто спускается к р. Проне. На ней также сохранились следы вала. На городище ведут трое ворот (проломы в валах). А. А. Мансуров, осмотревший разрушенную часть вала (обращенную к Проне) обнаружил, что вал здесь сложен из железняка. Сборы керамики на городище позволили установить, что она относится к XI—XIII вв. и аналогична керамике нижнего слоя Пронского городища [161]. На Ижеславльском городище были найдены кресты, кадила, медные и железные вещи и др. [162]

В 1953 г. нами были произведены съемка и раскопки Ижеславльского городища (рис. 95). Городище — правильной четырёхугольной формы, и вся планировка трех линий валов и рвов (рис. 96, 97 и 97а) как бы свидетельствует о том, что оборонительные сооружения предваряли заселение окружаемой ими площади, а не шли по естественным границам ранее возникшего поселка. В северо-западном углу городища находится дополнительное укрепление («цитадель»), окруженное двумя валами и рвом. Территория городища, начиная приблизительно с середины его, резко понижается на запад и на север. Менее резкий уклон начинается от самого восточного и южного валов.

Вследствие такого устройства поверхности городища культурный слой на нем вымывается и сдвигается. Поэтому, а также в результате распахивания поверхности культурный слой сильно истощен и почти нигде не достигает 1 м. На городище в сравнительно недавнее время было кладбище, погребения находятся почти на самой поверхности, часто сразу же под дерновым слоем.

Хотя Проня протекает сравнительно недалеко от городища, но крутой спуск к ней, особенно в зимнее время, очень осложнял водоснабжение крепости. Вероятнее всего, что источником питьевой воды в древности служили и ныне существующие очень обильные водой родники. Один из них находится у восточного вала, второй — у «цитадели», с северной стороны, третий — ниже второго, вблизи от него. Второй родник пользуется у местного населения славой целебного и «святого» источника.

«Цитадель» окружена 2 валами со рвом между ними. Внешний вал невысокий — 1,2 м; высота внутреннего вала — 2 м, глубина рва между ними — 2,2 м. Валы сильно оплыли, покрыты плотным дерновым слоем.

---

[160] М. Баранович. Ук. соч., стр. 544. Н. В. Любомудров также считает Ижеславльское городище остатками древнего Ижеславца. Впервые эту мысль высказал З. Я. Ходаковский. Возражая К. Ф. Калайдовичу, он писал: «Ижеславец известен в Михайловском уезде на р. Прони..., где ныне село Ижеславль,— там видна еще крепость земляная в пространном квадрате». О с. Ижевском З. Я. Ходаковский замечал, что это богатое село с его промыслами, полезными для жителей, но не для древней географии. «Историческая система Ходаковского». Русский исторический сборник, кн. 3, 1838, стр. 106.

[161] А. А. Мансуров. Археологическая карта р. Прони; М. В. Бабкин. Ук. соч.

[162] А. А. Спицын. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. Рязанская губерния. ЗРАО, новая серия, 1899, т. XI, вып. 1 и 2, стр. 232—241. Впрочем, по мнению А. А. Мансурова, Н. В. Любомудров смешал данные, относящиеся к Ижеславльскому и Лубянскому городищам; в частности, находки жерновов и зерен пшеницы относятся к Лубянскому городищу. От Н. В. Любомудрова ошибка эта попала и в работу А. А. Спицына.

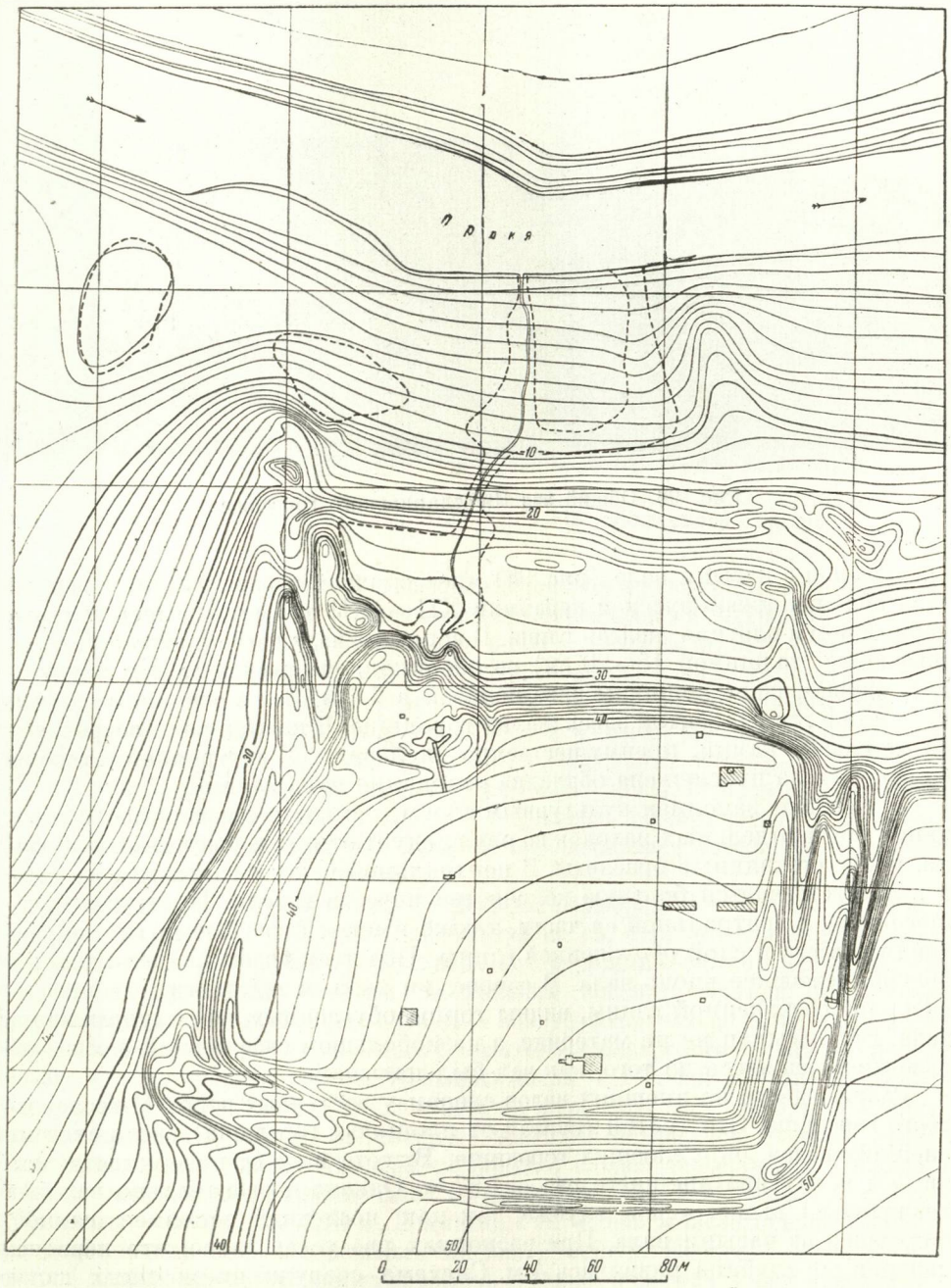


Рис. 95. План Пжеславльского городища. (Съемка экспедиции ИИМК, 1953 г.)
а — места раскопок экспедиции.

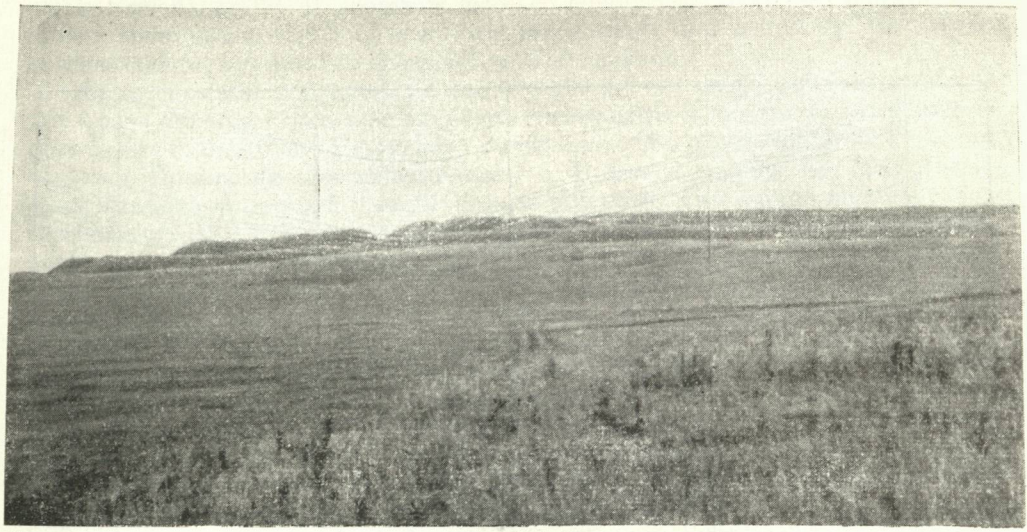


Рис. 96. Общий вид Ижеславльского городища.

Под дерном в насыпи вала (рис. 98) идет сначала черная земля, содержащая обломки древнерусской керамики XII—XIII вв., потом смесь глины с черноземом и плотная желтая глина. В вершине вала четко прослеживается прослойка (толщиной 15—20 см) из обожженной красной глины и угольков, идущая вдоль вершины вала полосой в 2,6 м. Вал в основном сложен из земли и глины, взятой здесь же, на городище. В насыпи вала встречаются отдельные камни, преимущественно железняк. У внутренней стороны большого вала прослежена обкладка основания вала камнями.

Ров сплошь заполнен культурным слоем, намытым с поверхности городища. Среди отдельных находок во рву следует отметить рыболовные крючки, ножи, стеклянные браслеты. В центральной части насыпи малого вала в глине встречается большое количество извести и золы. В насыпи большого вала, в центральной ее части, также имеются зольные пятна, вкрапления извести и слой обожженной глины. Под этим слоем найдено толстое бревно, лежавшее вдоль вала. В основании вала, в той части, где прослежен слой обожженной глины, видны торцы обугленных лаг, идущих вдоль вала. Вал насыпан не на материке, а на небольшом слое черной земли, образовавшемся здесь до того, как вал был насыпан.

Разрез одного из внешних валов сделан у восточных ворот Ижеславльского городища. Это третий (считая от площадки городища) вал в системе внешних валов, окружающих городище. Высота вала от поверхности земли — 4 м, глубина внешнего рва — 1,57 м. Однако первоначально вал был значительно выше, а ров глубже, так как последний заполнен глиной, оплывшей из насыпи вала. При раскопках рва установлено, что первоначальная его глубина равнялась 4 м. Система сооружения внешних валов значительно проще, чем валов «цитадели». Здесь нет деревянных частей, а обожженная глина найдена только в заполнении рва, куда она, очевидно, сползла с вершины вала. Вал насыпан из черной земли с примесью суглинка в верхней части (не более 0,4—0,5 м от поверхности); дальше идет сплошной слой светлой глины, лишь в центральной части прерванный широкой полосой глины более темного цвета. В насыпи вала не сделано никаких находок. В слое глины более темного цвета, чем остальная насыпь,

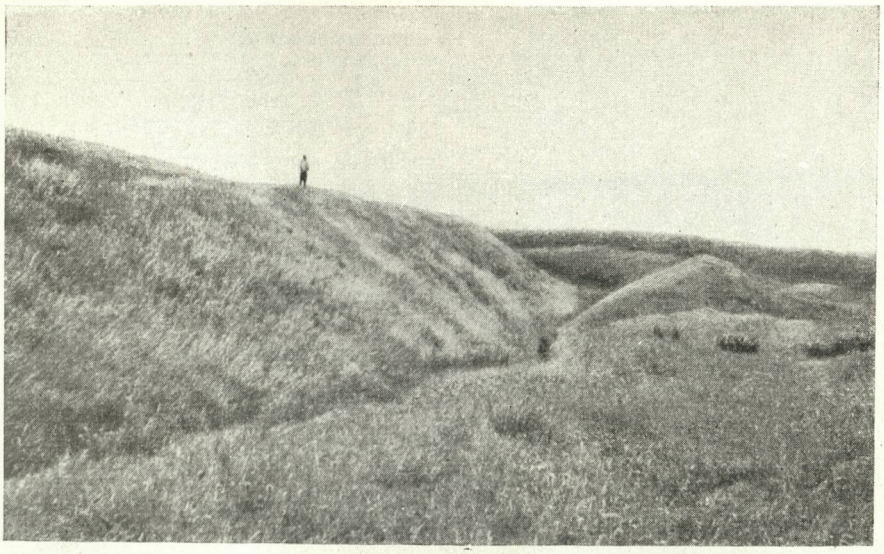


Рис. 97. Валы в северо-западной части Ижеславльского городища.

имеются вкрапления золы. В подстилающем вал культурном слое найдена керамика, датируемая, по аналогии со старо-рязанской, XII веком.

Валы были, очевидно, сооружены в XII в. Возможно, что сооружению внешних валов предшествовало другое укрепление в виде деревянной стены. Остатки его обнаружены в раскопе № 3 в виде ям от столбов, идущих параллельно валам, на расстоянии 12—14 м от края насыпи вала, по направлению с запада на восток (рис. 99). Расстояние между столбами — 1,3 м. Столбы очень толстые, диаметр их — 35—50 см. В материк они были врыты на 50—65 см. Всего в пределах раскопа обнаружено 13 столбов. В заполнении ям от столбов находилась черная земля с угольками, а на дне одной из ям найден стеклянный браслет.

На городище было заложено 15 шурфов размером 9—16 кв. м и 5 раскопов размером 100—140 кв. м. Несмотря на то, что, как выше уже было сказано, культурный слой Ижеславльского городища сильно истощен, все же удалось проследить остатки нескольких жилищ; правда, они очень фрагментарны и не позволяют судить о конструктивных деталях, но общий облик жилища ясен. Это наземные бревенчатые постройки с глинобитными печами и подпольными ямами. Размеры печей — 1 × 1,5 м. Одна из печей (раскоп № 1, жилище № 2) была сбита на краю ямы, так что в предпечной яме находились 2 столба, на которые частично опиралась печь. В глину была примешана солома. Печина сохранила следы деревянного каркаса. Площадь подпольных и предпечных ям различна — от 1 × 1 м до 2,4 × 3 м; глубина их — не больше 1,75 м. В жилище № 4, как можно предположить, был деревянный пол, положенный на глинобитный. Найдена обмазка, по которой видно, что глина примазывалась к земле, а сверху к ней прилегали доски.

Усадьбы были обнесены частоколом. Керамика, обнаруженная на городище, в общем однотипна и сходна со старо-рязанской II и III групп, датируемых XII—XIII веками. Это тонкостенные, сделанные на круге горшки из глины красного и белого цвета, тщательно обожженные, с линейным, изредка волнистым орнаментом. Зубчатый орнамент почти не встречается. Бóльшая часть керамики не орнаментирована. Некоторые сосуды сделаны

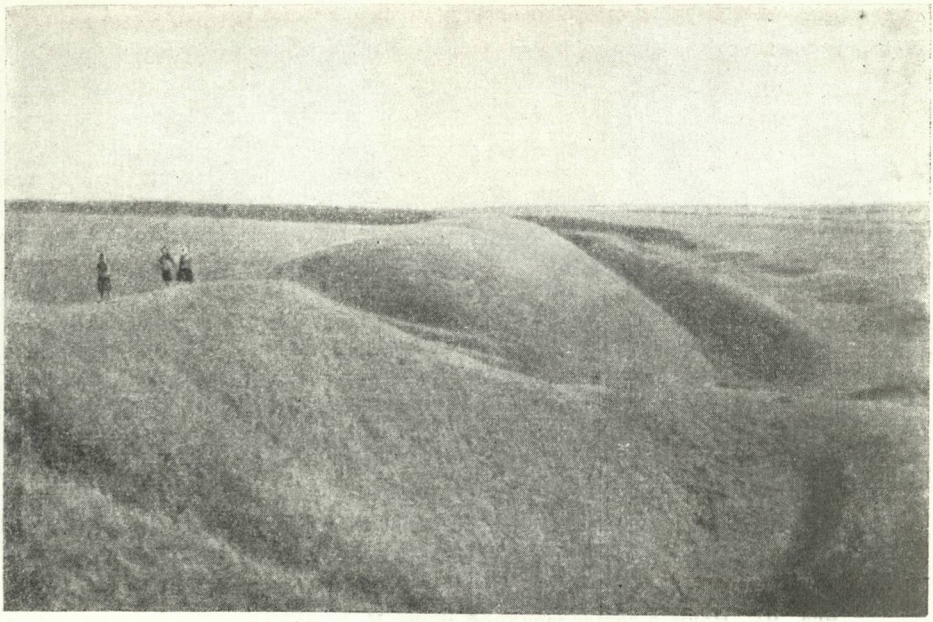


Рис. 97а. Валы Ижеславльского городища с восточной стороны.

из серой глины и покрыты белым ангобом. Горшки — так называемого «курганного» типа, с диаметром горла около 15—20 см; высота превышает диаметр на 2—3 см. Днища сосудов формованы на деревянных подставках с подсыпкой песка; часть их имеет клейма в виде колеса, креста, квадрата и др. (см. ниже рис. 124, *1, 2, 4, 5*). Число клейм по отношению к общему количеству найденных донышек составляет очень незначительный процент — всего 26 клейм на 1342 донышка. Оригинальную форму представляет глиняный рукомойник, сделанный из серой глины, частично формованный на круге и обильно орнаментированный волнистыми линиями и зубчиками с помощью простой палочки (см. ниже рис. 123).

Найдено много железных предметов — кованых четырёхгранных гвоздей с круглыми шляпками, ножей разных размеров (но все ножи с прямой спинкой), пробоев, частей механизма цилиндрических замков, ключей, 2 топора, 4 стрелы (рис. 100, *11, 12*). Стеклянные браслеты встречены в сравнительно большом количестве — 140 обломков. Если сравнить число браслетов, приходящееся на 1 кв. м раскопанной площади, то оно в Ижеславле примерно на 25% больше, чем в Старой Рязани. Шиферного же пряслица не найдено ни одного; пряслица — только глиняные, из прекрасно отмученной и обожженной глины, и изредка каменные. Этот факт важен для датировки культурного слоя городища. В Старой Рязани основной период распространения шиферных пряслиц приходится на XI в., а в XII в. их число резко сократилось. Браслеты же из стекла были распространены в XII в. в гораздо большем количестве, чем в XI в.[163] Таким образом, датировка культурного слоя Ижеславльского городища, уже ранее установленная по керамике XII—XIII вв., подтверждается отсутствием шиферных пряслиц и большим количеством стеклянных браслетов. Из отдельных находок следует отметить мраморные нательные крестики (рис. 100, *4, 5*), янтарный перстень с глазковым орнаментом (рис. 100, *2*), вятичский

[163] См. А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 22.

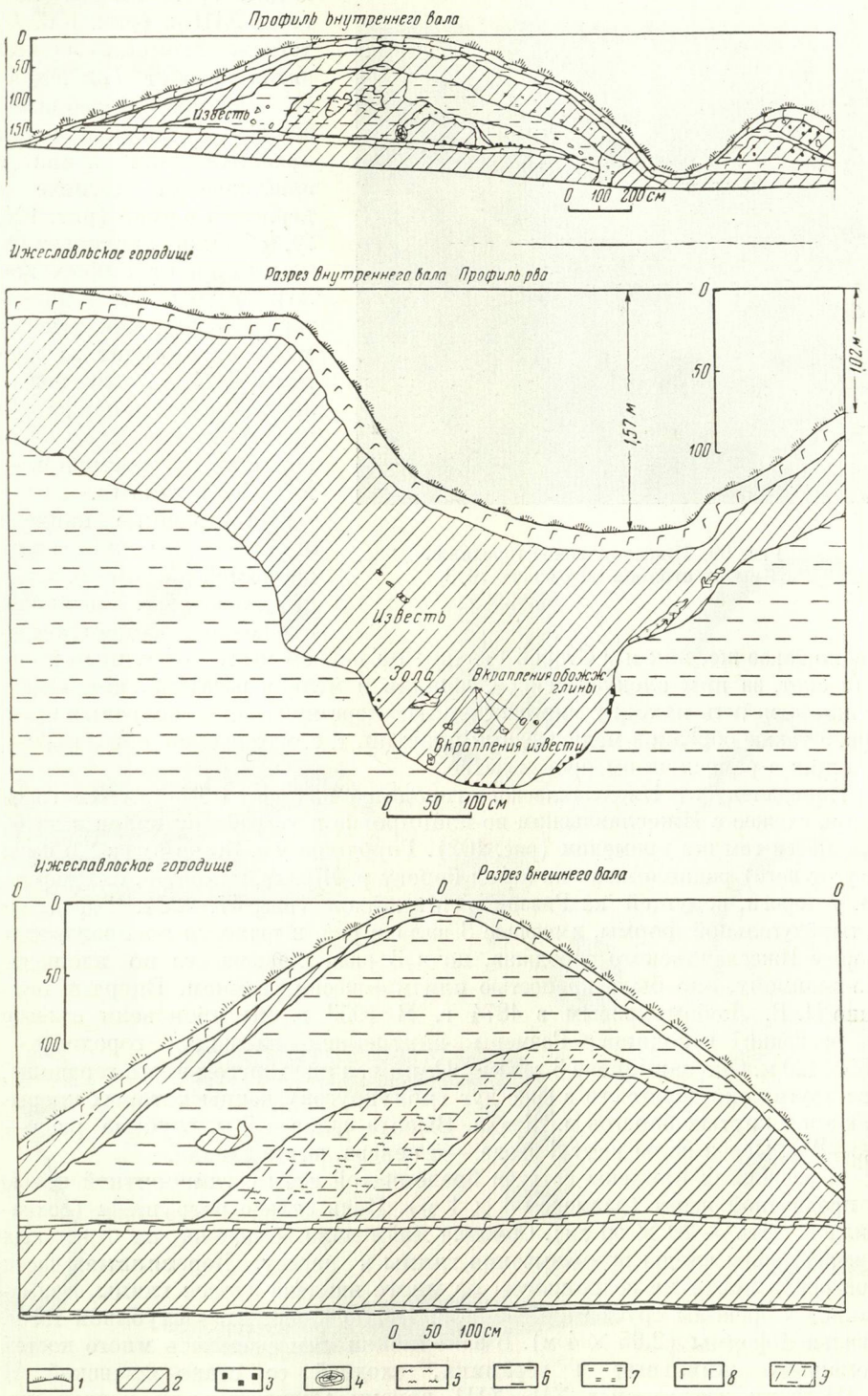


Рис. 98. Разрезы валов Ижеславльского городища.

а — внутренний вал; *б* — ров; *в* — внешний вал.
1 — дерн; *2* — чернозем; *3* — уголь; *4* — дерево; *5* — зола; *6* — глина; *7* — обожженная глина; *8* — гумус; *9* — темная земля.

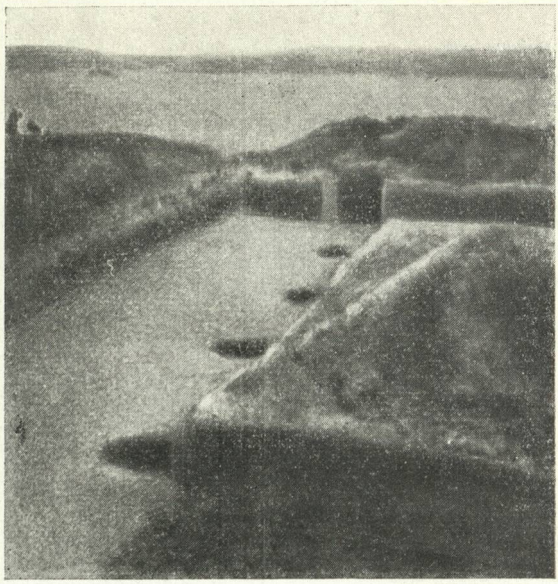


Рис. 99. Ижеславльское городище. Ямы от столбов на раскопе № 3.

медный решетчатый перстень XIII в. (рис. 100, *1*), того же времени медный витой браслет (рис. 100, *3*), обломок серебряной бляшки с изображением архангела или воина в пластинчатом доспехе с державой в руке (рис. 101, *2*), обломки красноглиняных ручек от амфор, железные удила. Весь инвентарь находок, как и керамика, не выходит за пределы XIII в., что позволяет датировать период существования Ижеславля коротким временем — XII—XIII веками.

На городище найдено много рыбьей чешуи, а также костей домашних и диких животных. Соотношение количества костей примерно такое же, как и в Старой Рязани: на первом месте — крупный рогатый скот, за ним следует свинья, лошадь и мелкий рогатый скот. Особо нужно отметить находку многочисленных керамических и железных шлаков, а также обрезков меди, медных пластин, т. е. материалов, свидетельствующих о ремесленном производстве.

Неподалеку от Ижеславльского городища находится Жокинское городище, схожее с Ижеславльским по планировке и устройству валов и датирующееся тем же временем (рис. 102). Городище у с. Жокино (в 2,5 км к югу от него) расположено на левом берегу р. Жраки, напротив с. Поярково, у дороги, ведущей из Рязани в Михайлов (рис. 47, *125*). Городище четырёхугольной формы, имеющее 3 вала и рва, в точности воспроизводит форму Ижеславльского городища, но в 3 раза меньше его по площади. По-видимому, оно было крепостью или княжеским замком. Впервые описано Н. В. Любомудровым в 1874 г. В 1953 г. мы произвели съемку и раскопки городища. Размеры внутренней площадки городища — 155×120 м. Оно защищено 3 валами. Один вал идет кругом всего городища, два других окружают его в виде дуг (полукругов), концы которых прерываются у крутых берегов р. Жраки. Высота валов — 7 м, глубина рвов — 1,5—2 м. Через валы идут 3 входа — с севера, юга и запада.

В раскопках найдены остатки бревенчатой избы с глинобитной печью и предпечной ямой (размером 1 × 1 м). Печь сильно разрушена (сохранилась часть — 20 × 50 см). Обмазка печи мало обожжена, на отдельных кусках видны следы примазывания глины к дереву. Деревянные части постройки почти не сохранились, но много найдено кусков глины, примазанной к бревнам сруба и побеленной. Подпольная яма — глубиной 1,2 м, овальной формы (2,95 × 4 м). В заполнении ямы оказалось много костей домашних животных и керамики, сходной со старо-рязанской II и III групп, датируемых XII—XIII веками. Отличительной чертой жокинской керамики является наличие красноглиняных тонкостенных сосудов небольшого размера (11—12 см в наиболее широкой части — плечиках).

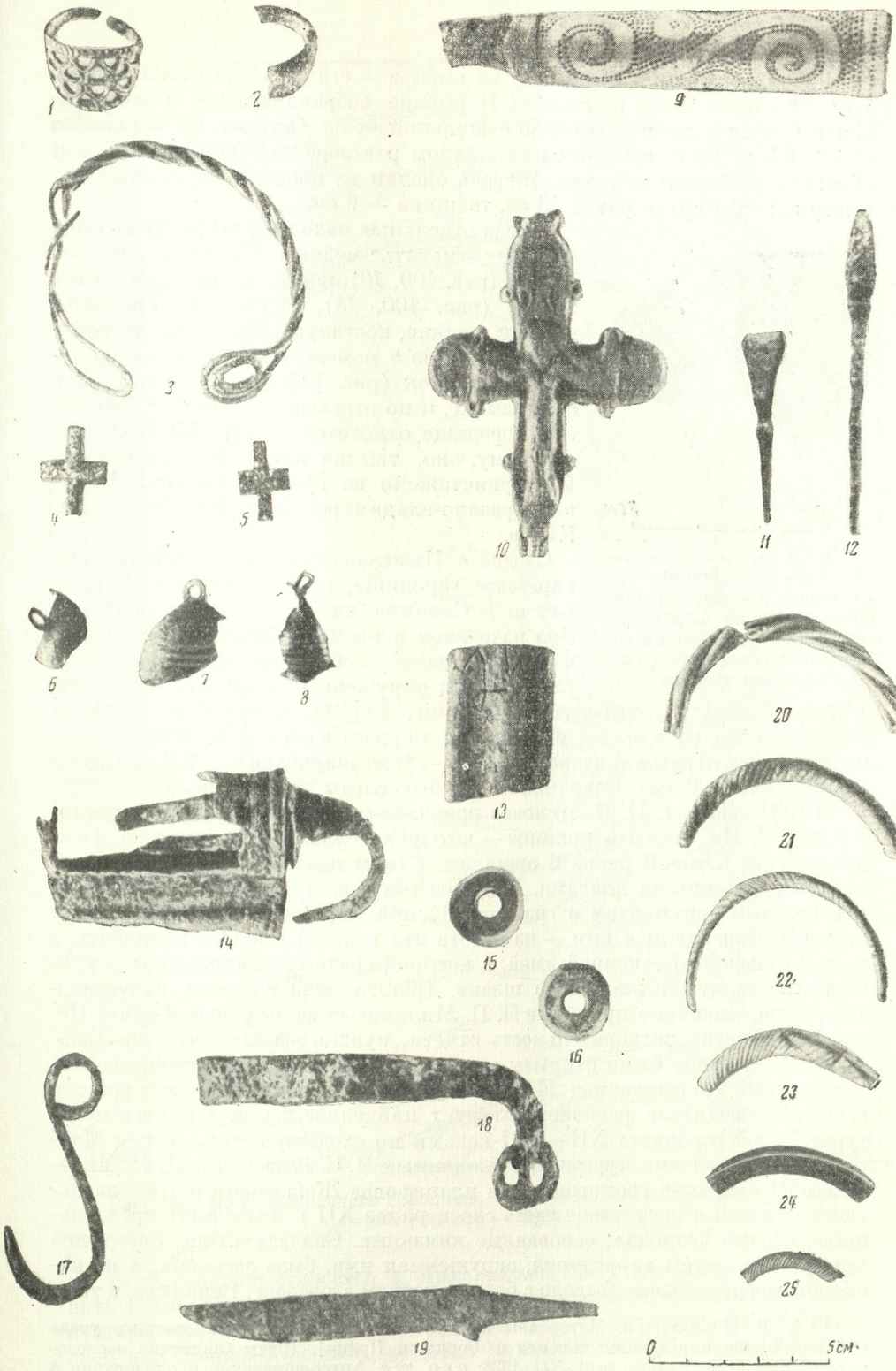


Рис. 100. Вещи с Ижеславльского, Лубянского и Жокинского городищ.

1 — перстень решетчатый серебряный (Ижеславль); *2* — перстень медный (Ижеславль); *3* — браслет медный (Ижеславль); *4, 5* — каменные крестики (Ижеславль); *6—8* — медные бубенчики (Ижеславль); *9* — костяная рукоятка ножа, орнаментированная медными шпильками (Жокино); *10* — медный крест (Жокино); *11, 12* — железные наконечники стрел (Ижеславль); *13* — костяной цилиндр с процарапанными значками (Ижеславль); *14* — цилиндрический замок (Лубянка); *15, 16* — каменные пряслица (Лубянка); *17* — железный крючок (Ижеславль); *18* — ключ (Жокино); *19* — (но Ижеславль); *20—25* — стеклянные браслеты.

Рядом с жилищем были остатки амбара — его западная стена прослеживается по 12 ямам от столбов. В амбаре собрано большое количество зерен ячменя и пшеницы около сушильной печи. Остатки ее основания (1,3 × 0,8 м) были сложены на глиняном растворе из крупных камней и обломков разбитого жернова. Жернов сделан из плотного песчаника; диаметр нижнего круга равен 43 см, толщина — 9 см.

Рис. 101. Бляшки
1 — медная для пояса с изображением птицы (Лубянское городище); *2*—серебряная с человеческим изображением (Ижеславльское городище

Среди отдельных находок, датирующих слой, следует отметить медный крест — энколпион XIII в. (рис. 100, *10*), ключи от цилиндрических замков (рис. 100, *18*), стеклянные браслеты, витые и гладкие, костяную ручку от ножа, орнаментированную с помощью вбитых в нее сотен медных шпилек (рис. 100, *9*). В целом, судя и по керамике, и по отдельным находкам, Жокинское городище относится к XII—XIII вв. По-видимому, оно, так же как и Ижеславльское, было уничтожено во время нашествия Батыя или рязано-владимирской войны в начале XIII в.

Сходно с Ижеславльским и Жокинским Лихаревское городище, расположенное в 5 км к югу от г. Скопина на левом берегу р. Верды. Оно находится в поемной болотистой равнине и представляет собой возвышенный холм (180×50 м), окруженный оврагами. Форма городища близка к четырехугольной (рис. 103, *1*). С западной стороны находятся два вала и два рва. Высота первого вала — 1 м, ширина площадки между первым и вторым валами — 8 м; ширина рва — 3,5 м, высота второго вала — 0,5 м. Сохранились слабые следы третьего вала.

В 1924—1925 гг. Н. П. Милонов произвел раскопки на Лихаревском городище [164]. Им открыто жилище — четырёхугольная полуземлянка, каждая сторона которой равна 6 аршинам. Стены полуземлянки были облицованы деревянными плахами. Найдены гончарная керамика, с линейным и волнистым орнаментом и граненая бусина из горного хрусталя. В этом жилище (или рядом с ним — из отчета это неясно) открыта глинобитная печь с большой предпечной ямой, в которой среди скопления золы и угля обнаружены куски железного шлака. Вблизи печи найдены конусовидные сопла, ошибочно принятые Н. П. Милоновым за литейные формы. Несмотря на неудовлетворительность отчета, нужно полагать, что на Лихаревском городище были открыты следы железоделательного производства, и возможно, что описанная Н. П. Милоновым печь представляет остатки горна. Руководитель раскопок датирует найденное жилище и весь культурный слой городища XII—XIII веками по сходству с инвентарем Маклаковских вятичских курганов, раскопанных П. С. Рыковым и Н. П. Милоновым. Правильная геометрическая планировка Жокинского и Ижеславльского городищ и отсутствие здесь слоев ранее XII в. позволяют предположить, что это «города», основанные князьями. Сначала были построены укрепления, потом территория, окруженная ими, была заселена, а не наоборот, как это обычно бывало с большинством «городов». Вероятно, к тому

[164] Н. П. Милонов. Материалы к археологической карте Скопинского уезда Рязанской губернии (район течения р. Верды и Прони). Труды Общества исследователей Рязанского края, вып. XII, 1928; его же. Археологические исследования в Скопинском уезде Рязанской губернии. Материалы к доистории Центрально-Промышленной области. М., 1927.

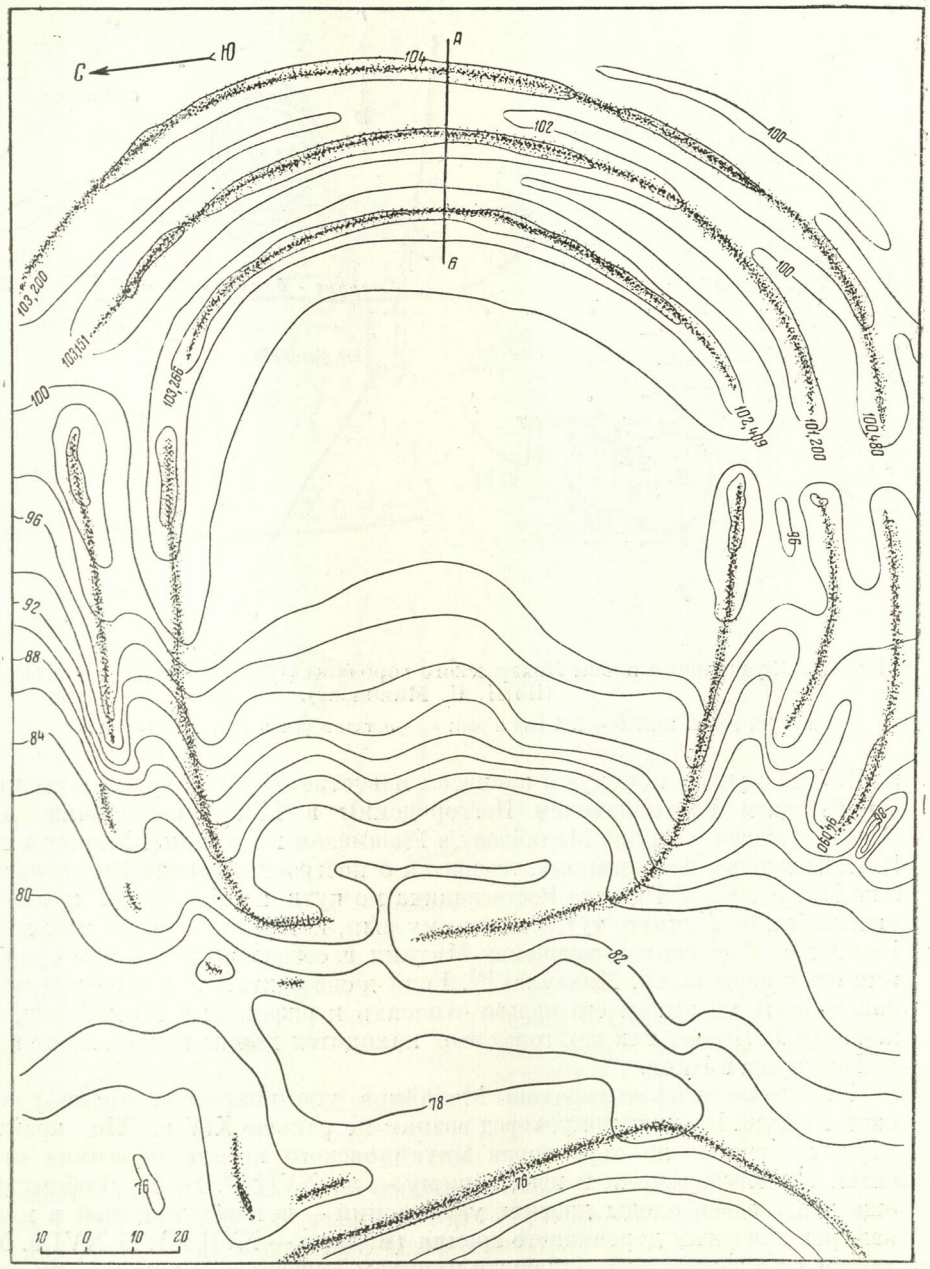


Рис. 102. План Жокинского городища. (Съемка экспедиции ИИМК, 1953 г. Сечение рельефа — через 4 м).

же типу городищ относится и Лихаревское. Хотя мы можем об этом судить только по их размерам, но также в порядке предположения можно считать, что Жокинское городище представляет остатки «замка», княжеской или боярской усадьбы, подобно Ново-Ольговскому, а Ижеславльское и Лихаревское — остатки небольших «городков».

Выше Ижеславля, в 43 км от Пронска, лежит на Проне г. Михайлов. В летописях в домонгольское время этот город не упоминается.

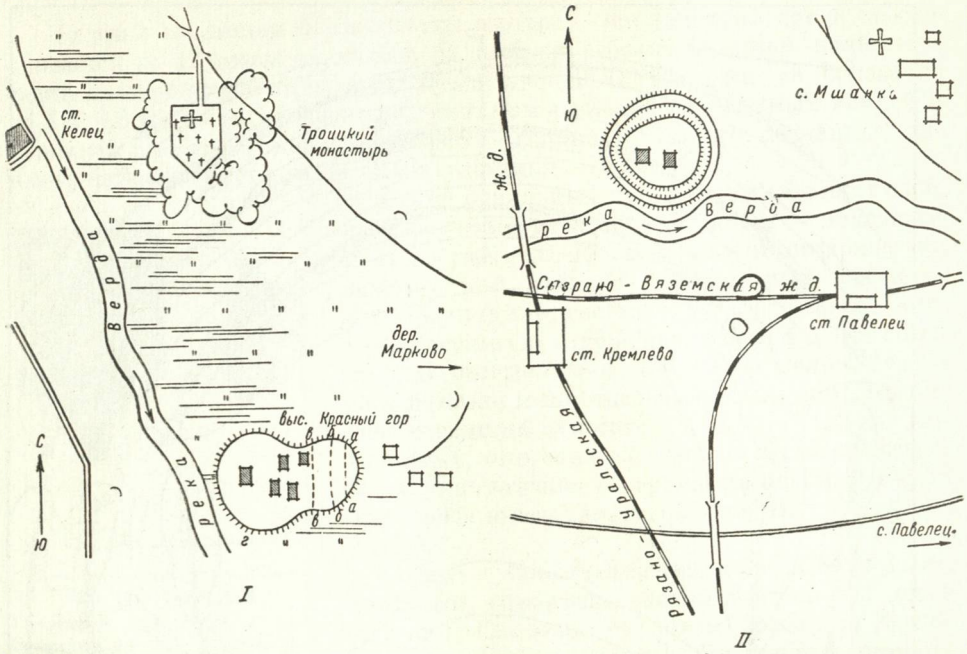


Рис. 10. Стуационные планы Лихаревского городища (*I*) и Мшанского городка (*II*). (По Н. П. Милонову).

а — 1-й ров и вал; *б* — 2-й ров и вал; *в* — остатки рва и вала; *г* — городок.

Н. В. Любомудров почему-то приписал известие об основании города князем Рюриком Ростиславичем Новгородским в 1137 г., содержащееся у В. Н. Татищева, «городу Михайлову в Рязанском княжении». Между тем у В. Н. Татищева, по-видимому, говорится о построении города Ростиславля, а не Михайлова. У Рюрика Ростиславича по пути из Новгорода к Киеву, «когда был на Лучине, тут родился ему сын, которого нарек во имя дедне Ростислав, а во святом крещении Михаил и создал на месте том град во имя его и церковь св. Михаила» [165]. Если даже считать это известие правдоподобным, то никак его нельзя относить к рязанскому Михайлову, лежащему на Проне, так как город этот находится далеко в стороне от пути из Новгорода в Киев.

В «Списке русских городов» Михайлов упоминается в числе рязанских городов. По-видимому, город возник не раньше XIV в. По крайней мере, найденная на территории михайловского кремля керамика относится к этому времени и позднейшему — до XVII [166]. Н. В. Любомудров еще видел здесь следы древних укреплений — четырёхугольный в плане вал, ров и остатки деревянного кремля (видимо,— XVII в.). В XVI в. Михайлов стал важным укрепленным пунктом «украинской линии» (впервые упоминается в 1546 г.).

Возможно, что в XIII в. существовал г. Чур-Михайлов. Какой-то «Чюр-Михайлов» упоминается на Дону в «хождении митрополита Пимена» 1389 г. Согласно описанию путешествия, когда суда были спущены на Дон, «во второй день плавания они достигли Чюр-Михайловых», «сице бо тамо тако нарицаемо есть место, некогда бо тамо и град был бяше» [167]. Было высказано предположение, что «Чюр-Михайловы» — это город, уже не

[165] В. Н. Татищев. История российская..., кн. III, стр. 183.
[166] Обследование А. А. Мансурова, 1930 г. КРОМ, № 431.
[167] ПСРЛ, т. XI, 96.

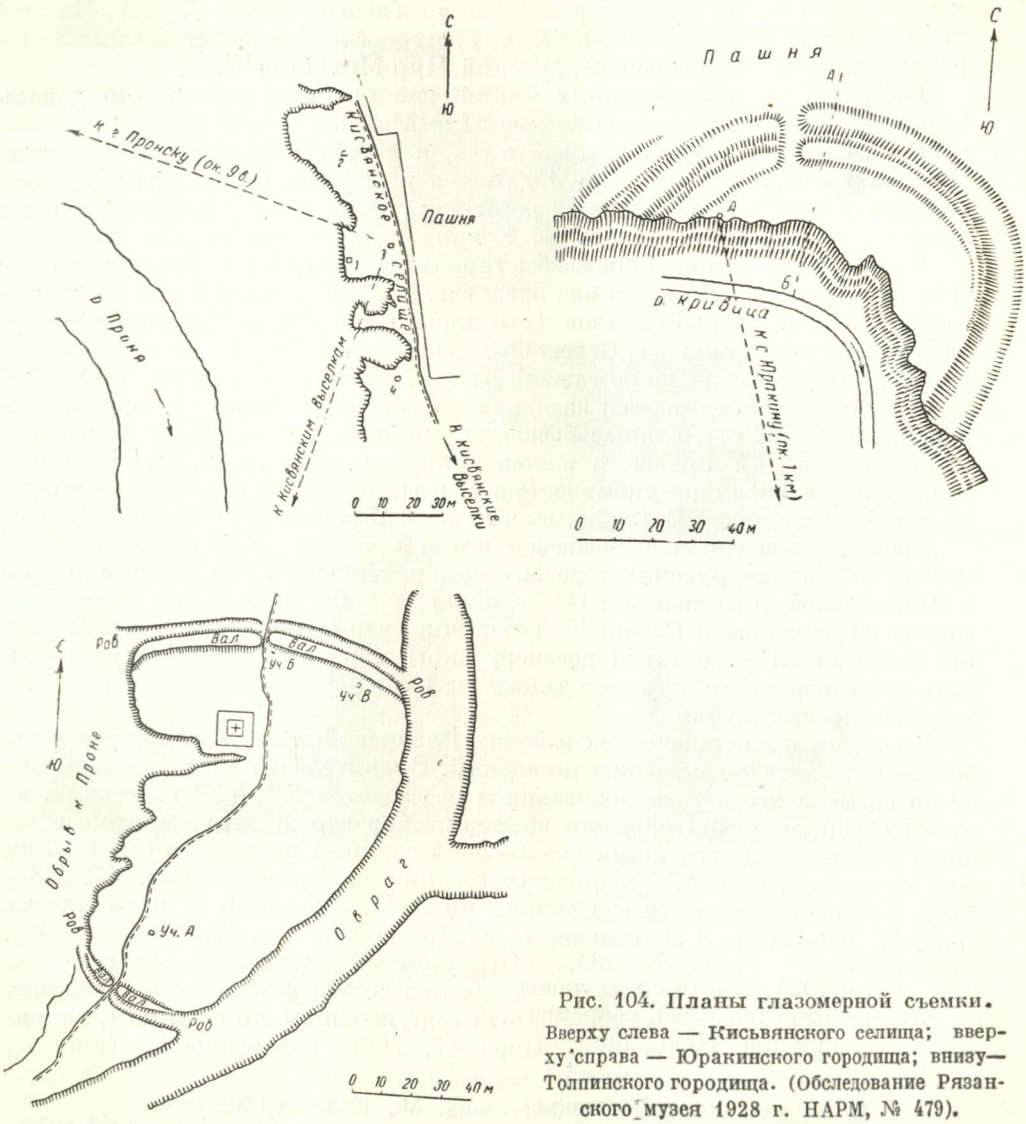


Рис. 104. Планы глазомерной съемки.

Вверху слева — Кисьвянского селища; вверху справа — Юракинского городища; внизу — Толпинского городища. (Обследование Рязанского музея 1928 г. НАРМ, № 479).

существовавший в 1389 г., но основанный пронским князем Киром-Михаилом (1206—1217 гг.), к уделу которого принадлежал район верхнего течения Дона [168], и названный в честь основателя.

Мнения о местонахождении Кир-Михайлова различны. Одни приурочивали его к городищу Старого Донкова, лежащего на 25 верст выше по Дону от нового города — того же имени [169]. Другие относят его к селам Старое и Новое Киркино (у верховьев р. Кердь, впадающей в Проню) [170]. К. В. Кудряшов на основании описания Куликовской битвы устанавливает, что название «Чюр-Михайловых» относится не только к «месту», но и

[168] Н. В. Любомудров. Местногеографические древности.., прим. 2.
[169] М. А. Веневитинов. По поводу пятисотлетия первого русского путешествия по Дону. «Древности», т. XIV, М., 1890.
[170] «Россия», стр. 403.

к реке, которую он считает рекой Кочур (левый приток Дона). На этой реке недалеко от устья находится с. Кочуровское, иначе называемое «Городище»; это и был, вероятно, древний Чур-Михайлов [171].

Ни одно из перечисленных мнений не является достаточно доказательным, поэтому местонахождение Чур-Михайлова или Кир-Михайлова нельзя считать установленным. Кстати, в летописи упоминается только Чур-Михайлов, никакого Кир-Михайлова в ней нет. Самый факт существования такого города является домыслом исследователей, стремившихся объяснить название и связать его с пронским князем Киром-Михаилом.

Что касается Старо-Донковского городища, то археологические данные свидетельствуют о том, что оно представляет собой остатки города домонгольской поры. Старый Донков (так назван по Книге Большого Чертежа) — ныне городище у с. Стрешнево, расположенное на левом возвышенном берегу (высота — до 50 сажен) Дона. Размеры городища — 500 × 250 сажен. Жители соседних сел находили на городище старинное оружие, образки, крестики, стеклянные браслеты, вымываемые водой, а также выкапывали остатки прежнего жилья — кирпич, уголь и т. п. [172] Старый Донков в летописях не упоминается. В письменных источниках — это запустевшее городище. В 1563 г. вместо него был построен Новый Донков.

Среди южных городов Рязанской земли находился, вероятно, Дубок. Он назван в «Списке русских городов» как рязанский город и упоминается в Никоновской летописи под 1146 г. в связи с бегством Святослава Ольговича из Карачева в Рязань [173]. Возможно, что Старо-Донковское городище и представляет остатки древнерусского города Дубок. Следует обратить внимание на то, что неподалеку от Старо-Донковского городища находится деревня Дубки.

В южных земледельческих районах Рязанской земли зарегистрировано большое количество сельских поселений. Значительная часть их относится ко времени поздней колонизации и датируется XVI—XVII веками, но много селищ и домонгольского времени. Характерно, что некоторые селища расположены группами (по 2—3—4 селища) на расстоянии 1—2 км друг от друга. Таковы 3 Колонецких селища на Проне [174] (рис. 47, *183—185*), 3 Семионовских (у с. Семион; рис. 47, *186—188*), 3 Юракинских (рис. 47, *164—166*), 3 Лыковских (у с. Маклаково; рис. 47, *156, 158, 159*), Кисьвянское [175] (рис. 47, *153*), Заразинское [176] (рис. 47, *194*) и др. (рис. 104 и 105). Часто среди такой группы селищ находится и городище, на котором имеется слой, современный окружающим его селищам, например — Юракинское городище [177] (рис. 47, *163*), Толпинское [178] (рис. 47,

---

[171] К. В. Кудряшов. Половецкая степь. М., 1948, стр. 20.

[172] Ф. Ляликов. Курганы и остатки древних укреплений в Рязанской губернии. ЖМНП, 1846, № 10.

[173] ПСРЛ, т. IX, стр. 171.

[174] НАРМ, № 479, 517, 658.

[175] Кисьвянское селище расположено на левом берегу р. Прони в 3 км к юго-западу от с. Кисьва. Открыто и обследовано О. Н. Бадером в 1928 г. Культурный слой — мощностью до 1 м. В одном из шурфов обнаружены остатки глинобитной печи (О. Н. Бадер. Дневник палеоэтнологического обследования р. Прони в июне 1928 г. НАРМ. № 479). Судя по коллекции керамики, собранной на селище, оно датируется XI—XIII веками (КРОМ, № 304).

[176] А. А. Мансуров. Археологическая карта р. Прони, стр. 215—238.

[177] Юракинское городище расположено на левом берегу ручья, впадающего с левой стороны в р. Проню, в 1 км на северо-запад от с. Юракино. Обследовано О. Н. Бадером, А. А. Мансуровым и Н. П. Милоновым в 1928 г. Городище окружено валом высотой до 1,5 м и рвом. Площадь его — 75 × 60 м. Культурный слой равен 2 м и делится на 2 горизонта — славянский и раннего железного века (городецкий). [О. Н. Бадер. Ук. соч. (НАРМ, № 479); А. А. Мансуров. Ук. соч. (НАРМ, № 658)].

[178] Толпинское городище расположено на правом берегу р. Прони в 1,5 км на

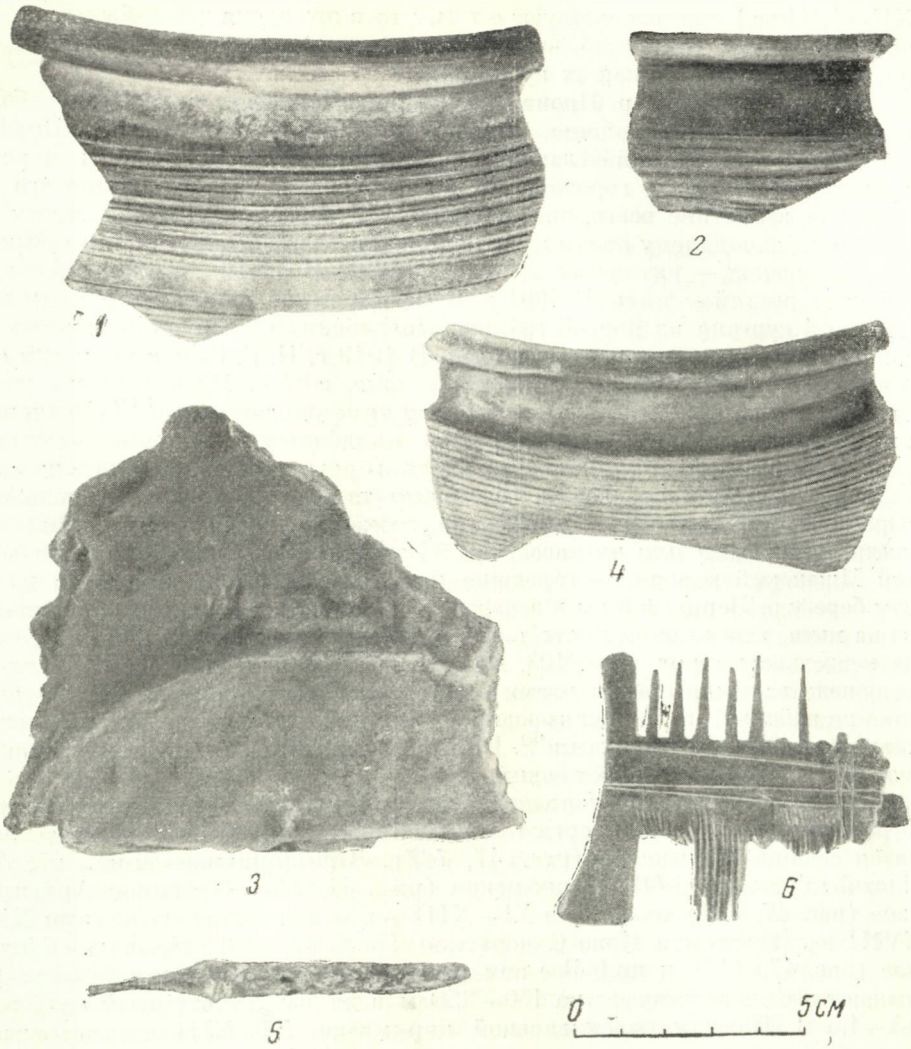


Рис. 105. Лыковское I селище.

1—4 — керамика; *5* — железный нож; *6* — костяной гребень.

192), Денисовское (рис. 47, *161*). Иногда рядом с городищем расположены курганные группы, которые можно рассматривать как сельские кладбища. Например, рядом с описанным выше Елшинским (Чертовым) городищем, на котором слой городецкого времени перекрывается славянским слоем, раскопана группа курганов с вятичским инвентарем XII—XIV вв.[179] Находки на городище (крест-складень XIV в., цилиндрический замок

северо-восток от с. Незнаново. Впервые обследовано и описано в 70-х годах XIX в. Н. В. Любомудровым. В 1928 г. обследовано О. Н. Бадером и А. А. Мансуровым. Сохранились валы, рвы и белокаменная церковь, по-видимому, построенная еще в XIV или XV вв. Культурный слой славянского времени достигает 1 м. [Н. В. Любомудров. Местногеографические древности..., стр. 175; О. Н. Бадер. Ук. соч. (НАРМ, № 479); А. А. Мансуров. Ук. соч. (НАРМ, № 658, 660)].

[179] А. И. Черепнин. Раскопки Пронских курганов. АИЗ, т. VI, № 1, 1898, стр. 15—17.

XII—XIII вв.) свидетельствуют о том, что в это время здесь было славянское население; возможно, что жители этого городища и хоронили своих покойников в близлежащих курганах.

На правом берегу р. Прони, против дер. Денисовка находится небольшое (71 × 23,5 м) городище, которое с двух сторон омывается р. Проней, а с третьей, напольной — защищено валом высотой 4,5 — 5,5 м и рвом. Культурного слоя на городище не обнаружено, и происхождение его неизвестно, вероятнее всего, оно славянское [180]. Во всяком случае, к югу от городища, неподалеку от его вала, находятся 2 группы курганов, несомненно, славянских — вятичских (рис. 47, *160*). В одной группе — 48 курганов, в другой — пять. В 1901 г. В. Н. Крейтон и А. И. Черепнин раскопали 4 кургана из первой группы. Погребения оказались сильно разрушенными и не имеющими инвентаря. В 1919 г. П. С. Рыков раскопал еще 4 кургана, а в 1924 г. Н. П. Милонов — еще восемь. Инвентарь раскопанных Н. П. Милоновым курганов оказался типично вятичским [181]. Возможно, что Маклаковские курганы являются кладбищем населения Маклаковского городища. Несомненно, что часть городищ Рязанской земли представляла сельские поселения. Возможно также, что городища, подобные Юракинскому, Толпинскому и другие, лежащие среди групп селищ, служили убежищами для их населения. С этой точки зрения, очень любопытен Мшанский городок — городище круглой формы, находящееся на левом берегу р. Верды в 3 км к западу от с. Мшанка. Городище расположено не на мысе, а на низком месте, в пойме реки и возвышается над ее уровнем на несколько метров (рис. 103, *II*). Диаметр городища — всего 45 м; оно окружено валом и двумя рвами — внешним и внутренним. Культурного слоя не найдено, но вокруг городища обнаружены селища, которые можно датировать XI—XIII веками [182]. Не был ли Мшанский городок убежищем для населения окрестных селищ?

Интересную картину концентрации селищ вокруг города дали разведки в районе Пронска. Непосредственно вблизи Пронского городища находятся селища Новинское (рис. 47, *147*), Прикурганное (рис. 47, *148*), Плотное (рис. 47, *141*), Пушкарское (рис. 47, *143*), Пронское Архангельское (рис. 47, *137*) со слоями XI—XIII вв. и ряд селищ со слоями XVI—XVIII вв. [Пронское Ново-Никольское (рис. 47, *133*), Пронское Подгорное (рис. 47, *144*) и др.]. Все они расположены на высоком берегу, примыкают к реке и тянутся на 150—250 м в длину. Культурный слой равен 0,5—1,5 м. Наряду со славянской керамикой XI—XIII вв. встречается также и поздняя, в том числе чернолощеная XVI—XVII вв. А. А. Мансуров и Н. П. Милонов отмечают сходство культуры селищ, лежащих близ Пронска, с городской культурой, в частности,— находки на этих селищах шиферных пряслиц и стеклянных браслетов. Селища, возникшие в XVI в., позже стали городскими слободами [183]. На этом мы закончим обзор городищ, селищ и курганов в коренных рязанских землях и перейдем к окраинам.

---

[180] Н. П. Милонов. Опыт археологических исследований по течению рек Верды, Прони и Галины. Скопин, 1925. В 1928 г. городище было повторно обследовано О. Н. Бадером, А. А. Мансуровым и Н. П. Милоновым. [См. О. Н. Бадер. Ук. соч. (НАРМ, № 479); А. А. Мансуров. Археологическая карта р. Прони, стр. 236].

[181] Н. П. Милонов. Опыт археологических исследований по течению рек Верды, Прони и Галины. Скопин, 1925, стр. 8; А. А. Мансуров. Археологическая карта р. Прони, стр. 236, 237.

[182] Н. П. Милонов. Материалы к археологической карте Скопинского уезда, стр. 9—11.

[183] А. А. Мансуров. Отчет об археологических разведках на Верхней Проне за лето 1930 г. НАРМ, № 557; Н. П. Милонов. Славянские селища по р. Проне. НАРМ, № 377.

XIX

Северо-запад Рязанской земли. Ростиславль. Коломна. Селища и городища в районе Коломны. Зарайск. Перевитск. Палецкие (Аксеновские) курганы. Зарайские и Осовские курганы

На северо-западе Рязанской земли — важном в стратегическом и экономическом отношениях районе,— был основан в XII в. город Ростиславль. Это единственный город в Рязанской земле, об основании которого упоминают летописи. Никоновская летопись под 1153 г. сообщает: «Того же лета князь Ростислав Ярославич Рязанский созда во имя свое град Ростиславль у Оки реки» [184]. По В. Н. Татищеву, в 1183 г. Ростиславль был сборным местом союзных русских войск, шедших по Оке на камских булгар [185]. По-видимому, остатками древнего Ростиславля является городище вблизи погоста Ростиславль (или Росцеслав, или Расчиславо). Оно находится на возвышенном правом берегу р. Оки, в 20 км от Зарайска, в 0,5 км от с. Погост Ростиславль (сейчас дер. Ростиславль, Калининского района, Московской области; рис. 47, *16*). По описаниям 70-х годов XIX в. городище — треугольной формы, площадь его по наибольшим промерам (высота и основание треугольника) — 300 × 150 сажен, по периметру — 830 сажен. Поверхность ровная, распахивается. Укреплениями являются: с восточной стороны — глубокий овраг, с северной — огромные «кругообразные» насыпи, с западной — р. Ока и с южной — 3 насыпных вала, разделенных 2 проходами. Длина оврага — около 300 сажен, ширина — 50 сажен, глубина — около 50 сажен [186]. Ширина валов — около 15 сажен и высота — 10 сажен. Вход в городище с юга [187]. Примерно в 100 саженях от валов городища возвышается большой курган. Группа курганов раскопана в 1870 г. Бочарниковым [188]. Размеры городища и валов, указанные в описании Н. В. Любомудрова, неправдоподобны.

Обследование Ростиславльского городища в 1936 г. дало иную картину. Видимо, насыпи с северной стороны и один из внешних валов были за последние 50 лет уничтожены. По плану, приложенному к отчету Н. П. Милонова [189], первый вал отделяет маленькую площадку на самом конце мыса, а второй вал ограничивает площадь 200×120 м (рис. 106а). За вторым валом расположено селище, на котором найдена керамика, аналогичная керамике городища. Культурный слой на городище вследствие многолетней пахоты истощен и сохранился только у склонов. Собранная на городище керамика относится к славянскому и позднедьяковскому времени [190]. П. А. Раппопорт высказал предположение, что первый вал, отграничивающий площадку на конце мыса, отделял детинец, а второй вал защищал посад [191]. Если это и так, то все же вероятнее всего, что детинец расположился, судя по археологическим находкам, на территории городища раннего железного века. Таким образом, картина роста Ростиславля такая же, как в Старой Рязани. Даже город, основанный князем в XII в. (если археологи не ошиблись в определении его местоположения), расположился на тер-

[184] ПСРЛ, т. IX, стр. 197.
[185] В. Н. Татищев. История российская..., кн. III, стр. 249.
[186] Рязанские губернские ведомости, 1874, № 10.
[187] Н. В. Любомудров. Местногеографические древности..., стр. 483—485.
[188] А. А. Спицын. Обозрение некоторых губерний..., стр. 235.
[189] Архив ИА, ф. 2, № 219 (за 1937 г.).
[190] «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.» М.— Л., 1937, стр. 61.
[191] П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII в. МИА № 52, 1956, стр. 51.

ритории древнего городища, укрепления которого были использованы для защиты детинца. Ростиславль является крайним северо-западным городом Рязанской земли. Одним из важнейших северо-западных городов Рязанской земли была Коломна, находящаяся на правом берегу р. Москвы, при впадении в нее речки Коломенки.

Впервые Коломна упоминается под 1177 г., когда Всеволод шел на Рязань «и бывшим им у Коломны, прииде весть оже Глеб пошел Володимерю инем путем» [192]. В 1180 г. Всеволод опять «иде к Рязаню» и «бывшю ему у Коломны сторожеве же Романови перебродившеся бяху через Оку, и устретошася с нашими сторожи» [193]. По Ипатьевской летописи, Коломна в 1180 г. считается Рязанской волостью («Послал Святослав Глеба, сына своего, в Коломну, в Рязанскую волость») [194]. В 1186 г. суздальская рать шла на Пронск через Коломну; в том же году в Коломне сел лишившийся Пронска Всеволод Глебович [195]. В 1187 г. Всеволод Юрьевич III и Всеволод Глебович из Коломны ходили на Рязанскую землю [196]. В 1207 г. Всеволод ходил через Коломну на Рязанскую землю и через нее же возвращался из похода [197]. В 1237 г. татары, повоевав Рязанскую землю, «поидоша на Коломну», и у Коломны с ними встретился Всеволод Юрьевич [198]. Таким образом, все летописные упоминания о Коломне свидетельствуют о том, что она являлась важным стратегическим пунктом в борьбе Владимиро-Суздальского княжества с Рязанью. Она, по-видимому, была и объектом борьбы. Это вполне понятно, так как Коломна была не только пограничным с Суздальской землей городом, но и узлом путей, связывавшим верхнее и нижнее течение Оки с бассейном Москвы-реки. Выгодное торговое и военное положение Коломны способствовало развитию города.

Время возникновения Коломны точно не установлено; во всяком случае,— не познее середины XII в., так как к этому времени уже относятся летописные известия о ней. Возникла Коломна в земле, населенной вятичами, в районе довольно плотного сельского населения [199].

Происхождение названия города «Коломна» неясно. И. Линдеман посвятил этому вопросу специальную брошюру [200]; но его историко-этимологические истолкования очень наивны [201]. Местом возникновения ранней славянской Коломны иногда считали район Староголутвинского монастыря,— мыс, образуемый в месте впадения Москвы-реки в Оку [202]. Возникновению города предшествовал ряд ранних поселений. Одно из таких поселений было исследовано близ с. Городище, расположенного по Москве-реке на расстоянии около 2 км выше устья речки Коломенки, в 0,5 км от ее современного русла. Здесь прослежены 3 культурных слоя — раннедьяковский, позднедьяковский и славянский XI—XII вв. [203].

На территории коломенского кремля также обнаружен слой позднедьяковского времени, перекрытый слоями XII—XIII вв. и позднейшими —

---

[192] ПСРЛ, т. I, стр. 162; т. VII, стр. 94.
[193] ПСРЛ, т. I, стр. 164.
[194] ПСРЛ, т. II, стр. 122.
[195] ПСРЛ, т. I, стр. 169, 170; т. VII, стр. 100.
[196] ПСРЛ, т. I, стр. 170; т. VII, стр. 101; т. X, стр. 18.
[197] ПСРЛ, т. I, стр. 182.
[198] ПСРЛ, т. I, стр. 221; т. VII, стр. 139.
[199] См. А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930.
[200] И. Линдеман. О происхождении названия г. Коломны. М., 1907.
[201] Например, основываясь на том, что якобы в Новгородской земле коломищем называлось могилище, место могил, И. Линдеман считает, что отсюда могут происходить многочисленные коломцы, коломны и т. п.
[202] О. П. Булич. Коломна. М., 1928, стр. 8 и сл.
[203] Н. П. Милонов. Историко-археологический очерк г. Коломны. Историко-археологический сборник Научно-исследовательского института краеведческой музейной работы. М., 1948, стр. 74—92.

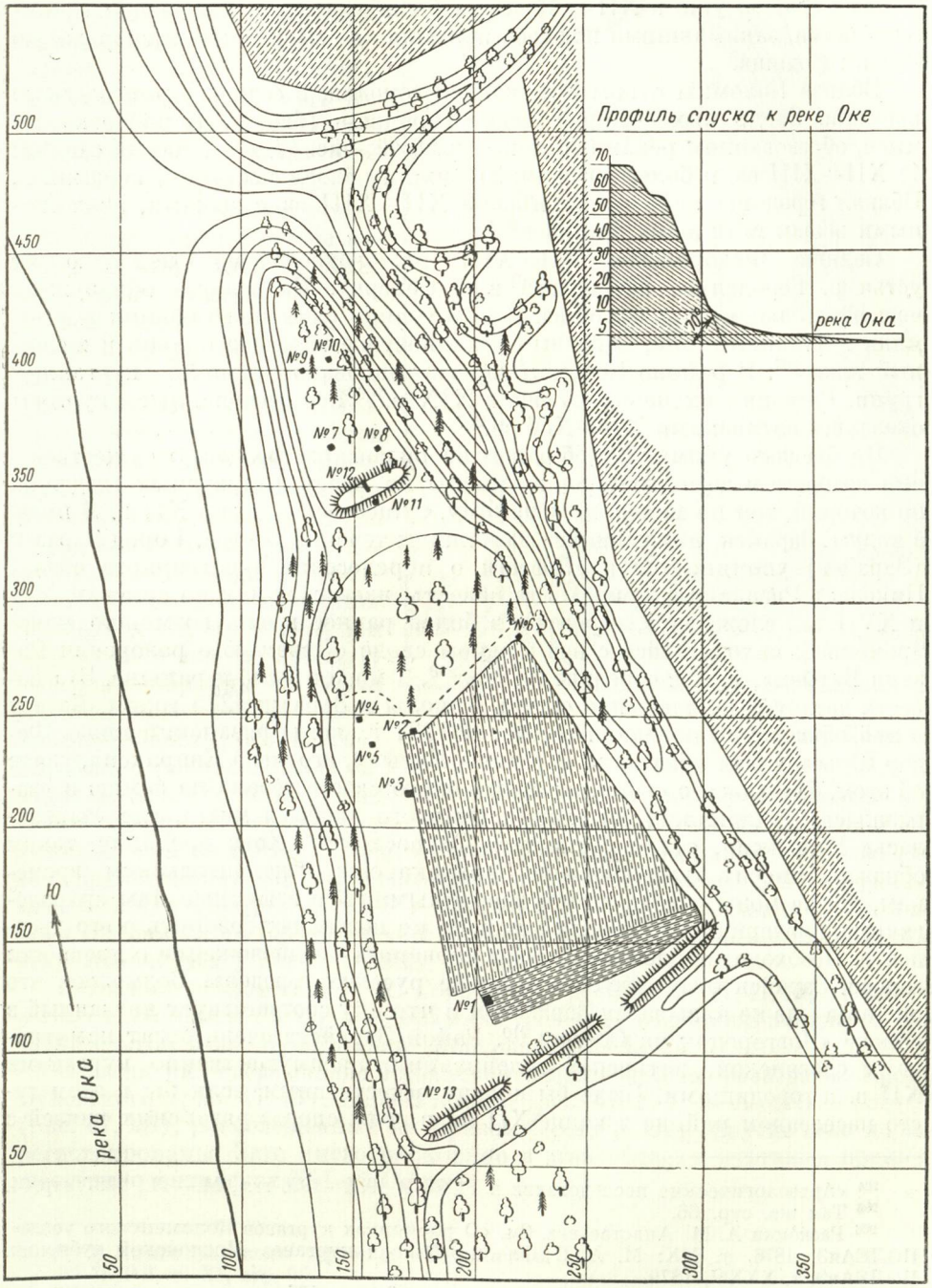


Рис. 106а. Ростиславльское городище. План. (По Н. П. Милонову).

до XVII в. включительно. В слое XII—XIII вв. вскрыто 5 жилищ ремесленников. Это бревенчатые избы, окруженные небольшими пристройками — мастерскими. Найдены сыродутные горны и кузницы. При раскопках земляного вала в кремле было установлено, что он насыпан в XII в. Таким образом, уже в XII в. Коломна была укреплена и населена ремесленниками, занимавшими под свои жилища и мастерские центральную часть городища.

Вблизи Коломны открыто несколько городищ и селищ домонгольского времени. Среди них — Карабчевское городище (близ с. Карабчевка, на мысе, образованном реками Желемой и Окой; рис. 47, *10*) с двумя слоями: 1) XII—XIII вв. и более поздним; 2) нижним слоем с сетчатой керамикой. Вблизи городища найдено погребение XII—XIII вв. с вещами, аналогичными вещам вятичских курганов [204].

Селище Федоровское XII—XIII вв. расположено недалеко от устья р. Городенки, впадающей в р. Северку. На селище обнаружена четырёхугольная полуземлянка. В культурном слое много обломков керамики курганного типа, найдены семилопастное височное кольцо и железный ключ [205]. В районе Коломны зарегистрировано свыше 25 курганных групп. Раскопки их начались еще в XIX в.[206] Все раскопанные курганы оказались вятичскими XII—XIV вв.[207]

Необходимо упомянуть об одном из рязанских городов, о существовании которого в домонгольское время мы не имеем достоверных сведений, но который, тем не менее, по-видимому, существовал уже в XII в. Я имею в виду г. Зарайск, находящийся на нижнем течении Осетра. Город Заразск (Зарайск) упоминается в «Повести о перенесении чудотворного образа Николы в Рязанскую землю». Эта повесть, известная нам по спискам XVI и XVII вв., сложилась, вероятно, в более раннее время, возможно, одновременно с находящейся с ней в одном своде «Повестью о разорении Рязани Батыем», т. е. в середине XIV в. [208], а может быть, и раньше. Эта повесть датирует перенесение образа Николы в Заразск 1225 годом. Дается в ней объяснение названия города. В 1237 г., когда рязанский князь Федор Юрьевич был убит на р. Воронеже Батыем, его жена Евпраксия, узнав об этом, бросилась с сыном из превысокого своего терема на землю и «заразилась» (ударилась) до смерти. От этого якобы и место, где «заразилась» Евпраксия, стало называться Заразском [209]. Хотя предание, таким образом, относит существование Зарайска еще к домонгольским временам, мы не можем быть в этом уверенными. Все известные нам археологические материалы из города Зарайска не позволяют говорить о его древности. Необходимы раскопки, чтобы проверить предположение о древности города. Зарайск отсутствует в «Списке русских городов». Возможно, что он тогда еще не назывался Зарайском и что ему соответствует названный в списке «Новгородок на Осетре» [210]. Район Зарайска очень богат памятниками славянской, вятичской колонизации, преимущественно курганами XII в. и городищами. Было бы вполне естественным, если бы в этом густо населенном районе в конце XII в., в годы споров рязанских князей с

---

[204] «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», М.— Л., 1937, стр. 64.

[205] Там же, стр. 66.

[206] Раскопки А. М. Анастасьева. См. «О раскопках курганов Коломенского уезда». ИОЛЕАиЭ, 1876, т. XX; М. А. Саблин. Список курганов Московской губернии. ИОЛЕАиЭ, т. XXXV, 1879.

[207] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 166.

[208] «Воинские повести древней Руси». М.— Л., 1949, статья Д. С. Лихачева — «Повесть о разорении Рязани Батыем».

[209] «Воинские повести древней Руси», стр. 252, 253.

[210] М. Баранович предполагал, что Новгородок мог находиться на месте с. Городни при впадении Осетра в Оку («Материалы для географии и статистики..., стр. 541).

черниговскими, был основан г. Зарайск как оплот на западных границах Рязанской земли против Чернигова. Что же касается названия города, то, если отбросить средневековую легенду о «заразившейся» Евпраксии, всего вероятнее, что название происходит от находящихся близ города «зараз» — оврагов.

Среди северо-восточных рязанских городов нужно назвать г. Перевитск [211]. Хотя он впервые упоминается в летописи только в XIV в. (в связи с путешествием Пимена в 1389 г. [212]), но на городище, обычно отожествляемом с этим городом, найден домонгольский слой; поэтому можно предположить, что упоминаемый только в XIV в. город существовал уже в домонгольское время. Перевитское I городище находится на правом берегу р. Оки при впадении в нее р. Вобли, у северной окраины с. Горки (Луховицкого района, Московской области; рис. 47, *26*). Городище, расположенное на высоком мысе, с северо-запада и юго-востока охвачено глубокими оврагами и окружено валом (рис. 106б). Вал идет по гребням оврагов и наружных рвов не имеет. Только с напольной (юго-западной) стороны, где нет оврагов, заметны следы небольшого рва. По-видимому, в конструкцию вала входили городни. В 1905 г. полой водой были подмыты земляные валы Перевитского городища; они оползли, и из-под насыпи были заметны углы рубленных в лапу дубовых срубов [213].

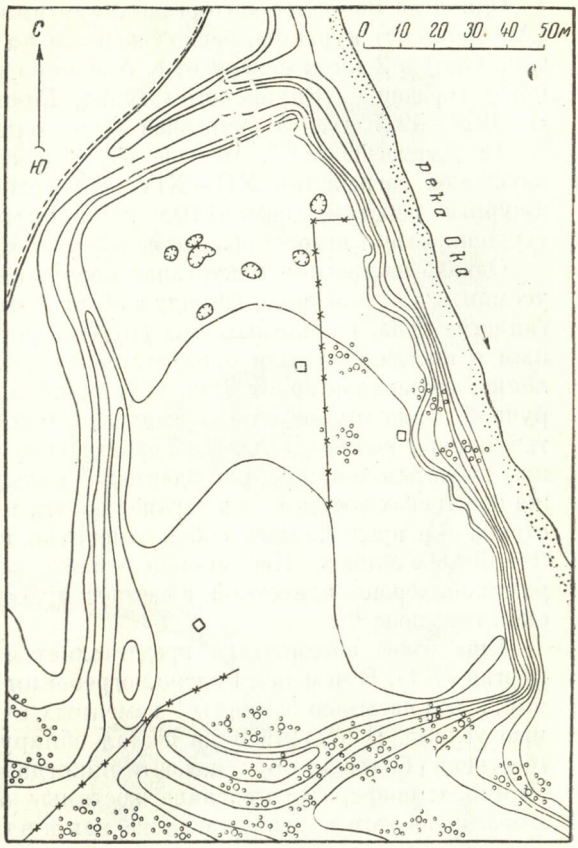


Рис. 106б. Перевитское I городище. План

Городище обследовано В. А. Городцовым в 1895 г. и П. П. Ефименко — в 1928 г. Найдены гончарная керамика XI—XIII вв., кости животных, остатки очагов и др. Культурный слой равен 75—45 см [214].

Селища на северо-западе Рязанской земли почти не разведаны. Кроме Буковского (рис. 47, *24*), Перевитского (рис. 47, *27*) и Алпатьевского [215] (рис. 47, *28*), расположенных на правом берегу р. Оки, другие пока не зарегистрированы. Зато много раскопано в этой области курганов, преимущественно вятичских XII—XIV вв.

---

[211] В Книге Большого Чертежа — Перевитеск.

[212] ПСРЛ, т. XI, стр. 95.

[213] Сообщение в заседании Рязанской ученой архивной комиссии 11 марта 1909 г. ТРУАК, т. XXIV, вып. 1, 1910, стр. VII.

[214] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты..., стр. 547, 548; П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков и др. Материалы по археологическому обследованию 1928 г. р. Оки. НАРМ, № 677.

[215] «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», стр. 177, № 285, 286 и 286а.

Одной из наиболее интересных курганных групп являются Палецкие (Аксеновские) курганы, расположенные на берегу р. Вобли (правого притока Оки) в 2 км к северу от с. Аксеново вблизи Луховицкого I (Палецкого) городища (Зарайского района, Московской области; рис. 47, *21*). В 1926—1927 гг. 5 курганов (из одиннадцати) были раскопаны А. В. Дмитревской [216]. Четыре кургана содержали обычный инвентарь вятичских погребений XII—XIV вв.— семилопастные височные кольца, ажурные перстни, замкнутые ложновитые кольца, бипирамидальные сердоликовые и шарообразные из горного хрусталя бусы и т. д.

Однако найденная в курганах керамика заставила исследовательницу усомниться в этой дате. Наряду с обычными славянскими горшками «курганного» типа, сделанными на круге и украшенными волнистым, линейным и иногда ямочным орнаментом, встречены обломки горшков ручной лепки, составлявшие от 7 до 17% общего количества обломков. Горшки ручной лепки имеют слегка выпуклые бока, прямой или немного отогнутый наружу венчик, покрытый орнаментом в виде косых насечек, нанесенных зубчатым чеканом, или вдавлений пальцем. Орнамент встречается также на стенках сосудов — в верхней части, под горловиной или по перегибу стенок — и представляет собой отпечатки зубчатого чекана в виде косых линий либо зигзага. Несомненно, что мы имеем здесь дело с вятичской керамикой, хорошо известной, в частности, из раскопок на Большом Боршевском городище [217].

Еще более загадочным представляется пятый курган (по отчету — курган № 1). В нем не найдено погребения и обычных вятичских украшений, а под насыпью открыты 2 каменных очага и у очагов ямки, заполненные углями. В насыпи и на очагах обнаружено 20 предметов — преимущественно бытовые орудия, почти никогда не встречающиеся в вятичских курганах: шиферные пряслица, костяные острия, железные ножи и т. п. Керамика в этом кургане такая же, как и в остальных четырех. А. В. Дмитревская решила, что «этот курган являлся местом тризны, на очагах его варилась пища или сжигались жертвы, остатки которых полагались в ямы у очагов (стенки их покрыты слоем необожженной глины») [218]. По мнению А. В. Дмитревской, исследованные курганы являются вятичскими погребениями конца XI в. и начала XII в.

Отчет и выводы А. В. Дмитревской вызывают ряд сомнений. Украшения, найденные в курганах, не позволяют их датировать временем ранее XII в., но в это время у вятичей уже не бытовала лепная керамика. В вятичских курганах никогда не встречались очаги для жертвоприношений, да и весь инвентарь, найденный в кургане № 1, не обычный погребальный, а соответствующий находкам в жилом слое.

Трудно делать выводы о чужих, плохо документированных раскопках, но я думаю, что «загадка» Палецких курганов решается следующим образом. Курганное кладбище XII в. возникло на территории раннего вятичского поселения, из культурного слоя которого лепная керамика и попала в насыпи курганов. При раскопках только одного кургана (№ 5) найдено 625 обломков керамики, по-видимому, от разных сосудов. По описи, приложенной к отчету, трудно установить, сколько было сосудов (коллекция не сохранилась), но только в насыпи была найдена значительная часть одного разбитого горшка, остальные же обломки, судя по различиям в орнаменте,— по крайней мере, от 36 сосудов. Ни в один из вятичских курганов не клали посуду в таком количестве. Загадочный «курган» № 1 с очагами

[216] А. В. Дмитревская. Палецкие курганы. СА, IV, 1937, стр. 289—299.
[217] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА № 8, 1948, стр. 36, табл. I, II.
[218] А. В. Дмитревская. Ук. соч., стр. 298, 299.

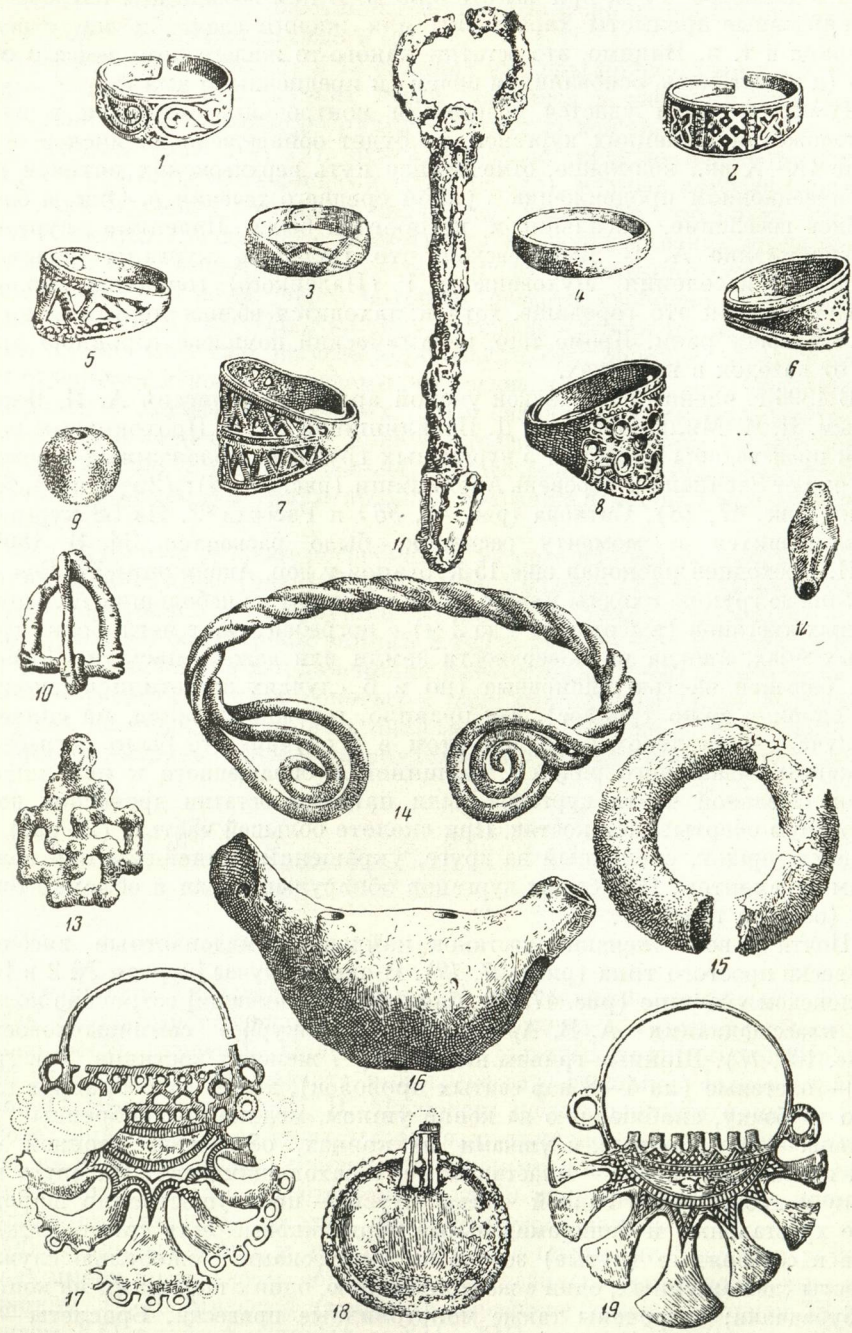


Рис. 107. Вещи из Зарайских курганов.

1—8 — перстни; *9* — шаровидная хрустальная бусина; *10* — поясная пряжка; *11* — железная поделка; *12* — сердоликовая бипирамидальная бусина; *13, 18* — привески; *14* — браслет; *15* —медная накладка; *16* — глиняная свистулька; *17, 19* — височные кольца.

имеет в диаметре 14 м, при высоте 0,65 м. В нем вообще нет погребения. Все найденные предметы характерны для жилого слоя — ножи, стрелы, пряслица и т. п. Видимо, это остатки какого-то жилого комплекса с очагами (а может быть, основаниями печей) и предпечными ямами.

Думаю, что если удастся произвести контрольные раскопки в месте расположения Палецких курганов, то будет обнаружено вятичское поселение IX—X вв., возможно, отмечающее путь верхнеокских вятичей при колонизационном продвижении в район среднего течения р. Оки, и более позднее поселение, могильником которого и были Палецкие курганы. Предположение А. В. Дмитревской, что Палецкие курганы являются кладбищем населения Луховицкого I (Палецкого) городища, маловероятно, так как это городище, хотя и находится вблизи курганов, но на другом берегу реки. Кроме того, керамический комплекс городища отличен от находок в курганах.

В 1896 г. членами Рязанской ученой архивной комиссии А. И. Черепниным, П. Н. Милюковым, А. Д. Повалишиной, И. И. Проходцевым и др. были произведены раскопки 5 курганных групп, расположенных к северо-востоку от Зарайска у деревень Апоничищи (рис. 47, *34*); (2 группы), Козловки (рис. 47, *18*), Ситкова (рис. 48, *36*) и Рассохи [219]. Из 58 курганов, сохранившихся к моменту раскопок, было раскопано 34. В 1897 г. И. И. Проходцев раскопал еще 15 курганов у дер. Апоничищи [220]. Все эти курганные группы сходны между собой и состоят из небольших полушаровидных курганов (высотой от 1 до 2 м) с погребениями в неглубоких грунтовых ямах, иногда на поверхности земли или даже в насыпи. Погребения большей частью одиночные (но в 6 случаях встретились двойные, а в одном — даже тройное), как правило, головой на запад, на спине (в 6 случаях — на левом боку, при этом в 2 случаях это было погребение мужчины, лежавшего рядом с женщиной и обращенного к ней лицом). В значительной части курганов были найдены остатки древесной коры, в которую обертывался костяк. При скелете большей частью (25 раз) находился горшок, сделанный на круге, украшенный линейным или волнистым орнаментом. В насыпях курганов обнаружены угли и обломки горшков (остатки тризны).

Почти у всех женских костяков найдены семилопастные височные привески простого типа (рис. 107, *19*). В одном случае [курган № 2 в Кривишенском урочище (рис. 47, *33*), близ дер. Апоничищи] встречено кольцо, по классификации А. В. Арциховского, «ажурное семиязычковое» [221] (рис. 107, *17*). Шейные гривны найдены у 7 женских костяков. Три гривны — плетеные (из 4—8 пар свитых проволок), концы их собраны в гладкую трубочку, снабженную на конце ушком, медные посеребренные. Две гривны — проволочные, с ушками на концах, обтянутые двойной свитой проволокой, и две — пластинчатые, с заходящими друг на друга концами и проволочной задней частью. Бусы — преимущественно шаровидные хрустальные и бипирамидальные сердоликовые, есть синие стеклянные и серебряные (дутые) зерненые. Привесками к ожерелью служили кресты (два ажурных, один с желтой эмалью, один с шариками на концах) и бубенчики; встречены также монетовидные привески. Браслеты — литые круглые ложнозавязанные, проволочные тройные, четверные и витые

---

[219] П. Н. Милюков. Ук. соч. (Труды X АС), стр. 16—30; А. И. Черепнин. Дневник раскопок курганов, произведенных в 1896 г. членами РУАК. ТРУАК, т. XI, вып. 1, 1896, стр. 130—152; А. А. Спицын. Материалы по доисторической археологии России. Рязанские курганы. ЗРАО, т. X, вып. 1 и 2, 1898, стр. 334—340.

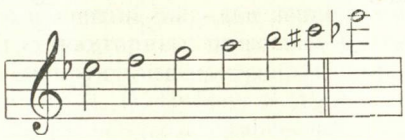
[220] И. И. Проходцев. Кривишенские курганы. ТРУАК, т. XIII, вып. 1, 1898, стр. 81—85.

[221] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 52, 53, рис. 43.

(2 × 3) [222]. Перстни — пластинчатые, прямые и широкосрединные, решетчатые одно- и двухзигзаговые и др.

При мужских костяках в 12 случаях найдены ножи (девять в ногах и три — у пояса). В 2 случаях ножи оказались в женских погребениях. Один нож имел деревянную ручку, обтянутую кожей. Обнаружены поясные пряжки (рис. 107, *10*), поясные кольца, медные кольцевидные накладки с разомкнутыми концами (рис. 107, *15*), медные пуговки с ушками. При двух мужских костяках оказались железные поделки, которые А. А. Спицын сравнивает с известными из скандинавских древностей и описывает следующим образом: «Они состоят из железного стержня, оканчивающегося головкой, через которую продето свободно вращающееся кольцо (рис. 107, *11*). Один из таких стержней лежал на левой плечевой кости и, следовательно, по всей вероятности, был положен на труп сверху как отдельная вещь (этот экземпляр весьма интересен тем, что стержень находился в деревянных ножнах, даже снабженных медным наконечником); второй лежал накрест с ножом у голени правой ноги на лубе; по обе стороны лежали 2 поясных кольца, прихваченные с 2 сторон узкими ремешками, причем под одним кольцом сохранился кусок вдвое сложенной кожи» [223].

Над впускным детским погребением в одном из курганов была найдена глиняная свистулька (рис. 107, *16*). П. Н. Милюков сделал интересные выводы относительно этой игрушки: «В шейке находится отверстие, в которое дуют; по обе стороны спинки и сзади хвоста — пять круглых дырочек, предназначенных для изменения высоты звука. Если зажать пальцами нижнее отверстие, четыре боковых и одно хвостовое, и потом, не отнимая нижнего, по очереди открывать сперва правые отверстия, потом хвостовое и левые и, наконец, нижнее, то получится следующая своеобразная гамма:



Это чрезвычайно архаическая гамма, не признающая полутонов, движущаяся большими секундами и потому имеющая в своем распоряжении только шесть ступеней. Она несколько развитее пятиступенной китайской гаммы, но менее развита чем греческая, легшая в основу европейской» [224]. Вряд ли вывод П. Н. Милюкова можно целиком принять. Ведь высота тона зависит от силы дыхания, и, конечно, не так просто высвистать на этой свистульке приведенную гамму; но об этом должны судить специалисты, которые к сожалению, за 60 лет, прошедших со времени публикации рязанской находки, ею не заинтересовались.

Об остальных вещах и деталях обряда я писать не буду, так как читатель имеет возможность обратиться к названным выше подробным публикациям. П. Н. Милюков датировал Зарайские курганы концом XI в.— началом XII в., А. А. Спицын — XII—XIII веками. Пользуясь датировками, установленными исследованием А. В. Арциховского о вятичских курганах, в Зарайских курганах мы можем усмотреть признаки, характерные для всех трех, намеченных им, стадий вятичских трупоположений,

---

[222] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 12.

[223] А. А. Спицын. Рязанские курганы, стр. 340; его же. Дневник раскопок..., стр. 9.

[224] П. Н. Милюков. Ук. соч. (Труды X АС), стр. 26, 27.

и датировать их XII—XIV веками. Наиболее длительный срок просуществовала группа курганов у с. Апоничищи; Рассохинские и Козловские относятся к 1-й стадии — XII в.

От Зарайских курганов отличаются по найденным в них вещам курганы вблизи Ростиславля, исследованные в 1870 г. Бочарниковым [225]. Всего было раскопано 6 курганов. Насыпи полушаровидные, низкие (0,5—0,65 м); погребения — в грунтовых ямах, головой на запад. Найдены перстневидные гладкие проволочные кольца, пластинчатые браслеты с суживающимися краями, простые проволочные перстни, бубенчик. Выше, в связи с описанием Рубцовских курганов, уже указывалось, что подобный инвентарь, хотя и встречается иногда в вятичских курганах, но для вятичей не типичен и может свидетельствовать о проникновении каких-то групп славянского населения из Поднепровья.

Значительно южнее находятся курганы, раскопанные в 1898 г. И. И. Проходцевым в окрестностях с. Осово на правом берегу р. Осетра [226] (рис. 47, *65*). Они относятся к той же западной (для Рязанской земли) группе вятичских погребений, что и Зарайские курганы. Всего в группе было 10 курганов, из которых раскопано семь. Это небольшие полушаровидные насыпи с погребениями в неглубоких могильных ямах, головой на запад. В 2 курганах найдены семилопастные височные кольца, шаровидные бусы из горного хрусталя, бубенчик, перстневидные височные кольца, решетчатые перстни с несведенными концами, литой пластинчатый перстень со штампованным орнаментом в виде креста. Осовские курганы датируются по вещам XIII—XIV веками. Следует отметить, что Осовские курганы, как и большинство других курганных групп в Рязанской земле, расположены вблизи небольшого городища, которое, впрочем, не исследовано. Но можно предположить, что курганы являются могильником населения этого городища.

XX

Север и восток Рязанской земли. Мещерский район. Селища в районе Касимова. Селища на Цне. Копоново. Кадом. Муром

Северный и южный Мещерские районы — край лесов и болот — и поныне отличаются редким населением. Мы уже отмечали, что славянская колонизация этого района шла из кривичских, а не вятичских земель, что ассимиляция русскими местного населения относится к XIII—XIV в. и что мы не знаем здесь славянских памятников, относящихся к домонгольскому времени. Единственное зарегистрированное здесь славянское селище близ с. Ершово не может быть точно датировано, но, судя по керамике, относится к XIV—XVI вв. [227] Следует отметить, что и это селище расположено не в собственно Мещерском районе, а на Спас-Клепиковской моренной гряде.

---

[225] Бочарников. Памятники древности близ погоста Ростиславля Зарайского уезда. «Антропологическая выставка», т. II, ИОЛЕАиЭ, т. XXXI, М., 1878, стр. 398; «Древности», т. X, 1885, стр. 95; А. А. Спицын. Обозрение..., стр. 236, 237.

[226] И. И. Проходцев. Осовские курганы (дневник раскопок). ТРУАК, т. XIV, вып. 1, 1899, стр. 73—76.

[227] Обследовано О. Н. Бадером. Архив ИА, № 1060/33.

Касимовский район лежит вне пределов Рязанской земли. Это область кривичской колонизации, и тянула она к Мурому и Суздалю, а не к Рязани. Даже Городец-Мещерский, вероятно, был построен в XII в. как опорный пункт Владимиро-Суздальского княжества в земле мещеры [228]. Бассейн р. Цны в X—XIII вв. — это мордовские земли. Известные здесь славянские селища Ново-Березовское (рис. 47, *199*), Старо-Березовское (рис. 47, *200*), Колдамышевское (рис. 47, *201*), Старо-Чернеевское (рис. 47, *214*) датируются XVI—XVII веками и относятся к поздней русской колонизации военно-служилым населением, водворенным здесь для охраны государственной границы. Селище близ с. Вялсы [229] (рис. 47, *202*) не датировано. Несколько сложнее вопрос с селищами Лесным-Ялтуновским и Польным-Ялтуновским. Первое из них — многослойный памятник с находками эпохи неолита, бронзового века, раннего железного века и славянскими до XVII в. Оно было обследовано Н. П. Милоновым (1944 г.) и В. И. Зубковым (1949—1950 гг.) [230]. Н. П. Милонов упоминает в отчете о слое со славянской керамикой XI—XIII вв. Однако в коллекции, хранящейся в Рязанском музее, нет материалов, подтверждающих эту дату. В 1950 г. здесь раскопаны 2 жилища XVI в. По-видимому, все славянское селище относится к этому времени и к позднейшему, что подтверждается также находками монет Ивана IV и Бориса Годунова.

Польное-Ялтуновское селище раскапывалось В. И. Зубковым, датировавшим найденную здесь землянку VII—VIII веками [231]. Дата эта весьма сомнительна. В коллекции, сданной автором в Рязанский музей, не выделен инвентарь, относящийся собственно к жилищу. Но вся керамика, найденная на селище, может быть разделена на 2 группы: круговую, несомненно, датируемую временем не ранее XVI в. (по сходству с московской и переяславль-рязанской того же времени), и грубую лепную, подобную той, которую и поныне изредка лепят в мордовской деревне. Эта керамика без всяких характерных признаков древности может принадлежать любой эпохе и датирующим материалом не является. По-видимому, эту последнюю керамику В. И. Зубков и отнес к VII—VIII вв. и по ней датировал жилище. Таким образом, славянские поселения в бассейне Цны возникают не раньше XVI в.

Одним из крайних северо-восточных пунктов Рязанской земли было, видимо, Копоново. Под 1187 г. в летописях сказано, что Всеволод, идя с союзниками из Коломны на Рязанскую землю, «перебродивше Оку, идоша Копонову» (так в Радзивилловском и Академическом списках; в Лаврентьевском — «к Попову», что, по-видимому, является ошибкой). Нигде не сказано, что Копонов был городом [232]. Из летописи видно, что Копонов

---

[228] Неизвестно, на основании какого источника А. Щекатов утверждал, что Городец-Мещерский был построен в 1152 г. Юрием Долгоруким (Словарь географии Российского государства, ч. II, М., 1804, слово «Городец»). Под другим словом — «Касимов» (ч. III) А. Щекатов говорит, что время основания этого города неизвестно. Предполагается, что Касимов ранее назывался Городцом-Мещерским. (В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. I. СПб., 1863, стр. 26). В перечне городов, якобы основанных Юрием Долгоруким, содержащемся у В. Н. Татищева (кн. III, стр. 76), Городца-Мещерского нет, да и сам перечень, очевидно, не основан на летописных известиях, а является догадкой В. Н. Татищева.

[229] КРОМ, № 1556.

[230] КРОМ, № 1472; Н. П. Милонов. К изучению археологических памятников и истории сел и городов на территории Рязанской области. Рязань, 1949, стр. 18; Картотека ОПИ, № 14; «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». М., 1956, № 338.

[231] КРОМ, № 1472; «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», № 337.

[232] Он так назван лишь в указателе к изданию летописи по Лаврентьевскому списку 1872 г., стр. 35.

лежал в Рязанской земле, по ту сторону Оки (если идти из Коломны на юго-восток). Было высказано предположение, что Копонов, о котором идет речь в летописи, это с. Копоново, находящееся на Оке в 42 верстах от Касимова, вблизи Терехова монастыря, который в последующие времена якобы «постоянно считался пределом Рязанской земли к северо-востоку» [233]. Действительно, на пути из г. Спасска к Касимову находится «Копонов перевоз»; этот перевоз назван по лежащей вблизи от него, за Окой, деревушке, которая расположена на бугре левого берега Оки, близ речки Мысцы, впадающей в Оку [234]. Село Копоново — единственное место в Рязанской земле, где, судя по топонимике, можно предполагать летописное Копоново. Однако на пути к Пронску из Коломны Всеволоду не к чему было попадать в с. Копоново, лежащее далеко к северо-востоку [235]. Поэтому вопрос о местонахождении летописного Копонова нельзя считать окончательно решенным.

На северо-востоке, далеко за рязанскими пределами, в мордовских землях находился г. Кадом. Никоновская летопись сообщает (под 1209 г.), что в Кадоме был убит рязанский тысяцкий Матвей Андреевич. Кадом лежал в землях мордвы, на р. Мокше, и поэтому известие Никоновской летописи, которое понимали как указание на то, что в Кадоме постоянно сидели рязанские тысяцкие, казалось неправдоподобным. А. Н. Насонов относит его к «искажению исторической действительности» [236]. Однако В. Н. Татищев разъясняет, что Матвей Андреевич был убит в 1209 г. в бою с булгарами за Кадом [237]. Хотя для нас остается неясным, была ли сделана рязанцами попытка захвата мордовского Кадома, или просто здесь встретились рязанские и булгарские войска, у нас нет оснований ни недоверять этому известию, ни понимать его как указание на то, что в Кадоме постоянно сидели рязанские тысяцкие. Вместе с тем следует отметить, что в районе г. Кадома, в лесной полосе, в коренных мордовских землях мы встречаем славянские поселения, свидетельствующие о проникновении сюда рязанцев. Мокшинское и Армыжевское славянские селища, датированные Н. В. Говоровым XII—XIV веками, расположены в непосредственной близости к г. Кадому, среди мордовских селищ, городищ и могильников [238].

Борьба муромских и владимирских князей с мордвой (в ней постоянно участвовали и рязанские князья), а также внутренняя борьба мордвы (Пугас и Пуреш), способствовали проникновению русских феодалов в глубь мордовской территории; возможно, что одним из опорных пунктов такого проникновения и был Кадом. Археологическое изучение Кадома не проводилось. По-видимому, современный город Кадом перенесен на то место, которое он занимает только в XV в., со Старо-Кадомского городища [239]. Последнее находится на правом берегу р. Мокши, на высоком язы-

---

[233] ЖМВД, 1848, ч. XXI, стр. 378.

[234] Е. Будде. Заметки о городе Копонове нашей летописи. ИОРЯС, 1898, т. III, кн. 1, стр. 142—144.

[235] На это справедливо указывает Н. В. Любомудров («Местногеографические древности...», стр. 530, 531).

[236] А. Н. Насонов. «Русская земля»..., стр. 207, 208.

[237] В. Н. Татищев. История российская..., кн. III, стр. 365. Возможно, что В. Н. Татищев и составитель Никоновского свода пользовались одной и той же, не дошедшей до нас летописью. (См. И. Сенегов. Историко-критические исследования о новгородских летописях и о Российской истории В. Н. Татищева. М., 1887, стр. 315, 316).

[238] Н. В. Говоров. Предварительный отчет о поездке в Кадомский район. 1930 г. НАРМ, № 417.

[239] А. Норцов. Историко-археологическая карта Тамбовской губернии. Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 г., стр. 83.

кообразном мысе, кривой линией выдающемся с запада на север и стрелкой выходящем к обрыву над р. Мокшей. Около городища находится могильник. По сведениям краеведов, в конце XIX в. в обрыве над Мокшей были видны старые дубовые колоды — гробы и человеческие кости. На городище попадались старинные запястья, браслеты, кольца, бусы, удила и т. п.[240]

Один из древнейших русских городов — Муром лишь отчасти может рассматриваться как город Рязанской земли. Муром с Рязанью объединяла в течение некоторого времени только общая княжеская династия, а позже — одна епархия. Но по всем своим историческим судьбам Муром больше связан с Владимиро-Суздальским княжеством, чем с Рязанским. Сама колонизация славянами Муромской земли шла из других районов, а не из Рязанской земли. Мурома была вытеснена или ассимилирована пришедшими с севера-запада кривичами[241], а Рязань колонизована пришедшими с юга и юго-запада вятичами. И позже, в феодальное время, когда исчезали былые племена, торговый путь по Клязьме прочно объединял Муром с землями кривичской колонизации.

Поселение на месте Мурома, сохранившего свое дославянское название, уже существовало в IX в. Видимо, оно было важным торговым пунктом благодаря близости его к мордовским землям и к Булгарскому царству. О его значении в торговле можно судить по знаменитому огромному кладу восточных монет 715—935 гг., найденному в 1868 г. в кремлевской части города. В конце X в.— начале XI в. в Муроме был самостоятельный князь Глеб Владимирович, убитый по приказу Святополка Окаянного. В конце XI в. Муром уже считался значительным «градом» на Оке. К сожалению, археологическое изучение Мурома ограничилось небольшой разведкой, поэтому трудно представить себе историю города по археологическим данным. По мнению руководителя Муромской археологической экспедиции 1946 г. Н. Н. Воронина, заселение городской территории восходит еще к эпохе городищ «дьякова» типа, следы которых имеются к северу от города и которые, вероятно, были также в его центральной части[242]. Обследование кремлевской горы и посада (около церкви Николы-Набережного) показало, что нижний слой древнейшего дорусского поселения датируется здесь VIII—X веками. Он очень беден находками. Кроме лепной керамики и костей домашних животных, здесь найдены обугленное просо и единичные поделки из кости (пряслице, крюк, кочедык, четырёхгранная стрела).

Вышележащий слой русского города X—XIII вв. резко отличается своей интенсивностью, мощностью и обилием разнообразных находок. Лепная керамика еще бытует, но уступает первое место «курганной». Много найдено стеклянных браслетов, шиферных пряслиц и других предметов, обнаруживающих единство культуры находящегося далеко на востоке Мурома с культурой остальной Русской земли[243]. Судя по результатам раскопок, можно предположить, что в основе города лежала группа муромских селищ, занимавших береговую гряду Оки[244]. Но полное пред-

---

[240] Проскурников и Розанов. Археологическая карта Тамбовской губернии. Известия Тамбовской ученой архивной комиссии, вып. XXVI, 1889.

[241] А. А. Спицын. Основные русские племена (по данным археологии). Выступление на 2-м совещании этнологов ИПО, 1927 г. «Культура и быт населения Центрально-Промышленной области». М., 1929, стр. 28—30.

[242] Н. В. Воронин. Муромская экспедиция. КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 136—139.

[243] Н. Н. Воронин. Ук. соч., стр. 139.

[244] Е. И. Горюнова. Итоги работ Муромской экспедиции. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 39; ее же. К истории городов Северо-Восточной Руси. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 12—14.

ставление об истории возникновения города мы получим лишь тогда, когда будут обследованы и другие части города, где возможны древние городища.

Сохранились какие-то легенды о том, что первоначальный город XI в. находился на «Старом Городище», где позже была поставлена церковь Благовещения [245]. В «Сказании о граде Муроме» (XVI в.) сообщается, что город находился ранее «не на том месте, идеже ныне есть, но беяше негде в том же граде, отстояние имея не много от нынешнего града» [246]. М. Н. Тихомиров предполагает, что «нынешним градом» автор «Сказания» считал муромское «Старое городище» [247]. Были высказаны и другие предположения о местонахождении древнего Мурома. Среди них,— по-видимому, совершенно бездоказательное мнение Ходаковского, который искал древний Муром в 25 верстах от современного, в устье речки Муромки. Здесь нет никакого городища [248].

Муром, возникший в X в. как русский город среди иноплеменного населения, к XI в. превратился уже в важный центр русской колонизации северо-востока. В XI в. существовала уже особая муромская епископия, находившаяся при храме Бориса и Глеба. Интенсивный процесс феодализации сопровождался христианизацией края. Поздняя христианизация Мурома, описывающаяся в сказаниях XVI в., весьма вероятна, но относится она ко времени до XI в. [249] Муром как город, охранявший восточную границу древнерусского государства, и как столица пограничного Муромского княжества играл важную роль и должен был быть сильно укреплен. Если кремль XI в. был там, где находился кремль позднейшего времени (судя по раскопкам Н. Н. Воронина, это так), то он был окружен валами и рвами, и к северу от него располагался посад. Следы древних укреплений (впрочем, неизвестно, какого времени) показаны на планах XVIII в. В «Описании города Мурома», приложенном к генеральному плану, «конфирмованному в 1788 г.», говорится: «Кремль г. Мурома — при реке Оке по течению ее на левой стороне, которая называется нагорная, а правая — луговая. Оный город расположен на горе и оврагах по берегу означенной реки и разделяется на одну главную часть, называющуюся Кремль, на осыпи коего с трех сторон окружают земляные рвы, с восточной протекает река Ока...» [250].

Летописные данные о Муроме очень скудны, и нам почти ничего не известно о внутренней жизни города. Монгольское завоевание привело к его длительному упадку. Археологические слои в кремле датируются, главным образом, домонгольским временем. Лишь в XV—XVI вв., в связи с борьбой Москвы с Казанским ханством, Муром вновь приобретает на краткое время важное стратегическое и политическое значение.

В заключение необходимо сказать о городах, называемых в летописи «Рязанскими», но вряд ли бывшими в самом деле таковыми в домонгольское время.

Под 1147 г. Никоновская летопись сообщает, что князь киевский Изяслав Мстиславович «сотвори мир с Половцы у града у Воина в Рязани» [251]. Если такой город существовал, то во второй половине XIV в. он уже запу-

---

[245] Труды Владимирской ученой архивной комиссии, кн. 3, 1901, стр. 3—5.

[246] Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития святых. Приложение, стр. 100, 101 (ЧОИДР, 1915, кн. 3).

[247] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 430.

[248] Труды Владимирской ученой архивной комиссии, кн. 3, 1901, стр. 3—5.

[249] М. Н. Тихомиров. Ук. соч., стр. 431, 432.

[250] А. Л. Монгайт. Муром. Изд. Академии архитектуры СССР, М., 1947; Н. П. Травчетов. Город Муром и его достопримечательности. Владимир, 1903.

[251] ПСРЛ, т. IX, стр. 173.

стел. В 1365 г. Олег Иванович Рязанский разбил ордынского князя Тагая, разорившего Переяславль на месте, «нарицаемом под Шишевским лесом на Войне» [252]. В жалованной грамоте Олега Ивановича упоминается уезд Воинский (от озера Воинского к селу Санскому). Село Санское находится на Оке ниже Старой Рязани. Здесь есть речка Шиш (приток Тырницы, впадающей в Оку ниже Пары); от нее, наверное, произошло название «Шишевский лес» [253]. Напротив с. Санского, на правом берегу р. Оки, при озере Воинском подле с. Кривцово есть городище, ныне называемое «Седой Бугор». Оно находится на высоком холме и огорожено валом и рвом. Высота вала — 6 м. Культурный слой делится на 2 горизонта — раннего железного века и славянский [254]. Не есть ли это древний рязанский город Воино или Воин, упоминаемый в «Списке русских городов» после Торческа? Местность, где находится Кривцовское городище, принадлежит к степной стороне и в старину называлась «Дикое поле».

Вряд ли рязанским городом был Елец, хотя Никоновская летопись под 1147 г. сообщает, что Андрей Ростиславич пришел в Чернигов «Из Резани, с Ельца» [255]. Так же сомнительно утверждение Никоновской летописи, что в XII в. «рязанскими» были Тула, Мценск и Тешилов [256].

XXI

Основные выводы. Процесс развития городов. Материальная культура деревни.

Выше были рассмотрены исторические и археологические данные о всех населенных пунктах Рязанской земли, упоминаемых в письменных источниках до 1237 г. или открытых археологами в виде городищ и селищ.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что ни археологический термин «городище», ни летописный — «город» не соответствуют современному понятию «город». Часть городищ, действительно, представляет остатки городов, часть же является остатками укрепленных сельских поселений или боярских и княжеских усадеб. Городища еще недостаточно исследованы, чтобы можно было строго научно определить значение каждого из них. Мы можем не сомневаться в том, что городами были Старая Рязань, Муром, Пронск, Переяславль, но, предполагая, что Лубянское городище было городом, мы исходим только из больших размеров территории, охваченной его валами. Мы можем почти не сомневаться, что Новый Ольгов городок или Жокинское городище представляют остатки княжеских усадеб, но, при сравнительно большом объеме раскопок Казарского городища, мы пока не можем решить, к какой категории поселений следует отнести летописный «город» Казарь.

Процесс возникновения городов в Рязанской земле, как и в других русских землях, настолько сложен и многообразен, что нельзя уложить его

---

[252] ПСРЛ, т. XI, стр. 5.

[253] Н. В. Любомудров. Местногеографические древности..., стр. 528.

[254] НАРМ, № 342, 521; КРОМ, № 413.

[255] ПСРЛ, т. IX, стр. 173. Гораздо вероятнее, что Елец в XII в. принадлежал Северскому княжеству, а не Рязанскому, как показывает раздел волостей между сыновьями Михаила Всеволодовича Черниговского в середине XIII в.

[256] См. критику известий Никоновской летописи в книге А. Н. Насонова «Русская земля»..., стр. 209—211.

ни в какую заранее предложенную схему. Хотя общей причиной возникновения и роста городов были развитие местных производительных сил и, в первую очередь, концентрация отделившегося от сельского хозяйства ремесленного производства, каждый город развивался по-своему.

Мы видим, что славяне, колонизуя бассейн среднего течения р. Оки, занимали места древних поселений — городища городецкой культуры. Большинство таких городищ находится на Оке, всего шесть — на Проне и ни одного — на водоразделах или других реках. Таким образом, основной колонизационный поток шел по Оке и отчасти по Проне. Здесь и расположены все городища, относимые нами к 1-й группе,— мысовые, двуслойные.

Дальнейшая судьба этих городищ была различна. Одни так и остались небольшими сельскими поселениями, новые обитатели которых лишь подновили древние оборонительные сооружения. Население других настолько разрослось, что пришлось строить новые, охватывающие большую площадь укрепления, но социальная сущность поселения не менялась — это были разросшиеся деревни. Третьи превратились в большие города. Так, в основе Старой Рязани лежит городецкое городище. Его и заняли славяне, пришедшие сюда в X в. В XI в. Старая Рязань начала бурно развиваться, превратившись в важный торгово-ремесленный и административный центр. Появился большой посад, который в XII в. был обнесен стенами.

Городища 2-й группы возникли в результате, так сказать, «естественного» роста древних поселений, в процессе которого менялась их социальная сущность. Не всегда их «основой» служило городище; иногда это были сельские поселения. Так, старейший из городов Северо-Восточной Руси — Муром возник на основе муромских и русских селищ IX—XI вв., вошедших в городскую территорию и плотным кольцом окружавших город. На муромских поселках уже существовало развитое ремесло, которое сконцентрировалось на муромском посаде благодаря превращению Мурома в центр русской колонизации — крупную крепость на Оке [257]. Не в IX в., к которому относятся первые упоминания летописи о городе Муроме, а только в XI в. Муром стал крупным феодальным городом, средоточием ремесла и торговли.

Мы не знаем древних слоев в Переяславле-Рязанском, но не будет невероятным предположение, что здесь было городище-убежище для близлежащих открытых поселений — таких, как Борки, важное значение которых было выше отмечено. Позже вырос город Переяславль с посадом.

Все крупнейшие рязанские города расположены на судоходных реках, в важнейших узлах путей сообщения. Торговое значение городов несомненно. Крупнейшие города, подобно Старой Рязани вели оживленную торговлю с дальними районами. Ремесленники работали не только на ближайшую сельскую округу, но и на отдаленные рынки.

Феодальный город никогда целиком не отрывался от сельского хозяйства. И на Оке, и на Проне все сколько-нибудь значительные города лежат в окружении многочисленных селищ. Такую концентрацию селищ мы видим и вокруг Старой Рязани, и Переяславля, и Пронска. Города развивались, составляя центр сельскохозяйственной округи. Так, «гнездо городов» на Проне — Белгород, Ижеславль, Пронск, Ожск, по-видимому, связано с важнейшим черноземным земледельческим районом Рязанской земли. Здесь, на юге возникает и большинство городищ 4-й группы, т. е. поселений, вновь основанных славянами. В районах, физико-геогра-

---

[257] Н. Н. Воронин. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города. КСИИМК, вып. XLI, 1951, стр. 11.

фические условия которых обеспечивали развитие сельского хозяйства, мы встречаем наиболее густое население. В глухой лесной Мещерской стороне мы не знаем ни одного сколько-нибудь значительного поселения в славянское время.

Некоторые города возникли не в результате «естественного» разрастания древнего поселения, а были основаны князьями в военно-стратегических или политических целях. Иногда и в этом случае использовалось древнее мысовое городище, например — при основании Ростиславля; иногда укрепление строилось на новом месте, например — Жокинское или Ижеславльское городища. Таковы городища 3-й группы.

Археологические материалы, известные нам из городов Рязанской земли, показывают, что эти города были связаны единой историей культурного развития со Старой Рязанью, а через нее — с Черниговом и Киевом. В этих городах были известны все культурные достижения Руси. В краю, только в X в. колонизованном вятичами, возникли важные ремесленные и культурные центры. И среди них вырос крупнейший древнерусский город — Старая Рязань.

Для истории Рязанского края немаловажную роль играют те сведения о городищах и селищах, которые удалось почерпнуть из письменных и археологических источников. Они позволяют, в частности, прийти к выводу, что развитие городской жизни X—XIII вв. в Северо-Восточной Руси шло по тем же путям, что и в других русских землях, и развивалось синхронно с ними. Нет никаких причин утверждать, что Северо-Восточная Русь была якобы отсталой. Разрушение русских городов монголами было неизмеримым несчастьем, но даже наиболее пострадавшие города, если они не исчезали совершенно, в своем последующем развитии сохранили традиции и завоевания городской культуры «киевского» (или, как чаще принято называть, «домонгольского») периода. История Старой Рязани, Пронска, Переяславля-Рязанского доказывает, что, несмотря на все бедствия ига, города продолжали жить и развиваться.

Что касается, сел, то как ни фрагментарны наши материалы, можно сделать некоторые выводы. Кроме сельских поселений, окруженных валами (городищ, но не городов), в Рязанской земле зарегистрировано значительное количество открытых поселений. В большинстве они располагаются вдоль рек; культурный слой представляет длинную, но узкую полосу. Даже без значительных раскопок можно себе представить, что планировка таких селищ, как Кисьвянское, Льговское, Борисо-Глебское I, была линейной — жилища были вытянуты в одну или две линии над рекой, оврагом, на надпойменных террасах. Иную картину представляют, видимо, более ранние Казарские селища; их план можно представить себе как кучевой (гнездовой).

Материальная культура деревень немногим отличается от культуры современных им городов. За исключением отдельных вещей — таких, как стеклянные браслеты, шиферные пряслица, импортная керамика,— остальной инвентарь находок в общем близок. Наибольшее сходство представляют керамические комплексы деревень и близлежащих городов. По-видимому, эти села целиком обслуживались городскими ремесленниками, и местного производства в них не было.

Курганный обряд погребения дольше всего удерживался в русской деревне, поэтому раскопки курганов в какой-то мере могут дать материалы для истории деревни. Но материалы эти очень односторонни и ограничены. Поздние вятичские курганы, как правило, не содержат бытовых предметов, кроме украшений и частей одежды. Для некоторых выводов о деревенском ремесле и быте они пригодны, но целостной картины деревенской жизни по курганным инвентарям получить нельзя. Некоторые

соображения можно высказать на основании подсчета количества курганов в курганных группах. Например, курганы Рязанской земли составляют небольшие группы, насчитывающие от 8—10 до 40—50 курганов в группе. Это свидетельствует о небольшом количестве населения рязанских деревень, представляющих, очевидно, небольшие поселения. Однако следует учесть, что курганов в Рязанской земле сохранилось немного; распашка земель в последние десятилетия уничтожила множество курганов, известных еще по источникам XIX в. Вероятно, и в сохранившихся группах количество курганов, известных археологам, не соответствует первоначальному их количеству.

В следующей главе мы еще вернемся к доказательству некоторых конспективно изложенных в настоящем заключении выводов.

IV

Рязанская земля в X–XIII веках

XXII

Вятичская колонизация. Уровень культуры вятичей. Независимость вятичей.

Колонизовавшее в X в. район рязанского течения Оки племя вятичей неоднократно упоминается в летописях вплоть до XII в. (по 1197 г.). Очевидно, вятичи сохранили свои племенные особенности дольше других восточнославянских племен [1].

Широко известна характеристика вятичей как самого отсталого из славянских племен, данная им составителем «Повести временных лет»: «И радимичи и вятичи и север один обычай имяху: живяху в лесе, якоже и всякий зверь, ядуще все нечисто, и срамословье в них, предъ отьци и предъ снохами, и браци не бываху въ них, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовьская песни и ту умыкаху жены себе с неюже кто съвещашеся; имяху же по две и по три жены. И аще кто умярше, твориху тризну над нимъ, и по семь твориху кладу велику, и възложахуть и на кладу, мертвеца сожьжаху, и посемь собравше кости, вложаху в судину малу, и поставляху на столпе, на путех, еже творять вятичи и ныне» [2].

Конечно, для начала XII в. этот этнографический очерк уже был прошлым. Родовой строй и язычество исчезали быстро. Оставались лишь пережитки, и этот отзыв о вятичах следует в значительной мере отнести на счет тенденциозности киевского летописца, противопоставляющего высокую нравственность христиан — полян «диким» вятичам, северянам и радимичам. Возможно, что на тенденциозность летописца влияло также желание очернить вятичей, земля которых входила в состав враждебного Черниговского княжества. Но все же христианство в земле вятичей распространялось медленно. И этот факт отразился в этнографическом очерке летописца, отмечающем пережитки язычества и родового строя в быту вятичей. В своем исследовании вятичских курганов А. В. Арциховский доказал, что в вятичской деревне позже, чем в других частях восточнославянской земли, распространился обычай курганных трупоположений и дольше здесь удерживался (до XIV в.). По-видимому, до XII в. у вятичей

[1] В советской исторической литературе неоднократно подчеркивалась условность термина «племена», применяемого относительно восточных славян второй половины I тысячелетия н. э. и тем более относительно начала II тысячелетия н. э. Это были уже далеко не первобытные племена, а большие племенные союзы, в основе которых лежали не только родо-племенные, но и территориальные, экономические и политические связи.

[2] ПВЛ, М.— Л., 1950, стр. 15.

сохранялся обычай трупосожжения, и это является главной причиной трудности обнаружения вятичских древностей, восходящих ко времени до XII в. Обряд погребения служит верным признаком сохранения элементов язычества у вятичей. С распространением христианства на Руси происходит отказ от дохристианского обычая насыпать могилу в виде кургана. В славяно-русском прологе под 11 июля помещен рассказ о смерти Ольги, в котором говорится, что она «призвавъши сына своего Святислава, заповеда ему погрести ея с землею ровно, а могилы не сути, ни тризны творити, ни бъдына деяти». То же отличие христианского обычая погребать «с землею ровно» от языческого подчеркнуто в житии Константина Муромского. Хотя последнее и не может быть связано с определенными историческими событиями, но отражает подлинную борьбу христианства с язычеством, происходившую в Рязано-Муромской земле задолго до составления жития (XVI в.). Когда Константин похоронил сына своего Михаила по христианскому обычаю, то «невернии люди, видяще сия, дивляхуся еже не по их обычаю творимо бе погребение, яко погребаему князю Михаилу во знак на востоце, а верх холмов не сыпаху, но ровно с землею» [3].

Конечно, неверно было бы предположение, что сохранение курганного обряда погребения свидетельствует о язычестве в XVI в. Эта языческая традиция повсеместно удерживалась в течение некоторого времени в христианской Руси. У вятичей она сохранилась дольше, чем у других племен. Более того, обряд курганного трупоположения распространился у вятичей, когда он уже исчезал у других славянских племен. О язычестве, долго удерживавшемся в земле вятичей, говорит и известие о миссии монаха Кукши, убитого защитниками язычества в начале XII в. (1110 г.?) где-то в районе Серенска.

Что же касается хозяйства, то ни археологические данные, ни летописные известия не указывают на отсталость вятичей. Очевидно, летописец не имел точных сведений о земле вятичей в X—XI вв. Известный консерватизм вятичей объясняется тем, что часть этого племенного объединения, жившая в верховьях Оки и изолированная от Киева с трудом проходимыми лесами, меньше подвергалась воздействию феодальной экономики. А. Н. Насонов обращает внимание на то, что в списке славянских «племен», принадлежащих к Руси (по «Повести временных лет»), опущены вятичи и радимичи. «Это не случайно. Это те «племена», которые наиболее поздно были полностью освоены, полностью охвачены аппаратом принуждения, и частью еще в конце XI в.— начале XII в. жили за пределами территории феодальных «земель». Составитель летописного текста, очевидно, не счел нужным включить их в свой список» [4].

Но в то же время, как выше мы пытались показать, важнейший торговый путь в Восточной Европе проходил через земли вятичей; они были рано вовлечены в восточную торговлю, и вдоль этого пути позже возникли важные центры ремесла и торговли. Как же с этим согласовать пресловутую «отсталость» вятичей? Остается предположить, что если этнографический очерк летописца хоть в какой-то мере отражает реальные факты его времени, а не является историческим воспоминанием о прошлом, то он относится не ко всей «земле вятичей», а лишь к некоторым глухим лесным районам. Иначе как могло случиться, что еще в X в. район среднего течения Оки был только колонизован вятичами — одним из самых отсталых славянских племен, а уже в XI в. на Средней Оке был расцвет городской культуры, ярким примером которого является развитие Старой Рязани?

[3] «Памятники старинной русской литературы», т. I. СПб., 1860, стр. 231.

[4] А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 35.

Как случилось, что «боршевцы» (если их движение на север было основой колонизационной волны славян в бассейн среднего течения Оки), культура которых была несколько отсталой сравнительно с Киевом, могли, появившись на Оке, способствовать высокому развитию рязанских городов?

Прежде всего нужно учесть, что между временем предполагаемого прихода «боршевцев» и временем расцвета феодальных городов лежит около столетия социально-экономического развития. Во-вторых, кроме внутреннего развития большую роль сыграло культурное воздействие Киевской земли. Мы несколько недооцениваем обычно значение для самых далеких окраин славянского мира таких могучих культурных центров, как Киев, Чернигов, Новгород и другие города. До того, как процесс феодального развития привел к распаду политических связей между частями страны, а отчасти даже и после этого, культурное единство и развитые экономические связи являются несомненным фактором русской истории. Такие новообразования, как Рязанская земля, могли успешно развиваться лишь в связи с Киевской землей. Сходство, почти тождество облика городской культуры Рязанской земли и Киевской объясняется как раз этими первоначальными связями, восходящими еще к концу X в.— XI в.

По-видимому, еще поход Святослава внес много нового в экономику и культуру вятичей, но не поставил их в зависимость от Киева. В 981 г. на вятичей ходил Владимир, но через год вновь «заратишася Вятичи, и иде на ня Володимер, и победи я второе» [5]. Но и после этих походов земля вятичей в целом не зависела от князей из дома Рюриковичей, и вятичи имели даже каких-то своих местных князей, на которых еще в конце XI в. совершал походы Владимир Мономах. В своем «Поучении» он говорит: «А в Вятичи ходихом по две зиме, на Ходоту и на сына его».

Только с конца XI в. установились более близкие связи вятичей с остальной Русью. Закончился период изоляции вятичей, и власть князей киевской династии распространилась и на это непокорное племя. Но все это относится к земле вятичей в целом, а не к городам в этой земле. Города были феодальными опорными пунктами, и в них развивалась культура, отличная от культуры вятичской деревни. Лишь пополнявшие городское население выходцы из деревни приносили с собой характерный племенной наряд, да ремесленники, работавшие на деревню, оставили для археологов на городищах некоторое количество вещей, свидетельствующих о том, что города были основаны в земле вятичей.

Так называемая «вятичская отсталость» не должна толковаться широко ни в отношении самого содержания явления, ни в отношении территории, охваченной этим явлением. Далеко не вся Рязанская земля была вятичской, далеко не вся земля, колонизованная вятичами, была отсталой. Вообще в IX—XI вв., в связи с разложением первобытно-общинного строя и переходом к феодализму, «племена» уже представляли иное явление, чем в предшествующую эпоху, и ни одна «земля», ни одна область не состояла из одного и притом цельного племени. Если в X в. чудские племена были вытеснены в основном колонизацией вятичей, то в XI—XII вв. в будущую Рязанскую землю направлялись другие колонизационные потоки — из Киевской земли. Некоторый консерватизм племени вятичей, проявившийся в замедленных темпах ликвидации пережитков родового строя и распространения феодальной религии — христианства, существовал лишь в собственно вятичской земле, где в глухих лесах дольше удерживались древние обычаи. Но эта земля вятичей не входила в состав Рязанского княжества. Занимавшая место по верхнему течению Оки, по Жиздре, Угре, Упе и Зуше, земля вятичей входила в состав Черниговского княжества.

[5] ПВЛ, стр. 80.

XXIII

Сельское хозяйство и промыслы. Земледелие. Находки плужных лемехов, кос, серпов, мотыг. Изучение зерен злаков. Скотоводство. Остеологические данные. Сообщения иностранцев о богатстве Рязанской земли. Промыслы. Бортничество. Охота. Рыболовство.

Если мы сравним физико-географическую карту Рязанской земли с картой вятичской колонизации, то заметим, что границы последней совпадают с границами плодородных и притом уже в X в. годных для пашенного земледелия земель. Славяне, колонизовавшие район среднего течения р. Оки и территорию позднейшей Рязанской земли, с самого начала пришли сюда со значительными земледельческими традициями. Они и вытеснили мордовское население, также уже давно занимавшееся земледелием, и заселили в первую очередь плодородные, преимущественно черноземные земли. Северные лесные части области, где господствовали охота, рыболовство и подсечное земледелие, дольше оставались в распоряжении чудских племен. Здесь процесс кривичской колонизации протекал по-иному. Сюда лишь постепенно проникали русские, ассимилировавшие местное население.

Вероятно, первоначальная феодальная эксплуатация не сопровождалась здесь захватом земель, а следовательно, перемещением, смешением и вытеснением коренного населения. Феодалы сохраняли даннические отношения, которые выражались, главным образом, во взимании дани мехами, медом и воском, а не хлебом. Поэтому, например, население Мещерской стороны дольше смогло сохранить свой этнический облик, смешавшись с русскими и подвергшись аккультурации лишь в позднейшее время (этот процесс особенно интенсивно развивался в XIII—XIV вв.). Выше на материале мещерских могильников мы пытались доказать это положение; сейчас на основании данных физико-географических мы пытаемся дать ему объяснение.

Переход к пастушеству и земледелию совершался на Оке еще в период существования рязанских могильников. Но, в зависимости от природных условий, в разных частях Рязанской земли сельскохозяйственные занятия населения носили различный характер.

Еще в первой половине I тысячелетия н. э. у племен, оставивших рязанские могильники, было развито земледелие; во второй половине I тысячелетия н. э. роль земледелия значительно возросла. Чем южнее могильник, тем нагляднее видна роль земледелия, оттеснявшего на задний план пастушеское хозяйство. У древних мордовских племен в VI—X вв. земледелие, несомненно, было подсечным.

В Мещерской стороне дольше, чем в других частях Рязанской земли, сохранилась подсека. Основным орудием труда в X—XIII вв. здесь были топор и мотыга. Низкие урожаи подсечного земледелия не могли обеспечить населению устойчивый прожиточный минимум и заставляли обращаться к различным промыслам. Охота и рыбная ловля принадлежали к важнейшим занятиям жителей. Подсека удерживалась в Мещерском крае до недавнего времени. Этнографы наблюдали ее даже в XX в. Б. А. Куфтин писал: «Часто во многих местах мне приходилось наблюдать расчищаемые из-под леса поля́, типичное подсечное хозяйство, где топор, заступ и мотыга остаются главными орудиями и где высокий и стройный

сосновый лес покрывает часто места, которые лет 40—45 назад обрабатывались под пашню и с которых собирался хлеб» [6].

В то время как в Мещерской стороне подсечное хозяйство — отсталые формы земледелия — сохранялось довольно долго, у славян в большей части Восточной Европы уже в IX—X вв. ведущая роль принадлежала пашенному земледелию, а не подсечному. Под 964 г. в летописи сообщается о том, что вятичи платят хозарам дань «от рала» [7], а в 981 г. Владимир «вятичи победи и возложи на ня дань от плуга, яко же и отец его имаше» [8]. Таким образом, у вятичей, колонизовавших основную территорию Рязанской земли в X в., не только уже существовало пашенное земледелие, но оно составляло основу хозяйства, так как единица обложения вычислена с плуга.

На протяжении всего рассматриваемого нами периода пашенное земледелие играло важнейшую роль в экономике Рязанской земли. Как ни бедны наши археологические источники для этой темы, мы не можем не привлечь их для характеристики экономической истории Рязанской земли, которой мы предваряем рассмотрение политической истории Рязанского княжества.

Наилучшим археологическим доказательством наличия пашенного земледелия являются находки железных лемехов от плуга. По форме рабочие части земледельческих орудий XI—XIII вв. из древнерусских городищ делятся на 2 типа. К первому типу относятся наральники, в которых лопасть не превышает по ширине втулку, несколько поката от осевой линии к краям и не имеет плечиков. Это рабочая часть рала без полоза, работающего под углом к почве. Ко второму типу принадлежат орудия, в которых лопасть по ширине превышает втулку и имеет прямые плечики. Такие орудия подреза́ли почву горизонтально. Их размеры: длина — 20—25 см, ширина — 11—19 см. Это лемехи от плуга [9].

В коллекции Рязанского музея имеются 2 лемеха архаического типа, к сожалению, не датированные. Один из них (рис. 108) найден вместе с косами и серпами в одном кладе на Вышгородском селище [10], другой (рис. 109, *5*) — происходит, по-видимому, из Пронска. Лемехи сделаны из куска железа треугольной формы; края загнуты внутрь так, что получилась трубица (втулка) для прикрепления к станине плуга. Лемехи асимметричны — один край резко выступает в сторону (для отвала земли из борозды в сторону пахоты). Лемех с Вышгородского селища — также треугольной формы, но большего размера, тяжелый; он сварен из двух пла-

---

[6] Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры, ч. 1. М., 1926, стр. 10.

[7] ПВЛ, стр. 75.

[8] Там же, стр. 58.

[9] В. И. Довженок. К истории земледелия у восточных славян в I тыс. н. э. и в эпоху Киевской Руси. Материалы по истории земледелия СССР. М., 1952, стр. 151.

[10] Этот лемех уже дважды опубликован с ошибочным указанием места находки. Н. П. Милонов в книге «К изучению археологических памятников и истории сел и городов на территории Рязанской области» на стр. 32 в подписи к рисунку указал: «Найден на Паловском городище»; на стр. 14 о том же лемехе сказано, что он найден на городище «Кальное» (по-видимому,— Пальное, так как Кального близ Вышгорода нет). В. П. Левашова в статье «Сельское хозяйство», опубликованной в сборнике «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.» (М., 1956), указала, что лемех происходит не с Паловского, а с Пального городища (стр. 32). Между тем в инвентарной книге Рязанского музея, на которую ссылается В. П. Левашова, происхождение коллекции № 222, в составе которой находится этот лемех, указано: «Из городков у сел Польное и Вышгород». Польновское I и II городища, обследованные В. А. Городцовым и П. П. Ефименко,— городецкой культуры, без позднейшего славянского слоя, и с них не может происходить тот комплекс сельскохозяйственных орудий, который вошел в коллекцию № 222. Что же касается Вышгородского I селища, датированного славянской керамикой XII—XIII вв., то на нем, действительно, найдены были сошник и чересло.

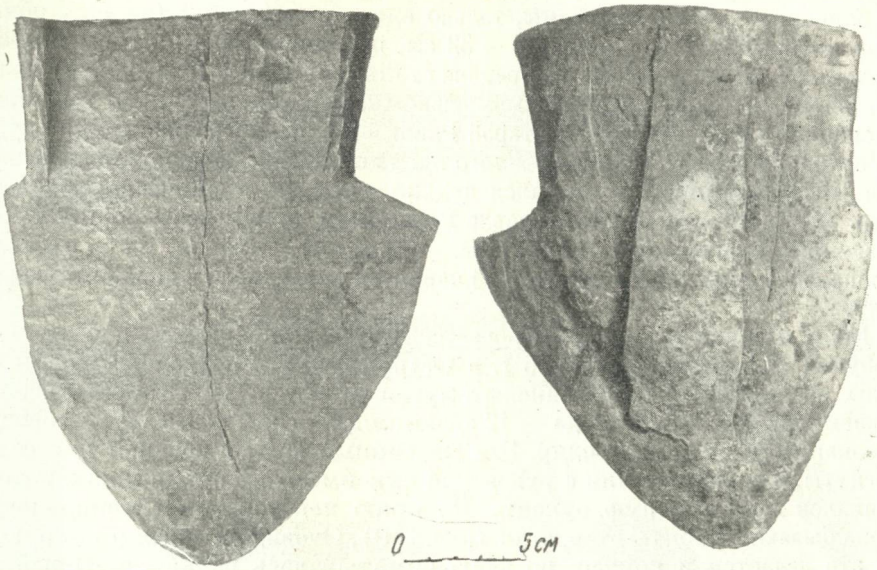


Рис. 108. Лемех из Вышгородского селища (КРОМ, № 222/3).

стин. В средней части его снаружи приварена продольная полоса для усиления рабочей части. Вообще рабочая часть утолщена посередине и к краям сделана тоньше. Поверхность у корпуса лемеха выпуклая, благодаря чему взрыхляемая почва разламывается по линии движения лемеха и распадается по обе стороны. Общая длина лемеха — 29,5 см; ширина лезвия (в самой широкой части) — 28 см; ширина втулки: вверху — 20 см, ближе к лезвию — 18 см; длина втулки — 9 см.

В Вышгороде найдена и другая рабочая часть плуга — чересло; это плужный нож, устанавливаемый впереди лемеха и разрезающий при вспашке вертикально слой почвы. Его длина — 45 см, длина лезвия — 20 см, ширина лезвия — 7 см. Плуг с чересло́м, несомненно, имел уже отвальную доску и колесный передок. Чересла найдены на городищах, погибших в XIII в., и приблизительно их появление датируется XI—XIII веками. Лемех, найденный на Вышгородском селище, был частью большого плуга, требовавшего упряжки нескольких пар животных. Такие плуги употреблялись в лесостепной полосе Южной Руси с ее оподзоленными серыми и черноземными почвами [11]. В лесной полосе господствовала соха. На территории Северо-Восточной Руси находки частей плуга единичны и связаны с рязанским и суздальским опольем, представляющим собой оазисы серых оподзоленных почв с пятнами пойменного чернозема [12].

Одновременно существовали различные орудия и плуги с колесным передком и более простые плуги и рала без полоза. На Семеновском городище (Высокая Гора) близ Переяславля-Рязанского найден сошник (металлический наконечник, надеваемый на деревянное развилье сохи), представляющий собой узкую, заостренную внизу полосу железа с загнутой втулкой (длина — 16 см, ширина лопасти — 7 см, ширина втулки — 5 см).

Из других орудий сельскохозяйственного труда лучше всего представлены серпы и косы. При раскопках 1926 г. в Старой Рязани найдено 4 серпа.

---

[11] Такие лемехи, например, в большом количестве найдены при раскопках Райковецкого городища. См. В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950.

[12] В. П. Левашова. Сельское хозяйство. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». М., 1956, стр. 34.

В большинстве они обломаны, только один почти целый (он был обнаружен в слое XIV в.); длина его — 32 см, ширина лезвия в самом широком месте — 3 см. Серп имеет наваренное стальное гладкое (без зубьев) лезвие. По форме он принадлежит к московскому типу [13]. Найденные при наших раскопках 1948 и 1950 гг. в Старой Рязани серпы, насколько можно судить по сохранившимся обломкам,— того же типа. Один из серпов был исследован Б. А. Колчиным и оказался цельностальным, термически обработанным. В Вышгороде и Переяславле-Рязанском обнаружены серпы так называемого булгарского типа (рис. 109, *3, 4*). Клинок их — несколько угловатой формы, длинный, тонкий черешок вставлялся в деревянную рукоятку.

Косы отличаются от бытующих сейчас и принадлежат к типу косы-горбуши. При раскопках 1926 г. в Старой Рязани найдено 2 экземпляра таких кос; в коллекции Рязанского музея имеются: из Старой Рязани — 3 экземпляра, из Вышгорода — 12 экземпляров (рис. 109, *1, 2*), с городища Высокая Гора — 1 экземпляр. Эти массивные косы в средней части мало изогнуты; для скрепления с рукояткой они имеют загнутый крюк, который забивался в деревянную рукоять. На краю некоторых кос неподалеку от крюка бывают пробиты отверстия (рис. 110). Очевидно, деревянная рукоять, как это делается и сейчас, по краю обматывалась ремнем, который пропускался также через отверстие в косе. Может быть, это косы со складными рукоятями — деревянными футлярами [14]. Лезвия кос в большинстве случаев гладкие, у двух имеется насечка. Длина кос — 49—53—55 см, ширина их лезвий — 4,5 см. В древности горбуша была единственным видом косы. В некоторых районах она сохранилась и сейчас; ее применяют на пахотах с невыкорчеванными пнями и для косьбы в болотистых местах. В большинстве случаев связана с лесным земледелием.

Мотыги сохраняются и в позднейшее время как орудие рыхления земли. Они найдены в Старой Рязани и на городище Высокая Гора и сходны по форме с теслом (орудием обработки дерева), так что трудно отделить одно орудие от другого. Для обработки земли под огородные культуры применяли заступ (лопату). Лопаты были в подавляющей массе деревянные, окованные по краям железом. Оковки лопат найдены в Старой Рязани и Переяславле-Рязанском в слоях XII—XIV вв.

В условиях существования подсечного земледелия к земледельческим орудиям отчасти относятся и топоры. Это частая находка на всех городищах Рязанской земли. Типы их крайне дифференцированы, по-видимому, в зависимости от характера работы. Тем не менее невозможно выделить специальный тип топора, употреблявшегося в подсеке.

Жернова встречены на многих городищах; только на Старо-Рязанском обнаружено 8 экземпляров.

Зерна ржи, пшеницы и проса найдены в большинстве случаев в обугленном виде, в подпольных или специальных зерновых ямах. Зерновые ямы на городищах вмещали до 12 тонн зерна. Это само по себе свидетельствует о развитии земледелия, дававшего возможность создавать большие запасы зерна.

А. В. Кирьянов, изучавший зерна из раскопок в Рязанской земле, установил, что в XI—XII вв. здесь возделывались разнообразные сельско-

---

[13] По классификации А. В. Арциховского. См. его работу «К методике изучения серпов». Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН, т. IV, 1929, стр. 29—41. Классификация базируется на определении кривизны клинка. Принятые географические названия очень условны, так как основаны на небольшом числе серпов, прохождение которых известно.

[14] Подобные косы найдены в Новгороде. См. Труды Новгородской археологической экспедиции, т. II, 1959, стр. 74, 75, рис. 61.

Рис. 109. Сельскохозяйственные орудия.

1, 2 — косы-горбуши (Вышгород); *3* — серп (Переяславль-Рязанский); *4* — серп (Вышгород); *5* — лемех (Пронск?); *6* — топор (Семеновское).

хозяйственные культуры. Среди них ведущими были рожь, пшеница [15] и просо. Меньшее значение имели ячмень, овес, а из зернобобовых — горох. Из прядильно-масличных возделывались лен и конопля. Судя по материалам из раскопок Переяславля-Рязанского, в конце XII в.— XIII в. появилась новая культура — гречиха. Семян сорных растений обнаружено немного, поэтому состав сорняков не позволяет судить о характере пахотных земель. Паровая зерновая система земледелия в форме трехполья, несомненно, применялась в южных лесостепных и степных районах. Тяжелые сошники от плуга, найденные в Вышгороде, указывают на использование целинных и залежных земель, вспашка которых с оборотом пласта возможна только тяжелым плугом. Вероятно, в северных районах надолго сохранилась переложная система земледелия.

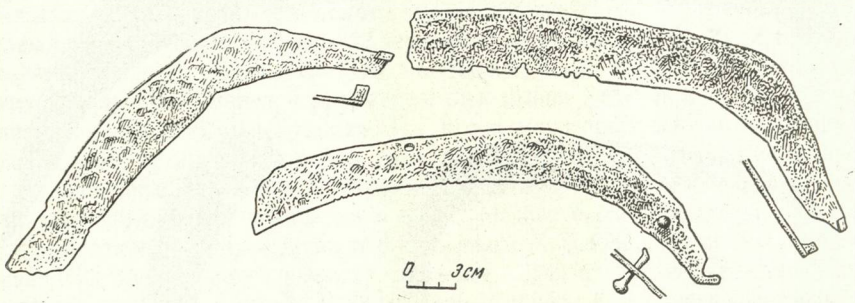


Рис. 110. Косы-горбуши из Старой Рязани.

Пашенное земледелие, трехпольная система при довольно плодородных — в целом — землях давали возможность русскому населению Рязанской земли не только в изобилии получать хлеб для собственного прокормления, но и для вывоза в Новгородскую землю. Новгород, постоянно нуждавшийся в привозном хлебе и поэтому чрезвычайно заинтересованный в торговле «с низом», мог получать рязанский хлеб не только путем непосредственной торговли с Рязанью, но и через Ростово-Суздальскую землю.

Занятие земледелием составляло основу хозяйства рязанцев. Не только деревня, но и город были связаны с земледелием. В Старой Рязани, Пронске, Ижеславле находки орудий сельскохозяйственного труда и больших зерновых ям свидетельствуют о том, что средневековые русские города еще носили сельскохозяйственный характер. Они не только были ремесленными центрами, но и торговыми и административными центрами большого сельскохозяйственного района. Жители городов, наряду с занятиями ремеслом и торговлей, сеяли хлеб и разводили скот.

Помимо хлебопашества, другим важным сельскохозяйственным занятием рязанцев было скотоводство. Однако эта отрасль хозяйства представлена лишь археологическими материалами и притом довольно односторонними. Мы можем судить о составе стада лишь по находкам костей животных на городищах; конечно, эти находки не точно отражают картину скотоводства в целом. К тому же остеологическая статистика всегда дает несколько искаженную картину, так как на городищах мы встречаем кости, главным образом, находившиеся в кухонных остатках. Животные, мясо которых в пищу не употреблялось, попадали на городище лишь изредка. Охотник обычно в лесу сдирает шкуру с пушного зверя. Поэтому,

[15] По морфологическим признакам рязанскую пшеницу можно отнести к группе мягких пшениц (*Triticum vulgare Vill.*). А. В. Кирьянов. Материал по земледелию из раскопок Старой Рязани и Переяславля-Рязанского. Приложение к отчету Рязанской экспедиции. Архив ИА, ф. 1, д. № 1621.

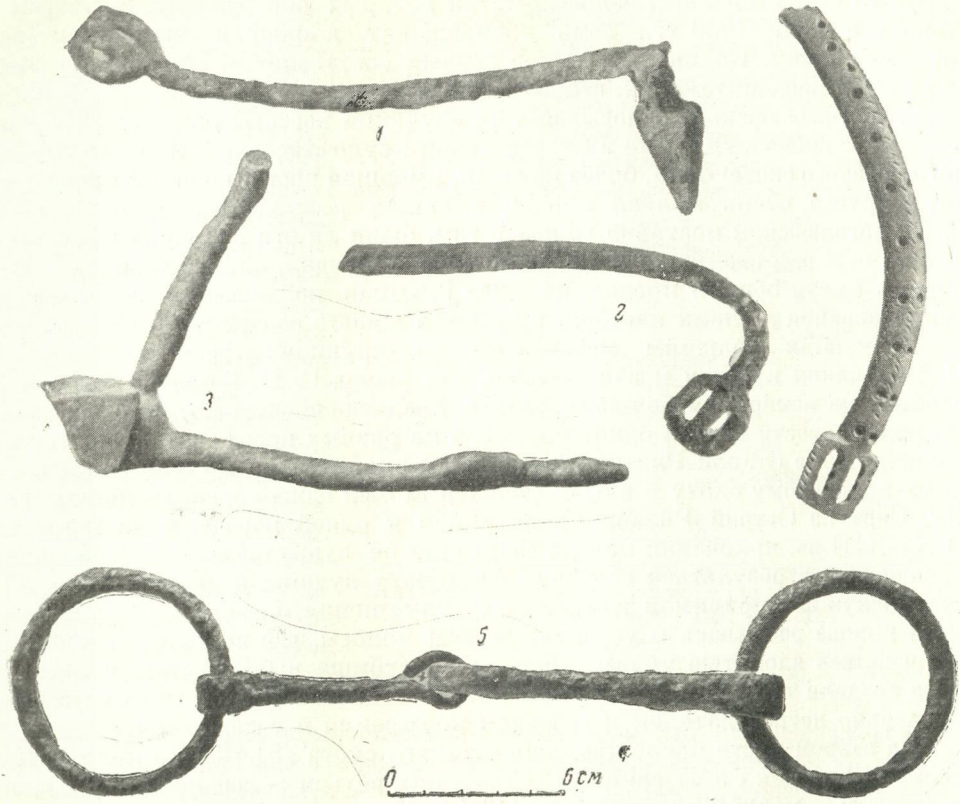


Рис. 111. Шпоры из раскопок в Старой Рязани (*1—4*) и удила (*5*) из раскопок на Ижеславльском городище. Слой XII в.

1—3, *5* — железные; *4* — медные.

конечно, нельзя судить о соотношении охоты и скотоводства по статистике найденных на городище костей, не учитывая изложенных выше обстоятельств. Точно так же нельзя иметь представление о количестве лошадей в стаде по числу костей на городище, потому что лошадь, очевидно, в пищу не употреблялась [16]. Все же, несмотря на эти недостатки, остеологический материал позволяет нам судить о состоянии скотоводства. На большинстве изучавшихся рязанских городищ славянского времени собран сравнительно небольшой остеологический материал, не меняющий в целом картину, открывшуюся при раскопках на Старо-Рязанском городище. Поэтому преимущественно по материалам этого городища мы можем говорить о домашних и диких животных Рязанской земли в X—XIII вв.

Кости из раскопок Старой Рязани в 1926 г. были изучены С. Н. Боголюбским [17], из раскопок 1946—1950 гг.— В. И. Цалкиным [18].

---

[16] Можно предположить употребление конины в пищу в X—XIII вв. в Старой Рязани, так как это единственный русский город, где количество костей лошадей из общего числа костей млекопитающих достигает сравнительно высокого процента (14%). Возможно, это должно быть отнесено за счет влияния чудских племен, употреблявших лошадь в пищу.

[17] «Палеофауна сельскохозяйственных животных Старой Рязани». Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН, т. IV, 1929.

[18] В. И. Цалкин. Домашние и дикие животные Старой Рязани. МИА № 49, 1944, стр. 201—224.

Из 15 видов млекопитающих, остатки которых обнаружены в Старой Рязани в 1946—1950 гг., семь принадлежат домашним животным и восемь — диким. Количество костей первых составляет 94,7% общего числа костей млекопитающих, вторых — 5,3%.

С. Н. Боголюбский, основываясь на изучении костных находок 1926 г., пришел к заключению, что в Старой Рязани существовали 2 породы крупного рогатого скота: одна, более крупная, имевшая рост нынешней ярославки, и другая, очень мелкая порода, имевшая рост нынешней мещерки. С. Н. Боголюбский поставил вопрос о том, были ли эти 2 группы представителями 2 рас, стойко сохранявшими свои признаки, или же та и другая породы имели общего предка, но более крупная появилась в результате использования лучших пастбищ и лучшего общего содержания.

Располагая большим материалом по крупному рогатому скоту, В. И. Цалкин пришел к заключению, что вывод С. Н. Боголюбского был основан на измерении больших фаланг, представляющих крайние варианты изменчивости костей одной породы, а не разных пород скота. Скот, разводившийся в Старой Рязани, по размерам значительно уступал современному приокскому скоту и в этом отношении был близок к скоту мещерскому. Скот из Старой Рязани принадлежал к одной породе, а не к двум. В X—XIII вв. приокская порода скота еще не существовала. Она появилась позже в результате создания человеком лучших кормовых условий, что послужило причиной изменения и улучшения породы. Старо-рязанская корова развилась в условиях лесной полосы, где не хватало кормов, встречались ядовитые травы. «Боровые пастбища и болотистые и лесные сена создали тип местного первично-лесного скота»[19]. Этот тип скота был предельно нетребователен к условиям кормления и содержания.

На втором месте после крупного рогатого скота (51,4%) по количеству костных находок стоит свинья (22,7%), на третьем — лошадь (13,9%), на четвертом — мелкий рогатый скот (12%). Картина соотношения количества костей домашних и диких животных на остальных раскапывавшихся рязанских городищах — Переяславльском, Жокинском, Лубянском, Ижеславльском — такая же, как и в Старой Рязани.

Рязанская лошадь принадлежит к породе низких, коренастых, но сильных лесных лошадей. Она играла важнейшую роль как рабочий скот, но была и верховым животным. Мы не знаем, как выглядела рязанская конница, но находки удил, шпор, костяных и металлических псалий на всех городищах, во всех слоях свидетельствуют о постоянном использовании лошадей и как упряжного, и как верхового животного. В Старой Рязани найдены шпоры с шипом, бытовавшие во всей Европе в X—XIII вв. (рис. 111). Они сходны с западноевропейскими по форме шипа в виде пирамидки и по форме петель для ремней, но несколько отличаются от новгородских того же времени, у которых преобладают шипы в виде вытянутых цилиндров и конусов[20].

Изучение костных остатков лошадей не позволяет пока утверждать, что была выведена какая-то особая порода лошадей для верхней езды. Впрочем, нужно иметь в виду, что для изучения древних пород домашних животных особенно важное значение имеют краниологические данные, а мы пока располагаем только 3 целыми черепами лошадей из раскопок в Рязанской земле[21].

---

[19] Д. М. Зорин и Н. А. Каллистратов. К вопросу о мещерском скоте. Труды Общества исследователей Рязанского края, вып. XXIII, 1929.

[20] А. В. Арциховский. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде. СА, 1958, № 2, стр. 228, 229.

[21] См. Приложение — В. И. Цалкин. Новые данные для истории животноводства и охоты в Рязанской земле (стр. 362).

Примитивность типов домашних животных Рязанской земли объясняется тем, что в домонгольское время население еще не знало методов улучшения породы. В течение этого времени ни в одной области Восточной Европы не наблюдается ни улучшения породы, ни резкого изменения состава стада. Сравнительно со значительно более ранними эпохами (городецко-дьяковская культура) состав стада изменился, но породы скота улучшились незначительно. Еще не только не владели методами искусственного улучшения породы (селекции), но и не понимали, что улучшенные условия содержания влияют на продуктивность скота. Некоторая разница в качестве скота, скажем, новгородского и рязанского (последний крупнее) не является результатом сознательной деятельности человека, а лишь исторически сложившихся условий содержания. Расчистка значительных участков под пахоту, трехполье улучшали условия содержания скота в Рязани и приводили к улучшению его породы сравнительно с Новгородом.

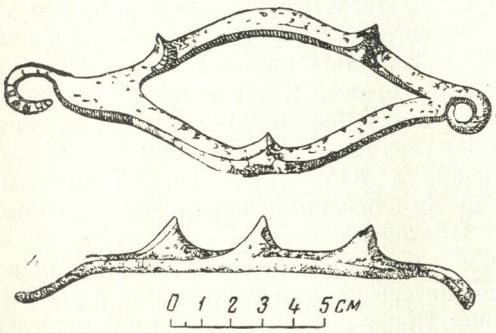


Рис. 112. Древолазный шип из Переяславля-Рязанского. («Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», стр. 133, рис. 8).

К сожалению, очень немногочисленные находки косточек фруктовых деревьев не позволяют нам представить себе значение садоводства. По находкам в Старой Рязани, Переяславле-Рязанском, на Ижеславльском и Лубянском городищах можно не сомневаться в том, что население Рязанской земли в X—XIII вв. разводило вишни (типа современной владимирки) и яблоки. Сама планировка больших городов свидетельствует о том, что значительная часть их территории была занята под сады и огороды [22].

У нас есть очень интересное свидетельство о богатстве Рязанской земли, относящееся к XII в. Испанский араб, купец и путешественник Абу Хамид ал-Гарнати в 1150 г. отправился из Булгара на Волге в Венгрию через земли славян, а в 1153 г. тем же путем возвратился обратно. Можно почти не сомневаться, что путь его из Булгара в Киев проходил по Оке через земли Рязанского княжества. Рукопись Абу Хамида, хранившаяся в Мадриде, долго не обращала на себя внимания ученых и была издана только в 1953 г. Ц. Е. Дублером [23]. Описывая свое путешествие по Оке через земли славян (как он называет русское население), Абу Хамид пишет: «Когда я прибыл в их земли, я увидел обширные местности с изобилием меда, пшеницы, ячменя и больших яблок, наипрекраснейшего качества. Пропитание у них очень дешево» [24]. Как купец Абу Хамид всюду, где он проезжал, обращал внимание на цены и способы торговли, но только в отношении Рязанской земли он подчеркнул необычайное изобилие и дешевизну. Нельзя не обратить особое внимание на сообщение Абу Хамида о поразивших его яблоках, разведение которых составляет и поныне важнейшую отрасль рязанского садоводства. Что касается изобилия меда, то о нем говорится часто и в документах позднейшего времени.

[22] См. главу «Историческая топография Старой Рязани» в книге А. Л. Монгайта «Старая Рязань» (МИА № 49, 1955), стр. 16—32.

[23] Abū Hāmid el Granadino y su relación de viaje por tierras Eurasiaticas. Texto arabe, tradducción e interpretación por Cesar E. Dubler. Madrid, 1953.

[24] Цитирую по статье Ивана Хрбека (Ivan Hrbek. Nový arabský pramen o východní a střední Evropě. «Ceskoslovenska Ethnografie», 1954, II, 2, стр. 166).

Известно значение и распространение в древней Руси бортничества. Археологическим признаком этого промысла некоторые считают так называемые древолазные шипы (рис. 112). Они найдены в Старой Рязани, Пронске, Толпине и Переяславле-Рязанском [25]. В Муромской «Повести о Петре и Февронии» упоминается о бортничестве в Рязанской земле. Отец и брат девы Февронии, живущей в рязанском селе Ласково, «древолазцы суть, в лесе бо мед от древла вземлют» [26]. В жалованной грамоте Олега Ольгову монастырю специально упоминаются бортные земли.

Значительные успехи в развитии сельского хозяйства Рязанской земли, достигнутые еще в домонгольскую эпоху, были закреплены в последующее время, и это позволяло характеризовать Рязанскую землю как одну из плодороднейших русских провинций. Таково единодушное заключение всех иностранцев, побывавших в России в XV—XVII вв. [27] Расцвет Рязани в XIV—XVII вв. во многом обязан своим происхождением успехам в освоении земель еще в домонгольскую эпоху.

Некоторую возможность судить об объектах охоты населения Рязанской земли дают нам сведения, которые относятся к эпохе, более поздней, чем интересующая нас, но могут быть возведены и к более раннему времени. Животный мир лесной полосы тесно связан с характером древостоя. Так, чем меньше оставалось дуба, липы и других широколиственных пород, тем меньше становилось и животных, тесно связанных с этими породами (например, кабанов). Вследствие хозяйствования человека состав пород менялся. Такие изменения наблюдаются и в наше время. Например, в засеках, тянувшихся в древней Руси почти сплошной полосой через территорию позднейшей Рязанской губернии, основной лесной породой был липо-дубняк. Вследствие хищнического хозяйствования теперь основная порода — осина и частично береза. Любопытный опыт проделал С. В. Кириков, составивший по актам XV—XVII вв. таблицу «гранных»

---

[25] В рецензии на мою книгу «Старая Рязань» А. Ф. Медведев (СА, 1958, № 1, стр. 288) высказывает сомнение в пригодности «древолазных шипов» для лазанья по деревьям и считает их приспособлением для хождения по льду. Следует указать, что по вопросу о назначении предметов, которые называются в археологической литературе «древолазными шипами», высказано много различных мнений. Одни авторы полагали, что шипы эти употреблялись для лазанья на деревья при бортничестве, другие предполагали, что они служили для продвижения по льду, третьи называли их конскими подковами. Вопрос этот и поныне окончательно не решен. Существует два типа «древолазных шипов», и оба представлены находками в Рязанской земле. Первый тип — это скобы с припаянным острием пирамидальной формы; второй — овальные пластинки с шипами и двумя петлями на концах. Второй тип, наиболее вероятно, представляет предметы, крепившиеся к обуви для лазанья по деревьям. См. В. А. Мальм. Промыслы древнерусской деревни. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», М., 1956, стр. 132—134.

[26] М. О. Скрипиль. «Повесть о Петре и Февронии». Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, т. VII, 1949, стр. 231.

[27] В XV в. Барбаро писал о Рязани как о стране, которая изобилует хлебом, скотом, медом и другими ценными произведениями. С. Герберштейн (1526 г.) говорит о Рязанском крае: «Эта область есть самая плодородная между московскими провинциями: в ней, как говорят, одно зерно дает по 2 и больше колосьев, которые растут так часто, что лошади с трудом проезжают по ним и перепелки едва могут из них вылетать. Здесь великое множество меду, рыбы, птиц и зверей». [С. Герберштейн. Записки о московитских делах (перев. Малеина). СПб., 1908, стр. 107]. А. Олеарий пишет, что Рязанская провинция чрезвычайно плодородна и по хлебопашеству, скотоводству и дичи превосходит все соседние провинции (о чем свидетельствуют Гванин и Петрей). (А. Олеарий. Описание путешествия в Московию. Изд. Суворина; 1906, стр. 353, 354). «Рязань — княжество с почвою, столь плодородною, что на одном стебле часто вырастают два колоса. Производит она также и лен, и превосходнейший мед, и выкармливает бесчисленные стада рогатого скота, так что по ней как бы текут молочные и медвяные реки...» (Яков Рейтенфельс. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии. ЧОИДР, 1906, кн. III, стр. 205).

деревьев, служивших межевыми знаками [28]. Соотношение «гранных» деревьев различных пород показывает, что между Калугой и Рязанью граница между полосами (подзонами) широколиственных и елово-широколиственных лесов в XV—XVII в. шла там же, где она проходит и сейчас, т. е. в основном по р. Оке. А если характер древостоя не изменился резко за последние столетия, то тем меньше оснований предполагать его изменение за период с XII в. по XV в., когда воздействие человека было меньше. Таким образом, мы можем считать, что животный мир, известный нам по актам XV—XVII вв., соответствует животному миру предшествовавшей эпохи в тех же рязанских лесах.

Лосиный промысел имел важное значение в крестьянском хозяйстве. Для этого использовались, в частности, ловчие ямы. В грамоте Олега Рязанского (1380 г.) упоминаются лоси и лисицы («А зверь в том острове лоси и лисицы»). В заокских засеках водились и европейские олени, но в актах о них нет упоминания. По-видимому, они были истреблены до XII в. Много было медведей и волков. В приокской полосе Рязанской земли бобровые гоны часто упоминаются в актах. Бобры водились на р. Оке (близ Солотчинского монастыря и с. Санского), в ее притоках — по Кишне, Пре, Проне, Осетру (и его притоку — р. Носовке), в верховьях рек Лесной и Воронежа. Охота на птицу производилась, главным образом с помощью перевесов. Они неоднократно упоминаются в Рязанских писцовых книгах. Стрелами били птицу реже.

В раскопках Старой Рязани найдены кости 13 видов диких млекопитающих — волка, медведя, лисицы, куницы, лося, оленя, косули, бобра, хомяка, кабана, зайца, белки, сайги. Большинство упомянутых видов и ныне встречается в Рязанской области, некоторые же полностью исчезли. Бобровые гоны в Рязанской области упоминались в документах вплоть до XIX в. В жалованной грамоте князя Олега Ивановича Ольгову монастырю подтверждается право на владение погостами «с землями бортными и с поземом, и с озеры, и с бобры, и с перевесищи» [29]. Теперь бобр совершенно исчез, уничтоженный хищнической охотой, и сохраняется лишь в заповедниках. В настоящее время кабан и косули водятся только в районах, значительно удаленных от Рязани. Лоси же и лисицы, упоминаемые в грамоте Олега в XIV в., водятся и сейчас вблизи Рязани и Старой Рязани. С. Герберштейн указывал, что в начале XVI в. в лесах по берегам Оки было множество белок, горностая, куницы. Абу Хамид ал-Гарнати сообщает о том, что в Оке водятся животные, подобные кошкам с черной шкурой, которые называются «водными соболями». Их шкурки вывозят в Булгар. Вероятно, описанные Абу Хамидом хищные зверьки, живущие в воде,— это выдры или *Putorius lutreolus* (норка) [30].

Основное значение в охоте имел лось, во множестве водившийся в лесах по Оке и широко использовавшийся в пищу. Охота, игравшая значительную роль в хозяйстве, поскольку она доставляла пушнину, имела очень второстепенное значение как источник питания. Основным источником мяса были домашние животные.

Рыба играла заметную роль в пищевых ресурсах жителей Рязанской земли. Обилие рек, богатых рыбой, еще в глубокой древности привело к распространению рыболовства, служившего и в X—XIII вв. важным вспомогательным промыслом, доступным для каждого хозяйства. Орудия рыболовства — крючки, грузила от неводов — встречаются почти во всех

---

[28] С. В. Кириков. Исторические изменения животного мира нашей страны в XIII—XIX вв. Сообщение 2-е. Изменения естественных угодий и животного мира Подмосковного края в XIV—XVIII вв. Изв. АН СССР, серия географ., 1953, № 4.

[29] Сборник Московского архива Министерства юстиции, т. I, ч. 1, М., 1913.

[30] Ivan Hrbek. Ук. соч., стр. 169.

слоях Пронска, Старой Рязани, Переяславля-Рязанского и других поселений. Грузила бывают глиняные и каменные, по форме — цилиндрические, яйцевидные и шарообразные. Крючки — железные, кованые, очень редко — из тянутой проволоки, размером от 8 до 2,1 см в длину и 0,2 см в сечении. Форма крючков однообразна и подобна современным.

Вероятно, кроме крючных снастей, сетей и неводов, рыба добывалась также различными ловушками типа верш, заколов и колющими орудиями. Наличие верш по археологическим материалам в большинстве случаев установить невозможно, так как дерево в культурных слоях рязанских городищ и селищ, как правило, не сохраняется. Верши были найдены только при раскопках Переяславля-Рязанского. Гарпуны встречены на ряде городецких городищ; костяной гарпун известен и из Старой Рязани, но неясно, к какой исторической эпохе он относится. В подпольных ямах ряда жилищ обнаружены горшки с рыбьей чешуей, а в кухонных остатках часто попадаются кости рыбы. Основными промысловыми рыбами на Оке были лещ, карась, стерлядь, окунь, щука, сом; случайными — осетр, плотва, голавль, язь, жерех, линь, судак, налим. Лов рыбы производился в Оке, Проне, Пре, Цне и других реках, но, возможно, частично захватывались придаточные водоемы — старицы и пойменные озера.

Заканчивая обзор сельского хозяйства и промыслов Рязанской земли, необходимо еще раз подчеркнуть, что, хотя в нашем распоряжении находится недостаточно материалов для дифференцированного рассмотрения роли каждого из видов хозяйства в каждом физико-географическом районе, мы все же видим, что важнейшим районом концентрации славянского (русского) населения являются Окская пойма — переходный пояс к лесостепи, с обширными заливными лугами, дающими большие возможности для развития скотоводства, и бассейн р. Прони, откуда начинается черноземный край степных равнин с наиболее благоприятными условиями для земледелия.

XXIV

Ремесла. Металлургия и кузнечное дело. Гончарное дело. Классификация рязанской керамики. Вопрос о клеймах на сосудах. Обработка дерева. Прочие ремесла. Прядение и ткачество. Сапожное производство. Меднолитейное дело. Ювелирное дело.

Основные археологические материалы по ремесленному производству в Рязанской земле получены на городище Старой Рязани; на остальных памятниках ремесло представлено немногочисленными находками, не позволяющими составить целостное представление о его развитии. Поэтому, чтобы не повторять уже опубликованные данные, мы отсылаем читателя к главе VI («Ремесло») монографии «Старая Рязань» [31] и ограничимся здесь лишь дополнительными материалами по другим археологическим памятникам и некоторыми общими выводами по истории рязанских ремесел.

Металлургическое производство. В древней Руси, как это доказано работами Б. А. Рыбакова и Б. А. Колчина, металлургическое производство было основано на местном сырье, главным образом на болотных или луговых рудах [32]. В Рязанской земле болотные руды встречаются

[31] А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА № 49, 1955, стр. 98—153.

[32] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА № 32, 1953, стр. 37, карта распространения болотных руд — рис. 12.

на Проне, на многих мелких реках, входивших в бассейн Прони (р. Истья, р. Дунин Ржавец — приток р. Жраки, р. Ржавец — приток р. Керди и др.), на Осетре, на р. Рудне в Переяславле-Рязанском и в особенно большом количестве в районе Старой Рязани — по берегам рек Пры и Кади [33]. Даже в XIX в. здесь были железоделательные предприятия, питавшиеся местной рудой. Следы переработки железной руды в виде шлаков найдены на многих рязанских поселениях в слоях X—XIII вв. и позднейших — в Старой Рязани, Пронске, на горе Гневне, в Коломне, Переяславле-Рязанском, на Казарском, Лубянском, Борисо-Глебском, Ижеславльском, Лихаревском городищах, на Борковском, Алекановском, Борисо-Глебском, Льговском селищах. Перечисленные городища и селища составляют очень небольшую часть общего количества зарегистрированных славянских населенных пунктов в Рязанской земле, но если учесть, что в то же время эти памятники наиболее обследованы в археологическом отношении, то не будет преувеличением предположение о широком распространении железоделательного производства в Рязанской земле не только в городах, но и в селах.

Обработка металлов достигла в районе среднего течения р. Оки широких размеров еще в середине I тысячелетия н. э. Но если на раннем этапе городецкой культуры обработка металлов велась, видимо, в очень скромных масштабах, то обилие металлических украшений и оружия в рязанских могильниках и открытие таких ремесленных комплексов, как погребение кузнеца в Подболотьевском могильнике, свидетельствуют о больших успехах местного населения в развитии железоделательного производства. Однако славяне пришли на среднее течение р. Оки с собственным опытом и ремесленными традициями; они не заимствовали местные формы вещей, и, хотя производственные приемы славянских и финских кузнецов в общем близки, у нас нет оснований предполагать заимствование и в производственных приемах. Следы металлообрабатывающего производства в Рязанской земле найдены на самых ранних славянских поселениях — в Борках и Алеканове, датируемых X веком. В. А. Городцов и Н. П. Милонов обнаружили в Алеканове не только железные шлаки, металлургические и кузнечные, но и запасы железной руды. Последняя найдена в ямах прокаленной на огне вместе с растрескавшимися от воздействия огня камнями. Возможно, что руда подвергалась обжигу, что является одной из операций процесса обогащения руды. В окрестностях с. Борок найдены выходы озерной и дерновой руды. На Борковском селище В. А. Городцов открыл железоплавильную печь. К сожалению, скудные слова отчета не позволяют представить себе открытое сооружение. В. А. Городцов описывает его как яму «с поддувалом в виде рукава, проходящего сбоку к дну ямы» [34].

Так же неясно из отчета о раскопках, что́ представляли собой остатки железоделательного производства, обнаруженные на горе Гневне близ Пронска. Выше уже было сказано о том, что небрежность представленного отчета не позволяет реконструировать открытые исследователем сооружения. Н. П. Милонов описывает остатки очагов, на одном из которых обнаружен железный шлак. Но открытый очаг непригоден для ведения восстановительного процесса. Случайно ли попал шлак на очаг, или за очаг приняты остатки сыродутного горна — решить нельзя. Открытые Н. П. Милоновым сыродутные горны и кузницы близ вала в северной части Пронского

---

[33] М. Баранович. Рязанская губерния. Материалы для географии и статистики России. СПб., 1866, стр. 119. Вообще «Ржавцы» — это, по-видимому, ручьи с болотной рудой. Так, например, в Писцовых книгах упоминается дер. Руднево на Смердячем Ржавце. (Писцовые книги Рязанского края XVI в., т. 1. М., 1898, стр. 285). Там же часто встречаются названия местностей и рек, очевидно, связанных с добычей руды,— Ржавки, Железница, Рудница, Руднево и т. п.

[34] В. А. Городцов. Материалы к археологической карте..., стр. 584.

городища и на территории коломенского кремля почти совсем не описаны в отчетах. Вряд ли читателя может удовлетворить такое сообщение о пронском горне: «Глинобитные стенки круглого горна стояли на каменном фундаменте. Размеры этих горнов невелики: диаметр равен 1,5 м. Крицы, найденные на месте развалин горнов, имеют овальную форму, вес каждой из них достигает 3—3,5 кг» [35].

При раскопках на Лихаревском городище Н. П. Милонов открыл глинобитную печь с большой предпечной ямой. В этой яме среди скоплений золы и угля найдены куски железного шлака и конусовидные глиняные сопла. Обломки конусовидного глиняного сопла с диаметром дутьевого канала, равным 23 мм, встречены на Лубянском городище [36]. Наиболее полное представление о железоплавильных печах и древнерусской домнице как комплексном металлургическом сооружении получено в результате наших раскопок на городище Старой Рязани [37]. Сыродутная печь была опущена в яму землянки прямоугольной формы и стояла на полу у южной стенки землянки. Над печью в крыше было устроено вытяжное отверстие для выхода газов. В противоположной от печи стороне был вход в землянку по деревянной лестнице. Высота горна равнялась 1 м, и колошник находился на уровне древней поверхности земли. Шихта,— т. е. руда, уголь, флюсы,— находилась снаружи землянки, у вытяжного отверстия в крыше, через которое и загружалась печь. Этот тип домницы был рассчитан на круглогодовую эксплуатацию: крыша землянки защищала металлурга и печь от дождя, холода и снега. Другой горн, открытый в Старой Рязани, был наземным. Мы не знаем, как выглядели печи в других населенных пунктах Рязанской земли, но на 12 из них, в том числе и на селищах, в слоях X—XIII вв. найдены несомненные следы металлургического производства.

Изделия рязанских кузнецов составляют самый массовый — после керамики — материал в археологических коллекциях. Не может быть сомнения в местном производстве этих изделий. От простых ножей и лемехов плугов до серпов и кос, от простого молотка до боевого оружия — все делалось в городской или деревенской кузнице. Мы застаем ремесленное производство в Рязанской земле уже в развитом виде; подготовительные этапы этого развития протекали вне Рязанской земли, там, где находилось ее славянское население до колонизации бассейна среднего течения р. Оки. Рязанские кузнецы уже в X в. знали способы изготовления стали и применяли различные технологические приемы при ее использовании. Так, как установлено исследованием Б. А. Колчина серии ножей из наших раскопок в Старой Рязани, нож XI в. состоял из 3 полос, сваренных вместе,— двух железных по краям и стальной внутри. Такое слоистое лезвие наиболее удобно; оно легко вытачивается, а стальная его часть остается до конца существования ножа. Ножи XII—XIII вв. были сделаны с применением цементации. Этот способ изготовления более прост, чем вварка стального лезвия. Однако такие ножи быстро стачивались. Третий прием заключался в изготовлении цельностального лезвия [38]. Прием изготовления ножа в XI в. был наиболее совершенным с точки зрения достижения наилучших рабочих качеств и в то же время наиболее трудоемким. С расширением спроса на ремесленные изделия кузнец переходил к более простым приемам, позволявшим дать массовую продукцию,— к цементации и изготовлению цельностального лезвия.

---

[35] Н. П. Милонов. Основные источники и приемы изучения сел и городов Рязанской области. Рязань, 1950, стр. 40.

[36] Раскопки экспедиции ИИМК 1953 г.

[37] А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 100, 101, рис. 66, 67; Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 27, рис. 3; стр. 34, рис. 11.

[38] Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 71—81.

Ту же тенденцию упрощения производственных процессов с переходом к более массовому изготовлению вещей, иногда даже за счет некоторого ухудшения качества продукции, можно заметить и в других производствах, в частности — в ювелирном, о чем, основываясь на общерусском материале, писал Б. А. Рыбаков.

Вместе с тем исследователи древнерусского ремесла доказали наличие широкой специализации ремесел в X—XIII вв. Рязанский материал не противоречит этому выводу. Например, наиболее сложная продукция слесарей — цилиндрические пружинные замки,— требовавшая, очевидно, выделения особого специалиста — «замочника», встречена на всех, без исключения, исследованных нами рязанских городищах. Это не значит, конечно, что всюду были такие мастера. Очевидно, широкая специализация была лишь в крупнейших городах, таких, как Старая Рязань, Переяславль, Пронск. Из этих центров продукция специализированных производств распространялась повсеместно. В деревне были кузнецы-универсалы, производившие более простые вещи. К сожалению, материалы, собранные в Рязанской земле, недостаточны для специального статистического анализа, который мог бы подтвердить этот вывод; но нельзя не обратить внимания на то, что уже на самых ранних славянских поселениях в Рязанской земле — Борковском и Алекановском мы находим почти все виды изделий из черного металла, которые могут быть отнесены к продукции деревенских кузнецов,— серпы, ножи, ножницы, скобели, долота, резцы и т. д. Здесь же, как выше сказано, найдены следы самого производства. Конечно, часть продукции могла быть приобретена у городских ремесленников, а не произведена на месте, но несомненно, что даже самые ранние славянские поселения, возникшие в Рязанской земле, располагали собственным металлообрабатывающим ремесленным производством.

Гончарное дело. Археологи считают введение гончарного круга верным признаком перехода от домашнего изготовления к ремесленному производству посуды. Гончарный круг не только помогал улучшить качество изделий, но и ускорял производственный процесс, позволял перейти к массовому производству. Гончарный круг, издавна известный в причерноморских городах, широко распространенный в Восточной Европе в римское время, после гуннского нашествия был забыт здесь почти на 500 лет и быстро вновь распространился у восточных славян в киевское время. В X в. почти вся славянская керамика уже изготовлялась на гончарном круге. Археологам не удалось пока проследить даже на отдельных памятниках процесс этого перехода от лепной к круговой керамике, и появление последней в киевское время кажется таким же внезапным, как переход от сравнительно примитивной культуры боршевско-роменских городищ к блестящей культуре городов Киевской Руси в целом. Конечно, археологи понимают, что только несовершенство наших методов исследования не дает возможности глубоко исследовать развитие в недрах предшествующей культуры новой, более яркой и сильной; мы ограничиваемся наблюдением лишь некоторых элементов, по которым устанавливаем связи культур.

Выше я доказывал, что основной колонизационный поток славян, устремившийся в X в. на север и вытеснивший местное население по среднему течению р. Оки, шел из области боршевской культуры. Но при первом взгляде бросается в глаза несообразность: вятичи ушли с Дона с лепной керамикой, а пришли на Оку с гончарным кругом. Не в пути же они изобрели его! Не могли они его и заимствовать, так как у местного населения гончарного круга не было. Вероятнее всего, что у вятичей гончарный круг распространился из южных восточнославянских областей, где он появился раньше. Мы не можем проследить этапы этого распространения, но мы можем утверждать, что это произошло постепенно. Внезапность только

кажущаяся. Действительно, абсолютное большинство керамики, найденной на славянских поселениях в Рязанской земле, сделано на круге, но есть и лепная, и,— что самое главное,— на некоторых формах круговой прослеживаются традиции лепной керамики; есть переходные формы посуды. Очевидно, «боршевцы», как ушли с Дона с лепной посудой, так и пришли с ней на Оку, но здесь, на важнейшем торговом пути, ведшем из южнорусских земель на Восток, они быстро познакомились с достижениями культуры Киевской Руси. Если Верхнее Подонье было глухой окраиной Русской земли, то ставший славянским бассейн среднего течения р. Оки был территорией, сразу включившейся в круг киевской культуры.

Лепная керамика, и именно боршевского типа, известна на ряде поселений в Рязанской земле. Это толстостенные, немного асимметричные высокие горшки со сравнительно узким дном и прямыми, расширяющимися кверху стенками. Венчик прямой или несколько отогнутый наружу, покрытый орнаментом в виде косых насечек или отпечатков зубчатого чекана [39], иногда вдавленный пальцем или ногтевой. Изредка встречается орнамент на стенках под горловиной или по перегибу стенок. В Дубровичах найдены фрагменты нескольких сосудов, украшенных по краю венчика веревочным орнаментом, вылепленных в обычной жгутовой или ленточной технике, но подправленных на круге. К сожалению, обстоятельства находки на дюне не позволяют ничего сказать о хронологическом соотношении этой керамики и лепной, не подправленной на круге; возможно, что в период существования славянского Дубровичского поселения эти виды керамики сосуществовали, но, во всяком случае, мы видим здесь переходную форму к керамике, изготовленной полностью на круге. Несколько своеобразна по своим формам лепная керамика, найденная в Алеканове. Выше уже было сказано, что по ней нельзя установить связей с боршевской культурой.

Совершенно «боршевский» облик носит лепная керамика, обнаруженная при раскопках Палецких курганов и, как я полагаю, попавшая в насыпи курганов из культурного слоя более раннего славянского поселения, существовавшего на территории, где позже были насыпаны курганы. В Старой Рязани, в нижних слоях северного городища, которое является древнейшей частью старо-рязанского поселения, найдена лепная керамика в виде обломков сосудов баночной формы, из грубого глиняного теста со значительной примесью дресвы. Венчики лишь слегка профилированы, и только в одном случае венчик украшен нарезкой по краю [40].

В коллекциях РОКМ имеется некоторое количество лепной керамики с различных поселений, стратиграфически не датированной и не поддающейся типологической датировке. Это лепные сосуды баночной формы, без орнамента и без каких-либо других ярких отличительных черт. Такую керамику мы не включаем в наш обзор, так как примитивная форма баночных сосудов широко распространена, а самый факт изготовления их от руки, без применения гончарного круга, не может служить основательным хронологическим признаком.

Исследователи отмечают чрезвычайную архаичность некоторых форм посуды, встречающейся, например, на поздних мордовских памятниках. Не говоря уже о том, что керамика, изготовленная от руки, без гончарного круга, встречается у мордвы вплоть до новейшего времени, можно отметить и особые формы сосудов, уходящие по своему происхождению в глубокую древность. Так, горшки грубой ручной работы, украшенные по

---

[39] В некоторых случаях вместо зубчатого чекана применялся веревочный или шнуровой орнамент (нанесенный палочкой, обмотанной веревочкой), традиция которого восходит еще к бронзовому веку. КРОМ, № 243, 447.

[40] А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 109.

краям налепным валиком с защипами и нарезками по нему и с рядом сквозных отверстий по краю, имеющие аналогии в скифских памятниках, встречаются на Троице-Пеленицком, Вышгородском и других окских городищах городецкой культуры. Сосуды с подобной орнаментацией отмечены в Поволжье даже в комплексах XIV в. [41] Не только у мордвы наблюдается в довольно позднее время изготовление лепной посуды, но и в ряде древнерусских городов лепная от руки керамика изредка попадается среди круговой [42]. Поэтому не только самый факт изготовления сосудов без круга, а прежде всего их форма и орнамент помогают установить связь раннеславянской окской и боршевской керамики.

Те же традиции боршевской керамики мы наблюдаем на раннем типе гончарной посуды, уже сделанной на круге, но формой сосуда,— с почти прямым венчиком, с веревочным орнаментом по плечикам или насечками по краю венчика,— напоминающей боршевские горшки. Такая керамика найдена на дюне у с. Шумош [43] и на городище Старой Рязани. Старо-рязанская керамика ранних форм, сделанная на круге, представлена выше, на рис. 44 [44]. В этой керамике, как и в найденной в Дубровичах, мы видим переходные формы от лепной к более поздней круговой. К сожалению, отсутствие точных датирующих данных не позволяет нам решить, в течение какого времени протекал этот процесс развития новых форм ремесленного производства, но несомненно, что он происходил, когда уже славяне жили по среднему течению р. Оки, т. е. начался не раньше X в. Раз появившись, гончарный круг распространился очень быстро. Так, впрочем, было всюду. Это примитивное приспособление давало возможность улучшить качество и увеличить количество производимой посуды без особых усилий и затрат.

Классификация рязанской керамики XI—XIII вв. была нами основана на материалах Старой Рязани [45]. Отсутствие четкой стратиграфии и малое количество датирующих признаков не позволило полностью систематизировать старо-рязанскую керамику. Все же нами были выделены 4 основные группы горшков; старо-рязанский материал наиболее массовый, поэтому для всей Рязанской земли эта классификация должна быть положена в основу определения типов керамики XI—XIII вв. Кроме старо-рязанской, нами изучена керамика из Переяславля, относящаяся преимущественно к более поздней эпохе — XIII—XVII вв., керамика с раскопанных нами городищ Казарского, Ижеславльского, Лубянского, Жокинского, Борисо-Глебского, Ново-Ольговского, селищ Казарских, Борисо-Глебского, Льговского, а также находящаяся в коллекции КРОМ керамика с селищ, городищ и курганов, раскапывавшихся другими исследователями. Описание отдельных керамических комплексов дано выше, здесь же мы остановимся лишь на общих вопросах развития керамического производства.

Глина, годная для изготовления посуды, имеется в пределах Рязанской земли в изобилии. Наиболее распространены послетретичные глины — ледниковая морена и делювиальные суглинки (красный безвалунный суглинок), идущие и теперь на изготовление кирпича и простой посуды [46]. Древнерусские гончары, как и современные, использовали залежи сырья, расположенные в непосредственной близости от места производства.

---

[41] В. В. Гольмстен. Керамика древних мест поселений Самарской луки. Бюллетень Об-ва любителей антропологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском университете, 1925, стр. 5—14.

[42] Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле. МИА № 11, 1949, стр. 186.

[43] КРОМ, № 446.

[44] Описание ее см. также в монографии «Старая Рязань», стр. 121, 122.

[45] А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 123—128.

[46] В. В. Осипов. Экономическая география Рязанской губернии. Рязань, 1925, стр. 42, 43.

В Старой Рязани, на самом городище, в непосредственной близости от керамических горнов были найдены ямы, из которых гончары брали глину для производства посуды; наряду с ними есть ямы, в которые складывали глину другого цвета, вырытую где-то на стороне, но, судя по имеющимся вблизи городища выходам глин, ее брали не дальше, чем на расстоянии 1—1,5 км[47].

По керамическому тесту и обжигу рязанская керамика делится на белую, желтую, серую и красную. Древнейшие круговые рязанские сосуды были изготовлены из глины, содержавшей крупнозернистый песок и шамот. Мастера еще не овладели новой технологией и придавали прочность сделанному на круге сосуду, утолщая стенки и «отощая» примесями глину. Но уже в XI в. рязанские гончары использовали тощие глины для изготовления кухонной посуды и жирные глины — для всей остальной. К XIII в. вся посуда делалась более тонкой и лучше обрабатывалась на круге; значительная часть ее покрывалась белым ангобом. Процесс улучшения керамического теста шел параллельно с обеднением орнамента. Ангобированная посуда большей частью — совсем без орнамента.

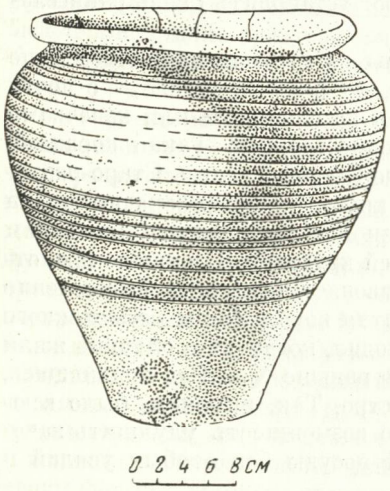


Рис. 113. Сосуд XII в. из Старой Рязани (1-я группа старорязанской керамики).

Керамика обжигалась в горнах, хотя возможно, что часть найденной в Рязанской земле керамики обожжена просто в печи. Горновой обжиг часто был очень слабым и трудно отличимым от печного. На Старо-Рязанском городище обнаружены горны двух типов: 1) глинобитные, двухъярусной системы, с прямым пламенем; верхнее обжигательное помещение отделено от топочного горизонтальной перегородкой из глины с жаропроводными отверстиями; 2) сырцово-кирпичный горн с топочной камерой, расположенной сбоку. Этот горн служил для обжига поливной керамики. Горны, открытые на Льговском селище, сильно разрушены и не поддаются реконструкции. Все же, судя по найденным останкам, они близки к старорязанским первого типа.

К раннему типу рязанской керамики, изготовленной на круге и датированной X—XI веками, кроме описанных выше сосудов, подражающих в форме и орнаменте боршевским, относятся также большие толстостенные корчаги, очень грубо отделанные, изготовленные из теста с большой примесью песка. Венчик еще слабо профилирован; орнамент,— волнистый или линейный,— нанесен по плечикам. Последний иногда сочетается с волнистым и идет по стенкам до основания горшка.

К XI—XII вв. относятся большие горшки с узким дном и широкой верхней частью, с хорошо профилированным венчиком, край которого загнут внутрь; шейка короткая, тулово целиком покрыто линейным орнаментом; черепок тонкий (5—6 мм), плотный; тесто — с примесью мелкого песка, обжиг довольно хороший, хотя в изломе часто видна темная полоса необожженной глины (рис. 113). Горшки эти встречаются сравнительно редко, наибольшее количество их найдено в Старой Рязани.

---

[47] В XIX в.— начале XX в. гончары брали глину, как правило, используя залежи сырья, расположенные не дальше 0,5—1 км от места производства.

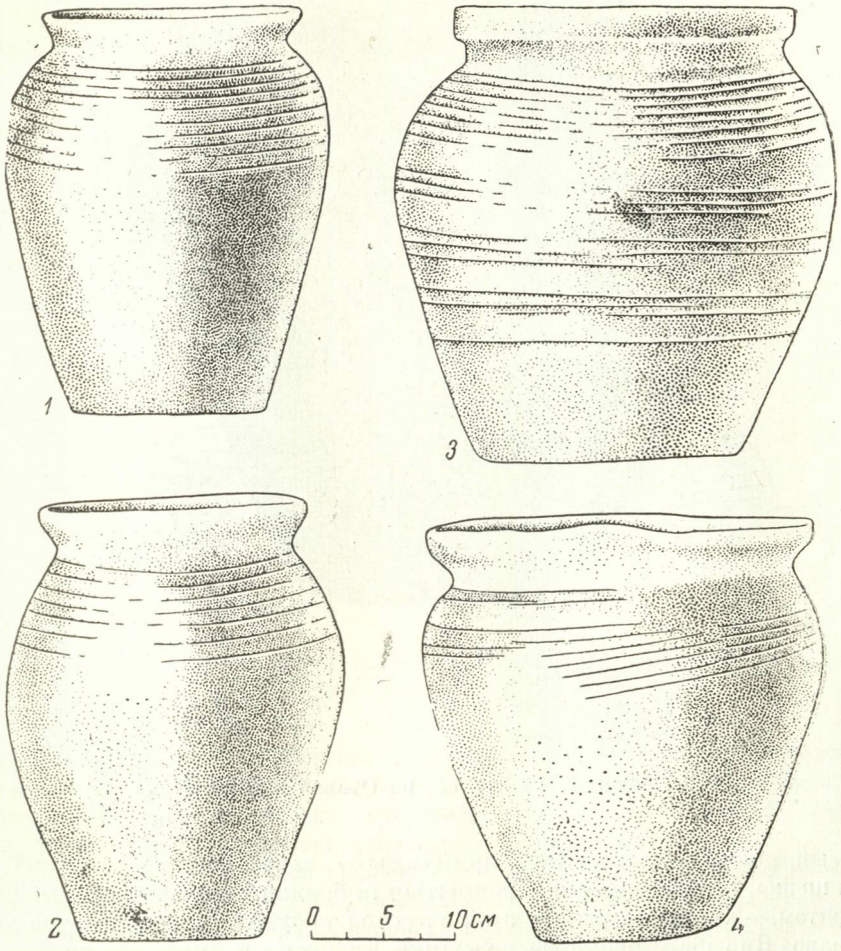


Рис. 114. Сосуды XII—XIII вв. из Старой Рязани (*1—4*).

Были наиболее распространены в Рязанской земле в XII—XIII вв. горшки так называемого «курганного» типа. Этот тип посуды широко известен и не нуждается в специальном описании. Посуда аналогичной формы и техники изготовления известна в огромном количестве из раскопок в Киеве, на городищах Княжа Гора, Вышгород, Белгород, Райки, в Смоленске, в вятичских и других древнерусских курганах и городищах; в меньшем количестве она встречается в северных русских городах — Старой Ладоге, Новгороде, а также в Ярославле и Владимире. Ее следует считать типичной для всех древнерусских городищ XII—XIII вв., и название ее «курганной» отражает лишь историю исследования: эта керамика была впервые выделена по курганным находкам, когда городища еще были мало исследованы. По-видимому, сельское и городское население в XII—XIII вв. употребляло в качестве кухонной посуды в общем сходные горшки.

Более тщательное изучение позволяет выделить местные типы «курганной» керамики. Так, нами намечены 4 группы рязанской керамики «курганного» типа.

К I группе относятся стройные горшки, высота которых больше, чем диаметр (замеряемый по обрезу венчика), на $^1/_4$, иногда — на $^1/_3$. Резко

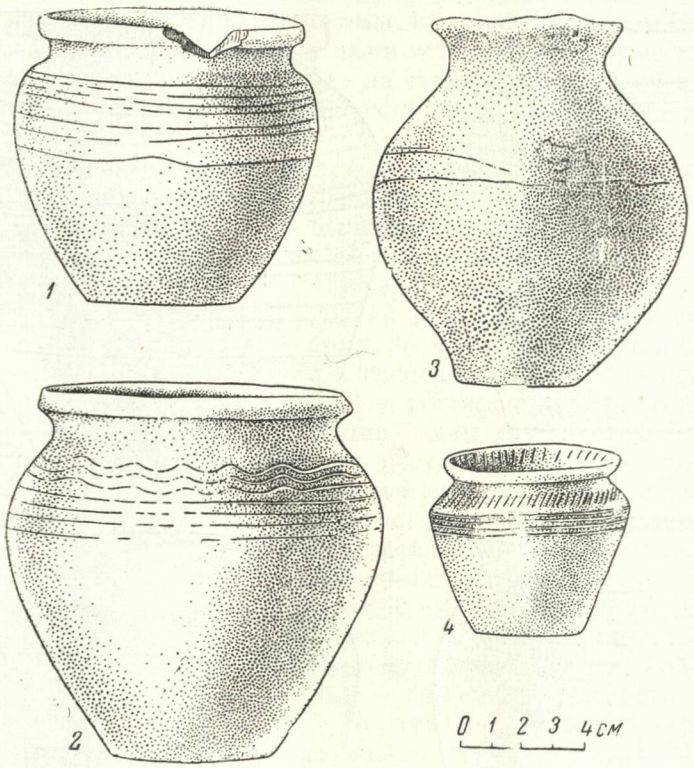


Рис. 115. Сосуды XII—XIV вв. из Старой Рязани (*1—4*).

отогнутый, прижатый к шейке, «припухлый», закругленный венчик [48], короткая шейка, крутые плечики, покрытые небрежно нанесенным линейным орнаментом,— характерны для этой группы сосудов. Клейм на этой керамике мало. Дно формовано на подсыпке из песка и имеет закраину. Отдельные сосуды достигают высоты 40 см. К той же группе керамики относятся горшки несколько иных пропорций, с более широким дном, равным $^3/_4$ диаметра зева, со слабо отогнутым венчиком и стенками, конусообразно спускающимися от плечиков ко дну (рис. 114, *1, 2*). В комплексах с этой керамикой встречаются маленькие амфоровидные сосуды с ручками (рис. 115, *3*) и миниатюрные горшочки, вероятно, служившие солонками (рис. 115, *4*).

Бо́льшая часть таких сосудов из Старой Рязани, Пронска, Переяславля-Рязанского и Ижеславля — белоглиняные. Встречается посуда той же формы и пропорций, но из желтой и серой глины; она, как правило, богаче орнаментирована: наряду с линейным применялся волнистый орнамент, а иногда и зубчатый, нанесенный в верхней трети сосуда. Такие же горшки найдены в рязанских курганах. Обычно они меньше размером, чем городищенские, и несколько грубее сделаны. Примером такой керамики могут

[48] Эволюция венчиков зависела не только от назначения посуды и формы, которую стремился придать гончар, но и от быстроты вращения гончарного круга. Даже на горшках из одного горна, очевидно, изготовленных одним мастером, венчики бывают однотипными, но все же всегда разными. Поэтому дробная классификация керамики по форме венчика бесполезна для хронологических и типологических выводов. Важны лишь основные типы венчика. В пределах одного типа возможны значительные отклонения отдельных экземпляров.

Рис. 116. Сосуд из Апоничищихинских курганов.
Раскопки А. В. Дмитревской, 1925 г.

служить сосуды, обнаруженные в Апоничищихинских курганах (рис. 116). Черепок их достигает толщины 6,5—7 мм; тесто хорошо вымешано, но содержит большое количество примесей в виде дресвы и песка; обжиг слабый. Керамика I группы относится к XII—XIV вв.

II группа — горшки с диаметром горла (16—25 см), равным высоте сосуда или несколько превышающим ее. Цвет глины серый, иногда бурый; тесто — с примесью песка, иногда довольно крупного. Орнаментация богаче и разнообразнее, чем в I группе. Чаще применяется зубчатый орнамент. Закраины на донышках очень явственны. Значительное количество обнаруженных клейм относится к этим сосудам. Обжиг средний. Наряду с низкими сосудами (рис. 115, *1, 2*) встречаются стройные горшки, приближающиеся по пропорциям и размерам к I группе; однако венчик их равен по толщине стенке горшка и иногда идет в виде простого валика по краю горла. Больше всего горшков II группы найдено в курганах и на городищах Старо-Рязанском, Ново-Ольговском, Ижеславльском, Жокинском, Лубянском. Много такой посуды и на селищах XII—XIII веков. В славянских погребениях Борковского могильника встречены сосуды II группы (см. рис. 54б).

III группа включает горшки тех же форм, что и II группа, но они отличаются тем, что в тесте имеется примесь дресвы и толченого кварца. Цвет керамики серый. Встречается она только на Старо-Рязанском, Ново-Ольговском городищах и на селищах того же района.

IV группа старо-рязанской керамики — сосуды с высокими прямыми вертикальными шейками. Это самая нарядная керамика, иногда орнаментированная от венчика до донышка. Часть сосудов — с крышками, иногда — с клювовидными ручками и небольшими отверстиями для веревки. Форма и размеры сосудов очень разнообразны. Эти сосуды и по форме, и — в особенности — по пышной орнаментации не сходны с керамикой

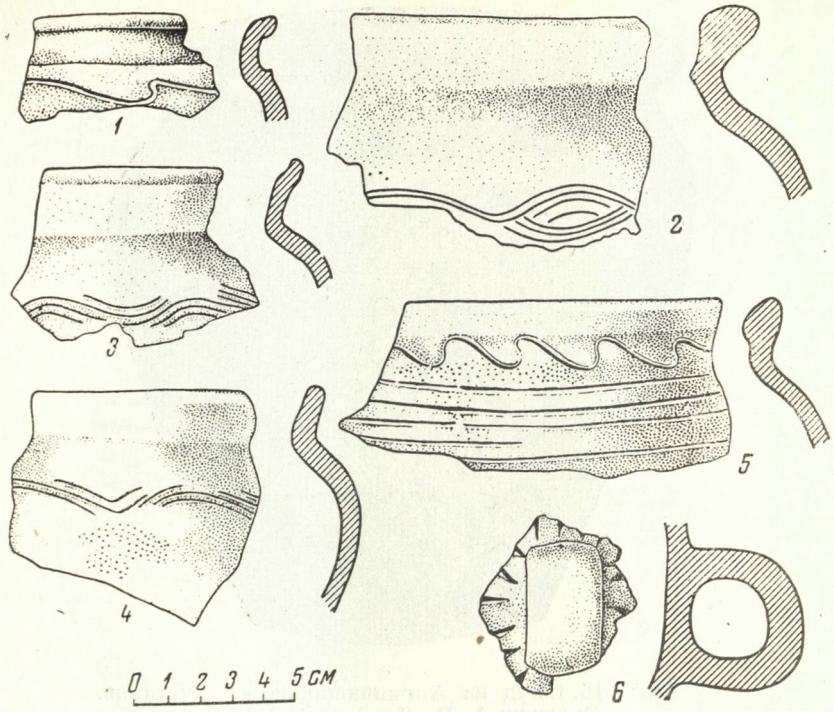


Рис. 117. Керамика XII—XIII вв. из Переяславля-Рязанского (*1—6*).

других древнерусских городов. И в Рязанской земле они почти нигде не встречаются, кроме Старой Рязани и ее ближайших окрестностей. Местом производства этой керамики, по-видимому, была только Старая Рязань. Датируется эта керамика XI—XII веками.

Керамика Переяславля-Рязанского отличается от старо-рязанской и сближается с московской. Здесь, так же как и в Москве, сравнительно мало керамики «курганного» типа. В слоях XII—XIII вв. наибольшее количество сосудов принадлежит к типу, названному М. Г. Рабиновичем «городищенской керамикой» [49]. Это горшки с довольно слабо отогнутым высоким венчиком и резким изломом профиля пониже шейки (рис. 117); точнее, — в месте перехода шейки в плечо появляется уступ, который иногда выглядит как острое ребро [50]. Орнамент на плечиках линейный и ногтевой, очень редко — волнистый; большинство сосудов совсем не орнаментировано. Поверхность сосуда темно-серая или темно-бурая, в отличие от московской не шероховатая, а гладкая. Обжиг хороший. Черепок толстый (6—7 мм). С этой керамикой сочетается представленная, главным образом, горшками с очень небольшим прямым венчиком (без шейки), непосредственно переходящим в крутые плечики. Пропорции этих горшков отличаются большой шириной в верхней части, округлым туловом и сравнительно узким дном. Линейный орнамент идет непосредственно по венчику и редко спускается на плечики сосуда. У части сосудов этого типа бывает венчик сложного профиля; в таком случае сам венчик остается неорнаментированным, а линейный орнамент в виде тщательно прорезанных гребенкой желобков идет по плечикам сосуда.

[49] М. Г. Рабинович. Московская керамика. МИА № 12, 1949, стр. 60, 61.
[50] Подобная керамика в Новгороде датируется XIII веком (Г. П. Смирнова. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. МИА № 55, 1956, стр. 242).

Рис. 118. Керамика XIII—XIV вв. из Переяславля-Рязанского (*1—9*).

В слоях XIII—XIV вв. преимущественно встречается керамика, по своему профилю близкая к «курганному» типу, но отличающаяся упрощенной формой венчика и фактурой (рис. 118). Эта посуда изготовлена из хорошо отмученной глины с малой примесью песка, хорошо обожжена и имеет слегка залощенную поверхность. Орнамент обычно линейный, изредка — волнистый, нанесенный палочкой или гребенкой. Н. Н. Воронин называет встреченную им во Владимире, Суздале и Ярославле керамику этого типа «средней красной» [51], М. Г. Рабинович — «грубой

[51] Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле, стр. 186.

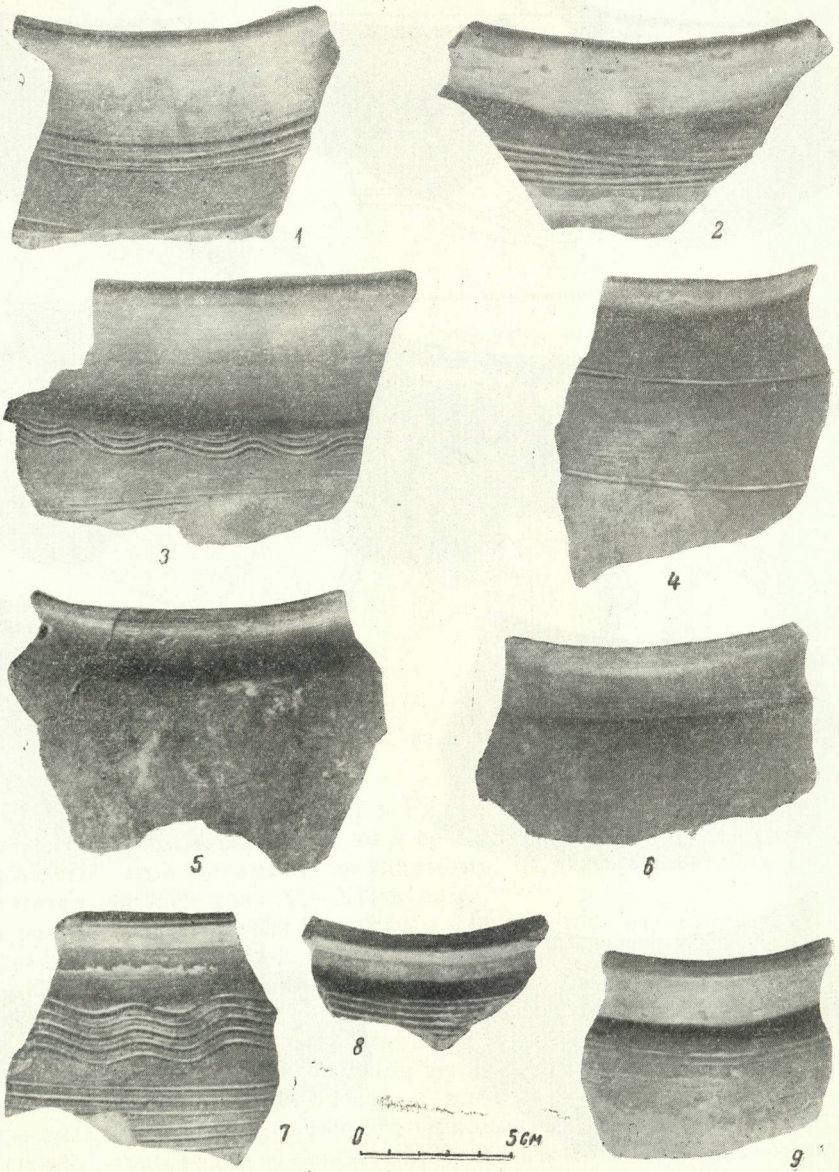


Рис. 119. Керамика XIV—XV вв. из Переяславля-Рязанского (*1—9*).

красной»[52]. Несмотря на сходство рязанской керамики с московской и ярославской, названия эти к ней не подходят, так как и в изломе черепка, и на поверхности она не красная, а серая, изредка — желтая или желтовато-розовая и, наконец, коричневая. Наряду с горшками среди керамики этого типа встречаются невысокие миски без ручек и одноручные кувшины.

В XIV в. широко распространилась тонкостенная керамика (она встречается почти на всех городищах и селищах, имеющих слой этого времени), мало или совсем не орнаментированная, изготовленная из белой глины или покрытая белым ангобом (рис. 119). Клейм на сосудах этого типа нет.

[52] М. Г. Рабинович. Московская керамика, стр. 61.

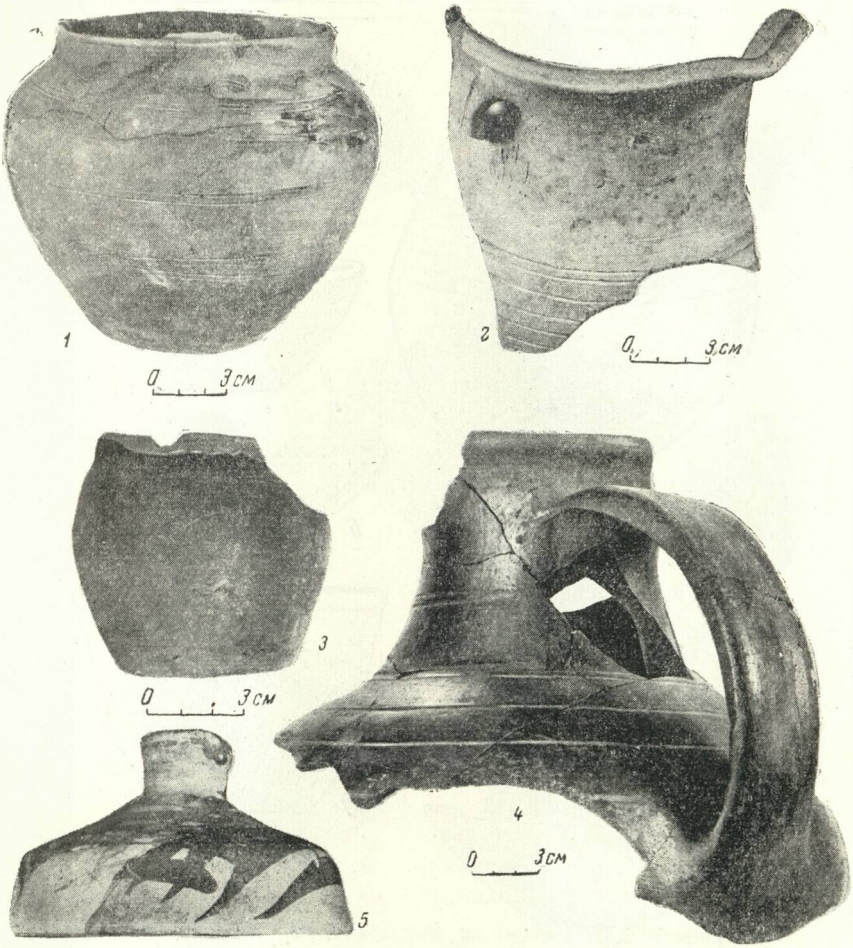


Рис. 120. Сосуды XVI—XVII вв. из Переяславля-Рязанского (*1—5*).

Рязанская керамика XV—XVI вв. представлена большим разнообразием форм сосудов и способов отделки их поверхности. В этот период рязанская керамика все больше приближалась по своему облику к московской. Встречается черная морёная и черная лощеная керамика. Пожалуй, главным отличием от московских комплексов является то, что в рязанских слоях XV—XVI вв. в большом количестве попадается красная лощеная керамика, распространенная в Москве преимущественно в XIV в.

К поздним слоям относятся горшки со слабо отогнутым венчиком или прямым венчиком, имеющим выступ на внутренней стороне. Они изготовлены из грубого теста серого цвета, с большой примесью песка, слабо обожжены; поверхность их темная, закопченная, шероховатая.

В слоях XVII и XVIII вв. часто встречается черная лощеная керамика, белая ангобированная и расписанная красной краской по белому ангобу (рис. 120 и 121). Кроме посуды, кирпичей и строительных материалов, другие виды керамических изделий представлены игрушками, грузилами, пряслицами (рис. 122 и 123).

Керамика селищ Рязанской земли плохо изучена. Больших раскопок селищ не было, материалы в большинстве случаев подъемные.

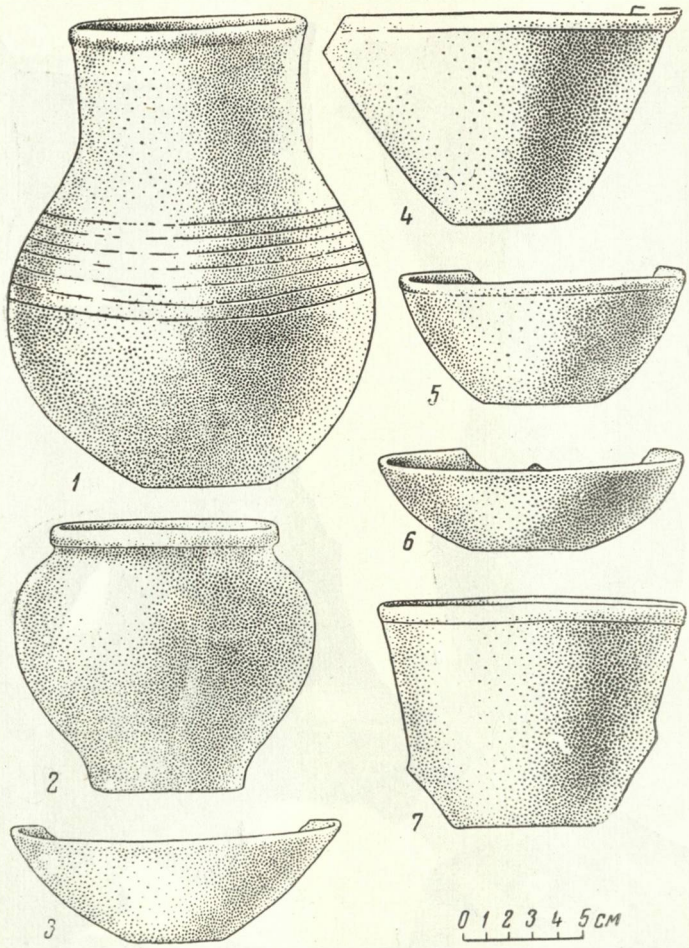


Рис. 121. Керамика XVI—XVII вв. из Переяславля-Рязанского (*1—7*).

Характеристика керамики славянских селищ — Борковского, Дубровичского и раскопанных нами Казарских, Борисо-Глебского, Льговского была дана выше.

Основные материалы по керамике селищ на р. Проне собраны А. А. Мансуровым [53]. Керамика хранится в фондах КРОМ и была нами изучена. В большинстве случаев керамика из сборов представляет собой невыразительные фрагменты, относящиеся к тому широкому кругу памятников, который суммарно характеризуется как керамика «курганного» типа. Почти полностью отсутствует зубчатый орнамент, преобладает линейный и волнистый (последний, судя по отчету, в большинстве случаев относится к нижним слоям). Основная форма сосудов — горшки и миски. Днища сосудов носят следы подсыпки золы и песка; изредка на днищах встречаются клейма. Имеются сосуды с прямым венчиком. По орнаменту, обжигу и керамическому тесту многие экземпляры близки к городищенской керамике. Таковы фрагменты керамики с Лыковского селища (на ле-

[53] А. А. Мансуров. Археологические разведки по нижнему течению р. Прони в 1929 г. НАРМ, № 306; его же. Археологические памятники реки Прони от Пронска до устья. НАРМ, № 658.

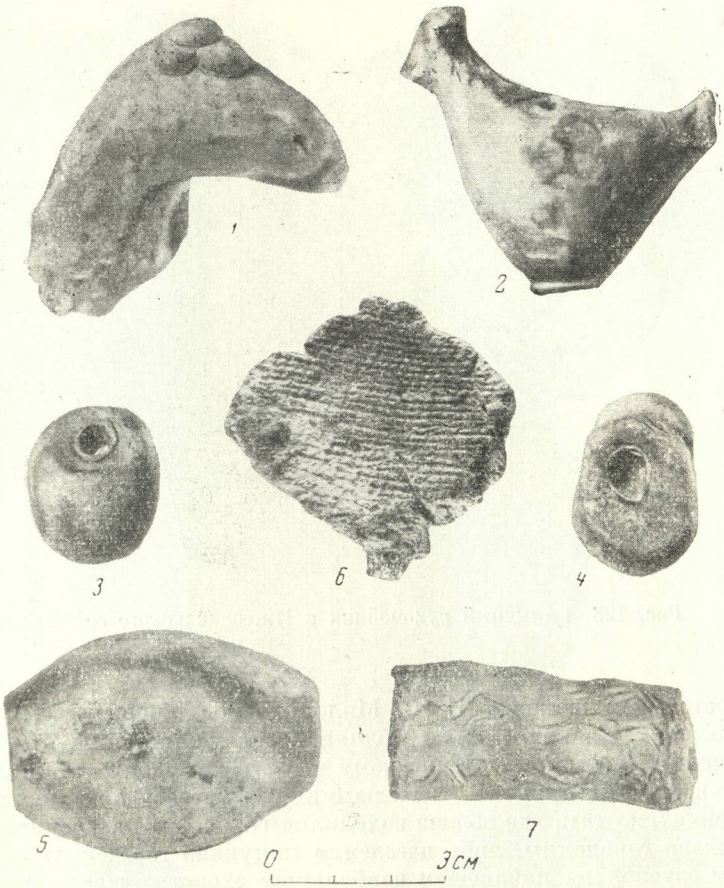


Рис. 122. Керамические изделия из Переяславля-Рязанского:

1 — обломок глиняной игрушки; *2* — глиняная игрушка-свистулька; *3—5*—грузила; *6* — обломок сосуда с отпечатком ткани; *7* — красноглиняная ручка с орнаментом.

вом берегу р. Прони, в 8 км от г. Пронска; рис. 105, *1—4*). Возможно, что близость к городу и вызвала это сходство керамики. Больше всего на пронских селищах тонкостенной белой малоорнаментированной керамики.

Керамика Кисьвянского селища очень отличается от городищенской. Преобладает печной обжиг. Выделка грубее, керамическое тесто хуже. Орнамент преимущественно волнистый, нанесенный палочкой. Стратиграфически не определено время изготовления этой керамики, но, вероятно, она одновременна с лыковской и отличается лишь вследствие удаленности от ремесленного центра — города.

Подробные статистические данные о керамике пронских селищ содержатся в отчете Н. П. Милонова [54]. Однако они не вызывают полного доверия, так как подсчеты, очевидно, велись по образцам, субъективно отобранным из общего комплекса. Автор сообщает, что в селищах обнаружено 20% днищ с клеймами, 50% днищ, имеющих лишь добавочный кружок, 5% днищ гладко срезанных. В изученном нами материале очень мало днищ с клеймами и нет совсем днищ гладко срезанных. Это заставляет усомниться

[54] Н. П. Милонов. Селища по р. Проне. НАРМ, № 337.

Рис. 123. Глиняный рукомойник с Ижеславльского городища.

и в остальных выводах Н. П. Милонова по Толпинскому, Быковскому, Лыковскому, Кисьвянскому, Столпянскому, Галинскому, Никитинскому, Подгорному-Пронскому, Новинскому и Маклаковскому селищам.

По-видимому, производство керамики существовало на многих сельских поселениях, но там, где вблизи находился город, либо деревенские гончары подражали городским, либо население покупало городскую керамику; во всяком случае, мы наблюдаем наибольшее сходство деревенской и городской керамики, когда знаем о существовании крупных ремесленных центров,— в районах Старой Рязани, Пронска, Переяславля. Особенно ярко это наблюдение в районе Старой Рязани, так как специфика старо-рязанской керамики IV группы позволяет легко установить сходство с ней керамики, найденной на селищах и городищах вблизи Старой Рязани.

В дополнение к ранее опубликованным клеймам на днищах сосудов из Старой Рязани [55] и Пронска [56] публикую серию днищ с клеймами, найденных в Переяславле-Рязанском (рис. 124, *3*), на Ижеславльском (рис. 124, *1, 2, 4, 5;* рис. 125; рис. 126, *5, 8—12*), Лубянском (рис. 126, *2, 3, 6, 7*) и Жокинском (рис. 126, *1, 4*) городищах.

Вопрос о гончарных клеймах, начиная с середины прошлого века, неоднократно обсуждался в научной литературе; посвящен ему и раздел в нашей монографии о Старой Рязани (стр. 119—121). И все же я позволю себе вновь вернуться к этому вопросу. Еще в прошлом веке были сформулированы два взгляда на вопрос о происхождении гончарных клейм: К. П. Тышкевич приписывал им символическое, религиозное значение; возражая ему, А. Котляревский предложил рассматривать клейма как знаки мастеров [57]. Точку зрения К. П. Тышкевича поддержали В. И. Сизов,

---

[55] А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 118—120, рис. 80, 80а, 81.

[56] А. А. Мансуров. Старо-рязанские и пронские клейма. СА, VIII, 1946, стр. 293—298.

[57] Обзор литературы о клеймах см. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 163 и 175—182.

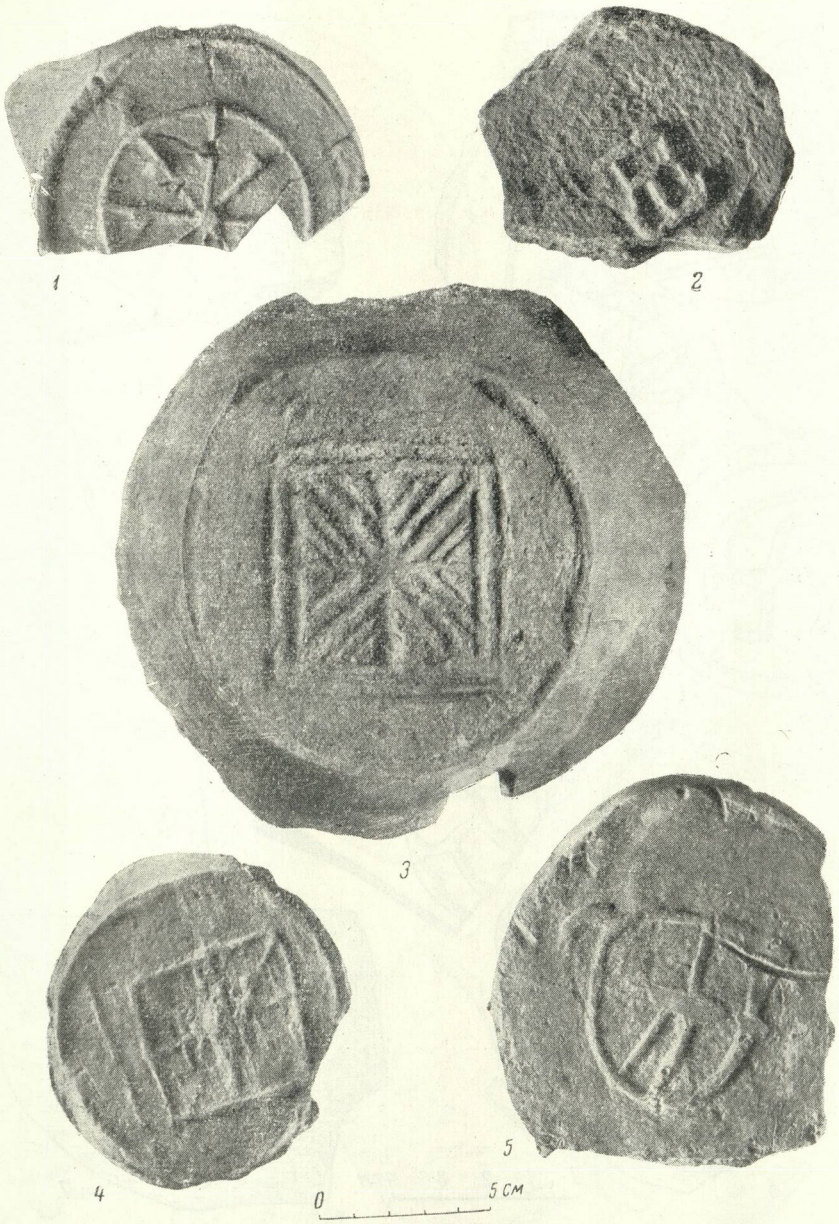


Рис. 124. Днища сосудов с клеймами с Иже:лавльского городища (*1, 2, 4, 5*) и из Переяславля-Рязанского (*3*).

Е. Н. Клетнова, немецкий ученый М. Нэбе и др., точку зрения А. Котляревского — А. С. Уваров, В. Козловская и ряд других ученых.

В особенности подробно разобрали вопрос о клеймах и аргументированно выступили в защиту взгляда на них как на знаки мастеров польский ученый И. Костржевский и Б. А. Рыбаков. Однако многих ученых, в том числе и сторонников этой концепции, смущали два обстоятельства: во-первых, современные гончары, иногда ставящие клейма на днищах сосудов, лишь изредка рассматривают их как производственные знаки и объясняют этнографам происхождение клейм то как простое «баловство», то как

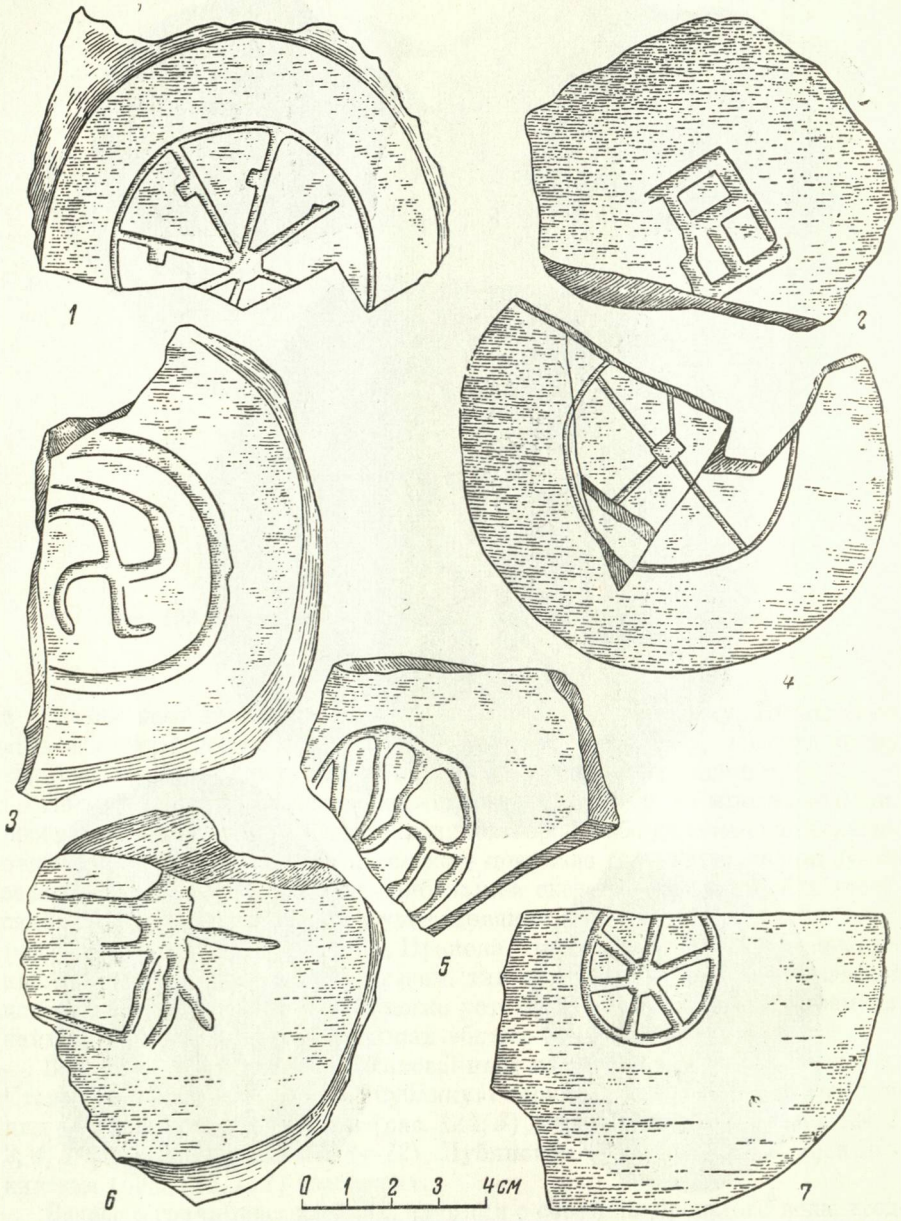


Рис. 125. Клейма на днищах сосудов с Ижеславльского городища (*1—7*).

желание угодить запросам покупателя. Во-вторых,— и это самое главное,— горшки с клеймами составляют лишь очень небольшой процент от общего количества найденных сосудов. В гнездовских курганах их насчитывается 2—2,5%, в коллекциях Киевского музея (по подсчетам В. Козловской) — не более 15%; очень немного их в Москве, Новгороде и других городах, подвергавшихся раскопкам. В Старой Рязани, Пронске и других городах Рязанской земли количество днищ с клеймами едва превышает 1%. Б. А. Рыбаков писал, что «факт отсутствия клейм на некоторых

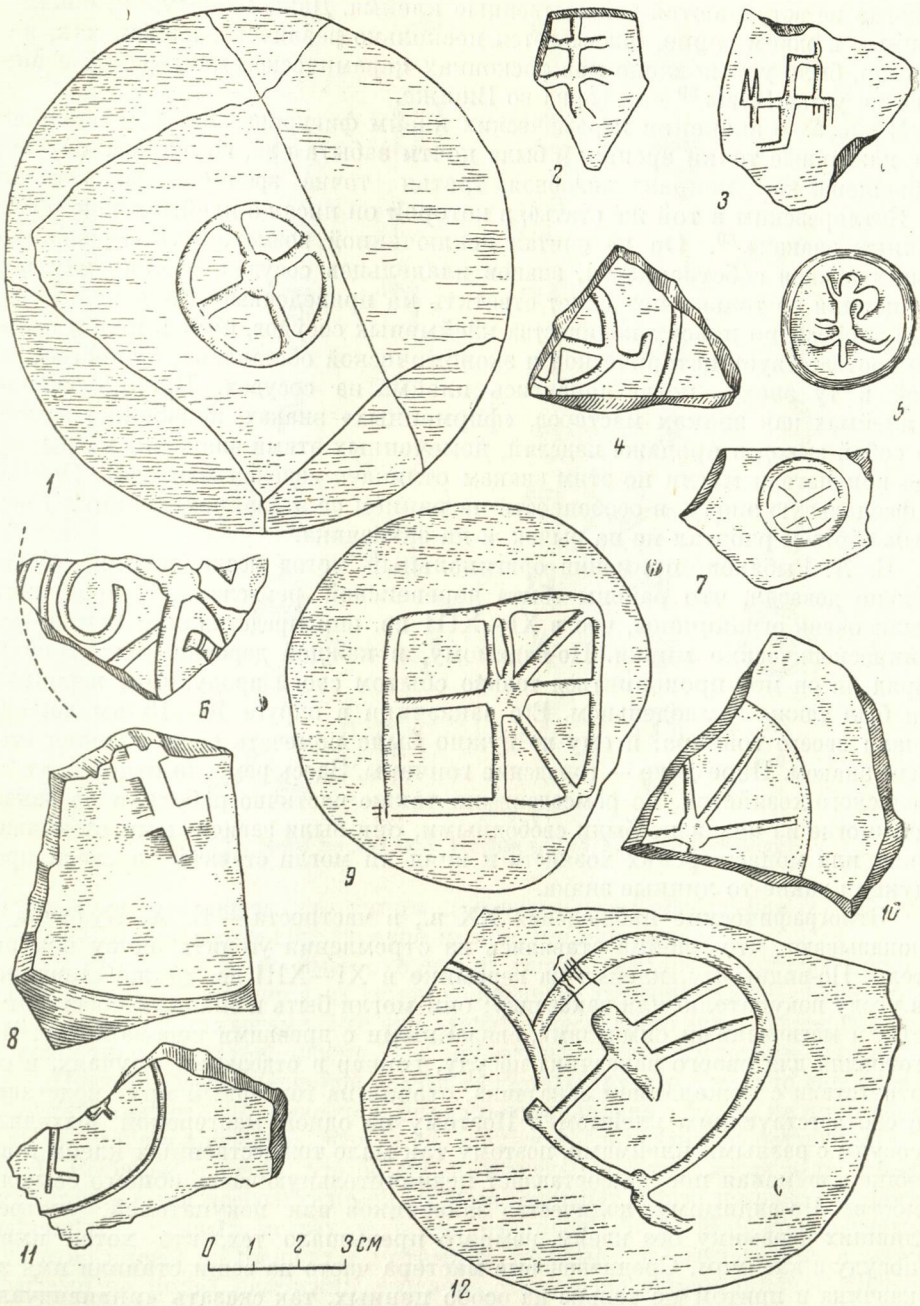


Рис. 126. Клейма на днищах сосудов с Ижеславльского (*5, 8—12*), Жокинского (*1, 4*) и Лубянского (*2, 3, 6, 7*) городищ.

сосудах до сих пор не может быть удовлетворительно объяснен»[58]. В самом деле, почему мастер клеймил лишь некоторые из изготовленных им сосудов? Или, может быть, клеймили все свои сосуды лишь некоторые мастера? Но и в этом случае вызывает недоумение тот факт, что среди найденных на одном городище или в одной курганной группе горшков почти

[58] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 175.

никогда не встречаются тождественные клейма. Даже на сосудах, обнаруженных в одном горне, оказывается несколько различных клейм, как, например, было установлено при раскопках керамической мастерской в Москве на устье Яузы [59] или горна во Вщиже.

В спорах о значении керамических клейм фигурировали, как правило, две названные точки зрения, и была почти забыта или, во всяком случае, отброшена как неправдоподобная третья точка зрения, высказанная А. Котляревским в той же статье, в которой он писал о клеймах как «фабричных знаках» [60]. Он не считал исключенной возможность признания в них знаков собственности, знаков владельцев сосудов. Между тем эта концепция не только позволяет ответить на приведенные выше недоуменные вопросы по поводу количества клейменых сосудов, но и в целом больше соответствует исторической и экономической обстановке, существовавшей в ту эпоху, когда появились клейма на сосудах. Предположение о клеймах как знаках мастеров, «фирменных» знаках, неизбежно влечет за собой вывод о продаже изделий, помеченных этими знаками, на рынке, где покупатели могли по этим знакам отличать изделия мастеров. Однако в феодальную эпоху, в особенности на раннем ее этапе, ремесленник главным образом работал не на рынок, а на заказчика.

Б. А. Рыбаков, применив оригинальный метод исследования, убедительно доказал, что районы сбыта деревенской ремесленной продукции были очень ограничены, что в XI—XIII вв. они представляли замкнутые микроскопические мирки. По-видимому, в каждой деревне был гончар. Вряд ли он мог прокормиться только сбытом своей продукции; вероятно, он был также земледельцем. Его заказчики в округе 10—15 км хорошо знали своего гончара, и ему не нужно было помечать свои изделия особым знаком. Иное дело — городские гончары. Здесь ремесло отделилось от сельского хозяйства, но ремесленники также частично работали на заказ, да многие из них и не были свободными, они были зависимыми от княжеских или монастырских хозяйств и вряд ли могли ставить на своей продукции какие-то личные знаки.

Этнографические наблюдения XX в., в частности — Б. А. Куфтина [61], показывают, что клейма ставились из стремления угодить вкусу покупателя. По-видимому, клейма на керамике в XI—XIII вв. также ставились в угоду покупателю или заказчику; они могли быть и знаками собственности, и магическими символами, связанными с древними верованиями. Изготовляя для своего заказчика посуду, гончар в отдельных случаях, в соответствии с пожеланием заказчика, ставил на гончарный круг подставку с соответствующим клеймом [62]. Поэтому из одной мастерской выходили сосуды с разными клеймами, поэтому так мало тождественных клейм и вообще клейменая посуда составляет незначительную часть общего ее количества. По-видимому, количество заказчиков или покупателей, употреблявших керамику без клейм, намного превышало тех, кто хотел иметь посуду с клеймом. Средневековые мастера часто на вещи ставили имя заказчика и притом не только на особо ценных, так сказать «индивидуальных» изделиях. В частности, любопытные наблюдения сделала М. П. Сот-

[59] М. Г. Рабинович. Раскопки 1946—1947 гг. в Москве на устье Яузы. МИА № 12, 1949, стр. 33.

[60] А. Котляревский. Заметки к статье К. П. Тышкевича. «Древности», 1867, т. I, стр. 247.

[61] Б. А. Куфтин и А. М. Россова. У гончаров Дмитровского и Воскресенского уездов. «Московский краевед», 1928, вып. 5.

[62] У современных гончаров клейма вырезаны на самом круге. Но при раскопках в Новгороде в 1955 г. впервые удалось обнаружить в слое XII в. верхнюю часть гончарного круга легкого типа и подставки с вырезанными клеймами (А. А. Бобринский. Гончары-пидьбляне. СА, № 1, 1959, стр. 240).

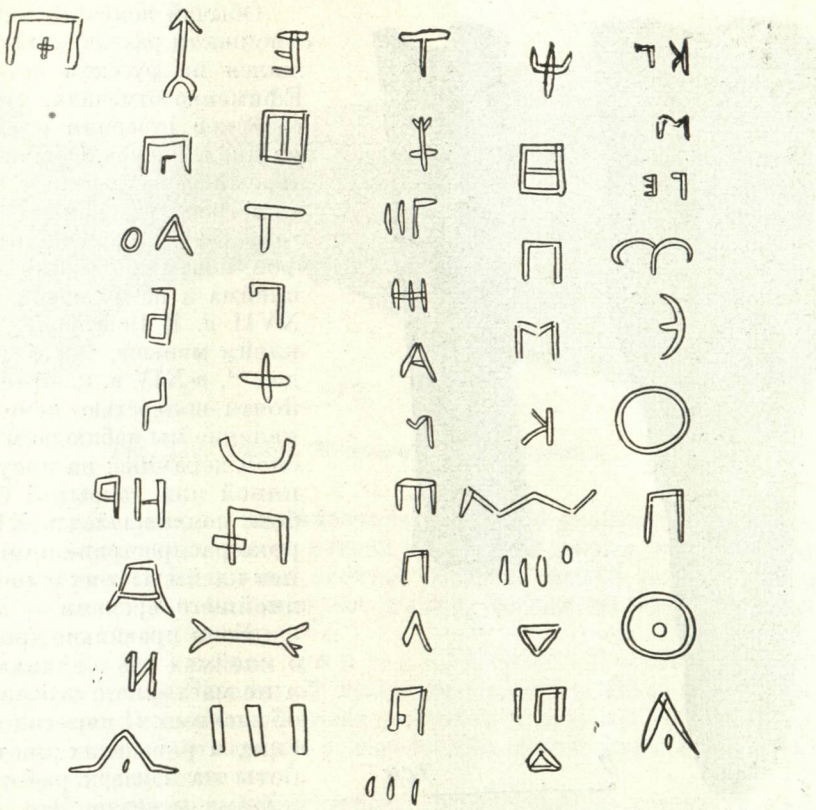


Рис. 127. Меты на лугах у Касимова (по А. А. Мансурову).

никова, установившая, что ливцы древнерусских Серебряных гривен ставили на готовых изделиях не свое имя, а имя заказчика [63].

То, что знаки на клеймах сходны на гигантских пространствах славянских земель объясняется их происхождением: первоначально знаки были религиозными символами. Все эти круги, колеса, свастики, кресты связаны с солнечным культом, ключи — с земледельческими культами (водой) и т. п. Повторяемость рисунков клейм свидетельствует о том, что они первоначально имели символическое, ритуальное значение. Но это не противоречит и предположению, что они служили знаками собственности [64]. Б. А. Рыбаков отмечал, что бортные знамена, полевые меты и др. также ограничиваются несколькими десятками основных форм, широко распространенных в разных местах и повторяющихся. А. А. Мансуров заметил сходство клейм на горшках с метами и гранями, наблюдавшимися этнографами на полях рязанских деревень доколхозного времени [65]. В 1928 г. он зарисовал меты на лугах около Касимова. Мы публикуем его зарисовку (рис. 127) [66]. Если исключить меты в виде букв, то среди остальных рисунков большинство сходно с гончарными клеймами [67].

---

[63] М. П. Сотникова. Серебряные платежные слитки Великого Новгорода. Автореферат диссертации. Л., 1958.

[64] П. Е. Ефименко. Юридические знаки. ЖМНП, 1874, октябрь, ноябрь и декабрь.

[65] А. А. Мансуров. Старо-рязанские и пронские клейма, стр. 297.

[66] НАРМ, № 647.

[67] Это наблюдал и Б. А. Рыбаков в Волоколамском районе в 1934 г. («Ремесло древней Руси», стр. 178, прим. 102); см. также: П. М. Смирнов. Полевые меты

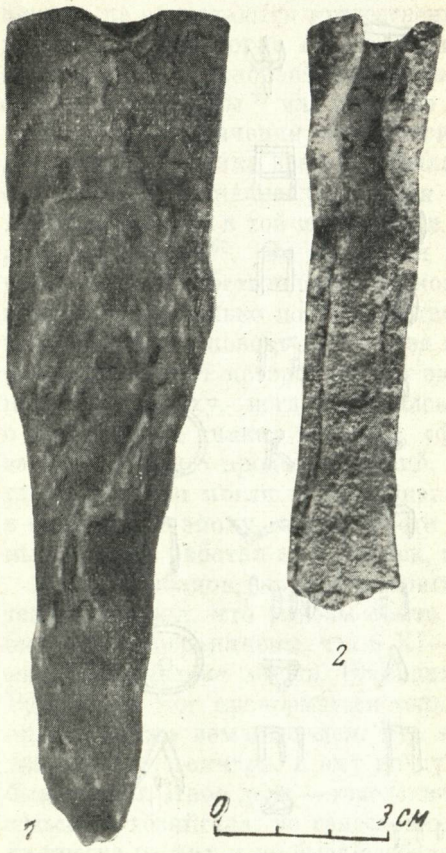


Рис. 128. Железные вещи VIII—XII вв.

1 — втульчатый топор VIII — IX вв. Городище Высокая Гора (Семеновское; КРОМ, № 337/2); *2* — долото XII в. Ижеславльское городище. Раскопки 1953 г.

Обычай помечать знаками собственности различную посуду удержался на русском севере. П. Е. Ефименко отмечала, что в Архангельской губернии клейма ставят на дне стаканов. Обычай клеймить керамику сохранился в Московской области, как об этом свидетельствуют наблюдения этнографов, почти до наших дней. Есть клейма и на московской керамике XVII в. В Новгороде, где вообще клейм меньше, чем в других городах [68], в XIV в. клейменые сосуды почти полностью исчезли. То же явление мы наблюдаем и на рязанской керамике: на посуде белоглиняной или покрытой белым ангобом, появившейся в XIII в. и широко распространенной в XIV в., нет клейм. Нет их и на посуде позднейшего времени.

Если правильно предположение о клеймах как о знаках заказчика, а не мастера, то это явление легко объяснимо. С переходом новгородских и рязанских мастеров от работы на заказ к работе на рынок клейма исчезли. Это, конечно, не означает, что новгородские и рязанские мастера до XIV в. работали только на заказ. Количество неклейменой керамики всегда превышало число сосудов с клеймами. Нельзя, по-видимому, по соотношению тех и других судить о количестве «заказной» и «рыночной» керамики, так как нам неизвестно, все ли заказчики просили клеймить их посуду.

В течение нескольких веков русские ремесленники-гончары работали и на заказ, и на рынок. В XIV в. в ряде областей закончился процесс перехода к производству на рынок. Кое-где (в особенности на Севере) работа на заказ удержалась надолго, иногда — до нашего времени [69]. Я не хочу утверждать, что изложенное выше решает проблему происхождения и значения гончарных клейм; она должна решаться не только на рязанском, и даже не на общерусском, а на общеславянском материале [70]. Но я полагаю,

---

Рузского района. «Московский краевед», 1927, № 1; В. Д. Бакулин. К вопросу о гранях и метах. «Вестник Рязанского края», 1925, № 4 (8). Наиболее полная сводка русских знаков собственности составлена Е. Г. Соловьевым. («Знаки собственности в России». Казань, 1885).

[68] А. В. Арциховский. Раскопки на Славне. МИА № 11, 1949, стр. 137; Г. П. Смирнова. Опыт классификации керамики древнего Новгорода, стр. 247.

[69] Клейма исчезли повсеместно там, где распространился ножной круг с проволочной съемкой. Для Севера типична песочная съемка.

[70] В связи с этим следует обратить внимание на статью чешского ученого К. Черногорского (Karel Černohorsky. Keramika a feudalismus, II. Diskuse k studii akademika Iaroslava Böhma k otázce o vzniku feudalismu v ceských zemich.

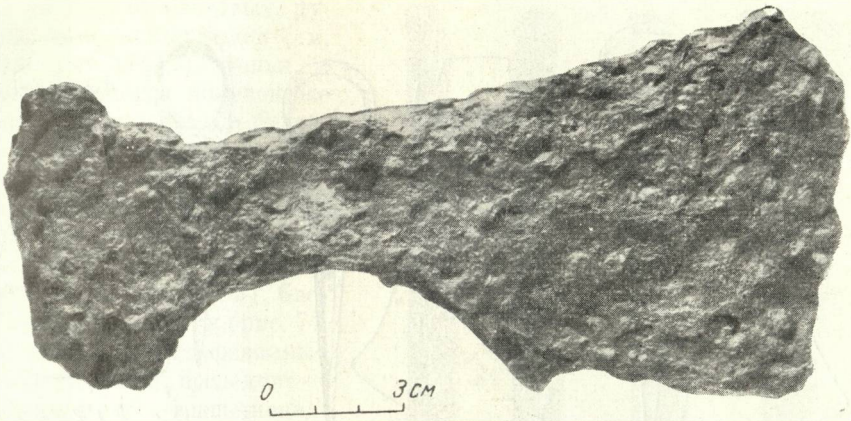


Рис. 129. Топор. Ижеславльское городище.

что взгляд на клейма как знаки заказчиков является реалистическим и так же подлежит обсуждению, как и взгляд на них как знаки мастеров. Вместе с тем изучение клейм в этом аспекте сулит не менее важные выводы по истории ремесла, чем те, которые делали, исходя из предположения, что клейма — это знаки мастеров [71].

Деревообрабатывающие промыслы. В культурном слое поселений и в курганах Рязанской земли дерево очень плохо сохраняется. Поэтому до начала раскопок в Переяславле-Рязанском мы вообще не знали местной деревянной утвари, а о деревянных постройках судили лишь по отдельным их фрагментам.

Некоторое представление об обработке дерева можно составить по сохранившимся инструментам. Основным орудием плотничных работ был топор («секира»). Плотницкий топор с выемкой, облегчавшей его вес, и опущенным лезвием был сходен с боевым топором. Для столярных работ мог служить топор с широким лезвием, по форме похожий на тесло, но, в отличие от последнего, имевший проух, параллельный лезвию. Вероятно, лесорубным, но годным и для других работ был топор с узким прямым лезвием [72]. На ранних рязанских городищах встречаются еще топоры втульчатые, типа кельтов, судя по аналогиям (обнаружены на роменских городищах), относящиеся к VIII—IX вв. (рис. 128, *1*). В X—XIII вв. все топоры были уже проушные, и постепенно вырабатывались наиболее современные их формы, дающие высокий коэффициент полезного действия (рис. 129 и 130).

Наряду с топором широко применялось и тесло, похожее на железную мотыгу и имеющее горизонтальную втулку. С его помощью выравнивалась поверхность дерева, а также выдалбливались широкие углубления (в корыте, погребальной колоде и т. п.) Очень распространенной находкой на

Český Lid, Praha, 1953, № 1, стр. 21—31), в которой автор критикует теорию о гончарных клеймах как знаках мастеров и на чешском, польском и русском материале доказывает, что они являются знаками собственников. Той же точки зрения в отношении клейм на румынской керамике придерживается Барбу Слатинеану (Barbu Slătineanu. Ceramica românească. București, 1938).

[71] В частности, очень важное наблюдение Б. А. Рыбакова об усложнении гончарных клейм при переходе по наследству, может оставаться в силе, если мы в «наследниках» будем видеть владельцев посуды, принадлежащих к одному роду, семье, а не гончаров.

[72] См. типы топоров на рис. 72 (стр. 107) в монографии «Старая Рязань».

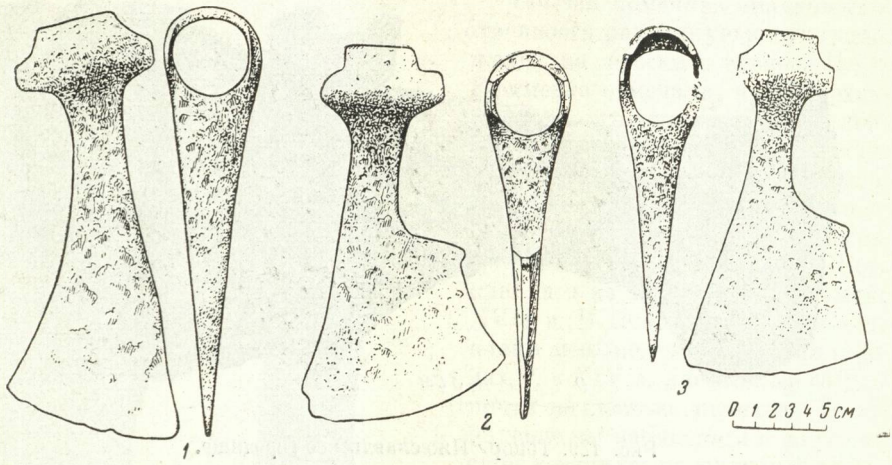


Рис. 130. Топоры.

1 — городище Пальное; *2*, *3* — Вышгород.

городищах являются долота — инструмент для долбления пазов и разных выемок. Известны долота двух типов: в виде широкого лезвия с откованной из того же куска металла втулкой, в которую вставлялась деревянная рукоять (рис. 131, *4*; рис. 128, *2*), и с целым металлическим четырёхгранным стержнем, скошенным к лезвию углом (рис. 131, *1—3*). Серия таких долот большого размера (длина — 35,5 см) найдена на городищах Пальное и Вышгород (рис. 131 а, б) [73].

Для выстругивания дерева и сдирания коры применялся скобель, для сверления — спиральные сверла. Найдено несколько токарных резцов по дереву.

Все эти инструменты известны нам, главным образом, по находкам на Старо-Рязанском городище, но там дерево не сохраняется, и готовые деревянные изделия обнаружены нами лишь в Переяславле-Рязанском. В слое XII—XIII вв. и в слое XIV в. найдены 3 деревянные чаши, выточенные на токарном станке. Чаша XIV в. (см. выше, рис. 72, *3*) — диаметром 12,5 см, высотой 9 см; она имеет довольно прямые стенки, слегка отогнутые наружу вверху и постепенно утолщающиеся (от 0,5 до 1 см) книзу, и низкий кольцевой поддон. Чаши XII—XIII вв.— двух видов: одна, выточенная из ольхи, сделана довольно грубо и представляет собой сосуд диаметром (в верхней части) 13 см, высотой 5,5 см, с прямым венчиком и стенками, резко суживающимися ко дну, диаметр которого равен 5,7 см (см. выше, рис. 72, *2*); вторая чаша, изящной формы, на ножке высотой 3 см, очень мелкая, с толстыми стенками и большим диаметром верхней части (15 см), выточена из грушевого дерева (рис. 72, *1*). На токарном станке делались веретена, иногда украшенные нарезным орнаментом (рис. 71, *3*; рис. 75, *2*).

В результате находок деревянных изделий, изготовленных на токарном станке, в Новгороде, Переяславле-Рязанском, на Райковецком городище и т. д. мы получаем все более широкое представление о разнообразном ассортименте деревянной посуды, употреблявшейся на Руси, и о высоком искусстве токарей.

Кроме столовой деревянной посуды, в древней Руси вырабатывали различную тару для зерна, меда и т. п. В Переяславле найдены многочислен-

[73] КРОМ, № 222 (1—4).

ные клепки от ольховых, дубовых и сосновых бочек (см. выше, рис. 74, *4*), донья и крышки, иногда помеченные какими-то значками и буквами. Много деревянных предметов хозяйственного назначения сделано топором и ножом: колотушки — пестики (рис. 73, *1*, *2*; рис. 72, *2*), тележная ось (рис. 74, *3*), блоки, педаль от прялки (рис. 74, *1*) и др. Найдены деревянные ложки и гребни; последние — традиционной трапециевидной формы, с глазковым орнаментом, хорошо известные в изделиях из кости (рис. 75, *1*).

Плотничество. Особую категорию ремесленников-древоделов составляли строители. Упоминаемые в летописях городники или огородники были строителями городских укреплений, мостов и зданий. Деревянные срубы (городни) были открыты под насыпями валов на многих рязанских городищах. Лучше всего они изучены в Старой Рязани. Наземные бревенчатые жилища также широко были известны в Рязанской земле, но лучше всего они представлены в Переяславле.

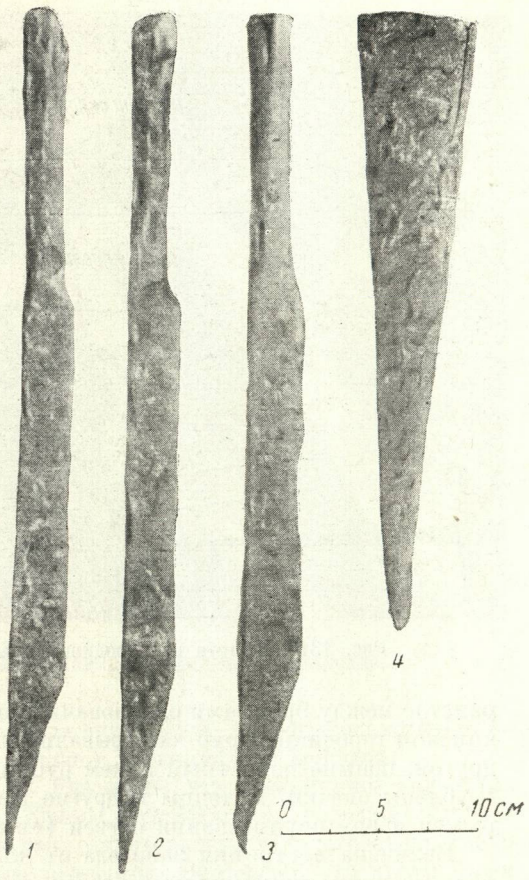


Рис. 131а. Долота из городищ Пального и Вышгорода (КРОМ, № 222).

Фотография.

Основным орудием в постройке сруба был топор. Пила в строительстве,— во всяком случае, для продольной распиловки,— стала применяться поздно. Возможно, что пилы употребляли уже в XII—XIII вв. не только в столярных, но и плотничных работах для поперечной распиловки дерева. Пилы, найденные в Старой Рязани, пригодны для этой цели, а бревна построек в Переяславле-Рязанском носят следы поперечного отпила. Последнее заключение не бесспорно, так как торцовые части бревен плохо сохранились.

Рязанские постройки в большинстве случаев рублены одним и тем же приемом — «с остатком»: врубали одно бревно в другое, отступя от концов бревен, так что концы выдавались за стены сруба. Этот прием и поныне широко распространен при строительстве жилищ и имеет то преимущество, что угол дома остается теплым. Рубка производилась «в чашку» («в обло»). В одном бревне на расстоянии около 20 см от конца вырубалось полуцилиндрическое углубление, соответствующее соединенному с ним под прямым углом другому бревну. «Чашку» вырубали в нижнем бревне и в нее опускали верхнее бревно (рис. 132). В верхней части нижнего бревна делали также паз для более плотной пригонки бревен. Прост-

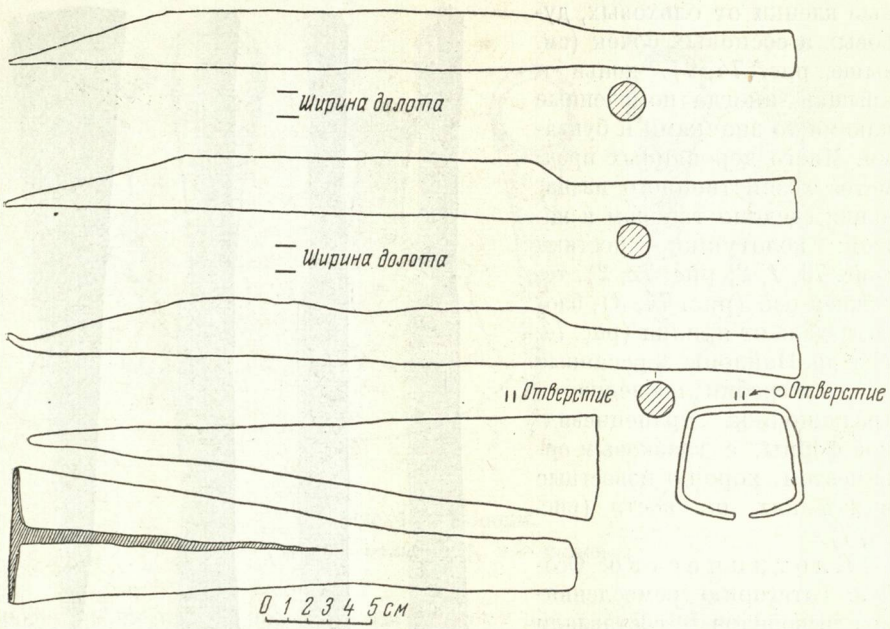


Рис. 131б. Долота из городищ Пального и Вышгорода. Чертеж.

ранство между бревнами законопачивали, а иногда, как, например, на Жокинском городище, сруб обмазывали глиной. В Переяславле отмечен и другой, поныне известный прием рубки,— «в лапу», «без остатка». Так срублены опечки, колодцы и другие мелкие сооружения. Нигде не обнаружен прием наращивания бревен («в зуб»).

Величина постройки зависела от длины бревна. Жилище увеличивалось не путем наращивания бревен сруба основной клети, а путем пристроек и образования составных клетей — двойной, тройной и т. д. Постройки Переяславля-Рязанского — преимущественно из дуба, реже — из хвойных деревьев. Городни на валах всюду дубовые. Жилые постройки, по-видимому, в древности, как и позже, стремились возводить из хвойных деревьев [74]. Наличие в Переяславле преимущественно дубовых построек объясняется тем, что они не жилые, а хозяйственного назначения.

Бревна, предназначаемые для постройки, рубили в сруб на стороне, перемечивали зарубками, начиная снизу (I, II, III и т. д.; рис. 133), затем разбирали и переносили на то место, где сруб должен быть установлен. Сруб укладывали на землю без всякого фундамента, иногда даже не расчищая слой навоза и щепы, как, например, в Переяславле. Иногда по углам сруба и посередине бревен первого венца устанавливались «стулья» — короткие бревна, забитые или вкопанные в землю на 0,5—0,75 м (Старая Рязань, Переяславль, Пронск). Вокруг двух срубов в Переяславле обнаружены завалины. Деревянные полы положены, как правило, на переводины — толстые балки. В некоторых наземных домах полы глинобитные.

Кроме срубных построек, в Рязанской земле были распространены полуземляночные жилища, стены которых были сделаны из вертикальных, вкопанных в землю, столбов с досками или полубревнами, впущенными в пазы. Иногда стояки оплетены горизонтальными жердями или хворостом и обмазаны глиной.

---

[74] Е. Э. Бломквист указывает, что в южных областях в XIX в. зажиточные крестьяне возводили срубы из привозного с севера хвойного леса (ук. соч., стр. 445).

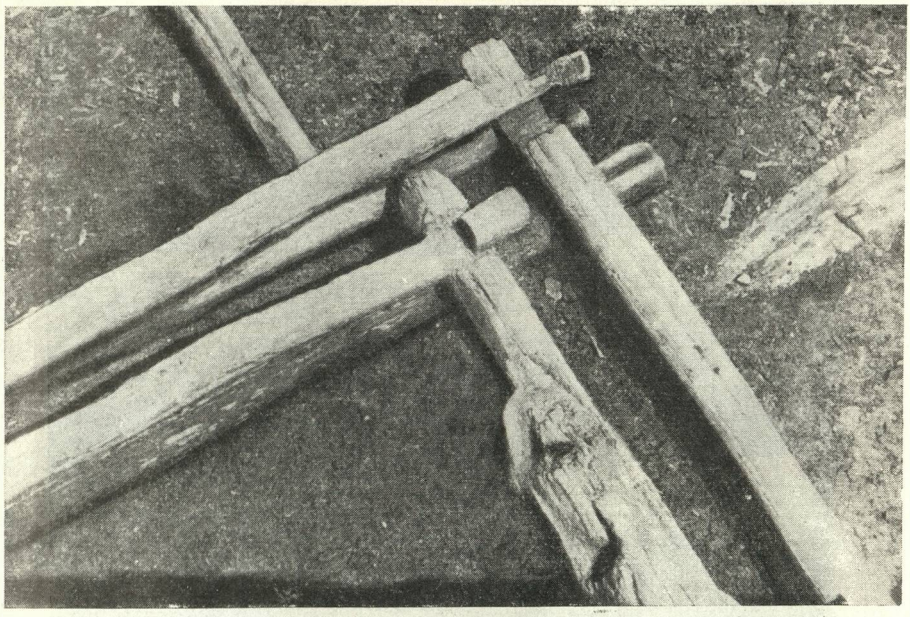


Рис. 132. Способ рубки угла здания. Переяславль-Рязанский.

Какими были крыши и какова была внутренняя планировка жилища,— мы не знаем. Деревянная мебель также в раскопках не найдена.

Каменное зодчество. В Рязанской земле каменное зодчество достигло большого совершенства. Храмы, открытые на городище Старой Рязани и в Новом Ольговом городке, свидетельствуют о строительстве в лучших традициях древнерусского зодчества. Вероятно, строители были местные мастера.

Сделаем некоторые замечания в отношении остальных ремесел или домашних промыслов, существовавших в Рязанской земле [75].

Прядение и ткачество. В курганах и на городищах Рязанской земли встречены очень небольшие фрагменты тканей. Если исключить привозные шелковые, то можно предполагать, что обнаруженные шерстяные, льняные и конопляные ткани — местного производства. Ножницы для стрижки овец найдены на Борковском селище, в Старой Рязани и в Переяславле-Рязанском. Впрочем, нельзя утверждать, что пружинные ножницы употреблялись в древности только для стрижки овец; они широко распространены наряду с шарнирными и, вероятно, использовались для различных целей. Гребни для чесания шерсти и льна найдены в Переяславле (см. выше рис. 71, *1*). Это деревянные вертикальные гребни с ручкой, которая нижним концом вставлялась в скамью. Для трепания льна и конопли употреблялись длинные деревянные ножи («трепала»), известные в славянских древностях с VIII—IX вв. (Старая Ладога). В Переяславле их найдено несколько штук разных размеров (рис. 74, *7*) — от 35 до 85 см в длину. И поныне подобные «мечевидные» трепала употребляются в Рязанской области [76]. Для прядения служили деревянные веретена (рис. 71, *3*; рис. 75, *2*), на которые надевались пряслица.

[75] Здесь, как и в других случаях, мы имеем в виду не только ремесло в строгом смысле этого слова, но и домашние производства.

[76] Н. И. Лебедева. Прядение и ткачество восточных славян. Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, стр. 479.

Рис. 133. Зарубки-метки на бревнах сруба. Переяславль-Рязанский.

Пряслица были шиферные и глиняные. Шиферные пряслица были распространены только в домонгольское время. Наряду с шиферными пряслицами, в особенности на сельских поселениях, встречаются глиняные, по форме близкие к шиферным. В слоях XV—XVI вв. попадаются пряслица, сделанные из обломков керамики. Пряслица бытуют в Рязанской области и до настоящего времени. По сообщению Н. И. Лебедевой, в с. Лесном-Ялтунове (Конобеевского района) иногда до сих пор употребляют для прядения и те пряслица, которые находят в земле. В Шацке на базаре в 1950 г. гончары из с. Демидово продавали для местного населения глиняные пряслица, ничем не отличающиеся от пряслиц XVI в.[77]

[77] Н. И. Лебедева. Прядение и ткачество восточных славян. Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, стр. 483.

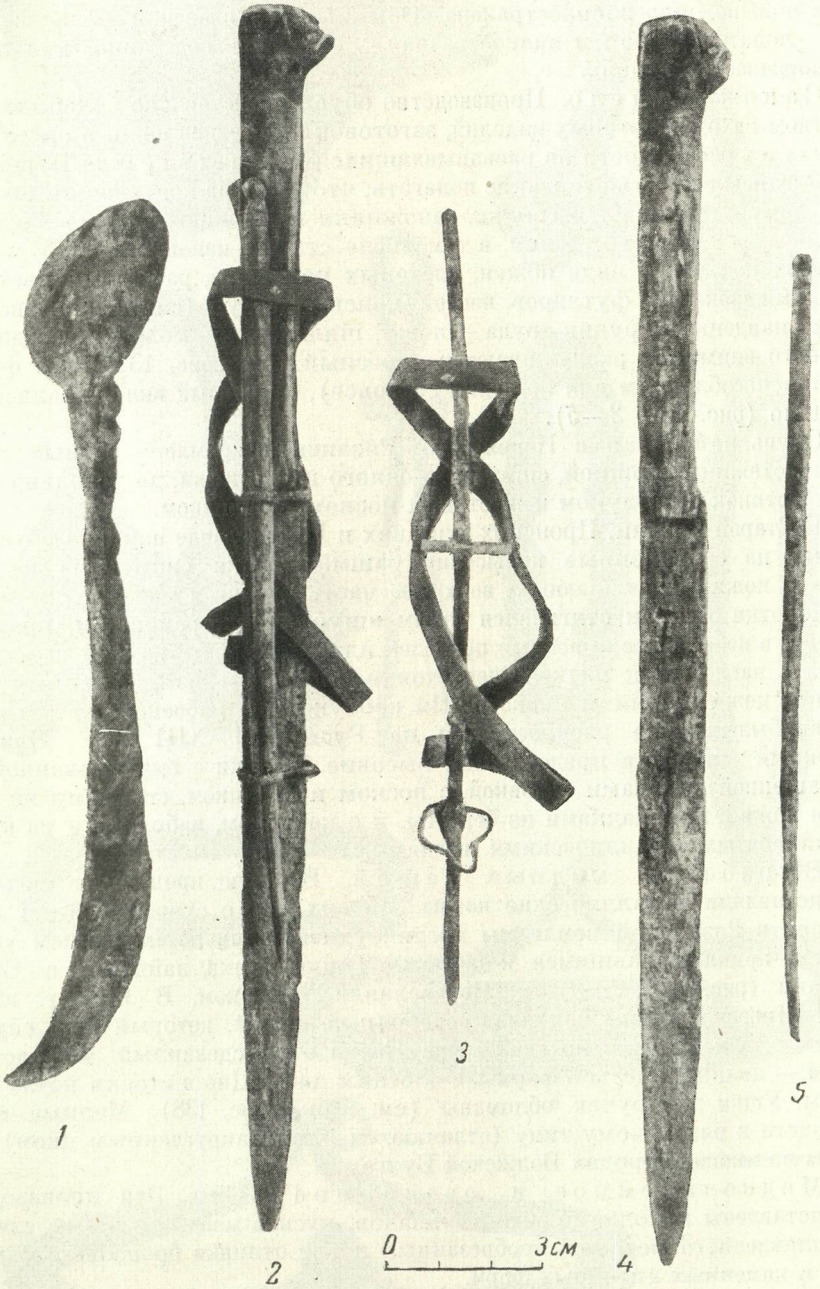


Рис. 134. Переяславль-Рязанский. Раскопки 1956 г.

1 — усморезный нож; *2* — нож и шило в футляре для ношения на поясе; *3* — отдельно металлический футляр с кожаными ремешками; *4* — нож с деревянной рукояткой; *5* — шило.

Как выглядела древнерязанская прялка,— мы не знаем. Возможно, что найденный в Переяславле в слое XII—XIII вв. деревянный предмет (рис. 74, *1*) представляет педаль от прялки. Впрочем, механическая прялка и поныне мало распространена. Обычные в Рязанской области прялки — лопатообразная и вилкообразная — это лишь подставки, к которым привязывается кудель.

Сапожное дело. Производство обуви представлено большим количеством находок готовых изделий, заготовок и обрезков кожи на всех городищах и в особенности на раскапывавшихся участках в кремле Переяславля-Рязанского. Есть основание полагать, что здесь на протяжении нескольких веков селились кожевники, сапожники и шорники. Кроме большого количества готовых изделий, в том числе старой, изношенной обуви, различных поделок в виде ножен, плетеных ремешков, расшитых цветными нитками кожаных футляров, частей конской сбруи (см. выше, рис. 66), здесь найдены и орудия труда — ножи, шилья, иглы, молотки-гвоздодеры. Особого внимания заслуживают усморезный нож (рис. 134, *1*) и футляр (с приспособлением для ношения на поясе), в который вкладывались нож и шило (рис. 134, *2—5*).

Обувь, найденная в Переяславль-Рязанском кремле,— разных типов: от простейших поршней, сшитых из одного куска кожи, до довольно сложных ботинок с каблуком и жесткими носком и задником.

В Старой Рязани, Пронских курганах и Переяславле найдена обувь, похожая на современные невысокие башмаки. Они сшиты из цельных кусков кожи, охватывающих верхнюю часть ступни и пятку. На высоте щиколотки башмак стягивался узким шнурком или ремешком, продевавшимся в небольшие сквозные прорезы, идущие вокруг верхней части башмака с наклоном к пятке. Очень тонкие подошвы из сложенных вдвое кусков кожи пришиты нитками. Ни каблуков, ни набоек нет [78]. Этот тип обуви был широко распространен на Руси в XI—XIII вв. [79] Наиболее сложный тип обуви представляют высокие ботинки с гофрированной или украшенной наколами головкой, с носком и задником, сшитыми из 2 кусков кожи с прокладками из бересты, и с каблуком, набранным из кусков кожи, сбитых металлическими гвоздями.

Выработка медных вещей. Важную продукцию медников представляли металлические котлы. До сих пор о существовании таких котлов в Рязанской земле мы могли судить лишь по железным ушкам ручек, приклепывавшимся к котлам. Такие ушки найдены в Старой Рязани (рис. 135, *2, 3*) и Переяславле-Рязанском. В 1952 г. вблизи дер. Щигрово обнаружен клад серебряных вещей, который был спрятан в земле, в котле из красной меди. Котел этот, сделанный из листовой меди,— цилиндрической формы, с плоским дном. Дно и стенки котла склепаны. Ушки для ручек обломаны (см. ниже, рис. 138). Медные котлы близкого к рязанскому типу (отличаются лишь закругленным дном) найдены во многих городах Волжской Булгарии [80].

Меднолитейное и ювелирное дело. Эти производства представлены находками медных шлаков, кусков меди, тиглей со следами расплавленного металла, необрезанных после отливки бронзовых украшений и каменных литейных форм.

---

[78] А. И. Черепнин и И. И. Проходцев. Дневник раскопок Пронских курганов. ТРУАК, т. XIII, 1899, стр. 57.

[79] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА № 41, 1954, стр. 62, 63.

[80] А. П. Смирнов, отмечая, что котлы не датируются по стратиграфическим данным, приводил аналогии из ранних памятников — Лядинского могильника, Приладожских курганов и т. д. («Волжские булгары», М., 1951, стр. 116). Находки в Рязанской земле позволяют датировать такие котлы XII—XIII веками.

Рис. 135.

1 — костяная наковаленка для ювелирных работ; *2*, *3* — железные ушки от ручек для медных котлов; *4* — пинцет; *5*—*9* — кресала; (*1* — Переяславль-Рязанский; *2*—*9* — Старая Рязань).

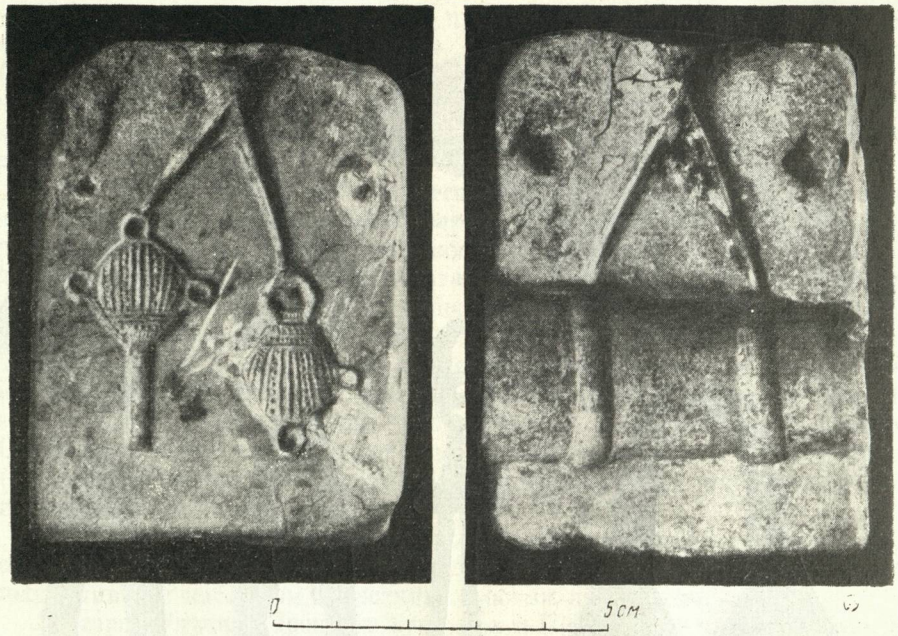


Рис. 136. Каменная литейная форма из Переяславля-Рязанского.

Кроме ранее опубликованных мной каменных литейных форм из Старой Рязани [81], обращают на себя внимание каменная литейная формочка для зерни из Алеканова (см. выше, рис. 53, *6*) и литейная форма из Пронска (найдена на Гневне; рис. 90, *7*). Последняя представляет собой четырёхугольную плитку из серого песчаника, толщиной 1—1,2 см, размером 6 × 7 см. Кусок песчаника был отрезан от первоначального камня, большего размера, на котором было вырезано гнездо для отливки пластинчатого браслета киевского типа. На камне сохранились гнезда для отливки гладкого небольшого колечка и двух серег (подвесок), состоящих из ложновитого стержня и трех напускных бусинок. Форма в литье подражает аналогичным подвескам из витой проволоки с напаянными бусинами, датируемым XII—XIII веками. В Переяславле-Рязанском найдена литейная форма из серого сланца, четырёхугольная, размером 7 × 5,5 см, толщиной 3 см, на одной стороне которой вырезаны гнезда для отливки двух сережек, а на другой — сделана глубокая выемка для отливки какого-то предмета в виде цилиндра с выпуклыми ребрами (рис. 136). Форма обнаружена в перекопанном недатированном слое, но относится ко времени не позже XIV в. Интересно, что аналогичная форма встречена О. В. Милорадович в с. Маджары [82].

Среди вещей X—XIII вв., найденных в Рязанской земле, много изготовленных способом литья по восковой модели. Но прямых доказательств их местного производства мы не имеем, потому что такой способ литья не оставляет явных производственных следов. На рис. 137 приведены некоторые образцы художественного литья, обнаруженные в пределах Рязанской земли: серебряный змеевик, найденный близ дер. Песцово

[81] А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 133—135, 137, рис. 100.

[82] Мы имели возможность сравнить обе формы в лаборатории ИА, куда они были доставлены из разных экспедиций. К сожалению, форма из Маджар также не имеет точной даты, так как принадлежит к подъемному материалу.

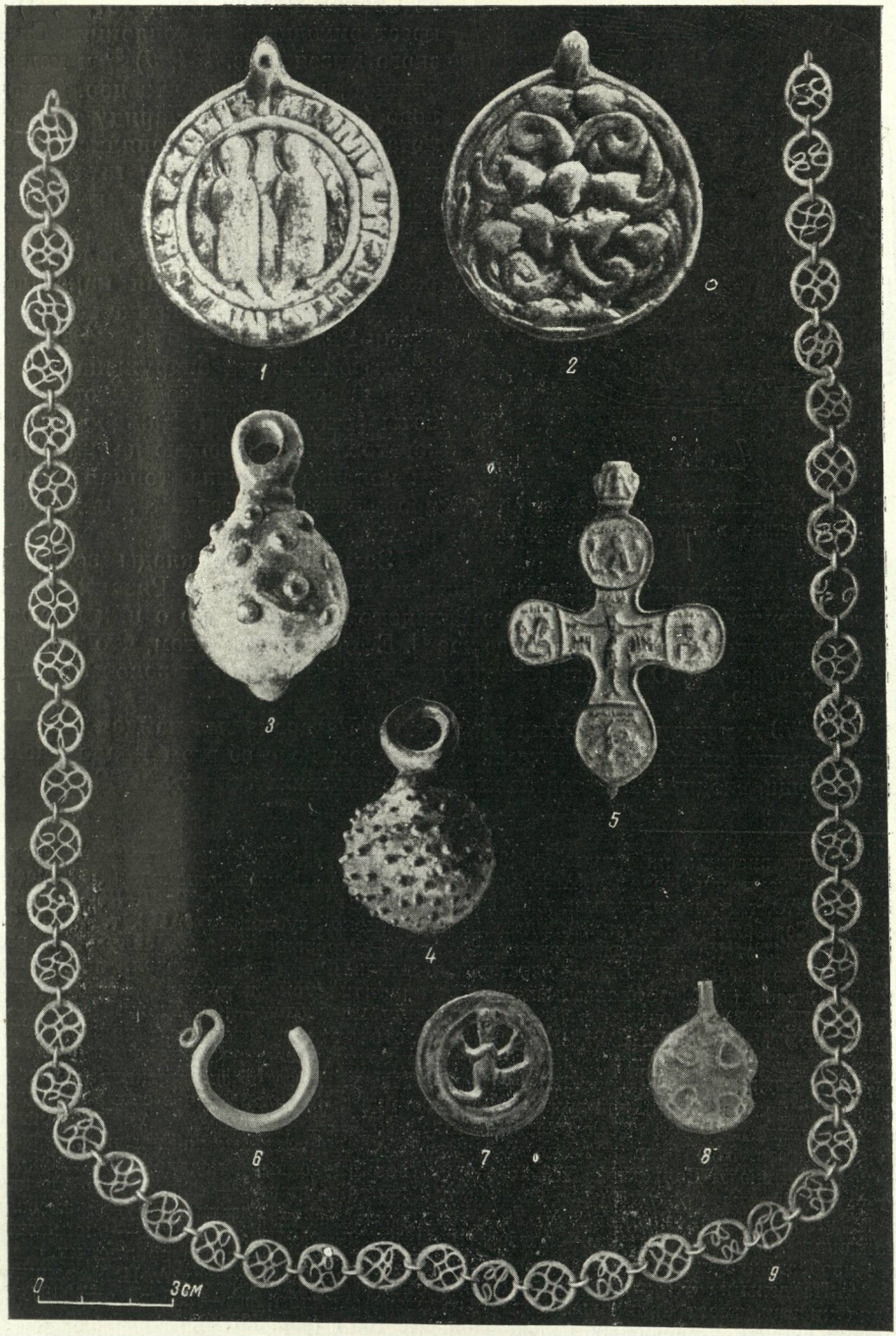


Рис. 137.

1, *2* — лицевая и оборотная стороны серебряного змеевика; *3*, *4* — бронзовые кистени (КРОМ, № 200, 26 и 27); *5* — медный крест; *6* — медная серьга; *7* — медная бляшка; *8* — медная подвеска; *9* — медная цепочка; (*1*, *2* — дер. Песцово; *3*, *4*, *6*, *8*, *9* — Старая Рязань; *5* — коллекция Спасского музея; *7* —дер. Сумбулово).

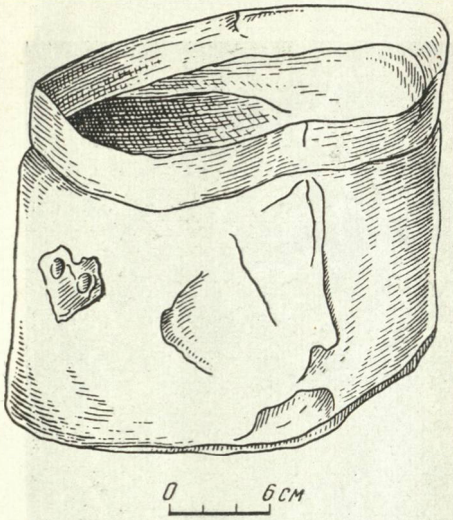


Рис. 138. Медный котел, в котором был найден клад вблизи дер. Щигрово.

(рис. 137, *1, 2*) [83], бронзовые кистени из Старой Рязани (рис. 137, *3, 4*) [84], крест энколпион из коллекции Спасского музея (рис. 137, *5*) [85] и медная бляшка, найденная близ дер. Сумбулово (рис. 137, *7*) [86]. Наряду с литьем металла широко применялись ковка и чеканка, тиснение и штамповка, гравировка по металлу и другие приемы.

Вероятно, для тонких ювелирных работ служила костяная наковаленка, найденная в раскопках Переяславля-Рязанского (рис. 135, *1*). В Старой Рязани обнаружена медная цепочка очень сложной и тонкой работы (рис. 137, *9*) [87]. Каждое колечко изготовлено с помощью пайки. Внутри колечка напаяна тонкая медная проволочка с насечками, подражающими филиграни.

Замечательные клады золотых и серебряных ювелирных изделий были найдены в Старой Рязани. Кроме того, открыто несколько кладов в Рязанской губернии, но о них имеются лишь известия; вещи не дошли до нас [88]. Есть сведения о том, что в с. Дедново на берегу р. Оки был обнаружен клад серебряных и золотых вещей конца XI в. [89]

В 1673 г. между деревнями Кутуково и Усторонь был найден большой клад, расхищенный находчиками. В сыскном деле об этом кладе упомянуты вещи, входившие в состав клада. По-видимому, это были 39 серебря-

---

[83] Этот змеевик, найденный в 1872 г., поступил в коллекцию Рязанской ученой архивной комиссии. Издан А. А. Бобринским в статье «Несколько неизданных змеевиков» (ЗРАО, т. X, новая серия, вып. I и II, 1898. стр. 314, 315) и В. Н. Щепкиным в статье «Серебряный змеевик, найденный в Рязанской губернии» (АИЗ, т. VI, № 3-4, 1898, стр. 132). На лицевой стороне змеевика — изображения двух святых в рост [по мнению В. Н. Щепкина,— апостолов, братьев Филиппа и Андрея, по мнению Н. П. Лихачева («Материалы для истории византийской и русской сфрагистики», вып. I, Л., 1928) — Козьмы и Демьяна]. Вокруг по ободку — надпись: ГН ПОМОЗН РАБѵ СВОЕМѵ НNЬДРЪОВі. На обратной стороне — человеческая голова, окруженная головами змеиными. В. Н. Щепкин относит змеевик (по палеографическим данным) к XIII в., Н. П. Лихачев — к концу XII в. Известно еще несколько змеевиков, найденных в Рязанской земле. О них сообщает К. Калайдович в статье «О древних русских медалях» («Северный архив», 1823, ч. V, № 3). А. А. Бобринский (ук. соч., стр. 315) издал два медных змеевика. Один из них найден в г. Рязани, у церкви Николы-Долгошеи. Это небольшой восьмиугольный медальон с изображением св. Никиты, поражающего дьявола, а с другой стороны — человеческой головы с 12 змеями (такой же обнаружен на городище Старой Рязани). Другой змеевик, найденный в Старой Рязани,— плохой сохранности; с одной стороны — очень стертое изображение сидящего Христа или святого, с другой — голова со змеями.

[84] Найдены на Старо-Рязанском городище в 1902 г. в раскопках А. И. Черепнина. Один кистень имеет бронзовый корпус, залитый свинцом; вес — 235 г (рис. 137, *3*). Другой кистень — бронзовый, цельнолитой; вес 160 г (рис. 137, *4*).

[85] Случайная находка. (Паспорта нет). Вероятное место находки — Старая Рязань.

[86] Разведка В. А. Городцова. ГИМ, № 95549.

[87] КРОМ, № 87, раскопки А. И. Черепнина, 1899 г.

[88] Я не касаюсь здесь ранних кладов, в которых вещи найдены вместе с дирхемами,— таких, как Железницкий, из Белого Омута и др.

[89] АИЗ, т. VI, № 1, 1898, стр. 8.

Рис. 139. Шигровский клад.

1 — серебряный ковш; *2*, *3* — серебряные чаши.

Рис. 140. Шигровский клад

1, 2 — изображения на днищах чаш; *3* — изображение на ручке ковша.

ных монетных гривен, золотые гривны в виде палочек, витые золотые шейные гривны, браслеты витые золотые, украшенные цветными («лазоревыми») вставками, золотой браслет из круглого в сечении дрота [90].

В 1952 г. вблизи дер. Щигрово на берегу р. Казари найден клад, состоявший из 35 серебряных палочкообразных слитков [91], двух серебряных чаш и серебряного ковша, общим весом 7,119 кг. Все вещи были завернуты в бересту и уложены в котел из красной меди (рис. 138) [92].

Береста плохо сохранилась — большей частью совсем истлела и превратилась в труху. На немногих уцелевших обрывках имеются процарапанные острым орудием (написанные) значки, крестики и буквы «Пор»,— очевидно, начало какого-то слова, может быть,— имени владельца клада. Это — первая весточка о рязанских берестяных грамотах.

Все серебряные сосуды из клада — пробы 875°. Одна чаша — плоскодонная, диаметром 10,5 см, высотой 3,5 см; диаметр дна — 6 см (рис. 139, *2*). По наружному утолщенному краю идет кайма из нанесенного гравировкой стилизованного растительного орнамента. На дне чаши — гравированное изображение фантастического животного (льва?) с хвостом, распушенным на конце в виде распустившегося цветка или листа аканта (рис. 140, *1*). Фон заполнен мелкопуансонной чеканкой. Изображение обведено кругом с крупными, нанесенными чеканкой, кружками. Другая чаша — тоже плоскодонная, диаметром 11,3 см, высотой 3,7 см; диаметр дна — 7,2 см. На дне — гравированное изображение грифона или крылатого дракона (рис. 139, *3*; рис. 140, *2*). Ковш — плоскодонный, диаметром 9,8 см, высотой 4,1 см; диаметр дна 5,5 см. По внешнему краю — гравированная кайма. Рукоятка украшена изображением антропоморфной маски (рис. 139, *1*; рис. 140, *3*). Длина рукоятки — 5,5 см, ширина — 2—2,3 см. Внешний ободок и ручка позолочены.

Серебряные чаши и ковши, употреблявшиеся в древней Руси как столовая посуда, хорошо известны из письменных источников [93]. Из археологических находок, близких к Щигровскому кладу по типу, следует назвать серебряную чашу, найденную в Старой Рязани [94], и чашу из Каменобродского клада [95]. Наиболее вероятная дата Щигровского клада — XII—XIII вв. Я пытался доказать, что значительная часть найденных в Старой Рязани изделий из золота и серебра — русского и, вероятно, местного, рязанского происхождения. То же можно утверждать относительно сосудов Щигровского клада. Обращают на себя внимание некоторая наивность трактовки льва и плохо понятое изображение дракона, воспроизведенное, может быть, с дефектного «образца». Орнаментальные мотивы, примененные на этих сосудах, широко известны в русском искусстве XII—XIII вв. [96] Восточные сосуды, импортировавшиеся в то время в Восточную Европу, отличаются и приемами изготовления, и орнаментом [97]. Как правило, их стенки каннелированы, и они имеют поддон.

---

[90] Н. Н. Оглоблин. «Сыскные дела» о кладах в XVII в. Чтения в Обществе Нестора Летописца, 1893, кн. VII, отд. II, стр. 117 и 132—154; Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М.— Л., 1954, стр. 142, 143.

[91] О слитках см. ниже, в разделе «Торговля».

[92] В. С. Ерохин. Щигровский клад. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 145—147.

[93] В. Ф. Ржига. Очерки из истории быта домонгольской Руси. М., 1929, стр. 48—53.

[94] А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 139, 140, рис. 104.

[95] Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. VI, Киев, 1907, стр. 35, 36; Г. Ф. Корзухина. Русские клады, табл. LVIII.

[96] А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. М.— Л., 1936, его же. Древнерусский звериный орнамент. Л., 1928.

[97] T. J. Arné. La Suède et l'Orient. Upsala, 1914, стр. 169, 170.

Рис. 141. Каменная иконка с изображением Бориса и Глеба из Рязанского музея.

Изделия рязанских ювелиров характеризуются не только высоким мастерством исполнения, но и своеобразной художественной манерой [98], позволяющими отличить их от изделий других русских областей.

Продукция рязанских ювелиров распространялась за пределы Рязанского княжества. Часть русских ювелирных изделий, найденных в Волжской Булгарии, происходит из Рязанской земли [99].

Обработка камня. Представлена белокаменной резьбой из храмов Старой Рязани и Нового Ольгова городка и мелкой пластикой (крестики, иконки, литейные формы). Одним из великолепных памятников русской мелкой пластики является каменная иконка с изображением Бориса и Глеба, поступившая в Рязанский музей из Солотчинского монастыря (рис. 141) [100].

Князья представлены в полном княжеском облачении, с мечами и крестами в руках. Вверху надписи: ѡа гносъ Борнсъ; ѡа гіѡсо Глѣбъ. Борис изображен с подстриженными волосами, усами и бородкой; Глеб — безбородый, локоны длинных волос падают на плечи. На головах — княжеские островерхие шапки с меховым околышем [101]; хорошо переданы клинья матерчатого верха, шитого жемчугом. Одеты князья в длинные кафтаны, полы которых обшиты широкой орнаментальной каймой. Поверх них накинуты застегнутые у правого плеча богатые плащи — «корзно». До мельчайших деталей точно воспроизведены и одежда, и мечи, находя аналогии в миниатюрах и археологических данных. Резчик оживил группу поворотом головы Глеба к брату; они как бы разговаривают друг с другом.

По характеру изображения, его деталям (мечи, плащи) и палеографическим данным иконка датируется XII в. и является изображением, одним из самых близких по времени к моменту канонизации Бориса и Глеба.

---

[98] Это своеобразие лучше всего видно на вещах из кладов, найденных в Старой Рязани в 1822 и 1868 гг. А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 152, 153.

[99] А. П. Смирнов. Русские элементы в культуре волжских булгар. Историко-археологический сборник Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы. М., 1948, стр. 93—110; его же. Волжские булгары, стр. 153—165.

[100] КРОМ II—6, 94, № 3779. Иконка сделана из темнокоричневого непрозрачного камня. Размеры 6,8 × 8,9 см. Оправа с лица серебряная со сканью из толстых витых проволок. На обороте вставлена серебряная позолоченная пластинка, очевидно более поздняя (XV в.), с резным изображением Николы.

[101] Подобные шапки имеются на рязанской печати с изображением Бориса и Глеба (см. Н. П. Лихачев. Материалы для византийской и русской сфрагистики, вып. 1, Л., 1928, рис. 51) и на колтах из клада 1822 г. («рязанских бармах»).

Другая каменная иконка, также поступившая в Рязанский музей из Солотчинского монастыря (КРОМ $\frac{II—6}{79}$ № 3774), сделана из зеленовато-бурого камня (5,2 × 6,3 см) и помещена в серебряную оправу. На лицевой стороне рельефные резные изображения св. Георгия и Дмитрия на конях. Наверху надпись ГЕРН, над изображением Дмитрия процарапано ДМИТРЕИ. Прекрасно прорисованы святые, их одежда. Хорошо передано движение скачущих коней. Иконка, вероятно, относится к XII—XIII вв.

Важнейший вывод, который можно сделать, основываясь на представленных выше материалах по рязанским ремеслам, заключается в том, что развитие ремесленного производства в Северо-Восточной Руси, к которой принадлежала и Рязанская земля, нисколько не отставало от общего уровня развития русских ремесел. Рязанские ремесла, хотя и хуже изученные, чем ремесла Киева и Новгорода, свидетельствуют о том, что эти важнейшие центры не были единственным средоточием русской культуры. Славяне пришли в область среднего течения р. Оки, уже обладая высокими достижениями в области ремесла. Дальнейшие взаимосвязи со старыми культурными центрами и внутреннее развитие Рязанской земли привели к тому, что около середины XII в. наступил расцвет рязанского ремесла, продолжавшийся до монгольского нашествия. Хотя Рязанская земля была первой из русских областей, пострадавшей от монголов, это не привело к полному уничтожению достижений предшествующего времени. Слои XIII—XV вв. в Переяславле и других городах содержат вещи, свидетельствующие о сохранении древних ремесленных традиций. Следы ремесленного производства имеются в самых маленьких рязанских городах. Рязанское ремесло проделало общую для древнерусского ремесла эволюцию в сторону организации массового производства, что сказалось в поисках упрощенной технологии и ускорения процесса производства. Расцвет рязанских городов и общий высокий уровень их культуры в значительной мере определялись успехами в развитии ремесла.

XXV

Торговля. Торговые пути. Клады денежных слитков. Денежное обращение. Свидетельство Абу Хамида ал-Гарнати. Рязанские пломбы. Привозная керамика. Другие объекты импорта. Вопрос о торговле с булгарами.

Вопрос о торговых путях, проходивших через Рязанскую землю, уже поднимался нами выше в связи с вопросом о восточноевропейской торговле VIII—X вв. и о значении волжского пути. Путь по Оке был одним из участков этого важнейшего торгового пути, связывавшего земли славян с Востоком. По Оке и Клязьме попадали на Волгу, где главными торговыми центрами были Булгар и — в течение некоторого времени — Итиль. Сухопутные караваны связывали Итиль и Булгар с Хорезмом и другими областями Средней Азии. По Каспийскому морю купцы попадали в Рей, Тавриз и т. д.

Но возникает вопрос, как попадали на Волгу из Киева? Здесь есть две возможности (если мы имеем в виду речные пути): путь по Днепру через Смоленск и верховья Волги и путь по Десне и Оке. В последнем случае возможны различные варианты использования рек, связывающих бассейн Десны с Окой: по Сейму с переходом на Оку в районе Курска, по Болве

и Жиздре и по Угре. Однако издавна существует литературная традиция [102], согласно которой до конца XI в. прямой путь из Киева в Рязанскую землю еще не шел через землю вятичей, так как вятичские леса считались непроходимыми [103]. Особенно содействовал утверждению этого взгляда А. А. Шахматов.

Обратимся к свидетельству русской летописи о походах Святослава на Восток. Анализируя статью 6472 г., А. А. Шахматов пишет по поводу слов «И иде на Оку реку и на Волгу, и налезе вятичи»... «Совершенно случайна встреча его (Святослава.— *А. М.*) с вятичами; он и не сражается с ними, а только узнает от них, что они дают дань козарам. Кроме того, странны слова «иде на Оку реку и на Волгу»: вятичи, действительно, жили по свидетельствам, восходящим к XII в., на Оке; но зачем же было упоминать о Волге, до которой никогда не доходили вятичские поселения? Дальнейшее разъясняет нам в чем дело. «...Святослав шел на козар, живших по Волге, прямым путем; и, идя этим путем, он встречает вятичей, данников козарских. Отсюда заключаем, что вятичи во времена Святослава (точнее, во время первоначальной записи рассматриваемой статьи) жили в юго-восточной России, где-нибудь около Дона».

А. А. Шахматов полагал, что первоначально рассказ начинался словами: «И иде Святослав на Волгу на козары», но составитель Начального свода сделал добавление в тексте, исходя из известных ему в XII в. поселений вятичей на Оке: «И иде на Оку реку и на Волгу, и налезе вятичи...» [104]. Здесь ошибочны два исходных положения А. А. Шахматова: во-первых,— что вятичи во времена Святослава жили только на Дону и лишь позже появились на Оке; это легко опровергается археологическими данными, и сам А. А. Шахматов, даже не опираясь на археологию, в своих более поздних работах отказался от этого взгляда; во-вторых,— что существовал какой-то «прямой путь» на Волгу. Этот «прямой» путь, шедший, очевидно, по Северскому Донцу и по Дону, очень сомнителен в X в., когда здесь нависла опасность нападений степных кочевников; во всяком случае, он никак не отражен археологическими находками, которые свидетельствовали бы о торговле по этому пути.

Совершенно не оправдана ни письменными, ни археологическими источниками гипотеза о морском варианте этого «южного» торгового пути на Восток. «Русские ладьи спускались по Днепру в Черное море, а затем, обогнув Крым и пройдя через Керченский пролив, плыли через Азовское море в Дон. Поднявшись по Дону до переволоки, они переправлялись в Волгу и уже по этой реке спускались в Каспийское море и шли к берегам Закавказья и Ирана» [105]. Но торговые пути могут не совпадать с путями военных походов, и можно предположить, что Святослав, рискуя очень осложнить свой поход, все же двинулся каким-то южным путем. Это предположение, однако, ни в какой мере не разрешает множества недоуменных вопросов, которые возникают в связи с походом Святослава [106].

Если согласиться с тем, что Начальный киевский свод (по терминологии А. А. Шахматова) положил в свое основание другой, более древний

---

[102] З. Я. Ходаковский. Пути сообщения в древней России. Русский исторический сборник, т. I, кн. 1, М., 1837, стр. 5—8 и 24, 25.

[103] См. А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 154, 155.

[104] А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 118, 119; его же. Южные поселения вятичей. Изв. Академии наук, VI серия, СПб., 1907, № 16, стр. 722, 723.

[105] М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа. МИА № 62, 1957, стр. 50, 51 (со ссылкой на А. Я. Гаркави — «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских», СПб., 1870, стр. 131).

[106] Н. Знойко. О походах Святослава на восток. ЖМНП, 1908, № 12, стр. 258—283.

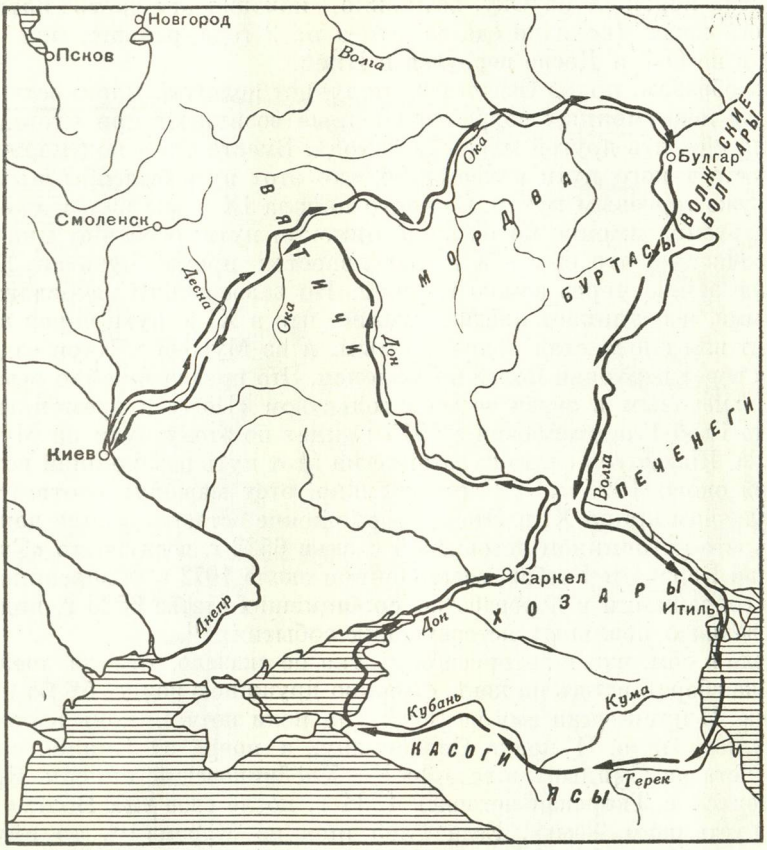


Рис. 142. Поход Святослава 964—966 гг.

свод, излагавший события не погодно, где о княжении Святослава повествовалось в связном рассказе, и, исходя из этого, рассматривать изложенный выше летописный текст, то можно прийти к следующим выводам (рис. 142). Речь идет не о нескольких походах Святослава, а об одном, продолжавшемся с 964 до 966 г. Святослав из Киева двинулся на восток по Десне и, где-то перейдя с Десны на верховья Оки, встретил вятичей. Еще при самом выходе из Киева он имел в виду поход на Волгу, где жили хозары, а путь на Волгу лежал по Оке, поэтому он и «иде на Оку реку и на Волгу» [107]. Невозможно решить, покорил ли он вятичей, или ограничился на сей раз тем, что прошел через их землю, имея в виду более важную цель — поход на хозар. Спустившись по Оке, он попал на Волгу и пройдя через земли булгар и буртасов (о чем сообщает Ибн-Хаукаль [108]), где-то на Средней или Нижней Волге встретился с хозарами, победил их, отсюда прошел в Каспийское море, очутился на Кубани, где победил ясов и касогов, по Дону поднялся до Саркела (Белой Вежи) и, взяв его, закончил разгром хозар [109]. Затем покорил вятичей, живших в верховьях Дона, с вер-

---

[107] ПВЛ, стр. 46, 47.

[108] А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей..., стр. 218

[109] «Письменные источники ничего не сообщают о пребывании Святослава на Керченском проливе, но тот факт, что только после разгрома Святославом хозар, которые держали в своих руках Керченский пролив, там появляется русское Тмута-

ховьев Дона перешел на Оку, возможно, покорил эту часть вятичского племенного союза (если не сделал этого на 2 года раньше, при первой встрече) и по Оке и Десне вернулся в Киев.

Таким образом, поход Святослава получает целеустремленность, и снимается ряд недоуменных вопросов, которые возникают при чтении летописи, если принять другой маршрут похода. Вместе с тем подтверждением возможности такого пути является то, что этот путь был обычным и известным уже торговым путем. С самого начала IX в. мы видим скопление кладов дирхемов именно на окско-деснинском пути; особенно много их в X в. Несомненно, что еще в X в. был известен прямой путь из Киева в Рязанскую землю через землю вятичей. Но завоевания Святослава были непрочными, и возникает предположение, что в XI в. путь через вятичей был забыт или снова стал непроходимым, и из Мурома в Киев ездили не по Оке, а через верховья Волги и Смоленск. Это предположение высказано А. А. Шахматовым в связи со свидетельством «Повести временных лет» о том, что Глеб Владимирович в 1015 г. идет по этому пути из Мурома в Киев. А. А. Шахматов считал указание на этот путь позднейшей вставкой, сделанной около 1095 г.[110] Следовательно, этот маршрут соответствовал представлениям конца XI в. Это предположение остается в силе даже если признать, что источником летописной статьи 6523 г. послужило «Сказание об убиении Бориса и Глеба», составленное около 1072 г. и внесенное в летопись в сокращении и переработке, сообщивших статье 6523 г. видимость повествования о реальных исторических событиях[111].

Но дело в том, что в летописной статье не сказано, откуда шел Глеб. «Глѣбъ же вборзѣ всѣдъ на конѣ, с малою дружиною поиде, бѣ бо послушливъ отцю. И пришедши ему на Волгу, на поли потчеся конь в рве, и наломи ему ногу мало. И приде Смоленьску, и поиде от Смоленьска, яко зрѣмо, и ста на Смядынѣ в насадѣ»[112]. Хлебниковский список Ипатьевской летописи и Тверская летопись 1534 г. после слов «на Волгу» добавляют «на усть реки Томь». Если Глеб шел из Мурома[113], то ему было проще не садиться на коня, а отправиться в путь «на насаде» по Оке. Если он этого не сделал, то, очевидно, речного пути из Мурома в Киев не было, и прав А. А. Шахматов, объясняющий это опасностью, грозившей при походе через земли вятичей. Ну, а если Глеб шел из Ростова, а весьма вероятно, что это было так? Тогда путь на Оку был далеким. Естественно, что он отправился по Волге и через ее верховья достиг Днепра и Смоленска. Но тогда отпадает и все рассуждение о непроходимости вятичских лесов. Как видим, вывод А. А. Шахматова построен на весьма шатком основании.

В. О. Ключевский привел в качестве «доказательства» позднего проложения прямого пути из Киева на северо-восток отрывок из былины об Илье Муромце, согласно которой Илья Муромец, приехав в Киев, рассказывал богатырям за княжим столом, каким путем он ехал со своей родины[114].

раканское княжество, позволяет полагать, что именно в результате похода Святослава Русь захватила контроль над этими важнейшими для ее торговли воротами на Восток». (М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа, стр. 52).

[110] А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 76—78 и 92—97.

[111] Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957.

[112] ПВЛ, стр. 92.

[113] Только в летописце Переяславля-Суздальского сказано: «И посла по блаженного Глеба в Муром», но это, вероятнее всего, поздний домысел летописца, знавшего, что Глеб был муромским князем.

[114] В. О. Ключевский. Сочинения, т. I. М., 1956, стр. 287.

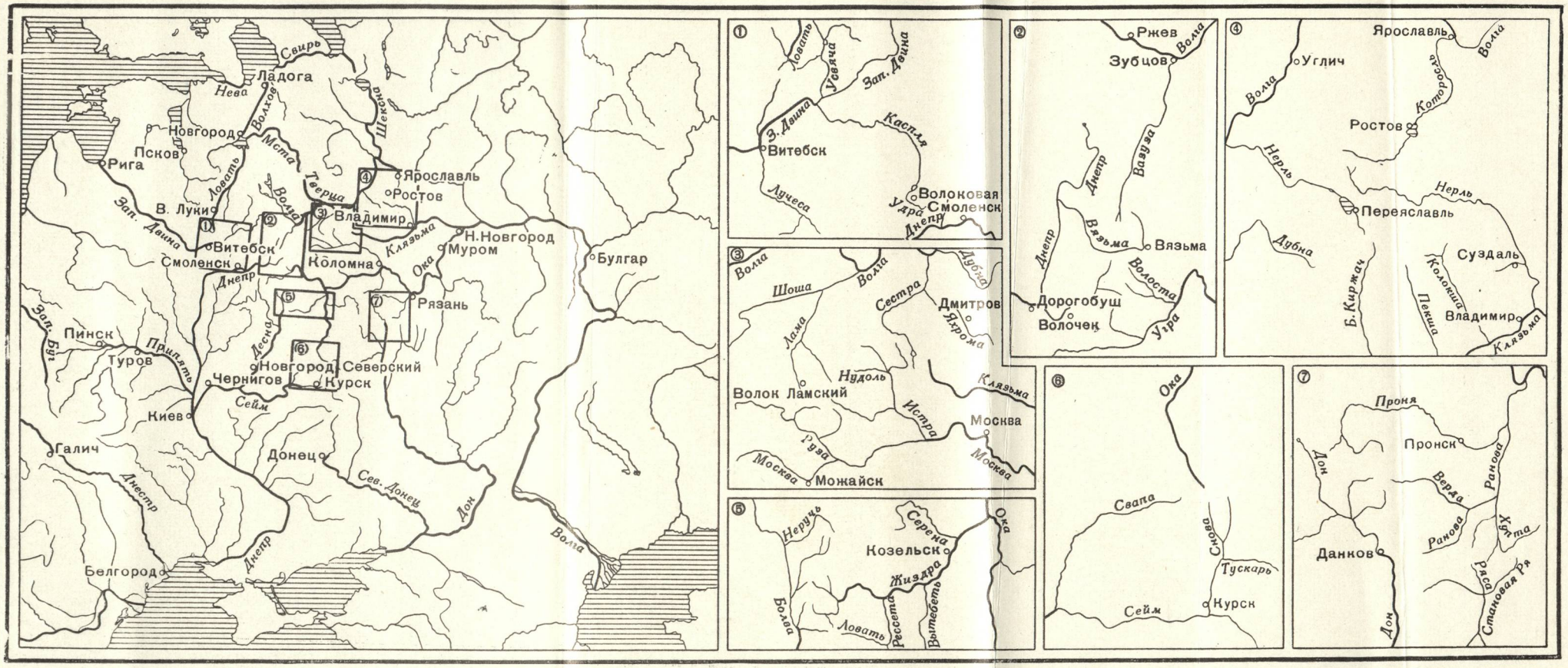
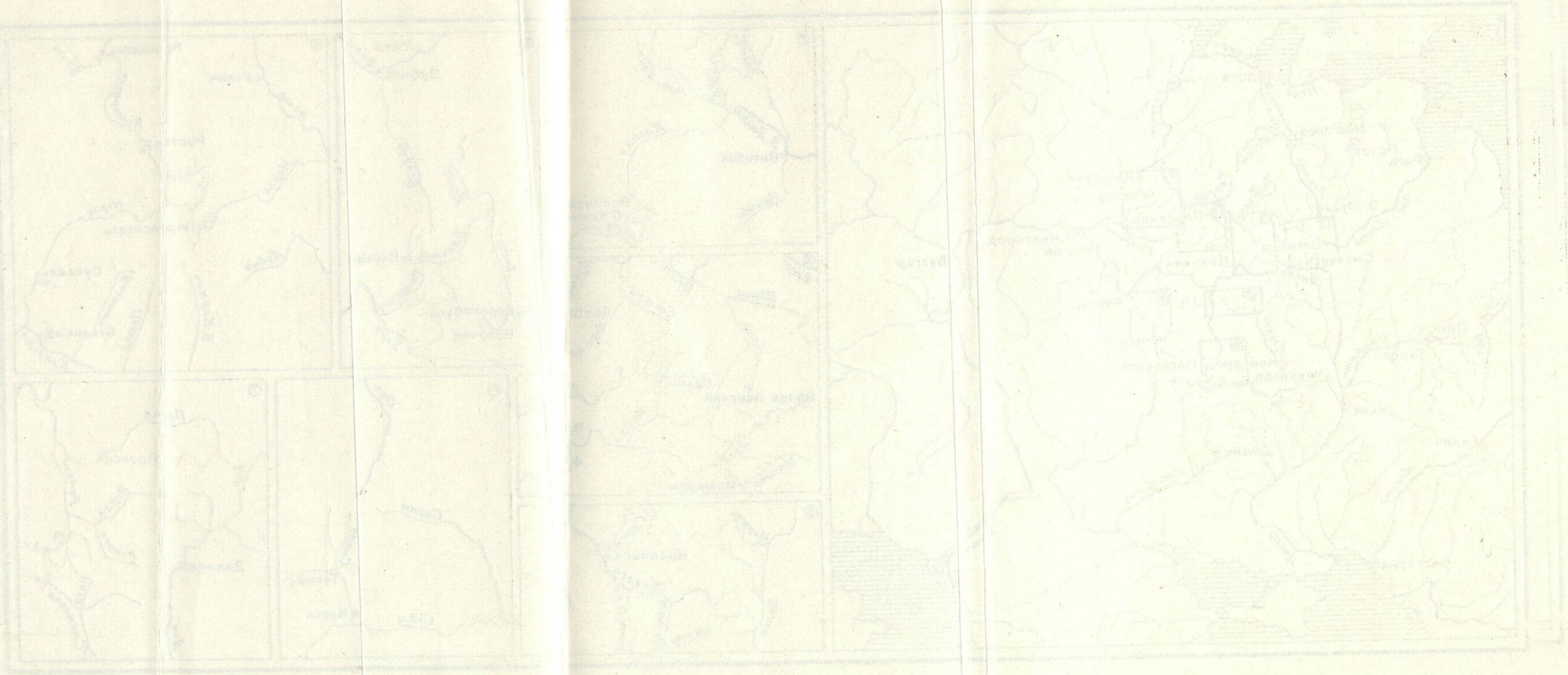


Рис. 143. Водные торговые пути и переволоки в X—XIII вв. (Жирными линиями показаны основные водные магистрали).



«И проехал я дорогу прямоезжую
Из стольного города из Мурома,
Из того села Корочаева.
Говорят тут могучие богатыри:
А ласково солнце Владимер князь!
В очах детина завирается:
А где ему проехать дорогою прямоезжею?
Залегла та дорога тридцать лет
От того Соловья разбойника» [115].

Действительно, былина о Соловье-разбойнике является, по-видимому, одной из самых ранних в цикле былин об Илье Муромце. Она могла сложиться во второй половине XI в. [116], в ее основу могли лечь какие-то местные муромо-рязанские предания; таким образом, рассказ о трудности поездки из Мурома в Киев через Брынские леса и Чернигов отражает реальную обстановку того времени. Но вместе с тем тот же текст отражает и реально существовавший и известный народу путь из Мурома в Киев по Оке и Десне. Ведь в былине говорится не о непроходимости этого пути вообще, а только о том, что в течение последних тридцати лет прямоезжая дорога залегла от Соловья-разбойника. Нет необходимости понимать это буквально; вероятно, мы никогда не сможем выяснить, с какими конкретными фактами связана легенда о встрече с Соловьем-разбойником, но даже если вся она является плодом художественной фантазии народа, вряд ли можно отрицать, что создатели этого рассказа знали «дорогу прямоезжую» и знали о трудности путешествия по ней в течение какого-то времени.

Очевидно, путь через земли вятичей вел не только в Муромо-Рязанскую землю, но и в Ростово-Суздальскую. Об этом говорит Владимир Мономах: «Первое к Ростову идохъ, сквозѣ вятичѣ, посла мя отець, а самъ иде Курьску» [117]. Вероятно, это не был военный поход; Мономах пошел в Ростов по делам владевшего Ростовом своего отца Всеволода. Почему Мономах подчеркивает, что шел он «сквозе вятиче»,— не ясно. Считал ли он нужным указать на это ввиду особой трудности похода через земли вятичей или просто обозначил направление своего пути?

Мы не знаем, как в 1095 г. шел из Курска в Муром Изяслав, сын Мономаха. Возможно, что этот путь пролегал через земли вятичей, но также следует учесть, что Изяслав не мог беспрепятственно двигаться по черниговской территории, так как Олег Черниговский враждовал с его отцом. Это могло заставить Изяслава, несмотря на грозивших здесь кочевников, идти «полем» к Дону и подыматься вверх к Оке.

Для XII в. нам известен маршрут пути из Северской земли в Рязань через «вятичские города». В 1146 г. Святослав Ольгович, преследуемый Давыдовичами, бежал из Новгород-Северска в Карачев, оттуда — «в вятичи» — в Брянск, Козельск, Дедославль, Мценск, Тулу, Дубок (на Дону), Елец, Пронск и, наконец, в Рязань [118]. Упоминание о пути через «вятичские города» очень недостоверно. Но если бы мы даже признали его действительным путем Святослава, то нельзя сомневаться в том, что он, конечно, не совпадал с кратчайшим торговым путем, так как Святослав вследствие каких-то политических соображений избрал сложный маршрут, иногда двигаясь по направлению, противоположному его цели. Во всяком

[115] «Илья Муромец». Изд. АН СССР. М.— Л., 1958, стр. 23, 24.
[116] Д. С. Лихачев. Народное поэтическое творчество в годы феодальной раздробленности Руси. Сб. «Русское народное поэтическое творчество», т. I. М.— Л., 1953, стр. 227.
[117] ПВЛ, стр. 158.
[118] ПСРЛ, т. IX, стр. 171.

случае, с середины XII в., после войн Святослава Ольговича, после походов Юрия Долгорукого уже не могло быть и речи о какой-либо обособленности вятичей и об якобы существующей опасности проходить их леса.

Обычным путем из Киева в Ростово-Суздальскую землю был водный путь по Днепру и Верхней Волге (рис. 143). Вероятно, по этому же окружному пути ездили иногда и в Муром, и даже в Рязань. С Днепра, по-видимому, пользуясь волоком, попадали в Вазузу, приток Волги с левой стороны, и по Волге шли дальше, иногда сворачивая на Нерль и Клязьму. По Вазузе должен был ехать, согласно летописному известию 1015 г., князь Глеб. В «Сказании о чудесах Владимирской иконы божией матери» — памятнике северорусской литературы, восходящем к XII в.,— рассказывается, что в 1155 г. Андрей Боголюбский ушел из Киева в Суздаль, захватив с собой икону. «Едущу же ему путем, поя с собою проводника и приеха к реце Возузе». Таким образом, река Вазуза отмечена в письменных источниках как находящаяся на пути с Днепра в Суздаль [119].

Для XII в. можно предположить путь из Рязанской земли на запад по Оке и Угре. В 10 км выше Дорогобужа в Днепр впадает его левый приток р. Осьма. Здесь ближе всего путь на Угру.

Между Осьмой и Угрой есть селение Волочок. Волок здесь равнялся 19 км [120]. Но волок между левым притоком Угры — р. Волостой и Осьмой составлял только 4,5 км [121]. Этот путь дает возможность следующих комбинаций важнейших водных сообщений: а) Днепр (Черное море) — Угра — Ока — Волга; б) Двина (Балтийское море) — Днепр — Угра — Ока — Волга; в) Нева (Балтийское море) — Ладожское озеро — Волхов — озеро Ильмень — Ловать — Днепр — Угра — Ока — Волга. Конечно, путь по Осьме и Угре гипотетичен, но он является одним из наиболее вероятных. Собственно, если продлить его в обе стороны, то он связывает Западную Европу с Поволжьем. Важнейшими торговыми городами на этом пути в XII в. между Ригой и Булгаром были Полоцк, Витебск, Смоленск, Дорогобуж, Можайск, Москва, Рязань, Муром.

Путь из Новгорода шел по Мсте; отсюда по правым притокам Волги попадали в Ростово-Суздальскую землю, где путь шел по Нерли и Которосли. Этими же путями, а главным образом, через Волок Ламский, попадали в Москву-реку; спустившись Москвой в Оку, достигали городов Рязанской земли.

Пользуясь речными и, вероятно, сухими путями, проложенными вдоль рек, можно было попасть из Рязани в Суздаль и Владимир, двигаясь и на запад, и на восток по Оке. Так, в 1154 г. Андрей Боголюбский, изгнанный из Рязани, «прибеже к Мурому, а оттоле к Суздали» [122].

В 1174 г. князь Всеволод пошел из Владимира «к Рязаню», «и бывшим им у Коломны, приде весть, оже Глеб шел Володимерю инем путем, и воюет около Володимеря...» [123]. Мы можем даже судить о том, сколько времени занимал путь от Коломны до Пронска. В 1207 г. Всеволод проде-

[119] А. Н. Вершинский. К истории путей сообщения Киевской Руси с северо-востоком. «Тверская старина», № 6, 1911, стр. 16—19.

[120] Н. П. Загоскин. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1910. Н. П. Загоскин имел в виду также возможность использования левого притока Угры, который он называет «безымянным ручьем» и полагает, что он сокращал волок вдвое. Но очень сомнительно, чтобы этот приток Угры был когда-нибудь судоходен.

[121] Н. П. Загоскин, видимо, не учитывал возможность пути по Волосте, ибо в таком случае селение Волочок остается в стороне от волока. Это не должно нас смущать, так как оно все же находится вблизи от предполагаемого волока и на том же водном пути. Нам известны подобные примеры: знаменитый Волок Ламский расположен в 2 верстах от Ламы и в 15 верстах от волока.

[122] ПСРЛ, т. XX (Львовская летопись), стр. 117.

[123] ПСРЛ, т. I, стр. 162.

лал этот путь в течение недели — с воскресенья 23 сентября (утром) до субботы 28 сентября [124]. Коломна была узлом путей, связывавших верхнее и нижнее течение р. Оки с бассейном Москвы-реки и верховьями Клязьмы.

Большое значение для Рязанской земли должен был иметь южный донской путь. Он был проложен еще в глубокой древности. Вероятно, этим путем попали на Оку мечи, находимые в рязанских могильниках, в точности схожие с римскими спатами, а также античные и боспорские монеты.

Но о направлении путей из Рязани на Дон в летописное время мы можем судить лишь по документам XVI в. Обмеление рек, изменение исторических условий и другие причины влияют на направление водных путей, и, конечно, нельзя утверждать, что в XI—XIII вв. они шли так же, как в XVI в., хотя общее направление, вероятно, не изменилось. Кроме того, из документов мы знаем пути, по которым совершали поездки путешественники, но мы не можем быть уверены, что теми же путями шла торговля. Все же водные пути обычно очень консервативны, и можно предполагать, что их направление мало изменилось с XIII до XVI вв. Поэтому обратимся к документу XVI в. В 1502 г. Иван III, отпустив из Москвы кафинского посла Алакоза, ехавшего к себе через Рязань, велел сказать княгине Аграфене (Агриппине): «Отпустил есьм судном посла Турецкого до Старой Рязани, а от Старой Рязани ехать ему Пронею вверх, а из Прони к Пранову, а из Прановой Хуптою вверх до переволоки до Рясского поля... да переволокою Рясским полем до реки до Рясы...» [125]. Путь, описанный в этом документе, шел через Коломну — Переяславль-Рязанский — Старую Рязань — Ряжск и дальше по р. Воронеж. Возможный вариант пути по рекам на юг: Москва — Коломна — Переяславль-Рязанский — Михайлов — Донков — Воронеж. В «Хождении Пимена» упоминается другой вариант пути на юг: из Переяславля-Рязанского отправились сухим путем; суда везли на колесах и вновь спустили на воду в верхнем течении Дона [126].

Но С. Герберштейн отмечает, что в его время Дон в верхнем течении был судоходен только в дождливое время года. У Донкова купцы, отправлявшиеся в Азов, Качу и Константинополь, нагружали свои суда, «что по большей части бывало осенью в дождливую пору года, ибо Танаид в том месте в другие времена года не настолько изобилует водой, чтобы быть в состоянии хорошо перевозить нагруженные корабли» [127]. Может быть, во времена Герберштейна Дон значительно обмелел. Но, вероятно, пользовались волоками с переходом на мелкие реки и в более раннее время. Верда, Ранова и Хупта разделяются небольшими волоками от верховьев рек, впадающих с востока в Дон. Истоки Прони и Верды приближаются к двум Таболам — верхней и нижней, впадающим в Дон почти против устья Непрядвы, а Ранова и Хупта отделяются небольшим волоком от верховьев Рясы, впадающей в р. Воронеж. Таким образом, сообщение Оки с Доном могло происходить двумя путями: 1) по Верде и Таболам — с самим Доном; 2) по Ранове и Хупте с Рясой и р. Воронежем. Первый путь был более коротким [128].

К более позднему, чем рассматриваемое нами в настоящей работе, времени относится упоминание о Муравском и Кальмиусском шляхах, шедших из степи в Рязанскую землю через Ливны и Елец [129].

---

[124] ПСРЛ, т. I, стр. 182.

[125] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VI, прим. 563.

[126] ПСРЛ, т. XI, стр. 95. Из Переяславля вышли в воскресенье 25 апреля, в четверг 29 апреля «приидохом» к Дону и спустили на него суда.

[127] С. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 104.

[128] См. М. В. Веневитинов. По поводу пятисотлетия первого русского путешествия по Дону. «Древности», т. XIV, 1890, стр. 314—327.

[129] К. В. Кудряшов считает, что походы суздальских и рязанских князей на Дон

Южный путь из Рязани по Дону вел не только на Кавказ, но и в Византию. Однако он не действовал в конце XII в.— начале XIII в., так как был прерван половцами. В это время усиление половцев прервало, очевидно, и другие южные пути.

Южный путь подвергался опасности кочевнических нападений и в XI—XII вв. Никогда в течение рассматриваемой нами эпохи движение по этому пути не было безопасным.

Таковы пути, ведшие в Рязанскую землю. Вероятно, речные пути играли важную роль также для внутренних сношений между городами Рязанской земли. Во всяком случае, все важнейшие города возникли в пределах речной системы Оки и ее притоков. Старая Рязань весьма выгодно расположена в районе трех судоходных рек — Оки, Прони и Пары и в непосредственной близости с величайшей водной артерией Восточной Европы — Волгой. Переяславль-Рязанский и Коломна лежат на прямом продолжении пути из Рязани по Оке на запад, а Муром — на восток. Пронск непосредственно связан со Старой Рязанью речным путем по Проне.

Если в древности определяющее значение для торговли имели водные пути, то, по мере увеличения населения, усиливалось и значение сухопутных дорог. Но вряд ли в домонгольское время эти дороги далеко отклонялись от речных путей, в особенности в лесной полосе, где дорога должна была проходить по дремучим лесам, болотам, где необходимо было замащивать хотя бы отдельные участки заболоченных мест и строить мосты.

Археологические материалы, к сожалению, лишь в очень малой степени отражают направление торговли.

В отличие от кладов дирхемов, клады денежных слитков редки и не могут служить показателем направления торговых связей. Названия гривен новгородскими, черниговскими, киевскими — только литературная традиция [130]. На самом деле, где бы они ни были отлиты, им могла быть придана любая из традиционных форм, и они могли превратиться в сокровища и быть зарыты вдалеке от места производства. И все же некоторые данные для истории торговли мы можем извлечь и из находок слитков (рис. 144). Всего в Рязанской области найдено 11 кладов со слитками.

В дополнение к карте (рис. 144) приводим список кладов со слитками и перечень литературы, где содержится описание этих кладов [131].

СПИСОК КЛАДОВ СО СЛИТКАМИ, НАЙДЕННЫХ В РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

1. Село Коростово. В 1891 г. найден клад с целыми и дробленными арабскими дирхемами, одной целой монетой Иоанна Цимисхия (969—976 гг.), 5 монетами Оттона I (962—973 гг.) и Оттона III (995—1002 гг.) и одним целым, но пополам переломанным серебряным четырёхгранным прутиком весом 58,66 г. (Ильин, стр. 49, № 185; Черепнин, ОГДС, стр. 163; его же. Коростовский клад. Рязань, 1892).

2. Хутор Логинов у с. Конищево. В 1880 г. открыт клад, состоявший из 5 или 6 серебряных прутиков, имевших четырёхгранную форму, с округленными ребрами. Вес одного из прутиков равен 119,5 г. В кладе были целые и рубленые аббасидские и саманидские дирхемы и несколько штук серебряных украшений (IX—X вв.).

могли совершаться по водоразделу между Осколом и Доном (где пролегала в XVII в. Кальмиусская сакма) к нижнему течению Северского Донца или же по водоразделу между Доном и Хопром (где проходила в XVII в. Ногайская дорога) к нижнему Дону. [К. В. Кудряшов. Половецкая степь. М., 1948, стр. 137 (со ссылкой на карты в Русском историческом атласе К. В. Кудряшова)].

[130] В. М. Неклюдов. О русских денежных слитках. Труды Отдела нумизматики Гос. Эрмитажа, т. 1, Л., 1945, стр. 121—143.

[131] В списке кладов названия источников по перечню литературы указаны сокращенно, в скобках.

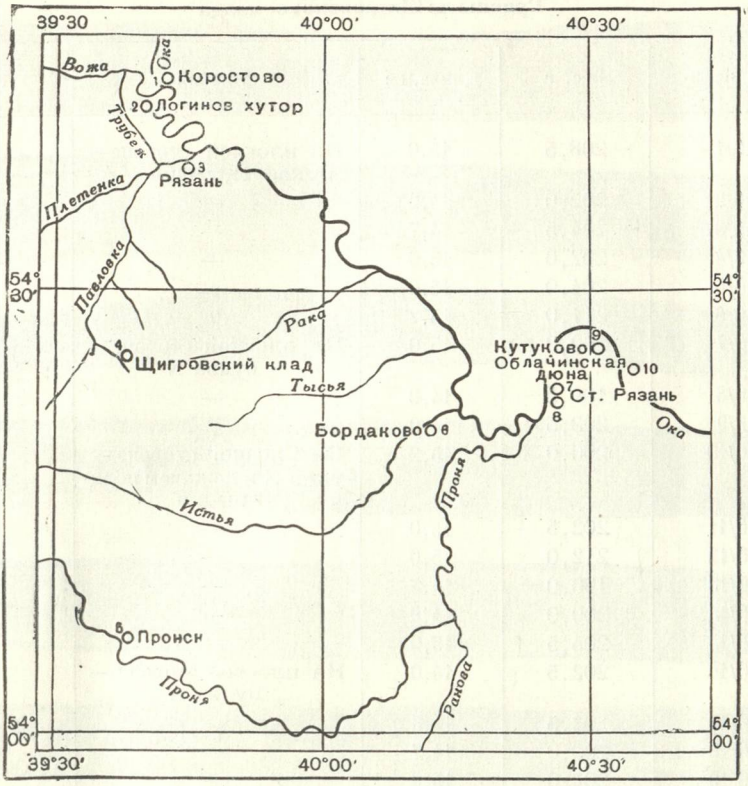


Рис. 144. Размещение кладов со слитками в Рязанской области

(Ильин, стр. 43, № 184; Черепнин, ЗККМ, стр. 3; его же. ОГДС, стр. 163; ЗРАО, новая серия, т. XI, вып. 1 и 2, 1898, стр. 241).

3. Рязань. В 1828 г. у Борисо-Глебской церкви найдены 199 палочкообразных слитков весом от 209,01 до 188,32 г (общий вес — 22 480,05 г); средний вес — 197,19 г. Длина — 155—141 мм; средняя длина — 147 мм. Слитки содержали 96—87% серебра. На плоской стороне слитка (ГИМ, № 172) — надпись «Ѳедора», на спинке другого слитка (ГИМ, № 173) — буква Л в лежачем положении. По Н. Бауэру,— XIII в. (Ильин, стр. 43, № 183; Шодуар, стр. 97; Черепнин, ОГДС, стр. 198; ЗРАО, новая серия, т. XI, вып. 1 и 2, 1898, стр. 241; Bauer, NZ, № 64, стр. 64, № 118)[132].

4. Деревня Щигрово. В 1952 г. на берегу р. Казари найден клад, состоявший из 35 серебряных палочкообразных слитков (33 целых и 2 разрубленных на 3 части каждый; рис. 145), 2 серебряных чаш и серебряного ковша (см. выше, рис. 140), общим весом 7,119 кг. Все вещи были завернуты в бересту и уложены в котел из красной меди. На гривнах имеются нарезки и значки. Проба всех слитков — 875°. В таблице на стр. 314 приводятся данные о весе и длине гривен (взвешивание и измерение произведено М. П. Сотниковой) (В. С. Ерохин. Щигровский клад. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 145—147; КРОМ, № 17916/1—39).

5. Пронск. В 1872 г. на Покровской горе найдены 19 (по А. А. Ильину — 18) тяжелых серебряных шестиугольных слитков, из которых десять были более короткими и выпуклыми, девять — более длинными плоскими. Они были сильно патинированы, содержали 84% серебра. Вес колебался от 213,63 до 180,40 г. Общий вес — 3856,79 г; средний вес — 202,98 г. Длина — от 100 до 73 мм. С гривнами найдены 7 золотых листков и слиток золота весом 2,8 г, длиной 10 см и шириной 6 см, обрубленный от золотой гривны. По Н. Бауэру, клад датируется первой половиной XIII в.

---

[132] В собрании Э. К. Гуттен-Чапского находился один слиток, якобы принадлежавший к Рязанскому кладу 1828 г. На слитке — надпись «ПЕТРОВА». (Э. К. Гуттен-Чапский. Удельные, великокняжеские и царские деньги древней Руси. СПб., 1875, стр. 1, № 3; см. также предисловие, стр. IV; М. Сотникова. «Петровы» гривны. Сообщения Гос. Эрмитажа, т. X, 1956, стр. 49—51).

Гривны из Щигровского клада

КРОМ, инв. №	Вес, г	Длина, см	Значки	Нарезки
17916/1	208,5	15,0	На плоской стороне — буква П, рядом — А	7+1[1]
17916/2	202,0	14,2	—	—
17916/3	204,5	14,7	—	8+1
17916/4	202,0	15,0	—	6
17916/5	204,0	15,0	—	9+1
17916/6	211,0	15,2		—
17916/7	200,0	15,0	На плоской стороне — буква N	8
17916/8	199,5	14,0	—	7
17916/9	203,5	14,0		10+1
17916/10	200,0	15,2	На плоской стороне — буква N в лежачем положении	6+1
17916/11	202,5	15,0	—	7+1
17916/12	212,0	15,0	—	8
17916/13	190,0	14,8	—	4+1
17916/14	200,0	14,9	—	8
17916/15	205,5	15,0	—	7+1
17916/16	202,5	14,0	На плоской стороне — буква А	9
17916/17	202,5	14,5	—	7+1
17916/18	203,0	14,7	—	—
17916/19	204,0	15,6	—	8
17916/20	207,0	14,5	—	7+1
17916/21	202,5	14,5		7
17916/22	190,5	15,2	—	8+1
17916/23	189,0	15,0	—	4
17916/24	202,5	15,0	—	9+2
17916/25	205,0	15,0	—	7
17916/26	208,0	14,0	—	—
17916/27	206,5	15,0	—	9+1
17916/28	196,0	14,7	—	9+1
17916/29	200,5	15,0	—	7+1
17916/30	192,0	14,8	—	4+1
17916/31	203,0	13,0	—	9+1
17916/32	113,5	8,7	—	—
17916/33	100,5	7,5	—	—
17916/34	80,0	6,5	Буквы ВА на 3 обломках — 34, 36, 39[2]	8
17916/35	85,5	—	—	7 (На 3 обломках — 35, 37, 38[3])
17916/36	6,9	5,1	—	—
17916/37	63,5	5,1	—	—
17916/38	44,0	4,0	—	—
17916/39	57,5	3,9	—	—

[1] Первая цифра указывает прямую нарезку, вторая — наклонную.

[2] № 34, 36, 39 составляют части одного целого слитка.

[3] № 35, 37, 38 — то же.

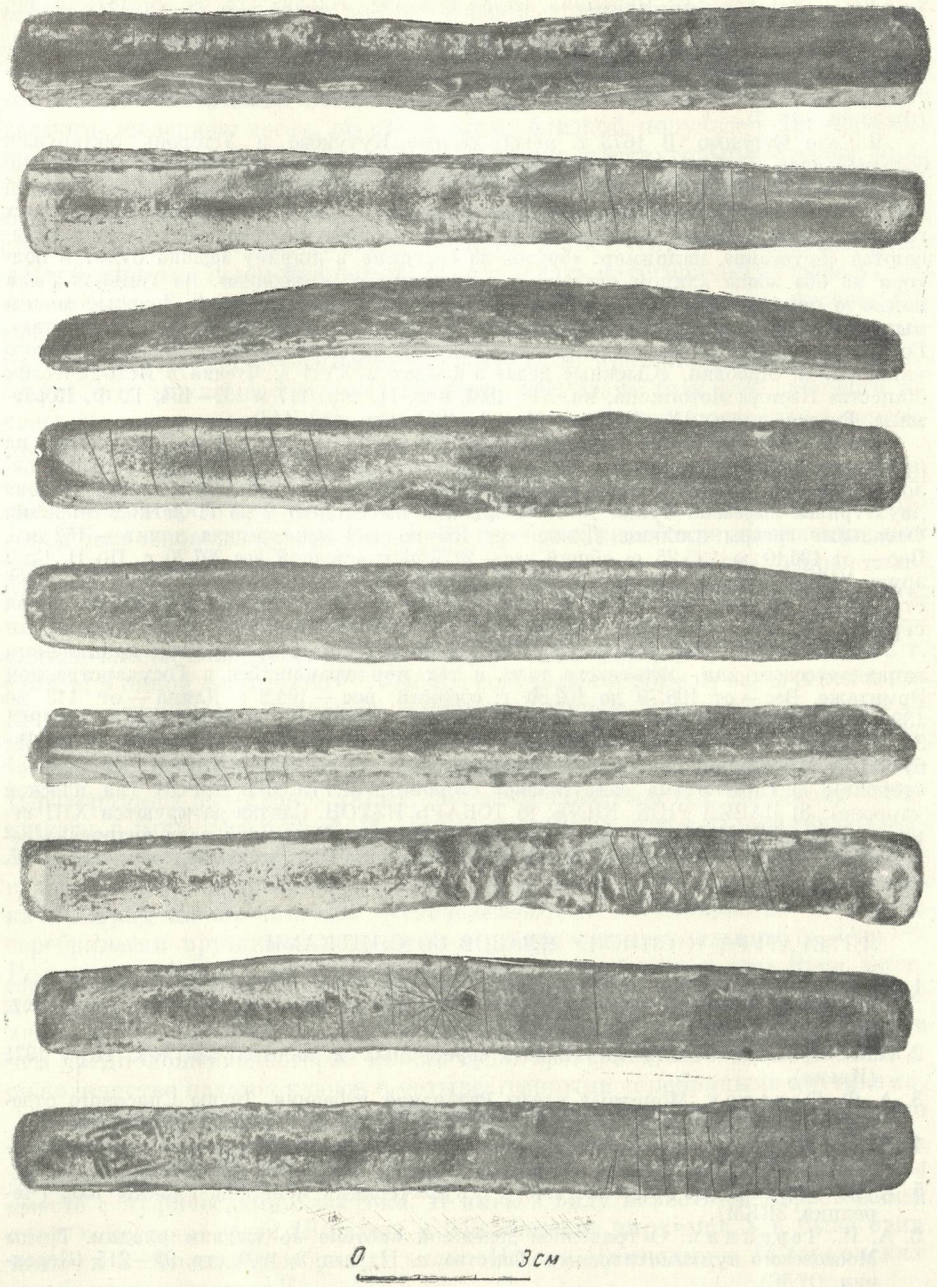


Рис. 145. Серебряные гривны из Щигровского клада.

(Ильин, стр. 43, № 182; Черепнин, ОГДС, стр. 190; Bauer, NZ, № 62, стр. 91 и 116, № 22 и 95; ТРУАК, т. I, 1895, стр. 30; т. XIX, 1904, стр. 171; ЗРАО, новая серия, т. XI. вып. 1 и 2, 1898, стр. 341).

6. Село Бордаково. В 1850-х годах открыт клад из нескольких фунтов золотых слитков, по форме похожих на золотые столбики. Сообщение не достоверно. (Ильин, стр. 44, № 188; ТРУАК, т. XV, 1900, протоколы, стр. XV; Черепнин, ОГДС, стр. 180; Федоров, стр. 5).

7. Старая Рязань. В 1876 г. крестьянин Иван Ермолаев нашел 14 палочкообразных серебряных гривен общим весом 2772,26 г. Средний вес — 198 г. На одной гривне была нарезана надпись «МАТФЕЙ». По Н. Бауэру,— XIV в.— начало XV в. (ТРУАК,

т. XVIII, 1903, стр. 134; Черепнин, ОГДС, стр. 198; Ильин, стр. 44, № 187; Bauer, № 64, стр. 74, № 164).

8. В 1908 г. в Старой Рязани вблизи Борисо-Глебского собора найден клад, в котором были киевская гривна и 18 медных византийских монет; среди них — 2 монеты Алексея I Комнина (1081—1118 гг.) и 6 монет Иоанна II Комнина (1118—1143 гг.). (Федоров, стр. 7).

9. Село Кутуково. В 1673 г. между селами Кутуково и Усторонь обнаружен большой клад серебряных и золотых вещей, расхищенный находчиками. Из сыскного дела, начатого после находки клада, можно установить, что в его составе было не менее 39 монетных серебряных гривен киевского типа и 3—4 золотых монетных гривны в виде палочек. Серебряные гривны в сыскном деле большей частью называются «брусками», например: «брусок на середине в ширину вершка будет в полтора на оба конца клином сведено, а в толщину в полвершка». На гривнах были какие-то пометки («на одном-де бруске намечено в пяти местах»). Золотые монетные гривны называются в деле «слитками» («слиточек небольшой прутового золота»). Говорится в сыскном деле и о золотых слитках, имевших форму гривен киевского типа. (Н. Н. Оглоблин. «Сыскные дела» о кладах в XVII в. Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца, кн. XII, 1893, отд. II, стр. 117 и 132—154; Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М.— Л., 1954, стр. 142, 143).

10. Облачинская дюна. Спасский уезд. На земле крестьян дер. Пустополки, на противоположной стороне от с. Исад, на берегу Оки в 1888 г. найдены 11 целых палочкообразных слитков и один поврежденный необычного веса. На плоской стороне двух гривен вырезана буква К. На 7 гривнах имеется от 2 до 11 легких нарезок. Остальные гривны гладкие. Длина — от 153 до 169 мм; средняя длина — 162 мм. Вес — от 196,10 до 225,25 г; общий вес — 2279,24 г; средний вес 207,20 г. По Н. Бауэру,— XIII в. (Ильин, стр. 44, № 186; Черепнин, ОГДС, стр. 199; ТРУАК, т. III, 1888, стр. 147; т. IV, 1889, стр. 43; т. V, 1891, стр. 54; т. XIX, 1904, стр. 172; ЗРАО, новая серия, т. XI, вып. 1 и 2, 1898, стр. 241; Bauer, NZ, № 64, стр. 63, № 113).

11. Рязанская губерния. В XVIII в. найден клад из 9 слитков так называемого западнорусского или литовского типа, с тех пор хранящийся в Государственном Эрмитаже. Вес — от 108,79 до 102,89 г; средний вес — 104,8 г. Длина — от 118 до 139 мм, средняя длина — 133 мм. На слитках имеются надписи: 1, 2) ANDREI 3) ХОМНИА (уменьшительная форма — Фома); 4) БЕТОВТО (Витовт); 5) ВАСНЛЬ; 6) ТНВN МН ВЕЛЕЛ (на закругленной стороне), ТНМОШКОВ НЗРОН (на плоской стороне); 7) НВАNЪ (на закругленной стороне), БОРНСОВЪ НЗРОН (на плоской стороне); 8) ПАВЕЛ РНЖ NNNЪ; 9) ТОКАРЬ НЗРОН. Слитки датируются XIII веком. (Bauer, NZ, № 64, стр. 83, № 198; М. Сотникова. Рязанский клад литовских серебряных слитков в собрании Эрмитажа. Сообщения Гос. Эрмитажа, вып. XII, 1957, стр. 15—18).

ЛИТЕРАТУРА К СПИСКУ КЛАДОВ СО СЛИТКАМИ

1. N. Bauer. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters. Numizmatische Zeitschrift, Wien, Bd. 62, 1929, стр. 77—120; Bd. 64, 1931, стр. 61—100. (Bauer, NZ, № 62 и NZ, № 64).
2. А. А. Ильин. Топография кладов серебряных и золотых слитков. Пгр., 1921 (Ильин).
3. А. Ф. Федоров. Монетные клады Рязанской губернии. Труды Спасского отделения Общества исследователей Рязанского края, вып. II, 1928 (Федоров).
4. С. де Шодуар. Обозрение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древних времен, ч. I. СПб., 1837—1841 (Шодуар).
5. А. И. Черепнин. Значение кладов с куфическими монетами. Рязань, 1892 (Черепнин, ЗККМ).
6. А. И. Черепнин. О гривенной денежной системе по древним кладам. Труды Московского нумизматического общества, т. II, вып. 2, 1900, стр. 98—215 (Черепнин, ОГДС).

Следует указать еще на одну находку, сделанную в конце XIX в. на Старо-Рязанском городище,— это шестиугольный слиток, подражающий форме гривнам так называемого «киевского» типа, но отлитый из меди. Вес слитка — 182, 76 г.[133] Значение этой находки неясно. Возможно, хотя и маловероятно, предположение, что это поддельный денежный слиток. Но цвет меди не позволял выдать слиток за серебряный, а золотых такой формы и

[133] А. И. Черепнин. Кулаковский могильник и городище Старой Рязани. ТРУАК, т. XVIII, в. 1, 1903, стр. 150, 151.

веса не было. Может быть, мастер в форме, предназначенной для изготовления серебряных слитков, сделал пробную отливку из меди?

Мы видим, что все слитки XII—XIV вв., найденные в Рязанской земле (за исключением клада литовских слитков), относятся к системе так называемого «северного веса», по своей норме близкой полуфунту (по Н. Бауэру —197 г, по В. Л. Янину —204,75 г). Даже шестиугольные слитки, найденные в Пронске, весят в среднем 202,98 г, хотя распространенные в Киеве и его окрестностях и считающиеся типичными для «южной» системы шестиугольные слитки обычно весят около 160 г. На очень небольшом материале, собранном в Рязанской земле, нельзя делать категорические выводы, но все же можно предположить, что в XII в., когда сложились две русские денежно-весовые системы — «северная» и «южная», Рязанская земля приняла «северную», «новгородскую» систему. Если правильно наше предположение, что важнейшей статьей экспорта из Рязани был хлеб, шедший на север, то не удивительно, что эти экономические связи определили и денежно-весовую систему, принятую в Рязанской земле.

Однако следует иметь в виду, что широкое распространение на Руси слитков новгородского типа (палочкообразных) определялось тем, что Новгород был основным центром импорта серебра. Ганзейские приказчики, как это явствует из торговых книг, везли в обмен на новгородские товары, главным образом, серебро. В Новгороде и изготовлялись слитки. Так, например, М. П. Сотникова полагает, что слитки с надписью «Петровы» — слитки клада, найденного в Рязани в 1828 г., и Щигровского клада 1952 г. отлиты в одной мастерской [134]. Ливцы получали серебро от заказчиков и помечали надписями и буквами имена заказчиков, а нарезками «угар» — убыль серебра при переплавке серебряного сырья в слитки.

Несколько слов нужно сказать о древнейших слитках серебра в виде четырёхгранных прутиков — таких, как найденные вместе с дирхемами в Конищеве, в Коростове и др. А. И. Черепнин полагал, что в их весе заключается довольно правильное отношение к арабской «законной» унции VIII в., и признавал их единицами денежных ценностей, происходящими с Востока [135]. Вряд ли это так. Но замечательно, что большинство кладов с серебряными прутиками встречено в районе среднего течения р. Оки [136]. Возможно, что здесь зарождалась раньше, чем в других частях Руси, местная окская форма денежных слитков, связанная с денежным счетом на дирхемы. Часть дирхемов сплавлялась и превращалась в слитки. Это не более чем предположение, которое можно будет проверить, лишь если увеличится количество находок кладов с четырёхгранными серебряными прутиками.

Западноевропейских и византийских монет в Рязанской земле найдено очень мало; при этом в одном из кладов они оказались вместе с куфическими и, очевидно, проникли не непосредственно с Запада, а были завезены вместе с куфическими с востока. Я имею в виду известный Коростовский клад, в котором среди 15 целых и 918 обломков дирхемов X в. была одна целая и 2 обломка серебряных монет Иоанна Цимисхия и 14 германских серебряных пфенигов [137].

В Старой Рязани были найдены 2 клада византийских монет. В 1888 г. при раскопках Борисо-Глебского собора обнаружены 12 медных монет Иоанна Комнина, одна — Иоанна Цимисхия и один серебряный немецкий динар Оттона I [138]. Второй клад (1908 г.), в котором была найдена киевская

[134] М. П. Сотникова. Серебряные платежные слитки Великого Новгорода. Автореферат диссертации. Л., 1958, стр. 15.

[135] А. И. Черепнин. О гривенной денежной системе..., стр. 162.

[136] А. А. Ильин. Топография кладов..., стр. 4.

[137] А. И. Черепнин. Коростовский клад; Г. Ф. Корзухина. Русские клады..., стр. 105.

[138] А. В. Селиванов. Отчет о раскопках. ТРУАК, т. III, 1889, стр. 161.

гривна, описан выше. Как утверждает А. И. Черепнин, на Старо-Рязанском городище были неоднократно находимы западноевропейские монеты XI в.[139]

К сожалению, сведения об этих отдельных находках не точны, а монеты в коллекции Рязанского музея не сохранились[140].

Можно предположить, что у Рязани существовали непосредственные торговые связи с Византией, но вероятнее, что византийские монеты и вещи попали в Рязанскую землю из других русских княжеств, пройдя через несколько этапов транзитной торговли.

Большой интерес представляет вопрос о денежном обращении на Руси в так называемый «безмонетный» период. Мы не будем касаться причин, определивших существование на Руси длительного «безмонетного» периода, так как этот вопрос не может решаться на материалах Рязанской земли. Но нам хорошо известно, что повышение производительности труда ремесленников и ряд других явлений вели к увеличению роста мелкого товарооборота в XI—XII вв. Как же он осуществлялся при отсутствии мелкой разменной монеты, когда единственными денежными единицами были слитки большой стоимости?

Со времен Н. М. Карамзина в русской историографии идет спор о существовании меховых денег. В советской историографии теория меховых денег подверглась значительным нападкам. Опровергая утверждение о чисто промысловом характере экономики древней Руси, некоторые историки и нумизматы сочли необходимым для доказательств ошибочности этого утверждения (несмотря на то, что оно и без того сравнительно легко опровергалось) подвергнуть сомнению вопрос о существовании меховых денег.

Между тем теория «меховых денег» опирается на ряд довольно достоверных свидетельств. Достаточно сказать, что в пользу древности мехового обращения говорит Русская правда. Изнашиваемость пушнины, ее непрочность вызывали больше всего сомнений в возможности ее использования в качестве товаро-денег. Возможность же существования «кожаных денег», т. е. ассигнаций, казалась совершенно невероятной. Чаще всего в связи с вопросом о «меховых деньгах» цитировался текст, приписывавшийся автору XII в. Ахмеду Тусскому. Отрывок из персидской рукописи содержащий сообщение о торговле древней Руси, был впервые опубликован в 1827 г. вместе с переводом на французский язык И. Хаммером[141], полагавшим, что автором является Ахмед Тусский. Потом было найдено несколько списков этого сочинения, и Н. Д. Миклухо-Маклай убедительно доказал, что сочинение в действительности принадлежит другому автору XII в.— Наджибу Хамадани[142].

Поныне востоковеды не дали сравнительного критического анализа всех списков; один из них,— по-видимому, наиболее древний, принадлежащий Парижской национальной библиотеке,— не опубликован. Эта слабая изученность источника вызывала опасения и недоверие в отношении сообщения Наджиба Хамадани. Несмотря на то, что перевод И. Хаммера признан неудовлетворительным, поскольку рукопись, которой он пользовался, не сохранилась, привожу его перевод: «Au lieu d'argent courant ils se servent

[139] ТРУАК, т. XVIII, вып. 1, 1903, стр. 32.

[140] В. Зубков сообщает о том, что им в 1945 г. была найдена у с. Шумошь медная монета Иоанна Цимисхия (969—976 гг.). В 1929 г. на Старо-Рязанском городище обнаружен византийский фоллис, по типу приближающийся к монетам Алексея III Ангела (1195—1203 гг.). Рукопись, архив ИА, № 177 и 292.

[141] Sur les origines russes. Extraits de manuscrits orientaux par J. de Hammer. St.-Pétersbourg, 1825 (1827), стр. 57 и 101.

[142] Н. Д. Миклухо-Маклай. Географическое сочинение XII в. на персидском языке. Ученые записки Института востоковедения, т. IX, 1954, стр. 186—189.

de peaux épilés, mais ayant encore les pattes et pieds, car s'il en manque une partie, cette peau n'a pas de cours (comme monnaie). Ils ne peuvent pas porter ces peaux hors du pays, ils les donnent timbrées (portant le Tamgha), т. е. «Вместо ходячей серебряной монеты они пользуются шкурами, лишенными волос, однако имеющими лапы и когти; если же чего либо из этого недостает, такая шкура непригодна для обращения (как монета). Они не могут вывозить эти шкуры за границу и употреблять их клейменными (имеющими на себе тамгу)». Е. Э. Бертельс и Ф. А. Розенберг уточнили перевод Хамера; «На Руси ходячая монета — белка, не деньги. Это кожи без волос с передними и задними лапками и с когтями»[143]. Переводы списков рукописи, находящихся в Институте востоковедения Академии наук СССР, сделанные Л. Т. Гюзальян по просьбе И. Г. Спасского, в общем повторяют тот же текст[144], если не считать, по-видимому, спорного перевода списка Д-129.

К этому списку обратился А. П. Ковалевский, который доказывает (по моему мнению,— не очень убедительно), что сочинение Наджиба Хамадани имеет первоисточником сообщение Ибн-Фадлана, и даже вставляет реконструированный текст Хамадани в свой критический перевод Мешхедской рукописи. Признавая, что текст Хамадани имеется в вариантах, столь различных, что пока восстановить его первоначальную редакцию не удалось, А. П. Ковалевский все же дает условный сводный текст по рукописи Института востоковедения (Д-129 из собрания С. Ф. Ольденбурга) с учетом выписок у Хаммера и у Дорна[145]: «у русов ходовая местная монета — шкурки белки[146] (и) соболя без шерсти, (но) с хвостом, передними и задними лапами, когтями и головой. Если чего-нибудь не достает, то от этого шкурка становится бракованной. Их (эти деньги) оттуда вывозить нельзя,— их отдают за товары[147]. Весов там не имеют, но только определенные (стандартные) слитки (металла)...» У Амина Рази (конец XVI в.) тот же текст пересказан: «Вместо денег (у них) в обращении шкурки белок. Ими они совершают торговые сделки. Точно так же весы в тех местах не распространены. Они совершают куплю-продажу посредством мерной чашки...». А. П. Ковалевский предполагает, что у обоих авторов был один первоисточник, но один пропустил упоминание о мерных чашках, другой — о слитках металла.

В поэме Низами «Искандер Намэ» говорится о том, что у русов вместо денег в ходу ветхие, вытертые шкурки белок и соболя[148].

Но вот перед нами новый источник. Его автор — не компилятор, пользовавшийся чужими сведениями, и не поэт, а путешественник, побывавший в русских землях. Это все тот же Абу Хамид ал-Гарнати, в 1150—1153 гг. проехавший из Булгара в Киев[149]. Очень важно то, что это немолодой уже (ему было во время путешествия 70 лет) и очень наблюдательный

---

[143] Н. П. Бауэр. Денежный счет Русской правды. Сб. «Вспомогательные исторические дисциплины», М.— Л., 1937, стр. 184, 185.

[144] И. Г. Спасский. Из истории древнерусского товароведения. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 50.

[145] А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 44.

[146] Другой вариант перевода этого места у А. П. Ковалевского: «Дирхемы русов— это шкурки белки...» и т. д. (Ук. соч., стр. 153).

[147] В этом месте А. П. Ковалевский делает примечание: «То есть перед отъездом купца из их страны он на эти деньги покупает товары». (Ук. соч., стр. 44).

[148] Низами. Искандер Намэ. Перев. К. Липскерова, М., 1953, стр. 420 (см. также перевод Е. Э. Бертельса — Баку, 1940, стр. 357, 358).

[149] А. Л. Монгайт. Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли 1150—1153 гг. «История СССР», 1959, № 1, стр. 169—181.

человек, мусульманский миссионер,— по-видимому, купец, всюду обращавший внимание на продаваемые товары, цены и деньги. К его свидетельству нужно отнестись с большим вниманием. Вот оно [150]:«И когда я прибыл в их (славян) страну, я увидел страну обширную, богатую медом, пшеницей, ячменем и крупными яблоками, лучше которых нет ничего. Жизнь там дешевая.

Они осуществляют торговые сделки между собой при помощи старых беличьих шкурок, на которых нет шерсти, когда из них нельзя извлечь никакой пользы и они абсолютно ни для чего не пригодны. И когда это шкуры головы белки и ее двух лапок, то (эти шкуры) правильны. И каждые 18 шкурок в счете их идут за один серебряный дирхем; они их связывают в одну связку и называют ее «džukn» (?). За каждую шкурку из этих шкур дают краюху превосходного хлеба, которого достаточно (для пропитания) сильного человека; за них можно купить все: невольниц, отроков, золото, серебро, шкурки бобра (куницы?) и другие товары. Если бы эти шкурки были в какой-либо (другой) стране, то можно было бы за одно зерно купить тысячу вьюков таких шкур [151], и они вовсе ни к чему не пригодны. А когда (шкурки) испортятся в их домах, они везут их в полувьюках в разрезанном виде и они направляются к некоему известному рынку, где есть люди и перед ними ремесленники. Они оставляют их (шкурки) у них, и ремесленники приводят их в порядок на крепких веревках, каждые 18 (шкурок) в одну пачку. На край этой веревки они помещают кусок черного свинца и припечатывают его печатью с изображением царя. Они печатают одну за другой те шкуры, пока не опечатают все [152]. И никто не может от них отказаться, продается ими и покупается».

В приведенном тексте имеется непонятное слово «džukn» или «gukun», обозначающее связку шкурок белки. С. Дублер читает это слово «ğukn» и полагает, что это куна, куница. И. Хрбек считает, что это может быть искаженное слово «гривна», хотя сам сомневается в возможности такого чтения, так как по арабски слово «гривна» следовало бы написать, как «h (r) ifna» [153]. Следует заметить, что здесь возможны и ошибки автора, писавшего несколько лет спустя после путешествия и, возможно, забывшего славянское слово, и ошибка переписчика. С. Дублер не проделал необходимого источниковедческого анализа, и мы вообще не знаем, где, когда и кем переписана рукопись и автограф это или копия.

Свидетельство Абу Хамида ал-Гарнати очень важное. Мы не знаем, где он видел описываемые им шкурки — в Рязанской земле, когда он проезжал по Оке, или в Киеве, но, по-видимому, он относит эти сведения ко всем восточнославянским землям.

Археологическим материалом, который подтверждает сообщение Абу Хамида и который в свете этого сообщения сам приобретает новое значение, являются находимые во многих русских городах свинцовые

---

[150] Я пользовался переводами сочинения Абу Хамида ал-Гарнати, сделанными на европейские языки (С. Dubler. Ук. соч.; J. Hrbek. Nový arabský pramen o vychodni a střední Evropě. Československá Ethnografie, II, 1954, № 2, стр. 157—175; его же — Arabico-Slavica. Archiv Orientalni, XXIII, 1955, стр. 113—125. Кроме того, по моей просьбе отдельные отрывки были переведены с арабского Ю. А. Анцисом.

[151] Ц. Дублер и И. Хрбек переводят иначе: «В то время как в другой стране и за тысячу этих шкурок нельзя купить ничего (ни одного зерна „habbu")». Т. Левицкий переводит так, как у нас. T. Lewicki. Znaczenie handlowe Drohiczyna nad Bugem. Kwartalnik historii Kultury materialnej, Warszawa, 1956, T. IV, № 2, стр. 296.

[152] Известный русский ориенталист В. Ф. Минорский, живущий в Лондоне, прислал В. Л. Янину перевод отрывка о меховых деньгах из Мадридской рукописи. С разрешения В. Ф. Минорского В. Л. Янин любезно ознакомил меня с этим переводом. В. Ф. Минорский переводит это место иначе, чем все остальные переводчики: «За каждую печать берут по шкурке из этих шкурок, пока не припечатают всех».

[153] J. Hrbek — Arabico-Slavica. Archiv Orientalni, XXIII, 1955, стр. 123.

пломбы, количество которых в русских музеях составляет уже около 15 000 штук [154]. Это небольшие круглые кусочки свинца со следами шнура и с изображениями или знаками на одной или на обеих плоских сторонах. Эти пломбы подобны печатям, но отличаются от них меньшими размерами и небрежностью отделки. Самая большая коллекция таких пломб собрана в Дрогичине-Надбужском; они найдены в Новгороде Великом, Пскове, на Днепре — на острове Каменоватом, в Киеве, Твери, Рязани, Переяславле-Рязанском. Вопрос о назначении этих пломб, часто называемых по месту наибольшего количества находок «дрогичинскими», имеет довольно обширную литературу [155]. Наиболее широко распространена точка зрения, согласно которой эти пломбы привешивались к различным товарам [156]. Для того чтобы объяснить их скопление в некоторых пунктах, было высказано предположение, что их находят в большинстве случаев в крупных торговых центрах, где могли перегружаться или продаваться опечатанные этими пломбами товары.

Коллекция рязанских пломб была составлена, главным образом, спасским краеведом А. Ф. Федоровым, скупавшим их у местных жителей, а также находившим их на городище Старой Рязани, в оврагах и на берегу Оки в размывах культурного слоя. К сожалению, пломбы из Старой Рязани были смешаны с пломбами, найденными у Переяславля-Рязанского, и вся коллекция в количестве 138 штук поступила в Московский археологический институт, а в 1922 г. по упразднении его была передана в Этнографо-археологический музей I МГУ. Эта коллекция была изучена Н. П. Лихачевым и В. К. Трутовским [157]. Сейчас эти пломбы недоступны для изучения, и мы будем далее пользоваться выводами Н. П. Лихачева. Кроме пломб из коллекции А. Ф. Федорова, в Старой Рязани найдена в 1888 г. пломба, на лицевой стороне которой изображение настолько нечеткое, что А. И. Черепнин сначала описывал его как «изображение небольшой головки животного или человека, с остатками ободка» [158], а потом пришел к заключению, что «изображена, по-видимому, виноградная кисть» [159]. На оборотной стороне А. И. Черепнин видел шестиконечный крест, но на приведенной им фотографии ясно виден знак в виде трезубца, а внизу, с правой стороны от него — значок, похожий на лежащую букву З. В 1891 г. найдена пломба с изображением бюста человека, окруженного 12 крупными точками; на оборотной стороне нет изображения — только след отверстия для шнура. В 1893 г. обнаружена пломба с поясным изображением человека с усами и окладистой бородой, в короне, украшенной камнями (?), на оборотной стороне — буква А. На другой пломбе

[154] Эта цифра сообщена мне В. Л. Яниным.

[155] Наиболее полный обзор всей предшествующей литературы о пломбах был дан К. В. Болсуновским («Дрогичинские пломбы». Киев, 1894). Позже о пломбах писали Н. П. Лихачев («Материалы для истории византийской и русской сфрагистики», т. II. Л., 1930), А. В. Орешников («Классификация древнейших русских монет по родовым знакам». Изв. Академии наук, Отделение гуманитарных наук, 1930, № 2), Б. А. Рыбаков («Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.» СА, VI, 1940). Т. Левицкий посвятил специальную статью вопросу о торговом значении Дрогичина и о значении найденных там пломб. (T. Lewicki. Znaczenie handlowe..., стр. 136).

[156] Это мнение, впервые высказанное, кажется, английскими археологами, было поддержано К. В. Болсуновским, И. В. Лучицким. А. В. Орешниковым и др. Из работ последнего времени следует отметить статью Б. А. Рыбакова «Торговля и торговые пути» («История культуры древней Руси», т. I, М.— Л., 1948, стр. 343—345). Этой же точки зрения придерживался я в книге «Старая Рязань», стр. 160, 161.

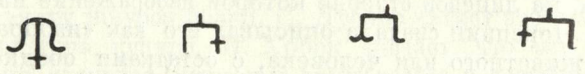
[157] В. К. Трутовский. Рязанские пломбы. Отчет Этнографо-археологического музея I МГУ, вып. 1, 1926.

[158] А. И. Черепнин. Местная старина. ТРУАК, т. IX, вып. 1, 1894, стр. 17.

[159] А. И. Черепнин. Борковский остров и его древности. АИЗ, 1894, № 6-7, 1894, стр. 183.

«знак напоминает половину коромысла весов, но вместо весовой чашки на конце рычага — крючок, левее его — небольшой крестик и точка». Судя по этому, довольно невнятному описанию (изображение пломбы и она сама не сохранились), мы можем предположить здесь княжеский знак, подобный знакам суздальских Рюриковичей [160]. На оборотной стороне — опрокинутая буква П. В Старой Рязани в раскопках В. А. Городцова была найдена свинцовая пломба без изображений и в наших раскопках — пломба с изображением «двузубца», имеющего отрог с правой стороны и крест посередине [161]. Вторым пунктом в Рязанской земле, где были найдены пломбы, является Борковский остров, знаменитый своими археологическими памятниками, прилегающий к северной части Переяславля-Рязанского и отделенный от него р. Трубежем. К северо-западу от с. Борки лежит песчаная дюна, известная у местного населения под названием Сакор-горы. На Сакор-горе найдена серия пломб, из которых три описаны А. И. Черепниным. Две из них односторонние (оборотная сторона гладкая); на лицевой стороне одной вытиснена буква Н в ободке из точек, на второй — в таком же ободке буква О, на третьей — на обеих сторонах неопределенные знаки, похожие на букву Ж [162].

В. К. Трутовский издал несколько рязанских пломб, но в своей статье допускает ошибки, начиная с фактических (он полагает, что Сакор-гора находится близ Старой Рязани) и кончая неправильным определением помещенных на пломбах знаков и назначения пломб. Ошибки В. К. Трутовского подверглись критике в книге Н. П. Лихачева [163] и подробно рассмотрены в моей книге «Старая Рязань», поэтому не будем здесь на них останавливаться. На снимке с пяти рязанских пломб, опубликованном В. К. Трутовским, имеются следующие изображения:



a *b* *c* *d*

Пломба № 1: лицевая сторона — знак *a*, оборотная сторона — буква Д; № 2: лицевая сторона — знак *a*, оборотная сторона — буква П; № 3: лицевая сторона — знак *b*, оборотная сторона — головка; № 4 — лицевая сторона — знак *c*, оборотная сторона — погрудное изображение св. Георгия; пломба № 5: лицевая сторона — знак *d*, оборотная сторона — изображение святого (?).

Н. П. Лихачев, видевший полностью коллекцию рязанских пломб (за исключением описанных выше отдельных находок), писал о ней: «Просматривая весь комплекс пломб рязанской находки, мы находим при однотипности с дрогичинскими и некоторые экземпляры с особенностями. Далеко не все экземпляры имеют изображения знаков. Встречаются экземпляры на довольно толстых кусочках свинца с изображениями святых (оглавными и погрудно) и с процветшим крестом на другой стороне; на одной пломбе изображения святых на той и другой стороне; есть пломбы со знаком А на обеих сторонах. Обращают внимание и пломбы на толстой пластинке с изображением знака *c* на одной стороне и шестиконечного креста с шариками на оконечностях. Об одновременности пломб нельзя говорить...» [164].

---

[160] См. В. Л. Янин. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 16.

[161] А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 157, рис. 122.

[162] А. И. Черепнин. Борковский остров..., стр. 183.

[163] Н. П. Лихачев. Материалы для византийской и русской сфрагистики, вып. 1, Л., 1928, стр. 64—69.

[164] Н. П. Лихачев. Материалы..., стр. 70.

Разные типы пломб датируются временем от XI до XIV вв.

Вопрос о знаках, изображенных на пломбах и варьирующих в разных формах («трезубец», «двузубец» и тому подобные «тамги»), за последние 50 лет неоднократно обсуждался, и после работ Н. П. Лихачева, А. В. Орешникова, Б. А. Рыбакова и В. Л. Янина, кажется, не вызывают сомнения определение этих знаков как княжеских знаков Рюриковичей и утверждение, что по мере развития исследований удастся присвоить определенный знак каждому князю. Знаки Рюриковичей на пломбах составляют не менее 25% общего количества знаков [165]. Однако попытка на материале рязанских пломб решать вопрос о том, каким князьям они принадлежат и каких знаков большинство, была бы не оправдана. Мы можем отметить, что среди изображенных на рязанских пломбах знаков многие напоминают знаки Рюриковичей рода Святослава Черниговского и некоторые знаки суздальских Рюриковичей. В целом же вопрос о пломбах может быть решен только в результате изучения общерусского материала.

Вправе ли мы ожидать, что пломбы, найденные в Рязанской земле, будут помечены знаками только рязанских князей? Иными словами, если поверить свидетельству Абу Хамида ал-Гарнати и предположить, что свинцовые пломбы — это не товарные знаки, а знаки, свидетельствующие о денежном обращении, те самые кусочки свинца с изображением князя, которые привешивались к связкам мехов и придавали им значение денег,— то как обращались эти «деньги» в условиях феодальной раздробленности? Принимали ли в Киеве шкурки, опечатанные рязанскими печатями, и наоборот?

Исследователи русской денежной системы, сомневаясь в возможности обращения «меховых денег», всегда подчеркивали их непрочность и то, что в процессе обращения они должны быстро изнашиваться и терять ценность. Свидетельства восточных авторов снимают этот вопрос, так как отмечают, что потерявшие свою абсолютную товарную ценность шкурки продолжают служить деньгами и, как объясняет Абу Хамид, лишь благодаря тому, что на них стоит княжеский знак, они обязательны к приему в качестве денег. Никто не смеет от них отказаться. О том же говорится в поэме Низами. Когда Александру Македонскому объясняют значение у русов вытертых шкурок соболей и белок как денег, он поражается, до какой степени покорны велению князей те люди. Таким образом, Низами знал, что шкурки обязательны к приему в качестве денег и это поддерживается государственной властью.

Мы можем представить себе своеобразную систему «кредитных билетов», выпуск которых, однако, лимитируется не государственной властью, а количеством добытой в стране пушнины. Переходили ли при таких условиях опломбированные княжескими печатями связки мехов границы княжеств? Следует в связи с этим вопросом обратить внимание на очень важное наблюдение Н. П. Лихачева: «Получается общее впечатление наибольшего сходства дрогичинских пломб с рязанскими и прямого родства новгородских с киевскими, хотя эти последние все-таки как будто могут быть выделены в особую группу» [166].

При попытке истолковать значение пломб в свете свидетельства Абу Хамида следует ответить на вопрос о том, что собственно имеет в виду автор, когда он говорит об «образе царя», оттиснутом на свинце. Пломбы с изображениями человеческих лиц составляют сравнительно небольшой процент общего количества пломб, а среди них изображения святых, в

---

[165] Б. А. Рыбаков. Знаки собственности..., стр. 245.

[166] Н. П. Лихачев. Материалы..., стр. 80, 81. На некоторых экземплярах дрогичинских пломб имеется схематическое изображение человеческого лица, позже хорошо известное по рязанским монетам — «мордкам» (рис. 56 в ук. соч.).

которых можно видеть княжеских патронов, очень редки. Может быть, при уточнении перевода нам скажут, что автор имел в виду не только «образ царя (князя)», но и княжеские знаки вообще [167]. И в этом случае не более 25—30% пломб смогут быть определены как носящие такие знаки. На других пломбах изображения очень разнообразны. Есть поясные изображения святых, процветший крест, латинские буквы. На некоторых мы видим кресты, звездочки, точки, кружки; на многочисленных пломбах встречаются буквы славянского алфавита. Быть может, пломбы, на которых не изображены князья и которые не снабжены княжескими знаками,— иного происхождения и, действительно, являются товарными пломбами? Во всяком случае, во всех коллекциях пломб выделяется часть, представляющая обычные западноевропейские товарные пломбы, не возбуждающие никакого сомнения относительно их происхождения. Еще раз повторяют, что проблема «дрогичинских» и рязанских пломб не может целиком решаться на материале рязанском; мы ее затронули лишь в связи с рязанскими находками и вынуждены ограничиться пока только постановкой вопроса, который может быть решен для Руси в целом.

Рязанские пломбы найдены только в 2 пунктах — Старой Рязани и Борках. При недостаточном археологическом обследовании других населенных пунктов Рязанской земли нельзя быть уверенным, что подобные находки в будущем не будут сделаны в других местах. Но следует обратить внимание, что пломбы найдены далеко не во всех древнерусских городах. Не находились ли именно в Рязани и Борках те «известные» рынки, где наново нанизывались на нити и клеймились шкурки-деньги? Сакор-гора наиболее удобно расположена у слияния Трубежа и Оки для того, чтобы служить местом разгрузки прибывавших кораблей и местом торговли.

Вещевой материал, свидетельствующий о направлениях рязанской торговли, очень немногочислен. Так, например, безусловно предметами импорта являлись роскошные ткани, привезенные из Византии и найденные в некоторых погребениях в Старой Рязани [168], византийские перегородчатые эмали, мраморные, яшмовые и другие каменные крестики с греческими надписями. Импортировалось вино, о чем свидетельствуют находки в Старой Рязани, Переяславле, Пронске и Ижеславле обломков амфор южного типа. Это толстостенные сосуды из прекрасно обожженной красной глины, с узким горлом и массивными ручками, овальными в сечении. Поверхность некоторых амфор покрыта желобками, создающими впечатление слабых граней; иногда встречаются рифленые сосуды, покрытые сплошным рядом каннелюр.

Среди привозной керамики выделяется пышно орнаментированная многоцветная поливная посуда, привозившаяся из Золотой Орды, Средней Азии и Херсонеса [169]. Такая посуда обнаружена в слоях XIII—XIV вв. в Старой Рязани [170], Переяславле и Пронске (рис. 146).

В 1956 г. в кремле Переяславля-Рязанского найдена часть чаши, сделанной из керамического теста розоватого цвета и покрытой белым ангобом (рис. 146, *1а, 1б*). По ангобу синей краской нанесен растительный орнамент, и весь сосуд покрыт зеленоватой прозрачной глазурью. Снаружи — глубокие каннелюры, также покрытые синей краской. Невысокая кольцевая ножка оставлена неполивной. Чаша эта принадлежит к хорошо извест-

---

[167] В. Ф. Минорский считает допустимым вариантом перевода «знак царства» вместо «образ царя».

[168] А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 157.

[169] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). МИА № 17, 1950.

[170] А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 158, рис. 123.

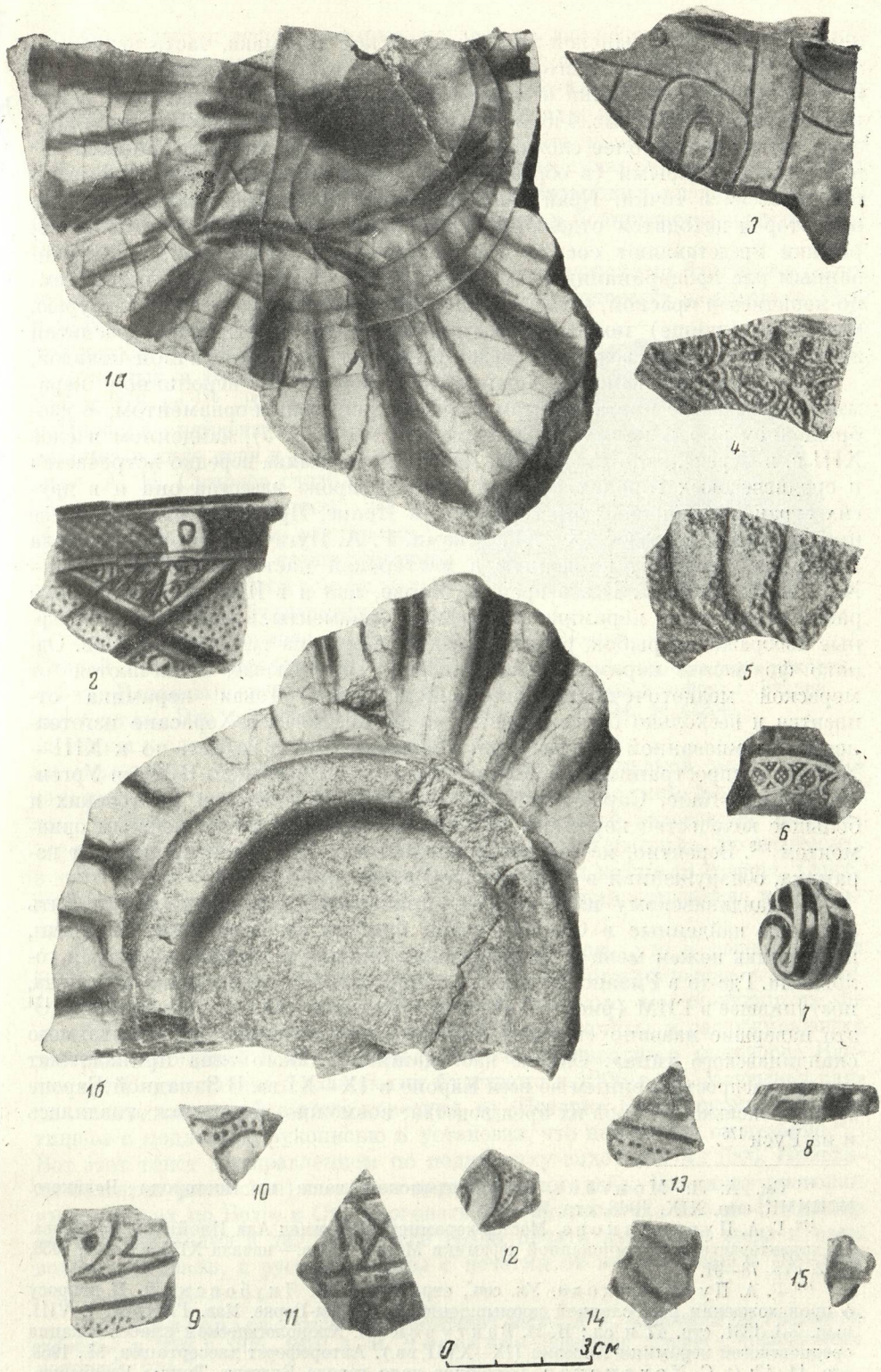


Рис. 146. Импортная керамика и бусы XIII—XIV вв.

1 — золотоордынская чаша (Переяславль-Рязанский, раскопки 1956 г., *а* — вид сверху; *б* — дно; *2, 6* — восточная поливная керамика (Переяславль-Рязанский, раскопки в кремле 1955 г.); *3* — фрагмент керамики (Пронск; КРОМ, № 486/219); *4, 5* — восточная штампованная керамика (Переяславль-Рязанский); *7, 8* — бусы; *9—15* — фрагменты импортной керамики (Переяславль-Рязанский, раскопки в кремле 1956 г.).

ному типу золотоордынской или хорезмийской керамики, часто встречающемуся в раскопках Новгорода, Москвы и других русских городов [171]. К тому же типу керамики относятся фрагменты чаши, найденной в Переяславле в 1955 г. (рис. 146, *2*). На ней тоже рисунок нанесен синей краской, но орнамент более сложный: он состоит из перекрещивающихся линий, между которыми (в образованных этими линиями ромбах) помещены арабески и точки. Край чаши расписан синей диагональной сеткой, на которой находятся отдельные белые глазки. Иной тип поливной керамики представляют сосуды с геометрическим орнаментом, отштампованным или процарапанным по сырой глине. Углубления заполнены темно-коричневой краской, и весь сосуд покрыт желтой прозрачной глазурью. Фрагмент (днище) поливного сосуда, найденного в Пронске, расписан желто-коричневой и зеленой краской и покрыт белой прозрачной поливой.

К восточному импорту принадлежат фрагменты неполивной керамики коричневого цвета со штампованным рельефным орнаментом, с изображением рыб и каких-то растений (рис. 146, *4, 5*), найденном в слое XIII в. в Переяславле-Рязанском. Подобная керамика нередко встречается в средневековых городах Средней Азии. Широко известна она и в других странах средневекового Востока — в Иране, Ираке, Египте. Время ее производства датируют IX—XIV веками. Г. А. Пугаченкова опубликовала подобную керамику, найденную в мастерской мастера-керамиста XII—XIII вв. в Мерве [172]. В это время в Мерве, как и в Иране, были широко распространены на керамике зооморфные орнаменты, в частности, рельефные изображения рыбок, размещенных по кругу на тулове кувшинов. Однако фрагменты керамики, найденные в Переяславле, отличаются от мервской мелкоточечным заполнением фона. Такая керамика относится к несколько более позднему времени, когда в Хорасане изготовление штампованной безглазурной керамики сошло на нет, но к XIII—XIV вв. распространилось в Хорезме и городах Поволжья. В Куня-Ургенче, Шемаха-Кале, Сарае-Берке, Булгаре найдены остатки мастерских и большое количество керамики с оттиснутым матрицами рельефным орнаментом [173]. Вероятно, из городов Поволжья или Хорезма и происходит керамика, обнаруженная в Переяславле-Рязанском.

К скандинавскому или — шире — прибалтийскому ввозу могут быть отнесены найденные в Старой Рязани бляшки со звериными личинами, наконечник ножен меча и металлическая бляшка в виде змеи с двумя головками. Где-то в Рязанской области обнаружено навершие рукоятки меча, поступившее в ГИМ (рис. 147). В отчете Исторического музея за 1908 г. [174] это навершие названо «верхней гайкой рукоятки меча так называемого скандинавского типа». Однако набалдашники такого типа принадлежат мечам, распространенным во всей Европе в IX—XI вв. В Западной Европе было несколько центров их производства; возможно, что они изготовлялись и на Руси [175].

---

[171] См. А. Л. Монгайт. Золотоордынская чаша из Новгорода Великого. КСИИМК, вып. XIX, 1948, стр. 70—73.

[172] Г. А. Пугаченкова. Мастер-керамист Мухаммед Али Инойятон из Мерва. (К характеристике штампованной керамики Мерва XII в.— начала XIII в.). СА, 1958, № 2, стр. 78—91.

[173] Г. А. Пугаченкова. Ук. соч., стр. 91; А. Ю. Якубовский. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке. Изв. ГАИМК, т. VIII, вып. 2-3, 1931, стр. 47 и сл.; Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). Автореферат диссертации, М., 1953, стр. 11, 12; О. С. Хованская. Гончарное дело города Булгара. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. МИА № 42, 1954, стр. 353 и сл.

[174] М., 1909, стр. 8.

[175] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА № 32, 1953, стр. 130—139.

Что касается вещей, которые могли быть привезены из русских княжеств, то здесь археология бессильна отделить вещи местного происхождения от привозных. Средневековая культура русского ремесленного производства в целом была сходна на всей территории древней Руси и отличалась лишь в деталях. Об импорте можно судить, главным образом, по украшениям; в форме и способе их изготовления сильнее всего сказывались местные традиции. Некоторые предметы в рязанских кладах, возможно, были привезены из Киева или Чернигова, но в большинстве произведены на месте.

Археологические следы торговых связей с волжскими булгарами очень немногочисленны. В кладе, обнаруженном в с. Белоомут на берегу р. Оки в 1839 г., среди 25 целых и 32 обломков дирхемов найдены две монеты, чеканенные в Булгаре и Суваре в 949 и 976 гг.[176] В Старой Рязани и Пронске найдены два бронзовых замочка в виде коня и один — в виде льва. А. П. Смирнов считал, что такие замки изготовлялись в X—XIV вв. булгарскими мастерами[177]. Сейчас круг находок таких замочков значительно расширился, и их нельзя считать бесспорно булгарскими.

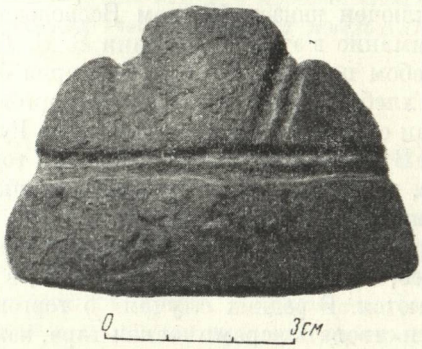


Рис. 147. Бронзовое навершие рукояти меча. Находка в районе г. Рязани (ГИМ, № 44806).

Значительно важнее находки в Старой Рязани, Пронске и Переяславле-Рязанском керамики булгарского типа. Это сделанные на круге из глины желто-красного цвета кринки (кувшины с узким горлом и одной ручкой, с гладкой, иногда слегка залощенной, поверхностью, очень редко покрытые линейным орнаментом[178]. Как правило, глиняная посуда на большие расстояния не перевозилась, сами по себе сосуды не были предметами импорта. По-видимому, в этих сосудах привозили из Волжской Булгарии какие-то товары. Торговые отношения Руси с Волжской Булгарией нашли отражение и в письменных источниках.

Кажется, сейчас никто не сомневается в том, что в распоряжении В. Н. Татищева были ценные, затем погибшие, исторические источники. Он обращался с этими источниками очень свободно, но, по-видимому, не «изобретал» не существующие факты. К числу ценных и заслуживающих доверия сообщений В. Н. Татищева относится известие о «договоре» Владимира Святославича с волжскими булгарами в 1006 г. М. Мартынов сличил текст, касающийся этого известия, из «Истории Российской» В. Н. Татищева с подлинной рукописью и установил, что напечатан он неверно[179]. Вот этот текст в исправленном по подлиннику виде: «6514 : 1006. Прислали болгары (волжские) послов с дары многими, дабы Владимир позволил им в городех по Волге и Оке торговать без опасения. На что им Владимир охотно соизволил и дал им во все грады печати дабы они везде и всем волно торговали, и русские купцы с печатми от наместников в Болгары

[176] В. Григорьев. Описание куфических монет X в., найденных в Рязанской губернии в 1839 г. СПб., 1841; А. И. Черепнин. Значение кладов с куфическими монетами, стр. 5.

[177] А. П. Смирнов. Волжские булгары. М. 1951, стр. 118.

[178] Там же, стр. 138, рис. 99—103.

[179] М. Мартынов. Договор Владимира с волжскими болгарами 1006 года. «Историк-марксист», 1941, № 2, стр. 116, 117.

с торгом ездили без опасений. А болгарам все их товары продавать во градех купцам и от них купить, что потребно, а по селам не ездить; тиуном, вирником, огневшине и смерди не продавать и от них не купить».

Б. Д. Греков, комментируя этот текст, указал, что запрещение торговать в селах и деревнях естественно, так как только в городах можно было организовать сбор торговых пошлин [180].

Мы не знаем, как долго действовал этот договор, но в XI—XII вв. неоднократно сталкивались на Волге и Оке русские и булгарские купцы, и летописи отмечают жалобы булгар русским князьям на чинимые препятствия в торговле. Войны с булгарами перемежались с периодами мирных торговых отношений. Торговля с булгарами сулила выгоды русским князьям, и В. Н. Татищев сообщает о втором торговом договоре, который был заключен князем Юрием Всеволодовичем в 1229 г. [181] Обращает на себя внимание в этом сообщении В. Н. Татищева указание на торговлю булгар хлебом по Волге и Оке. Булгария была земледельческой страной, но был ли хлеб постоянным объектом торговли с Русью, или привоз хлеба был вызван случившимся в это время на Руси сильным голодом,— трудно решить.

В связи с вопросом о хлебной торговле необходимо отметить, что вообще, когда мы реконструируем данные о внешней торговле по археологическим материалам, мы, как правило, имеем дело не с главными объектами торговли, а некоторыми второстепенными. Такие объекты торговли, как хлеб, мед, воск, пушнина и т. п., в археологических материалах не отражаются. В редких случаях о торговле продуктами питания может свидетельствовать керамическая тара, как, например, находки амфор, в которых привозилось с юга вино или масло [182]. Поэтому приведенный выше перечень отдельных находок привозных вещей, как и перечни находок русских вещей за рубежом, лишь в малой степени отражают направления торговли. К тому же, когда мы имеем дело не с массовыми находками, а с отдельными привозными вещами, мы не можем быть уверены, что они были предметами торговли, а не попали в Рязань каким-нибудь иным путем (например, как военная добыча).

Еще меньше мы знаем об обмене между отдельными русскими областями. Выше уже было сказано, что древнерусские ремесленные изделия в различных областях настолько сходны, что, за редкими исключениями, мы не можем установить, произведена ли найденная в Рязани вещь на месте, или привезена из Киева либо Новгорода. Даже такие предметы, как шиферные пряслица, место производства которых на Волыни точно установлено, были настолько широко распространены во всех русских землях (и даже за их пределами), что нельзя решить, попали ли они в Рязанскую землю в результате непосредственных связей с Волынью, или в результате транзитной торговли. Согласно сообщениям письменных источников, важнейшим товаром, обращавшимся на внутреннем рынке, была рожь (наряду с нею — соль). Новгород больше всего нуждался в привозном хлебе, в том числе и в шедшем из Рязанской земли, и владимирские князья влияли на политику Новгорода и принуждали его к покорности, отрезая пути доставки хлеба.

---

[180] Б. Д. Греков. Волжские болгары с IX—X вв. ИЗ, т. XIV, 1945, стр. 12.

[181] С булгарами был заключен мир на 6 лет — «купцам ездить в обе стороны с товаром невозбранно и пошлину платить по уставу каждого града безобидно». «Болгары возили жито по Волге и Оке во все грады русские и продавали и тем великую помочь сделали. Князь же Болгарский прислал в дар великому князю Юрию 30 насадов с житами, которые князь великий принял с благодарением, а к нему послал сукна, парчи с золотом и серебром, кости рыбы и другие изящные вещи». (В. Н. Татищев. История российская с самых древнейших времен, кн. III. М., 1774, стр. 454, 455).

[182] См. А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 187, 188.

Все же как ни фрагментарны наши сведения о рязанской торговле, суммируя все данные и сравнивая их с данными по другим русским землям, мы должны отметить большое значение торговли, шедшей по Оке, для всех русских земель и не можем сомневаться в большом стимулирующем влиянии торговли на всю экономику Рязанской земли.

XXVI

Возникновение феодальных отношений в Муромо-Рязанской земле. Вопрос о колонизации северо-восточных земель в XII в. Первые князья в Муромо-Рязанской земле.

В VIII—IX вв. на северо-востоке, в Муромо-Рязанской земле, возникают классовые отношения. В среде населения, оставившего рязанские и муромские могильники, усиливается классовая дифференциация. Все резче разделяется инвентарь на богатые и бедные погребения, яснее выделяются погребения с оружием как наиболее богатые. Правда, черты племенной самобытности еще долго сохраняются в чудской среде, но элементы феодализма к X в. уже становятся заметными. К этому времени здесь уже процветает подсечное земледелие, в могильниках часты находки железных топоров, серпов, холщевых тканей. Выделяется ремесло (в первую очередь кузнечное). Развитие подсечного земледелия, ремесла и торговли усилило имущественную дифференциацию и разложение родового строя.

Когда в X в. вятичи колонизуют район рязанского течения Оки, а кривичи — муромского течения, они застают здесь примерно тот же уровень социально-экономических отношений, на котором находятся сами. Это еще родо-племенной строй, но с выделившейся социальной верхушкой, с начинающим уже оформляться феодальным способом производства. В то время как в Киевской Руси в IX в. процесс классообразования уже завершается созданием раннефеодального государства, в Северо-Восточной Руси этот процесс протекает медленнее. Вообще темп общественного развития Приокских земель и Подонья по сравнению с Поднепровьем и Приильменьем был несколько замедлен. Вятичи, покинувшие свои поселения в верховьях Дона, еще сохраняли элементы родо-племенного быта и социального устройства. Мы не знаем, как долго длился их путь на Оку. Выше уже говорилось о том, что вряд ли можно представить себе это переселение как завоевательный поход. Оно не было единовременным актом. Массовая колонизация бассейна среднего течения р. Оки славянами была результатом постепенного,— вероятно, длившегося десятилетия,— отхода на север земледельческого населения. Феодальные отношения, связанные прежде всего с собственностью на землю, не могли возникнуть в процессе переселения. Не могли существенно измениться и формы быта. Но на Оке картина быстро изменилась. На важном водном пути, ведшем из южнорусских земель на восток, сильнее сказывалось влияние более высокой культуры Киевской Руси, быстрее развивались ремесло и торговля. Возникновение феодальных отношений было подготовлено всей предшествующей историей вятичей и сейчас совершался резкий переход к новому общественному строю. Большое значение имело то, что славяне по среднему течению р. Оки заселяли не пустынные земли, а область с довольно густым и хорошо вооруженным населением. Здесь возрастала

роль военных руководителей, превратившихся в феодальных владетелей. Мы видим, что в X в. в Рязанской земле возникало множество славянских укрепленных поселений, частично использовавших укрепления городищ местного населения. Можно предположить, что в Рязанской земле образовалась местная землевладельческая знать еще до появления здесь киевских князей.

Процесс ассимиляции местного населения был социальным процессом, связанным с феодализацией. Племенные черты мещеры, муромы и части мордвы исчезали, и это отражало не только вытеснение местного населения или культурное воздействие славян, но и закрепощение ранее свободного общинника феодалами. Так как феодалы в первую очередь захватывали территории, уже занятые старым земледельческим населением, процесс ассимиляции быстрее шел на высоких водоразделах Оки и Клязьмы. Это ясно видно по постепенной смене здесь старых чудских могильников погребениями в курганах и, наконец, в XI в.— по полному переходу к курганным погребениям со славянским инвентарем, сохраняющим лишь некоторые черты чудского племенного наряда. В то же время на болотистых низменностях чудские племенные черты сохранялись значительно дольше, так как феодалы не были заинтересованы в закрепощении неземледельческого населения, не были заинтересованы в захвате их земель и ограничивались здесь сбором дани.

Первым князьям из киево-черниговского дома трудно было удерживать власть в Муромо-Рязанской земле; они сталкивались не только с сопротивлением местного населения, но и с местными племенными князьками, теперь уже вятичскими, так как чудские в XI в. были вытеснены. Отдаленность от Киева и Чернигова также затрудняла установление сильной княжеской власти.

Очень старая литературная традиция в русской историографии, восходящая еще, вероятно, к московским книжникам XV—XVI вв., представляла князя колонизатором, «устроителем» Северо-Восточной Руси. Мы встречаем эту концепцию и в трудах В. Н. Татищева, и у С. М. Соловьева. Наиболее отчетливо она представлена в «Курсе русской истории» и «Боярской Думе» В. О. Ключевского [183]. В середине XII в., по В. О. Ключевскому, «главная масса русского народа» отступила «перед непосильными внешними опасностями с днепровского юго-запада к Оке и Верхней Волге». Во главе колонизационного движения стояли князья-вотчинники. «Из последствий этой (княжеской.— *А. М.*) колонизации сложился весь политический и общественный быт этой Руси», края, который «лежал вне старой коренной Руси и в XII в. был более инородческим, чем русским краем». Удельный строй является последствием колонизации.

В центре внимания исследователей всегда находилась Ростово-Суздальская земля как предшественница Московского государства и его самодержавия. Рязанская земля как глухая окраина в общей концепции русской истории почти не принималась во внимание. Между тем колонизационные процессы в Рязанской и Суздальской землях очень сходны, хотя последующая роль этих земель в русской истории различна. Вопрос о времени, характере и последствиях русской колонизации Верхней Волги и Оки является весьма важным и очень спорным.

Выше было показано, что колонизация славянами района среднего течения р. Оки произошла в X в. То же в отношении Верхней Волги доказывается археологическими исследованиями советских ученых. Следовательно, XII в. не был началом колонизационного движения русских на се-

---

[183] В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. 1. М., 1937, гл. XVI—XVIII; его же. Боярская Дума древней Руси. М., 1882, гл. III и IV.

веро-восток. Северо-Восточная Русь в это время не была страной «суровой и почти дикой» [184], славянское земледельческое население находилось здесь уже почти два века, уже существовали города как центры ремесла и торговли.

Но где доказательства того, что в XII в. вообще происходила хотя бы повторная колонизация северо-востока Руси, что сюда устремился поток переселенцев с юго-запада? Первоначально эта гипотеза была предложена М. П. Погодиным [185], и хотя он не смог представить никаких исторических данных для ее доказательства, «погодинскому домыслу о массовом переселенческом движении с киевского юга на северо-восток как основной причине усиления Ростово-Суздальской земли при Юрии Долгоруком и Андрее Боголюбском чрезвычайно посчастливилось в нашей историографии. Домысел этот остался в ней прочной предпосылкой в изложении северо-русской истории, давая внешне удобный переход от «киевского» периода к «владимирскому» [186].

Попытка исторического обоснования теории переселения с юга на северо-восток была сделана В. О. Ключевским. Можно признать основательным его утверждение, что под влиянием феодального гнета, княжеских усобиц и половецких нападений с половины XII в. становятся заметны признаки запустения Киевской Руси [187]. Но доказательства движения населения на северо-восток очень слабые. Следами, указывающими на это движение, В. О. Ключевский считает:

1. Проложение прямого пути из Киева на северо-восток около половины XII в. Выше я привел доказательства того, что этот «прямой» путь был известен и проходим по крайней мере на 300 лет раньше.

2. Обширное градостроительство при Юрии Долгоруком и Андрее Боголюбском. Действительно, в это время было построено несколько городов, что вполне естественно в эпоху усиленной организации княжеского правления. Это было либо укрепление «городом» старых поселений, либо строительство городов в новых, стратегически важных местах. Но свидетельствует ли такое строительство о колонизационном потоке с юга? Для заселения этих городов достаточно было местного населения. В. О. Ключевский ссылается на В. Н. Татищева, у которого о Юрии Долгоруком сказано, что он «всю Белую (Суздальскую) Русь городами и селами великими населил и многолюдной учинил» [188]. И что он «начал те града населять, созывая людей отвсюда, которым не малую ссуду давал, и в строениях и другими подаяниями помогал, в которые приходя множество болгар, мордвы, венгров, кроме русских селились, и пределы яко многими тысячи людей наполняли» [189]. Но, во-первых, эти утверждения В. Н. Татищева не являются цитатами из исчезнувших летописных источников, а его собственными вставками, а во-вторых, если даже признать их основанными на летописях, в них речь идет о булгарах, мордве, венграх и русских, т. е. о местном и пришлом отовсюду населении, а не о жителях Поднепровья, заселивших северо-восточные города.

3. Южнорусские названия городов, сел и рек на северо-востоке. Этот аргумент В. О. Ключевского серьезнее других может доказать южнорусскую колонизацию севера, хотя и здесь встречаются возражения. Так,

---

[184] С. М. Соловьев. Об отношении Новгорода к великим князьям. М., 1846, стр. 17.
[185] М. П. Погодин. Древнерусская история. М., 1871.
[186] А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства. Пгр., 1918, стр. 5
[187] В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. 1, стр. 289.
[188] В. Н. Татищев. История российская..., кн. III, стр. 139.
[189] Там же, стр. 76.

например, А. А. Спицын считал, что «это названия правительственные, княжеские, а не народные» [190].

4. Указания былин, сложившихся на юге, но сохранившихся на севере. Однако они сохранились на далеком севере, в Приуралье и Заонежье, в районе Архангельска и Олонца и никак, следовательно, не могут свидетельствовать о колонизации междуречья Оки и Волги.

Таким образом, русская колонизация северо-востока в XII в. не была доказана и В. О. Ключевским. И все же научная гипотеза об этом имеет право на существование, так как несомненно, наблюдался отлив населения из южнорусских земель [191]. Вероятно, это население уходило не только на запад, но и на северо-восток, и так же вероятно, что это население на северо-восток перенесло южную топонимику. В Рязанской земле — Переяславль, Трубеж, Лыбедь, Вышгород и тому подобные названия принесены с юга, и топонимика эта народная, а не княжеская. Прямых археологических доказательств повторной колонизации Рязанской земли в XII в. мы не встречаем, хотя нет и фактов, противоречащих этому предположению, а некоторые данные,— например, инвентарь Рубцовских курганов,— могут даже свидетельствовать в его пользу.

Косвенным доказательством существования повторной колонизации может служить наличие слобод в Рязанской земле, хотя и зарегистрированных в источниках позднейшего времени, но, вероятно, в ряде случаев восходящих к эпохе XII—XIII вв.

С. Б. Веселовский обратил внимание на возможность использования данных топонимики для истории землевладения, в частности — на вопрос о слободах [192]. В XII—XV вв. слободская форма поселений играла большую роль в колонизационном процессе на Руси. Слово «слобода» — это испорченная «свобода»; оно применялось к поселениям, жители которых на какой-то срок были освобождены от повинностей. Князь или другой феодал «освобождал», т. е. разрешал частному лицу или коллективу лиц сесть на участке пустой земли и давал различные льготы. Таким образом, слобожане имели на срок льготы или бессрочно, смотря по жалованной грамоте, известную независимость от местных властей и защиту со стороны князя. Особенно много слобод было на границах княжеств для защиты от нападений [193].

Слобода по истечении срока льгот лишалась своих преимуществ и входила в состав стана или волости; при этом она теряла свое название слободы. Однако небольшое количество селений сохранило название слобод. По подсчетам С. Б. Веселовского, по топонимическим данным можно установить существование на территории Руси XV—XVI вв. около 300 слобод [194].

Рязанская земля несколько веков подвергалась постоянным нападениям со стороны степных кочевников. Кроме того, колонизация XII в., очевидно, требовала от землевладельцев для привлечения на новые земли непосредственных производителей предоставления льгот переселенцам. Это заставляет ожидать большого количества слобод в Рязанской земле. И в самом деле, несмотря на то, что многие слободы бесследно исчезли в результате войн и вражеских набегов, мы находим по данным топонимики

---

[190] А. А. Спицын. Историко-филологические разыскания. ЖМНП, 1909, кн. 1.

[191] Е. А. Рыдзевская. Слово «смерд» в топонимике. «Проблемы источниковедения», сб. 2, Л., 1936.

[192] С. Б. Веселовский. Топонимика на службе у истории. ИЗ, т. 17, 1945.

[193] Слободы были как земледельческие, так и торгово-ремесленные, промысловые, служилых людей и т. д.

[194] С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. 1. М.—Л., 1947.

48 слобод в Рязанской земле. Так, в писцовых книгах Рязанского края упомянуты 24 слободы на территории бывшего Рязанского уезда [195]. На картах находим еще 21 слободу [196], в различных актах Рязанского края — еще 3 слободы [197].

Поскольку в XVI в. в центральных районах России слободская форма поселений исчезает, несомненно, что перечисленные слободы в Рязанской земле возникли в более раннее время и часть их,— вероятно, в домонгольское.

Но даже если считать наличие поздней колонизации XII в. доказанным, могла ли она внести существенные изменения в социальную жизнь и быт русских поселенцев на северо-востоке, хозяйничавших здесь уже, по крайней мере, в течение 200 лет? Нет, конечно. Южнорусские князья не были создателями и устроителями пустынных земель северо-востока, этакими, по остроумному замечанию А. Е. Преснякова, «Колумбами Поволжья»; они приходили на давно уже освоенные земли и должны были столкнуться здесь с давно сложившимися формами социальных отношений. Вероятнее всего, что здесь уже существовала местная землевладельческая знать, земское боярство. Самовластие владимиро-суздальских князей явилось не результатом «естественного права» князя-колонизатора устраивать области, а результатом упорной борьбы князей в союзе с городами против местного боярства.

По-иному сложилась судьба княжеской власти в Муромо-Рязанской земле.

Мы не знаем политической истории Рязанской земли до середины XI в. С этого времени происходит феодальное освоение ее киевскими князьями, но как оно протекало,— можно судить только по изложенным раньше косвенным данным. Вероятнее всего предположить, что колонизовавшие область среднего течения Оки вятичи подчинялись своим местным князьям, и лишь позже возникла их зависимость от Киевского и Черниговского княжеств. Только с середины XI в. Муромо-Рязанская земля [198] рассматривается черниговскими князьями как их наследственное владение. В 1054 г. по завещанию Ярослава сын его Святослав получил Чернигов с Тмутараканью, землей вятичей и землями по среднему течению Оки [199].

---

[195] Писцовые книги Рязанского края (под ред. В. Н. Сторожева). Рязань, 1898; см. также М. Шиманский. Рязанский уезд в конце XVI в. и начале XVII в. по писцовым книгам. Рязань, 1911.

[196] Например, на карте Рязанской губернии, составленной в 1858 г. чинами Межевого корпуса под наблюдением генерал-лейтенанта Менде, изданной в Москве в 1860 г. Русским географическим обществом.

[197] А. Н. Пискарев. Древние грамоты и акты Рязанского края. СПб., 1854.

[198] Летопись называет Муром в числе городов, находившихся во владении Рюрика. В начале XI в. здесь сидел сын Владимира — Глеб. Согласно известиям 1019—1024 гг. новгородский посадник Константин по приказу Ярослава был убит в Муроме. По-видимому, в это время Муром, наряду с Ростовом, был в какой-то мере подчинен Ярославу, но, на основании легенды о Борисе и Глебе, он представлял собой отдельное от Ростова княжение. Муром — один из древнейших городов, находившийся в зависимости от Киева.

[199] По крайней мере, таково было представление о распределении земель у составителя Воскресенской летописи в XVI в. Соответствовало ли оно историческим взглядам, господствовавшим в XVI в., или заимствовано из какого-либо раннего источника,— нельзя решить. Помещенное в Воскресенской летописи «Начало о великих князьях рязанских», видимо, является извлечением из каких-то местных записей. То же известие о разделе земель читается в одной из статей, приложенных к Комиссионному списку Новгородской I летописи. «И взя вятший Изяслав Киев и Новгород и ины городы многы Киевьскыя в пределах; а Святослав Чернигов и всю страну въсточную и до Мурома; а Всеволод Переяславль, Ростов, Суждаль, Белоозеро, Поволжье». (Новгородская I летопись, 1950, стр. 469). В пределы «восточной страны», «до Мурома» входила и Рязань.

Но, по-видимому, южнорусские князья до середины 90-х годов Рязань не посещали. Во всяком случае, хотя по летописям довольно подробно известны обстоятельства деятельности черниговских князей Святослава Ярославича, Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха, ни о ком из них не говорится, что он был в Рязани. Рязанскую дань, нужно думать, взимали их посадники.

Олег Святославич лишь в критическую минуту своей полной приключений деятельности вспомнил о Рязани. В обычное время эта окраина не привлекала его внимания. Его честолюбивые замыслы устремлялись к Киеву и Чернигову, и он не рассчитывал на Муром и Рязань даже как на возможную опору в попытках бороться за стол отца. Поэтому Олег после смерти Святослава в 1076 г. оставался во Владимире Волынском, а выведенный Всеволодом из Владимира, предпочел жить в его дворе в Чернигове, состоять при своем дяде, но не удаляться в принадлежавшую ему Муромо-Рязанскую землю. Задумав бороться со своими сородичами, он бежал в Тмутаракань. После неудач в борьбе с Всеволодом, после византийского плена и ссылки на острове Родосе Олег в 1083 г. возвратился в Тмутаракань, где спокойно просидел почти 11 лет. Мы не знаем, бывал ли он в эти годы в Муромо-Рязанской земле. Но, согласно сообщению В. Н. Татищева, в 1088 г. булгары жаловались Олегу на разбои на Оке, считая его ответственным за спокойствие земель у этой реки и волго-окской торговли («но не получа управы, пришед с войски»). Видимо, Рязань и Тмутаракань представляли в это время единый политический организм, во всяком случае — имели одного князя. В Муроме сидел посадник Олега. Это видно из того, что когда Изяслав Владимирович, сын Мономаха, в 1095 г. пришел из Курска в Муром «... и прияша и муромьце, и я посадника Олгова» [200].

В 1094 г. Олег вернулся к попыткам захватить Чернигов. Это ему удалось на короткое время, но в 1096 г. изгнанный из Чернигова Олег пошел к Смоленску, «и не прияша его смолняне, и иде к Рязаню» [201]. Это первое упоминание Рязани в летописи. Потерпев неудачу на юге, Олег решил завладеть северо-восточными землями [202]. Он не выполнил данного слова ехать в Киев на мир с князьями, но, собрав «воев», пошел на Муром, чтобы изгнать оттуда Изяслава. В битве 6 сентября 1096 г. Изяслав был убит, а его дружина разбита. Олег не удовлетворился победой и, продолжая борьбу с Мономаховичами, вторгся в Суздальскую и Ростовскую земли, посажал своих посадников по городам и начал брать дань.

Брат убитого Изяслава — Мстислав, княживший в Новгороде, потребовал освобождения захваченных земель, обещая в случае выполнения этого условия принять меры для примирения Олега со своим отцом Владимиром Мономахом. Олег не пожелал уступить и пошел на Новгород. Он послал брата своего Ярослава «в сторожах» на р. Медведицу, а сам стал у Ростова. Когда Ярослав узнал, что воевода Мстислава Добрыня Рагуйлович перехватил Олеговых «данников», он, не дожидаясь дальнейших событий, ночью бежал к Олегу с известием, что идет Мстислав. Олег, преследуемый

---

[200] Ипатьевская летопись, стр. 220.

[201] ПСРЛ, т. I, стр. 98; т. VII, стр. 9; Ипатьевская летопись, стр. 221.

[202] Олег покушался на Суздаль, Ростов и на весь север, но, когда речь идет о Муроме и Рязани, то точнее было бы сказать, что он стремился не «завладеть» ими, а «вернуть» себе эти земли, наследственное право на которые он отстаивал. Изяславу Владимировичу, занявшему Муром, Олег говорит: «Иди в волость отца своего, Ростову, а то есть волость отца моего; да хочю ту седя поряд створити со отцем твоим, се бо мя выгнал из города отца моего; а ты ли ми зде хлеба моего не хощеши дати» (ПСРЛ, т. I, стр. 108). И противники Олега не отрицают его наследственного права на Муром и только говорят ему: «Иди ис Суждаля Мурому, а в чюжей волости не седи».

Мстиславом, двинулся к Суздалю, а потом к Мурому. Начались мирные переговоры, но внезапно Олег возобновил борьбу и вместе с Ярославом появился у Суздаля. Мстислав и другой сын Мономаха — Вячеслав, пришедший ему на помощь с половцами, на берегах р. Колокши разбили дружины Олега и Ярослава. Олег бежал в Муром, «затворил» здесь Ярослава, а сам ушел к Рязани. Мстислав, преследуя разбитого противника, пришел к Мурому и «сотвори мир с муромци», а затем, после бегства Олега из Рязани, Мстислав «сотвори мир с Рязанци» [203].

Олег потерпел полное поражение и вынужден был согласиться участвовать в Любечском съезде 1097 г. На съезде было постановлено: «Кождо да держить отчину свою»; далее летописец разъясняет: «Давыд и Олег и Ярослав Святославлю» [204]. Вероятно, Олег, удовлетворенный полученным уделом в Южной Руси, перестал интересоваться Муромо-Рязанской землей.

Я ранее высказывал предположение, что XI в.— время княжения в Рязани Олега Святославича — был периодом развития рязано-тмутараканских культурных связей [205]. Это предположение было основано, в частности, на мнении В. А. Городцова, подчеркивавшего сходство рязанской керамики с керамикой селищ Тмутараканского княжества, открытых на р. Кубани близ Краснодара [206]. Описывая культурный слой обследованного селища на левом берегу Кубани у аула Тлюстенхабель, В. А. Городцов указывает: «Кроме того, всюду встречались зола, угли и печины, служившие или остатками разрушенных глинобитных печей, или обмазкой жилых помещений, сгоравших в пожарах. Обломки глиняной посуды по формам, технике и орнаменту совершенно близки к славяно-русским, в особенности рязанским, что и заставляет заключить, что селище, вероятнее всего, принадлежало славяно-русскому населению» [207].

Однако изучение кубанской керамики показало ошибочность заключения В. А. Городцова. Никакого прямого сходства керамики селища Тлюстенхабель не только с рязанской, но и вообще со славяно-русской установить нельзя [208]. Другим аргументом для доказательства культурных связей Рязани с Тмутараканью служило некоторое сходство строительных традиций и орнаментальных мотивов в резьбе по камню Рязани и Кавказа [209]. Было высказано предположение, что промежуточным пунктом в передаче Рязани кавказских культурных традиций служила Тмутаракань [210]. Внимательное изучение рязанской архитектуры показало, что и это предположение было ошибочным. Прямые связи рязанской архитектуры можно установить не с Кавказом, а с Черниговом [211]. Таким образом, политические связи Рязани и Тмутаракани (сначала как частей одного и того же

---

[203] ПВЛ, стр. 170.

[204] Там же. Густинская летопись (XVII в.) сообщает подробней: «Давыду Святославичу Смоленск, Олегу Святославичу Чернигов, Ярославу Святославичу Муром». ПСРЛ, т. II, стр. 282. Это неверно. Фактически Давыд получил Чернигов, Олег, вероятно, сел в Новгороде-Северском и только Ярослава мы видим несколько позднее в Муромской земле.

[205] А. Л. Монгайт. Старая Рязань. «Вопросы истории», 1947, № 4.

[206] В. А. Городцов. К материалам по археологии Рязанского края. Рукопись. НАРМ, № 211.

[207] В. А. Городцов. Археологические изыскания на Дону и Кубани в 1930 г. «Памятники древности на Дону», Ростов, 1940, стр. 5, 6.

[208] А. Л. Монгайт. Некоторые средневековые археологические памятники Северо-Западного Кавказа. СА, XXIII, 1955.

[209] Г. Ф. Корзухина. Рязань в сложении архитектурных форм XII—XIII вв. Сборник аспирантов ГАИМК, вып. I, Л., 1929, стр. 80—82; А. И. Некрасов. Древнерусское зодчество XI—XVII вв. М., 1936, стр. 76.

[210] А. Л. Монгайт. Рязанская скульптура. КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 61—65.

[211] А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА № 49, 1955, стр. 96, 97.

Черниговского княжества, потом как княжеств, имевших одного общего князя — Олега) не вызывали к жизни культурных связей, которые нашли бы свое отражение в археологических материалах.

Мы не имеем никаких данных, подтверждающих что Любечский съезд положил начало самостоятельности Муромо-Рязанского княжества. Еще в течение 30 лет земли Мурома и Рязани входили в состав Черниговского княжества. По-видимому, Олег Святославич не интересовался в это время северо-восточной окраиной, и Муромом правил его брат Ярослав. Этот бесцветный князь, не прославившийся ни одним сколько-нибудь значительным предприятием, всегда бежавший при виде передовых застав противника, соглашавшийся на любые уступки, представлял прямую противоположность своему брату — полному энергии и честолюбивых замыслов воину и авантюристу. Олег Святославич постоянно «смуту сеял», его похождения были в центре внимания летописца, его осуждали современники-патриоты за раздоры, ослаблявшие Русское государство. О Ярославе же и его далекой Муромо-Рязанской земле летописи почти полностью забывают на время от 1096 до 1123 г., когда он стал князем черниговским. Только дважды в эти годы упоминается имя Ярослава: в 1101 г., когда он вместе с великим князем Святополком Изяславичем и другими князьями вел мирные переговоры с половцами (сначала в Золотче, а потом в Сакове) и в 1103 г., когда он ходил на мордву и был разбит. Да и о самой Рязани в эти годы летописец упоминает только один раз, сообщая о смерти в 1114 г. в Рязани Романа Всеславича Полоцкого и внука Игоря Ярославича — Мстислава [212]. Неизвестно, почему эти князья оказались в Рязани, и, вероятно, прав Д. И. Иловайский, предполагая, что с падением Тмутаракани Рязань, лежавшая на окраине Русской земли, превратилась в убежище князей-изгоев.

В 1115 г. умер Олег Святославич, в 1123 г. умер Давыд и черниговский стол занял последний Святославич — Ярослав. В 1127 г. Всеволод Ольгович согнал своего дядю с черниговского престола, и Ярослав отправился в Муром. По пути он оставил в Рязани какого-то Святополка Ольговича [213]. Через два года загадочный Святополк Ольгович неизвестно куда исчез, и мы видим в Рязани сыновей Ярослава.

В 1129 г. Ярослав умер, и его дети распределили между собой земли: Юрий сел в Муроме, а Святослав и Ростислав — в Рязани [214]. С этого времени только и можно говорить о выделении из Черниговского княжества земель Рязанских, Муромских и Пронских, ставших уделом династии Ярославичей. Очевидно, в это время Муром рассматривался как старший стол, так как и Ярослав из Чернигова возвратился не в Рязань, а в Муром, и дети его по старшинству занимали Муромский стол [215]. Так продолжалось до середины XII в., когда значение первенствующего в земле города перешло к Рязани.

---

[212] ПСРЛ, т. IX, стр. 143.

[213] В. Н. Татищев («История российская...», кн. II, стр. 233) называет его братом Ярослава, но это, вероятно, его племянник.

[214] В статье Воскресенского свода: «Начало о великих князех Рязанских» читаем: «Ярослав седе на Муроме и на Рязане, и сиде два году, и преставился, и положен в Муроме. А на Муроме и на Рязане остались дети его: Ростислав да Святослав да Юрьи; и Ростислав да Святослав были на Рязани, а Юрьи на Муроме». (ПСРЛ, т. VII, стр. 242).

[215] В 1143 г. скончался Юрий Ярославич Муромский, на его место перешел из Рязани Святослав, а Ростислав занял Рязань. В 1145 г. умер Святослав, и в Муром перешел Ростислав, посадив в Рязани своего младшего сына Глеба (Ипатьевская летопись, стр. 318, 319).

XXVII

Внешнеполитические факторы рязанской истории. Половецкая опасность. Борьба с булгарами. Взаимоотношения с Ростово-Суздальским княжеством.

XII в.— это время уже далеко зашедшего распада Киевской Руси, время укрепления и обособления новых политических центров. Восторжествовал порядок феодальной раздробленности. Почти в то же время, когда Черниговская земля укрепила свою независимость от Киева, Рязанская земля стала независимой от Чернигова.

Среди факторов, влиявших на судьбы Рязанского княжества, немаловажную роль играли его окраинное положение на юго-востоке Русской земли, на границе со степью, с булгарами и мордвой, и его соседство с Владимиро-Суздальским княжеством. Едва становившееся в политическом отношении на ноги, только что получившее независимость от Чернигова, Рязанское княжество вынуждено было вести борьбу на три фронта. Несомненным преимуществом географического положения Владимиро-Суздальской земли перед Рязанской было ее расположение вдали от постоянных опасностей со стороны степняков. Рязанская же земля лежала в непосредственной близости со степью, половецкие кочевья подходили к самым ее границам, открытым для набегов степняков. Точно очертить территорию Половецкой земли, ввиду скудости историко-географических сведений, трудно, но можно полагать, что ее граница вблизи рязанских владений шла от верховьев Северного Донца и близко подходила к лежавшим уже в Рязанской земле верховьям Воронежа.

Во время набегов кочевники проникали далеко в глубь рязанской территории. Недаром безлесный участок на Проне даже получил название «поля половецкого».

Половцы появились в южнорусских степях около 1061 г.; через 10 лет начались их непрерывные набеги на Киевское и Переяславское княжества. Но летописные сведения о борьбе Рязани с половцами относятся только к XII в. Может быть, это просто обычный недостаток летописных сведений о Рязани в предшествующее время, а может быть, до второй четверти XII в. половцы, действительно, серьезно не затрагивали пределов Рязанской земли. Дело в том, что в начале XII в. войска Владимира Мономаха, а потом сына его — Мстислава нанесли сильные удары по половецким вежам, проникли в глубь Половецкой земли и, по словам летописи, загнали половцев за Дон. С этого времени возросла половецкая опасность для Рязанской земли.

Рязанские князья меняли свое отношение к половцам в зависимости от политической ситуации. Зажатые между степью и могущественным соседом с севера, они то искали убежище и поддержку у половцев, то выступали против них в союзе с северо-восточными князьями. Эти попытки искать союзников в среде кочевников были объективной изменой общерусскому делу, и хотя рязанские князья не представляли исключения среди других русских, поступавших подчас так же, они заслужили осуждение летописца и ненависть народа.

В 1131 г. «князи Рязанстии и Пронстии и Муромстии много половец побиша» [216]. Уже в следующем году какой-то половецкий князь Амурат

[216] ПСРЛ, т. IX, стр. 157.

крестился в Рязани. Союзник или пленный? Очевидно, о половцах идет речь в Никоновской летописи, которая под 1136 г. сообщает об убийстве «в загоне» «печенежского» богатыря Темирхози. В это время уже о печенегах только вспоминали, и в источнике с ними просто спутали других кочевников — половцев. В 1148 г. тысяцкий Константин «многих половец поби в загоне» [217]. В 1150 г. и снова в 1156 г. половцы нападали на окраинные рязанские города и «многих пленивше идоша во своя; и не дошедшимь им своих, ополчишася погоня за ним, прииде на спящих и полон отполони, и их изби» [218]. А в промежутке между этими походами на половцев в 1154 г. Ростислав с их помощью возвратил себе власть в Рязани. Конечно, эти колебания во взаимоотношениях с половцами не означали изменения общей политики по отношению к степи. Просто в разных случаях выступали различные половецкие орды. Союз с одной из них не гарантировал от нападения другой.

В 1160 г. Андрей Боголюбский предпринял большой поход на половцев, который возглавлял сын его Изяслав и в котором принимали участие рязанцы, муромцы и пронцы. Поход изобиловал тяжелыми потерями, и хотя конечная победа осталась за русскими, но «князи... возвратишася в своя отнюдь в мале дружине, вси бо избиени быша в поле от половцев» [219]. В 1177 г. половцы участвовали на стороне рязанских князей в борьбе с Всеволодом Владимирским. После поражения рязанцев половцы напали на рязанские города. В 1179 г. Роман Глебович совершил поход на половцев и нанес им поражение на Большой Вороне. В 1199 г. Всеволод предпринял поход на половцев, может быть, чтобы снискать популярность у рязанского населения [220]. Поход кончился ничем: зимовища половцев на берегах Дона были разорены, но они ушли на юг к морю. В 1205 г. князья рязанские вновь ходили на половцев «и взяша веже их» [221]. Так, вплоть до татарского нашествия длилась борьба с опасными и коварными врагами — половцами. Рязанские князья то призывали их в качестве союзников и наводили на русские земли, то воевали с ними и участвовали в общерусских походах на степь. Половецкая опасность была тем историческим фоном, на котором протекала политическая жизнь Рязанской земли. Борьба с половцами поглотила много народных сил и способствовала ослаблению Рязанского княжества.

Следует, однако, заметить, что, несмотря на половецкую опасность, южная часть Рязанского княжества не запустела окончательно в XII—XIII вв. Выше уже приводилось летописное известие о рязанских «городах» на «Воронеже», существовавших в конце XII в. Грамоты Феогноста и Алексея, «Хождение Пимена» и отрывок из «Сказки Козловского попа» [222] свидетельствуют о том, что южнорусская территория в верховьях Дона и Воронежа не была брошена оседлым христианским населением, островки которого оставались здесь и в XIV в. О том же говорят этнографические данные. Изучение Н. И. Лебедевой бывших южных уездов Рязанской губернии выявило здесь архаизмы в постройках и одежде местного

---

[217] ПСРЛ, т. IX, стр. 178.

[218] Там же, стр. 207.

[219] ПСРЛ, т. IX, стр. 222.

[220] П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884.

[221] ПСРЛ, т. I, стр. 179. О том же походе летописец Переяславля-Суздальского сообщает под 1206 г.: «Того же лета Роман Рязанский князь с братиею ходиша на Половци. И поможе им бог и св. богородица, губиша множество Половець, а иных множество к себе приведоша и коней, и волов, и овець, а христиан не мало отполониша и пустиша их в свояси. Се же бысть месяца Априля страстные недели в среду». (Летописец Переяславля-Суздальского. М., 1851, стр. 108).

[222] «Рязанские достопамятности...». Рязань, 1882.

населения, указывающие на сохранение старого населения, давшего в XV—XVI вв. первую волну колонизации в южные степи [223]. Можно предположить, что походы против половцев на Большую Ворону и на Дон имели в виду также защиту населения южных частей Рязанской земли от кочевников.

Помимо того, что степняки разоряли рязанские города и села и уводили пленных для продажи их в рабство, в результате половецких набегов были прерваны южные торговые пути. О половецкой опасности говорится в «Повести о Николе-Зарайском». Некий Евстафий должен был доставить икону Николы из Корсуня в Рязань. Согласно «Повести» это происходило в 1225 г. Возможно, что за традиционным сюжетом о перенесении святыни с места на место в «Повести» скрыт реальный исторический факт. Во всяком случае, для нас важно то, что автор «Повести» подчеркивает, что южный путь через половцев в Рязань закрыт. «И мыслиша ити вверх по Непру, и паки ити за Днепр в Половецкую землю на восток к Рязанскиа земли». Но даже сам святой Николай не берется защитить Евстафия «от поганых половець» и советует ему добираться до Рязани окружным путем через Ригу и Новгород [224].

Очевидно, такой путь из Херсонеса в Рязань был реальным в начале XIII в. Пути из Рязани на юг никогда не были безопасны от кочевников, но в XI в., во времена Олега Святославича, они действовали; сохранялись они и в начале XII в., но с усилением половцев были окончательно прерваны.

Важным для Русской земли был лежавший через Рязань путь из Киева и Чернигова в Булгар и далее на восток. Волжская Булгария была соперником русских княжеств в восточной торговле, и это приводило к частым столкновениям. Но для Рязани имело значение не только торговое соперничество; булгары были беспокойными и опасными соседями на востоке — менее опасными, чем половцы на юге, но все же неоднократно нападавшими на Рязанскую землю. Еще источники X в. (Ибн-Русте, Ибн-Фадлан) указывают на постоянные набеги булгар на своих соседей. Есть свидетельство о разбойничьих набегах булгар, относящееся к XII в. Абу Хамид ал-Гарнати сообщает, что зимой владетель Булгарии совершает набеги на соседние племена, «чтобы взять в плен их женщин, их сыновей и дочерей, и чтобы захватить лошадей» [225]. По-видимому, главными объектами нападений были соседние мордовские племена, но походы булгар в Муромо-Рязанскую и Суздальскую земли также носили не только оборонительный, а и наступательный характер.

В 1088 г. булгары взяли и разграбили Муром. Согласно сообщению В. Н. Татищева это был поход в защиту свободы торговли по Оке и Волге. «В те же времена были на Волге и Оке разбои и многих болгар, торгующих пограбили и побили. Болгары же прислали ко князю Олегу и брату его Ярославу просить на разбойников, но не получа управы, пошел с войски, Муром взяли и пограбили, а села пожгли» [226]. Вероятно, булгары удовлет-

---

[223] Н. И. Лебедева. Народное жилище южных уездов Рязанской губернии. НАРМ, № 354, 1926 г.; Н. И. Лебедева и Н. П. Милонов. Типы поселений Рязанской области. СЭ, 1950, № 4.

[224] См. тексты «Повести о Николе Заразском» (издал Д. С. Лихачев). Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, т. VII, 1949, стр. 28 и сл.

[225] Abu Hamid el Granadino y su relación de vjaje por tierras Eurasiaticás, стр. 26.

[226] В. Н. Татищев. История российская..., кн. III, стр. 65. Об этом событии более кратко сообщает Ипатьевская летопись: «В лето 6596 (1088)... В то же лето взяша Болгара Муром».

ворились разграблением Мурома и там не оставались. Во всяком случае, в 1095 г. в Муроме уже снова упоминаются русский князь Изяслав Владимирович и посадник князя Олега Святославовича. Неизвестно, какими мотивами руководились булгары, напав в 1155 г. на Муромскую и Рязанскую земли [227]. Был ли это снова поход в защиту купцов и права торговли на Оке и Волге, или поход за данью, или обычная феодальная война,— мы не знаем.

Политика рязанских князей в отношении Волжской Булгарии активизировалась по мере включения Рязани в сферу влияния Владимиро-Суздальской земли. С начала XII в. суздальские князья вели упорную борьбу с булгарами, стремясь положить конец их торговой гегемонии. Рязанцы и муромцы принимали участие в следовавших один за другим походах, и не только в силу своего зависимого от суздальских князей положения, не только в погоне за военной добычей, не только потому, что не менее других были заинтересованы в победе над соперником в восточной торговле,— но и потому, что эти походы ослабляли булгар и тем самым предупреждали их нападения на Муромскую и Рязанскую земли.

Муромский князь Юрий участвовал в походах на булгар Андрея Боголюбского в 1160 и 1164 гг. [228] В 1171—1172 гг. в походе на булгар принимали участие и муромцы, и рязанцы. Поход был предпринят почему-то зимой и этим обстоятельством были очень недовольны участники: «И бысть не люб путь всем людем сим, не годно бо есть зиме воевати болгар, и идуще яко не идяху» [229]. Очень неохотно принявшие участие в походе муромцы и рязанцы привели с собой недостаточно войска. Сын Андрея Боголюбского — Мстислав две недели прождал у устья Оки и, не дождавшись дружины, которую должен был привести воевода Борис Жидиславич, вторгся в булгарские земли. Были взяты город и шесть сел, но этот первоначальный успех был кратковременным. Булгары собрали большие силы, и Мстиславу с рязанцами и муромцами пришлось бежать.

Почти в течение 10 лет отношения с булгарами были мирными, если не считать продолжавшихся грабежей купеческих караванов на Оке и Волге. Это были походы ушкуйников из Рязанской земли. Они препятствовали булгарской торговле, а иногда доходили до их городов и сел, и булгары жаловались на это Всеволоду III, рассматривая, очевидно, Рязань как его вассальное владение.

Вот что рассказывает об этом В. Н. Татищев: «Болгары Волские с Белою Русью имея непрестанной торг, множество привозили, яко жит, тако разных товаров и узорочи, продавая в городах русских по Волге и Оке; но русские многие собрався тайно по Волге купцов болгарских грабиши, а потом по Волге села их и города разоряли, о чем болгары два раза присылали Всеволода о управе просить; но понеже люди те были рязанцы, муромцы и других городов неведомые, не мог Всеволод никакой управы учинить, только во все свои области послал запрещение, чтоб таких разбойников ловя приводили, а ловить их по Волге не послал, чем болгары озлобясь, собрав войска великия пришли в лодиях по Волге к берегам в области Белоруские, которые около городца Мурома и до Рязани великое разорение учинили, и войска посланные противо их не могли для множества их оборонить, даже сами, набрав множество в плен людей и скота возвратились» [230].

---

[227] В. Н. Татищев. История российская..., кн. III, стр. 98.

[228] ПСРЛ, т. IX, стр. 230; т. I, стр. 150, 151.

[229] ПСРЛ, т. I, стр. 155.

[230] Подробный рассказ об этих событиях содержится только у В. Н. Татищева (кн. III, стр. 248—250); в дошедших до нас летописях отсутствует ряд подробностей, в том числе предыстория похода. См. ПСРЛ, т. XII, стр. 96, 97; т. I, стр. 164.

В ответ на это Всеволод предпринял большой поход на булгар, в котором участвовали не только муромский (Владимир Юрьевич) и рязанские князья (Роман, Игорь, Всеволод и Владимир Глебовичи) — обычные участники подобных предприятий, но и три южных князя (Изяслав Глебович Переяславский, Владимир, сын Святослава Киевского, и Мстислав, сын Давыда Смоленского). Весной 1183 г., составив свои дружины в рязанских городах Коломне, Ростиславе и Борисове, они отправились к Всеволоду, и 20 мая начался поход в судах и полем. С мордовскими племенами заключили договор, и они не только не препятствовали продвижению русских войск, но и снабжали их продовольствием. Лишь на обратном пути, когда русская конница снова шла через земли мордвы, произошел ряд столкновений. В этом походе 1184 г. русские войска прошли глубже, чем обычно, в пределы Волжской Булгарии и осадили Биляр [231]. Они захватили много пленных и добычи и сильно потрепали булгарские войска. Это был один из тех походов, которые подорвали могущество Волжской Булгарии и привели к упадку торгового пути, шедшего из Булгарии по Оке на запад. В 1185 и 1205 гг. походы русских в Булгарию повторились. Все же в 1209 г. булгары вновь решились напасть на Рязанскую землю. Несмотря на то, что в Рязанской земле происходили события, глубоко потрясшие всю ее жизнь, булгарам не удалось добиться успеха. Поход был неудачен.

В 1220 г. Юрий Всеволодович нанес удар Булгарскому государству (поход был снова с участием муромских князей). После этого военного разгрома Булгарское государство утратило свою прежнюю силу. Вскоре татарское нашествие повлекло за собой гибель всех главных центров Булгарской земли.

Взаимоотношения с мордвой не носили такого напряженного военного характера, как с булгарами. Как уже сказано, часть мордовских племен вошла в состав Муромо-Рязанского княжества, славянизировалась и приняла участие в этногенезе рязанцев, так же как водь, ижора и другие чудские племена приняли участие в этногенезе новгородских славян и в создании Новгородского государства. Часть же племен, вытесненная с прежних мест обитания, ушла на восток.

В мордовских землях добывалось большое количество пушнины, весьма ценного на международных рынках товара, и вполне понятно, что русские феодалы стремились подчинить себе эти земли. Однако летописи не отразили серьезных столкновений Рязани с мордвой. Либо в XII в. проникновение рязанцев в мордовские земли было сравнительно мирным, либо военные экспедиции были небольшими и потому не отмечены летописями. Только в 1103 г. состоялся, очевидно, большой и неудачный для русских поход. «Бися Ярослав с мордвой месяца марта в 4 день и побежден бысть Ярослав» [232]. Инициатива в покорении мордовских земель принадлежала владимиро-суздальским князьям, которые использовали для этого внутренние раздоры между мордовскими владетелями. Рязанские и муромские князья участвовали в походах на мордву в XIII в. Походы эти происходили в 1226, 1227, 1228 и 1232 гг.

Третьим важнейшим внешнеполитическим фактором, сыгравшим решающую роль в судьбах Рязанской земли, были ее взаимоотношения с Ростово-Суздальским (позже Владимирским) княжеством. С середины XII в. началась борьба между этими феодальными княжествами, длившаяся с перерывами почти в течение целого столетия. Быстрый рост значения

---

[231] В летописи сказано: «И пришед в землю Болгарьскую, выседе из насада на берег, и поиде к Великому городу». Какой город летопись называет «Великим» — точно не известно. Вероятнее всего, это Биляр, но может быть, Болгар или Ошель.

[232] ПВЛ, стр. 185.

Ростово-Суздальской земли создал опасного соседа для Рязани, которая недавно получила самостоятельность от Чернигова. Хотя долго еще продолжалось соперничество между Черниговом, стремившимся сохранить в своих руках Рязань, и Ростово-Суздальской землей, но, за исключением кратких периодов, успех неизменно оставался за последней. Для Ростово-Суздальской земли Рязань была важна, так как через нее лежал торговый путь из Киева и Чернигова на Восток, а кроме того, она могла служить заслоном в борьбе с кочевниками. Рязанская земля была житницей для лесной полосы; торговля хлебом была в руках у суздальских князей мощным оружием для воздействия на Новгород.

Превосходство Ростово-Суздальской земли по отношению к Рязани обнаружилось в первых же феодальных войнах, в которых столкнулись оба княжества.

В 1146 г. Ростислав Рязанский принял сторону Изяслава Киевского в его борьбе с Юрием Долгоруким. Союзником Юрия был Святослав Ольгович (князь новгород-северский). Из среды рязанских князей Юрий и Святослав также приобрели союзника. Это был Владимир Святославич (сын муромского князя Святослава Ярославича), очевидно, претендовавший на удел, если не на главный стол, в Муроме или в Рязани и, чтобы получить его, бежавший от своего дяди Ростислава в Новгород-Северский. Может быть, это бегство племянника и заставило Ростислава заключить союз с киевским князем. Когда Юрий Долгорукий двинулся на помощь Святославу, Изяслав потребовал выполнения союзного договора, и рязанский князь, по его требованию, напал на Суздальскую землю. Это отвлекло силы Юрия: он отправил на юг своего сына Ивана, а сам возвратился обратно и послал своих сыновей Ростислава и Андрея (Боголюбского) на Рязань. Ростислав Рязанский не имел сил для серьезной борьбы, он бежал из Рязани к половцам, к хану Елтуку [233].

Союзники Юрия Долгорукого рассматривают Рязань как базу для собирания сил для походов на своих врагов. После бегства Ростислава его противники чувствуют себя хозяевами в его земле. Так, в 1146 г. Святослав Ольгович бежит из осажденного Карачева к вятичам, потом приходит в Рязань и здесь готовится к возобновлению борьбы со своими врагами. Это было облегчено тем, что и в Муроме княжил его друг и союзник Владимир Святославич, по-видимому, вознагражденный за участие в войне с Киевом. В 1147 г. Святослав Ольгович по приказу Юрия Суздальского идет на Смоленские земли и снова возвращается в Рязань. В 1147 г. на знаменитое свидание с Юрием в Москву он идет «с Рязани из Тешилова» [234].

После бегства Ростислава в 1146 г. князем в Рязани был Давыд Святославич. Он умер в 1147 г. и «седе по нем брат его Игорь Святославич на великом княжении в Рязани» [235]. В Ельце в то же время сидел Андрей Рос-

---

[233] Ипатьевская летопись, стр. 339.

[234] Никоновская летопись — ПСРЛ, т. IX, стр. 172. С этого времени в Никоновской летописи под Рязанью понимается вся Рязанская земля, например: «Пришед из Рязани с Ельца» или «с Рязани из Тешилова» и т. д. Но летописец имеет в виду границы Рязанской земли по понятиям XVI в.; в XIII в. Елец был северским, а не рязанским.

[235] ПСРЛ, т. IX, стр. 172. С именами этих князей не все ясно. Под 1149 г. Никоновская летопись сообщает: «Приде из Рязани в Киев к великому князю Юрию Владимировичу князь Игорь Давыдович» (ПСРЛ, т. IX, стр. 182). Д. И. Иловайский высказал предположение, что Давыд Святославич был брат Владимира, другой племянник Ростислава, занявший место последнего после его изгнания, а по смерти Давыда рязанский стол перешел к его брату или сыну Игорю [смотря по тому, что вернее — Святославич или Давыдович (Д. И. Иловайский. История Рязанского княжества, стр. 44, 45)].

тиславич,— по-видимому, сын изгнанного князя рязанского и союзник черниговских Давыдовичей. Вскоре, вероятно, в 1149 г., и сам Ростислав вернулся в Рязань. Видимо, Ростислав мог вернуться в Рязань, лишь приняв необходимость союза с Юрием Суздальским. Но когда Юрий Долгорукий был далеко от Рязани, ему трудно было добиться выполнения обязательств. Так, в 1151 г., когда он из Остерского городка послал за помощью в Рязань, то «не бе ему оттуда ничтоже» [236].

Рязанские князья, очевидно, понимая, что они недостаточно сильны для самостоятельной борьбы с Юрием Долгоруким, искали поддержки в союзе со Смоленским княжеством. Так, еще под 1147 г. летопись называет рязанцев «ротниками» Ростислава Мстиславича Смоленского. Изяслав говорит своему брату Ростиславу: «И к ротником ся сли, и в Рязань, и всямо» [237]. Но Юрий Долгорукий, по-видимому, вскоре заставил рязанцев отказаться от этого союза, так как в 1152 г. они участвовали в походе на Чернигов, который защищал вместе со своим братом смоленский князь. Поход Юрия был неудачен, и вряд ли Ростислав Ярославич Рязанский стремился содействовать его успеху. Он был подневольным участником похода и не оставлял мысли о возможности освободиться от навязанного ему союза. В 1153 г. он построил город Ростиславль. Сооружение города на Оке западнее Коломны имело большое значение для Рязани в ее попытках сопротивляться суздальской гегемонии.

Союз Рязани с Суздалем не был продолжительным. В 1154 г. Юрий прогнал Ростислава «в половцы», а в Рязани посадил сына своего Андрея. На сей раз Ростислав вместо попыток добиться доверия Юрия использовал для возвращения в Рязань своих союзников — половцев. «...Ростислав, совокупя половцы, поиде на Ондрея ночью, Ондрей же едва утече об одном сапоге, а дружину его овех изби, а другие засув в яму, а иные истопоша в реце, а князь Ондрей прибежа к Мурому и оттоле Суждалю» [238].

Ростиславу удалось удержаться в Рязани, и он вновь возвратился к союзному договору со Смоленском.

В 1155 г. «Ростислав Мьстиславичь, смоленьский князь, целова хрест с братьею своею с Рязаньскими князи, на всей любви; они же вси зряху на Ростислава, имеяхути и отцем собе» [239]. Но никакие политические союзы уже не могли обеспечить Рязани сохранение полной независимости. Все больше возрастает зависимость ее от Суздальской земли, пока, наконец, не приобретает характера ясно выраженного вассалитета: владимиро-суздальские князья вмешиваются во все рязанские дела, защищают Рязань от врагов, но в то же время требуют участия рязанского войска во всех своих военных предприятиях. Позже рязанские князья даже получают власть из рук владимиро-суздальских.

---

[236] ПСРЛ, т. IX, стр. 186.

[237] Ипатьевская летопись, стр. 347.

[238] ПСРЛ, т. XX, стр. 117.

[239] Ипатьевская летопись, стр. 482. По мнению Д. И. Иловайского, последняя фраза не могла быть написана, если бы был жив Ростислав Ярославич (год его смерти неизвестен), так как он никак не мог говорить о Ростиславе Смоленском, который был его племянником, как о своем отце. Но предположение Д. И. Иловайского неудачно. Эта фраза могла целиком относиться к самому Ростиславу Ярославичу, это на него «зряху вси» рязанские князья, признававшие его старшим. В этот момент, очевидно, все удельные князья подчинялись Ростиславу Ярославичу. Возможно, что в результате установления тесных отношений со Смоленском развились и культурные связи этого княжества с Рязанью. Их выражением является построение в Рязани Успенского собора, весьма близкого по типу к смоленскому. (См. А. Л. Монгайт. Старая Рязань. М., 1955, стр. 87—92).

XXVIII

Общественные отношения в Рязанской земле в XII—XIII вв. Рязанское боярство. Высшие должностные лица. Распад княжества на уделы.

Для того чтобы понять, почему это произошло, мы должны обратиться к внутренней истории Рязанской земли в XII в. Выше были обрисованы экономические условия развития Рязанской земли; развитие земледелия, ремесла и торговли, возникновение городов, расположенных на выгодных торговых путях, заметный рост производительных сил — все это как будто должно было служить базисом для возникновения прочной политической организации княжества. Сходные условия были во Владимиро-Суздальской земле, но там князья, опираясь на союз с горожанами, смогли сохранить единство княжества. Почему же в Рязани на протяжении всей ее истории до монгольского завоевания так и не возникла сильная княжеская власть?

Нужно думать, что причины этого лежат в характере развития феодальных отношений в Рязанской земле. Мы уже указывали на то, что процесс колонизации был связан с вытеснением местного населения; это выдвинуло военных руководителей вятичей в первые ряды землевладельцев, возникло местное боярство. Первые южнорусские князья в Муромо-Рязанской земле, вплоть до основателя династии рязанских князей — Ярослава Святославича, мало внимания уделяли этой земле, рассматривая ее лишь как источник средств для борьбы за Чернигов. Очевидно, они устанавливали здесь даннические отношения, еще не осваивая земель. Это дало возможность местному боярству укрепиться и превратиться в процессе развития феодальных отношений во влиятельную политическую силу. Формально рязанскому князю принадлежала вся полнота государственной власти, фактически же он вынужден был разделить эту власть с местным боярством. Личный домен рязанского князя не мог быть слишком велик. Ведь южнорусские князья пришли сюда через 100—150 лет после того, как среднеокские земли были колонизованы славянами, и, вероятно, застали здесь уже сложившиеся феодальные отношения. Военно-колонизационный процесс содействовал быстрому развитию феодального землевладения, закабалению свободных общинников, и мы можем предполагать появление в Рязанской земле вотчины в довольно раннее время, уже при первых князьях из киево-черниговского дома. Конечно, это только предположение. Единственный документ, свидетельствующий о феодальных земельных пожалованиях в Рязанской земле, относится к гораздо более позднему времени. Это жалованная грамота князя Олега Ивановича Рязанского Ольгову монастырю [240].

Хотя это документ второй половины XIV в. (вероятно, 1371 г.) [241], но в нем упоминается о земельных пожалованиях, сделанных еще в 1219—

[240] Грамота издавалась много раз, лучшее издание — «Сборник Московского архива Министерства юстиции», т. I, ч. 1, М., 1913. Наиболее распространены ссылки на издание: Акты исторические, т. I, № 2.

[241] См. Б. А. Романов. Элементы легенды в жалованной грамоте великого князя Олега Ивановича Рязанского Ольгову монастырю. «Проблемы источниковедения», сб. III, М.—Л., 1940, стр. 205—224. Б. А. Романов справедливо сомневается, чтобы «грамота с подобными легендарными цифрами XIII в. могла сохраниться в архиве (казне) рязанских князей до второй половины XIV в. при тех политических, военных и династических передрягах, сопровождавшихся выжиганиями до тла, разорениями и бегством князей, какими полна темная история Рязанщины со времени Ба-

1237 гг. предками Олега Ивановича — Ингварем Игоревичем и двумя другими. Они дали тогда «святой богородицы дому 9 земель бортных, а 5 погостов». Пять погостов были населены свободными крестьянами, занятыми бортным промыслом. Князья распоряжались этими землями и их населением, отдавая их феодалу-монастырю, которому предоставлялось право суда и сбора даней и торговых пошлин с этого населения. Таким образом, возникла независимая от органов государственной власти феодальная вотчина (сеньория). Иммунитетные пожалования князей духовным и светским землевладельцам — свидетельство развитых феодальных отношений. Очень важен факт покупки земли одними феодалами у других. Грамота Олега отмечает, что жаловали монастырю земли княжие мужи, которые перекупили в складчину у князя окологородную землю и затем якобы отдали ее монастырю для застройки. Конечно, такой поздний и недостоверный документ, как грамота Олега Рязанского, очень ненадежен для реконструкции восходящих к домонгольскому времени феодальных отношений, но еще раз приходится повторить, что это единственный источник, которым мы располагаем.

В летописях несколько раз упоминаются «муромцы» и «рязанцы», с которыми ведут переговоры, которые решают судьбу рязанских князей. Кто это — горожане, которые собираются на вечевые сходки, или «лучшие люди», феодалы, бояре? Никаких указаний на существование в Рязани и Муроме веча нет. Однако когда в 1095 г. Изяслав Владимирович победил Олега Святославича и пришел к городу Мурому, «приаша и муромци» [242]. Под 1096 г. там же читаем, что Мстислав после победы над Олегом «створи мир» с «муромци», а потом и с «рязанци» [243]. В 1177 г. Всеволод Юрьевич послал к рязанцам с требованием выдать ему Ярополка Ростиславича, укрывшегося в Воронеже. Рязанцы же «сдумавше» поехали в Воронеж за Ярополком и выдали его. В 1207 г. после поражения рязанских князей «рязанци вси с д у м а в ш е, послаша остаток князей и со княгинями вел. кн. Всеволоду в Володимерь». Вынужденные покориться Всеволоду Суздальскому, рязанцы приняли на стол его сына Ярослава, но «вскоре изымаша люди его и исковаша», а других изморили, «в погребех засыпавше» [244].

Всеволод сжег Рязань и Белгород, а рязанцев увел с собой. Здесь мы узнаём, кого летописец называет «рязанцами» — это была рязанская знать, в состав которой входили и бояре, и мужи. В летописной статье, помещенной перед Воскресенским списком, разъясняется: «Лучших людей рязанцев развел». В 1207 г. Всеволод повелел «изъимати» рязанских князей «со своими думцами». Что имеет в виду в данном случае летописец — боярскую ли думу, существовавшую в Рязани, или просто каких-то советников рязанских князей? Во всяком случае, князья очень вынуждены были считаться с теми, кого летописец называет «рязанцами», и действовали последние очень самостоятельно. Характерное для Северо-Восточной Руси

тыя» (стр. 219). Еще дальше в своей критике источника идет Л. В. Черепнин, который полагает, что прадедовская данная, «воззрев» в которую, Олег Иванович подтвердил монастырский иммунитет на территории пяти погостов, реконструирована совместными усилиями братьи Ольгова монастыря и канцелярии рязанского князя Олега для общей цели — путем ссылки на старинное пожалование «дому святой богородицы» найти путь к распространению рязанского политического влияния за пределы московского рубежа. (Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2, М., 1951, стр. 130). Возможно, что реконструкция основана на какой-то монастырской записи, а может быть, сделана просто по памяти. Конечно, грамота Олега в основном отражает взаимоотношения XIV в., но нет оснований отрицать, что этот документ опирается на подлинные факты, восходящие к XIII в.

[242] ПСРЛ, т. IX, стр. 124.

[243] ПСРЛ, т. IX, стр. 129.

[244] ПСРЛ, т. I, стр. 183.

явление — «Кайждо от боляр в уме своем дръжаше, яко сам хощет самодержец быти» [245], отмеченное в «Повести о Петре и Февронии», целиком приложимо и к Рязанской земле.

Некоторые высшие должностные лица среди рязанского боярства нам известны даже по именам. Таковы Ивор Мирославич, воевода, взятый в плен на берегах Влены в 1180 г. [246]; рязанские дипломаты Дедилец и Борис Куневич [247]; попавшие в плен на Колакше тысяцкий Борис Жидиславич, Дедилец, воевода Яков Деденков и Олстин, «думцы» князя Глеба [248]; герой борьбы рязанцев с татарами, знаменитый Евпатий Коловрат, вельможа князя Ингваря Игоревича.

Тысяцкие, по-видимому, были важнейшими должностными лицами, так как их деятельность и смерть отмечаются летописями. Судя по другим русским княжествам, тысяцкий — это воевода городового полка и в то же время правитель, назначенный князем, держащий тысячу у князя [249]. В ведении тысяцких находилось городское население.

Никоновская летопись называет тысяцким Бориса Жидиславича, а В. Н. Татищев — главным воеводой князя Глеба в битве при Колакше. Одно другому не противоречит. Кроме Бориса Жидиславича, известно еще четверо рязанских тысяцких: в 1135 г. был убит тысяцкий Иван Андреевич по прозванию Долгий [250], а в 1148 г. «тысяцкий Константин побил половцев» [251]; в 1155 г. тысяцкий Андрей Глебов был убит в Белгороде ночью родственниками [252], в 1209 г. тысяцкий Матвей Андреевич был убит в Кадоме [253].

Пользуясь какой-то не известной нам летописью, М. Макаров указывает, что «тысяцкий Иван Андреевич Долгий, муж неверный, на диво людям 1135 г. декабря 10 дня был убит громом. «В этот день „парило", как в вешний; православные собирались к молебну, а Ванюшка воровал с печенегами и вору по делом господь бог пожаловал муку» [254]. На недостоверность сведений, сообщаемых М. О. Макаровым, указывал еще Д. И. Иловайский. Однако если эта легенда основана на источниках, а не выдумана, то нужно полагать, что она относится к взаимоотношениям с половцами, имя которых в позднейшем источнике спутано с печенегами. Эта невероятная гроза в декабре [255] и убийство тысяцкого громом являются легендарной передачей исторического факта: тысяцкий — изменник, вошедший в сношения с врагами, половцами,— был убит народом. Конечно, это не более чем догадка, к тому же основанная на недостоверном источнике.

Нам трудно представить себе вообще систему управления Рязанской землей. Кроме тысяцких, упоминаются еще посадники. Впрочем, в одном

[245] «Повесть о Петре и Февронии», изд. М. О. Скрипиль. Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, т. VII, 1949, стр. 239.

[246] Ипатьевская летопись, стр. 619. В. Н. Татищев называет его «главным рязанским воеводой» («История российская...», кн. III, стр. 240).

[247] Ипатьевская летопись, стр. 595, Воскресенская летопись (ПСРЛ, т. VII, стр. 90) и В. Н. Татищев («История российская...», кн. III, стр. 201) называют их «рязанскими боярами».

[248] ПСРЛ, т. X, стр. 5.

[249] Термин «тысяцкий» встречается в летописях со второй половины XI в. См. А. Е. Пресняков. Кормилец, воевода, тысяцкий. ИОРЯС, т. XIII, кн. 1, 1908.

[250] ПСРЛ, т. IX, стр. 159.

[251] Там же, стр. 178.

[252] Там же, стр. 205.

[253] ПСРЛ, т. X, стр. 60. Некоторые исследователи указывают на недостоверность приведенных выше известий. «...Не всем сведениям мы можем дать веру: в известиях Никоновской летописи, например, о рязанских тысяцких вымысел переплетается с действительностью» (А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 199).

[254] М. Макаров. Заметки о землях рязанских. ЧОИДР, I, М., 1846, стр. 13.

[255] Впрочем, о громе в декабре 1135 г. сообщает и В. Н. Татищев. («История российская...», кн. II, стр. 251).

случае это посадник князя Олега, сидевший в Муроме в XI в; в другом случае посадники в рязанских городах были посажены в 1207 г. Всеволодом III. Существовала ли должность посадника собственно в Рязанском княжестве,— остается неизвестным.

Рязанское княжество как самостоятельный политический организм образовалось, когда уже развитые феодальные отношения вели к нарушению политического единства, к разрыву связей. Первым отпало Муромское княжество. А. В. Экземплярский называет Муром рязанским уделом [256], но это неверно. Муром, собственно говоря, рязанским уделом никогда не был. Первоначально Муром был черниговским уделом и был выше Рязани, так как старшие князья садились в Муроме. Только во второй половине XII в. Рязань приобрела первенствующее значение. В 1162 г. Владимир Святославич муромский умер князем на Рязани [257]. Вероятно, в это время старший княжеский стол был перенесен в Рязань, и Никоновская летопись правильно освещает положение Владимира Святославича, назвав его по позднейшему «великим князем рязанским» [258]. Но после него Муром и Рязань обособились; в Муроме сел сын его Юрий, а в Рязани — младший Ростиславич — Глеб. В дальнейшем в Муроме княжила линия Святославичей, в Рязани — Ростиславичей. Очень скоро муромские князья целиком вступили в вассальные отношения с Владимирским княжеством и фактически Рязани не подчинялись. Мы, по-видимому, не знаем всех уделов Рязанского княжества, так как незначительные не были отмечены летописями. Единственным указанным в летописях рязанским уделом был Пронск. Никоновская летопись уже под 1131 г. называет, наряду с рязанскими и муромскими, пронских князей [259]. Активные попытки старших рязанских князей вмешиваться в пронские дела приводили к многочисленным феодальным войнам, но почти никогда не увенчивались значительными успехами.

XXIX

Политическая история Рязанской земли во второй половине XII в.— начале XIII в. Взаимоотношения с Владимиро-Суздальским княжеством. События 1174—1176 гг. во Владимиро-Суздальской земле и участие в них рязанских феодалов. Первая война Всеволода III с Рязанью (1177—1178 гг.). Вторая война Всеволода III с Рязанью (1180 г). Третья война Всеволода III с Рязанью (1186 г.) Подчинение Рязанского княжества Владимиро-Суздальскому. Отделение рязанской епархии от черниговской и политическое значение этого акта. Четвертая война Всеволода III с Рязанью (1207—1208 гг.). Восстановление независимости Рязанского княжества при наследниках Всеволода III.

Не обладавшее прочным внутренним политическим устройством, растрачивавшее народные силы в борьбе с булгарами, половцами, в княжеских междоусобиях, Рязанское княжество все больше и больше оказывалось в сфере политического воздействия Владимиро-Суздальской Руси.

[256] А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси, т. II, СПб., 1891, стр. 609.

[257] «Преставился Володимер князь Рязани, сын Святославль, внук Ярославичь». (Ипатьевская летопись, стр. 519).

[258] ПСРЛ, т. IX, стр. 229.

[259] ПСРЛ, т. IX, стр. 157.

Рязанские войска неизменно вовлекались во все военные предприятия Владимиро-Суздальского княжества. В 1169 г. рязанцы участвовали в знаменитом походе Андрея Боголюбского на Киев, в 1170 г. сын Глеба Рязанского с войсками принимал участие в осаде Новгорода, в 1172 г. рязанские силы были в походе на Булгар, а в 1174 г.— в неудачном походе войск Боголюбского на Киев.

Глеб Ростиславич Рязанский [260] попытался, использовав благоприятную политическую обстановку, сбросить зависимость от «владимирских самовластцев». В 1174 г., когда в результате боярского заговора погиб Андрей Боголюбский, Глеб вмешался в дела Владимиро-Суздальского княжества и пытался посадить на престол угодных ему людей [261]. Когда бояре и дружины Ростова, Суздаля и Переяславля собрались во Владимире, чтобы решить вопрос о новых князьях, в переговорах приняли участие рязанские дипломаты — бояре Дедилец и Борис Куневич [262]. Ростовские бояре были заинтересованы в том, чтобы получить князей, послушных их воле, и в то же время нуждались в поддержке соседних князей (рязанских и муромских), так как боялись союза горожан с владимирскими князьями в борьбе против боярского своеволия. Эти обстоятельства заставили бояр счесть наиболее подходящими кандидатами предложенных рязанскими послами Мстислава и Ярополка Ростиславичей [263]. Глеб не только добился приглашения на владимирский княжеский стол своих родственников, но даже в посольство за ними в Чернигов отправили рязанских представителей; таким образом, создавалось впечатление, что суздальцы получили своих князей из рук Глеба. Этот большой дипломатический успех был закреплен участием Глеба в изгнании Михаила Юрьевича, пытавшегося укрепиться во Владимире. Ростовское боярство с участием рязанских полков осадило Владимир и принудило владимирцев изгнать Михаила и принять Мстислава и Ярополка.

Но соотношение классовых сил во Владимиро-Суздальской земле было не в пользу боярства. Влиятельная торгово-ремесленная верхушка в городах, и прежде всего во Владимире, стремилась покончить с феодальными беспорядками; она готова была поддержать сильного князя в его борьбе с боярством. К тому же Глеб и его ставленники повели себя в Суздальской земле как в завоеванной стране.

Не имея ни достаточного авторитета, ни достаточной силы, чтобы укрепиться там, Мстислав и Ярополк применяли налоги, штрафы, вымогательства и даже прибегли к открытому грабежу, в котором принял участие и Глеб Рязанский. Все это настолько озлобило владимирцев, что они восстали в 1176 г. и помогли Всеволоду и Михаилу, братьям Андрея Боголюб-

---

[260] В Воскресенской летописи («Начало о великих князьях Рязанских») под 6654 (1146) г. сказано «А у Ростислава у Ярославича сын Глеб, а у брата его Святослава Ярославича сын Володимер; а Глеба взяли с Рязани на Дрюческ» и под 6667 (1159) г.: «Дрючане Глеба от себя выгнаша, а у себе посади Рогволода Борисовича, внука княжь Юрьева Долгорукого, а Глеб иде опять на Рязань» (ПСРЛ, т. VII, стр. 242). По-видимому, составитель «Начала...», основываясь только на сходстве имен, спутал Глеба Ростиславича Рязанского с Глебом — сыном Ростислава Полоцкого, действительно, изгнанным из Друцка в 1159 г., но ушедшим не в Рязань, а в Полоцк. Впервые имя Глеба Ростиславича в качестве рязанского князя встречается в 1167 г. (ПСРЛ, т. IX, стр. 234) или, по другим летописям, в 1169 г. (ПСРЛ, т. II, стр. 97; т. VII, стр. 81) в связи с сообщениями о том, что Владимир Мстиславич нашел себе убежище у Глеба в Рязани. Когда Глеб стал рязанским князем,— неизвестно; по-видимому, после 1162 г., так как в этом году умер Владимир Святославич Муромский, которого летопись называет также рязанским князем.

[261] Позже даже сам заговор и смерть Андрея приписывали интригам рязанского князя (ПСРЛ, т. VII, стр. 94).

[262] ПСРЛ, т. I, стр. 158; т. II, стр. 116; т. VII, стр. 90.

[263] Шурьев Глеба Рязанского, находившихся в Чернигове.

ского, изгнать Ростиславичей. «Мстислав же бежа Новугороду, а Ярополк Рязаню» [264].

Глеб не имел достаточно сил, чтобы защитить своих ставленников. Он даже не рискнул присвоить награбленное имущество, и когда Михаил пошел на Рязань, Глеб выслал послов, которые встретили его на Мерской (Нерской) и пообещали вернуть все, что Глеб «еси поимал у шюрину своего у Мстислава и у Ярополка до золотника», и икону богородицы, которую он захватил при грабеже Успенского собора, и книги, и т. д. Глеб вынужден был стремиться к миру с Михаилом, так как его силы были отвлечены в этот момент другими событиями. Олег Святославич Черниговский, возвращаясь из Москвы и находясь в Лопасне, вздумал отнять у рязанцев Свирельск — «бяшет бо и то волость Черниговская» [265]. Глеб послал своего племянника — Юрьевича, который встретился с Олегом, «и победи Олег Святославича шюрина своего и много дружины избиша, а сам одва утече» [266].

Прошло немного времени, и Глеб был вновь вовлечен в столкновение с Суздальской землей. Вопреки данной им Михаилу клятве не помогать своим шурьям [267], он принял у себя Мстислава, пытавшегося бороться с Всеволодом, занявшим Владимирский стол в 1177 г. после смерти Михаила. «Мстислав же иде к Рязаню и подмолви зятя своего Глеба Резаньского, Глеб же тоя осени иде к Москве и пожьже Московь всю город и села, князь же Всеволод поиде на нь» [268].

Это было началом войны, которая определила судьбу Рязани на ближайшие полвека. Обе стороны собрали значительные силы. В войсках Всеволода были, кроме владимирцев, и черниговцы, и дружина из Переяславля-Русского (по Никоновской летописи,— и новгородцы), а Глеб призвал на помощь половцев. Зимой Всеволод выступил в поход и едва дошел до Коломны, как узнал, что рязанцы отправились иным путем и уже находятся с половцами у Владимира, грабят церкви и монастыри, жгут села и отдают население в плен половцам. Всеволод повернул обратно и на пути у р. Колакши встретил Глеба с половцами. В течение месяца они стояли друг против друга, так как река недостаточно замерзла и «не бе лзе твердию ударити на него».

20 февраля 1178 г. Всеволод «пусти возы своя за реку иде же Глеб стояше» [269], на Прускову гору. Глеб послал против «возов» Мстислава Ростиславича, а сам с сыновьями перешел Колакшу и устремился к войскам Всеволода. Всеволод послал подкрепление «иде же возы стояху, против Мстиславу». Мстислав не устоял и обратился в бегство. Глеб находился уже вблизи войск Всеволода, когда увидел происшедшее за рекой. Он поспешил отступить, но было поздно. Окруженные рязанские войска были полностью разгромлены, захвачены в плен сам Глеб, его сын Роман, шурин его Мстислав Ростиславич и «думцы» рязанские: Борис Жидиславич,

---

[264] ПСРЛ, т. I, стр. 161; т. IX, стр. 256.

[265] ПСРЛ, т. II, стр. 118. Свирельск (Сверилеск), по-видимому, в самом деле был черниговским городом, но периодически переходил от Черниговского княжества к Рязанскому и обратно. Лежал он где-то не очень далеко от Лопасни по направлению к Рязани. А. Н. Насонов обращает внимание на с. Северское (Северск), находящееся в 7 км от Коломны при реках Москве и Северке, на правом берегу р. Москвы, как на возможную территорию древнего Свирельска.

[266] Ипатьевская летопись, стр. 602, 603.

[267] В. Н. Татищев. История российская с самых древнейших времен, кн. III. М., 1774, стр. 215.

[268] ПСРЛ, т. I, стр. 162, 163; т. VII, стр. 93, 94.

[269] Странной является эта переправа обоза впереди войска на сторону врага. Была ли это военная хитрость, рассчитанная на то, чтобы отвлечь силы врага? Всего вероятнее, что возы должны были составить «гуляй-город» — своеобразное полевое укрепление, так как вокруг них разыгралась вся дальнейшая битва.

тысяцкий, перешедший на службу к рязанцам из Ростово-Суздальской земли, где он был известен как воевода Боголюбского, Яков Деденков, Олстин, Дедилец и многие другие.

Всеволод с триумфом вернулся во Владимир. Несмотря на полную победу, он, очевидно, не считал возможным полностью подчинить себе Рязанское княжество и надеялся на соглашение. Поэтому он держал пленников, как гостей, и только, когда владимирцы подняли мятеж, протестуя против мягкого обращения с врагами, он посадил их под арест «людей деля, дабы уставился мятеж».

Рязанцы не одобряли действия своего князя и считали Глеба и членов его семьи ответственными за эту неудачную войну. Поэтому они охотно выдали и Ярополка Ростиславича, бежавшего с поля битвы в Воронеж, Всеволоду. Рязанцы решили, что они уже достаточно понесли жертв в борьбе, затеянной в интересах чужого князя (Мстислава).

В судьбе пленных рязанских князей принял участие Святослав Черниговский. По просьбе Мстислава и жены Глеба Рязанского он послал во Владимир черниговского епископа Порфирия с игуменом Ефремом. Два года длились переговоры. Глебу предложена была свобода при условии, если он отправится в «Русь», но он отказался, ответив «лучше сде умру, не иду» [270]. В. Н. Татищев сообщает, что в числе вопросов, обсуждавшихся при переговорах, было требование об уступке Коломны владимирскому князю, также отклоненное Глебом [271].

Рязанский князь так и умер в заключении, ни в чем не уступив своим врагам. Всеволод под давлением восставших владимирцев вынужден был объявить, что Мстислав и Ярополк им ослеплены, и отпустил их в «Русь». По пути в Смоленск эти мнимо ослепленные прозрели [272].

В 1179 г. окончились переговоры, и Роман был отпущен в Рязань, «укрепивше крестным целованием и смиривше зело» [273]. Всеволода принудили к этому не только стремление избежать назревшего конфликта с Черниговом, недовольным затянувшимся пленом рязанских князей, но и желание обеспечить границы своего княжества от разорительных набегов половцев. Рязанское княжество служило заслоном от кочевников. Во время плена рязанских князей половцы разоряли Рязанскую землю и, не встречая никакого сопротивления, заходили далеко — до пределов Владимирской Руси. Как только Роман был отпущен, он совершил поход, в котором «изби много половець» на р. Большой Вороне.

Властный Всеволод рассматривал вставших к нему в вассальные отношения рязанских князей как полностью подчиненных ему, но не так смотрел на это Роман. Он надеялся на помощь тестя своего — Святослава Черниговского и пытался вести себя как независимый князь. Возникший в 1180 г. конфликт между Романом и его братьями — Всеволодом и Владимиром, княжившими в Пронске, послужил Всеволоду предлогом для вмешательства в рязанские дела. Святослав отправил в помощь Роману сына своего — Глеба с черниговской дружиной «в Коломну, в Рязанскую волость» [274]. Глеб и его дружина, пьяные, попали в плен к Всеволоду [275], и

---

[270] Ипатьевская летопись, стр. 606.

[271] В. Н. Татищев. История российская..., кн. III, стр. 228.

[272] Лаврентьевская летопись приписывает акт ослепления народному восстанию (ПСРЛ, т. I, стр. 162, 163), но Новгородская I и Воскресенская летописи ясно говорят, что это — дело рук Всеволода (ПСРЛ, т. VII, стр. 93, 94; Новгородская I летопись, стр. 35).

[273] ПСРЛ, т. X, стр. 5.

[274] Ипатьевская летопись, стр. 614.

[275] Так сказано в Никоновской летописи (ПСРЛ, т. X, стр. 7, 8). По Ипатьевской летописи Всеволод, придя к Коломне, приказал Глебу явиться к нему, и тот «не хотя ехати, но и волею и неволею еха к нему, зане бяшет в его руках» (Ипатьевская летопись, стр. 614).

Роман столкнулся с владимирскими полками один на один. Опять, как и много раз до этого, рязанцы потерпели поражение от владимирских полков. Очевидно, речь здесь должна идти не о случайности, не об удаче владимирцев, а о численном и техническом превосходстве их армии над рязанской. Снова Роман бежал «в поле», не рискуя находиться в Рязани. Оставленные для защиты Рязани братья его — Игорь и Святослав не смогли обороняться и вскоре Роман и Игорь «мир сотвори» и «на всей воли Всеволожи целоваша крест» [276].

Всеволод устанавливает мир в Рязанской земле, делит волости между братьями и принуждает рязанских князей вступить в борьбу со Святославом Черниговским — в борьбу, которая дорого им обходится, так как они много потеряли убитыми и пленными в этом столкновении. На шесть лет Всеволод устанавливает между Рязанской землей и Владимиро-Суздальской мир, снова нарушенный в 1186 г. столкновением рязанских князей Романа, Игоря и Владимира с пронскими — Всеволодом и Святославом.

Летописец утверждает, что Всеволод III пытался примирить рязанских князей и, только потерпев в этом деле неудачу, вынужден был вмешаться в их спор и выступить на стороне пронских. Однако все действия Всеволода в отношении рязанских князей свидетельствуют о том, что он охотно разжигал их споры, умело используя княжеские раздоры, чтобы держать Рязань в повиновении. Цену этим раздорам Всеволод знал, и если верить В. Н. Татищеву, обращаясь в Киев за помощью против булгар в 1183 г., он говорил, что рязанские князья — плохие помощники в военном отношении, и на них рассчитывать нельзя, так как они «между собою братья, имея вражду друга друга воюют, свои области разоряют» [277]. Распри рязанских князей были для Всеволода выгодны, так как рязанцы все время пытались выйти из повиновения Владимиро-Суздальскому княжеству и, начиная с 80-х годов XII в., стремились при этом опереться на черниговскую силу.

В 1186 г. Всеволод III послал в помощь пронским князьям 300 человек своей дружины. Эта помощь, очевидно, реального значения не имела и должна была лишь символизировать, на чьей стороне симпатии Всеволода. Роман с братьями осадил Пронск, в котором находилась и владимирская дружина, но, узнав, что Всеволод посылает к Пронску еще войско во главе с родственником своим Ярославом Владимировичем и муромских князей, испугавшись, снял осаду и ушел в Рязань. Всеволод Глебович оставил в Пронске своего брата Святослава, а сам отправился к Коломне, чтобы сообщить об освобождении Пронска.

Пронские князья сочли борьбу оконченной. Но Роман, узнав о том, что войска Всеволода III повернули от Коломны к Владимиру, вернулся к Пронску, осадил его, отвел у пронян воду и склонил Святослава и пронских бояр сдать город. Были взяты в плен дружинники Всеволода III и семья Всеволода Пронского. Но стоило Всеволоду Юрьевичу пригрозить войной, как немедленно его дружинников отпустили и рязанские князья стали молить о мире. Для переговоров о мире в качестве посредника был избран известный уже нам своей дипломатической деятельностью черниговский епископ Порфирий. Всеволод согласился на мир и отправил большое посольство вместе с Порфирием в Рязань. Здесь произошло нечто непонятное. Порфирий вел переговоры с рязанскими князьями, «утаившись» от остальных послов, и, очевидно, давал им советы не в интересах владимирского князя. Во всяком случае, он вызвал гнев приверженного Владимиру летописца, сообщающего: «И шед ко князям инако рече извороча, не с чем послан бе, не яко святитель, но яко переветник и ложь; и тако изнесе

---

[276] ПСРЛ, т. I, стр. 164.

[277] В. Н. Татищев. История российская..., кн. III, стр. 249.

злые те речи, исполнився свары... и бесчестия, отьиде инем путем Чрьнигову» [278].

Мир не состоялся. Возобновились военные действия. Всеволод, а с ним Ярослав Владимирович — свояк его, Владимир Юрьевич Муромский и Всеволод Глебович, которому не хотели вернуть княжение в Пронске, из Коломны отправились за Оку «и поимаша все власти и села Рязаньская и всю землю ту пусту створиша, пограбиша и пожгоша, и полон много поимаша» [279]. Одновременно с юга нанесли удар половцы. В этих тяжелых условиях одновременных ударов с разных сторон сопротивление Рязани было бессмысленным. Единственно разумным было вернуться к подчинению Всеволоду III.

На 20 лет устанавливаются мирные отношения, причем Всеволод рассматривает Рязанскую землю как зависимую и не только принуждает рязанских князей участвовать во всех своих походах, но и сам как верховный сюзерен считает себя обязанным защищать рязанские земли от половцев. Эту зависимость признают и другие русские князья. Святослав Черниговский в 1194 г., собравшись походом на рязанских князей, посылает спросить разрешения у Всеволода и вследствие его отказа вынужден возвратиться из начатого уже похода [280].

Подчинение Рязани нашло образное отражение в «Слове о полку Игорева», где сказано, что Всеволод мог «посуху живыми копьями стрелять, удалыми сыновьями Глебовыми» [281] (т. е. рязанскими князьями).

Конец XII в. знаменуется полным отходом Рязани из сферы влияния Чернигова и почти полным подчинением ее Владимиро-Суздальской земле. Если в начале века продолжается еще соперничество между Черниговом и Суздальской землей из-за Рязани, то к концу его Черниговское княжество уже не в состоянии влиять на рязанские дела. Экономические связи, военные походы на Рязань, политическое влияние Суздальской земли в Рязани постепенно приводят к изоляции Рязанского княжества от Чернигова. В 1198 г. это знаменуется также отделением рязанской епархии от черниговской.

Еще в 1187 г. в летописи сказано: «Бе бо тогда еще Рязань и Чернигов едина епископья» [282]. Впервые в летописи упоминается рязанский епископ Арсений в 1207 г. и потом он же — в 1212 г. [283] Н. М. Карамзин относит поэтому учреждение рязанской епархии к началу XII в., почему-то не доверяя сообщению В. Н. Татищева, которое гласит: «1198 г. Ярослав князь Рязанский по согласию с братьями просили великого князя Рюрика и Митрополита, дабы область Рязанскую от епархии Черниговской отделить, и поставить в Рязань особого епископа, и как князь Великий соизволил, избрали игумена Арсения, и послали к митрополиту Иоанну, его же митрополит поставил сентября 26 дня» [284]. Сообщаемые детали не позволяют подозревать В. Н. Татищева в выдумке, тем более что факт учреждения в это время рязанской епархии не противоречит историческим данным; киевский князь Рюрик Ростиславич был тестем Ярослава Глебовича и потому мог содействовать ему в вопросе об открытии рязанской епархии. Такое открытие не противоречило каноническим правилам русской церкви, по котором разрешалось открывать новые епархии в местностях, где

---

[278] ПСРЛ, т. VII, стр. 101.
[279] ПСРЛ, т. VII, стр. 101.
[280] «Послашася ко Всеволоду в Суздаль, просячися у него на Рязань; Всеволод же их воле не сотвори, и возвратися Святослав». (Ипатьевская летопись, стр. 679).
[281] Слово о полку Игореве (перев. Д. С. Лихачева). М.— Л., 1950, стр. 66.
[282] ПСРЛ, т. VII, стр. 101.
[283] ПСРЛ, т. I, стр. 181—183.
[284] В. Н. Татищев. История российская..., кн. III, стр. 329.

выросло народонаселение и имелось много городов, «когда это угодно первому стольнику (князю), и когда желают того местные жители» [285].

Существует предположение, что епископская кафедра в Рязанской земле находилась первоначально в г. Муроме и лишь при епископе Василии I (1285 г.) была перенесена в Рязань. Точных доказательств этому нет, так как вообще сведения о рязанской епархии в XIII в. очень скудны. Из жития св. Василия известно, что рязанская епархия называлась также Борисо-Глебской (может быть, по имени престольного каменного храма в Старой Рязани) [286]. В домонгольский период, кроме Арсения, известны только два епископа в Рязани: Ефросин Святогорец, упоминаемый под 1224 г. [287], и не известный по имени епископ, упоминаемый в некоторых списках «Повести о разорении Рязани Батыем». Он не был в Рязани в 1237 г. и поэтому не пострадал от татар [288]. Таковы немногочисленные сведения по церковной истории Рязани. Акт отделения от черниговской епископии не только связан был с ростом значения Рязани, но и, главным образом, был актом политического отделения от Чернигова вообще. Быть может, это произошло не без вмешательства Всеволода III.

В 1207 г. началась четвертая война Рязани с Всеволодом III, затеянная по ложному доносу сыновей Владимира Глебовича — Глеба и Олега, очевидно, обиженных при разделе земель. Всеволод, собираясь в поход против Ольговичей, «посла в Рязань по Романа и по братию его». Когда князья прибыли, Всеволод, вследствие доноса, арестовал Романа и Святослава с их дружинами, Ингваря и Юрия Игоревичей и отправил во Владимир, где они пробыли в заключении около 6 лет. Роман Глебович умер в заключении; вероятно,— и Святослав, так как позже о нем нет упоминаний. Всеволод отправился в карательную экспедицию по Рязанской земле. Князь пронский Кир-Михаил, испугавшись, бежал к тестю своему Всеволоду Чермному. Проняне же взяли себе Изяслава Владимировича (брата доносчиков) затворились в городе и решили оборонять его. Всеволод осадил Пронск, отнял у пронян воду. Но они крали ее по ночам, делали вылазки днем, чтобы добыть ее. У Всеволода иссякло продовольствие, и новые его запасы подвезли по Оке на ладьях к устью Прони. Здесь у Нового Ольгова городка (по летописи — г. Ольгова) в устье р. Прони Роман Игоревич Рязанский попытался захватить ладейный караван, но потерпел неудачу. Три недели держались проняне. 18 октября город сдался. Оставив своих посадников в других городах, а в Пронске — Давыда Муромского с посадником своим Ослядюком, Всеволод двинулся к Рязани. У села Добрый Сот его встретили послы из Рязани, просившие от имени народа и епископа Арсения не идти к городу и обещавшие выполнить все его требования. Всеволод

---

[285] 36-е правило митрополита Иоанна (1086—1089 гг.); Макарий, архимандрит. Сборник церковно-исторических и статистических сведений о Рязанской епархии. М., 1863, стр. 91; Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, полутом II. М., 1901, стр. 360.

[286] В «Повести о Василии Рязанском», известной по спискам не ранее XVII в., рассказывается о том, что епископ муромский Василий, изгнанный из Мурома народом, прибыл в Рязань «и тако пребысть муромская епископья в Рязани; нарицает же ся и по днесь Борисо-Глебская» («Памятники старинной русской литературы», вып. 1, СПб., 1860, стр. 236). И. Шляпкин, опубликовавший один из списков «Повести» («О граде Муроме и о епископьи его како преиде на Рязань». Сборник статей, посвященный С. Ф. Платонову. СПб., 1911, стр. 563—565) считает, что она возникла в XVI в. По-видимому, до этого времени удержалось название рязанской епархии — «Борисо-Глебская».

[287] «Повесть о Николе Заразском». Ефросин (по другим спискам — Ефросим) Святогорец (по другим спискам — Святоградец) был епископом при князе Юрии Игоревиче. См. Д. С. Лихачев. «Повесть о Николе Заразском (тексты)». Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, т. VII, 1949, стр. 257—405.

[288] «Воинские повести древней Руси», стр. 26.

согласился, но потребовал выдачи всех остальных князей. Он повернул к Коломне. Епископ Арсений догнал его у Коломны и просил примириться с рязанскими князьями, но Всеволод отказал и заставил самого Арсения ехать во Владимир. Рязанцы вынуждены были выдать и остальных князей. На свободе остались лишь Олег, Глеб и Изяслав Владимировичи. Всеволод же в Рязани решил посадить сына своего Ярослава.

Он отправил по рязанским городам своих посадников, а в Рязань с Ярославом отпустил епископа Арсения, очевидно, заручившись обещанием его помощи. Это казалось концом рязанской самостоятельности. Но рязанцы подняли восстание, убили и заключили в тюрьму многих дружинников Ярослава. О происшедшем Ярослав известил отца, и Всеволод подошел к стенам Рязани, рассчитывая, что трижды покоренный город не осмелится ни в чем противоречить своему победителю. Однако рязанцы отправили послов, которые вместо изъявления покорности стали говорить Всеволоду «буюю речь по своему обычаю и непокорьству» [289]. Разгневанный Всеволод приказал жителям выйти из города с имуществом, которое они могли унести и поджог город. Вероятно, многие разрушенные огнем дома, найденные в раскопках, сгорели не при Батые, а при этом разгроме Рязани Всеволодом III в 1208 г. Отсюда он пошел к Белгороду, который также предал огню. Рязанские бояре и епископ Арсений были уведены во Владимир, а жители разоренных городов разосланы в разные места Владимирского княжества. Но и это не было концом борьбы рязанцев за свою независимость. В 1208 г. Олег, Глеб и Изяслав Владимировичи соединились с с Кир-Михаилом и при помощи половцев принудили муромского князя Давыда вернуть Пронск Кир-Михаилу [290]. В 1209 г. Кир-Михаил и Изяслав Владимирович совершили нападение на суздальские земли — около Москвы, но были разбиты на р. Тростне сынов Всеволода — Юрием. А в 1210 г. Всеволод снова вынужден был послать воеводу своего Козму Родивоновича «ратью в Рязанскую землю, и взяша Пру Рязанскую вниз по Оке, и возвратишася с многим полоном в Володимир» [291].

И вновь другие русские князья предпринимали шаги в пользу своих рязанских родичей и сам митрополит Матвей из Киева явился с дипломатической миссией к Всеволоду, пытаясь примирить его с черниговскими князьями и добиться освобождения рязанских. Воскресенская летопись [292] и В. Н. Татищев [293] сообщают, что митрополиту Матвею удалось освободить рязанских князей. Но, очевидно, это не так. На рождество 1210 г. были отпущены лишь рязанские княгини, и только в 1212 г., после смерти Всеволода Юрий отпустил рязанских князей и епископа Арсения, одарив их золотом, конями, но не забыв взять с них клятвенное обещание покорности и верности. Вероятно, предвидя трудности, связанные с загоравшейся внутри Владимирского княжества борьбой за наследство Всеволода III, Юрий предпочел ослабить противоречия с Рязанью. Усобица между сыновьями Всеволода III позволила Рязани, хотя и на очень короткое время, вновь приобрести самостоятельность.

Между 1212 г. и нашествием татар очень немногие события в Рязани привлекли внимание летописца. Одно из них подробно описано в Лав-

---

[289] ПСРЛ, т. I, стр. 183.

[290] «Поиде Олег и Глеб и Изяслав Володимиричи и Кюр Михайло Всеволодич с половци на Давида муромского князя к Пронску рекуче: сему ли отчина Пронеск, а не нам. И осадоша Пронеск. Давыд же выслася к ним из города и рече: братия, аз ся был ненабил на Пронеск, но посадил мя был в нем Всеволод, а ныне вашь город, а яз иду в свою волость. И уладишася с ним и иде Давыд к Мурому, а в Проньску седе Кюр Михаил». (Летописец Переяславля-Суздальского, стр. 109).

[291] ПСРЛ, т. X, стр. 60.

[292] ПСРЛ, т. VII, стр. 235.

[293] В. Н. Татищев. История российская..., кн. III, стр. 366

рентьевской летописи. Речь идет об убийстве в 1217 г. князем Глебом Рязанским своих братьев. Как говорит летописец, «князь Глеб Рязанский Володимеричь научен сотоною на братоубийство, имея споспешника брата своего Константина и с ним диавола, иже прельсти их своим злокозньством, вложи има в помысл избити братию свою и приняти всю власть себе» [294].

Глеб и Константин пригласили своих братьев в княжеское село Исады, находящееся в 6 км от Старой Рязани. «Глебу же уготовлшу на них множество половец, и своя дворяны и брата своего, всех вооруженных и сокры их в постелном шатре своем близ того шатра, в нем же пияху, не ведущу же их никому же, развее того зломышленного князя их и проклятых думец их. И яко начаша напиватися и веселитися, Глеб же проклятый с братом своим повелеша прийти убийцам тым; а сами иземше меча своя, начаша сещи преж князя, то же и бояры и дворян многое множество избиша».

Были убиты один родной и пять двоюродных братьев заговорщиков [295]. Это была попытка уничтожить всех родственников, претендовавших на уделы или даже на великокняжеский стол. Уцелел только один, не приехавший по приглашению Глеба,— Ингварь Игоревич.

Очевидно, в 1217 г. была сделана попытка объединения Рязанской земли и ликвидации уделов путем истребления удельных князей. Эта уродливая форма борьбы с феодальной раздробленностью, конечно, не могла привести к успеху; это тем более не было возможно в той трудной внешнеполитической обстановке, в какой находилась Рязань в эти годы.

Ингварь Игоревич сумел изгнать Глеба и Константина из Рязани. Глеб бежал к половцам, пытался с их помощью вернуть себе Рязань, но был разбит, ушел в степь «и обезуме тамо и скончался» [296]. После смерти Ингваря в 1220 г. князем рязанским стал брат его — Юрий. Племянники князя Юрия — Ингваревичи — сидели, по-видимому, на Пронске.

XXX

Рязанское княжество накануне монгольского завоевания. Нашествие монголов и его последствия

Бесконечные войны, заполняющие историю Рязанского княжества, истощали народные силы и задерживали развитие экономики. И все же, вопреки буйству рязанских князей с их разорительными междоусобиями, вопреки существованию постоянных «трех фронтов» — против половцев, булгар и Владимиро-Суздальской земли — действовали законы экономического развития и труд народа: разрушенные города и села быстро восстанавливались, развивались ремесло и торговля, росла культура. Конечно, успехи были бы, вероятно, бóльшими, если бы не военные потрясения, но, во всяком случае, накануне монгольского нашествия мы застаем в Рязанской земле процветающие города, многочисленные села, довольно густое население, занятое большой хозяйственной деятельностью.

Столица Рязанского княжества в XII в. обрастает большим ремесленно-торговым посадом, распространяется далеко за пределы первоначального поселения на северном мысе над Окой, и новые укрепления, сооруженные

[294] ПСРЛ, т. I, стр. 186; т. VII, стр. 125.

[295] Родной брат Глеба и Константина — Изяслав, двоюродные братья — Кир-Михаил Всеволодович, Роман и Глеб Игоревичи и Ростислав и Святослав Святославичи.

[296] ПСРЛ, т. VII, стр. 243.

в это время, охватывают огромный по масштабам средневековья город. Археологические раскопки убеждают нас в том, что этот город с многочисленными жилищами и ремесленными мастерскими, с тремя большими каменными храмами мало в чем уступал важнейшим культурным центрам древней Руси.

Развивались и возникали в XII в. и другие города. Значительным городом стал Пронск. Были основаны новые города — Ростиславль, Ижеславль и укрепленные городки типа Жокинского городища. Основание Ростиславля летопись прямо приписывает князю Ростиславу. Что касается Ижеславля и Жокинского городища, то, как выше было сказано, их планировка и устройство укреплений позволяют предполагать, что они были основаны князьями в экономически важном черноземном юго-западном районе Рязанской земли как стратегические опорные пункты. К началу XIII в., по-видимому, относится сооружение укреплений Переяславля-Рязанского. Нужно думать, что это было вызвано войной с Владимирским княжеством. Почти в то же время Всеволод III построил крепость Осовец, стоявшую на высоком берегу Клязьмы и обращенную в сторону Рязани, и значительно усилил укрепления Суздаля и Переяславля. Даже полностью покоренное Всеволодом Рязанское княжество оставалось опасным и беспокойным соседом. Постоянным объектом борьбы была Коломна — пограничный с Суздальской землей и стоявший на важных путях сообщения город. Она много раз переходила из рук в руки, и все же и здесь раскопки обнаружили быстрое развитие города в XII в. К этому же времени относится сооружение укреплений Коломны.

Южная часть Рязанской земли, подвергавшаяся разорительным набегам половцев, была мало заселена, и, очевидно, рязанские князья не делали попыток укрепить этот рубеж. Мы почти не встречаем здесь даже запустелых городищ домонгольского времени. Русские поселения продвинулись далеко на восток и дошли до мордовского Кадома. Но и здесь, на востоке, мы не встречаем рязанских городов.

Все известные нам рязанские города расположены в основных сельскохозяйственных районах, где было более плотное сельское население. Отделение ремесла от сельского хозяйства вызывало постоянный спрос на ремесленные изделия города, обслуживавшего сельскохозяйственную округу, и приток населения в города. Мы видим, как в деревнях, находившихся в непосредственной близости от городов (Пронска, Рязани), городское ремесло убило даже такой домашний промысел, как гончарство, устойчиво сохранявшийся в сельских поселениях, далеко отстоявших от больших городов. Ремесленные изделия рязанских городов были рассчитаны не только на ближайшего потребителя, но изготовлялись и в расчете на вывоз в отдаленные мордовские земли.

Торговля была второй важнейшей причиной роста и процветания древнерусских городов. Мы видим, что большинство рязанских городов расположено на важнейших водных путях по Оке и Проне. Находки вещей, привезенных из отдаленных областей, значительное количество находок серебряных слитков, монет и пломб, свидетельствующих о развитом денежном обращении, весы и гирьки и, наконец, ямы-зернохранилища, вмещающие до 12 тонн зерна,— все это археологические доказательства торговой роли рязанских городов.

За редкими исключениями, города росли естественным путем, привлекая новое население как ремесленно-торговые центры. Ошибочно представление о князьях Северо-Восточной Руси как о «градостроителях», основателях новых городов, заселяющих их пришлым издалека или специально переселяемым для этой цели населением. «Строительство» городов князьями большей частью сводилось лишь к устройству укреплений во-

круг уже сложившегося поселения. Но были и «княжеские» города, основанные князьями. Первоначально это были города не в нашем, а в средневековом понятии — укрепленные пункты в стратегически важных местах; таковы Ростиславль, Ижеславль, Жокинское городище. Однако постепенно внутри такого укрепления и за его стенами появлялось ремесленно-торговое население, возникал город. Это другой путь возникновения городов.

Город был не только средоточием ремесла и торговли, но и административным и культурным центром. О культурных достижениях Рязанской земли так же трудно составить себе представление, как и об отдельных фактах ее истории: на поверхности земли не осталось ни одного памятника домонгольского времени; об архитектуре мы судим только по фрагментам построек, найденным в земле. По обломкам штукатурки с фресками мы знаем о том, что в Рязани была живопись, но не знаем, какой она была. От всей рязанской литературы до нас дошел только один памятник — «свод», составленный при церкви Николы-Зарайского. И все же эти обломки и отрывки, дошедшие до нас, позволяют утверждать, что культурные достижения Рязани были велики и по своему уровню приближались к культуре таких крупных феодальных центров, как Киев и Чернигов.

У нас есть все основания говорить о довольно широком распространении грамотности в Рязанской земле; об этом свидетельствуют надписи на отдельных вещах (пряслицах, сосудах), надписи на штукатурке в церквах, находка застежек от книжных переплетов в рядовых жилищах, находки стилей для письма на восковых дощечках (в Старой Рязани и Вышгороде) и, наконец, первый обрывок берестяной грамоты (найденный в Щигровском кладе). Рязанская литература, хотя и представлена немногими образцами — «Повестью о приходе чудотворного образа Николы в пределы рязанские», «Повестью о разорении Рязани Батыем» и теми отрывками из общерусских летописных сводов, которые можно считать заимствованными из рязанских летописей (как, например, рассказ о событиях 1217 г.), но эти произведения, в особенности «Повесть о разорении Рязани Батыем», принадлежат к одним из лучших в древней русской литературе.

Архитектура — в области каменного зодчества — представлена четырьмя храмами (три в Старой Рязани и один на Новом Ольговом городке), близкими по своему художественному и инженерному решению к храмам Чернигова и Смоленска. Рязанские храмы были украшены фресками и белокаменной резьбой. Об изобразительном искусстве, кроме белокаменных украшений храмов, мы можем также судить по мелкой пластике, представленной рядом замечательных произведений — таких, как каменные иконки с изображением деисуса, Бориса и Глеба, Георгия и Димитрия, и по изделиям рязанских ювелиров, не только достигших исключительного владения ремеслом, но и создававших подлинно художественные произведения. Приведенные выше археологические данные о развитии сельского хозяйства, ремесла и торговли свидетельствуют о довольно высоком для средневековой Руси развитии экономики, о том, что Рязанская земля в канун монгольского завоевания была процветающим краем.

В 1237 г. грозное бедствие постигло Рязанскую землю — вторглись татаро-монгольские полчища.

В начале зимы татары через булгарские и мордовские земли пришли к рязанской границе[297] и, расположившись станом на Онузе, отправили послов к рязанским князьям, требуя у них десятую часть всего, чем те владели[298]. Рязанские князья во главе с Юрием Игоревичем собрались на

[297] «Того же лета на зиму придоша от восточные страны на Рязаньскую землю лесам безбожнии татари и почаша воевати Рязаньскую землю...» (ПСРЛ, т. I, стр. 221).

[298] «Просяче у них десятины во всемь: и в людех, и в князех, и в конех — во всяком десятое». (Новгородская I летопись, стр. 74).

совет [299] и, решив сопротивляться, ответили послам: «Одна нас всех не будеть, тож все то ваше будеть» [300]. Зная об огромной силе татар и не надеясь на собственные силы, рязанский князь послал за помощью к Юрию Всеволодовичу во Владимир и к Михаилу Всеволодовичу в Чернигов [301]. Ни тот ни другой не помогли рязанцам. Юрий Владимирский «не поиде, ни послуша князии рязаньских молбы, но сам хоте особ брань створити» [302]. Юрий Всеволодович недооценил силу татар, важность совместного сопротивления русских. Рассчитывая на собственные силы и желая ослабления Рязанского княжества, он предоставил рязанцам сражаться с татарами один на один.

Дальше события не ясны. Рязанские князья направились к Воронежу, очевидно, навстречу татарам. Летописи не сообщают о том, произошла ли здесь битва, или рязанские князья пред лицом огромного превосходства татаро-монгол укрылись в своих городах. По «Повести о разорении Рязани Батыем» осаде Рязани предшествовала битва, в которой погибли рязанские князья, 16 декабря татары подступили к Рязани. Город пять дней выдерживал осаду. 21 декабря татары штурмом взяли город и сожгли его. Князь Юрий и члены его семьи были убиты. Татары двинулись к Коломне. Юрий Всеволодович прислал к Коломне отряд воеводы Еремея Глебовича, который был окружен вместе с рязанским полком Романа Ингваровича и уничтожен татарами.

Татары двинулись на северо-запад, к Москве. «Повесть о разорении Рязани Батыем» передает эпизод о продолжавшейся после гибели основных рязанских войск борьбе с татарами. Это — предание о рязанском богатыре Евпатии Коловрате, вельможе князя Ингваря Ингваревича, нахо-

---

[299] По Новгородской I летописи собираются «Гюрги, Инъгваров брат, Олег, Роман, Инъгваровичь» и муромский и пронский князья, имени которых летопись не называет. Близость имен Игорь и Ингварь привела к тому, что в некоторых летописных списках спутали Игоревичей с Ингваревичами и тем создали мнимого Олега, брата Юрия Игоревича (по этим спискам — Юрия Ингваревича): «Юрьи Ингварович, брат его Олег Ингварович» (ПСРЛ, т. X, стр. 105) или «Юрьи Ингварович и брат его Олег» (ПСРЛ, т. I, стр. 221; т. VII, стр. 139). Родословные XVI в. называют сыновьями Ингваря Игоревича Романа, Юрия, Олега, пропускают Ингваря Ингваревича, а его братьев (Олега и Романа) делают братьями Юрия Игоревича (который у них — Ингваревич). По «Повести о разорении Рязани Батыем» Олег погиб в 1237 г., однако по летописям, впоследствии, в 1252 г. Олег является из орды от Батыя. Д. И. Иловайский приходит к заключению, что, если по «Повести» Олег был убит, а явившийся из орды был племянник Юрия Игоревича, то приходится убитого признать за брата Юрия. В подтверждение своей догадки Д. И. Иловайский ссылается на жалованную грамоту Олега Ивановича Ольгову монастырю, где сказано: «Коли ставили во-первых прадеди наши святую богородицю, князь великий Инъгвар, князь Олег, князь Юрьи...». Он считает, что здесь Олег Иванович поставлен наряду с Ингварем и Юрием как с братьями. (Сочинения, т. I, М., 1884, стр. 206). А. В. Экземплярский по этому поводу пишет: «Но не видно из самой грамоты, чтобы она считала их братьями: ведь слово «прадеды» Олег Иванович мог употребить и о более отдаленных предках и притом разных колен или степеней. Почему не предположить, что сказание сделало ошибку, сказав, что Олег убит, и в таком случае не считать явившегося в 1252 г. из орды за одно лицо?». Однако А. В. Экземплярский не настаивает на таком выводе и заключает: «Таким образом, вопрос об этих Олегах остается еще открытым. Но так как для решения его нет твердой почвы, то и мы пока будем признавать двух Олегов». [«Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период (с 1238 г. по 1505 г.)». СПб., 1891, т. II, стр. 571 и родословная таблица VII]. А. Е. Пресняков категорически отвергает существование Олега, брата Юрия Игоревича («Образование Великорусского государства». Пгр., 1918, стр. 225).

[300] Новгородская I летопись, стр. 74.

[301] Д. И. Иловайский полагает, что во Владимир был послан Роман Ингваревич, а в Чернигов — Ингварь Ингваревич. Прямых указаний в летописи на это нет, но впоследствии Роман Ингваревич является вместе с владимирскими войсками в битве с татарами у Коломны, а Ингварь Ингваревич после разгрома Рязани татарми является туда из Чернигова.

[302] Новгородская I летопись, стр. 75.

дившемся вместе с ним в Чернигове и вернувшемся в Рязань вскоре после ее падения. Собрав уцелевшую от побоища в Рязани («быша вне города») дружину в 1700 человек, он догнал татар в Суздальской земле и храбро сражался, пока не погиб. Евпатий Коловрат в летописях не упоминается. Весь эпизод о нем в «Повести» обязан своим происхождением народному эпосу и, вероятно, является отражением тех событий в Рязанской земле, которые мы бы по современным понятиям назвали «партизанской войной».

Героизм сопротивления рязанцев не мог остановить полчища Батыя. Прокатившись по Рязанской земле, татарская орда совершенно разорила ее. «Сий бо град Резань и земля Резанская, изменися доброта ея, и отиде слава ея и не бе в ней ничто благо видети — токмо дым и пепел...» [303]. И все же, как ни была грандиозна военная катастрофа, она не привела к уничтожению Рязанской земли. Города были разрушены, но деревни уцелели. Народ, скрывшийся в лесах и избежавший истребления татарами, вскоре собрался на свои пепелища, и возобновилась жизнь на разоренных поселениях. Археологические данные показывают, что даже сильнее других городов разрушенная столица княжества — Старая Рязань — была немного времени спустя восстановлена. «Повесть о разорении Рязани Батыем» также говорит о том, что вскоре после того, как татарские полчища опустошили Рязанскую землю, началось возрождение разоренных городов, и князь Ингварь Ингваревич [304], придя из Чернигова в Рязань, «и церкви постави и монастыри согради и пришельцы утеша и люди собра».

Послемонгольские слои в рязанских городах, подвергавшихся раскопкам, свидетельствуют о том, что в результате завоевания были уничтожены некоторые ремесла, пришли в упадок ранее налаженные торговые связи, но общая линия развития русской культуры не была прервана. Развитие ее продолжалось в эпоху послемонгольскую на основе достижений предшествующего времени, и, изучая стратиграфию поселений и эволюцию элементов культуры, мы постоянно в этом убеждаемся. Татаро-монгольское нашествие уничтожило некоторые рязанские города, которые потом уже не возродились, чужеземное иго замедлило восстановление городов, развитие ремесла и искусства, но оно не прервало развитие русской культуры, как некоторые другие завоевания древности, сметавшие завоеванные народы и их культуру.

---

[303] «Воинские повести древней Руси», стр. 15.

[304] Вопрос о том, кто такой упоминаемый в «Повести» Ингварь Ингваревич (Игоревич), не ясен. Из «Повести» видно, что он — брат Юрия Игоревича, так как он находит «матерь свою» Агриппину Ростиславовну — мать Юрия. Но Ингварь Ингваревич умер еще в начале 20-х годов. Н. М. Карамзин («История государства Российского», т. III, гл. VIII, прим. 358), а вслед за ним Д. И. Иловайский, А. В. Экземплярский и А. Е. Пресняков считали Ингваря Ингваревича племянником Юрия, сыном умершего в 20-годах Ингваря Игоревича. Д. С. Лихачев в комментариях к «Повести» («Воинские повести древней Руси», стр. 291) считает Ингваря Ингваревича братом Юрия, основываясь на прямом указании на это в «Повести». Однако в статье о «Повести» (там же, стр. 129) Д. С. Лихачев сам же отмечает, что родственные отношения всех рязанских князей «Повестью» эпически сближены, все они сделаны братьями. Для установления генеалогии рязанских князей «Повесть» — очень недостоверный источник. Как выше уже было сказано, путаница в некоторых летописях и в «Повести» возникла из-за близости имен «Ингварь» и «Игорь». Ингварь Ингваревич, очевидно,— племянник рязанского князя Юрия Игоревича. В. Л. Комарович видел в князе Ингваре Ингваревиче инициатора создания рязанского летописного свода, частично дошедшего до нас в составе Новгородской I, Ростовской и Галицко-Волынской летописей. («История русской литературы», т. II, ч. 1, М.— Л., 1945, стр. 74—77).

XXXI

Заключение. Важнейшие выводы исследования

Мы начали историю Рязанской земли с эпохи, когда не существовало ни этого понятия, ни Рязани, ни даже славянского населения на той территории, где позже образовалось Рязанское княжество. Жизнь местного населения в бассейне среднего течения р. Оки на протяжении полутора тысячелетий подготовила те явления, которые мы наблюдаем в эпоху феодализма. Славяне, колонизуя эту территорию, занимают древние городища, они сталкиваются здесь с уже издавна существующими земледельческими традициями, они оказываются на издавна существующем важном для всей Восточной Европы торговом пути, они встречают здесь формы социальной жизни, в общем близкие к их собственным.

То, что славяне пришли не в пустынный, еще не освоенный человеком край, а в густонаселенную область, быть может, на первых порах затрудняло их продвижение: приходилось сталкиваться с местным населением, процесс колонизации в какой-то мере был насильственным. Но вместе с с тем дальнейший процесс развития нового населения на уже освоенной территории протекал ускоренными темпами. Вятичи на Подонье, на глухой окраине Киевской Руси, во многом отставали от населения Поднепровья и Приильменья; славяне на среднем течении Оки в течение короткого времени догнали в своем развитии древнейшие культурные центры. Это не могло бы произойти, если бы такие возможности не были подготовлены всем предшествующим ходом развития не только самих славян, но и местного населения колонизованной ими территории. Вопрос о взаимодействии коренного местного населения и колонизующих бассейн среднего течения р. Оки славян — это первая важнейшая тема нашего исследования. Наблюдения, сделанные на материалах Рязанской земли, мне кажется, имеют в данном случае принципиальное значение для истории Восточной Европы, на территории которой неоднократно встречались и взаимодействовали славянские и финно-угорские племена; эти встречи лежат не только у истоков славянского этногенеза, но и создания древнерусского государства. Вторая важнейшая тема нашего исследования, также имеющая значение для всей истории древней Руси,— это вопрос о развитии северо-восточных земель в феодальную эпоху до монгольского завоевания, вопрос о специфике феодального развития в землях поздней колонизации, вопрос об отличиях и сходстве их в экономике и социальных отношениях с Русской землей.

Географическое положение Рязанской земли, ее окраинное положение по отношению к другим русским землям, близость к степному пограничью, к чудским племенам Поволжья и Булгарскому государству, тот факт, что по Рязанской земле проходил важный торговый путь на Восток,— наложили отпечаток на всю ее историю. Это придало ей некоторые черты своеобразия, но не создало каких-то исключительных условий, которые резко отличали бы развитие Рязанской земли от развития других русских земель. Всюду действовали одинаковые законы общественного развития, и своеобразие местных условий не нарушало действия этих законов в целом.

Приложения

В. И. Цалкин

НОВЫЕ ДАННЫЕ ДЛЯ ИСТОРИИ ЖИВОТНОВОДСТВА И ОХОТЫ В РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Сведения о домашних и диких животных, о животноводстве и охоте у населения Рязанской земли, основанные на изучении костных остатков из раскопок археологических памятников, уже ранее сообщались в научной литературе [1]. Однако раскопки Переяславля-Рязанского, произведенные А. Л. Монгайтом в 1955—1957 гг., дали новый, интересный материал для дополнительного освещения этих вопросов.

Количество костей из раскопок Переяславля-Рязанского, которые удалось определить, составляет 1497 экземпляров, происходящих минимально от 270 особей 11 видов домашних и диких млекопитающих. По видовому составу эти кости распределяются следующим образом:

	Количество экземпляров костей	Минимальное количество особей, от которых происходит указанное количество костей
Крупный рогатый скот	927	77
Овца и коза	107	39
Свинья	338	105
Лошадь	61	19
Собака	26	12
Кошка	3	2
Лось	30	12
Косуля	1	1
Кабан	1	1
Бобр	3	2

В приведенную сводку не включены остатки из 15, 16 и 17-го пластов раскопа № 2 Переяславля-Рязанского, насчитывающие более 3500 экземпляров. Они состоят почти исключительно из мелких фрагментов и осколков костей крупного рогатого скота, преимущественно нижних челюстей

[1] С. Н. Боголюбский. Палеофауна сельскохозяйственных животных Старой Рязани. Труды секции археологии Института археологии и искусствоведения, т. IV, 1929; В. И. Цалкин. Палеофауна Старой Рязани. КСИИМК, вып. XXI, 1947; его же. Домашние и дикие животные Старой Рязани. МИА № 49, 1955; его же. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси. МИА № 51, 1956.

и отдельных коренных зубов; по этим остаткам решительно невозможно установить, хотя бы в самой приближенной форме, количество особей, от которых они происходят. В настоящее время трудно говорить о причинах, определивших скопление костей крупного рогатого скота в указанных выше пластах Переяславля-Рязанского. Можно лишь напомнить, что с явлением аналогичного характера мы столкнулись при изучении костных остатков из раскопок Ярославова дворища в древнем Новгороде.

Исследование основной массы костей, найденных в культурном слое Переяславля-Рязанского, не дает принципиально нового для характеристики остеологических особенностей животных Рязанской земли; оно лишь подтверждает справедливость данных, полученных при исследовании костных остатков из раскопок Старой Рязани. Тем не менее в материале из Переяславля-Рязанского имеются отдельные находки, представляющие для наших целей значительный интерес и заслуживающие специального рассмотрения.

Хорошо известно, что находимые в кухонных остатках черепа животных оказываются, как правило, разрушенными искусственным путем; это связано с использованием мяса в пищу. В то же время именно черепа — эти очень сложные структурные образования — дают возможность при изучении их установить дифференциальные особенности, свойственные тем или иным популяциям домашних и диких животных,— особенности, слабо выраженные или вовсе не проявляющиеся в посткраниальном скелете. Поэтому при изучении древних пород домашних животных, основывающемся почти исключительно на остеологическом материале, краниологические данные приобретают особенно важное значение.

В свете сказанного понятен тот интерес, который представляют два относительно хорошо сохранившихся черепа лошадей, найденные при раскопках Переяславля-Рязанского. Заметим, что до сих пор все данные о краниологии лошадей древней Руси ограничиваются описанием сравнительно небольших серий черепов из раскопок Новгорода и Москвы и всего лишь одного экземпляра из Старой Рязани.

Чрезвычайно редкой и ценной находкой является также почти не поврежденный череп кабана (*Sus scrofa ferus*). Самый факт распространения этого дикого вида в Рязанской земле уже ранее был установлен изучением костных остатков из Старой Рязани. Но вся современная систематика кабанов базируется на особенностях их краниологической структуры и окраски тела; что же касается посткраниального скелета, то он для этой цели не привлекался. Поэтому экземпляр, найденный А. Л. Монгайтом при раскопках Переяславля-Рязанского, впервые дает возможность составить представление о систематическом положении кабанов, встречавшихся ранее в глубинных областях Восточной Европы, в частности — в бассейне р. Оки. Описанию трех упомянутых черепов посвящена, в основном, публикуемая статья. Обратимся прежде всего к рассмотрению черепов лошадей. Описанный С. Н. Боголюбским[2] череп из раскопок Старой Рязани отличался очень мелкими общими размерами: основная длина его — 444 мм, теменная длина — 490 мм. Экземпляры подобной же величины встречены нами среди черепов лошадей из раскопок Москвы и Новгорода[3], но редки. Черепа лошадей из Переяславля-Рязанского принадлежат жеребцам, о чем свидетельствуют хорошо развитые клыки. Резцовые зубы у одного экземпляра утрачены полностью, у другого — сохранился лишь один из них, что препятствует точному определению возраста лошадей, от которых эти зубы происходят. Однако, судя по стертости коронок коренных зубов и по

[2] С. Н. Боголюбский. Ук. соч.
[3] В. И. Цалкин. Ук. соч., МИА № 51, 1956.

Таблица 1

Измерения черепов лошадей

Признак	Черепа					
	из Переяславля-Рязанского				из Старой Рязани (XII—XIII в.)	
	№ 1 (XIV в.)		№ 2 (XV в.)			
	мм	%	мм	%	мм	%
Теменная длина	530	108,8	542	109,5	490	110,1
Кондилярная »	512	105,1	518	104,6	485	109,5
Базилярная »	487	100,0	495	100,0	444	100,0
Расстояние от середины затылочного гребня до назион	245	50,3	249	50,3	228	51,4
Морфологическая лицевая ось	303	62,2	309	62,4	278	62,8
Анатомическая » »	374	76,8	380	76,8	342	77,0
Лицевая длина (по Черскому)	318	65,3	322	65,1	290	65,5
Длина мозговой части (по Юарту)	173	35,5	175	35,4	164	36,8
Анатомическая мозговая ось	178	36,3	174	35,2	160	35,8
Морфологическая » »	233	47,8	234	47,3	220	49,3
Заднеглазничная линия	193	39,6	197	39,9	182	41,0
Переднеглазничная »	378	77,6	388	78,4	346	77,0
Расстояние от середины затылочого гребня до вершины носового угла	386	79,3	382	77,2	355	79,7
Расстояние от базион до заднего края костного нёба	226	46,4	229	46,3	218	49,1
Расстояние от заднего края костного нёба до гнацион	262	53,8	264	53,3	238	53,4
Ширина между наружными краями затылочных мыщелков	82	16,8	82	16,6	78	17,6
Верхнечелюстная ширина	208	42,7	209	42,0	170	38,3
Ширина затылка, наибольшая	118	24,2	—	—	—	—
» за орбитами, наименьшая	80	16,4	87	17,6	80	18,0
» лба, наибольшая	207	42,5	214	43,2	180	40,5
» межглазничная	147	30,2	158	31,9	—	—
» морды между лицевыми гребнями	182	37,4	193	38,6	168	37,8
Ширина между передними краями первых премоляров	71	14,6	75	15,2	—	—
Ширина самого узкого места диастемы	49	10,1	46	9,3	46	12,2
Ширина между крайними резцами	72	14,8	68	13,7	68	15,4
» » первыми молярами	126	25,9	125	25,3	—	—
Горизонтальный диаметр орбиты	66	13,3	65	13,1	66	14,9
Вертикальный » »	58	11,9	57	11,5	60	13,5
Высота затылка от базион до середины затылочного гребня	96	19,7	98	19,8	77	17,3
Ширина между верхними краями слуховых отверстий	116	23,8	—	—	102	22,9
Длина альвеолярного ряда коренных зубов верхней челюсти	162	33,3	173	34,9	164	36,9
Длина альвеолярного ряда премоляров верхней челюсти	88	18,1	96	19,4	91	20,5
Длина альвеолярного ряда моляров верхней челюсти	78	16,0	80	16,2	79	17,8

Таблица 1 (окончание)

Признак	Черепа					
	из Переяславля-Рязанского				из Старой Рязани (XII—XIII в.)	
	№ 1 (XIV в.)		№ 2 (XV в.)			
	мм	%	мм	%	мм	%
Длина диастемы	96	19,7	103	20,8	81	18,2
Расстояние от середины затылочного гребня до верхнеглазничного отверстия	186	38,2	187	37,8	175	39,2
Расстояние от середины затылочного гребня до нижнеглазничного отверстия	317	65,1	325	65,7	305	68,9
Расстояние от середины затылочного гребня до резцового отверстия	510	104,7	512	103,4	475	106,8
Расстояние от середины затылочного гребня до начала верхнечелюстного гребня	320	65,7	335	67,7	—	—
Расстояние от середины затылочного гребня до переднего края первого премоляра	405	82,3	415	83,8	385	86,5
Расстояние от середины затылочного гребня до заднего края третьего моляра	257	52,8	261	52,7	233	52,7
Расстояние от верхнеглазничного до нижнеглазничного отверстия	147	31,8	158	31,9	140	31,8
Расстояние от нижнеглазничного до резцового отверстия	203	41,7	193	39,0	176	39,9
Расстояние от гнацион до вершины носового угла	162	33,3	177	35,8	151	33,8
Ширина мозговой коробки	107	21,9	109	22,0	100	22,3
» между наружными краями яремных отростков	108	22,2	—	—	—	—
Ширина между верхнеглазничными отверстиями	138	28,3	141	28,5	127	28,6
Ширина носовых костей на вертикали нижнеглазничных отверстий	59	12,1	61	12,3	56	12,6
Ширина носовых костей на вертикали вершин носовых углов	47	9,6	49	9,9	—	—

степени срастания черепных швов, черепа принадлежали вполне взрослым животным. Размеры черепов лошадей из раскопок Переяславля-Рязанского (табл. 1) значительно крупнее, чем у лошадиного черепа из Старой Рязани. Так, череп № 1 из слоя XIV в. имеет основную длину 487 мм, теменную длину — 530 мм; череп № 2 из слоя XV в.— соответственно 495 и 542 мм. Черепа подобных же размеров довольно обычны в сериях из раскопок Москвы и Новгорода. В среднем основная длина черепов лошадей из Москвы, Новгорода, памятников Рязанской земли и Великого Булгара оказывается (с учетом широкого диапазона изменчивости признака) весьма близкой (табл. 2).

Все 3 черепа лошадей из раскопок памятников Рязанской земли отличаются относительной узостью своего лобного отдела (табл. 3 и 4). Это особенно относится к экземпляру из Старой Рязани, у которого наибольшая ширина лба составляет всего 40,5% основной длины черепа, лобно-основной

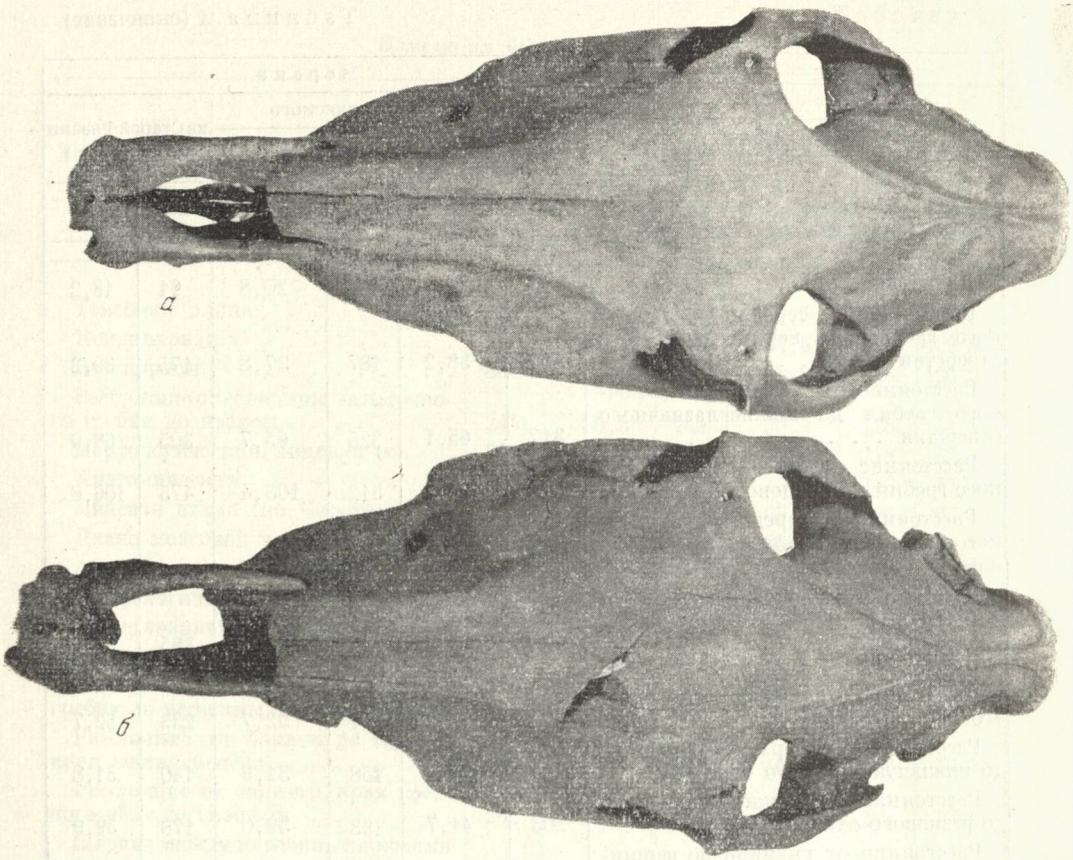


Рис. 148. Черепа лошадей из раскопок Переяславля-Рязанского. Вид сверху.
а — череп № 1 (XIV в.); *б* — череп № 2 (XV в.).

указатель достигает 247, а лобно-теменной указатель — 272. Столь узколобые экземпляры редки среди лошадей древней Руси и, кроме Старой Рязани, встречены только в серии из раскопок Новгорода. Череп № 1 из Переяславля-Рязанского имеет наибольшую ширину лба — 42,5% основной длины, лобно-основной указатель — 235 и лобно-теменной указатель —

Таблица 2

Основная длина черепа у различных лошадей (в миллиметрах)

Лошади	Количество экземпляров	Минимум	Максимум	Среднее
Рязанской земли (XII—XV вв.)	3	444	495	475
Новгородские (X—XI вв.)	29	440	520	475
Московские (XV—XVI вв.) . . .	12	444	500	463
Булгарские (XIII—XIV вв.) . . .	5	453	478	470

256. Соответственно этому оба упомянутых выше черепа должны быть отнесены к категории узколобых. У черепа № 2 лоб относительно шире — 43,2% основной длины, лобно-основной указатель — 231, лобно-теменной указатель — 253, что характерно для среднелобных лошадей (рис. 148 и 149).

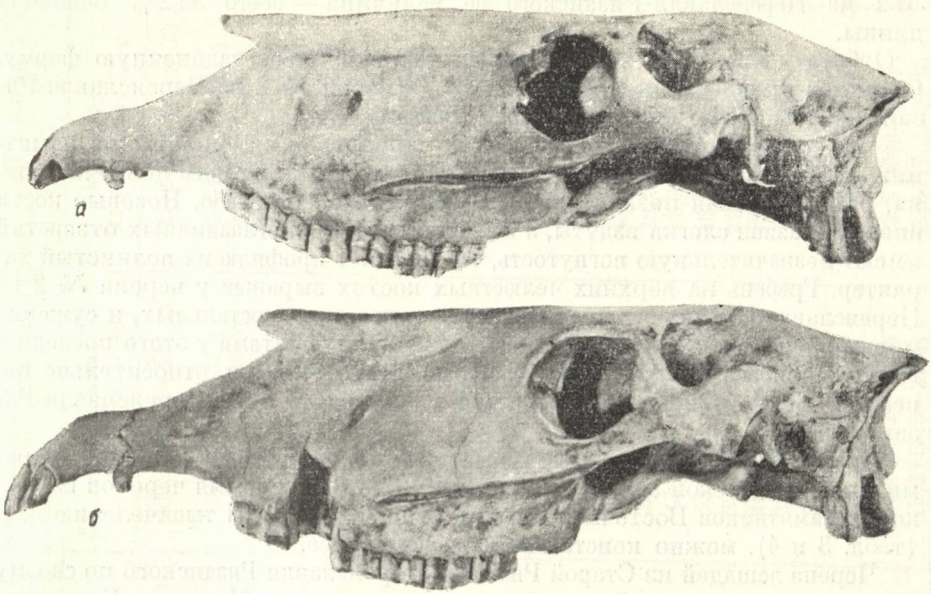


Рис. 149. Черепа лошадей из раскопок Переяславля-Рязанского. Вид сбоку.
а — череп № 1 (XIV в.); *б* — череп № 2 (XV в.).

Относительные размеры анатомической лицевой оси у всех 3 лошадиных черепов из памятников Рязанской земли весьма близки: 76,8—77% основной длины. Лично-теменной указатель, по Браунеру, составляет 143. Длина морды, по Черскому, также очень близка и колеблется от 65,1% основной длины у черепа № 2 из Переяславля-Рязанского до 65,5% — у черепа из Старой Рязани. Лично-основной указатель, по Антониусу, варьирует в незначительных пределах: 153—155. Подобные величины рассмотренных признаков характерны для среднемордых лошадей.

Череп № 1 из Переяславля-Рязанского и череп из Старой Рязани характеризуются мордой средней ширины: ширина ее между лицевыми гребнями — 37,4—37,8% основной длины; лишь у черепа № 2 из Переяславля-Рязанского ширина возрастает до 38,6% основной длины и, следовательно, морда является широкой.

Длина альвеолярного ряда коренных зубов верхней челюсти у обоих черепов из Переяславля-Рязанского короткая (33,3—34,9% основной длины), у черепа из Старой Рязани — средняя (36,9%). Вместе с тем у этого последнего экземпляра наблюдается наиболее короткая диастема — всего 18,2% основной длины, тогда как у остальных она равна 19,7—20,8%.

Относительная длина мозговой части (по Юарту), длина морфологической мозговой оси и заднеглазничной линии имеют наибольшие размеры у черепа из Старой Рязани. Морфологический основно-мозговой указатель у него — всего 202, глазной указатель Неринга — 190. Однако по относительной длине анатомической мозговой оси он несколько уступает черепу № 1 из Переяславля-Рязанского. Так, если у черепа из Старой Рязани основно-мозговой указатель — 277 и анатомический лично-мозговой указатель — 214, то у черепа № 1 из Переяславля-Рязанского они соответственно равны 274 и 210, а глазной указатель Неринга — 196. Обращают на себя внимание вообще очень небольшие относительные размеры анатомической мозговой оси у черепов лошадей из памятников Рязанской земли; у черепа

№ 2 из Переяславля-Рязанского ее величина — всего 35,2% основной длины.

Орбита у всех трех исследованных черепов имеет удлиненную форму. Орбитное отношение колеблется от 87,7 (череп № 2 из Переяславля-Рязанского) до 90,9 (череп из Старой Рязани).

Что касается общей конфигурации черепов, то экземпляры из памятников Рязанской земли характеризуются прямым и плоским лбом. Макушка, расположенная позади линии Юарта, выражена слабо. Носовые кости впереди назион слегка вздуты, а на вертикали нижнеглазничных отверстий имеют незначительную вогнутость, что придает профилю их волнистый характер. Гребень на верхних челюстных костях выражен у черепа № 2 из Переяславля-Рязанского значительно сильнее, чем у остальных, и сужение морды впереди его — резче. Сужение черепа за орбитами у этого последнего экземпляра, равно как и у черепа из Старой Рязани, относительно невелико. Более сильно выражено оно у черепа № 1 из Переяславля-Рязанского.

Сравнивая основные структурные особенности черепов лошадей из памятников Рязанской земли и известных в настоящее время черепов из раскопок памятников Восточной Европы, относящихся к II тысячелетию н. э. (табл. 3 и 4), можно констатировать следующее.

Черепа лошадей из Старой Рязани и Переяславля-Рязанского по своему строению, несомненно, близки к черепам из раскопок Москвы и Новгорода и существенно отличаются от булгарских [4]. Свойственных этим последним признаков — удлинения морфологической лицевой и анатомической мозговой осей, широколобости, значительных размеров верхнечелюстной ширины — у черепов из памятников Рязанской земли не наблюдается. Поскольку можно судить по имеющимся в нашем распоряжении данным, по таким структурным признакам, как, например, длина мозговой части (по Юарту), длина анатомической мозговой оси и наибольшая ширина лба,— черепа из Старой Рязани и Переяславля-Рязанского отличаются от булгарских даже более резко, чем московские и новгородские.

Но, вместе с тем, краниологический анализ черепов лошадей из Рязанской земли показывает, что им свойственны некоторые черты структуры, отличающие их от московских и новгородских лошадей. Так, обращает на себя внимание сильное укорочение анатомической мозговой оси, составляющей в среднем всего 35,8% основной длины при варьировании в пределах 35,2—36,3%. У московских и новгородских лошадиных черепов эта ось колеблется от 36,5 до 39,8% основной длины. Отмеченное обстоятельство отражается на величине анатомического основно-мозгового указателя, который у черепов лошадей из Рязанской земли равен 214 (210—218), а у московских — 197 (185—209) и у новгородских — 202 (192—210).

Следует отметить, что индексы, характеризующие относительные размеры анатомической мозговой оси у лошадей из Рязанской земли, с одной стороны, и остальных известных в настоящее время древнерусских,— с другой, даже не трансгрессируют.

Невелика у черепов из Старой Рязани и Переяславля-Рязанского длина мозговой части (по Юарту), составляющая от 35,4 до 36,8%, в среднем — 35,8% основной длины. Характеризующий относительные размеры этого признака теменно-мозговой указатель Браунера у рязанских черепов составляет 302 (298—310), а у московских — 295 (279—309) и новгородских — 296 (281—313). В среднем черепа лошадей из Рязанской земли также оказываются более узколобыми. Лобно-основной указатель у них —

[4] В. И. Цалкин. Фауна из раскопок археологических памятников Среднего Поволжья. МИА № 61, 1958.

Пропорции черепа лошадей (в процентах к основной длине черепа) Таблица 3

Признак	Черепа лошадей			
	Рязанской земли XII—XV вв. ($\bar{n}$=3)	московских XV—XVI вв. ($\bar{n}$=8)	новгородских X—XI вв. ($\bar{n}$=15)	булгарских XIII—XIV вв. ($\bar{n}$=4)
Общая длина	109,5 (108,8—110,1)	109,4 (108,6—111,5)	109,6 (106,1—112,7)	111,2 (110,5—112,5)
От середины затылочного гребня до назион	50,7 (50,3—51,4)	51,2 (49,3—52,2)	51,4 (47,5—54,1)	50,1 (49,4—51,2)
Морфологическая лицевая ось	62,5 (62,2—62,8)	61,6 (60,2—64,7)	61,8 (58,5—65,0)	64,5 (62,7—65,9)
Анатомическая лицевая ось	76,9 (76,8—77,0)	75,6 (73,4—78,3)	76,4 (73,9—79,1)	76,0 (74,9—77,1)
Длина мозговой части по Юарту	35,8 (35,4—36,8)	37,1 (35,2—39,1)	36,5 (34,7—39,1)	38,5 (36,9—40,6)
Морфологическая мозговая ось	48,1 (47,3—49,3)	48,0 (47,0—49,1)	48,5 (46,8—50,3)	48,3 (45,7—50,0)
Анатомическая мозговая ось	35,8 (35,2—36,3)	38,2 (36,8—39,8)	37,9 (36,5—39,7)	39,5 (38,2—41,1)
Заднеглазничная линия	40,2 (39,6—41,0)	41,0 (39,2—42,1)	40,5 (36,9—42,9)	42,0 (40,8—43,2)
Переднеглазничная линия	77,7 (77,0—78,4)	77,0 (74,0—79,2)	77,8 (75,9—79,5)	78,5 (77,8—79,5)
От середины затылочного гребня до вершины носового угла	78,7 (77,2—79,7)	77,9 (76,7—78,9)	78,3 (74,1—82,7)	79,4 (77,9—80,6)
Лицевая длина, по Черскому	65,3 (65,1—65,5)	64,6 (63,5—66,6)	65,4 (63,8—67,0)	65,9 (65,4—66,4)
От базион до костного нёба	46,3 (46,3—46,4)	46,3 (43,0—47,4)	45,7 (44,2—47,3)	45,8 (44,5—46,8)
От заднего края костного нёба до гнацион	53,5 (53,3—53,8)	53,8 (52,9—55,9)	54,4 (52,8—55,8)	54,3 (53,2—55,8)
Ширина мозговой коробки	22,1 (21,9—22,3)	19,6 (18,4—20,9)	20,9 (17,7—24,5)	22,6 (21,5—23,6)
Верхнечелюстная ширина	41,0 (38,3—42,7)	41,7 (38,8—42,9)	40,4 (36,1—43,9)	43,2 (42,2—43,8)
Ширина затылка	24,2 —	23,5 (21,4—24,4)	24,0 (23,1—25,3)	25,5 (24,6—26,3)
» за орбитами	17,3 (16,4—18,0)	17,4 (15,5—18,1)	17,1 (15,5—19,1)	17,4 (16,6—18,1)
Наибольшая ширина лба	42,1 (40,5—43,2)	43,5 (41,4—44,4)	43,1 (40,0—44,6)	45,6 (44,1—46,4)
Ширина межглазничная	31,0 (30,2—31,9)	31,3 (29,6—32,8)	30,7 (27,4—32,7)	31,3 (29,1—33,7)
Ширина между крайними резцами	14,6 (13,7—15,4)	15,0 (14,2—15,7)	14,6 (13,7—15,6)	15,2 (14,7—15,9)
Ширина между первыми молярами	25,6 (25,3—25,9)	26,1 (25,1—27,5)	25,8 (24,5—27,7)	25,7 (23,4—26,9)
Горизонтальный диаметр орбиты	13,8 (13,1—14,9)	13,4 (12,4—15,4)	13,0 (12,4—14,3)	12,9 (12,4—13,3)
Вертикальный диаметр орбиты	12,3 (11,5—13,5)	11,6 (10,6—12,2)	11,5 (10,4—12,9)	11,9 (11,5—12,6)
Длина альвеолярного ряда коренных зубов	35,0 (33,3—36,9)	35,5 (34,5—36,5)	34,9 (30,2—37,8)	35,5 (33,9—37,9)
Длина диастемы	20,3 (19,7—20,8)	20,1 (17,5—23,2)	19,2 (17,9—21,1)	19,5 (17,2—21,9)

Таблица 4

Краниологические указатели лошадей

Указатель	Лошади			
	Рязанской земли (XII—XV вв.)	московские (XV—XVI вв.)	новгородские (X—XII вв.)	булгарские (XIII—XIV вв.)
Лично-теменной, Заленского	175 (175—176)	177 (172—180)	177 (171—184)	172 (168—175)
Лично-теменной, Браунера	143 (142—143)	145 (142—148)	143 (138—148)	146 (143—150)
Лично-основной, Антониуса	154 (153—155)	154 (150—157)	153 (149—158)	151 (150—152)
Анатомический основно-лицевой . .	130 —	131 (128—136)	131 (127—135)	132 (130—133)
Морфологический основно-лицевой	160 (160—161)	162 (155—164)	162 (154—171)	155 (152—159)
Теменно-мозговой, Заленского . . .	216 (215—216)	214 (209—220)	213 (207—223)	222 (218—227)
Теменно-мозговой, Браунера	302 (298—310)	295 (279—309)	296 (281—313)	288 (276—299)
Анатомический основно-мозговой . .	278 (274—284)	261 (251—269)	264 (252—274)	253 (244—262)
Морфологический основно-мозговой	207 (202—211)	208 (204—213)	206 (196—214)	207 (200—218)
Основно-теменной	91 (90—92)	91 (90—92)	91 (89—94)	90 (89—90)
Анатомический лично-мозговой . . .	214 (210—218)	197 (185—209)	202 (192—210)	193 (188—199)
Основно-затылочный	413 —	414 (405—427)	415 (395—434)	391 (378—406)
Лобно-основной	238 (231—247)	230 (225—241)	231 (226—250)	219 (216—226)
Лобно-теменной	260 (253—272)	252 (246—263)	253 (241—265)	244 (240—252)

238 (231—247), лобно-теменной указатель — 260 (253—272), тогда как у московских они соответственно равны в среднем 230 и 252, у новгородских — 231 и 253. По-видимому, несколько шире у черепов из Рязанской земли мозговая коробка.

Отмеченные выше структурные особенности черепов лошадей из Старой Рязани и Переяславля-Рязанского существенно дополняют имевшиеся представления о краниологии домашних лошадей лесной полосы древней Руси. Исследованный материал пока еще очень невелик и ограничивается всего тремя черепами. Дальнейшее его накопление покажет, насколько стойки описанные выше локальные черты краниологической структуры лошадей Рязанской земли. Следует лишь подчеркнуть, что отмеченное укорочение анатомической мозговой оси, обнаруженное у всех трех черепов, происходящих из двух разных памятников и относящихся к различному времени, заслуживает, как дифференциальный признак, пристального внимания.

Сильно различающиеся по своим общим размерам черепá лошадей из раскопок памятников Рязанской земли происходят от особей разного роста. Примерное представление о росте лошадей в холке могут дать следующие цифры. Так, пользуясь средними значениями (2,7) коэффициента, предложенного Л. Кизевальтером [5] для определения роста лошади в холке по теменной длине черепа, рост лошади из Старой Рязани может быть определен в 132 см, лошади № 1 из Переяславля-Рязанского — 143 см, № 2 — 145 см. Очень близкие результаты дает исчисление роста по основной длине черепа при помощи среднего коэффициента А. Неринга [6]: лошадь из Старой Рязани — 133 см, № 1 из Переяславля-Рязанского — 146 см и № 2 — 148 см.

Однако значительно меньшим оказывается рост этих лошадей, если судить о нем по данным В. О. Витта [7]. В соответствии с предложенным этим автором делением ископаемых форм лошадей по их величине лошадь из Старой Рязани должна быть отнесена к категории «мелких», высотой в холке 120—128 см, лошади из Переяславля-Рязанского — к категории «средних», высотой 136—144 см. Как видно из приведенных выше цифр, результаты определения роста лошадей в холке на основании данных разных исследователей довольно сильно отличаются друг от друга. К сожалению, более точных методов для интересующей нас цели в настоящее время не существует. Необходимо лишь подчеркнуть, что по размерам черепов, а следовательно, и по росту в холке лошади из памятников Рязанской земли не отличались от лошадей из других областей лесной полосы древней Руси.

Перейдем к описанию найденного в Переяславле-Рязанском, в слое XV в., черепа кабана (рис. 150; табл. 5). Полностью завершенная смена молочных премоляров на постоянные, закончившееся формирование системы моляров, наряду с сильным срастанием швов, указывают, что череп принадлежал вполне взрослой особи.

Как известно, в строении и размерах черепа кабанов довольно сильно проявляется половой диморфизм, поэтому необходимо установить пол особи, от которой происходит рассматриваемый череп. В связи с этим обращает на себя внимание значительно отклоненная назад теменная часть черепа, что обычно свойственно самкам, тогда как у самцов теменная часть расположена по отношению к основанию черепа более круто. Как указывает

---

[5] L. Kiesewalter. Skelettmessungen am Pferde, 1889.
[6] A. Nehring. Fossile Pferde aus deutschen Diluvialablagerungen, 1884.
[7] В. О. Витт. Лошади Пазырыкских курганов. СА, XVI, 1952.

Таблица 5

Измерения черепа кабана из слоя XV в. Переяславля-Рязанского

Признак	мм	%
Длина черепа, наибольшая	450	114,5
» от средины затылочного гребня до гнацион	444	112,9
» кондилобазальная	406	103,3
» базилярная	393	100,0
» морды от переднего края глазницы до гнацион	293	74,5
» от назион до гнацион	240	61,1
Длина от середины линии, соединяющей вершины скуловых отростков лобной кости, до назион	110	27,9
Длина от середины линии, соединяющей вершины скуловых отростков лобной кости, до середины затылочного гребня	98	24,9
Длина от середины затылочного гребня до вершины скулового отростка лобной кости	128	32,6
Длина от середины затылочного гребня до назион	201	51,1
» базион до заднего края костного нёба	110	27,9
» заднего края костного нёба до гнацион	282	71,7
Наибольшая ширина черепа (в скуловых дугах)	170	43,3
Наибольшая ширина лба (между вершинами скуловых отростков лобной кости)	133	33,8
Ширина межглазничная, наименьшая	103	26,2
Ширина между височными линиями теменных костей, наименьшая	44	11,2
Ширина морды в шве между скуловой и верхнечелюстной костью	125	31,8
Ширина морды в шве между верхнечелюстной и межчелюстной костью	59	15,0
Ширина морды между наружными стенками альвеол клыков	81	20,6
Ширина носовых костей у переднего края носовых отростков лобных костей	53	13,2
Ширина носовых костей у верхних концов межчелюстных костей	46	11,2
Высота верхнечелюстной кости между 3 и 4-м премолярами	58	14,7
Высота межчелюстной кости впереди 3-го резца	47	11,9
Наибольшая ширина чешуи теменной кости	91	23,2
Высота затылка от базион до середины затылочного гребня	140	35,6
Высота слёзной кости у переднего края орбиты	34	8,6
Длина слёзной кости по нижнему краю	49	12,5
» » » » верхнему »	74	18,6
Горизонтальный диаметр орбиты	46	11,9
Вертикальный диаметр орбиты (над швом в скуловой дуге)	49	12,5
Длина альвеолярного ряда коренных зубов верхней челюсти	133	33,8
» » » премоляров » » »	54	14,0
» » » моляров » » »	80	20,4
Диаметр альвеолы клыка верхней челюсти, наибольший	23	5,9

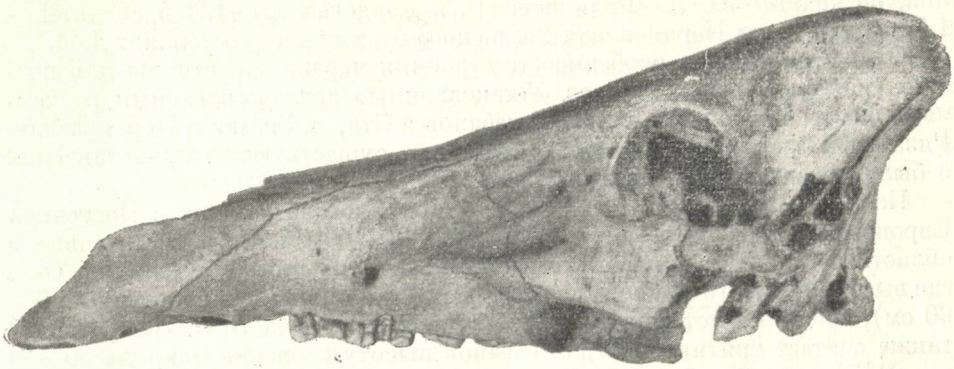


Рис. 150. Череп кабана из раскопок Переяславля-Рязанского. Вид сбоку (XV в.).

Ю. А. Филипченко [8], у самок европейских кабанов расстояние между линией, соединяющей вершины скуловых отростков лобной кости, и sutura naso-frontalis всегда превышает расстояние от той же линии до середины затылочного гребня: самцам же свойственны обратные соотношения. У черепа из Переяславля-Рязанского первое расстояние составляет 110 мм, второе — 98 мм, т. е. наблюдаются соотношения, характерные для самок. О том же говорят и относительно малые размеры альвеолы клыка верхней челюсти: наибольший диаметр ее — всего 23 мм. Все эти данные заставляют считать, что рассматриваемый череп принадлежал самке.

Общие размеры черепа из Переяславля-Рязанского очень крупны: его наибольшая длина — 450 мм, основная длина — 393 мм, длина от середины затылочного гребня до гнацион — 444 мм.

По Г. П. Адлербергу [9], наибольшая длина черепа у восточноевропейских кабанов составляет 410—470 мм. Размеры исследованного нами экземпляра не достигают максимальных размеров, указанных для этих кабанов. Однако нельзя упускать из вида, что экземпляр из Переяславля-Рязанского — череп самки; как правило, самки значительно меньше самцов. В серии измерений черепов восточноевропейских кабанов, приведенной в работе Ю. А. Филипченко [10], основная длина черепа у самцов составляет 335—385 мм, у самок — 340—347 мм. Таким образом, все исследованные этим автором экземпляры, в том числе и самцы, уступают по размерам основной длины черепа кабану из раскопок Переяславля-Рязанского. Это свидетельствует о том, что кабаны, встречавшиеся несколько столетий тому назад в бассейне р. Оки, были очень крупны.

Линия лба почти совершенно прямая. Морда длинная; длина ее от переднего края орбиты до гнацион — 74,5% основной длины черепа. В шве между верхними челюстными и скуловыми костями морда относительно широка: 73,5% ширины черепа в скуловых дугах. Слёзная кость — удлиненной формы; ее высота у переднего края орбиты — 34 мм, длина по нижнему краю — 49 мм. Индекс, выражающий отношение длины слёзной кости

---

[8] Ю. А. Филипченко. Краниологическое исследование диких видов свиньи. Труды лаборатории генетики. Проблема происхождения домашних животных, вып. 1. АН СССР, Л., 1933.

[9] Г. П. Адлерберг. Предварительный обзор русских и монгольских кабанов. Доклады Академии наук СССР, 1930; его же. К вопросу о происхождении домашних свиней. Труды лаборатории генетики. Проблема происхождения домашних животных, вып. 1. АН СССР, Л., 1933.

[10] Ю. А. Филипченко. Ук. соч.

по нижнему краю к ее высоте, колеблется у восточноевропейских кабанов, по данным Ю. А. Филипченко [11], в пределах 1,3—1,8, в среднем — 1,53. У черепа из Переяславля-Рязанского этот индекс составляет 1,44.

Отмеченные выше особенноости строения черепа характерны для подвида Sus serofa attila Thomas. Установленные археологическими раскопками факты нахождения остатков кабанов в Старой Рязани и Переяславле-Рязанском заставляют несколько изменить существующие представления о былом распространении этого вида.

По А. Н. Формозову [12], северная граница ареала кабанов в Восточной Европе совпадает примерно с изохионой 30—40 см. По этой причине в области верхнего и среднего течения Волги и по нижнему течению Оки, где высота снежного покрова велика (ее средний максимум составляет 50—60 см), кабанов в историческое время вообще не было. А. А. Насимович [13] также считает критической для кабанов высоту снежного покрова 30—40 см. Неблагоприятной для кабанов глубокоснежностью и наличием настов во второй половине зимы объясняет В. В. Козлов [14] неудачную попытку акклиматизации этих животных в Рязанской области, предпринятую в послевоенные годы. Как сообщает В. В. Козлов, в Окском заповеднике (Ижевский район Рязанской области) и в Мещерской низменности вообще высота снежного покрова, даже в лесу, превышает 40 см, а на заболоченных участках она еще больше.

И тем не менее, хотя нет данных, которые указывали бы, что климатические условия, в частности высота снежного покрова, за несколько последних столетий существенно изменились, можно считать установленным распространение кабанов на территории современной Рязанской области в XII—XV вв. н. э.

Оценивая находки остатков кабанов в культурном слое Старой Рязани и Переяславля-Рязанского, не следует упускать из вида, что охота в жизни населения городов древней Руси не имела сколько-нибудь существенного экономического значения. Роль диких животных в питании населения городов была весьма ограничена. Остатки диких животных в культурном слое городов древней Руси встречаются довольно редко и обычно принадлежат только тем видам, которые вполне обычны и многочисленны в прилегающих районах. Поэтому нахождение костей кабанов в Старой Рязани и Переяславле-Рязанском нет оснований приписывать случайным забегам этих животных из более южных областей, хотя явления подобного рода достаточно хорошо известны. Можно предполагать, что несколько веков тому назад в этом районе существовала постоянная популяция кабанов, впоследствии истребленная человеком.

Всякая популяция диких животных живет не только в определенной природной обстановке, но и в определенных исторических условиях, оказывающих на нее более или менее существенное воздействие. Вряд ли можно сомневаться, что за последние столетия природные условия бассейна Оки сильно изменились под влиянием человека (сокращение площади лесов и болот, расширение территории, занятой сельскохозяйственными культурами и пастбищами, возрастание плотности населения), причем отнюдь не в сторону, благоприятную для кабанов. По-видимому, незначительная высота снежного покрова сама по себе, а вызванное антро-

---

[11] Ю. А. Филипченко. Ук. соч.

[12] А. Н. Формозов. Снежный покров как фактор среды, его значение в жизни млекопитающих и птиц СССР. М., 1946.

[13] А. А. Насимович. Роль режима снежного покрова в жизни копытных животных на территории СССР. М., 1955.

[14] В. В. Козлов. Кабаны в Рязанской области. Зоологический журнал, т. XXXVII, вып. 1, 1958.

генными факторами изменение жизненных условий определили неудачную попытку реакклиматизации кабана в Рязанской области. Не стремясь преуменьшить значение снежного покрова как фактора среды, играющего важную роль в жизни кабанов, мы полагаем, что его подлинная оценка возможна лишь при условии достаточно ясного представления об общей природной обстановке. И с другой стороны, факт былого распространения

Таблица 6

Соотношения между видами домашних животных по количеству особей в памятниках Рязанской земли

Название вида	Переяславль-Рязанский		Старая Рязань	
	абс.	%	абс.	%
Крупный рогатый скот . . .	77	32,1	208	26,7
Мелкий » » . . .	39	16,2	165	21,1
Свинья	105	43,7	315	40,3
Лошадь	19	8,0	93	11,9
Всего	240	100,0	781	100,0

того или иного вида на данной территории не может служить абсолютной предпосылкой для его реакклиматизации. Результаты последней определяются степенью сохранения ранее существовавших условий, необходимых для жизни вида.

Таблица 7

Видовой состав костных остатков из раскопок городищ Рязанской земли *

Название вида	Городища				
	Ижеславльского	Жокинское	Лубянское	Льговское	Казарь
Крупный рогатый скот	191/12	109/8	3/1	8/1	3/1
Мелкий » »	25/3	34/8	—	—	2/1
Свинья	70/8	18/5	4/1	8/3	3/1
Лошадь	45/2	11/2	9/1	30/2	6/1
Собака	2/1	—	—	—	—
Лось	3/1	2/1	—	—	—
Заяц	4/1	—	—	—	—
Бобр	—	3/1	—	—	—

* Числитель — количество костей, знаменатель — минимальное количество особей данного вида.

В заключение следует остановиться на количественных соотношениях, наблюдающихся между отдельными видами сельскохозяйственных животных по количеству особей и дающих представление отчасти о составе стада, но, главным образом, о значении того или иного вида в питании населения (табл. 6). Сравнивая между собой соответствующие данные по Переяславлю-Рязанскому и Старой Рязани, мы констатируем, что в кухонных остатках из обоих этих памятников наибольший процент особей принадлежит свиньям, затем — крупному рогатому скоту; третье место по количеству особей занимает мелкий рогатый скот (овцы и козы) и последнее — лошадь.

В сравнении со Старой Рязанью, в Переяславле-Рязанском процент крупного рогатого скота и свиней оказывается несколько выше, мелкого рогатого скота и особенно лошади — ниже. Однако, оценивая отмеченное обстоятельство, приходится учитывать, что материал, исследованный из двух этих памятников, количественно неравноценен: он сравнительно многочислен из раскопок Старой Рязани, но в три с лишком раза меньше из Переяславля-Рязанского. Поэтому установленные выше некоторые особенности процентных соотношений между отдельными видами в Переяславле-Рязанском могут определяться чисто случайными обстоятельствами. Во всяком случае, оба эти памятника Рязанской земли дают в интересующем нас отношении картину, достаточно типичную для городов лесной полосы древней Руси.

В раскопанных А. Л. Монгайтом городищах Рязанской земли (табл. 7) мы обнаруживаем тот же видовой состав домашних и диких животных, что и в Старой Рязани и Переяславле-Рязанском. Но количество костных остатков, исследованных из этих 5 городищ, пока еще настолько ограничено (всего 595 костей от 66 особей), что статистическая интерпретация материала невозможна.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЗ — Археологические известия и заметки (издание Московского археологического общества)
АС — Археологический съезд
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗОРСА — Записки Отделения русско-славянской археологии Русского археологического общества
ЗВРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА — Институт археологии Академии наук СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИЗ — Исторические записки
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИОЛЕАиЭ — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР
КРОМ — Коллекция Рязанского областного музея
КСИИМК — Краткие сообщения ИИМК
МАР — Материалы по археологии России
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НАРМ — Научный архив Рязанского музея
ОПИ — Отдел полевых исследований Института археологии Академии наук СССР
ПВЛ — Повесть временных лет. М.— Л., 1950
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАНИОН — Российская ассоциация научных институтов общественных наук
РОКМ — Рязанский областной краеведческий музей
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТРУАК — Труды Рязанской ученой архивной комиссии
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских
BGA — Bibliotheca Geographorum Arabicorum

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Стр.

Рис. 1. Леса и почвы Рязанской земли. (Карта лесных массивов дана по состоянию на конец XIX в.; карта почв по «Почвенной карте Европейской части СССР», под ред. академика Л. И. Прасолова. М., 1947) . . . 29

Рис. 2. Археологические памятники дославянского населения в бассейне среднего течения р. Оки. Карта . . . . . 32—33

Рис. 3. Городецкое городище. Раскопки В. А. Городцова. Керамика 33

Рис. 4. Городецкое городище. Раскопки В. А. Городцова. Глиняные сосуды и льячки 34

Рис. 5. Городецкое городище. Раскопки В. А. Городцова. Глиняные пряслица и железные ножи 35

Рис. 6. Городецкое городище. Раскопки В. А. Городцова. Костяные гарпуны и наконечники стрел 36

Рис. 7. Льговское городище. Вид с Оки 37

Рис. 8. План Льговского городища и селища. Съемка экспедиции ИИМК 1955 г. 38

Рис. 9. Льговское городище. Раскопки экспедиции ИИМК. Костяной гарпун, глиняные пряслица, железный нож и глиняные сосуды 39

Рис. 10. Планы городищ городецкой культуры. Глазомерная съемка. Городище у дер. Новоселки (на Сосенке); Вышгородское; Луховицкое I (Палецкое); Вуколов бугор; Алпатьевское; Троице-Пеленицкое 40

Рис. 11. Вышгородское городище. Миниатюрные сосуды, тигелек, льячки, сковородка 41

Рис. 12. Городище Вуколов Бугор. Общий вид 42

Рис. 13. Городище Вуколов Бугор. Профили сосудов 43

Рис. 14. Луховицкое I (Палецкое) городище. Керамика: городецкая и славянская 45

Рис. 15. Никитинское городище. Керамика из городецкого слоя 46

Рис. 16. Троице-Пеленицкое городище. Керамика 48

Рис. 17. Троице-Пеленицкое городище. Глиняный сосуд, льячки, железная пряжка, литейные формы, привески медные, удила железные, наконечник копья железный 49

Рис. 18. Шатрищенское городище. План 50

Рис. 19. Шатрищенское городище. Раскопки вала 51

Рис. 20. Шатрищенское городище. Керамика 52

Рис. 21. Борисо-Глебское городище и селище. План; разрез валов и территории городища и селища 53

Рис. 22. Борисо-Глебское городище. Керамика из городецкого слоя 55

Рис. 23. Планы городищ городецкой культуры. Глазомерная съемка. Елшинское (Чертово); Польновское второе; Сумбуловское; Абловское; Шишкинское; Пудковское; Луховицкое второе (Исполинов Бугор); Малявница . . . 56

Рис. 24. Чертово городище. Глиняный сосуд 57

Рис. 25. Чертово городище. Костяная проколка, глиняное пряслице, костяной нож и обломки сосудов 58
Рис. 26. Казарское городище. План 59
Рис. 27. Казарское городище. Разрез вала 61
Рис. 28. Казарское городище. Вещи из верхнего культурного слоя (славянского): шиферные пряслица, обломок стеклянного браслета, каменное пряслице, ключ от цилиндрического замка, нож. Вещи из нижнего культурного слоя: трапецевидные привески, медная пряжка, обломки керамики 62
Рис. 29. Казарское городище. Керамика из городецкого слоя 63
Рис. 30. Планы городищ городецкой культуры. Глазомерная съемка. Митинское; Глебовское; Гавердовское; Столбище 65
Рис. 31. Археологические памятники в районе р. Солотчи. Карта 68
Рис. 32. Глиняные сосуды из Рязанских могильников 73
Рис. 33. Керамика чудского населения по рязанскому течению р. Оки во второй половине I тысячелетия н. э. Из коллекции Рязанского музея 75
Рис. 34. Комплекс вещей из Шатрищенского могильника с пряслицами из розового шифера. Раскопки А. И. Черепнина, 1903 г. 77
Рис. 35. Золотые украшения из погребения у с. Арцыбашева 81
Рис. 36. Меч-сабля из погребения у с. Арцыбашева 82
Рис. 37. Вещи из погребения у с. Арцыбашева. Костяная пластина (накладка на лук?), медные наконечники и четырехугольная, украшенная насечками, пряжка, железные пряжки, медные антропоморфные бляшки, кнопки, медные коромыслообразные пластинки, серебряные антропоморфные бляшки, железные наконечники стрел, удила 83
Рис. 38. Клады и отдельные находки восточных монет в бассейне р. Оки. Карта . . . . . 90—91
Рис. 39. Дирхемы из клада, найденного в Борках в 1958 г.; глиняный сосуд, в котором был найден клад дирхемов в Борках в 1958 г.; глиняный сосуд, в котором был найден клад дирхемов в Борках в 1951 г. 94
Рис. 40. Шатрищенский могильник. Гривна с низкой коробочкой и грудная бляха-застежка в виде низкой коробочки с крышкой 109
Рис. 41. Вещи из мещерских могильников. Пустошенский могильник. Многопроволочные витые браслеты с навешенными колечками, витые браслеты и пластинчатый браслет 119
Рис. 42. Вещи из мещерских могильников. Заколпский могильник. Браслеты, стрела и привески 120
Рис. 43. Схема колонизационного движения славян в междуречье Волги — Оки 123
Рис. 44. Ранние формы славянской керамики, сделанной на круге, со Старо-Рязанского городища 125
Рис. 45. Семилопастные височные кольца из Старой Рязани, из Переяславля-Рязанского и с Борисо-Глебского городища 129
Рис. 46. Рязанское княжество в XII — начале XIII в. Карта . . . . . 144—145
Рис. 47. Археологические памятники славянского населения в бассейне среднего течения р. Оки. Карта . . . . . 146—147
Рис. 48. Ново-Ольговское городище. План 151
Рис. 49. Железные предметы из славянского поселения на Борковском острове 153
Рис. 50. Сосуды из славянского Борковского селища 155
Рис. 51. Шиферное пряслице, найденное в Борках 157
Рис. 52. Шиферное пряслице в надписью «ПРѦСЛNЬ ПАРАСНН», найденное в Борках 158
Рис. 53. Вещи из поселения у с. Алеканова. Раскопки В. А. Городцова. Железные ножи, каменная литейная форма, глиняное пряслице, пастовые бусины, пряслице из фрагмента керамики, височные кольца, железная пряжка 159
Рис. 54. Глиняный сосуд из раскопок В. А. Городцова в Алеканове и славянский сосуд, найденный на территории Борковского могильника (раскопки А. В. Селиванова, 1892) 160
Рис. 55. Знаки на сосудах, найденных в Алеканове 161
Рис. 56. Лист с записью о заложении Переяславля-Рязанского из псалтыри XVI в., хранящейся в Рязанском музее 165

Рис. 57. Переяславль-Рязанский. Кремлевский вал. Вид со стороны Старого базара . . . 167
Рис. 58. Переяславль-Рязанский. План Кремля с указанием мест раскопок экспедиции ИИМК . . . 169
Рис. 59. Переяславль-Рязанский. Кремль. Мостовая XIII—XIV вв. Раскопки экспедиции ИИМК 1956 г. . . . 170
Рис. 60. Профиль северной стенки раскопа № 4 в кремле Переяславля-Рязанского. Раскопки экспедиции ИИМК 1957 г. . . . 171
Рис. 61. Терракотовые изразцы из раскопок в кремле Переяславля-Рязанского 173
Рис. 62. Переяславль-Рязанский. Раскоп № 4. Сруб XV в. Раскопки экспедиции ИИМК . . . 174
Рис. 63. Переяславль-Рязанский. Сруб и частокол XV в. . . . 175
Рис. 64. Переяславль-Рязанский. Раскоп № 4. Частокол на границе усадеб (со следами пожара 1494 г.) и остаток настила мостовой . . . 175
Рис. 65. Переяславль-Рязанский. Вещи из слоев XIV—XV вв. Шерстяные нитки, окрашенные в красный цвет, рогожа, веревки, кнут . . . 176
Рис. 66. Кожаные изделия из Переяславля-Рязанского. Обувь из слоя XV в., ножны, часть конской сбруи (слой XII в.), обрывок кожи, орнаментированной нарезкой и цветными нитками, аппликация из кожи . . . 177
Рис. 67. План 25-го пласта в раскопе № 4 в кремле Переяславля-Рязанского. Экспедиция ИИМК 1957 г. . . . 178
Рис. 68. Втульчатые железные наконечники копий. Переяславль-Рязанский . . 179
Рис. 69. Железные пластины панцыря. Переяславль-Рязанский . . . 180
Рис. 70. Металлические вещи из Переяславля-Рязанского. Медная коробочка, орнаментированная железная пластина (слой XII—XIII вв.), рыболовный крючок, медный подсвечник, железная пряжка, запор от цилиндрического замка, части удил (слой XIV в.), металлический каркас кожаных ножен, железная цепь . . . 181
Рис. 71. Деревянные вещи из Переяславля-Рязанского. Слой XIV в. Льночесальный гребень, фигурные детали, веретено, ложка, поплавок . . . 182
Рис. 72. Деревянные точеные чаши из раскопа № 4 в кремле Переяславля-Рязанского. Слои XII—XIII и XIV вв. . . . 183
Рис. 73. Деревянные вещи из Переяславля-Рязанского. Пестики и колодка для плетения лаптей . . . 184
Рис. 74. Деревянные вещи из раскопок 1957 г. в кремле Переяславля-Рязанского. Слой XII—XIII вв. Педаль от прялки, пест для обрушивания проса, тележная ось, клепка, ложка, копыл, нож для теребления льна 185
Рис. 75. Деревянные вещи из Переяславля-Рязанского. Орнаментированный гребень, веретено, ложка, зуб от грабель, волчок, поплавок, счетная бирка, накладка от сложного гребня, лодочки — игрушки из коры . . . 186
Рис. 76. Костяные изделия из Переяславля-Рязанского. Ручка ножа, наконечник стрелы, кочедыки, кольцо для рукоятки ножа, пряслице . . . 187
Рис. 77. Металлические вещи из Переяславля-Рязанского. Нож с деревянной рукояткой (XII в.), нож с деревянной рукоятной и костяным орнаментированным колечком у основания рукоятки (XIV в.), ножи (слой XII в.), запор от цилиндрического замка, цилиндрический замок (XII—XIII вв.), заготовка для ключа, ключ . . . 188
Рис. 78. Дятловское городище. Железный топор и наконечник стрелы . . . 190
Рис. 79. Археологические памятники в районе Льгово-Новоселки. Карта . . . 191
Рис. 80. Височные кольца из Рубцовских курганов. Раскопки 1896 г. . . . 192
Рис. 81. К вопросу о местонахождении гг. Ольгова, Борисова-Глебова и Ожска. Карта . . . 195
Рис. 82. Бронзовые стили — «писала» . . . 197
Рис. 83а. Глебово городище. План . . . 198
Рис. 83б. Борисо-Глебское городище. Общий вид со стороны селища. 1956 г. 200—201
Рис. 84. Ситуационный план городища Казарь . . . 202
Рис. 85. Казарь. Могильник на дюнах . . . 203
Рис. 86. Кораблинское селище. Ситуационный план . . . 205
Рис. 87. Выкопировка из «плана Рязанской губернии города Пронска специального межевания 1771 года, составленного землемером ротмистром Александром Гурьевым», Рязанский областной архив . . . 207

Рис. 88. План раскопок Пронского городища 1927—1930 гг. 209
Рис. 89. Вещи из раскопок в Пронске 1929—30 гг. Бронзовый замочек в виде лошадки, железные наконечники стрел, костяной крестник, медное навершие булавы (шестопер), глиняная подставка для обжига поливной керамики, медный бубенчик, костяная проколка, глиняное пряслице, костяной гребень 210
Рис. 90. Вещи из раскопок в Пронске и на горе Гневне 1926—1929 гг. Серебряный решетчатый перстень (Гневна), железный наконечник стрелы (Гневна), железные наконечники стрел (Пронск), обломок костяного шила (Пронск), костяная ручка (Пронск), литейная форма (Гневна), железный нож (Гневна), орнаментированная костяная пластинка (Пронск), глиняная свистулька (Пронск), железный ключ (Пронск) 211
Рис. 91. Гора Гневна. Вид от Пронска 213
Рис. 92. План археологических раскопок на г. Гневне, произведенных в 1924—1927 гг. 214
Рис. 93. Вещи из Пронских курганов. Перстнеобразные височные кольца, перстни, браслеты, медная пуговица, бусы, остатки дерева от гроба, медные поделки, обрывок ткани 217
Рис. 94. План Лубянского городища 219
Рис. 95. План Ижеславльского городища 221
Рис. 96. Общий вид Ижеславльского городища 222
Рис. 97. Валы в северо-западной части Ижеславльского городища 223
Рис. 97а. Валы Ижеславльского городища с восточной стороны 224
Рис. 98. Разрезы валов Ижеславльского городища 225
Рис. 99. Ижеславльское городище. Ямы от столбов на раскопе № 3 226
Рис. 100. Вещи с Ижеславльского, Лубянского и Жокинского городищ. Перстень решетчатый серебряный (Ижеславль), перстень медный (Ижеславль), браслет медный (Ижеславль), каменные крестики (Ижеславль), медные бубенчики (Ижеславль), костяная рукоятка ножа, орнаментированная медными шпильками (Жокино), медный крест (Жокино), железные наконечники стрел (Ижеславль), костяной цилиндр с процарапанными значками (Ижеславль), цилиндрический замок (Лубянка), каменные пряслица (Лубянка), железный крючок (Ижеславль), ключ (Жокино), нож (Ижеславль), стеклянные браслеты 227
Рис. 101. Бляшки: медная для пояса с изображением птицы (Лубянское городище), серебряная с человеческим изображением (Ижеславльское городище) 228
Рис. 102. План Жокинского городища 229
Рис. 103. Ситуационные планы Лихаревского городища и Мшанского городка. 230
Рис. 104. Планы глазомерной съемки. Кисьвянское селище, Юракинское городище, Толшинское городище. Обследование Рязанского музея 1928 г. . . . 231
Рис. 105. Лыковское I селище. Керамика, железный нож, костяной гребень. 233
Рис. 106а. Ростиславльское городище. План 237
Рис. 106б. Перевитское I городище. План 239
Рис. 107. Вещи из Зарайских курганов. Перстни, шаровидная хрустальная бусина, поясная пряжка, железная поделка, сердоликовая бипирамидальная бусина, привески, браслет, медная накладка, глиняная свистулька, височные кольца 241
Рис. 108. Лемех из Вышгородского селища 259
Рис. 109. Сельскохозяйственные орудия. Косы-горбуши (Вышгород), серпы (Переяславль-Рязанский и Вышгород), лемех (Пронск?), топор (Семеновское) 261
Рис. 110. Косы-горбуши из Старой Рязани 262
Рис. 111. Шпоры из раскопок в Старой Рязани и удила из раскопок на Ижеславльском городище. Слой XII в. 263
Рис. 112. Древолазный шип из Переяславля-Рязанского 265
Рис. 113. Сосуд XII в. из Старой Рязани (1-я группа старо-рязанской керамики) 274
Рис. 114. Сосуды XII—XIII вв. из Старой Рязани 275
Рис. 115. Сосуды XII—XIV вв. из Старой Рязани 276

Рис. 116. Сосуд из Апоничищихинских курганов. Раскопки А. В. Дмитриевской, 1925 г. 277
Рис. 117. Керамика XII—XIII вв. из Переяславля-Рязанского 278
Рис. 118. Керамика XIII—XIV вв. из Переяславля-Рязанского 279
Рис. 119. Керамика XIV—XV вв. из Переяславля-Рязанского 280
Рис. 120. Сосуды XVI—XVII вв. из Переяславля-Рязанского 281
Рис. 121. Керамика XVI—XVII вв. из Переяславля-Рязанского 282
Рис. 122. Керамические изделия из Переяславля-Рязанского. Обломок глиняной игрушки, глиняная игрушка-свистулька, грузила, обломок сосуда с отпечатком ткани, красноглиняная ручка с орнаментом 283
Рис. 123. Глиняный рукомойник из Ижеславльского городища 284
Рис. 124. Днища сосудов с клеймами из Ижеславльского городища и из Переяславля-Рязанского 285
Рис. 125. Клейма на днищах сосудов из Ижеславльского городища 286
Рис. 126. Клейма на днищах сосудов из Ижеславльского, Жокинского и Лубянского городищ 287
Рис. 127. Меты на лугах у Касимова 289
Рис. 128. Железные вещи VIII—XII вв. Втульчатый топор VIII—IX вв., городище Высокая гора (Семеновское) и долото железное XII в. Ижеславльское городище 290
Рис. 129. Топор. Ижеславльское городище 291
Рис. 130. Топоры из городищ Пального и из Вышгорода 292
Рис. 131а. Долота из городищ Пального и Вышгорода. Фотография 293
Рис. 131б. То же, чертеж 294
Рис. 132. Способ рубки угла здания. Переяславль-Рязанский 295
Рис. 133. Зарубки-метки на бревнах сруба. Переяславль-Рязанский 296
Рис. 134. Переяславль-Рязанский. Раскопки 1956 г. Усморезный нож, нож и шило для ношения на поясе, металлический футляр с кожаными ремешками, нож с деревянной рукояткой, шило 297
Рис. 135. Костяная наковаленка для ювелирных работ (Переяславль-Рязанский), железные ушки от ручек для медных котлов, пинцет, кресала (Старая Рязань) 299
Рис. 136. Каменная литейная форма из Переяславля-Рязанского 300
Рис. 137. Лицевая и оборотная сторона серебряного змеевика, бронзовые кистени (Старая Рязань), медный крест из коллекции Спасского музея, медная серьга (Старая Рязань), медная бляшка (д. Сумбулово), медная подвеска (Старая Рязань), медная цепочка (Старая Рязань) 301
Рис. 138. Медный котел, в котором был найден клад вблизи д. Щигрово . . . 302
Рис. 139. Щигровский клад. Серебрянный ковш и две серебряные чаши. 302—303
Рис. 140. Щигровский клад. Изображения на днищах чаш и на ручке ковша . . . . . 302—303
Рис. 141. Каменная иконка из Рязанского музея с изображением Бориса и Глеба 304
Рис. 142. Поход Святослава 964—966 гг. Карта 307
Рис. 143. Водные торговые пути и переволоки в X—XIII вв. Карта . . . 308—309
Рис. 144. Размещение кладов со слитками в Рязанской области. Карта . . . 313
Рис. 145. Гривны из Щигровского клада 315
Рис. 146. Импортная керамика и бусы XIII—XIV вв. Золотоордынская чаша (Переяславль-Рязанский, раскопки 1956 г.), восточная поливная керамика из Переяславля-Рязанского и Пронска, восточная штампованная керамика (Переяславль-Рязанский), бусы, фрагменты импортной керамики из раскопок в кремле Переяславля-Рязанского 1956 г. 325
Рис. 147. Бронзовое навершие рукояти меча. Находка в районе г. Рязани . . . 327
Рис. 148. Черепа лошадей из раскопок Переяславля-Рязанского. Вид сверху. 366
Рис. 149. Черепа лошадей из раскопок Переяславля-Рязанского. Вид сбоку. 367
Рис. 150. Череп кабана из раскопок Переяславля-Рязанского. Вид сбоку (XV в.) 373

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абу-л-Аббас Джа'фар ибн Ахмед **ал-Марвази,** арабский литератор, автор географического сочинения (ум. ок. 887) 89

Абу Абдаллах Мухаммед ибн Мухаммед, ибн Абдаллах, ибн Идрис ал-Идриси, арабский ученый географ (1100—1165) 99—101, 104, 105

Абу Али Ахмед ибн Омар, **ибн Русте (ибн Даста),** арабский географ (нач. X в.) 16, 102, 104—107, 339

Абу Зайд Ахмед ибн Сахл **ал-Балхи,** арабский астроном и географ (ок. 850—934) 99, 100, 102, 104, 105

Абу Исхак ал-Фариси **ал-Истахри,** арабский географ и путешественник (ок. 849/50—934) 90, 99, 103—108

Абу-л-Касим (Мухаммед) **ибн Хаукаль** ан-Насиби ал-Хаукали, арабский географ и путешественник (X в.) 85, 89, 99—101, 103—108, 112, 307

Абу-л-Касим Убайдаллах ибн Абдаллах **ибн Хордадбех,** арабский географ (ок. 820 — ок. 912/13) 89, 107

Абу Мухаммед Ахмад ибн Асам ал-Куфи, см. ал-Куфи

Абу Убайд Абдаллах ал-Бакри (ал-Бекри) ал-Куртуби, испано-арабский энциклопедист, литератор и географ (ум. 1094) 103, 114.

Абу-л-Фида Имад ад-дин ал-Малик ал-Муалиад Исмаил бин Али ал-Аййуби, арабский энциклопедист, историк и географ (1273—1331) 99

Абу Хамид Абу Абдаллах Мухаммед ибн Абд ар-Рахим ал-Мазини ал-Кайси **ал-Гарнати** ал-Андалуси ал-Уклиши ал-Кайрувани, испано-арабский путешественник и космограф (1080—1169) 8, 96, 105, 106, 265, 267, 305, 319, 320, 323, 339

Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусейн ибн Али **ал-Масуди,** арабский литератор, историк и географ (ум. 956) 9, 100, 105, 107

Аванесов Р. И., языковед 113, 131—133, 137

Аграфена (Агриппина Васильевна), княгиня рязанская 311

Адлерберг Г. П., зоолог 373

Акундин, герой легенды 28

ал-Андалузи, см. Абу Хамид ал-Гарнати

Алакоз, посол кафинский 311

Александр Македонский 323

Александр Михайлович, князь пронский 196

Алексей, митрополит киевский и всея Руси 13, 145, 338

Алексей I Комнин, император византийский 316

Алексей III Ангел, император византийский 318

Алихова А. Е., археолог 115, 116

Амин Ахмед Рази, персидский литератор XVI в. 110, 111, 319

Амурат, половецкий князь 10

Анастасьев А. М., археолог 238

Андрей Глебов, тысяцкий рязанский 10, 216

Андрей Ростиславич, князь 10, 11, 249, 342, 343

Андрей Юрьевич Боголюбский, в. князь владимиро-суздальский 7, 10, 133, 310, 331, 338, 340, 342, 348, 349, 350

Антонов А. В., коллекционер 167

Анцис Ю. А., арабист 100, 320

Арзютов Н., археолог 32, 69

Арне Т. И. (Arne T.), историк 88, 90, 96, 303

Арсений, епископ рязанский 165, 352—354

Артамонов М. И., археолог 111, 124, 306, 308

Арциховский А. В., археолог 21, 25, 68, 80, 128, 160, 192, 193, 216, 236, 238, 242, 243, 254, 260, 264, 290

Аспелин И. Р. (Aspelin I. R.), археолог 20, 84, 118

Ахмед Туси (Тусский), персидский географ (2-я пол. XVII в.) 318

Ахмед ибн Фадлан, арабский путешественник (X в.) 16, 98, 107—109, 111, 112, 319, 339

Бабкин М. В., рязанский краевед 218
Бадер О. Н., археолог 19, 22, 23, 47, 74, 86, 152, 232—234, 244
ал-Бакри см. Абу Убайд Абдаллах ал-Бакри
Бакулин В. Д., краевед 290
ал-Балхи см. Абу Зайд Ахмед ибн Сахл
Баранович М., географ 17, 198, 206, 216, 218—220, 238, 269
Барбаро, Джозаф (Иосафат), венецианский посол 266
Барсов Н. П., историк 30
Барсуков Н. 15
Бартольд В. В., историк-востоковед 16, 85, 89, 99, 101, 105
Батый, хан Золотой орды 9, 12, 145, 146, 217, 219, 228, 238, 353, 354, 357—359
Бауэр Н. П., нумизмат 313, 315—317, 319
Бернштейн-Коган С. В., историк 87
Бертельс Е. Э., иранист 319
Бестужев-Рюмин К. Н. 9, 136
ал-Бируни, среднеазиатский ученый энциклопедист 89, 105
Бломквист Е. Э., этнограф 126, 128, 294
Бобринский А. А. 302
Боголюбский С. Н., зоолог 263, 264, 362, 363
Болсуновский К. В. 321
Борис Владимирович, князь 304
Борис Годунов, царь 245
Борис Жидиславич, рязанский воевода и тысяцкий 340, 346, 349
Борис Кунович, рязанский боярин 346, 348
Борисковский П. И., археолог 19
Бочарников С. 18, 236, 244
Браун Ф. А., историк 88
Брюсов А. Я., археолог 19
Бувейхиды, династия, правившая в Зап. Персии и в Ираке (932—1055) 93
Будде Е. Ф., языковед 136, 246
Булич О. П. 236
Булычев Н. И., археолог 74, 80
Бучинский И. Е., географ 30
Быков А. А., нумизмат 93, 157

Вактурская Н. Н., археолог 326
Василий, епископ муромский и рязанский 16, 353
Васильев Б. А., этнограф 121
Вельев И. 166
Вельяминов-Зернов В. В., историк 245
Веневитинов М. А. 231, 311
Вершинский А. Н. 310
Веселовский С. Б., историк 332
Веске М. П. 138
Вестберг Фр. (Westberg Fr.), арабист 85, 102, 107
Витт В. О., зоолог 371
Владимир Всеволодович Мономах. в. кн. киевский 13, 256, 258, 309, 334, 337
Владимир Глебович, князь рязанский 10, 341, 321, 353
Владимир Игоревич, князь новгород-северский 11
Владимир Мстиславич, князь 348
Владимир Святославич, князь муромский 327, 341, 342, 347, 348
Владимир Юрьевич, князь муромский 340, 352
Воеводский М. В., археолог 19
Воздвиженский Д., историк 17, 57
Воздвиженский Т. Я., учитель рязанской гимназии, историк 23, 24, 165
Воронин Н. Н., археолог 121, 247, 248, 250, 273, 279, 298
Всеволод Глебович, князь пронский 10, 152, 206, 216, 237, 341, 351, 352
Всеволод Ольгович, сын князя черниговского Олега Святославича, князь киевский 336
Всеволод Святославич Чермный, князь черниговский, позднее в. кн. киевский 353
Всеволод Юрьевич III Большое гнездо, в. кн. владимиро-суздальский 9, 10, 144, 164, 165, 194, 236, 310, 338, 340, 345, 347, 349—354, 356
Всеволод Ярославич, в. кн. киевский 309, 334
Вячеслав Владимирович, сын Владимира Мономаха 335

Гагин И. С., касимовский краевед 17, 65, 74
Гардизи, персидский историк XI в. 105—107, 114
Гаркави А. Я., филолог и историк. востоковед 16, 85, 100, 103, 104, 108, 306, 307
Георгий, архиепископ рязанский 197
Герберштейн С., немецкий дипломат и путешественник 163, 266, 267, 311
Германарих, король остготов 88
Гильдебрандт П. А. 18
Глеб Владимирович, князь 304, 353—355
Глеб Владимирович, князь муромский 247, 308, 333, 353—355
Глеб Игоревич, князь 355
Глеб Ростиславич, князь рязанский 10, 152, 236, 310, 346—350, 355
Глеб Святославич, князь черниговский 350
Говоров Н. В., рязанский краевед 19, 35, 37, 66, 86, 152, 157, 159, 160, 204, 246
Голубинский Е. Е., историк русской церкви 15, 25, 353
Голубовский П. В., историк 338
Гольмстен В. В., археолог 69, 72, 116, 273
Гончаров В. К., археолог 259
Городцов В. А., археолог 19—22, 25, 31—36, 40, 43, 44, 46, 47, 51, 55, 58, 64, 68, 69, 72, 74, 76, 79, 86, 92—94, 121, 122, 127, 129, 152, 154—162, 166, 167, 189, 190, 194, 196, 199, 201, 205, 216, 239, 258, 269, 303, 322, 335
Горюнова Е. И., археолог 79, 95, 121, 247
Готье Ю. В., историк 8, 20, 79, 138
Грегуар Г. (Gregoire H.) 107
Греков Б. Д., историк 328
Григорьев В. 327
Гринченко В. А. 82
Гроздилов Н. П., археолог 19, 51
Грушевский М. С., историк 124
де Гуе М. Я. (de Goeje M. J.), голландский востоковед 85, 89, 99, 100
Гуттен-Чапский Э. К., нумизмат 313
Гущин А. С., искусствовед 303
Гюзальян Л. Т., востоковед 319

Давид Святославич, князь рязанский 206, 336, 342
Давид Юрьевич, князь муромский 15, 353
Даниил Александрович, князь московский 11, 164
Дебец Г. Ф., антрополог 113, 131
Дедилец, рязанский боярин 346, 348, 350
Джанибек, хан 208
ал-Димашки, см. Шамс ад-дин Мухаммед ибн абу Талиб
Дмитриевская А. В., археолог 43, 66, 240, 242
Добролюбов И. В., рязанский священник, библиограф 14, 18, 25
Добрыня Рагуйлович, воевода новгородского князя Мстислава Владимировича 334
Довженок В. И., археолог 258
Довнар-Запольский М. В., историк 8
Докучаев В. В., почвовед 28
Дорн Б. А., востоковед 102, 319
Дубасов И. 145
Дублер Ц. Е. (Dubler C. E.), испанский арабист 265, 320
Дубынин А. Ф., археолог 79, 121, 160

Евпатий Коловрат, легендарный герой борьбы рязанцев с татарами 14, 346, 358, 359
Евпраксия, жена Федора Юрьевича, рязанского князя 238, 239
Евстафий, персонаж из повести о Николе Зарайском 339
Елтук, хан половецкий 342
Еремей Глебович, воевода 358
Ермолай (Ераэм), протопоп, писатель-публицист 15, 16
Ерохин В. С., рязанский краевед 303, 313
Ефименко П. П., археолог 19—21, 25, 33, 40—43, 51, 55, 56, 60, 64, 65, 68, 70—72, 76, 78, 85, 86, 116, 117, 122, 130, 196, 199, 205, 239, 240, 258, 289, 290
Ефрем, игумен 350
Ефросин Святогорец, епископ рязанский 353
Ешевский С. В. 136

Жиганов М. Ф., археолог 138
Жобер П. А. (Joubert P. A.), востоковед 100
Жуков Б. С., археолог и антрополог 69

Зверев С. Е. 97
Зейпель А. (Seippel A.), норвежский арабист 100
Зеленин Д. К., этнограф 136, 137
Знойко Н., историк 306
Зограф А. Н., нумизмат 47
Зорин Д. М. 264
Зубков В. И., рязанский краевед 54, 58, 86, 93, 156, 162, 198, 201, 204, 245, 318

Ибн Даста (ибн Русте), см. Абу Али Ахмед ибн Омар
Ибн Фадлан — см. Ахмед ибн Фадлан
Ибн **ал-Факих**-ал-Хамадани, арабский географ (конец IX — нач. X в.) 80, 105
Ибн Хаукал см. Абу-л-Касим (Мухаммед) ибн Хаукал
Ибн Хордадбех см. Абу-л-Касим Убайдаллах ибн Абдаллах
Иван Андреевич Долгий, рязанский тысяцкий 10, 346
Иван Грозный, царь 16, 245
Иван Васильевич III, в. кн. московский и всея Руси 311
Иван Иванович Коротопол, князь рязанский 164
Иван Юрьевич, князь 342
Иванов А. 20, 117, 118
Ивор Мирославич, рязанский воевода 346
Игорь Глебович, князь рязанский 10, 341, 351
Игорь Давыдович, князь 10, 342
Игорь Святославич, князь 342
Игорь Ярославич, князь 336
ал-Идриси, см. Абу Абдаллах Мухаммед ибн Мухаммед
Иероним, архимандрит (И. С. Алякринский) 14, 163
Изяслав Андреевич, князь 338
Изяслав Владимирович., сын Мономаха, князь курский, потом муромский 309, 334, 340, 345, 353, 354
Изяслав Глебович, князь переяславский 341
Изяслав Мстиславич, князь киевский 248, 342, 343
Иков К. 20
Иконников В. С., историк 9, 11, 12, 25
Иловайский Д. И., историк 6, 9, 15, 23—26, 102, 134, 189, 196, 197, 201, 216, 219, 336, 342, 343, 346, 358, 359
Ильин А. А., нумизмат 92, 94, 312, 313, 315, 316
Ильин М. А., искусствовед 164, 166
Ильин Н. Н. 308
Илья Муромец, герой былины 308, 309
Игварь Игоревич (Ингваревич), князь рязанский 13, 345, 346, 353, 355, 358, 359
Иоанн, митрополит 352, 353
Иоанн II Комнин, император византийский 316, 317
Иоанн Цимисхий, император византийский 162, 312, 317, 318
Иордан, готский историк 88
Иосиф, хазарский каган 95, 106
ал-Истахри, см. Абу Исхак ал-Фариси
Йакут (Якут) ибн Абдаллах ар-Руми ал-Хамави, арабский ученый-энциклопедист, автор географического и биографического словарей (ок. 1179—1229) 99, 103, 109, 112

Калайдович К. Ф., историк 17, 36, 219, 220, 302
Каллистратов Н. А. 264
Карамзин Н. М., историк 15, 23, 25, 136, 196, 311, 318, 359
Карасик А. М. 103
Каргер М. К., археолог 96
Кассиодор, готский историк 88
Квашнин-Самарин Н. Д. 15

Кизевальтер Л. (Kiesewalter L.), зоолог 371
ал-Кинди, см. Мухаммед ибн Иусуф
Кир-Михаил, пронский князь 231, 353, 354
Кириков С. В. 266, 267
Кирьянов А. В. 260, 262
Киселев С. В., археолог 67
Китайцев И. А. 74
Клетнова Е. Н., археолог 285
Ключевский В. О., историк 7, 15, 136, 138, 308, 330—332
Ковалевский А. П., Востоковед 108, 110, 111, 112, 319
Ковальский К. (Kowalski C.), польский востоковед 107
Козлов В. В. 374
Козловская В., археолог 285, 286
Козьма III, герцог тосканский 266
Козьма Родивонович, воевода 354
Коковцев П. К., востоковед 16, 95, 106
Колчин Б. А., археолог 178, 179, 260, 268, 326
Комарович В. Л., историк древнерусской литературы 13, 15, 359
Константин, рязанский тысяцкий 10, 338, 346
Константин, новгородский посадник 333
Константин Владимирович, князь рязанский 152, 206, 255, 355
Корзухина Г. Ф., археолог 81, 84, 92, 94, 303, 316, 335
Костржевский И., польский археолог 285
Котляревский А. 110, 284, 285, 288
Крамерс И. Х. (Kramers J. H.), голландский арабист 99, 100
Крачковский И. Ю., арабист 16, 89, 99
Крейтон В. Н., археолог 36, 44, 81, 234
Кудрявцев П. Ф. 147
Кудряшов К. В., историк 231, 232, 311, 312
Кузнецов П. С., языковед 113
Кузнецов С. К. 115
Кукша, монах 255
Курбский А. М., князь 117
Кусаков О. Л. 93
ал-Куфи, Абу Мухаммед Ахмад ибн Асам, арабский географ 105
Куфтин Б. А., археолог и этнограф 74, 98, 117, 119—121, 257, 258, 288
Кухаренко Ю. В., археолог 82
Кушелев-Безбородко Г. 16

Ламбин Б., библиограф 26
Ламбин П., библиограф 26
Лебедева Н. И., этнограф и археолог 19, 36, 39, 41, 64, 74, 86, 114, 116, 119, 121, 126, 127, 130, 137, 138, 147, 148, 159, 193, 198, 215, 295, 296, 338, 339
Левашова В. П., археолог 258, 259
Левицкий Т. (Lewicki T.), польский востоковед 16, 85, 88, 89, 100, 112, 320, 321
Лециевский Я. (Lecijewski J.), польский ученый 161
Линдеман И., коломенский краевед 236
Лихачев Д. С., историк и литературовед 11, 14, 15, 161, 309, 339, 352, 353, 359
Лихачев Н. П., историк и искусствовед 302, 304, 321, 322, 323
Локтюшов С. А., археолог 19, 68
Лучицкий И. В. 321
Лыткин В. Л. 117
Любавский М. К., историк 8, 30
Любомиров П. Г., историк 95
Любомудров Н. В., священник, рязанский краевед 17, 18, 43, 44, 51, 134, 135, 167, 197, 199, 206, 218, 220, 226, 230, 231, 233, 235, 246, 249
Ляликов Ф., рязанский краевед 17, 232
Ляпуновы, рязанские дворяне 152
Ляпушкин И. И., археолог 60, 158

Майков Л. 30
Макаренко Н. Е., археолог 20, 60, 118
Макарий, архимандрит 24, 353
Макаров М. Н. 17, 134
Макушин Н. П. 138
Малинина М. Д., этнограф 121
Малиновский А. Ф. 36
Мальм В. А., археолог 266
Мансуров А. А., археолог и библиограф 18, 19, 21—23, 26, 40, 42—44, 56, 57, 74, 86, 93, 152, 208, 209, 212, 218, 220, 230, 232—234, 282, 284, 289
ал-Марвази, см. Абу-л-Аббас Джа'фар ибн Ахмед
Марк, поп Ильинской церкви в Рязани 164, 165
Маркварт И. (Marqaurt J.), востоковед 85, 88
Марков А. К., нумизмат 90—94, 96
Мартынов М. 327
Маслова Г. С., этнограф 114, 116, 138
ал-Масуди, см. Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусейн
Матвей, митрополит киевский 354
Матфей Андреевич, рязанский тысяцкий 11, 246, 346
Медведев А. Ф., археолог 266
Межов В. М., библиограф 26
Миккола И. И. (Mikkola I. I.), финский ученый 88, 117
Миклухо-Маклай Н. Д., востоковед 318
Милонов Н. П., археолог 19, 21—23, 57, 86, 87, 117, 127, 147, 148, 152, 159, 162, 166—168, 207—209, 212—214, 228, 230, 232, 234—237, 245, 258, 269, 283, 284, 339
Милорадович О. В., археолог 300
Милюков П. Н., историк, лидер партии кадетов 192, 242, 243
Минорский В. Ф. (Minorsky V.), востоковед 16, 85, 89, 105, 320, 324
Михаил, архимандрит 16
Михаил Всеволодович, князь черниговский 249, 358
Михаил (Михалко) Юрьевич, сын в. кн. Юрия Владимировича, в. кн. суздальский 348, 349
Монгайт А. Л., археолог 17, 19, 22, 23, 25, 37, 46, 49, 54, 58, 79, 81, 98, 125, 129, 135, 149, 151, 168, 172, 179, 190, 198, 200, 224, 248, 265, 272, 273, 284, 300, 303, 304, 306, 319, 322, 324, 326, 328, 335, 343, 362, 363, 376
Мордтман И. (Mordtmann I. H.), немецкий востоковед 104

Мстислав, сын Андрея Боголюбского, князь тмутараканский 340
Мстислав Владимирович, князь новгородский, позднее в. кн. киевский 334, 335, 337, 345
Мстислав Давыдович, князь смоленский 341
Мстислав Ростиславич, князь 348—350
ал-Мукаддаси, см. Шамс ад-дин Абу Абдаллах Мухаммед ибн Ахмед Мухаммед ибн Иусуф **ал-Кинди**, арабский историк и географ (895—961) 89, 106

Надеждин Н. И., историк 195—197
Наджиб Хамадани, персидский писатель XII в. 110, 318, 319
Насимович А. А. 374
Насонов А. Н., историк 11, 25, 144, 145, 196, 246, 255, 346, 349
Наср ибн Ахмед (914—943) 92, 93
Неволин К. А., историк 195—197
Неклюдов В. М. 312
Некрасов А. И., искусствовед 335
Неринг А. (Nehring A.) 367
Нефедов Ф. Д., археолог 21, 118
Нидерле Л. (Niederle L.), чешский археолог 82, 102, 160
Низами, поэт 319, 323
Никитин А. В., археолог 64, 65, 198
Никола Зарайский (Заразский) 14, 339
Норцов А. 246
Нэбе М., немецкий ученый 285

Оглоблин Н. Н. 303, 316
Олеарий А., немецкий ученый и путешественник 266
Олег Владимирович, князь рязанский 194, 195, 216, 334, 335, 346, 347, 353 354
Олег Иванович, в. кн. рязанский 14, 249, 267, 344, 358
Олег Ингваревич (Ингоревич), князь рязанский 12, 13
Олег Святославич, князь черниговский 309, 335, 336, 339, 340, 345, 347, 349
Олстин, боярин рязанский 346, 350
Ольга, княгиня 255
Ольденбург С. Ф., востоковед 319
Орешников А. В., нумизмат 321, 323
Орлов А. С. 16
Осипов В. В. 273
Ослядюк, посадник Давыда Муромского, 353
Оттон I, германский король, император «Священной Римской империи» 312, 317
Оттон III, император «Священной Римской империи» 312

Пархоменко В. А., историк 102, 104, 113
Пахомов Е. А., нумизмат 93, 94
Перлов И. П. 21
Петр, герой «Повести о Петре и Февронии» 15—16, 266
Пимен, митрополит 239, 311
Пискарев А. Н. 17, 166, 333
Платонов С. Ф., историк 8, 16, 136, 353
Погодин М. П., историк 7, 17, 134, 144, 164, 196, 197, 331
Покровский М. Н., историк 8
Поливанов А. 20
Попов А. П. 117
Порфирий, епископ черниговский 10, 350, 351
Прасолов Л. И. 28, 29
Пресняков А. Е., историк 331, 333, 346, 358
Приселков М. Д., историк 10—12
Проходцев И. И., рязанский краевед 21, 36, 64, 86, 242, 244, 298
Пугаченкова Г. А., археолог 326
Пургас 144, 246
Пуреш 246
Рабинович М. Г., археолог 172, 278, 280, 288

Раппопорт П. А., археолог, 146, 235
Ржига В. Ф., историк 15, 303
Рейно М. (Reinaud M.), востоковед 102
Рейтенфельс Яков, путешественник 266
Рискупорид, боспорский царь (315—332 гг. н. э.) 47
Рожер II, король Сицилии 99
Розанова М. А. 57
Розен В. Р., русский востоковед 103
Розенберг Ф. А. 319
Роман Всеволодович, князь 10
Роман Всеславич, князь полоцкий 336
Роман Глебович, князь рязанский 338, 341, 349—351, 353
Роман Игоревич, князь рязанский 163, 194, 195, 236, 341, 353, 355, 358
Романов Б. А., историк 344
Россова А. М., этнограф 288
Ростислав, сын Рюрика Ростиславича 230
Ростислав Мстиславич, князь смоленский, потом в. кн. киевский 343
Ростислав Святославич, князь 355
Ростислав Юрьевич, сын Юрия Долгорукого, князь переяславский 342
Ростислав Ярославич, князь рязанский 10, 235, 336, 338, 342, 343
Рыбаков Б. А., археолог 80, 82, 84, 97, 100, 102, 122, 142, 157, 193, 268, 271, 284—289, 291, 321, 323
Рыдзевская Е. А. 332
Рыков П. С., археолог 79, 228, 234
Рюрик Ростиславич, князь новгородский и киевский 230, 233, 352

Саблин М. А. 238
Савельев П. С., востоковед 101, 103, 108, 109
Савенко Ф., историк 25
Савков И. В., археолог 135
Савромат IV, царь боспорский 47
Святополк Владимирович, князь киевский 13, 247
Святополк Изяславич, в. кн. киевский 247, 336
Святослав Глебович, князь пронский 10, 206, 351, 353
Святослав Игоревич, князь киевский 122, 123, 256, 306—308
Святослав Ольгович, князь новгородский и черниговский 11, 206, 309, 310, 323, 342, 350, 351, 353

Святослав Святославич, князь 355
Святослав Ярославович, в. кн. киевский 333, 334, 336
Святослав Ярославич, князь муромский 342
Селиванов А. В., рязанский краевед 18, 20, 22, 25, 36, 44, 73, 86, 130, 150, 160 164, 166, 192, 193, 317
Селищев А. М., языковед 136
Семенов-Тян-Шанский В. П., географ 29, 148, 149
Семенов-Тян-Шанский П. П. 216
Сенегов И. 246
Серебренников Б. А., языковед 70
Серебрянский Н. 248
Середонин О. М., историк 203
Сидоров В. Н., языковед 137
Сизов В. И., археолог 97, 156, 161, 284
Скрипиль М. О., историк древнерусской литературы 15, 266, 346
Слатинеану Барбу (Slatineanu Barbu), румынский археолог 291
Смирнов А. П., археолог 31, 32, 70, 76, 79, 298, 304, 327
Смирнов П. М. 289
Смирнов П. П., историк 102
Смирнова Г. П., археолог 290
Соболевский А. И., историк 102
Соколов Н. Н. 136, 137
Соловьев Е. Г. 290
Соловьев С. М., историк 7, 136, 144, 330, 331
Солодовников Д. Д., рязанский краевед 19, 173
Сотникова М. П., нумизмат 288, 289, 313, 316, 317
Спасский И. Г., нумизмат 319
Спицын А. А., археолог 18, 20, 21, 51, 70, 78, 80, 84, 86, 110, 111, 113, 118, 128, 130, 192, 199, 220, 235, 243, 247, 332
Срезневский И. И., историк славяновед 14, 85
Стасов В. В. 110
Стаханов П. П., рязанский краевед 93
Степанов П. Д., археолог 116, 144
ат-Табари, арабский историк и богослов (838—923) 85

Тагай, ордынский князь 249
Тальгрен А. М. (Tallgren A. M.), финский арабист-историк 100
Тальгрен-Туулио О. (Tallgren-Tuulio O. Y.), финский востоковед 100
Талько-Грынцевич Ю. Д., антрополог 113
Танфильев Г. И. 30
Татищев В. Н., историк 12, 14, 23, 230, 235, 245, 246, 327, 328, 330, 331, 334, 336, 339, 340, 346, 349—352, 354
Темирхозя, печенежский богатырь 10, 338
Тиберий Юлий Рискупорид V, царь боспорский 47
Тизенгаузен В., востоковед 110
Тихомиров Д., археолог любитель 22—24, 216, 219
Тихомиров И. 9
Тихомиров М. Н., историк 142, 146, 248
Тоган (Togan, A. Zeki Validi), востоковед 102, 105
Токарев С. А., этнограф 148
Толстов С. П., археолог, этнограф и историк 136, 137
Травчетов Н. П. 15, 248
Третьяков П. Н., археолог 19, 25, 32, 43, 51, 60, 64, 66, 67, 68, 70, 71, 76, 78, 80, 85, 86, 122, 124, 127, 128, 199, 239, 240
Трофимова Т. А., антрополог 131
Трубникова Н. В., археолог 20, 31, 32, 33
Трутовский В. К. 321, 322
Туманский А. Г., востоковед 16, 99, 100 105, 107
Турчанович Л. Ф. 30
Тышкевич К. П. 284

Уваров А. С., археолог 285
Уваров Ф. А. 20
Устрялов Н. Г. 117

Фасмер М. (Max Vasmer), языковед 115
Фасмер Р. Р., нумизмат 91—93, 95—97
Февронья, героиня «Повести о Петре и Февронии» 266
Федор Юрьевич, князь рязанский 11, 238
Федоров А. Ф., спасский краевед 20, 46, 47, 93, 95, 315, 316, 321
Феогност, митрополит 13, 145, 338
Филипченко Ю. А., зоолог 373, 374
Формозов А. Н., зоолог 374
Фосс М. Е., археолог 19
Френ Х. Д. (Frähn Ch. M.), востоковед 101, 103, 110

Хамадани Наджиб, см. Наджиб Хамадани
Хаммер И. (Hammer J.), востоковед 318, 319
Хампель И. (Hampel I.) 82
Ханенко Б. Н. и В. И. 303
Харузин Н. Н., этнограф 138
Харун-ар-Рашид, арабский халиф из династии Аббасидов 93
Хасдай ибн Шафрут, еврейский санов ник X в. 95, 106
Хвольсон Д. А., востоковед 16, 102, 104
Хованская О. С., археолог 326
Ходаковский З. Д., историк 220, 248, 306
Ходота, вятический племенной князек 108, 256
Храбр, черноризец 161
Хрбек И. (Hrbek J.), востоковед 100, 102, 104, 106, 107, 265, 267, 320

Цалкин В. И., зоолог 263, 264, 362, 363

Чепурковский Е. М., антрополог 113, 137
Черепнин А. И., историк и археолог 18, 20—22, 44, 46, 73, 77—80, 84, 86, 92, 93, 95, 130, 166, 192, 207, 215, 233, 234, 242, 298, 303, 312, 313, 315—318, 321 322, 327
Черепнин Л. В., историк 146, 345
Черногорский К. (Černohorsky K.) 290
Чернышов В. 136
Чернягин Н. Н., археолог 19, 51

Шамбинаго С. К., литературовед 14
Шамс ад-дин Абу Абдаллах Мухаммед ибн Ахмед ибн абу Бекр **ал-Мукаддаси** (ал-Макдиси) ал-Банна аш-Шами ал-Башшари, арабский географ и путешественник (946/7 — ок. 1000) 89
Шамс ад-дин Мухаммед ибн абу Талиб **ад-Димашки** (ас-Суфи), арабский космограф (1256—1327) 99, 105
Шафарик И. (Schafarik J.), чешский историк 88
Шахматов А. А., филолог и историк 9, 25, 98, 101, 103, 113, 114, 121, 122, 131, 135, 136, 306, 308
Шиманский М. 173, 333
Шляпкин И. 16, 353
де Шодуар С. 313

Щеглов Д., историк 101, 103
Щекатов А., географ 23, 245
Щепкин В. Н. 302

Экземплярский А. В., историк 25, 347, 358, 359
Эпштейн Е. М. 161

Юрий Владимирович Долгорукий, в. кн. суздальский 7, 10, 133, 245, 310, 331, 342, 343, 347
Юрий Всеволодович, в. кн. владимирский 15, 328, 341—343, 354
Юрий Игоревич (Ингваревич), князь рязанский 353, 355, 357—359
Юрий Ярославич, князь муромский 336, 340
Юшков С. В., историк 102

Ягич В., чешский лингвист 161
Якимович Р. (Jakimowicz R.) 87,96
Якобсон А. Л., археолог 176, 324
Яков Деденков, воевода рязанский 10, 346, 350
Якубовский А. Ю., археолог 326
Якут, см. Йакут
Янин В. Л., историк 90, 92, 93, 95, 96, 317, 320—323
Янина С. А., нумизмат 208
Ярополк Ростиславович, князь 144, 345, 348—350
Ярослав, князь пронский 11, 206
Ярослав Владимирович Мудрый, князь киевский 333, 351
Ярослав Всеволодович, сын в. кн. Всеволода Юрьевича, в. кн. владимирский 165, 345, 352, 354
Ярослав Святославич, князь 10, 165, 335, 336, 341, 344
Ястребов В. Н. 20
Яхонтов С. Д., рязанский краевед 17, 18, 207

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ[1]

Абловское городище 56, 64, 66
Азов, г. 311
Азовское море 88, 306
Аксеново, с. 240
Аксеновские курганы, см. Палецкие курганы
Алеканово, с. 86, 124, 157—162, 269, 272, 300
Алекановский могильник 157
Алекановское селище 154, 158, 269, 271
Александрия, г. в Египте 112
Алпатьевское городище 31, 40, 54, 86
Алпатьевское селище 239
Андреевка, р. 194
Анишкинское городище 80
Антиохия, г. в Сирии 112
Апоничищи, с. 242, 244
Апоничищихинские курганы 21, 242
Арестовское, с. 14
Арзамас, г. 115
Аркона, г. 102
Армения 101
Армиевский могильник 79
Армыжевское селище 246
Арсания, см. Артания
Арт (Арта), г. 98—104, 106, 108
Артания 16, 98—104, 106—108, 11, 112
Архангельск, г. 332
Архангельская губ. 290
Арцыбашево, с. 81—83
Арцыбашевское погребение 78, 81—84
Атель, см. Итиль

Бабенка, р. 74
Багдад, г. в Месопотамии 99, 112
Балтийское море 87—90, 310
Барвихинское городище 32
Баскач, с. 92
Белая, р. 105, 199
Белая Вежа, г. 111, 123, 124, 307
Белгород-Рязанский, г. 10, 143, 146, 206, 216, 217, 219, 250, 275, 345, 346, 354
Белев, г. 93, 95
Белоомут (Белый Омут), с. 31, 92, 303, 327
Белоруссия 131
Белъград (град Бел), см. Белгород-Рязанский
Береза, с. 93
Беседы, с. 80
Биляр, г. 341
Бобруйск, г. 146
Бобыли, с. 93
Богослово, д. 67
Болва, р. 305
Большая Ворона (Великая Ворона), р. 10, 145, 338, 339, 350
Больше-Пироговское городище 86
Большое Боршевское городище, см. Боршевское городище
Бордаково, с. 315
Борисов-Глебов, г. 54, 143, 154, 164, 189, 195, 197—199, 341
Борисово, с. 199
Борисоглебская епархия, см. Рязанская епархия
Борисово-Глебское (Вакинское, Романово-Борисово-Глебское), городище 20, 23, 31, 51, 53—56, 66, 74, 86, 128, 129, 147, 154, 197, 199, 200, 269, 273
Борисово-Глебское I, селище 53, 154, 200, 251, 269, 273, 282
Борки, с. 35, 68, 74, 76, 86, 92—94, 156—158, 162, 167, 250, 269, 322, 324
Борковский затон 156
Борковский могильник 20, 43, 69, 72, 74, 78—80, 84, 86, 92, 109, 111, 160, 161, 277
Борковский остров 153, 154, 321, 322
Борковское селище 87, 93, 154—157, 162, 269, 271, 282, 295
Боросенок, д. 92
Борок, дюна 157
Боршево, с. 85, 97
Боршевское городище 60, 124, 240
Бронницкий район 133
Брянск, г. 309
Будапешт, г. 107
Буковское селище 239
Булгар (Болгар, Болгары великие), г. 89, 90, 92, 95, 96, 105—108, 111, 112, 265, 267, 305, 310, 319, 326, 327, 339, 348, 351, 365
Булгария (Волжская Булгария) 98, 108, 298, 304, 327, 328, 339—341

[1] Принятые сокращения: г.— город; губ.— губерния; д.— деревня; обл.— область; р.— река; с.— село.

Булгары (Болгары Волжские) 16, 95, 96, 103—105, 246, 307, 327, 328, 331, 334, 337, 341
Буртасы, племя 16, 95, 104, 307
Быковское селище 284
Быстрица, р. 205
Быстрое озеро, см. Карасево озеро

Вазуза, р. 310
Вакино, с. 32, 51, 197
Валтусово (Казарское), озеро 57, 201
Ватренищенские курганы 119
Вашкевичи, городище 60
Венгрия 82, 265
Венев, г. 145
Верда, р. 21, 23, 86, 228, 234, 311
Вердерев, г. 146
Верхнее Салтово 127
Византия 89, 123, 318, 324
Виноградовский район 133
Витебск, г. 310
Владимир, г. 8, 20, 25, 91, 126, 130, 133, 165, 248, 275, 279, 310, 334, 348—351, 353, 354, 358
Владимиро-Суздальское княжество 9, 237, 245, 247, 337, 347, 348, 351
Владимировское ополье 28
Владимирская губ. 118, 136, 137
Владимирская обл. 20, 70, 117, 122
Влена, р. 346
Вобля, р. 43, 239, 240
Вожа, р. 64, 65, 67, 195—198, 205
Вожская засека 149, 198
Вознесенка, с. 82
Воино, г. 145, 248, 249
Воинское озеро 249
Волга, р. 31, 69, 79, 85, 88—90, 95, 96, 102—106, 112, 115, 122, 123, 128, 265, 305—308, 310, 312, 327, 328, 330, 332, 339, 340, 374
Волго-Окское междуречье 7, 69, 70, 139
Волок Ламский 310
Волоста, р. 310
Волочек, с. 310
Волхов, р. 310
Волынь 85, 328
Воронеж, г. 30, 311, 345, 350, 358
Воронеж, р. 85, 144, 145, 238, 267, 311, 337, 338
Воронежская обл. 115, 124
Воронежь, см. Воронеж
Восточная Европа 8, 78, 82, 90, 95—98, 100, 101, 106—108, 112—114, 117, 122, 136, 137, 255, 258, 265, 271, 303, 312, 360, 363, 370, 374
Вуколов бугор, городище 31, 40, 42—44, 74, 86
Вщиж, с. 288
Вырыпаевские курганы 119
Вышгород, г. 124, 139, 197, 259—262, 275, 332, 357
Вышгород, с. 19, 41, 196, 205
Вышгородское городище 31, 40—42, 66, 74, 79, 86, 154, 196, 205, 273, 292—294
Вышгородское I, селище 205, 258, 259
Вышгородское II, селище 205
Вялсы, с. 245
Вятичи, племя 85, 95, 97, 98, 106—109, 113—115, 121—124, 127—132, 134, 137—139, 160, 192, 193, 240, 247, 254—256, 258, 271, 306—308, 329, 333, 342, 360
Вяцкое, с. 92

Гавердово, с. 20
Гавердовский (Пальновский) могильник 84
Гавердовское городище 32, 65
Гавриловское, с. 93
Галина, р. 21, 23, 86, 230
Галинское селище 284
Галич, г. 10
Глебов, г. 145
Глебовское (Глебово) городище 65, 154, 197, 198
Глухово (Богородское), с. 91
Гневна, гора 87, 206, 211—215, 269
Гневненский могильник 212
Горки, с. 239
Городенка, р. 238
Городец, с. 19, 31, 33, 67, 197, 205, 216
Городец Мещерский 245
Городецкие городища 31, 32, 37, 60, 66, 67, 72, 76, 115
Городецкое городище 33—36, 44, 66, 69, 127
Городище, с. 91, 216, 237
Городищенские курганы 21, 215
Городищенское II, селище 205
Горький, г. 95
Горьковская обл. 115
Готланд, о. 90, 96
Гродно, г. 298
Гручина, с. 92
Гусевка, р. 37, 189, 190, 195, 196
Гусь р. 28, 120, 130, 148

Дадур, р. 120
Дания 102
Дашковское городище 86
Дашковское селище 162
Двина, р. 310
Дегтяное, с. 20, 93, 152
Дегтянский (Закопищенский) могильник 80
Дегтяные Борки, с. 126
Дедилово, с. 144, 197
Дедново, с. 302
Дедославль, г. 309
Демидово, с. 296
Денисовка, д. 234
Денисовское городище 86, 233
Десна, р. 95, 97, 305, 307—309
Дикое Поле, урочище 249
Днепр, р. 96, 306, 308, 310, 321, 339
Днепровская лука 122
Добрый Сот, с. 149, 152, 353
Дон, р. 28, 30, 71, 80—82, 84, 85, 95, 97, 98, 105, 114, 121—124, 132, 139, 144, 145, 158, 230—232, 272, 306—309, 311, 312, 329, 337—339
Донец, р. 96, 312
Донков, г. 311
Дорогобуж, г. 310
Дрогочин (Дрогочин Надбужский, г. 321
Друцк, г. 348
Дубечин, г. 146
Дубки, д. 232
Дубок (на Дону), г. 146, 206, 232, 309

Дубровичи, с. 20, 74, 86, 93, 157, 272
Дубровичский могильник 20, 47, 79
Дубровичское городище 66
Дубровичское селище 154, 157, 272, 282
Дубровка, д. 47
Дубровский могильник 20, 68
Дуна, городище 78, 80, 91
Дунай, р. 123
Дунай, ручей 166
Дунин Ржавец, р. 269
Дьяковские городища 32
Дядьково, с. 204
Дядьковское (Богатырское дворище) городище **86**, **205**
Дядьковское селище 154, 204, 205
Дятловское городище 154, 189, 190, 194

Евпатория, г. 102
Европа 79—96
Египет 326
Егорьевский район 133
Егорьевский уезд 20, 118
Екшур, с. 120
Елатьма, г. 119
Елец, г. 10, 11, 249, 309, 311, 342
Елшино, с. 57
Елшинское (Чертово) городище 56, 233
Ерахтур, с. 120
Еремеевский могильник 68
Ерзания, см. Артания
Ершово, с. 244
Ефановский могильник 121

Жабок, с. 20, 118
Жабкинский могильник 118
Железницкий клад 78, 84, 97, 98
Железницы, с. 84, 92
Желема, р. 238
Жиздра, р. 80, 256, 306
Жокино, с. 226
Жокинское городище 23, 147, 226—229, 249, 251, 264, 273, 276, 284, 287, 294, 356, 357, 375
Жрака, р. 216—218, 226, 269

Завальские курганы 21, 215
Закавказье 306
Заколпинский (Заколпский) могильник 20, 117, 118, 120, 136
Заокское селище 162
Заонежье 332
Западное Поволжье 67, 71, 72, 115, 117
Запорожье 82
Заразинское селище **232**
Заразск, см. Зарайск
Зарайск, г. 25, 30, 84, 197, 236, 238, 242
Зарайские курганы 21, 130, 216, 236, 241, 243, 244
Зарайский район 240
Зарайский уезд 20—84
Зареческ, г. 145
Засеченские курганы, см. Харьинские курганы
Засечная черта 64, 65, 198
Засечье, с. 21, 130
Земляной Струг, городище 74, 86
Золотая Орда 324
Золотча, р. 336
Зуша, р. 80, 256

Ибердус, с. 120
Ивановская обл. 70
Ижевский район 374
Ижевское (Ижеславль), с. 219, 220
Ижеславец (Ижеславль), г. 146, 206, 217, 219, 226, 229, 250, 276, 324, 356, 357
Ижеславльское городище 23, 147, 206, 220—228, 251, 262—265, 269, 273, 277, 284—287, 290, 291, 375
Ижицкое (Жиславское, Жислав, Ижеславль), см. с. Новорождественское
Ильмень, озеро 127, 310
Ирак 326
Иран 306, 326
Исады, с. 67, 149, 152, 164, 316, 355
Истья, р. 269
Итиль, см. Волга

Кавказ 84, 312, 335
Кадом, г. 144, 244, 246, 346, 356
Кадомский район 144
Кадь, р. 269
Казань, г. 82, 92, 138
Казарские селища 154, 203, 204, 251, 273, 282
Казарское городище 20, 23, 31, 57, 59—61, 63, 64, 66, 69, 74, 79, 86, 147, 154, 200—202, 249, 269, 273, 375
Казарь, г. 10, 201—203, 249
Казарь, р. 302, 313
Казарь, с. 57, 201, 203, 204
Казарь, с. б. Тульской губ. 203
Калининский район 236
Калитинское селище 162
Калуга, г. 267
Калужская губ. 74
Калужская обл. 126
Кама, р. 20, 78, 80, 84, 86, 88, 104, 109
Каменоватый, остров на Днепре 321
Карабчевка, с. 238
Карабчевское городище 86, 238
Карасево озеро 165, 172
Карачев, г. 232, 309, 342
Каргашинские курганы 160
Касимов, г. 17, 19, 21, 28, 31, 74, 120, 126, 244—246, 289
Касимовская возвышенность 71
Касимовская известняковая гряда 148
Касимовские курганы (близ с. Парахино и Поповой) 21, 130
Касимовский район 245
Касимовский уезд 21, 118
Каспийское море 88, 89, 112, 305—307
Катышево (Подболотня), с. 91
Кафа, г. в Крыму 311
Кашира, г. 144
Каширское городище 32
Кердь, р. 231, 269
Керченский пролив 306, 307
Киев, г. 8, 10, 25, 90, 95, 96, 101, 104, 105, 157, 230, 251, 255, 256, 265, 275, 305—310, 317—321, 323, 327, 328, 330, 331, 333, 334, 337, 339, 342, 348, 351, 357
Киевская земля 128, 139, 192, 193
Киевская Русь 7, 258, 271, 272, 321, 329, 331, 337, 360
Киевское княжество 333, 337
Кир-Михайлов, г. 145, 230, 232
Кисьва, с. 232

Кисьвянское селище 231, 232, 251, 283, 284
Китай 88, 89
Кишня, р. 33, 216
Клязьма, р. 28, 90, 91, 95, 247, 305, 310, 311, 330, 356
Княжа гора, городище 275
Княжовский курган 130
Княжое, с. 130
Козельск, г. 91, 309
Козлов, см. Мичуринск
Козловка, д. 242
Козловские курганы 21, 244
Колокша, р. 335, 346, 349
Колдамышевское селище 245
Коломенка, р. 237
Коломенская земля 133
Коломенский район 133
Коломна, г. 28, 133, 144, 194, 197, 198, 216, 236—238, 246, 269, 310—312, 341, 343, 349, 351, 352, 354, 356, 358
Колонецкие селища 232
Колпь, р. 120, 148
Колтеск, г. 144
Колтово, с. 144
Конищево, с. 20, 34, 79, 92, 312
Конищевское городище 31, 34, 35, 66, 76
Конищевское селище 162
Конобеевский район 121, 296
Константинополь, г. 311
Копаново, с. 244—246
Копонов, г. 152, 245, 246
Кораблино, с. 93, 204
Кораблинское селище 154, 204, 205
Коринский могильник 115
Корнике, г. 146
Корниловский могильник 96, 121
Коростово, с. 92, 312, 317
Коростовский клад 95
Корсунь, г. 14, 339
Кострома, г. 95, 145
Костромская обл. 70
Которосль, р. 310
Кочур, р. 232
Кочуровское, с. 232
Кошибеевский могильник 47, 51, 71, 74, 76, 79, 109
Краснодар, г. 335
Красное, с. 126
Кривель, с. 93
Кривичи, племя 113, 115, 122, 123, 127, 130—132, 134, 136, 138, 139, 193, 247
Кривошеинские курганы 21, 242
Кривцово, с. 249
Кривцовское городище 249
Крилатеск, г. 145
Кричино, озеро 67
Крым 102, 306
Кубань, р. 307, 335
Кузьминский могильник 73, 74, 78—80, 84, 109, 111
Кузминское, с. 20
Кулаково, с. 20
Кулаковский могильник 20, 80, 84, 95, 316
Кулатеск, г. 145
Кунаково, с. 92
Куня-Ургенч, г. 326
Курманово, с. 20
Курманский могильник 20, 43, 72, 74, 79
Курск, г. 95, 305, 309, 334
Кутуково, д. 302, 316
Куяба 99—103

Ладожское озеро 88, 310
Лама, р. 310
Лапотково, с. 93
Ласково, с. 266
Лесная, р. 267
Лесная Веркуша, р. 92
Лесниково, с. 91
Лесное Ялтуново, д. 245, 296
Лесное-Ялтуновское селище 245
Ливны, г. 311
Липецкая засека 149
Листань, р. 39, 204
Лихаревское городище 147, 206, 228—230, 269
Ловать, р. 310
Ловецкие выселки, с. 67
Ловецкое селище 69
Логинов хутор, дюна 92, 312
Ломхвост, г. 146
Лопасня, г. 349
Лубянка, д. 216, 218
Лубянка, р. 216—218
Лубянское городище 23, 206, 216—220, 227, 228, 249, 264, 265, 269, 273, 277, 284, 286, 287, 375
Лукоянов, г. 115
Луховицкий район 239
Луховицкое I (Палецкое), городище 31, 40, 43, 45, 65, 74, 86, 240, 242
Луховицкое II, городище 56, 65
Луховицы, с. 43
Лыбедь, р. 139, 165, 166, 332
Лыковские селища 232, 233, 282, 284
Львов (Льгов), г. 124, 189, 192
Льгово, с. 36, 189, 191, 193, 194, 196
Льговское городище 20, 23, 31, 35, 37—39, 64, 66, 86, 154, 189, 190, 194, 200, 375
Льговское селище 38, 154, 190—192, 194, 251, 269, 273, 274, 282
Ляда, р. 93
Лядинский могильник 20, 298

Маджары, с. 300
Маклаково, с. 232
Маклаковские курганы 228, 234
Маклаковское городище 234, 284
Максимовский могильник 20, 91, 96, 121
Малинский район 133
Малышевский могильник 79, 96
Малявница, городище 32, 56, 64, 68
Маяцкое городище 127
Медведица, р. 85—334
Межигорье, с. 80
Меленковский уезд 20, 136, 137
Мелехово, с. 74
Мелеховское городище 74
Мельниковский уезд 117
Мерв, г. 326
Мервинское селище 162
Меря, народ 70, 88, 116
Мещера, народ 69, 88, 115, 117, 118, 121, 137, 138, 245
Мещерская низменность 20, 374
Мещерская сторона 28, 71, 117, 118, 120, 130, 136, 139, 144, 251, 257, 258

Мещерские могильники 71
Мещерский городец, см. Касимов
Мещерское полесье 149
Микитин на Плаве, г. 146
Митинское городище 32, 65, (Чертов угол) 69, 80, 195
Михайлов, г. 145, 206, 220, 226, 229, 230, 311
Михайловские курганы 130
Михайловский уезд 116
Михневский район 133
Мичуринск, г. 144
Мишнево, с. 93
Могилки, дюна 158, 159
Можайск, г. 310
Моисеево, с. 93
Мокша, р. 30, 144, 149, 246, 247
Мокшинское селище 246
Монастырище, городище 60
Монастырские курганы 21, 215
Мордва, народ 69, 88, 115—117, 135, 138, 149, 246, 272, 273, 331, 337, 341
Мордва — мокша, народ 116, 117, 135
Мордва — эрзя, народ 16, 95, 103, 106, 108, 115, 116, 134, 135, 138
Москва, г. 8, 24, 80, 91, 131—134, 137, 146, 173, 178, 248, 281, 286, 288, 310, 311, 326, 342, 349, 354, 358, 363, 365, 370
Москва-река 71, 80, 95, 144, 236, 310, 311
Московская обл. 133, 236, 239, 290
Мощино, с. 80
Мощинское городище 47, 78
Мста, р. 310
Муранский могильник 79
Муром, г. 10, 15, 16, 30, 91, 95, 117, 121, 134, 147, 244, 245, 247—250, 308—310, 312, 333—336, 339, 340, 342, 343, 345, 347, 353
Мурома, племя 69, 115—117, 121, 135, 137, 138
Муромка, р. 248
Муромо-Рязанская земля 309, 329, 330, 333—336, 339, 344
Муромо-Рязанское княжество 25, 341
Муромские могильники 71, 72, 79, 84, 117, 121
Муромское княжество 28, 248, 347
Мценск, г. 11, 249, 309
Мшанка, с. 234
Мшанский городок 230, 234
Мысца, р. 246
Мячковское городище 86

Нева, р. 310
Недостоевское городище 64, 66
Незнаново, с. 233
Непрядва, р. 311
Неринеск, г. 145
Нерль, р. 90, 310
Нетес, ручей 47
Никитин, г. 44
Никитино, с. 44
Никитинское городище 31, 32, 44, 46, 86
Никитинское селище 152, 284
Нинур, р. 120
Новгород (на Волхове), г. 8, 10, 14, 104, 127, 178, 179, 230, 256, 260, 265, 275, 278, 286, 288—290, 292, 305, 310, 317, 321, 326, 328, 334, 339, 342, 348, 363, 365, 366, 370
Новгород-Северский, г. 309, 335, 342
Новгородок на Осетре, г. 146, 238
Новгородская земля 237
Новинский могильник 118
Новинское селище 234, 284
Ново-Березовское селище 245
Ново-Ольговское городище 147, 150, 151, 195, 229, 273, 277
Ново-Ольговское селище 152
Ново-Покровка, с. 82
Ново-Пудковское городище 32
Ново-Троицкое городище 60
Ново-Киркино, с. 231
Новопокровский могильник 82
Новорождественское, с. 219, 220
Новоселки, с. 32, 39, 40, 189, 191, 194
Новоселковское городище 31, 32, 65, 147, 154, 189
Новый городок Ольгов, см. Ольгов
Новый Донков, г. 232
Носовка, р. 267
Нузла (Нуза), р. 144

Облачинская дюна 67, 68, 149, 152, 316
Огубское городище 47, 78
Ожск, г. 195, 196, 250
Озерский район 133
Озерцы, с. 20, 92
Ока, р. 7, 15, 19—21, 23, 25, 26, 28, 30—32, 34, 37, 44, 47, 49, 51, 54, 55, 64, 67—72, 75, 76, 78—81, 84—87, 89—93, 95—98, 102—106, 108, 109, 111—117, 121—125, 127—131, 134, 137—139, 143, 144, 148—150, 154, 156, 158, 165, 189, 190, 194—197, 199, 200, 203, 204, 216, 219, 236, 238—240, 246—250, 254—257, 265, 267—269, 271—273, 302, 305—309, 311, 312, 316, 320, 321, 324, 327—330, 332—334, 339—341, 343, 352—356, 360, 363, 373, 377
Окско-Донское междуречье 84
Олгов, см. Ольгов
Олонец, г. 332
Ольгов, г. 143, 149, 150, 152, 154, 189, 193—197, 249, 295, 304, 353, 357
Онежское озеро 88
Оноза, см. Онуза
Онуза, р. 357
Осетерский городок 343
Осетр, р. 21, 28, 84, 92, 95, 144, 149, 203, 238, 244, 267, 269
Оскол, р. 311
Осово, с. 21, 244, 356
Осовские курганы 21, 236, 244
Острая лука, с. 47
Остроги, с. 92
Остромино, с. 197
Осьма, р. 310
Отока, озеро 205

Павловка, р. 203
Палецкие (Аксеновские) курганы 236, 240, 242, 272
Палецкое I, городище 32, 44, 66, 69
Палецкое II, городище 32
Пальново, с. 20
Пальновский могильник 20
Пальновское городище 292—294
Пальное, с. 196, 258
Паля, р. 28

Паново, с. 32
Пара, р. 131, 148, 149, 249, 312
Парахино, д. 21, 118
Пастерское городище 80
Пекуновское городище 47
Пензенская обл. 121
Перевитск, г. 145, 197, 236, 239
Перевитское I, городище 147, 239
Перевитское II, городище 86, 87
Перевитское селище 239
Перемиловский могильник 121
Перемчалкинский могильник 115, 116
Переяславль-Рязанский, г. 22, 23, 128, 129, 139, 145, 149, 154, 162—189, 193, 195, 197, 201, 205, 214, 249, 250, 251, 259—262, 264—266, 268, 269, 271, 273, 276, 278—285, 291—300, 302, 305, 311, 312, 321, 322, 324—327, 332, 348, 356, 362—367, 370—376
Переяславль на Трубеже, см. Переяславль Рязанский
Пермь, г. 102
Персия 12
Песцово, с. 300, 301
Пилинка, р. 197
Плотное селище 234
Поволжье 32, 106, 237, 310, 326, 333, 360
Погибловский могильник 115, 116
Погост Ростиславль (Росцеслав, Расчислово), село Ростиславль 236
Подболотня, см. Катышево
Подболотьевский могильник 91, 269
Поднепровье 80, 121, 124, 244, 329, 331, 360
Подонье 85, 121, 124, 127, 139, 272, 329, 360
Покровская гора в г. Пронске 313
Покровское, с. 93
Поленское селище 154
Поленское, с. 204
Половецкое поле, безлесный участок на р. Проне 337
Половское I городище 32
Половское II городище 32
Половское III, городище 32
Полоцк, г. 310
Полтава, г. 102
Польновское I и II городища 56, 64, 69, 258
Польно-Ялтуновский могильник, 116
Польно-Ялтуновское селище 245
Польное Ялтуново, с. 245
Поля, р. 120
Попова, д. 21, 118
Поповские курганы 119
Почега, р. 21
Почепок, д. 47, 80
Пощупово, с. 64
Пояркова, д. 218—226
Пра, р. 120, 127, 130, 138, 219, 267, 269, 354
Пралия, р. 42, 206, 212
Пронеск, см. Пронск
Пронск, г. 21—23, 44, 57, 144, 145, 152, 194—196, 206—208, 210—213, 215—217, 219, 229, 234, 237, 249—251, 258, 261, 262, 266, 268, 269, 271, 276, 283, 284, 286, 294, 300, 309, 311—313, 317, 324—326, 347, 351—353, 356
Пронское Архангельское селище 234
Пронское Ново-Никольское селище 234
Пронское Подгорное селище 234, 284
Проня, р. 10, 21, 23, 28, 42, 44, 57, 86, 87, 130, 143, 148—150, 152, 189, 195, 196, 206, 212, 216, 217, 219, 220, 228—232, 234, 250, 267—269, 282, 283, 311, 312, 337, 353, 356
Протасово, с. 91
Протва, р. 146
Псков, г. 321
Пудковское городище 56, 65
Пургасова волость 144
Пургасово городище 144
Пургасово, с. 144
Пустополки, с. 316
Пустошенский могильник 20, 117—119, 136
Пушкарское селище 234
Пьяноборский могильник 51

Райки (Райковецкое), городище 259, 275, 292
Рака, р. 41, 205
«Раменная», урочище 204
Раменское селище 154, 204
Ранова, р. 28, 127, 130, 138, 311
Рассоха, д. 242, 244
Рассохинские курганы 21, 242, 244
Реберка, р. 197
Рей, г. в Иране 112, 305
Ржавец, р. 269
Рига, р. 21, 310, 339
Родос, остров 334
Романово-Борисоглебское городище, см. Борисоглебское городище
Россия 25, 136, 146, 198, 203, 266, 290, 306, 333
Ростиславль, г. 10, 18, 20, 144, 145, 230, 236, 237, 244, 251, 341, 343, 356, 357
Ростиславльские курганы 130
Ростиславльское городище 147, 235, 236
Ростов, г. 95, 308, 309, 333, 334, 348
Ростовцев, с. 92
Ростово-Суздальская земля 11, 121, 130, 132—134, 144, 309, 310, 330, 331, 341, 342
Ростово-Суздальское княжество 28, 337, 341
Рубцово, с. 189, 191—194
Рубцовские курганы 130, 154, 160, 192, 193, 244, 332
Руднево, с. 269
Рудня, р. 269
Рузский район 240
Русь 6, 8, 10, 12, 14, 16, 29, 30, 90, 97—103, 105—107, 112—114, 131, 138, 142, 178, 216, 251, 255, 256, 259, 266, 268, 292, 298, 313, 317—319, 321, 324, 326—328, 330—332, 346, 350, 356, 363, 366, 371, 374, 376
Русь, народ 98, 104—109, 111, 112
Рюген, остров 102
Ряжск, г. 134, 311
Ряжский район 130
Рязанская губ. 17, 18, 21, 24—26, 29, 30, 36, 44, 57, 68, 81, 84, 86, 87, 95, 116, 118, 121, 130, 134, 137, 148, 165, 198, 219, 228, 300, 316, 333, 338
Рязанская епархия 145, 352, 353
Рязанская земля 6—9, 11, 15, 17, 21—30 85, 87, 90, 95, 98, 115, 117, 121, 124—128, 130, 133—136, 138, 139, 142—146,

148, 149, 160, 193, 196, 206, 216, 218, 219, 232, 234, 236—239, 244—247, 249—252, 256—258, 260, 262, 263, 266—269, 271, 272, 274, 275, 277, 291, 293—295, 298, 300, 302—306, 308, 310—312, 317, 318, 320, 322—324, 328—330, 332, 333, 337—342, 344, 346, 347, 350—357, 359, 360, 363, 365, 367—371, 376
Рязанская обл. 18, 20—23, 25, 57, 67, 70, 116, 117, 121, 126, 127, 137, 142, 146—148, 166, 201, 204, 207, 267, 296, 298, 312, 313, 326, 352, 374, 375
Рязанская сторона 28, 148
Рязанские могильники 71—74, 76, 84, 115, 116
Рязанский край 16, 18—20, 22, 23, 25, 26, 72, 81, 84, 86, 136, 228, 251, 333
Рязанский уезд 21, 333
Рязанское княжество 7, 11, 23, 25, 29, 132, 134, 143, 144, 146, 148—150, 152, 198, 206, 220, 247, 258, 265, 304, 337, 338, 347—350, 355, 356, 358, 360
Рязань, г. 6, 8—13, 15, 17, 19—21, 23—26, 30, 35, 44, 68, 69, 80, 86, 93, 95, 96, 98, 103, 104, 108, 116, 117, 128, 130, 133—135, 144—146, 162, 164—167, 173, 189, 190, 194, 197, 201, 215—217, 219, 226, 232, 237, 245, 262, 265—267, 309—312, 317, 318, 321, 327, 328, 333—345, 347—354, 356—360
Ряса, р. 134, 311
Рясское поле 311

Савелово, с. 91
Саков, г. 336
Сакор-гора, песчаная дюна у села Борки 157, 322
Салаур, с. 120
Самара, г. 72
Самарская лука 79
Самодуровка, с. 126
Санниковское городище 47
Санское, с. 249, 267
Сапожковский уезд 126
Сарай-Берке, г. 326
Саранск, г. 20, 109
Саратов, г. 69
Саркел, см. Белая Вежа
Сарлейский могильник 115
Свинеск, г. 146
Свинчус, с. 120
Свирилеск, г. 144, 349
Северка, р. 238
Северный Донец 337
Северный Кавказ 158
Северо-Восточная Русь 12, 16, 23, 189, 250, 251, 259, 305, 329—331, 356
Северский Донец, р. 306, 312
Северское, с. 349
Седой бугор, городище 249
Сейм, р. 305
Секиотовское селище 162
Семеновское (Высокая гора), городище 86, 259—261, 290
Семион, с. 323
Семионовские селища 232
Сентур, р. 120
Сергачский могильник 79
Серебрянка, р. 44, 46
Серенск, г. 255
Серенское городище 80
Серповский могильник 74, 116
Синецкое селище 162
Синтул, с. 120
Ситково, д. 242
Ситковские курганы 21
Скопин, г. 21, 228, 234
Скопинский уезд 81, 86, 93, 228
Славия 99—102, 104
Славяне, народ 95—97, 103, 107, 122, 124, 138, 139, 148, 149, 160, 161, 247, 257, 269, 271, 360
Смоленск, г. 275, 308, 310, 343, 350, 357
Смоленская обл. 126
Сож, р. 206
Солотча, р. 67, 68
Солотча, с. 67
Солотчинская дюна 67
Солотчинский район 57, 201
Сосенка, р. 40, 64
Сосна, р. 85, 144
Спас, с. 80
Спас-Клепиковская моренная гряда 244
Спас-Перекша, с. 80
Спасск, г. 189, 246
Спасский район 130
Спасский уезд 20, 116
Спасское городище 78, 86
Спасское поселение 66
Средняя Азия 305, 324, 326
Срезнево, с. 20
Срезневский (Дубровский) могильник 20
Старая Ладога, г. 275, 295
Старая Рязань, г. 16—18, 20, 22, 24, 79, 93, 95, 98, 103, 108, 116, 124, 126, 128—130, 135, 143, 147, 149, 150, 152, 154, 164, 178, 189, 197, 208, 214, 224, 226, 236, 249—251, 256, 259, 260, 262—269, 271—276, 278, 284, 291, 293, 295, 298—304, 312, 315, 316, 321, 322, 324, 326, 327, 353, 355, 357, 363—367, 370, 374—376
Старо-Березовское селище 245
Старо-Донковское городище 232
Старо-Кадомский могильник 71
Старо-Рязанское городище 17, 22, 31, 44, 46, 47, 86, 95, 98, 124, 125, 149, 246, 260, 263, 277, 292, 303, 316, 318
Старо-Чернеевское селище 245
Старое Киркино, с. 231
Старое Мещерское городище 86
Старый Донков, г. 231, 232
Старший Кужендеевский могильник 116
Столбище, городище 65
Столпянское городище 86, 87, 196
Столпянское селище 284
Стрешнево, с. 232
Ступинский район 133
Сувар, г. 92, 327
Судогодский уезд 118, 136, 137
Суздаль, г. 10, 94, 245, 279, 310, 335, 343, 348, 351, 352, 356
Суздальская земля 67, 237, 339, 342, 343, 348—352, 355, 356, 359
Сумбулово, д. 301, 302
Сумбуловское городище 56, 64
Суоми, народ 31
Сура, р. 144

Табол, р. 311

Тавриз, город в Персии 305
Таманский полуостров, 102
Тамань, г. 158
Тамбов, г. 93
Тамбовская обл. 121
Тамбовские могильники 71
Танаид, см. Дон
Тарусский уезд 91
Тверь, г. 321
Темгеневское городище 147
Тереховское городище 86, 87
Терюшевский район 115
Тешилов, г. 11, 145, 249, 342
Тира, г. 112
Тихая Сосна, р. 145
Тлюстенхабель, аул 335
Тмутаракань, г. 102, 333—336
Толпинское городище 147, 231, 232, 234, 266
Толпинское селище 284
Томниковский могильник 20
Тополи, с. 82
Торческ, г. 145
Троице-Пеленицкое городище 19, 40, 47—49, 51, 54, 66, 72, 74, 79, 273
Троице-Пеленицы, с. 47
Тростна, р. 354
Трубеж, р. 34, 139, 154, 157, 162, 164—166, 197, 322, 324, 332
Тула, г. 11, 92, 249, 309
Тульская обл. 70, 115, 126, 144
Тырница, р. 249
Тырнова Слобода, с. 20, 130

Ужальевское селище 152
Ужеск Вожское городище 195
Унжа, р. 119—148
Упа, р. 80, 93, 95, 256
Урвановский могильник 20
Уртаба, см. Артания
Урюпеск, г. 146
Усторонь, д. 302, 316
Уфа, р. 80, 126, 256, 306, 310

Федоровское селище 238
Федякино, с. 92
Федяшево, с. 93
Федяшевское городище 80
Фефелов Бор, дюна 92

Хазарский каганат 95, 98, 123, 203
Хазары, народ 16, 96, 104, 107, 122, 258, 307
Харьинские курганы 21, 130
Харьинский хутор 21
Херсонес, г. 324, 339
Хитровка, д. 92
Хопер, р. 145, 312

Хорезм 88, 89, 305, 326
Хоросан, обл. к юго-востоку от Каспийского моря 326
Хоросанское море, см. Каспийское море
Хупта, р. 311

Центрально-Промышленная область 148
Цна, р. 28, 30, 116, 120, 130, 149, 197, 244, 245, 268

Чарус, с. 120
Червленный Яр, р. 13, 144
Черемушки, с. 135
Чернигов, г. 10, 13, 102, 134, 139, 249, 251, 256, 309, 327, 330, 334—337, 339, 341—344, 348, 352, 353, 357—359
Черниговская земля 128, 144, 192, 193, 337
Черниговское княжество 146, 206, 254, 333, 335, 336, 349, 350, 352
Черное море 88, 102, 306, 310
Чертово (Елшинское) городище 31, 57, 58, 64, 69, 74, 86
Чинур, р. 120
Чудские могильники 156
Чур-Михайлов (Чуры-Михайлово), см. Кир-Михайлов
Чучковский район 74

Шаньково, д. 47, 80
Шатрищенский могильник 20, 77, 78, 69, 110, 111
Шатрищенское городище 19, 49—52, 66, 74, 79, 86, 152
Шатрищенское селище 152, 154
Шахово, с. 93
Шацк, г. 30, 296
Шацкая засека 149
Шацкий район 116, 121
Шексна, р. 95
Шемаха-Кала, городище 326
Шилов, г. 145
Шипино, г. 145
Шишевский лес 249
Шишкинское городище 56, 64
Шумош, с. 86, 93, 162, 273, 318

Щигрово, д. 298, 302, 313

Эрдзяния 103, 108

Юракино, с. 232
Юракинское городище 86, 232, 234
Юракинское селище 231, 232
Юшковское городище 86

Ярославль, г. 22, 95, 275, 279
Ярославская обл. 70
Яуза, р. 288

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

I. Введение. Общие замечания. Хронологические границы исследования 6

II. Письменные источники. Вопросы реконструкции Рязанской летописи. Рязанские известия в Никоновской летописи. Характеристика рязанского летописания. Акты. Повесть о разорении Рязани Батыем. Муромские легенды. Известия иностранцев 9

III. Археологические исследования Рязанской земли. Регистрация памятников и описание их в XIX в. Деятельность Рязанской ученой архивной комиссии. Городецкие городища. Рязанские могильники. Курганы. Раскопки Старой Рязани. Раскопки других городищ и селищ 17

IV. Исторические исследования и библиография. Работы Т. Воздвиженского и Д. Тихомирова. Исследование Д. Иловайского. Другие работы по истории Рязанского княжества. Библиография Рязанского края 23

ДРЕВНЕЕ НАСЕЛЕНИЕ РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛИ И ВОПРОС О СЛАВЯНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

V. Краткий обзор естественно-географических районов Рязанской земли. Вопрос о реконструкции древнего ландшафта 28

VI. Городища городецкой культуры. Общая характеристика. Городецкое городище. Конищевское городище. Льговское городище. Новоселковское городище. Вышгородское городище. Городище Вуколов Бугор. Луховицкое I (Палецкое) городище. Никитинское городище. Старо-Рязанское городище. Борисо-Глебское городище. Алпатьевское городище. Чертово (Елшинское) городище. Казарское городище 31

VII. Некоторые итоги изучения городецкой культуры в районе среднего течения р. Оки. Укрепления. Жилища. Занятия населения. Селища с «рогожной» керамикой. Вопрос о связи городецких городищ с рязанскими могильниками. Датировка могильников. Поселения, современные рязанским могильникам 64

VIII. Вопрос о раннем проникновении славян на Среднюю Оку (I—IV вв. н. э.). Связи населения бассейна р. Оки с салтовской культурой. Арцыбашевское погребение. Железницкий клад 78

IX. Славянские поселения в бассейне р. Оки. Селища и городища IX—XI вв. 85

X. Торговый путь по р. Оке. Значение торговли на раннем этапе славянской колонизации. Клады и отдельные находки восточных монет в Рязанской земле. Торговые пути из Рязанской земли в VIII—XI вв. Связи с Востоком 87

XI. Восточные источники о населении бассейна р. Оки. Вопрос о «трех центрах древней Руси» и его состояние в современной науке. Географические данные об Артании. Русы на р. Оке. Свидетельство Ибн-Фадлана. Деление восточных славян на три части. Взгляды А. А. Шахматова на образование русских диалектов. Вятичи на Дону и на Оке 98

XII. Славянская колонизация и местное население. Этническая принадлежность населения, оставившего городецкие городища и рязанские могильники. Мордва, мурома и мещера. Мещерские древности. Два колонизационных потока — кривичи и вятичи. Судьба населения боршевских городищ. Доказательства колонизации вятичами бассейна среднего течения р. Оки: обряд погребения, керамика, жилища, височные кольца, данные письменных источников. Граница между вятичами и кривичами. Данные диалектологии для реконструкции областей расселения вятичей и кривичей. Взаимоотношения славян и древнего населения Рязанской земли 115

СЛАВЯНСКИЕ ГОРОДИЩА, СЕЛИЩА И КУРГАНЫ РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛИ

XIII. Предварительные замечания. Типы поселений. Городища и селища. Проблема установления тождества летописных «городов» и городищ, известных археологам 142

XIV. Границы Рязанского княжества. Сведения Никоновской летописи. Список «русских городов» 143

XV. Классификация рязанских городищ. Вопрос о классификации рязанских селищ. Демографические данные 146

XVI. Поселения на Оке. Район Старой Рязани. Старо-Рязанское городище. Новый Ольгов городок. Исады. Облачинская дюна. Добрый Сот. Другие селища вблизи Старой Рязани 149

XVII. Поселения в районе Переяславля-Рязанского. Борковское селище. Дубровичское и Алекановское селища. Переяславль-Рязанский. Письменные источники. Случайные находки. Археологические исследования. Льговское городище и селище. Рубцовские курганы. Новоселковское городище. Вопрос о местоположении г. Ольгова. Дятловское городище. Вышгородское городище. Вопрос о местонахождении г. Борисова-Глебова. Глебово городище. Романово-Борисо-Глебское городище. Борисо-Глебское I славянское селище. Казарское городище. Казарские селища. Кораблинское селище. Раменское селище. Поленское селище. Дядьковское селище 154

XVIII. Поселения на Проне. Пронск. Письменные источники. Археологические исследования. Жилища. Гора Гневна. Пронские курганы. Белгород. Лубянское городище. Город Ижеславец. Ижеславльское городище. Жокинское городище. Лихаревское городище. Город Михайлов. Южные города. Дубок. Селища в районе южнее р. Прони 206

XIX. Северо-запад Рязанской земли. Ростиславль. Коломна. Селища и городища в районе Коломны. Зарайск. Перевитск. Палецкие (Аксеновские) курганы. Зарайские и Осовские курганы 235

XX. Север и восток Рязанской земли. Мещерский район. Селища в районе Касимова. Селища на Цне. Копоново. Кадом. Муром 244

XXI. Основные выводы. Процесс развития городов. Материальная культура деревни 249

РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ В X—XIII вв.

XXII. Вятичская колонизация. Уровень культуры вятичей. Независимость вятичей 254

XXIII. Сельское хозяйство и промыслы. Земледелие. Находки плужных лемехов, кос, серпов, мотыг. Изучение зерен злаков. Скотоводство. Остеологические данные. Сообщения иностранцев о богатстве Рязанской земли. Промыслы. Бортничество. Охота. Рыболовство 257

XXIV. Ремесла. Металлургия и кузнечное дело. Гончарное дело. Классификация рязанской керамики. Вопрос о клеймах на сосудах. Обработка дерева. Прочие ремесла. Прядение и ткачество. Сапожное производство. Меднолитейное дело. Ювелирное дело 268

XXV. Торговля. Торговые пути. Клады денежных слитков. Денежное обращение. Свидетельство Абу Хамида ал-Гарнати. Рязанские пломбы. Привозная керамика. Другие объекты импорта. Вопрос о торговле с булгарами 305

XXVI. Возникновение феодальных отношений в Муромо-Рязанской земле. Вопрос о колонизации северо-восточных земель в XII в. Первые князья в Муромо-Рязанской земле 329

XXVII. Внешнеполитические факторы рязанской истории. Половецкая опасность. Борьба с булгарами. Взаимоотношения с Ростово-Суздальским княжеством 337

XXVIII. Общественные отношения в Рязанской земле в XII—XIII вв. Рязанское боярство. Высшие должностные лица. Распад княжества на уделы 344

XXIX. Политическая история Рязанской земли во второй половине XII в.— начале XIII в. Взаимоотношения с Владимиро-Суздальским княжеством. События 1174—1176 гг. во Владимиро-Суздальской земле и участие в них рязанских феодалов. Первая война Всеволода III с Рязанью (1177—1178 гг.). Вторая война Всеволода III с Рязанью (1180 г.). Третья война Всеволода III с Рязанью (1186 г.). Подчинение Рязанского княжества Владимиро-Суздальскому. Отделение рязанской епархии от черниговской и политическое значение этого акта. Четвертая война Всеволода III с Рязанью (1207—1208 гг.). Восстановление независимости Рязанского княжества при наследниках Всеволода III . . 347

XXX. Рязанское княжество накануне монгольского завоевания. Нашествие монголов и его последствия 355

XXXI. Заключение. Важнейшие выводы исследования 360

ПРИЛОЖЕНИЯ

В. И. Цалкин. Новые данные для истории животноводства и охоты в Рязанской земле 362

Список сокращений 377

Список иллюстраций 378

Указатель имен 383

Указатель географических названий 390

А. Л. Монгайт

Рязанская Земля

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

*

Редактор Издательства *Л. В. Артишевская*. Оформление художника *Н. А. Седельникова*
Технический редактор *Т. А. Прусакова*

Карты по материалам автора составлены *А. С. Амальриком*

*

РИСО АН СССР № 70—91. Сдано в набор 29/XII 1959 г. Подписано к печати 9/VII 1960 г. Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 25 л.+7 вкл.=34,25+7 вкл. Уч.-изд. 34,5+1,5 вкл. Тираж 2000 экз. Т-06532. Изд. № 4089. Тип. зак. № 97.

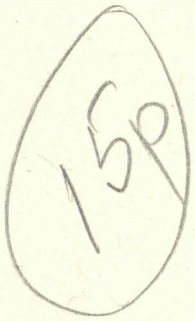
Цена 2 р. 35 к.

*

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР. Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

57=



Цена 2 р. 25 к.